

Альберт Кривченко

ВЫБИРАЮ ДЕРЕВНЮ НА ЖИТЕЛЬСТВО

*О прошлом и сегодняшнем дне
села российского*

*Публицистическое исследование
в двух томах*

Том I

Благовещенск
2015

ББК 63.3(2)-21
К 82

Кривченко А. А.
К 82 Выбираю деревню на жительство / А. А. Кривченко. В 2-х
томах. Том I. – Благовещенск, 2015. – 583 стр.

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры
Российской Федерации и Союза российских писателей

© Кривченко А. А.

От автора

Когда писались первые строки этой книги, на дворе стоял юбилейный 2007-й год. Юбилей, правда, был не очень круглый, но зато чрезвычайно важный – 2 января исполнилось 15 лет экономической реформе в России. На уровне государства его не отмечали, но всё же нашлись инициативные люди, которые взялись за перо, чтобы поговорить на эту тему в средствах массовой информации.

Действительно, 15 лет для любого человека срок немалый, а для страны – это три пятилетки. В СССР за такой отрезок истории порой даже чудеса совершались. Вспомним весну сорок пятого, когда самая густонаселенная часть страны лежала в руинах, а остальная территория, отдавшая все силы фронту, была обескровлена. Такого разорения, какое принесла Советскому Союзу Вторая мировая война, наверное, не переживала ни одна страна в мире.

Однако народ под руководством партии большевиков во главе с товарищем Сталиным быстро справился с разрухой. За первую послевоенную пятилетку (1946-1950 гг.) были полностью восстановлены разрушенные войной западные районы страны, достигнут довоенный уровень в промышленности и сельском хозяйстве. А за три пятилетки (1946-1960 гг.) национальный доход страны по сравнению с мирным 1940 годом возрос в 3,6 раза, СССР лишил монополии США на обладание ядерным оружием, первым в мире запустил искусственный спутник земли и подготовил запуск первого космического аппарата с человеком на борту, который состоялся уже в апреле 1961 года!

И всё это за 15 лет! Вот и теперь, то есть в 2007 году, начали подбивать бабки пятинадцатилетия реформ. А подбивать оказалось нечего. Особенно в сельском хозяйстве. Одна из важнейших, если не сказать самая важная отрасль экономики – аграрная за это время не только не продвинулась вперед, но и оказалась отброшенной далеко назад, утратила те позиции, которые занимала прежде. Руководители страны вспоминали о ней от

случая к случаю, публичные политики – вообще лишь в период выборных кампаний. Ученые за 15 лет не выдали ни одного серьёзного исследования по проблемам реформы на селе. Не стали публиковать даже официальные отчёты о социально-экономическом положении деревни. Что до средств массовой информации, то они, словно по чьей-то команде, повернулись спиной к обожаемым ими прежде полям и фермам и принялись дружно освещать убийства, аварии, природные катаклизмы, другие подобные ужасы. В результате, как минимум три четверти населения, не связанные с сельским хозяйством, оказались в неведении – существует ли вообще российская деревня или страну кормит заграница?

Вот и захотелось поведать миру, что жива наша матушка-деревня, жива! Мы с женой видели это собственными глазами, так как за десять лет до того переехали сюда жить. Однако всё происходящее в сельской глубинке говорило о том, что дни старушки скорее всего сочтены. Ведь в год нашего переезда на подворьях местных сельчан насчитывалось 44 головы крупного рогатого скота (общественного хозяйства здесь и тогда уже не было), а к 2007 году и частное стадо исчезло – пасти стало некого. Ни гусяного гоготания, ни петушиной переключки по утрам – ничего этого теперь не прослушивалось. А ведь село Новинка – не какая-то невообразимая глухомань, от неё до областного центра всего 45 километров по асфальтированной трассе.

В общем, как ни печально, а начинать книгу о сегодняшней деревне пришлось в минорном ключе. И другого настроения явно не предвиделось. Но не зря великий Пушкин, работая над «Евгением Онегиным», говорил, что ничего не может поделывать со своими героями – они ведут себя независимо, не так, как задумал автор, а как считают нужным. Нечто подобное произошло и сейчас: едва появившись на страницах этой книги, герои увели автора от нынешнего разбитого корыта в недалёкое колхозно-совхозное прошлое, а потом ещё дальше – в период коллективизации. И сразу обнаружилось, что мы об этом периоде очень мало знаем.

Захотелось узнать, в чем же классики марксизма-ленинизма видели преимущества коллективных хозяйств перед

крестьянскими единоличными, а по-европейски – фермерскими, которые многие века кормили человечество. Ведь должны же были они обосновать свою точку зрения, прежде чем предлагать её общественности. Пришлось искать ответ в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а когда и там его не оказалось, то в трудах их предшественников – коммунистов-утопистов. Однако и у них ответа не было.

Чем дальше в лес, тем больше дров – стали появляться новые и новые вопросы. Например, почему большевики люто ненавидели Столыпина, который хотел сделать то, что не сделала реформа 1861 года, освободившая крестьян от крепостной зависимости, а именно – дать каждому мужику землю? Ведь и сами марксисты-ленинцы вроде бы стремились к тому же, провозгласив лозунг: «Землю тем, кто её обрабатывает».

А многие ли сегодня в России знают, когда и как появилось у нас крепостное право? В советских учебниках, по которым обучалось старшее и среднее поколение, в том числе и нынешние преподаватели истории, об этом говорится туманно и неопределенно. Пришлось обратиться к фундаментальным трудам великих русских историков Карамзина, Костомарова, Ключевского, которые привели автора в Средневековье. А дальше, чтобы понять, почему все сельскохозяйственные угодья на Руси оказались в собственности у знати и ни клочка – у простых мужиков, понадобилось даже углубиться в древность, вплоть до славянских племен.

Словом, мои герои заставили отказаться от первоначального замысла – рассказать только о сегодняшней российской деревне. Вернее, не отказаться, а расширить границы повествования до тысячи с лишним лет. То есть охватить всю историю нашего многострадального крестьянства, которую можно восстановить по различным источникам.

Возвращаясь обратно – из древности к средневековью и нашему времени, обратил внимание на то, что история России и история её деревни – это фактически одно и то же. Ведь в течение целого тысячелетия в стране преобладало сельское население – даже в начале XIX века горожане составляли лишь 3 процента от общего числа россиян. Деревня всегда достойно кор-

мила нашу державу, её армию и флот. Без опоры на неё – матушку русские князья, цари и императоры не смогли бы проводить свою самостоятельную, независимую политику на мировой арене. А когда требовалось защищать родную землю, пахари становились основой войска российского.

«Выбираю деревню на жительство» – вовсе не об авторе книги, хотя её название вроде говорит об этом. Она – обо всех, кто был и остается верен деревне. За время последней «реформы» историческая колыбель и кормилица нашего народа понесла большие потери, но сохранила главное – лучших сынов и дочерей своих. Простые мужики и бабы, испокон веков называемые «солью земли», поднимали деревню с колен в куда более трудные времена. А сейчас ведь не татаро-монгольское иго страна переживает?

Кстати, некоторые современные ученые, да не какие-нибудь кандидаты наук, а академики, ещё и вооруженные новейшими методами анализа, утверждают, что татаро-монгольского ига на Руси никогда не было. Это, мол, инсинуации придворных историков с целью обосновать легитимность династии Романовых. В этом и во многих других поворотах истории тоже надо разобраться.

Разобраться основательно, чтобы не плутать впотьмах по сегодняшним лабиринтам бытия. Потому что в далеком, равно как и в недавнем прошлом есть ответы на многие вопросы современного нам мира.

А теперь обо всем по порядку...

Часть I. ОТ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ДО СТОЛЫПИНА

БОЛЬШОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Наша планета, творение Господа, увы, не слишком богата райскими кущами. Есть на ней места обетованные, словно специально созданные, чтобы жил там человек в постоянной благодати. Но не всем народам их хватило. Больше мест суровых, неласковых: то песчаные знойные пустыни, где и былинке трудно выжить, то сплошь каменная твердь, тоже почти не родящая ничего живого, то бескрайние просторы «белого безмолвия», над которыми полгода висит полярная ночь.

Племенам славян при делёжке мест обитания спервоначалу вроде бы повезло. Райских кущ, правда, не досталось, но земля в центре Европы была доброй: и злаки хорошо произрастали, и зверя в лесах водилось довольно, и водоемы кишели рыбой. Солнышка, дождичка, снега – всего было в аккурат.

Назвать точные границы расселения древних славян историки сегодня не могут: видимо некому было в стародавние времена зафиксировать эти границы. Не оставили таких сведений и великие древнеримские историки – Плиний Старший (I век н.э.) и Тацит (II век н.э.), хотя в своих трудах они и пишут о данном народе. Поэтому даже в серьёзных современных исследованиях, основанных на ранних исторических источниках, присутствуют многочисленные оговорки типа «по всей видимости», «лишь с приблизительной точностью», «с определенной степенью вероятности» и т.д.

В мировой историографии вообще много белых пятен, до конца не выясненного и не объяснённого. Особенно это отно-

сится к хронологии древних событий, на которой зиждется каркас всего исторического здания. Оно и понятно: ведь единой хронологической службы, которая скрупулезно фиксировала бы всё происходящее после сотворения мира, никогда не существовало. А летописцы разных стран и народов, отражая предшествующие их времени события, часто пользовались лишь устными преданиями и легендами, за точность и хронологию которых не может поручиться никто. Кроме того, многие исходили из летоисчислений своих соплеменников, отличавшихся от всех других.

Специалисты насчитали в древних сочинениях аж 200 разных дат сотворения мира. Если брать самую раннюю и самую позднюю, то они отстоят друг от друга на 2100 лет. Поэтому привязанные к ним одни и те же события мировой истории в разных источниках датируются разным временем. При этом каждый автор считал свою дату единственно правильной. Один из них, архиепископ Джеймс Ашер, надо полагать, человек просвещённый, даже утверждал, что мир был создан утром в воскресенье 23 октября 4004 года до нашей эры и никак не в другое время. По версии архиепископа выходило, что мира ещё не было, а воскресенье уже было! Однако на чём основано это утверждение, он, подобно другим летописцам, не разъяснил.

Многие казусы в исторической хронологии были замечены ещё несколько столетий назад. Поэтому в XVI-XVII веках наиболее продвинутые историки принялись приводить своё цифровое хозяйство в порядок. Но и сегодня в этой научной сфере вольготно чувствуют себя всевозможные правдоборцы и опровергатели, при этом нередко дело доходит до абсурда. Так, совсем недавно, в середине 90-х годов XX столетия, наш соотечественник, учёный-математик из МГУ А.Т. Фоменко с помощью разработанного им нового метода математического анализа поставил под сомнение даже дату рождения Христа. По его утверждению, Иисус Христос родился не тогда, когда мы привыкли считать, а... на одиннадцать веков позднее. Стало быть, в первом тысячелетии новой эры, достаточно полно описанном историками, христианства на земле не могло быть.

Много хронологических и иных ошибок, если верить сообщениям СМИ, математик из МГУ нашёл и в российской истории, особенно в её до романовском периоде. Более того, он пришёл к выводу, что эти ошибки были преднамеренными, а вся доромановская история Руси – фальсифицированной «на государственном уровне, чтобы скрыть подлинную историю Российского государства и его роль в европейской и мировой истории».

Никаких доказательств обоснованности этого открытия Фоменко, кроме ссылки на использование им нового метода математического анализа, общественности тогда представлено не было. Поэтому одни встретили сие сообщение в штыки, другие посчитали бредом, не достойным внимания. И в течение десяти лет о сенсации никто в стране не вспоминал.

Но вот в 2004 году вышла книга полковника запаса, бывшего профессора одного из институтов бывшего КГБ СССР А.Г. Смирнова «В поисках истоков Руси». И едва ли не половина повествования в ней отведена «открытию» теперь уже академика А.Т. Фоменко. Написать и подготовить к печати этот «новаторский» труд, как сказано в начале книги, автору помогли «академик нескольких академий России и зарубежья, профессор Виктор Алексеенко, профессор Валерия Крыкова и кандидат философских наук Олег Щербаков». Компания, как видим, солидная. В отличие от газетчиков, у неё было достаточно печатной площади, чтобы донести до читателя идеи Фоменко в полном объеме, со всеми доказательствами. И вот что «донесли» до нас ученые.

«В XIII-XVIII веках после всеобщей смуты в древней Ромейской (Византийской) империи, об истории которой достоверных сведений практически не сохранилось, империя восстанавливается на новом уровне и с новым центром. Теперь это – Великая «Монгольская», она же Российская цивилизация. Более точно её можно назвать Русско-Ординской империей, от слова «орда». Оказалось, что орда – это древнее русское слово, означающее крупное воинское соединение. В доромановские времена русские вооруженные силы подразделялись на орды (а мы-то думали: на дружины и полки – *А.К.*). В дошедших до нас ино-

странных источниках эта империя известна как «Монгольская», то есть как «Великая». Центром империи была Владимиро-Суздальская Русь. Отсюда в XVI веке началось завоевание мира».

С ума сойти можно!.. Каким же образом установили сей неожиданный факт наши господа академики? Ведь уважаемая наука математика, как известно, оперирует исключительно цифрами – складывает их, вычитает, умножает, делит, извлекает корни, возводит в степень, решает различные уравнения и т.д. Но как ни умножай, ни дели, на выходе всё равно получатся цифры, во много раз увеличенные или уменьшенные. А тут что – компьютер выдал целую научную монографию по истории, претендующую на то, чтобы произвести переворот в другой, ещё более древней и не менее уважаемой науке? Возможно ли такое? Ни автор книги, ни создатель нового метода математического анализа этого не объясняют.

Но тогда объяснили бы, на каком языке слово «монгольская» означает «великая»? У монголов понятие «великий» звучит совершенно иначе. Вспомним: в начале XIII века их хан Тимучин завоевал Китай вплоть до Пекина и многие другие земли, и его после этого стали называть Чингисханом, что означало «Великий хан». Улавливаете разницу? Вот мы до сих пор и считали, что орды Чингисхана и Батые называют монгольскими не потому, что они огромные, а из-за того, что они вышли из Монголии и основу их составляют монголы. А выходит, компьютер г-на Фоменко нас поправил? На самом деле то была ВЕЛИКАЯ русская армия, вышедшая из «Владими́ро-Сузда́льской Руси», так что ли?

А дальше экс-профессор КГБ сообщает ещё более интересную информацию:

«В ходе «монгольского» завоевания, которое было в основном славянским, точнее славяно-тюркским, империя распространила свою власть на огромные территории Евразии, включая Китай, Индию, Иран, Ирак, Турцию, Западную Европу, Египет... Знать и дворянство Европы в то время в значительной степени состояло из завоевателей – славян, пришедших сюда в XIII-XVI веках. Некоторые области Западной Европы имели

значительное славянское население... Современное население Германии в значительной степени состоит из потомков славян-завоевателей XIII-XVI веков. Когда-то они говорили по-славянски, но сегодня говорят на другом языке».

«Стоп! – возмущенно воскликнет дотошный читатель. – Вы только что утверждали, будто завоевание мира из Владимиро-Суздальской Руси началось в XVI веке. Но теперь оказывается, что славяне-поработители были на Западе Европы уже в XIII веке. Как это понимать?» Вопрос резонный. Однако я и сам хотел бы задать его авторам книги. Тем более, что «Владими́ро-Суздальской Руси» никогда не существовало. Было в древности такое княжество, но к XVI веку, когда якобы отсюда началось завоевание славянами мира, и оно прекратило существование – стало составной частью единого русского государства с центром в Москве.

Но читаем дальше.

«Татаро-монгольское иго было просто периодом военного управления в русском государстве, – пишет Смирнов. – Никакие чужеземцы Русь не завоевывали... Пресловутая «дань татарам»... была просто государственным налогом... Так называемые «татарские набеги»... были всего лишь карательными экспедициями в те русские земли, которые отказывались платить государственную подать. Регулярные войска наказывали гражданских бунтовщиков».

Много чего ещё сообщают в своей книге г-н Смирнов и К°. В конце концов, утверждают они, с могущественной Русско-Ординской империей, владевшей практически всем миром, произошло то же самое, что и со всеми остальными империями – она распалась. Не в результате нашествия более сильных завоевателей (таковых в мире тогда не было), а по причине внутренней политической борьбы. Кончилось всё тем, что... «власть на Руси захватила... прозападная династия Романовых... Новая власть с точки зрения прежней русско-ординской истории была незаконной... Поэтому Романовым потребовалось в корне изменить освещение предшествующей истории. Надо отдать им должное – данная миссия была выполнена грамотно».

Вот, оказывается, с какой целью придумано татаро-монгольское иго – чтобы придать законность царям Романовым! Но тогда почему открытая математиком Фоменко с помощью его метода Русско-Ординская империя, вобравшая в себя многие страны, не зафиксирована в зарубежных источниках? И тут всё просто. Дело в том, разъясняют авторы книги, что «составление фальсифицированной... истории фактически было межгосударственной программой». То есть чтобы доказать неизвестно кому законность династии Романовых, принялись фальсифицировать прошлое своих стран историки Франции, Германии, Англии, Италии и т.д. Раз Романовы были прозападной династией, Запад и решил ей помочь, даже пойдя на такую огромную жертву, как фальсификация своей истории.

Но спрашивается: как «придуманное» фальсификаторами татаро-монгольское иго могло придать законность царям Романовым, если эти исторические явления существовали в разные периоды и друг с другом не соприкасались. И потом, почему о многовековом порабощении своих народов русскими не упоминают летописцы Китая, Индии, Ирана, Ирака, Египта? Нафига им это скрывать? Почему не рассказать, как здорово эти народы боролись против завоевателей-славян? Ответы на такие вопросы, увы, авторы не дают.

Зато припасено у них ещё кое-что из ряда вон выходящее. Оказалось, что Смирнов и К° точно знают, откуда пошла русская земля и где истоки древней Руси! Другие историки сомневаются, не решаются назвать точные границы древнерусского государства. А вот математик из МГУ это вычислил с помощью своего метода. И даже установил, кто были предки славян. После выхода книги Смирнова и ежу стало понятно: восточные славяне, они же русские, не кто иные как потомки легендарных атлантов.

Да, да, именно так. Когда погибла загадочная Атлантида, «часть атлантов, которые назывались росами, ушли в восточные районы Европы, где обосновались на берегу небольшой реки, которую назвали по имени своего народа Рось. Местность, в которой поселились росы, называлась русской землей, Росью... В

конце тысячелетия нашей эры государство, которое сложилось на земле росов, стало официально называться Русью».

Вот такие страсти кипят порой на перекрестках исторической науки. Любопытно, что шпаги на этих перекрестках скрепляют не профессиональные историки, которым сам бог велел бы поспорить, а люди, далёкие от этой профессии. Они очень энергичны, проникают на страницы газет, имеющих самые большие тиражи. И опровергают не только уже известные факты истории, а и новые «теории» друг друга. При этом, чем меньше аргументов у спорящих, тем больше страстей. И тем подробнее описывают они наше далекое прошлое.

Вот и экс-профессору КГБ нанес удар такой исследователь – не историк, не лингвист или этнограф, а сотрудник института биологии РАН, доктор биологических наук Андрей Лучник. Он считает, что к происхождению слова «Русь» не имеют никакого отношения ни атланты, ни приток Днепра – река Рось. А переводить слово «Русь» на современный язык следует так – «Страна рек». Сия страна в древности занимала почти всю Евразию (Лучник точно указывает границы), на её территории жили племена, объединённые в союз на основе общих экономических интересов. У них было общее отечество, которое они успешно защищали совместными усилиями. Эти племена первыми в мире оседлали боевых коней и научились строить корабли, после чего тогда же, в древности, начали осваивать новые территории в Европе, Азии и других регионах. «Древние цивилизации великих рек – Нила, Тигра, Евфрата, Хуанхэ и др. были организованы выходцами из Страны рек» – утверждает А. Лучник.

Просто поражаешься, сколько всего из истории человеческих цивилизаций знает этот доктор биологических наук! Но и ему хочется задать несколько вопросов. Например, он уверяет, что многочисленные племена в древней Евразии объединяли в союз реки, без которых, мол, такой союз был бы невозможен. Однако достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть: все эти реки текут либо с севера на юг, либо с юга на север, лишь Амур течёт с запада на восток, пересекая незначительную часть территории гигантской страны. А как же люди преодолевали рас-

стояния во много сотен километров между реками, если, как утверждает сам же биолог, «удаление от реки пешком на расстояние 5-10 километров грозило верной гибелью»? И потом печенег и половцы, по утверждению биолога, это те же славяне? Тогда почему эти тюркские племена вплоть до XIII века н.э. совершали набеги на Русь?

Ладно, Фоменко, Лучник и их помощники-консультанты хоть и не являются историками, но всё же они – ученые, которым за обычай вступать в дискуссии, опровергать и предлагать что-то своё. Однако в последнее время взяли за горло старушку-историографию и люди, далёкие не только от этой самой старушки, но и от науки вообще.

Недавно в Интернете была выложена, например, книга такого правдборца – В. Белинского «Страна Моксель или открытие Великороссии», в которой даётся новая версия происхождения русских и украинцев.

Автор родился на Украине, где много русских, а, окончив Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта, был направлен работать в Казахстан, где русских тоже изрядно. Уйдя на пенсию, он вернулся в Киев и вскоре решил, основываясь на собственном опыте, ответить на запутанный историками вопрос: откуда взялись эти два народа – русские и украинцы?

Как и подобает хорошему прорабу, автор не стал ни в чём убеждать своих читателей, а выдал им сразу готовые истины. Как на планерке – подчинённым. Труды великих русских историков Н. Карамзина, С. Соловьёва и других об общих корнях украинцев и русских он враз отверг как насквозь лживые. На самом деле, заявил бывший мостостроитель, русские люди никогда не имели общих корней с украинцами, которые являются прямыми и единственными потомками восточных славян. А сами русские – всего лишь помесь финнов, татар, монголов, карелов, чуди и ещё десятка мелких племен.

Этим русским присуща вопиющая жестокость, подчёркивает автор. Они присоединяли к себе земли разбойным путем, силой оружия покоряли жившие там народы и племена, изгоняли их с родной земли, навязывали им свою веру и религию. Ди-

настия Романовых присвоила России историю Киевской Руси, задавила украинский народ, загнала его в жестокое рабство – крепостничество.

После этого она назвала русских «великороссами», а украинцев – «малороссами». «За малейшее отступление от этого официоза, – заключает Белинский, – людей казнили, уничтожали, лишали «живота», ссылали в ссылки». То есть назвал человека себя не малороссом, как велит государство, а гордым именем «украинец» – голова долой.

И наконец: «История русской империи построена на унижении и презрении к коренным народам и племенам... Московская власть и русское государство должны принести покаяние сотни лет целенаправленно уничтожаемым народам: латышам, литовцам, украинцам, татарам, казахам, узбекам, калмыкам, чеченцам и всем другим».

Вот к какому выводу пришел бравый мостостроитель, исходя, надо полагать, исключительно из своего жизненного опыта, то есть из того, что видел собственными глазами. Но как тогда быть с цифрами, которые с точностью до одной десятой процента показывают уровень реального отношения «имперской» власти к так называемым «покоренным народам». Эти цифры говорят о том, что в советское время, например, власть обеспечивала окраинным республикам (вроде как завоеванным и нещадно эксплуатируемым) более высокий жизненный уровень, чем в самой Российской Федерации. Приведу данные за последний полный год существования СССР перед его распадом.

Потреблено ВВП на душу населения в 1990 году в республиках, названных Белинским (в долларах США): Латвия – 26,6 тыс. долл., Литва – 23,3 тыс. долл., Украина – 13,3 тыс. долл., Казахстан – 17,7 тыс. долл., Узбекистан – 17,4 тыс. долл. При этом каждая из республик производила ВВП на душу населения значительно меньше, чем потребляла. А у России всё было наоборот: в 1990 году она произвела ВВП на душу населения на 17,5 тыс. долл. (самый высокий показатель в СССР), а потребила на 11,8 тыс. долл. (предпоследнее место по потреблению).

Эти данные в советское время были засекречены, чтобы не шокировать русских, но сейчас историки извлекли их на свет Божий. Опровергнуть их никто не может, а некоторые учёные добавили к ним ещё кое-что интересное.

В общем после всего сказанного нам ничего не остаётся, как держаться подальше от новоявленных Геродотов и Плиниев типа Фоменко, Лучника и Белинского и следовать совету великого русского историка Николая Михайловича Карамзина не «принимать вероятности за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников».

Сам Карамзин не допускает никаких натяжек в толковании тех или иных исторических событий. Так, он считал доказанным, что в середине первого тысячелетия новой эры славяне жили в центральной Европе, поскольку византийские летописи утверждают, что в 495 году, например, они «дружелюбно пропустили через свои земли немцев-гурулов, разбитых на территории Венгрии». Однако поскольку в тех же летописях информация не позволяет с точностью определить границы обитания славянских племен, Карамзин очерчивает эти границы очень общо: «народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря».

Другие серьёзные исследователи также считают, что в первом тысячелетии н.э. славяне были крупнейшей группой родственных по происхождению народов, живших в Центральной Европе однородной этнической массой. Во времена Великой Римской империи (I век – IV век н.э.) они не имели ни военной, ни политической организации и делились лишь на племена и рода. Большинство историков сходится и в том, что земли их в это время лежали к северу и западу от Карпат, занимая значительную часть Средне-Европейской равнины по рекам Висла и Одер, а также, видимо, северные Судеты. Западными и южными соседями у них были готы, а на севере – литовцы. Стало быть, славянам достались территории, где теперь расположены частично Германия, Чехия, Словакия и Польша.

Римская империя обеспечивала в Европе какую-то стабильность. Но вот в IV веке н.э. сюда из Азии вторглись гунны,

которые нанесли мощные удары по римским владениям, быстро уничтожили готские королевства и вторглись на территорию славян. Начался процесс изгнания коренных европейцев с насиженных мест, вошедший в мировую историю как Великое переселение народов.

Вскоре, однако, государственное образование гуннов распалось. Но ему на смену пришли ещё более жестокие азиатские кочевники, осевшие в долине Дуная и образовавшие там в VI веке могущественный Аварский каганат. Отсюда авары начали совершать постоянные частые набеги на Византию, франков, германцев и славян.

Под ударами их конницы славянские племена вынуждены были уходить всё дальше на восток – к Карпатам и в прибалтийские леса. Но одновременно они начали создавать и свой военный союз. В VI веке у них уже появилась армия, объединившаяся под знаменами вождя самого крупного племени дулебов. Первые же столкновения с неприятелем показали её силу, стойкость и бесстрашие воинов. Аварский хан даже пригласил несколько славянских дружин к себе на службу, что в те времена практиковалось часто.

«Итак, мы застаем восточных славян на Карпатах в VI веке н.э., – пишет в своих «Лекциях по истории России» известный русский ученый В.О. Ключевский. – Продолжительная война... завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое... Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI веке на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат».

В том же VI веке в зарубежных источниках появляются первые сведения о жизни, нравах и быте восточных славян. Они весьма любопытны. Византийские историки постоянно подчёркивают несхожесть славян с соседними народами, нередко восхищаются заложенными в славянах природными качествами. Вот какой групповой портрет наших предков того времени, основанный на зарубежных источниках, получился под пером Н.М. Карамзина.

«Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою сырою пищею; удивляли греков своею быстротою; с чрезвычайной легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и глубокие реки. Думая без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде, являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественность, приятность лица. Загорая от ярких лучей солнца, они казались смуглыми, и все без исключения были русые, подобные другим коренным европейцам. Сие изображение славян и антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке».

«Чрезвычайная отважность славян была столь известна, – продолжает далее Карамзин, – что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска... Византийские историки пишут, что славяне сверх их необыкновенной храбрости, имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятеля мгновенными нападениями... Они умели ещё долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды».

Кроме исключительных физических данных славян, европейцы отмечали и их высокие моральные качества. Карамзин приводит высказывания древних летописцев о том, что славяне «не знали ни лукавства, ни злости, хранили древнюю простоту нравов, неизвестную тогдашним грекам: обходились с пленниками дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю либо выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве».

И далее: «Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благоговением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца... Славяне, вы-

ходя из дому, оставляли дверь отворенную и пищу оставляли для странника».

Обратили внимание западные летописцы и на славянских женщин. В их адрес тоже высказано много похвальных слов. Они, как и мужчины, легко переносили суровые условия жизни, были неистощимы в работе, умели хранить очаг и даже защитить его от врага. И, что совсем удивительно, «славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году греки нашли между убитыми славянами многие женские трупы».

Немалое восхищение вызывали у греков взаимоотношения между славянскими мужчинами и женщинами. У этих людей очень ценились семейные узы, причём их всеми силами поддерживали обе стороны. Карамзин пишет: «Древние писатели хвалят целомудрие не только жён, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую обязанность быть верными супругам».

На все эти похвальные качества славянского тела и души древние европейские летописцы обратили внимание не случайно. Для римлян, греков, германцев эти качества были в диковинку. Горячие южане с трудом понимали, например, как можно, находясь на стороне, сохранить верность женам? Или зачем взятого в бою врага, который является твоим рабом, считать равным себе – вроде родного брата. Может быть, тогда и появилось у европейцев желание разобраться в загадочной славянской, а затем и русской душе? А мы-то сегодня удивляемся, откуда это повелось?

НА НОВОМ МЕСТЕ

И исчез этот народ с благодатных просторов Центральной Европы. Остались о нём лишь отдельные сведения в летописях некоторых государств, упоминания в записях путешественников, да, может быть, какие-то мотивы в местном народном эпосе. А самого народа не стало.

К этому привело настоящее вселенское побоище, устроенное в середине первого тысячелетия в центре Европы сначала гуннами, а потом аvaraми. Даже могучая римская империя закачалась от их ударов, другие же народы и вовсе начали уходить с насиженных мест. Славяне поначалу держались стойко, устояли даже против полчищ грозного царя гуннов Аттилы. А вот многочисленные опустошительные набеги аvaraов и их заставили отступить. Уходили они медленно – со всем домашним скарбом, орудиями труда, рабочим скотом. Останавливались на годы и даже десятилетия, а потом под новыми ударами кочевников снова шли и шли на восток. И так – в течение трех веков. Уже и Аварский каганат перестал существовать, прекратилась варварская резня в центре Европы, но какая-то необъяснимая сила продолжала тянуть восточных славян в неведомый край, словно чувствовали они, что именно там их судьба, их великое будущее, уготованное им провидением.

Почти три века – с VI-го по IX-й – потребовалось этому народу, чтобы полностью переселиться за Карпатские горы и прибалтийские болотистые леса, почти на самый край Восточной Европы. Не огнём и мечом завоевывали они себе жизненное пространство – селились лишь на свободных, никем не занятых местах. Встречались им и оседлые аборигены, но и при этом не было никаких столкновений. «Русские переселенцы не вторгались в край... крупными массами, – пишет выдающийся историк В.О. Ключевский, – а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая... промежутки, какие оставались между разбросанными среди болот и лесов... поселками». Правда, кочевники-степняки преграждали путь на свои пастбища, однако славянские вожди и не посягали на их территорию.

Переселение осуществлялось двумя путями – северным и южным. Южный вёл через Карпатские горы в обширную степь с тучными чернозёмами, давно ожидавшими пахаря. Условия для жизни здесь были не хуже, чем в центральной Европе. И климатом, и количеством солнечных дней, и плодородием почвы – всем эта земля манила к себе переселенцев. К тому же здесь было много незанятых мест, простиравшихся до самого Дона –

реки, которую древние греки называли границей между Европой и Азией.

Очень скоро, однако, выяснилось, что земля здесь не такая уж «не занятая». Каждую весну сюда с востока приходили кочевники со своими стадами, кибитками, шатрами, чтобы до осени пасти скот. Иногда они даже переходили за Дон и устремлялись к Днепру. При этом, как писал В. Ключевский: «кочевая Азия... слабо чувствовала, что она попадала в Европу». Пришлось славянам ограничиться той территорией, которую позволили им заселить восточные соседи. Здесь, на берегу Днепра и основали они город Киев, ставший со временем центром Киевской Руси.

Второй поток переселенцев двигался северным путем – через болотистые леса в огромную дикую страну, лежащую восточнее Балтийского моря. Здесь условия для жизни были несравненно суровее, чем на родине славян. По левую руку, если идти на восход солнца, тянулись нескончаемые, едва проходимые леса из огромных сосен и лиственниц, которые где-то далеко-далеко, у неведомого полярного круга, по рассказам аборигенов, переходили в тундру, покрытую мхами и лишайниками. Дремучие леса простирались и на восток. К югу хвойные породы чередовались с лиственными – лес был смешанный. Ещё южнее проходила полоска лесостепи, испещрённая многочисленными истоками рек, озёрами и болотами. Здесь переселенцы и остановились.

Пригодной для обработки земли в этих местах было очень мало, а песчаные и глинистые участки, свободные от лесных зарослей, не слишком годились для хорошего урожая. К тому же суровые зимы с лютыми морозами и глубокими снегами продолжались достаточно долго, за время короткого лета дожди перепадали скудно и не вовремя. Не случайно соседние литовские и финские племена кормились главным образом за счёт лесного промысла и рыболовства, хлебопашество у них практически отсутствовало, а если и встречалось, то лишь как подспорье к основному занятию.

Однако, казалось бы, вопреки здравому смыслу, будущие русичи занялись здесь именно земледелием: принялись корче-

вать под пашню лес и кустарник, осушать поймы рек и низины вокруг болот. А поскольку подзолистые почвы требовали значительно больше усилий на обработку, пришлось усовершенствовать орудия труда.

Это было долгое и изнурительное занятие, вытягивающее из мужиков все жилы. Одновременно с раскорчёвкой лесных зарослей, осушением низин, другими земляными работами надо было ещё и кормиться – охотой, рыбной ловлей, сбором грибов и ягод, а также добывать шкуры и меха, чтобы справиться одежду. Многие, не выдержав непосильной нагрузки, ложились навечно в свежую пахоту.

Но в целом борьба за выживание не надорвала, а лишь ещё больше закалила будущих северных русичей. Тут-то и пригодились им такие природные качества, давно подмеченные прежними соседями, как твёрдость духа, отсутствие страха перед физическими страданиями, умение терпеть боль, невероятное упорство в достижении цели. А ещё Богом данная уникальная смекалка.

Прикинули мужики: если даже не брать в расчёт раскорчёвку кустарников и осушение низин, а заниматься только обычными сельхозработами – землю вспахать, зерно посеять, сена накосить, урожай убрать, то и тогда из-за короткого лета надо трудиться с удвоенной силой. В центральной Европе, где лето длинное, у семьи силенок хватало на всё, а здесь рук постоянно недоставало. Где же их взять? Женщины начали больше рожать, а семьи – численно быстро расти. Через два-три поколения под одной крышей жили уже не только отец с матерью и их растущие дети, но и выросшие сыновья с женами, а также куча внуков. Такая семья уже способна была горы свернуть. Всё шире становилась её пашня, полнее закрома. Наступило время, когда и в этом дремучем крае стали засеивать столько же земли на душу населения, сколько в остальной, давно обжитой Европе. И урожаи получать такие же: каждое посеянное весной зерно осенью возвращалось тремя. Этого у всех народов тогда считалось достаточным, чтобы нормально кормиться.

К IX-му веку переселение славян из Центральной Европы в Восточную в основном завершилось. Вслед за этим, в IX-м

веке, произошло ещё одно не менее важное для славянских племен событие – они объединились в единое государство, получившее название Киевская Русь. То было огромное государственное образование, владения которого простирались от Черного моря до северных рек, впадавших в Ледовитый океан, и от Карпатских гор до западных предгорий Урала. Здесь один за одним появлялись города: Новгород (в русских летописях упоминается с 859 г.), Киев (с 860 г.), Смоленск (с 863 г.), Псков (с 902 г.), Чернигов (с 907 г.), Владимир-Волынский (с 988 г.) и др. После образования в IX-м веке Киевской Руси все славяне, населявшие её пространство (поляне, древляне, дулебы, кривичи и др.), стали называть себя русскими.

К сожалению, начальный период нашей древней истории, как, впрочем, и время расцвета славянских племён в Центральной Европе, до сих пор в значительной степени остается «белым пятном». Летописцы Киевской Руси начали фиксировать происходившие в ней события лишь во второй половине XI века, поэтому о том времени мы имеем достаточно полное представление. А вот «о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X вв., – пишет выдающийся историк Н. Костомаров, – за исключением немногих греческих известий, летописцы не имели других источников, кроме устных народных преданий, которые по свойству своему подвергались вымыслам и изменению».

По этой причине мы сейчас и не можем получить ответы на многие вопросы. Прежде всего, на такой: почему многочисленный славянский народ, расселённый по огромной территории, вдруг начал именовать себя «русским», хотя в его составе не было племени с таким названием? Не могла же дать ему название небольшая, местного значения, река Рось, даже если она была названа так до прихода сюда славян. Жители северных земель – новгородцы, псковичи, смоляне, суздальцы и другие знали крупные судоходные реки Днепр, Дон, Днестр, Волхов, а о Роси, скорее всего, многие и не слышали. С чего бы они так гордились своим названием «русские», если бы это название по чьей-то прихоти произошло от ничем не прославившей себя речушки?

И всё-таки в первых русских летописях имеются сведения о начальной истории Киевской Руси, которые современные историки признают достоверными. Эти сведения дают нам возможность составить представление о том, что происходило тогда со славянами на новом месте обитания. Н. Костомаров пишет, ссылаясь на ранние источники, что в первое время, несмотря на возникновение городов, славянские племена на новом месте продолжали жить разрозненно. Связь их со столицей заключалась лишь в том, что они платили Киевским великим князьям добровольную подать. Однако уже в X веке влияние Киева на окраины возрастает. Всё государство тогда делилось на земли, центром каждой земли был город. Поселения вокруг Смоленска, например, назывались Смоленской землей, вокруг Чернигова – Черниговской и т.д. Эти «земли» кормили город, а город, его князь и дружина защищали своё сельское население от внешних врагов. Иная земля Киевской Руси не уступала по размеру целому государству центральной или западной Европы.

Достоверно известно, что в X веке Киеву подчинялись не только окрестные земли, но и северные, прилегавшие к Неве, Волхову, верховьям Волги, Оке, Луге, Двине и др. Отовсюду в столицу стекались подати. Неудивительно, что город сильно разбогател и вырос численно. Отсюда вниз по Днепру уходили караваны купеческих судов с товарами для продажи и обмена в черноморских и средиземноморских портах. Несмотря на удаленность от центральной и западной Европы, Киевская Русь установила самые тесные торговые связи со многими европейскими странами, особенно с Византией.

Другой торговый маршрут пролегал по Балтийскому морю. Здесь центром торговли стал Новгород. Этот город тоже быстро разросся и ни в чем не уступал Киеву. Его купцы возили свои товары аж в Готландию, как называли тогда государство, находившееся на территории нынешних Бельгии, Дании, Голландии и Люксембурга. Удобные речные пути использовали для международной торговли и другие города.

Историки однозначно называют Киевскую Русь европейской страной. Позднее остальных государств Европы вступив на цивилизованный путь развития, она быстро сокращала своё от-

ставание от них. Особенно большое влияние на русичей оказывала Византия. Бывая там, они не только продавали и покупали товары, но и знакомились с культурой. Киевский великий князь Владимир, правивший Русью с 980 г. по 1015 г., даже крестился в Византии и женился на дочери Византийского императора Константина Мономаха. В 988 году он крестил в Днепре и своих земляков, после чего христианство быстро распространилось по всей Киевской Руси. Как в самом Киеве, так и в других городах начали строить храмы, для чего князья приглашали византийских зодчих.

После принятия христианства в стране открываются первые школы для детей. Народ поначалу это новшество встретил в штыки, посему внедрять просвещение Владимиру пришлось силой. Вот как оценивает эту его деятельность Н.Костомаров.

«В Киеве и других городах [он] приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси в каких-нибудь лет двадцать возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в котором находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские... Летописец говорит, что «матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых».

В этот период могущественных врагов, подобных гуннам и аварам, у Руси не было. Правда, те кочевники, с которыми столкнулись ещё первые славянские переселенцы, хазары и печенеги, теперь совершали набеги на окраинные русские поселения с целью грабежа, но они получали достойный отпор.

После смерти Владимира (в 1015 г.) дело отца продолжил его сын Ярослав. Он тоже заботился о распространении школ, по всем землям собирал тех людей, которые учились при Владимире, поручая им переводить греческие книги. Постепенно в Киеве образовалась большая библиотека. Но главная заслуга Ярослава – при нём на Руси впервые был принят единый обязательный для всех земель свод законов, получивший название

«Русская правда», и начала функционировать цивилизованная судебная система, ещё больше приблизившая Русь к европейским странам. В этот период закладываются важнейшие принципы государственного и общественного устройства, которые будут служить России многие века.

«Русская правда» разделила всё население на два крупных сословия: служилых или «княжих» мужей и неслужилых или «простых» людей. Слово «простых» применительно к гражданам, между прочим, употребляется и сейчас, когда хотят подчеркнуть принадлежность человека к обычным людям, ничем не выделяющимся из основной массы населения.

Служилые или князьи мужи относились к высшему сословию. Одни из них входили в дружину князя, другие занимали должности при его дворе, третьи – в органах государственного управления. Эти люди постоянно числились на государственной службе, за что получали от государства, то есть от князя, определённую плату и различные привилегии.

Наиболее ценной платой за службу считалась земля. Князья передавали её своим приближенным в виде вотчин (от слова «отец», поскольку земля переходила от отца к сыну) с правом частной собственности. Этим людям стали называть боярами. Слово «боярин» поначалу означало не высшие чины служилых людей, а принадлежность человека к числу привилегированных землевладельцев. Такие частные собственники, обладатели крупных вотчин, появляются на Руси уже в XI в.

Второе сословие – неслужилые или простые люди относились к низшему слою общества. Эти граждане были свободными, ни от кого не зависели и лишь платили государству, то есть князю, подать – на содержание двора, государственного аппарата и дружины. Перед государством все члены низшего сословия – и очень богатые и совсем бедные – были одинаково равны. Власть не интересовало, чем человек занимается – ремёслами, торговлей, пашет ли землю или имеет транспортные корабли, извозные дома. Для неё было главным, чтобы он исправно платил налоги.

Кроме этих двух крупных сословий была ещё одна группа людей – не такая многочисленная и официально сословием не

являющаяся. В. Ключевский с оговорками всё же выделяет её в отдельную категорию. А входили в эту группу холопы.

У современных россиян слово «холоп» ассоциируется со словом «крепостной». В литературе XIX века между ними действительно не просматривается большой разницы. Но так было не всегда. Холопы появились на Руси на несколько веков раньше, чем крепостные крестьяне. Холопами обычно становились пленённые в боях воины неприятеля, не способные откупиться от плена, а также всевозможные тати – воры и прочие преступники.

В «Русской правде» было подробно расписано, как следует обращаться с татями. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве, – говорилось в законе, – а кто продержит его связанным до света, тот обязан идти с ним на княжеский двор. За убиение татя связанного виноватый платит 12 гривен».

Если же с рассветом татя привели к князю, то над ним вершился суд. Наказание зависело от вины подсудимого. За воровство коня бедолага лишался всех прав, вольностей и собственности. За кражу хлеба, имущества, козы, овцы, свиньи, коровы, теленка, даже бобра – полагалось заплатить штраф. Часть денег шла пострадавшему, а часть князю. Если осуждённый не мог заплатить штраф, он становился холопом, поступал в полную собственность истца.

Предусматривался и вариант, когда воровство совершил человек, уже являвшийся чьим-то холопом. Тогда его хозяин либо сам платил штраф, либо выдавал татя «с головой» (но без жены и детей). В этом случае холоп переходил в собственность князя.

Как и любой другой собственностью, хозяин мог распоряжаться холопом по своему усмотрению. Мог продать, а мог убить его, и тогда суд отказывался рассматривать это дело. Если кто-то убил чужого холопа, то это считалось равносильно порче чужой вещи. С убившего брали только «пропажу» в пользу князя и «урок» в пользу хозяина холопа.

Уже тогда судьи были как бы двух инстанций. Как правило, иски рассматривал сам князь, который и выносил приговор. Но только в том случае, если дело представлялось совершенно

ясным. Если же ответчик продолжал запереться, полностью отвергал обвинение истца, то иск рассматривал выборный суд, состоящий из 12 человек. Вот почему в судах присяжных у нас сейчас тоже 12 лиц.

Как уже говорилось, холопов было немного – кому же хотелось ради украденной лошади или коровы попадать в полную кабалу? У хозяина они выполняли различные работы на усадьбе, обслуживали господскую семью. Но в XI-XII вв. на Руси начинает быстро расти число собственников земли, так как князья предпочитают рассчитываться вотчинами со своими приближенными, военачальниками и чиновниками за службу. Последние сажают часть своих холопов на землю, снабжают их инвентарем и рабочим скотом, заставляют заниматься земледелием. Холоп поднимается в цене, в «Русскую правду» вносятся поправки, которые запрещают его убавить.

Однако крупным землевладельцам рабочих рук не хватало, чтобы расширить своё хозяйство. Знатные вотчинники старались нанять как можно больше работников из числа горожан. Их тоже наделяют инвентарем, рабочим скотом, хозяин выдает ссуду на обустройство. За это наёмный работник должен был в течение года выполнять для хозяина условленный объём работ, полностью вернуть ему долг, а также заплатить в казну подать. Однако недобросовестные горожане нередко пытались скрыться от хозяина, не рассчитавшись. Таких по суду тоже обращали в холопов.

В результате число холопов, которых теперь хоть и не убивали, но которые попали в полную зависимость от собственников земли, становилось всё больше. Однако это был достаточно цивилизованный способ закрепощения. Простой и понятный всем, он ни у кого не вызывал протеста. Ведь человек попал в кабалу по своей вине, заранее зная, какое наказание ему грозит в случае совершения преступления. Это наказание хоть и было суровым, но считалось справедливым.

И всё же, несмотря на растущее число холопов, не они кормили Киевскую Русь. Главными земледельцами были свободные люди из того многочисленного сословия, которое не служило князю, а лишь платило государству подать. Они стано-

вились ремесленниками, торговцами, нанимались в услужение к состоятельным гражданам, но больше всего их шло в крестьяне. Крестьянского сословия тогда ещё не было, свободный человек становился крестьянином лишь на то время, когда он держал в руках соху и пахал чужую землю. Однако осенью он мог забросить это дело, рассчитаться с владельцем земли и уйти в промысловики, ремесленники, строители и др. А мог и дальше крестьянствовать. Землевладелец был заинтересован удерживать работников, поэтому создавал для них и их семей приемлемые условия. В результате производительность труда у свободных крестьян была несравненно выше, чем у подневольных холопов.

К этому времени складываются и внутренние устои большой крестьянской семьи, вырабатываются семейные традиции. Мы уже говорили, что, оказавшись в северной лесостепной полосе, трудно поддающейся освоению, славянские крестьянки стали больше рожать. Особенно приветствовалось, когда появлялось много мальчиков: став взрослыми, они не только оставались при родителях, но и приводили в дом жён – молодых, сильных работниц. У такой многочисленной семьи сил хватало на всё, но ею надо было управлять.

Главой семьи считался отец, называемый «большаком», он пользовался у домочадцев непререкаемым авторитетом и неограниченной властью. Младшие не могли ему даже перечить, не то чтобы в чём-то не подчиниться. За малейшую провинность или нерадиво выполненную работу «большак» мог сечь членов семьи розгами. Понятно, что при таких порядках проблем с «трудовой дисциплиной» не было.

Когда отец становился немощным, власть в семье переходила к старшему сыну. Такова была традиция, которая нарушалась лишь в исключительных случаях. Если старший сын не обладал качествами «большака», то на семейном собрании проводились выборы. В результате «большаком» становился другой сын – более умный, расторопный и способный к управлению. Такая демократическая процедура никогда не давала осечки, поэтому производственным процессом в русских крестьянских семьях всегда руководили люди, говоря современным языком, компетентные и высокопрофессиональные.

А вот в бытовых взаимоотношениях между членами огромной семьи случались сложности. Ведь и сейчас, несмотря на более высокую культуру, грамотность и цивилизованность общества, тоже трудно бывает ужиться под одной крышей несколькими родственным супружеским парам. Между ними, особенно в женской половине, нередко возникают склоки, ссоры и даже откровенная вражда. Нетрудно представить, что происходило в то время, когда вынуждены были вместе жить пять-шесть невесток с кучей ребятишек.

Однако экономические соображения брали верх – большие семьи оставались устойчивыми в течение многих столетий. Складывавшиеся в них нормы и правила поведения, взаимоотношения между отцами и детьми, невестками, золовками и др. позднее войдут в средневековый свод семейных законов, получивший название «Домострой».

В общем, не сразу, не вдруг – постепенно обжились-таки восточные славяне на новых землях, пообвыклись, попритерлись к местным невздам и почувствовали себя крепким народом. Ко многим уникальным качествам, дарованным им природой, прибавились и новые, тоже нигде не встречавшиеся. Вот какие вновь приобретённые свойства подметил в них, например, Василий Ключевский:

«Уверен великоросс, – пишет он, – что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать споро, лихорадочно и скоро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдется такой привычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии».

Если продолжить мысль великого историка, то к сказанному следует, видимо, добавить, что такое же «чрезмерное напряжение своих сил» великоросс мог развить и в военном походе, и в сражении, где это особенно необходимо. Такое бесценное качество поможет ему и в дальнейшем, когда на Русь падут великие военные испытания. Их русскому народу придется пережить очень много. Но пока, в период расцвета Киевской Руси (X – первая половина XI вв.), больших сражений у неё не было. Может быть, поэтому, постепенно и незаметно, русские люди начали «обрастать жирком».

Летописец Нестор, живший как раз в это время и закончивший свою летопись в 1106 году, обратил внимание на то, что всё больше населения при таком сытом времяпрепровождении впадает в грех. В 1061-1064 гг. он зафиксировал в своих письменах зловещие знамения: река Волхов пять дней текла не вниз, а вверх; кровавая звезда целую неделю являлась на западе; солнце утратило своё обыкновенное сияние и всходило без лучей, подобно месяцу; киевские рыболовы извлекли из Днепра в неводе какое-то мертвое чудовище.

«Небо правосудно! – предупреждал Нестор. – Оно наказывает россиян за их беззакония. Мы именуемся христианами, а живём, как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, а в домах трубы, гусли и скоморохи».

И небесная кара за такой «безбожный» образ жизни обрушилась на людей. В летописи за 1092 год говорится: «От беспрестанных, неслыханных жаров везде иссохли поля, и леса в болотистых местах сами собой воспламенялись к ужасу сельских жителей; голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях, и в одном Киеве умерло от 14 ноября до 1 февраля 7000 человек... Народ стонал, государь был в унынии, половцы грабили; на обеих сторонах Днепра дымились села, обращённые в пепел самыми жестокими варварами, ... [которые] нигде, кажется, не находили сопротивления».

В 1128 году страшный голод случился уже в северных землях. Вокруг Новгорода, самого богатого города, читаем в другой летописи, «от ужасного холода вымерзли озимые, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и

земледельцы весной увидели на полях вместо земли одну грязь. Правительство не имело запасов... Народ кормился мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовою корою, мхом... Изнуренные голодом люди скитались как привидения, падали мёртвые на дорогах, улицах и площадях. Новгород казался обширным кладбищем... отцы и матеря отдавали детей купцам иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитание в странах отдаленных. Новгород опустел, однако, войско его через год уже разбило неприятелей, торговля цвела по-прежнему, купеческие суда ходили в Готландию и Данию».

БРАТСКАЯ МЕЖДОУСОБИЦА

К счастью, двумя крупномасштабными природными катаклизмами «правосудное небо» и ограничилось – о других подобных «жарах» и голодоморах в летописях того времени не сообщается. Но, как подчёркивал Н. Костомаров, Киевской Руси словно самой судьбой было уготовано принять ещё не одно страдание за свое бытие. Считается, что если Господь захочет кого-то наказать, то прежде всего отнимет у него рассудок. Вот и на Русь обрушились внутренние беды из-за безрассудства местных князей.

Даже среди самых просвещённых из них, сделавших очень много для укрепления своей страны, нередко встречались и такие, которые вели себя, как теперь говорят, неадекватно. Например, Новгородский князь Владимир, будущий креститель Руси, сел на великое княжение в Киеве, убив своего брата Ярополка, который прежде расправился с их общим братом Олегом. Правда, после крещения, он уже руководствовался христианской моралью и не допускал себе ничего подобного.

Но по смерти Владимира между его сыновьями в уже крещёной Руси начался ещё больший раздор. Одним из зачинщиков этой усобицы, как ни покажется странным, стал Ярослав, впоследствии названный Мудрым. Ему на княжение достался Новгород, откуда начинал восхождение к вершинам власти его отец. Ярославу надлежало платить Киевскому двору ежегодную

подать в размере 2 тысячи гривен, что для богатого Новгорода было необременительно. Однако, строптивый сын вскоре выпрягся. Владимиру донесли, что новгородский князь не только присваивает себе эти две тысячи гривен, но и высказывается непочтительно в адрес отца.

Шибко взыграло сердце у Киевского великого князя от такой вести, велел он собирать войско, чтобы примерно наказать зарвавшегося сына. Однако, когда дружина уже была готова к походу, Владимир неожиданно умер. В Киеве тут же разыгралась трагедия: один из братьев Ярослава – Святополк нанял убийц, которым поручил уничтожить своих младших братьев – Бориса и Глеба. Дело в том, что многочисленные дети Владимира были рождены от разных жён, а поскольку Борис и Глеб являлись сыновьями греческой царевны Анны, то они имели большее право на великое княжение, несмотря на самый молодой возраст. Устранив двух главных соперников, Святополк убрал и ещё одного – Святослава, после чего подкупил киевскую знать и был провозглашен великим князем.

До Новгорода эти новости дошли одновременно – и о том, что против Ярослава из Киева собирается выступить огромное войско, и что великий князь Владимир умер, и что Святополк получил великое княжение вероломством, убив сразу трех своих и Ярославовых братьев. Тут уж взыграло сердце у Ярослава. Собрал он новгородское вече и обратился за поддержкой к народу. Почесав в затылках, народ вынес решение: помощь против Святополка оказать, но когда Ярослав сядет на великое княжение, пусть даст Новгороду льготы. На том обе стороны и целовали крест.

Летом следующего 1016 года, 40-тысячное войско под началом Ярослава отправилось на юг, к Киеву. Обе рати – новгородская и киевская – шли навстречу друг другу по противоположным берегам Днепра и сблизились недалеко от Любича. Чтобы начать сражение, одна из них должна была переправиться через водную преграду на глазах у неприятеля, а на это никто не решался. Три месяца войска стояли друг против друга, ратники перекидывались через Днепр ругательствами, оскорблениями, насмешками. Если бы здесь оказался чужестранец, он при-

шел бы в недоумение: кто же с кем собрался воевать? Дружины ничем не отличались друг от друга – имели одинаковые доспехи, одно и то же оружие, говорили на одном языке!

Наконец, Ярослав взял инициативу на себя. В одну из ночей, когда после хорошей попойки киевляне спали, он переправил своих воинов через Днепр. А чтобы в темноте они могли отличить «своих» от «чужих», приказал повязать всем на головы белые платки. Киевляне спросонок долго не могли понять – какие это бабы на них напали и почему они так умело дерутся? И пока они удивлялись, «бабы» в белых платках продолжали свое дело и одолели врага. Так Ярослав стал великим князем Киевской Руси. Правда, для этого пришлось усмирить ещё двух братьев. Зато потом он правил успешно в течение почти сорока лет. В 1037 году он ещё и наголову разгромил подступившее к Киеву огромное полчище печенегов, и они не решались больше беспокоить Русь.

Все земли Киевского государства беспрекословно подчинялись сильной руке Ярослава, никто из его многочисленных сыновей и племянников, княживших в разных городах, не осмеливался даже перечить великому князю. Но вот, в 1054 году, Ярослав Мудрый умер, и между князьями начался ещё больший раздор, чем когда-либо прежде. Брат шел на брата, сын на отца, отец на сына.

Н. Костомаров дает этому следующее объяснение. «Не было ни правил размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица княжеского рода на княжение... В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее ввиду распространить право посаженных сыновей на их потомство... Понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, главное – сыновей, если они у него были, и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла остановить князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права не существовало».

Но ведь у восточных славян были и неписанные правила. Как мы помним, иностранцев восхищали их высокие моральные

качества, например, отношение к пленным, которым хозяева предлагали жить в их семье на правах брата. Куда же теперь эти качества подевались? Историки на сей вопрос не отвечают, поэтому рискну высказать собственное предположение.

Дело в том, что в летописях точно не установлено, какой национальности был основатель династии великих киевских князей Рюрик. Есть сведения, что он был первоначально приглашен в Новгород на княжение из варягов. Если это так, то его потомки – Владимир, Ярослав Мудрый, дети и внуки Ярослава, тоже не являлись славянами. Это объясняет, почему князья в Киевской Руси вели себя не так, как было принято у восточных славян, а поступали столь жестоко даже по отношению к своим родным братьям. Понятно, что такой же жестокости они требовали и от своих дружин. Что же касается большей части русско-го населения, то она вовсе не утратила похвальных духовных качеств своих предков – восточных славян. Их высокая мораль особенно долго сохранялась в российской деревне. Даже сегодня можно встретить людей, которые расскажут, что и в XX веке в тех местах России, где они родились, в сёлах существовал старославянский обычай – уходя из дому, оставлять незапертой дверь. А в малозаселенных районах – ещё и оставлять пищу для случайного путника.

С каждым новым поколением князей становилось намного больше, а свободных городов, куда бы можно было посадить на княжение, все меньше, поэтому иным отпрыскам княжеского рода вообще не доставалось никаких уделов. Немало было случаев, когда такие обиженные князья, возмужав, объединялись и сами завоёвывали себе право на княжение. Что ни год – лилась кровь новых князей, их слуг, холопов, ратников, землепашцев, от междоусобных столкновений страдали города и поселения.

К счастью, в течение тридцати лет эти братоубийственные сражения не усугублялись набегами печенегов, как прежде. Как пишет Н. Костомаров, «этот народ после разгрома Ярославом Мудрым ассимилировался с русскими, его люди даже пополнили дружины русских князей. Но вот в 1068 году, в самое неподходящее время, с востока пришли более сильные и организованные кочевники – половцы, вместе с которыми были и хазары.

Они сразу разбили несколько русских дружин, занятых выяснением междоусобных отношений. К счастью, вскоре над Киевской Русью всходит звезда нового выдающегося князя, которому суждено будет сыграть значительную роль в исторических событиях второй половины XI века – первой четверти XII века – Владимира Мономаха.

Внук Ярослава Мудрого – Владимир – был рядовым князем, посаженным сначала в Смоленске, а потом ещё одновременно и в Чернигове. Он получил три имени: светское – Владимир, церковное – Василий, а ещё к нему крепко прикрепились и стало третьим именем прозвище Мономах, так как бабушка его, жена Ярослава Анна, приходилась дочкой Византийскому императору Константину Мономаху. В то время было поверье, что, если у человека окажется три имени, то его ждёт великое будущее.

Во Владимире Мономахе счастливо сочетались большая государственная мудрость с бесстрашием воина и холодной расчётливостью полководца. С первых дней княжения в Смоленске главным его занятием стало мирить враждующих родичей, а то и укрощать их с помощью военной силы. А тут ещё половцы начали грабить страну то в одном, то в другом месте. Хуже всего, что некоторые русские князья сами нанимали этих кочевников, чтобы с их помощью захватить землю родственника-соседа.

Владимир несколько раз договаривался с половцами о мире, те обещали оставить его земли в покое, но договор неизменно нарушали. У этого многочисленного кочевого народа словно смысл самой жизни заключался лишь в том, чтобы воевать и грабить. Бывало даже, что какой-то русский князь женился на половецкой княжне, однако любящий тесть вскоре шёл войной на любимого зятя, особенно, если другой русский князь ему хорошо за это заплатил. Все попытки Мономаха уговорить братьев объединиться и дать врагу дружный отпор заканчивались неудачей.

В 1093 году половцы двинулись на Киев огромным числом, но и тогда объединились лишь три князя, которые были моментально разбиты. Сам Мономах едва не утонул в реке, од-

нако остался жив. Кочевники, одержав ещё одну победу, уже подступили к Киеву, но город брать не стали, а принялись грабить окрестные городки и селения и толпами угонять в плен русских людей. Н. Костомаров приводит следующее свидетельство об этом из древнего источника. «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами, шли они в неволю и говорили руг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведающему всё тайное».

Только через четыре года, в 1097 году, увенчались-таки успехом усилия Мономаха – сумел он собрать в городе Любиче южнорусских князей – да и то не всех – на большой совет. На том совете звучали такие речи:

«Зачем губим мы русскую землю, зачем враждуем между собою?»

«Половцы разоряют землю, они радуются тому, что мы друг с другом воюем».

«Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце, соблюдем свою отчину».

Высказавшись в таком духе, князья целовали крест на том, что все они будут владеть только своими вотчинами и не покушаться на другие, а если кто нарушит клятву, то против него выступят все родственники.

Казалось бы, лад и согласие должны были наступить после этого в русской земле. Но не тут-то было. Не успели князья разъехаться, как один из них оговорил перед Киевским великим князем своего соседа, чью землю он давно хотел прибрать к рукам. По пути с совета домой оговоренного зазвали в Киев и там, на дворе великого князя, ослепили. Пришлось Мономаху снова скликать братьев с дружинами, чтобы разобраться с самим великим князем.

Словом, после первого совета междоусобные войны на юге Руси не ослабли, а усилились. Ещё дважды собирал Мономах южнорусских князей на совет, и только через 10 лет, в 1103 году, удалось ему по-настоящему их объединить. Вот когда Русь показала свою настоящую силу. В течение следующих десяти

лет её объединенные войска несколько раз наголову разбивали половцев, те просили мира, но потом сами же его нарушали и опять были биты. Наконец, у них отпала охота даже приближаться к русским границам.

Все это время слово Мономаха было непререкаемо для русских князей. Его могли бы избрать великим князем, но он сам отказался от этого титула, так как, в соответствии с традицией, больше прав на великое княжение имел его двоюродный брат, старший по возрасту. Владимир не хотел давать князьям ни малейшего повода усомниться в законности его власти, что можно было бы использовать для дальнейшего разжигания междоусобиц. Но когда в 1113 году двоюродный брат умер, Мономаха избрали великим князем без всяких оговорок.

И ещё двенадцать лет, до самой его смерти, на Руси были тишина и спокойствие. Никто больше – ни изнутри, ни извне – не мешал народу устраивать свою жизнь. Не смели тронуть русскую землю и поляки, хотя прежде, в годы больших междоусобиц, они даже доходили до Киева. Русь спокойно пахала землю, торговала, училась, строила дворцы и храмы, новые города. Вместе с тем, её просвещённый правитель заботился и о духовном, нравственном и культурном развитии общества, высоко держал, говоря словами Н. Костомарова, «знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли».

В стране, недалеко ушедшей от варварства, Мономах учит князей, их окружение и народ жить по законам, праву, проповедует общечеловеческие ценности, которые станут господствующими лишь через много веков. При нем быстро совершенствуется законодательство, особенно уголовное, экономическое, семейное, в «Русскую правду» вносятся поправки, ограждающие собственность от произвола князей и бояр, защищающие интересы простых людей, женщин. Вот лишь некоторые из правовых новшеств, внедренных Мономахом.

Пользуясь постоянной занятостью князей междоусобными распрями, многие бояре и прочие землевладельцы чинили безудержный произвол в своих вотчинах. Например, выдав нанятому крестьянину соху, борону и т.д., они потом требовали, чтобы инвентарь оставался в таком же виде, как вначале, хотя

крестьянин им работал. Заявив, что инструмент испорчен, хозяин силою обращал нанятого человека в холопа. Теперь это было строжайше запрещено. Если же порча действительно была или образовался иной долг, а рассчитаться мужику было нечем, то он мог отработать в счет долга, после чего – по-прежнему оставаться свободным человеком. Однако, если должник сбегал, то при поимке его обращали в холопа. Любой крестьянин получал право жаловаться князю или выборному суду на притеснения, оскорбления и т.п. со стороны землевладельца, за что с последнего взыскивался солидный штраф. Это быстро усмиряло барские вольности по отношению к нанятым работникам.

Очень важным было и такое дополнение в закон: замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчинами, её имение было неприкосновенным для мужа, а, если, став вдовой, она больше не вступала в брак, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного супруга. При рассмотрении споров по долгам между состоятельными людьми, когда одна из сторон оказывалась разоренной, суд был обязан учитывать, по какой причине произошло разорение. Если по вине самого должника (пропил, проиграл, проспорил и т.п.), то его имущество продавалось для возмещения долга, а сам он подвергался наказанию, вплоть до самого жестокого. Если же причина была уважительная (пожар, наводнение, пострадал от междоусобицы князей), то долг все же взыскивали, но наказания не чинили.

Помимо законов, Мономах оставил потомкам и письменное завещание, которое он назвал «Поучение своим детям». Излагая для будущих правителей земли русской нравственные и этические нормы поведения, он требует от них быть скромными, не гордиться своим званием, которое дается Богом лишь на время, не позволять войску чинить вред русским селам и жечь их хлеб; лично, не доверяясь своему окружению, принимать и выслушивать каждого человека, у которого есть просьбы или жалобы к князю, заботится о вдовах, сиротах и убогих, защищать слабых от сильных. Кроме того, он призывает своих потомков, а, стало быть, всех князей учиться, постигать накопленные людьми знания и приводит в пример своего отца – Всево-

лода, который, ни разу не побывав в чужих странах, выучил пять чужеземных языков. Этот пример нашего далекого предка служит укором и некоторым сегодняшним правителям, которые нередко и несколько фраз не могут связать без шпаргалки.

После смерти Мономаха, последовавшей 19 мая 1125 года, его сыновья – Мстислав и Ярополк, князя один за другим, свято выполняли заветы отца, и народ их любил. Но вот, в 1143 году, черниговский князь Всеволод сверг третьего сына Мономаха Вячеслава, и снова начались кровавые междоусобицы, имевшие весьма печальные последствия для Киевской Руси. Через три года киевляне, правда, изгнали черниговских князей и избрали своего – одного из мономаховых внуков. Но... теперь в борьбу за великое княжение вступили северные русские земли. Младший сын Мономаха – Юрий Долгорукий, суздальский князь, который считается основателем Москвы, рассудил так, что было бы неплохо ему самому сесть в Киеве.

На Севере в это время жизнь была значительно спокойнее, чем на Юге, княжеские междоусобицы мало коснулись эту часть страны. Здесь, кроме Новгорода и Пскова, процветали города: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Юрьев, Владимир, Москва, Ярославль, Тверь и другие. Сюда, спасаясь от братоубийственных внутренних войн и набегов кочевников, давно уже переселилось много людей с Юга, одни из них пополнили княжеские дружины, другие ремесленничали или торговали в городах, третьи занимались хлебопашеством. Имея больше богатств, чем постоянно разоряющиеся южные князья, их северные родичи ревностно относились к тому, что Киев по-прежнему считался главным русским городом. Юрий Долгорукий стал первым в их среде, кто решил силой оружия устранить эту «несправедливость».

Борьба за великое княжение между дядей и племянником была долгой и кровавой, победил в ней Юрий Долгорукий. Но, пробыв во главе Руси лишь три года, он после пира у одного знатного киевлянина неожиданно умер (видимо, был отравлен), и жители столицы тут же перебили всех суздальцев, пришедших с ним из северных земель.

Этого северяне южанам простить не могли. В начале марта 1169 года к столице Руси подошло огромное ополчение, в которое входили дружины 11 князей. Командовал ими внук Юрия Долгорукого Мстислав. Войско вступило в город со всех сторон, нагнав на его жителей страху. Столица Киевской Руси горела в течение двух дней и была полностью сожжена. «Такое свирепство делается понятным, когда мы вспомним, как двенадцать лет перед тем, киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукого... – пишет Н. Костомаров. – Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобиц, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, поруган и опрамлен от других русских земель...».

С этого времени не стало у Руси столицы. После ухода северного полчища Киев сразу же начал отстраиваться, но теперь у него не было тех богатств, коими он славился прежде. Между князьями снова начались драчки за право посадить на Киевский «стол» своего человека, в результате город постоянно переходил из рук в руки. Южные княжества – Черниговское, Галицкое, Владимиро-Волынское и другие стали существовать самостоятельно, не признавая над собой никакой верховной власти.

А коварная болезнь междоусобиц уже заразила и северные княжества. Те одиннадцать князей, которые участвовали в сожжении Киева, вскоре пошли на другой богатейший город Руси – Новгород, желая подчинить его Владимиро-Суздальской земле, а если говорить точнее, то разграбить его. Перед осадой города дружины делили улицы, договаривались – кому какую грабить. Но не вышло – новгородцы дали решительный отпор. Зато вскоре этим же воинством был разграблен и сожжен другой северный город – Торжок (или Новый торг), второй по богатству город новгородской земли, во многом даже соперничавший с первым.

Между тем, видя разлад в северорусских княжествах, западные соседи тоже решили поживиться легкой добычей. Было бы странно, если бы кто-то из них не воспользовался случаем и упустил эту реальную возможность. Раньше, как уже говори-

лось, на раздираемую междоусобицами южную Русь ходили лишь поляки, теперь к ним присоединились и венгры. Последним приглянулась галичская земля, и они даже посадили в Галиче своего королевича.

Но в периоды смертельной опасности на Руси всегда появлялись люди, способные возглавить защиту отечества. Таким человеком в это время стал праправнук Владимира Мономаха, торопецкий князь Мстислав Удалой. Как и его прапрадед, Мстислав имел вотчину в Смоленской земле, с молодых лет участвовал в междоусобных войнах, отстаивая правду, за свою удаль и воинские способности получил название Удалого. Но потом он вернулся в свою вотчину и долгое время о нем ничего не было слышно. Однако, когда вражда между князьями грозила погубить всю северорусскую землю, Мстислав сам явился в Новгород, был встречен с энтузиазмом и избран новгородским князем.

Призвав ещё несколько близких ему по духу князей, которых тоже тяготили междоусобицы, он вскоре навел порядок во Владимиро-Суздальской земле, при этом побеждал своих противников значительно меньшими силами, чем были у них. Из провинившихся князей Мстислав никого не казнил, наоборот, оставлял им уделы после целования креста на том, что они будут вести себя смирно, заботиться о спокойствии и процветании русской земли. Это сделало его имя ещё более популярным в народе.

Но особенно любим он стал после освобождения от венгров Галицкой земли. Придя туда с войском в 1218 году, Мстислав обнаружил, что венграм помогают поляки – их армия была не менее многочисленна, чем венгерская. Однако отступить было поздно – враг уже двигался навстречу. Мстислав сразу же заметил ошибку в построении войск противника, использовал её и одержал победу. Такую же тактическую хитрость он применил и при взятии самого Углича. Сосредоточив все силы против одних ворот, он вроде бы оставил без внимания остальные стены, а тем временем небольшой отряд русских совершил с другой стороны Галича подкоп, ночью проник через него в город и открыл ворота.

Каких только хвalebных прозвищ не дали после этой победы Мстиславу в народе – и «наш сокол», и «наш свет», говорили, что сам Бог вложил в его руки «меч-кладенец». И то: мало кто в Галицкой земле надеялся, что найдется герой, который сможет одолеть совместную польско-венгерскую силу. Но нашелся-таки, изгнал оккупантов. А кроме того ещё и сумел быстро замирился со своими врагами: вернул венгерскому королю его сына, отпустил других венгров и поляков, взятых в плен. И наконец, породнился с королем кровью – отдал одну из своих дочерей за другого его отпрыска.

Вроде бы успокоилась на Руси смута, воины убрали в чуланы кольчуги, а крестьяне снова взялись за орала. Но недолго так продолжалось – в 1224 году до Галича докатилась весть, что к русским землям из глубин Азии движется несметное войско каких-то таинственных «моголов». Принесли её Мстиславу половецкие ханы. Они рассказали, что «моголы» не только сильны, но и коварны: уже много половецких князей побили обманом, а теперь и русскую землю хотят разорить.

Мстислав послал гонцов во все земли, предлагал князьям съехаться в Киеве, чтобы договориться о совместной защите отечества. Его послушались. Собрались многие князья, которые после долгих споров решили: лучше встретить врага в чужой земле, чем в своей. И в апреле того же 1224 года, как только вскрылись реки, на берегу Днепра собралась огромная рать из посланцев многих земель, но не всех.

Войско «моголов» было действительно неисчислимо и могущественно, но, кроме того, ещё и разношерстно. Оно зародилось в центре Азии, где монгольский хан Темучин собрал под свои знамёна сначала соплеменников, а затем и покорённые им многочисленные племена татар. Вскоре этой объединённой орде покорились обширные территории Китая вплоть до Пекина, богатые среднеазиатские города Бухара, Самарканд, Хива и другие. Темучина стали называть Чингисханом, что означает «великий хан». Продолжив шествие на запад, орда направила часть сил на завоевание Сибири, а другую – к Каспийскому морю, где покорила сначала аланов, потом половцев.

Остановившись перед Половецким валом, разделявшим русскую и половецкую земли, татаро-монголы, похоже, не собирались пока идти на Русь, так как за спиной у них осталась бы не завоёванная Сибирь. Во всяком случае они направили к Днепру послов, которые уговаривали князей не ходить на Чингисхана, потому что он-де не трогал русской земли, а лишь наказал половцев, которые и русским причинили много зла. Взамен послы предлагали войти на половецкую территорию и забрать имущество хозяев. Однако князья уже были предупреждены о татаро-монгольском коварстве, поэтому все же двинулись на Днепр, чтобы сразиться с врагом.

21 мая передовые силы русских под началом Мстислава Удалого, едва углубившись в степь, уже столкнулись со сторожевыми отрядами татар. Рассеяв их, они захватили много скота, но оставили его идущим следом, а сами восемь дней безостановочно шли на восток, не встречая больше неприятеля. Вот тут и сказалося неумение русских князей, привыкшим к междоусобным схваткам, где каждый сам себе голова, воевать большим войском против крупных, подвижных сил противника. Дружины растянулись, потеряли связь между собой, молодые неопытные князья горели желанием отличиться в бою, действуя самостоятельно.

На восьмой день, когда Мстислав с группой князей подошел к реке Калка, он хотел остановиться, подождать основные силы. Однако молодые князья стали убеждать его идти дальше. Храбрости Мстиславу было не занимать, он ещё не проиграл ни одного сражения, при этом не раз разбивал неприятеля, значительно превосходящего его численно. Поколебавшись, Мстислав все же поддался уговорам, войско перешло Калку и снова двинулось на поиски неприятеля.

Татаро-монголы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Такое огромное количество врагов русским ещё не приходилось видеть – несметное полчище закрывало весь горизонт. Небольшим числом ратников, что находились в распоряжении князей, это воинство было не одолеть, но пришлось обнажить мечи. Началась сеча.

Тем временем главные силы русских перешли Калку и, не зная, что делается впереди, расположились на отдых. Вперед

ушел лишь отряд половцев, остальные принялись готовиться к обеду. Но не успели ратники потрапезничать, как через их стан в обратном направлении прокатилась половецкая конница, преследуемая татаро-монголами. Многие в русском лагере были затоптаны половецкими лошадьми, не взявшись за мечи, другие пали под ударами неприятеля.

И все же русская рать оправилась от первого неожиданно удара. Будучи малочисленной по сравнению с чингисхановым войском, не имея опыта крупномасштабных сражений, она, тем не менее, оказала достойное сопротивление хорошо организованному врагу. На каждом отдельном участке русские дружины бились насмерть, одолеть их противнику удавалось лишь ценой огромных потерь, либо коварством. Так, несколько князей густо окружили свои позиции кольями и три дня и три ночи отбивались от напавших бродников (бродниками называли степные племена не татаро-монгольского происхождения). Наконец, предводитель нападавших, человек, похоже, крещёный, целовал крест на том, что в случае сдачи всех русских оставят в живых и лишь возьмут за них выкуп. Ему поверили. Но как только князья и их воины сложили оружие, их тут же перебили.

Одержав эту победу, Чингисхан, к удивлению побеждённых, не пошёл дальше на Киев, а повернул на север и двинулся в Сибирь. Русь получила возможность передохнуть, восстановить силы. Но снова разыгралась алчность у некоторых князей, а вместе с ними и у бояр, опять начались междоусобные стычки. У Мстислава сразу испортились отношения с галичскими боярами, не желавшими ни о чем больше думать, кроме собственной выгоды. Мстислав, как никто другой понимал, что татаро-монголы, одержавшие верх над русскими, не оставят Русь в покое и обязательно вернуться. Он снова пытался умиротворить соседних князей, призывал их готовиться к защите отечества. Видимо, с этой целью он в 1228 году отправился в Киев, все ещё не вернувший себе главенство над Русью. Но по пути в бывшую столицу удалой князь, надежда земли русской, неизвестно от чего умер. Тело его привезли в Киев и там похоронили в церкви святого Креста.

До нового нашествия татаро-монголов оставалось десять лет.

НАШЕСТВИЕ

Четырнадцать лет войско Чингисхана наводило в Западной Сибири свой жестокий порядок и готовилось к долгому и ответственному походу на Русь. После сражения на реке Калке великий хан понял, что одолеть русских можно только ценой больших потерь, поэтому решил не расплывать свои силы на огромных пространствах, а собрать их в единый кулак. Кроме собственно монголов и верных ему татар, он призвал в орду и всех остальных степняков, которым русские уже дали название бродников.

В зиму с 1237 на 1238 год словно чёрная туча накрыла северо-восточную окраину Руси. Земля задрожала от ударов копыт, воздух рвался от мощного лошадиного ржания. По полям, перелескам, руслам замерзших рек, вал за валом катились бесчисленные орды восточных людей. На десятки вёрст растянулись их обозы со снаряжением, запасным оружием, съестными припасами, кибитками для знати, стенобитными орудиями. За боевыми войсками охранные отряды гнали табуны сменных лошадей, стада крупного скота, коз и овец. Замыкало движущуюся лошадиную массу бесчисленное множество пустых телег и саней для перевозки награбленных богатств.

Вел все это воинство и его тыловое обеспечение внук Чингисхана Батый – человек суровый, жестокий, закалённый во многих походах и битвах. Его великая орда была способна идти как угодно далеко, разбить любого по численности и силе неприятеля, пробивать стены самых неприступных городов, а в случае неудачи – сама обеспечивать себя всем необходимым, чтобы восстановить былую мощь. Сибирский опыт позволял батыевым воинам хорошо ориентироваться в русских лесах, форсировать широкие и быстрые реки, преодолевать снежные заносы.

На сей раз татаро-монголы шли не на Киев, а в северо-русские земли, более богатые и заселённые народом. 21 декабря 1237 года их орда появилась под стенами Рязани. Город был

взят, сожжён дотла, жители от мало до велика – уничтожены, а богатства разграблены.

Затем пали Коломна и Москва, были выжжены все окрестные селения, а в феврале 1238-го та же участь постигла Владимир, Ярославль, Суздаль. Хваленые владимиро-суздальские князья, добивавшиеся своего старейшинства над всей Русью и причинившие много бед народу своими междоусобными войнами, ничего не сделали, чтобы не допустить врага в русскую землю.

К сожалению, в тот момент на Руси не нашлось человека, способного объединить и поднять все княжества против поработителей, подобного Владимиру Святому, Ярославу Мудрому, Владимиру Мономаху или Мстиславу Удалому. Такой князь появится позднее, а в первые месяцы татаро-монгольского нашествия каждый город защищал себя в одиночку и погибал в неравной борьбе.

Испепелив северо-восточную Русь, татаро-монголы двинулись на запад к Новгороду, о котором были наслышаны. На пути их ожидал приятный сюрприз: они думали, что Торжок – маленький торговый городишко, а увидели большой купеческий город. Оказалось, что название его давно устарело, теперь его именовали не иначе как Новый Торг. Сюда переместилась та часть торговли, которая уже не умещалась в стенах Новгорода, некоторые бояре и купцы даже предлагали перенести в этот населённый пункт столицу новгородской земли.

Здесь Батыею ожидала богатейшая добыча, но за неё пришлось очень дорого заплатить. Две недели защитники Торжка отбивали бесчисленные штурмы врагов, били их с городских стен огромными камнями, секли мечами, рубили топорами, лучники разили тех, кто подкатывал к воротам стенобитные орудия. И всё же постоянно пополняемая свежими людьми татаро-монгольская сила одолела.

До Новгорода оставалось каких-то сто вёрст, однако Батый задумался: что будет с ордой, если придется одержать ещё пять-шесть побед с такими потерями? Чтобы обезопасить свой тыл, он решил на всякий случай повернуть на юг и расправиться с небольшим городком Козельском. Подуставшим воинам не

помешала бы небольшая прогулка, обещавшая к тому же какую-никакую легкую добычу. Но вот как описывает сражение под Козельском Н. Карамзин: «...Сей город, весьма незначительный, имел тогда особенного князя, ещё в детском возрасте, именем Василия. Дружина его и народ советовались, что делать. «Наш князь – младенец, – говорили они, – но мы, как верные россияне, должны за него умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия». Сказали и сделали. Татары семь недель стояли под крепостью и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал; граждане резались с ними ножами и в единодушном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву и изрубили многие стенобитные орудия, положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жён, младенцев... Юный князь Василий пропал без вести: говорили, что он утонул в криви».

После такой победы, отнявшей много времени и сил, у Батыева пропала охота идти на Новгород и другие северо-русские города, остававшиеся непокоренными. Он двинулся на юг и в следующие три года, находясь в более привычных степных условиях, без труда подчинил себе многочисленные народы, жившие в южном Поволжье и на северном Кавказе, а потом пошел на Киев.

Бывшая столица Руси тоже была сожжена дотла, за ней пали и другие южнорусские города. Наконец, вдоволь погуляв по средне-русской равнине, татаро-монгольский хан двинулся дальше в Европу, к Адриатическому морю. Но там его ждала неудача. Потерпев первое поражение, Батый вернулся на Волгу и основал в 1243 году «Золотую Орду», в которую вошли обширные территории Средней Азии, Западной Сибири, все Поволжье, Северный Кавказ, выжженные земли будущих Малороссии, Белороссии, часть Великорусских земель. Не было в этом списке лишь окраинных северорусских княжеств во главе с Новгородом, до которого Батый так и не добрался.

Но и этим окраинным землям не суждено было пожить спокойно. В том же 1240-м, когда под ударами татаро-монголов пал Киев, на север Руси почти одновременно вторглись рыцари

германского Ливонского ордена и войско короля Швеции. Предводители обеих армий были уверены, что покорение северо-русских княжеств лишь дело времени. Командующий шведскими войсками Бергер даже направил новгородскому князю Александру Ярославичу оскорбительный вызов: «Я уже пришел. Защищайся, если сможешь. Но знай, что я тебя все равно побью».

Александр не заставил себя упрашивать, вышел навстречу и на берегу Невы разбил шведов наголову. После этой победы народ стал называть Новгородского князя Александром Невским.

Пока русские войска изгоняли шведов, немцы взяли оставшийся без достаточной защиты Псков. Но, вернувшись с берегов Невы, Александр вышиб их оттуда. А когда через два года Ливонские рыцари снова пошли на Русь, новгородский князь устроил им побоище на льду Чудского озера, утопив бо́льшую часть рыцарей в ледяной воде.

Батый был наслышан об этих славных победах Александра Невского, знал о его высоком авторитете среди русских князей. Не решившись затевать с таким противником новую войну, он направил к Александру посольство с письмом, в котором говорилось: «Князь Новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моём, да познаешь славу и величине Моголов».

К сожалению, мы не имеем точного портрета Александра Невского, постольку все старинные изображения русских князей на одно лицо и больше похожи на иконных святых, чем на живых людей. Но есть словесное описание этого великого человека. Летописец отмечает, что он был высок, красив, его могучий голос гремел, как труба, князь отличался бесстрашием, но больше всего – своим прозорливым умом.

Вот и теперь он поступил дальновидно: принял ультимативное предложение хана, чтобы своими глазами увидеть, насколько сильна монгольская орда. Хотя, зная вероломство и

жестокость монголов, понимал, что оттуда можно и не вернуться.

Батый принял Александра с почестями. После долгих бесед с ним поделился со своими вельможами: молва, мол, не преувеличила достоинств этого князя, он действительно человек необыкновенный. Хану понравились его разумные слова о долге правителей перед народом, любви каждого гражданина к матери-Родине. Понравилось и то, что Александр изъявил желание побывать в странах, поработанных монголами, получше рассмотреть ханское войско.

Поездка по разорённым ордой землям, а затем и в столицу татаро-монгольской империи – город Кара-Корум, находившийся за некогда богатым и сильным, а теперь разрушенным и разорённым Бухарским ханством, убедила Александра, что в мире пока нет силы, которая одолела бы татаро-монголов. Не было её и у русских, уже потерявших по кускам большую часть своих земель. После долгих сердечных терзаний бесстрашный князь согласился ради спасения родной земли смирить свою непокорность и добровольно платить дань Батыю.

Не все, однако, в северных княжествах поняли этот шаг. Многие были готовы биться с Ордой насмерть. Особенно в тех землях, до которых татаро-монголы так и не добрались. Жители этих земель ни за что не хотели лишаться своей независимости, которая, как они говорили, досталась им от их предков, а почитание предков для русских людей той поры было делом святым.

Александр, как мог, удерживал князей и простой народ от безрассудства, объяснял им, что для борьбы с новой напастью Русь должна накопить силу, иначе вся она до последней пяди превратится в пепелище, как уже случилось с большей частью страны. Его слушали, чесали в затылках, скрипели зубами, но... соглашались. Ведь никто не мог обвинить Александра в трусости, все помнили его победы над шведами и немцами.

Татаро-монголы знали об этой миротворческой деятельности князя и, пригласив его в следующий раз в Орду, назначили Александра Великим Владимирским князем – старшим над всеми остальными князьями северной Руси. Тем самым, того не

подозревая, они фактически дали ему мандат на объединение сожжённой и поруганной русской земли.

Съездив несколько раз в Орду, мудрый Александр понял, что теперь, когда не хватает силенок, лучше всего воспользоваться слабостью завоевателей. А слабость монгольских ханов была в том, что они, буквально уничтожая всё, что им сопротивлялось, в то же время были великодушны и снисходительны к покорным.

«Чрезвычайная сплочённость сил, безусловное повиновение старейшим, крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, – утверждает Н. Костомаров. – Но и русские ни в чём не уступали татаро-монголам – ни в выносливости, ни в стойкости духа, ни в верности князьям, ни во владении оружием... Они готовы были до конца защищать свою землю и умереть за неё, но не знали, что свобода существует для всех, а не для отдельного села, города, княжества, поэтому отстаивать её надо общими силами».

Этому и учил Александр Невский.

Мало-помалу даже под игом татаро-монгольского нашествия Русь начала восстанавливать свою экономическую мощь. Орда требовала всё больше и больше дани, но не вмешивалась в национальные устои русского общества и религию. Время от времени сборщики дани зарывались, оскорбляли национальные и религиозные чувства русских, последние брались за оружие, уничтожали этих сборщиков, но потом благодаря вмешательству Александра всё успокаивалось.

В 1263 году Александр Невский умер. В те дни плач стоял по всей северной Руси, её городам и селениям. «Закатилось солнце земли русской», – воскликнул тогда Владимирский епископ Кирилл. Но нет, свет этого солнца не померк. Северная Русь хоть и продолжала платить дань Орде, однако и сама, в отличие от южнорусских земель, теперь быстро восстанавливалась. Все больше людей от князей, бояр и до простых смертных начинали понимать, что для освобождения Руси необходимо сплотиться, объединиться, накопить силы и только потом ударить по врагу.

После смерти Александра Невского лучше других эту идею начали осуществлять московские князья. Москва в русских летописях впервые упоминается в 1147 году, но не как столица, а как сельская усадьба или станционный двор суздальских князей. Направляясь из своей вотчины в Киев, они останавливались здесь на ночлег. Но в 1156 году князь Юрий Долгорукий уже заложил на этом месте город, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в возрождении русского государства.

После разорения Батыем северных земель здесь по полям и лесам вокруг Москвы, Рязани, Владимира и Суздаля бродило немало людей, оставшихся без крова и не знавших, куда себя приткнуть. Московские князья зазывали их к себе, предлагали поселиться на пустующих землях и крестьянствовать там на льготных условиях. На таких же льготных условиях они селили в городах мастеровых людей, помогая им обзавестись жильем, инструментами и прочими принадлежностями, необходимыми для организации ремесленного дела.

Очень много русских пленников находилось у татар в Орде. Время от времени ханы продавали этот живой товар приезжим восточным купцам, которые увозили россиян на базары Стамбула, Багдада и других торговых городов. Московские князья тоже начали скупать своих соплеменников и садить на свою землю в качестве свободных землепашцев. В результате население вокруг Москвы быстро выросло. На пустошах начали строиться новые города, а в городах – рабочие и ремесленные слободки. Московское княжество исправно платило Орде дань.

Между тем в других русских землях князьям все труднее становилось сдерживать народный гнев, направленный против татаро-монголов. То в одном, то в другом месте вспыхивали антимонгольские восстания. Отправляясь на сборы податей, монголы не могли быть уверены, что вернутся обратно целыми и невредимыми. Это лишало ханских вельмож спокойной жизни, они понимали, что растущее с каждым годом население северной Руси следует каким-то образом улагодворить.

В один из наездов сборщиков жители Твери перебили целое татарское посольство, чересчур рьяно собиравшее дань. Среди убиенных оказалось и несколько знатных людей, поэтому

инцидент вызвал большой резонанс в самой Орде. Хан приказал примерно наказать бунтовщиков, но, кроме того, затребовал к себе московского князя Ивана, по прозвищу Калита. Сей князь был известен тем, что заботился о больных, немощных, бедных и сиротах. При себе он всегда имел мешок с деньгами, которые раздавал нуждающимся. В народе такие мешки называли «кали-той», отсюда и прозвище князя.

Вызов в Орду не сулил ничего хорошего – там у многих русских князей уже слетала голова с плеч. Трудно было ожидать иного и сейчас, после тверского побоища. Хотя власть Калиты не распространялась на мятежную Тверь и в расправе над посольством он не был повинен, перед отъездом к хану Иван написал завещание. Оно начиналось словами: «Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю сию душевную грамоту... Приказываю в случае моей смерти сыновьям моим...».

Но дело повернулось в другую сторону. Хан одобрил усердие Ивана, сказал, что доволен тем, как в Московском княжестве люди хозяйствуют. Потом произвел его в великие князья и доверил собирать подати для Орды во всех северорусских княжествах, пообещав, что отныне не будет направлять туда для взимания дани свои посольства.

С 1328 года вновь появился у северорусских княжеств свой великий князь. «С восшествием Иоанна на престол Великого княжения мир и тишина воцарились в северной России, – пишет Карамзин. – Монголы перестали, наконец, опустошать её... и кровью бедных жителей орошать пепелища... Головы князей ещё падали в Орде по единому мановению ханов, но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, бояре наслаждаться избытком, кони татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность».

Не только Москва – другие княжества тоже начали подниматься с колен. Трудовой люд знал свое дело – в кузницах все звонче стучали молотки, плотницкие топоры резво гуляли там, где ещё недавно стояла тишина, в лесах вжикали пилы, валя ве-

ковые сосны и лиственницы, вокруг сел не осталось заброшенной пашни. Крестьяне начали распахивать новую.

Постепенно всеобщее уныние сменилось бодростью духа. Через какое-то время детишки, подрастая, уже узнавали о существовании татар лишь из рассказов старших. У них не было того страха перед бесчинствующей ордой, который люди испытывали прежде. «После того, как Иван Калита стал великими князем и погромы прекратились, выросло два поколения в спокойной Руси, они и вышли на Куликово поле», – пишет Ключевский.

А до того, как произошла Куликовская битва, хан Мамай назначил на великое княжение молодого московского князя Дмитрия. Ему шел всего 21-й год, поэтому в Орде многие думали, что твердой руки у Москвы больше не будет. Однако эти оправдания не сбылись. Едва Дмитрий взошел на княжение, как ему пришлось наводить порядок в окраинных западных землях, куда вторглись литовцы. Молодой великий князь отправился туда с не очень большими силами, но литовцев изгнал, проявив немалый воинский дар.

Мамай отличался от своих предшественников великим честолюбием, его не устраивало мирное сосуществование с русскими. Да и окружение хана все больше требовало от него «крови и развалин». Не довольствуясь откупом и забыв обещания не терзать больше северную Русь, татары снова начали набеги на её земли. Первыми, как сообщают летописи, покрылись пеплом Рязанская и Нижегородская области.

Ворвавшись туда и не встретив сопротивления, татары, точно безумные, принялись уничтожать беззащитные мирные селения, жечь дома, топтать конями людей. Запылали созревшие и ожидавшие уборки хлеба. А ведь рязанцы и нижегородцы исправно платили дань Орде.

Весть о новом татарском набеге мгновенно долетела до Москвы, Суздаля, Новгорода, Пскова, Смоленска. А следом, точно набат, прогремел долгожданный призыв великого князя Дмитрия: «К оружию, братья!» И всколыхнулась от этого призыва северная земля. «Ну, наконец-то!» – говорили люди и доставали из чуланов мечи, кольчуги, седлали коней.

Дмитрий сам повел свою рать на Рязанщину, где продолжали бесчинствовать татарские полки, возглавляемые ханскими мурзами. 11 августа 1378 года русское войско вышло на широкое поле перед рекой Вожа и остановилось, увидев неприятеля. Освещённый ярким солнцем противоположный берег был чёрен от вражеской конницы. Вот как описывает это сражение Карамзин.

«Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем скакали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы, ехали вперед мелкой рысью. Великий князь стоял в середине... По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля и дружным, быстрым нападением решило дело: моголы обратили тыл, бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами... Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток мамаевых полков. На другой день великий князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степи шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами... Сия победа достопамятна тем, что была первой, одержанной россиянами над татарами с 1224 года».

Можно себе представить, какое ликование вызвало в народе эта победа. Первое поражение киевских князей от татар в 1224 году на реке Калке сохранилось в памяти людей как самое чёрное пятно. С этим поражением русские люди не хотели мириться. Полтора века Русь готовилась к решающему поединку, и вот он, наконец, состоялся, увенчавшись блистательной победой.

Население городов, сел и слободок встречало своих воинов как героев. Повсюду накрывали столы, доставали для победителей лучшие яства. Но едва ратники поклонились старикам, обняли жен и детишек, как вновь прозвучала походная труба – в русскую землю вторглись литовцы. Не дав полкам передохнуть, Дмитрий повел их к западным границам. Однако, отбив у врага некоторые земли, он вынужден был повернуть коней обратно. Ему донесли, что на Москву собирается идти сам Мамай с ещё большим войском.

Хан пришел в великую ярость и готов был расправиться со своими мурзами, когда узнал об их бегстве с реки Вожа. Но, поразмыслив, понял, что русские теперь уже не те и что страх, оставшийся в их душах со времён Батыя, этим людям больше не введом. Пришлось скликать войско со всей Орды, чтобы наказать строптивного Дмитрия. А пока воины собирались, он направил посольство к литовскому князю Ягайло, чтобы призвать его к себе в союзники. Тот согласился присоединиться к армии Мамай и вместе с ней идти на Москву.

Вновь предоставим слово Карамзину. «...Мамай горел яростью и нетерпением отомстить Дмитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи, – пишет историк, – ...но медлил, набирая войско... Наконец, ободрённый многочисленностью своей рати, Мамай призвал на совет всех князей ордынских и объявил им, что идет по древним следам Батыя истребить государство Российское... «Казним рабов строптивных! – сказал он в гневе. – Обогатимся их золотом!»

Мамаю не терпелось вновь сжечь Рязань, Коломну, Москву, Ярославль, Суздаль, Тверь, Козельск. А заодно разбить богатый Новгород, чьи товары были известны Европе, из которой новгородские купцы везли домой золото. Много золота! Этим золотом, а также Московской, Суздальской, Тверской, Нижегородской казной и хотел обогатиться Мамай.

Чёрной лавиной покатила по волжской степи на север татарская конница. Но ещё быстрее скакали к Москве русские дозоры, чтобы предупредить великого князя о приближающейся беде. А оттуда помчались по городам гонцы Дмитрия с приказом направить в стольный град дружины великие для противоборства с татарами.

«Повеление его было выполнено с редким усердием, – продолжает Карамзин. – Целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице... Полки многочисленные... один за одним вступали в ворота Кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и веру. Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна: долго-

временный ужас... исчез в их сердце... Какая война была праведнее сей?»

Нет, эти люди, родившиеся после провозглашения Ивана Калиты Великим князем, и прежде не знали ужаса. Теперь же, после победы над татарами у реки Вожа, они верили в новую победу. И она, действительно, пришла к ним за Доном, на Куликовом поле.

Утром 8 сентября 1380 года, когда могучая русская рать, перейдя Дон, сосредоточилась вдоль реки Непрядва, чтобы принять бой, стоял густой туман. На несколько шагов впереди ничего не было видно, и ратники начали уже волноваться: не помешает ли это сече? Но вот мрак рассеялся, лучи солнца озарили стройные ряды русских воинов. И увидели они на противоположной стороне Куликова поля пестрое воинство Мамаю. Сама природа благоприятствовала сражению.

«На пространстве десяти вёрст лилась кровь, – продолжает Карамзин. – Ряды смешались: инде россияне теснили моголов, инде моголы россиян. Дело решил запасной полк. Число всех убитых достигало двухсот тысяч человек, причём моголов в четверть больше, чем россиян. Ягаило не поспел к началу битвы, а узнав, что Мамаю терпит поражение, он, в страхе, бежал, даже лёгкие отряды не могли его догнать».

Эта великая сеча вошла в российскую историю как Куликовская битва. О ней сегодня в России знает каждый старшеклассник, не говоря уже о более зрелых людях. Многие считают, что именно великий князь Дмитрий освободил Русь в 1380 году от татаро-монгольского ига. Не зря ведь его называют Дмитрием Донским, как новгородского князя Александра Ярославича – Александром Невским.

Однако у историков несколько иное мнение. Да, утверждают они, победы русского оружия над татарами на Воже и Куликовом поле положили начало освобождению Руси, но она ещё долго страдала от набегов кровожадных соседей. Дмитрий Донской нанес Мамаю настолько сильные поражения, что Золотая Орда уже не могла от них оправиться. Но после своих триумфальных побед московский великий князь не пошел на Орду, не разгромил врага в

его логове и не подчинил себе. А ведь только так, как показала история, и можно было избавиться от ига.

Ровно через 100 лет после Куликовской битвы – в 1480 году – снова сошлись два войска – татаро-монгольское и русское. На этот раз на берегах реки Угры. Получив сообщение, что Орда вновь идет на Москву, русские вышли ей навстречу и, найдя удобное поле для битвы, остановились на его краю, невдалеке от реки. Скоро и татары подошли к речке. И остановились, хотя препятствий для переправы им никто не чинил. Российская рать как бы приглашала неприятеля – переходи, сразимся! Но татары не решались перебраться через Угру. Простояв на противоположном берегу несколько дней, они с позором убрались восвояси.

Но и это ещё не было концом противостояния. Получив такой серьёзный отпор, Золотая Орда как великая империя начала распадаться. В течение нескольких десятилетий из неё выделились Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское и ещё несколько более мелких ханств. Однако и теперь соседи представляли для российского государства немалую угрозу, и с таким положением дел россияне вынуждены были мириться ещё целое столетие.

Ближе всех к русским землям после распада Золотой Орды оказалось Казанское ханство. Оно и принялось терзать окраинные российские территории. Вот что пишет по этому поводу Николай Костомаров:

«Казань, по выражению современников, допекала Руси хуже Батыева разорения. Батый только один раз протёк русскую землю, словно горящая головешка, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, убивали и таскали людей в плен. Их набеги сопровождалась варварскими жестокостями, они выкалывали пленникам глаза, обрезали уши и носы, обрубали руки и ноги, вешали за рёбра на железных гвоздях. Русских пленников у казанцев было такое множество, что их продавали огромными толпами, словно скот, разным восточным купцам, нарочно приезжавшим для этой цели в Казань».

Чтобы облегчить участь своих соплеменников, московские власти снова начали их выкупать, как при Золотой Орде.

Был даже введён специальный налог, средства от которого предназначались для торговцев русскими пленниками. При Иване Грозном (1530-1584 гг.) удалось заключить с Казанским ханством договор, по которому татаро-монголы обязались не нападать больше на Русь и не пленить её подданных. Но, несмотря на это, набеги и пленения продолжались. Тогда, летом 1552 года, Иван Грозный собрал 100-тысячное войско (по некоторым источникам – 150-тысячное) и двинул его на Казань. Взяв столицу ханства, русские воины обнаружили в её подвалах несколько тысяч христианских пленников, которых по договору с Москвой хан должен был давно отпустить.

После падения Казани, ближайшим южным соседом Руси стало Астраханское ханство. Получив свободный выход к русским границам, его правители тоже решили попробовать их крепость. В 1556 году они вступили в союз с Крымским ханом и двинули на Москву объединённое войско. Воеводы Ивана Грозного разбили и его, Астраханское ханство тоже пало, став частью Московского государства. Теперь России принадлежало все огромное степное Поволжье – от истоков великой реки до её впадения в Каспийское море. Москва стала получать с бывших ханств ясак, что способствовало ещё большему укреплению её могущества.

Однако терзание окраинных земель не прекратилось, а лишь переместилось на северо-восток. Там, в уральской тайге, по рекам Каме и Чусовой при Иване Грозном начало быстро расти население, развивались промыслы. Царь освободил на 20 лет от налогов переселявшихся туда людей при условии, что это будут не воры, не беглые преступники, а мастеровые, крестьяне, представители купечества. Последним он даже разрешил беспощинную торговлю.

Северный край начал быстро богатеть, там появилось немало людей с большими капиталами. Братья Строгановы, например, разбогатели настолько, что вдоль Камы и Чусовой даже построили два города и целый ряд промышленных поселков. Сюда-то и обратили взоры налетчика из-за Урала – подданные Сибирского хана Кучума.

Сибирское ханство занимало бассейны рек Иртыш, Тобол и Тура. Ему платили ясак многочисленные племена остяков, вогуличей и других сибирских народов, разбросанных на огромной территории вплоть до Северного Ледовитого океана. Кучум был из киргиз-кайсацких ханов, отличался большой хитростью и жестокостью. Правителем Сибирского ханства он стал в результате вероломного свержения предыдущего хана. Грабить русские поселения по его приказу ходили не только воины орды, но и ясачные племена.

Нанятые Строгановыми казаки не смогли защитить русские поселения от набегов. Тогда Иван Грозный разрешил им перейти за Уральские горы и поставить заградительные остроги вдоль Тобола. Однако этих острогов тоже оказалось недостаточно. В 1581 году татаро-монголы напали даже на построенный Строгановыми город Чусовской и разграбили его.

Разгневанный царь приказал направить к Тобольским острогам подкрепление, и оно в следующем 1582 году прибыло туда во главе с атаманом Ермаком. Увидев, какое огромное войско выдвинул против них Кучум, казаки поначалу пришли в ужас: по прикидке, на каждого из них приходилось не менее тридцати вражеских воинов. Однако их круг единодушно решил «биться, пострадать за православную веру и послужить государю до смерти».

Сражение длилось целый день, в результате войско Кучума обратилось в бегство. Ещё через несколько дней – 26 октября 1582 года – Ермак со своей дружиною вступил в столицу Сибирского ханства город Искер. Вот что пишет об этом Н. Костомаров:

«Быстрый успех русских навел всеобщий страх на поданных Кучума. Татары, остяки и вогуличи со своими князьками приходили бить челом победителю, приносили дары и привозили запасы. Ермак приводил их к шерти (очевидно, присяге – *А.К.*) на имя государя, обращался с ними ласково, отпускал в их юрты и строго запрещал своим казакам делать малейшее насилие туземцам».

Сам Кучум сумел скрыться, едва успев прихватить с собою казну. Через несколько лет он, однако, объявился и жестоко

отомстил своему обидчику. В 1585 году Ермак, скорее всего с его подачи, получил известие, что из южных степей якобы движется караван с бухарскими товарами и что Кучум собирается на него напасть. Дружина во главе со своим атаманом отправилась навстречу, чтобы сопровождать и защитить груз. Казаки на стругах долго плыли по Иртышу, но никого так и не встретили. Ночью, в сильную грозу уставшие люди уснули мертвецким сном, вот тут и напал на них Кучум со своим разбойным отрядом. Многих они порезали, а Ермак, пробудившись, бросился прямо в доспехах в воду, но тяжелая броня не дала ему доплыть до струга.

Бесстрашный атаман со своей грозной в боях дружиной погиб, попав в ловушку. Но кровь свою вольные русские люди пролили не зря. С этого времени с юга и востока России больше никто не угрожал.

РОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ИСПОЛИНА

К середине XVI века в общественном сознании европейцев прочно укоренилось новое геополитическое понятие – Российское государство или Россия. Старое – Киевская Русь – исчезло из употребления, стало забываться. Нередко новую страну называли ещё и другим именем – Московия, по её стольному граду.

Европейские торговые корабли всё чаще отправлялись теперь на север, через студёные воды, к берегам Белого моря, где русские заложили портовые торговые пристани. Здесь начинался колесно-санный путь в огромную страну, которая после южных походов Ивана Грозного, а затем и Ермака простиралась далеко вдоль Волги, Дона, захватывала Южный Урал и даже включала в себя гигантское пространство за Уральским каменным поясом. В связи со столь внушительными размерами эту страну, наряду с официальными наименованиями, всё чаще стали называть ещё и Великороссией.

Наибольший интерес к Великороссии проявили англичане. В 1554 году, вскоре после покорения Иваном Грозным Ка-

занского ханства, они даже создали крупное акционерное общество – «Компания для торговли с Московией, Персией и северными странами». С этого времени в устье Двины постоянно находились суда под Британскими флагами. Пустынные и дикие берега Белого моря оживились и быстро заселялись. Начали действовать постоянные торговые пути от морского побережья к Вологде, Холмогорам, Москве, на север Урала, вдоль них тоже налаживалась жизнь.

Европейцы везли в Великороссию изделия своих мануфактурных фабрик, орудия для обработки земли, столярный и плотницкий инструмент, многие другие товары. Но и сами уезжали не с пустыми руками, битком забивая трюмы сырьем для своей промышленности. Во второй половине XVI века Россия продавала за границу лен, пеньку, кожи, деготь, меха, рыбу, икру, патошь, сало, мед, воск, причем в немалом количестве. Например, воску продавали ежегодно до 50 000 пудов, сала – до 100 000 пудов, мехов – на 500000 рублей. В конце правления Ивана Грозного после объясачивания племен бывшего Сибирского ханства продажа мехов стала быстро увеличиваться.

Иван Грозный придавал северной торговле исключительно большое значение. Уже на следующий год после создания в Англии «Компании для торговли с Московией, Персией и северными странами», которую вскоре стали называть просто «Русской компанией», он дал ей право беспошлинно торговать оптом и в розницу на большой территории России. В Холмогорах и Вологде были открыты английские торговые дворы, охватившие своим влиянием все прилегающее к этим городам пространство. А в Москве царь подарил компании под торговый дом одно из лучших зданий в центре города. Кроме того, он запретил кому бы то ни было вмешиваться в дела «Русской компании», а если между ней и местными торговцами возникали споры, то разрешить их имел исключительное право лишь царский казначей.

Благосклонное отношение русского самодержца к западным торговым людям быстро подняло престиж нашей страны в глазах европейского сообщества. Вслед за Англией к устью Двины стали прибывать набитые товарами корабли и других

стран. Великороссия готова была поглотить содержимое и их трюмов, так как освоение незаселённых окраин огромной страны требовало постоянной поддержки. Иван Грозный понимал, что закрепить за Россией огромные земли можно, лишь вдохнув в них экономическую жизнь. А для этого нужно, прежде всего, заселить новые территории людьми.

Опыт привлечения в страну иностранных купцов с помощью льгот царское правительство широко использовало и во внутренней экономической политике. Тех, кто пожелал перебраться на пустующие окраинные земли, стали на длительный срок освобождать от налогов, им разрешалась беспошлинная торговля. И сразу же нашлось немало предприимчивого люда, не только имеющего умелые натруженные руки, но и владеющего капиталами. Поэтому вслед за Северным Уралом начинают быстро застраиваться Южный Урал, заселяться Оренбургские степи, Поволжье, Придонье.

На вновь осваиваемых землях поощрялось развитие ремёсел, всевозможных промыслов и, конечно же, земледелия. Чтобы получить налоговую льготу, недостаточно было лишь перебраться на далекую окраину страны. Царские чиновники зорко следили, чем человек занимается на новом месте: ведет праздный, разгульный образ жизни или своим трудом приносит стране пользу. Лишь в последнем случае хозяин-труженик получал от государства полную поддержку.

Такая дальновидная политика властей привела к быстрому росту экономического могущества страны. На глазах изумленной Европы восточнее Карпатских гор и Балтийского моря рождался исполин, равного которому ни по богатству, ни по военной мощи тогда больше не было. Вот как оценил его позднее, например, польский коронный гетман Жолкевский, знавший своего восточного соседа не понаслышке. В октябре 1611 года, выступая в Кракове перед сеймом, он заявил, что в XVI веке московские цари «своим могуществом были страшны и грозны польской короне и её королям, турецкому императору и всем соседним государствам... Они (то есть московские цари – *А.К.*) повелевали царствами (очевидно, имеются ввиду вошедшие в состав Великороссии Казанское, Астраханское и Сибирское

ханства – А.К.), княжествами, областями, множеством подданных, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами».

Не будем оспаривать эту характеристику, данную нашей стране, несомненно, компетентным человеком, но внесем в неё маленькую поправку: московские цари в XVI веке были «грозны и страшны» не всем соседним государствам, а лишь тем, кто проводил по отношению к России агрессивную политику. С остальными народами Россия всегда жила в дружбе и согласии.

Как уже говорилось, Киевскую Русь на Западе окрестили европейским государством, хотя и с некоторыми оговорками. За Россией этот статус, увы, не сохранился. Задержав на своих просторах татаро-монгольские полчища, русские два с половиной столетия служили для остальной Европы своеобразным громоотводом, защищая её от ещё большего разорения, чем принесли ей гунны и авары. Но сам российский народ за это время вынужденно отстал в своем развитии от цивилизованных соседей. Чтобы встать вровень с остальной Европой, Велико-россии требовалось реформировать все сферы жизнедеятельности и прежде всего – свое государственное устройство. Начать эту благородную миссию выпало во второй половине XVI века одному из самых противоречивых русских царей – Ивану IV, вошедшему в историю под именем Грозный.

К сожалению, в советской историографии деятельность первого русского царя была отражена однобоко и в значительной степени искажена. Ивана Грозного изображали исключительно человеком жестоким, буквально изувером, бессмысленно терзавшим свой народ с помощью опричников. Некоторые историки даже ставили под сомнение вменяемость этого правителя.

Однако, ныне здравствующий российский писатель Александр Бушков, много лет изучавший эту эпоху по первоисточникам и написавший о ней документальную книгу, иного мнения. «Из того количества грязи и чернухи, которую выплеснули на Ивана Грозного, 9/10 просто выдумка», – утверждает он. По его мнению, неприглядный образ русского царя создали идеологи Ливонского ордена крестоносцев, чтобы оправдать в глазах

Европы свои вторжения в западные пределы России. Говоря современным языком, самодержец всея Руси, в пух и прах разгромивший крестоносцев, стал жертвой их «черного пиара».

Иван IV действительно был грозен и жесток, но гнев и жестокость направлял, главным образом, против внутренних врагов России, прежде всего бояр. Оставшись в трехлетнем возрасте без родителей, он насмотрелся, как нагло вели себя эти вельможи в его отцовском дворце, открыто разворовывая государственную казну, присваивая себе чужие земли, умножая личные состояния за счёт грабежа народа и даже помогая соседним государствам в агрессии против собственной страны. Поэтому, короновавшись в 17 лет на царский престол, он вместе с представителями духовенства вышел на площадь перед Кремлем, поклонился людям и попросил прощения за те несправедливые дела, которые творила в стране боярская власть в пору его малолетства, правя страной от его имени. Когда позднее один из близких бояр – князь Курбский тоже предал его и перешёл на сторону поляков, обвиняя царя в жестокости, Иван ответил ему в письме: «Царь гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти, делай добро, а делаешь зло – бойся, ибо царь не зря носит меч, а для кары злых и для ободрения добрых».

Искоренять зло из государственных органов молодой царь начал сразу после восшествия на престол. Уже первые шаги его в качестве самодержца были направлены на демократизацию власти, защиту народа от произвола бояр и чиновников, уничтожение коррупции, внедрение просвещения. Вскоре после коронации он впервые в Истории России созвал Земский Собор из выборных людей всей русской земли для коллективного решения наиважнейших государственных дел.

Чтобы впредь не допускать боярско-чиновничьего произвола, решением Собора власть в стране была разделена на две ветви: государственную, назначаемую царем, и земскую, избираемую народом. За каждой властью закреплялись свои функции, которые должны были регулироваться законодательными актами. Эти акты поручалось принять избранному Собором «Суду справедливому» (очевидно, аналогу нашего Верховного суда), что вскоре и было сделано. Собор также постановил

вновь открыть по всей стране школы, порушенные при татаро-монголах, а граждан просил отдавать туда детей для обучения грамоте, счёту и церковному пению. По постановлению Собора была создана и первая на Руси типография.

После таких судьбоносных решений в управлении и судебной системе страны произошли большие перемены. Прежде наместники великого князя в городах и сельские начальники в деревне не только правили, как им вздумается, ни перед кем не отчитываясь, но и сами судили граждан. В соответствии с новым «Судебником», последнюю функцию у них изъяли, а в случае жалоб со стороны граждан на наместника или сельского начальника, эти должностные лица сами могли предстать перед выборным судом. Вскоре царские назначенцы вообще были заменены на выборных людей.

Для осуществления права народа выбирать земскую власть и суды созывались общественные сходбища. Они проходили на уровне уездов (очевидно, равных нашим районам). Туда обязаны были присылать выборных из своей среды князья, бояре, дворяне, крестьяне, мастеровые и т.д. Каждому участнику «сходбища» предписывалось в обязательном порядке держать речь и, как принято теперь говорить, вносить свои предложения, которые тщательно записывались дьяками.

«Характер законодательной деятельности этой эпохи, – утверждает Н. Костомаров, – отличается духом общинности, намерением утвердить широкую самодеятельность русского народа и дать ему возможные льготы, способствующие его благоденствию».

Присоединение к территории страны новых земель заставило власть вплотную заняться и усовершенствованием прежней системы землевладения и землепользования. Была разработана и принята такая система, которая просуществовала потом без всяких изменений несколько веков. Все сельхозугодья, приносящие доход, и прежде всего пашню, Собор разделил на три разряда, в каждом из которых значились свои пользователи и собственники. За этими людьми закреплялись особые права, которые защищались законом.

К первому разряду относились церковные земли. Понятно, что принадлежали они церквям и монастырям, а также лично высокопоставленным духовным сановникам. За счёт этой земли существовала значительная часть общества, которая по понятиям того времени служила Богу и выдвигала из своей среды духовных наставников для простых смертных.

Второй, самый большой разряд, составляли земли «служилые» или «боярские». Тут разобраться с собственниками намного сложнее. Те, кто служил князьям в дружине, администрации или личной службе, начали получать плату за службу ещё в Киевской Руси, но не все в одинаковом размере и с равными правами.

Теперь, в Российском государстве, эти земли назывались вотчинными или поместными. Разница между ними была довольно существенная. Поместье представляло из себя участок земли, передаваемый служилому человеку на тот срок, пока он находился на службе. Такая земля поступала в распоряжение, как правило, не очень знатному, а то, порой, и совсем не знатному лицу, после смерти которого она изымалась.

А вот вотчина (от слова «отец») находилась в частной собственности и переходила по наследству от отца к сыну. Ею наделялись более знатные люди, поэтому и размер вотчины был значительно солиднее. Существовали и очень крупные вотчинники, их, как и в древней Руси, называли боярами.

С вотчинами, однако, у их владельцев тоже были проблемы. Дело в том, что эта земля переходила в собственность по наследству только в течение четырех колен включительно, а потом право на неё владелец терял. Жене умершего вотчинника она вообще передавалась только на «прожиток», то есть до смерти.

В третий разряд входили государственные земли – дворцовые и так называемые «черные». С дворцовыми дело ясное – они, формально являясь собственностью государства, служили лишь для того, чтобы содержать царя, его семью и двор. То есть, фактически, принадлежали царской семье. «Черные» же формально и фактически являлись государственными – у них не

было другого собственника, кроме казны, поэтому их ещё называли казенными.

А вот тот, кто обрабатывал землю, – крестьянин в собственности её не имел. В XVI столетии в средневековой России, как и в древней Киевской Руси, по-прежнему не было крестьянского сословия. Все граждане страны считались свободными и могли заниматься любым делом, которое считали для себя более важным и выгодным. Если же человек хотел жить за счёт хлебопашества, он должен был брать землю в аренду у её собственника – царя, боярина, мелкого вотчинника, помещика, церкви, монастыря, духовного сановника или государства. Только получив участок и начав его обрабатывать, вольный гражданин становился крестьянином, да и то лишь до осени, когда у него истекал срок договора с арендодателем.

При Иване III, в 1497 году, был принят «Судебник», который четко регулировал взаимоотношения двух этих сторон. «Садясь на землю», крестьянин договаривался с собственником, что он будет платить за аренду урожаем и деньгами, а также, сколько дней отработает на барщине. Договоренность оформлялась в виде «порядной грамоты» или «записи». При этом землевладелец заключал сделку не с кем попало: претендент в крестьяне должен был предоставить рекомендации либо от уже работавшего на этой земле крестьянина, либо от своего прежнего хозяина, либо ещё от кого-то. В.О. Ключевский по этому поводу пишет:

«Нового «приходца» принимали осторожно, с разбором: нередко он должен был предоставить несколько поручителей, которые «ручали» бы его в том, что он будет за их порукой жить в таком-то селе или деревне «во крестьянх» – землю пахать и двор строить, новые хоромы ставить и старые починивать, а не сбежит... Он обязывался ...пашню пахать, поля огородить, пашни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никаким воровством не воровать, в случае невыполнения обязательств крестьянин или его поручители платили заставу – неустойку».

«Судебник» Ивана III устанавливал твердые временные границы, когда крестьянин мог воспользоваться своим правом и

перейти от одного хозяина к другому, переоформить договор с прежним землевладельцем или сменить профессию. Этот срок начинался за неделю до зимнего Юрьего дня (26 ноября по старому стилю) и заканчивался через неделю после него. То есть на все про все крестьянской семье отводилось две недели. К этому времени крестьянская семья обязана была вывезти с поля весь урожай, отработать барщину, уплатить все подати, вернуть ссуду. Таким образом, закон был строг к крестьянам, но одновременно и защищал их: хозяин не мог выгнать арендатора раньше времени, перед уборкой урожая, и лишить его возможности воспользоваться результатами своего труда.

Такие взаимоотношения между владельцами земли и крестьянами до середины XVI века считались вполне приемлемыми, устраивали обе стороны. Но вот после появления незаселённых окраин перед массой свободных граждан открылась перспектива уйти от прежней тяжёлой жизни, несправедливого притеснения со стороны местного начальства и с помощью государства самим стать хозяевами, начать собственное дело на новом месте. И недобросовестные землевладельцы сразу же почувствовали нехватку рабочих рук. В администрацию Ивана Грозного посыпались челобитные с просьбами запретить свободное переселение тягловых людей на окраины государства, дабы не оголять старопашотные земли, не оставлять их без обработчиков. Иными словами, помещики и вотчинники предлагали царю прикрепить крестьян к земле, то есть ввести крепостное право.

Однако царь Иван заботился прежде всего об интересах страны, а не отдельных землевладельцев. При нем не появилось ни одного указа, ограничивающего крестьянские свободы. Наоборот, при Иване Грозном был разработан новый «Судебник», и в нем подтверждались все те права, которые давались крестьянам «Судебником» Ивана III.

Кроме мирских дел, один из следующих Земских соборов вынужден был заниматься и церковным устройством. Оказалось, что в духовной сфере не меньше недостатков и безобразий, чем в светской жизни. При открытии собора царь Иван произнес длинную речь, приглашал содействовать ему в управ-

лении государством духовенство и остальных граждан, надеясь на поддержку прежде всего простых людей.

Большие злоупотребления были вскрыты на Соборе при управлении монастырями. «Наделённые сёлами и пользуясь большими доходами, монастыри были земным раем для своих начальствующих лиц, – пишет Н. Костомаров. – Архимандриты и игумены окружали себя своими родными и клеветами и превращали монастырское достояние в выгодные для себя аренды. Их родня под именем племянников поселялась в монастырях, настоятель раздавал им монастырские сёла, посылая их туда в качестве приказчиков. Управление монастырскими имениями, вместо того, чтобы производиться собором старцев, зависело от произвола одного настоятеля. В его безусловной власти находилась и братия, и священнослужители монастырских сёл, и часто терпели нужду, хотя и находились в ведомстве очень богатого монастыря, так как никто из них не пользовался доходами и не смел требовать участия в пользовании. Зато настоятели жили в полном удовольствии».

В монастырях курили вино и производили пиво, устраивали пиры. В иные дни монастырские помещения превращались в бальные залы, где веселились и развлекались чернецы вместе с черницами. Это не считалось зазорным, так как черницы и жили вместе с чернецами. Священники теперь были малограмотными, их нигде не учили. Во время богослужения они позволяли себе непристойные выходки, в церковь приходили пьяные, ругались там и даже дрались между собой.

«В поминальные дни церковь представляла совершенный рынок, – продолжает Н. Костомаров. – Приносились туда яйца, калачи, пироги, печеная рыба, куры, блины, караваи, попы уносили все это в алтарь и ставили даже на жертвенник. В монастырях в этом отношении было не лучше: ожиревшие от изобилия настоятели часто вовсе не священнодействовали, братия пьянствовала, и по целым неделям не бывало в монастыре богослужения».

Вскрылись на Соборе и такие беззакония. Некоторые граждане отдавали монастырям все свое состояние, чтобы там доживать свою старость. Настоятели эти пожертвования прини-

мали, но потом, когда надо было выполнять свои обязательства, они создавали для старцев невыносимые условия: те жили в голоде и холоде, подвергались оскорблениям.

Вскрыв эти и другие злоупотребления, Земский Собор осудил их, установил ряд запретов, а также ввёл контроль за их исполнением. В частности, настоятели теперь были обязаны предоставлять царским дворецким отчеты о расходах монастырской казны, в самих монастырях запрещалось иметь алкогольное питье, кроме «фрезских вин», используемых при богослужении, а также не позволялось жить совместно чернецам и черницам. Собор определил предел монастырских вотчин и запретил монастырям впредь покупать землю без царского разрешения, а земли, которые монастырское начальство всеми правдами и неправдами выманило у бывших землевладельцев, постановил вернуть последним.

Поскольку этот собор состоялся ещё до покорения Иваном Грозным Казанского ханства, он узаконил выкуп русских людей, угнанных в плен татаро-монголами во время продолжавшихся набегов. Средства на это выделялись из казны. В решении Собора подчеркивалось, что никто не должен уклоняться от обязанности вносить на это деньги, так как обязанность эта продиктована христианским милосердием.

Дошли руки у Собора и до книгопечатания. К XVI веку скопилось немало книг, переведённых и переписанных, главным образом, с греческого. Однако в связи с общим упадком образованности населения и переводы, и переписи делались на низком уровне. Н. Костомаров отмечал, что даже в XIX веке в российских библиотеках встречались средневековые издания, в которых трудно было добраться до смысла.

Собор постановил восстановить ликвидированную при татаро-монгольском иге систему просвещения. Руководству церкви поручалось выделить группу специальных духовных лиц, которые занялись бы созданием сети училищ для обучения детей чтению, письму и церковному пению. Чтобы повысить качество переводов и переписи книг, Собор ввёл своеобразную духовную цензуру. Для этого из числа поповских старост и десятских отбирались наиболее грамотные люди, которые проверяли то, что выходило из-под пера

переводчиков и переписчиков. Но и тут случались осечки. Порой из продажи приходилось изымать отдельные книги, так как в них обнаруживалось, например, что отцам церкви приписывалось то, что они никогда не говорили и не писали.

Пришлось вмешиваться и в иконопись. Было замечено, что лики святых на иконах, а также исторических деятелей прошлого изображались так, как будто срисовывались с одного лица. Это подрывало доверие христиан и к иконам, и к историческим портретам. Поэтому из массы художников была отобрана группа особо талантливых людей, которые получили исключительное право заниматься иконописью. Работали эти иконописцы под контролем святителей, и, тем не менее, проблемы оставались.

У читателей может сложиться впечатление, что раз в этот период российская власть занималась решением даже таких далеко не первоочередных задач, как развитие книгопечатания, иконописи, внутренним устройством церкви, то, стало быть, после покорения агрессивных южных и восточных соседей в стране установилось долгожданное спокойствие. И то ведь: какой враг отважится напасть на такого исполина?

Увы, названные выше преобразования правительство Ивана Грозного вынуждено было проводить в условиях непрекращающейся войны. За внешними врагами дело не встало: они вели себя, как головы у Змея Горыныча – вместо одной отрубленной появлялось две. Через два года после покорения Астраханского ханства – в 1558-м царь Иван решил покончить с бесчинствами Ливонского ордена, который житья не давал западным русским землям. В 1561 году немецкие рыцарь-крестоносцы были разгромлены и их орден перестал существовать. Однако военные действия на этом не закончились.

Теперь против России поднялась вся католическая Европа во главе с Папой Римским. Официально в войну вступили лишь Польша, Литва и Швеция, однако выяснилось, что сил у них недостаточно – в ходе войны Россия могла вернуть себе отнятые у неё прежде прибалтийские земли и выход к морю, через которые когда-то Новгородское и другие северорусские княжества торговали с Европой.

Западные страны немедленно дали польскому королю денег, и он нанял ещё 170-тысячное войско. Война продолжалась в общей сложности 25 лет и закончилась лишь за год до смерти Ивана Грозного подписанием двух соглашений о перемирии. Возвращение прибалтийских земель и выхода в Балтийское море пришлось отложить до лучших времён.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

В 1582 году, когда Ивану Грозному перевалило за пятьдесят, у него родился ещё один сын, названный Дмитрием. В Москве началось ликование. До сих пор люди опасались, что после смерти Ивана трон займёт слабоумный Фёдор, а это не сулило стране ничего хорошего. Теперь опасения отпали: новорождённый царевич оказался здоровым ребёнком. Никто не сомневался, что наследником престола Иван Васильевич сделает не Фёдора, а Дмитрия.

Однако, вскоре при дворе началось смятение, перекинувшееся на всю Москву. От местных волхвов, умеющих предсказывать будущее, истек слух, что нынешний самодержец не дождётся совершеннолетия своего преемника, так как жить ему осталось всего ничего – он умрет 17 марта 1584 года.

Иван Васильевич верил с высшие небесные силы, был набожным человеком, но он не верил волхвам. Своему окружению он сказал, что на предсказание этих проходимцев и еретиков следует наплевать и забыть. И все-таки, поразмыслив, решил на всякий случай предпринять кое-какие меры. Прежде всего, создать при царе совет из самых знатных, приближенных к престолу вельмож, которым доверял. Он начал писать завещание, в котором назвал этих людей поименно. В этот круг входили князя Иван Милославский и Петр Шуйский, бояре Никита Романов и Богдан Бельский, брат жены Фёдора – Борис Годунов и дьяк Шелканов. Совет мог принести стране большую пользу, временно управляя российскими делами в случае восшествия на престол малолетнего Дмитрия или слабоумного Фёдора.

А вскоре у Ивана Васильевича неожиданно появилась какая-то внутренняя болезнь, неизвестная докторам. Иноземные врачи начали отпаивать его лекарствами, в церквях молились за своего царя, в монастырях раздавали нищим щедрые милости. Иногда Ивана допекало так, что он совсем падал духом, собирался умирать, приказывал бесплатно кормить нищих и выпускать заключённых. Но потом становилось лучше, и он с полной уверенностью объявлял, что будет жить, так как Бог милостив.

За два дня до предсказанного рокового срока Грозный отправился в палату, где хранились его сокровища, и стал перебирать драгоценные камни. Таким образом он решил испробовать ещё один способ исцеления. Иван предполагал, что у него не болезнь вовсе, раз её никак не распознают и не вылечат доктора, а его попросту околдовали. Медицина тут была бессильна, но, как уверяли знающие люди, волшебные чары могли изгнать некоторые драгоценные камни.

И в самом деле, после общения с сокровищами, царю вроде бы стало легче. 17 марта с утра он был в хорошем расположении духа. Вовремя встал, долго трапезничал, потом стал выслушивать доклады приближённых и отдавать распоряжения. Покончив с сим занятием, приказал готовить баню. Погода была чудесная, солнце сияло золотыми лучами в стеклах кремлёвских палат и соборов. И в такой-то день самодержцу государства Российского предстояло умереть? Нет, ничто не предвещало беды!

Теперь Иван Васильевич уже не сомневался, что волхвы обманули его, поэтому послал боярина Богдана Бельского сказать им, чтобы готовились к казни: за колдовство и ложное предсказание их сожгут или заруют живьем. Такая кара за ересь тогда была широко распространена в европейских странах.

Бельский исполнил приказ. Однако, когда, разыскав волхвов, он передал им слова царя, ни один мускул не дрогнул на челе их. Убелённый старец, стоявший перед царским вельможей, первым ответил:

– Не гневайся, боярин, день только наступил, а кончится он закатом.

Выслушав доклад посланца, Иван Васильевич долго молчал. Потом сказал:

– Правду говорит старик. Что же, быть посему.

Но вот что произошло во второй половине дня. Н. Костомаров пишет:

«Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню, мылся с большим удовольствием, там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее... Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал. Поднялся крик: кто бежал за водкой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его, явился митрополит!.. Но царь уже был бездыханен. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа хлынула в Кремль».

Это случилось, как и предсказывали волхвы, 17 марта 1584 года. Первому русскому царю Ивану Васильевичу, вошедшему в историю под именем Иван Грозный, было всего 53 года. Между прочим, в таком же возрасте через полтора века умер первый российский император Пётр Великий. А через два века после него тоже 53-х лет от роду скончался первый глава советского государства В.И. Ленин. Может быть, зловещий рок висит над всеми высшими лицами государства Российского, кто открывает новую страницу в отечественной истории, не давая им перешагнуть 53-летний рубеж? Любопытно, что в наше время на новый путь страну повернул Егор Гайдар, возглавивший правительство реформаторов современной России. И тоже умер в 53 года.

Неожиданная смерть Ивана Грозного вызвала смятение и тревогу во всех уголках огромной страны, прежде всего среди делового и предприимчивого люда. Особенно насторожились окраины, получившие от первого царя немалые экономические льготы. Теперь эти льготы, как и вообще царские реформы, были под вопросом. В народе давно ходили слухи, что старший сын Грозного Фёдор – блаженный и немощный, непригодный в цари. Младший же пребывал в младенческом возрасте. А чего

ожидать от бояр, люди насмотрелись, когда те правили страной при малолетнем Иване.

Но так уж было судьбой уготовано – на престол взошёл слабоумный Фёдор. За его спиной, вокруг трона, сверкая очами, выстроилась полукругом длиннобородая знать – князья, бояре и прочие вельможи. Им теперь именем царя отдавалась на кормление огромная страна, может быть, на тот момент самая богатая в мире.

И началась вокруг трона братоубийственная война, как во времена Киевской Руси. Чуть ли не в царских покоях лилась кровь. У одних бояр слетали головы, других изгоняли в ссылку, третьих отправляли в монастырь. К 1591 году рядом с Фёдором Иоанновичем остался лишь один его шурин, брат жены – Борис Годунов. В Кремле появилась новая элита в основном с татарскими корнями, так как Борис происходил из рода знатного татарского мурзы, который после крещения сменил фамилию. Прежде у Годуновых была фамилия Годун.

Между тем, Фёдор оставался бездетным и появления наследника не предвиделось. Это открывало перед Борисом перспективу самому стать после его смерти царем. Правда, такому повороту событий могли помешать два обстоятельства. Первым и самым опасным было наличие второго сына Ивана Грозного – царевича Дмитрия. При короновании Фёдора этому отроку шел всего второй год, его вместе с матерью отправили в Углич и на том успокоились. Но вот царевичу исполнилось восемь, у Бориса перехватывало дыхание при мысли, что пройдет ещё несколько лет и многие из бояр закричат: «Дмитрия на царство!» А тут ещё этот Земский Собор с его неуправляемой вольницей. Чтобы получить трон, надо было как-то поладить и с ним.

15 мая 1591 года в городе Углич, где Дмитрий жил со своей матерью, в неурочный час зазвонил колокол. Сбежавший отовсюду народ увидел 8-летнего царевича с перерезанным горлом и его мать, указывающую на трёх посланцев Бориса Годунова. Она кричала, что это они зарезали её сына. Разъярённый народ тут же забил злодеев камнями.

Однако, приехавший вскоре ещё один посланец Бориса – князь Василий Шуйский объявил, что никто царевича не убивал: мол, 8-летний отрок, будучи в здравом уме (в чем в Угличе никто не сомневался), просто так взял, да сам себе и перерезал горло. Правительство тут же приказало народу верить этому, а Борис щедро одарил родственников тех трех бояр, которых народ забил камнями возле убиенного царевича.

Теперь оставалось сладить с Земским Собором. Значительную его часть составляло духовенство, поэтому первое, что сделал Борис, – вернул ему льготы, отобранные Иваном Грозным. В пору малолетства Ивана монастыри на Руси имели много земли, на которой работали крестьяне, но были освобождены от податей. Эти монастыри, как уже говорилось, превратились в обители пьянства и разврата. Иван вместе с Земским Собором положил этому конец. Борис же, к великой радости духовенства, вернул ему прежние вольности.

Наконец, в 1598 году, Фёдор Иоаннович преставился. Поскольку наследников у него так и не появилось, для избрания нового царя собрался Земский Собор. На площади перед Кремлём, оголив головы, стояла огромная масса народа. Патриарх поклонился Собору и спросил: «Кого Россия хочет видеть царём?» Ответа, однако, он дожидаться не стал, а громогласно провозгласил: «У духовенства, бояр, дворян, приказных и служилых людей, у всех православных христиан есть одна кандидатура – Бориса Фёдоровича Годунова. А если кто хочет другого государя, того предадут проклятию и выдадут на кару суду!»

После сих слов владыки никто и заикнуться не посмел о другой кандидатуре. При полном молчании толпы Борис Годунов был торжественно объявлен царем.

К этому времени от прежнего благополучия в стране мало что осталось. Начали сокращаться сборы сельхозпродукции, упали промыслы. Это ударило по внешней торговле, в Россию практически перестали поступать заморские товары. Сократился и приток денег в казну. Но из-за постоянных дворцовых интриг, борьбы за власть Годунову некогда было вникать в нужды страны. К тому же, вскоре после его воцарения до Москвы дошел

слух, что царевич Дмитрий не погиб, а, достигнув совершеннолетия, собирается занять трон отца.

Это для Бориса было точно гром среди ясного неба. Он отправил по стране вооружённые отряды с приказом искать во всех российских городах, сёлах, иных поселениях отрока лет 15-20 от роду, похожего на царевича Дмитрия, и, если таковой будет найден, предать его смерти.

Конные люди отправились на поиск, но поскольку никто из них не видел царевича ни в детстве, ни в отрочестве, то стали рубить головы всем без разбора, кто подходил по возрасту. А заодно хватали и прочих, кто имел неосторожность сказать дурное слово о царе Борисе – им отрезали языки, сажали на кол, жгли на медленном огне.

Так продолжалось два года, наконец, в 1605-м, до Кремля дошел слух: Дмитрий-то, оказывается, укрылся не в России, а в Польше, оттуда он и собирается на Москву. Годунов тотчас отправил к западной границе 20-тысячный отряд, который действительно встретил у деревни Добрыничи (нынешняя Брянская область) 23-тысячное войско, состоящее из поляков и литовцев. И хотя шляхтичей было больше, русские наголову разбили их.

Но неожиданно молодому царевичу начали присягать многие русские города и земли. Народ не любил Годунова, бессмысленно уничтожавшего в русских городах и селах столько безвинных отроков и теперь не делавшего для страны ничего хорошего. Люди хотели, чтобы вернулись порядки, которые были при Иване Грозном. Поэтому из глубины России в стан Дмитрия стали прибывать ратники, готовые поддержать наследника престола с оружием в руках.

Это надломило Бориса. Он понимал, что против собственного народа ему не устоять, поэтому впал в депрессию, у него, если верить художественной литературе, перед глазами постоянно стояли «кровавые мальчики» – тысячи мальчиков, убиенных ни за что, ни про что по его приказу. 13 апреля 1605 года Годунов скончался, по заявлению лечащих врачей, отравив себя ядом. А 20-го июня в Москву торжественно въехал молодой царевич, встреченный жителями столицы всеобщим ликованием.

Однако, очень скоро многим москвичам, искренне верившим, что из Польши прибыл настоящий Дмитрий, пришлось задуматься. В царских палатах начались бесчисленные балы, на которых «сын Ивана Грозного» раздавал польским знатым людям деньги и драгоценности из царской казны, дарил русские земли и города. Он хорошо танцевал все западные танцы, был искусен в европейских манерах и этикетах, чисто говорил по-польски, но плохо – по-русски, не знал русских обычаев и православных обрядов, которые на Руси человек выпитывает с молоком матери, и вообще демонстрировал презрение ко всему русскому.

Шляхтичи, расквартированные в Москве, вели себя по отношению к хозяевам по-хамски. В перерывах между балами они устраивали скачки по московским улицам, палили из оружия, кричали москвичам: «Это мы дали вам своего царя, теперь вся казна – наша!» Заметив в окошке красивое женское или девичье личико, шляхтичи бросались в ворота дома, и защитить красавиц, в том числе несовершеннолетних, уже никто не мог.

Достаточно оказалось всего трёх недель такой вакханалии, чтобы Москва поняла: поляки выдают за Дмитрия совсем другого человека. В городе произошел бунт. Лжедмитрия прикончили, перебили ещё до четырёхсот шляхтичей, а остальных заточили в тюрьму. Москва так же быстро освободилась от польского ига, как и была захвачена.

Для избрания нового царя надо было созывать Земский Собор. Однако, сторонники покойного Бориса не были уверены, что и на сей раз им удастся посадить на трон своего человека, поэтому решили Собор не скликать, а провести выборы потихому, в своей среде, пригласив на площадь перед Кремлем лишь массовку из верных людей, жителей Москвы.

Наибольшие заслуги перед кланом Годуновых имел, безусловно, князь Василий Шуйский – тот самый, который в 1591 году объявил, что царевича Дмитрия в Угличе никто не убивал, а он сам-де перерезал себе горло. Эта ложь помогла позднее Борису сесть на трон, после чего он раздал все важные должности в государстве своим сторонникам. В благодарность за эту давнюю услугу партия покойного Бориса и избрала Василия Шуй-

ского царём, взяв с него клятву, что он будет править страной с согласия бояр.

Однако во многих городах и землях этот выбор вызвал гневный протест. Отовсюду в столицу стали поступать грамоты, извещающие о том, что народ не признает Шуйского царем, так как он избран не всей Русью, а только Москвой. В городах и землях требовали созвать правомочный Земский Собор из представителей всего народа, а не только Москвы, и провести выборы настоящего царя.

Но до самой весны 1606 года известие о созыве Собора в города и земли так и не поступило. Молчал Шуйский, молчали и окружавшие его бояре. А по весне из Северской земли на восток покатила весть, что Дмитрий и на этот раз не убит, что снова в пределах Польши собирает он войско, чтобы идти на Москву. Тут же три северских города – Белгород, Оскол и Елец, присягнули ему на верность. Расквартированные там царские войска тоже отказались служить Шуйскому, избрали нового воеводу и признали воскресшего Дмитрия законным царем.

Однако слух о втором пришествии сына Ивана Грозного оказался преждевременным. Пока что московские противники Василия Шуйского лишь направили в Северскую землю трёх своих представителей – князей Телатевского и Шаховского и дворянина Молчанова, которые должны были подобрать на роль царевича человека, похожего на Лжедмитрия I, а также воеводу, способного возглавить народное ополчение. Но первая задача оказалась весьма трудной, ведь сходство требовалось полное, так как первого Лжедмитрия очень хорошо знали в Москве. Зато воевода отыскался быстро: Молчанов встретил человека, который был обучен военному искусству в европейских странах и по своим качествам вполне соответствовал званию воеводы. Звали его Иван Болотников.

О происхождении Болотникова мало что известно. Есть сведения лишь о том, что он ещё в детстве был увезён татарами, а потом продан туркам. Через какое-то время его освободили венецианцы и увезли в Венецию. Очевидно, это был человек не простого ряда, так как простолюдина в Европе не стали бы учить военному искусству. Похоже, что он даже командовал там

каким-то войском. О непростом происхождении Болотникова говорит и такой факт. В те времена людей из низших и средних слоев называли уменьшительно-пренебрежительными именами: Ивашка, Стенька, Емелька и т.д. Болотников же во всех исторических документах именуется либо Иваном, либо Иваном Исаевичем.

В 1606 году Иван Болотников возвращался в родное отечество через Польшу, и в Комарницкой волости Северной земли встретил человека, который рассказал ему о событиях в России. Они говорили долго, Болотников не переставал удивляться: это же надо, русского царя дважды убивали, а он оказался жив и скрывается в Польше! Но ещё больше удивился Иван, когда собеседник – а это был посланец бояр Молчанов – предложил ему от имени этого царя стать воеводой народного ополчения, чтобы вернуть русскую корону её законному владельцу.

Болотников поверил рассказу Молчанова, согласился стать «великим воеводой царя Дмитрия». Таким званием он стал подписывать свои грамоты с призывом поддержать законного царя, которые рассылал по всем городам. «Его грамоты, – пишет Н. Костомаров, – произвели мятеж, охвативший Московское государство подобно пожару. В Туле, Кашире, Калуге, Можайске, Орле, Драгобуже, Ржеве провозгласили Дмитрия. Дворяне Ляпуновы подняли именем Дмитрия всю рязанскую землю. Возмутился город Владимир со всею своею землёю. Во многих поволжских городах и отдалённой Астрахани провозгласили Дмитрия. Только Казань и Нижний Новгород ещё держались кое-как за Шуйского. В пермской земле отказали Василию давать ратных людей, служили молебны о спасении Дмитрия и пили чаши за его здоровье. Новгород и Псков оставались пока верными Шуйскому, но псковские пригороды стояли за Дмитрия. Если бы в это время на самом деле явился человек с именем Дмитрия, то вся русская земля пошла бы за ним. Но он не являлся, и многие сомневались в справедливости слухов об его спасении... Тем не менее, к Болотникову стекалась огромная толпа. Он из Северной земли двинулся к Москве. Города сдавались за городами. 2 декабря Болотников был уже в селе Каменском».

Теперь перед повстанцами лежала Москва. Воодушевлённые прежними лёгкими победами, они начали готовиться к штурму столицы. Но тут в руководстве ополченцев произошло смятение: кого садить на трон, если Дмитрий в войске так и не появится. Братья Ляпуновы первыми поняли, что обманулись, поверив в существование Дмитрия, и увели из-под московских стен своих рязанцев. Вслед за ними отказались от штурма и другие дворяне, отряды которые составляли значительную часть ополчения.

Их уход заметно ослабил силы наступающих. В это время из московских ворот вышел со своими ратниками молодой, 20-летний князь Михаил Скопин-Шуйский, дальний родственник царя, человек не только исключительно смелый, но и талантливый. Через несколько лет он станет народным героем, его будут называть спасителем отечества, а сейчас это было его первое сражение. И он выиграл его: решительно ударив по повстанцам, заставил их откатиться от стен столицы.

Потерпев поражение, Болотников отошел к Туле, где в течение зимы приводил свое войско в порядок. К весне 1607 года силы его окрепли, на помощь пришел отряд из Поволжья, возглавляемый человеком, который называл себя Петром, сыном царя Фёдора Иоанновича. И хотя все знали, что никакого сына у Фёдора Иоанновича не было, а самого Петра ещё недавно звали бурлаком Илейкой, народ шёл за ним, чтобы посадить на трон законного наследника престола.

Этого Василию Шуйскому только и не хватало. Чтобы не дать повстанцам начать штурм Москвы объединёнными силами, он послал войска к Туле. А в них нашлись башковитые люди, которые предложили способ, как взять город без боя. Всё оказалось просто: через соседнюю речку проложили гать и вода пошла в Тулу. Болотников и «царевич Пётр» оказались в критическом положении, тут и поступило им предложение царя сдать под гарантию сохранения жизней. Но когда осаждённые, которым ничего не оставалось, действительно сдались, Шуйский приказал Болотникова утопить, а Петра-Илейку повесить.

Но на этом проблемы Шуйского не закончились. С легкой руки Илейки сыновья Грозного, Фёдора Иоанновича и даже

убитого Грозным старшего сына Ивана посыпались отовсюду, как из рога изобилия. Вот их имена: Август, Лаврентий, Фёдор, Ерофей, Климентин, Савелий, Семён, Василий, Гаврила, Мартын. Все они тоже претендовали на царский престол, собирали вокруг себя вооружённые отряды. У Василия Шуйского началась весёлая жизнь.

К лету 1608 года все «сыновья» и «внуки» Ивана Грозного, прежде никому не известные, были, наконец, перевешаны, посажены на кол или утоплены. Никаких «наследников» грозного самодержца, кажется, не оставалось. И вдруг, словно гром среди ясного неба, новая весть: Дмитрий-то царевич всё-таки жив, снова собрал войско и идёт из Польши на Москву отымать у Шуйского трон.

Действительно, войско на Русь вторглось огромное, значительно превосходящее по численности первое и то, которое было у Болотникова. Оно состояло из поляков и литовцев, но много в нем было и русских. Среди последних в стан к новому «Дмитрию», как прежде к Болотникову, стекалось немало знатных людей. Оказавшиеся на пути этой армии города, хотя и не все, с неохотой, большими сомнениями, начинали-таки присягать «законному царю».

Уже к началу июля 1608 года «новый Дмитрий», почти не встречая сопротивления, подошёл к Тушину и заложил там лагерь. А к ноябрю шляхетское войско без особых усилий заняло всё пространство севернее, западнее и южнее Москвы. Теперь уже не только москвичи, но и остальная Русь поняла, что приход так называемого «Дмитрия» принес стране шляхетское порабощение. Очень скоро новоявленного «царя», которого только что называли «настоящим», стали именовать не иначе как «тушинским вором». Ворами в то время на Руси называли не только тех, кто украл, но и вообще, всякого преступника.

Между тем, «тушинский вор» решил взять русскую столицу штурмом. Однако, командовавший царскими войсками Михаил Скопин-Шуйский нанес шляхтичам такой сокрушительный удар, что они обратились в бегство.

Следующим летом этот князь уже бил врага по всем направлениям. В мае 1609 года он наголову разбил польский

отряд под селом Каменка, захватив большое количество трофеев. В июле того же года его войска выбили поляков из Твери. «Тушинский вор» направил против Скопина все оставшиеся у него силы, но молодой князь взял верх и над ними: в сентябре – под Переяславлем, в октябре – под Александровской слободой. А в феврале 1610-го выбил шляхтичей из Тушина, после чего они откатились в Калугу. Преследовать их русским воинам помешала весенняя распутица.

По всей стране в те месяцы гремела слава Михаила Скопина. Отовсюду к нему шли ратные люди, разные города и земли требовали избрать его царем вместо Василия Шуйского. Когда 12 марта 1610 года князь во главе войска вернулся в Москву, чтобы переждать там распутицу, народ падал перед ним на колени, как перед государем, и называл спасителем земли русской.

Лишь один человек в Москве не был рад победам своей армии – сам царь Василий Шуйский. Гадалки предрекали, что править ему недолго, что следующим царём народ изберет Михаила. Теперь Шуйский точно знал, о каком Михаиле говорили гадалки. Через несколько дней всенародного любимца, одержавшего немало побед над врагом и не проигравшего ни одного сражения, царь пригласил на пиршество к своему шурину, и там его отравили.

Как свидетельствуют летописи, хоронила Скопина вся Москва, народ плакал. Гроб с прахом опустили в землю Астраханского собора среди царей и Великих князей московских, как будто князь Скопин тоже был царём. Воспротивиться этому требованию народа Василий Шуйский не посмел.

Тем временем, польский король Сигизмунд потерял всякую надежду, что его второй Лжедмитрий когда-нибудь одолеет Москву. Отбросив дипломатию, он летом 1610 года с огромным войском сам двинулся на Русь. Однако ожидаемых военных побед и теперь не последовало. Войска короля не смогли взять даже Смоленск, что уж тут было говорить о Москве!

Пришлось Сигизмунду снова пустить в ход свою хитроумную дипломатию. В Кремль явилась делегация, якобы из окружения Лжедмитрия. Она предложила боярам сместить с престола непопулярного в народе Василия Шуйского, обещая

взамен привезти в Москву в кандалах своего самозванца. Мол, тогда не из-за чего будет враждовать, и Россия изберет такого царя, какого захочет.

Дипломатия сработала. 17 июля 1610 года Шуйский по требованию бояр отрёкся от престола, а через два дня был насильно пострижен в монахи. И тут вдруг в народе пронесся слух, что хотя царь и нелюбим всеми, его отречение не сулит стране ничего хорошего. Оказывается, многие слышали, как незадолго до этого, в полночь, в Архангельском соборе, где покоятся останки царей и великих князей, вдруг раздался громкий плач, кто-то читал псалмы и пел вечную память. Это знамение истолковали так, что предки оплакивали и отпевали Шуйского как последнего представителя их династии. Ведь Василий был из рода Святого Владимира, Крестителя Руси. Бездетный Фёдор Иоаннович тоже был из этого рода, но перед его кончиной такого знамения не было, потому что династию должен был продолжить Шуйский. Стало быть, говорили толкователи, теперь пришло время иному роду царствовать на Руси.

Между тем, бояре послали своих людей сказать полякам, что их просьба выполнена, надо, мол, и им выполнять обещание. Однако Лжедмитрия в кандалах Москва так и не получила. Вместо посольства с закованным «тушинским вором» к столице прибыл с войском коронный гетман Жолкевский, предложивший боярам заключить договор, по которому русские соглашались бы принять на царский престол польского королевича Владислава. Взамен поляки обещали боярам неограниченную волюницу.

Это была неслыханная наглость. На памяти русских поляки всегда отличались вероломством, но теперь-то они пришли вроде бы для благого дела – помочь сыну Ивана Грозного вернуть отцовский престол. Поэтому в первый раз польское войско беспрепятственно пропустили в Москву, да и сейчас многие города присягнули «тушинскому вору», думая, будто он – настоящий Дмитрий. На деле же выходило, что король Сигизмунд домогался русского трона для себя и что вторглись поляки на русскую землю как завоеватели.

Опять же возник вопрос: где сам «тушинский вор», почему поляки его не выдают? Вразумительного ответа Жолкевский дать не смог, но из окружения самого самозванца пришло известие, что Дмитрий убит каким-то татарским мурзой или ханом. Это ещё больше настроило многих в Москве против поляков: раз нет «Дмитрия», то и Сигизмунду с его войском в России делать нечего.

Несмотря на оскорбительность польского предложения, бояре все же начали переговоры с Жолкевским. Они шли трудно и долго. Подписывать договор о согласии короновать королеви́ча Владислава на российский престол бояре не имели права, так как царя на Руси по закону и обычаю избирал Земский Собор, состоящий из выборных людей всех городов и земель. Однако обещание Жолкевского дать боярскую вольницу возымело действие: начался торг по поводу этих вольностей.

На какое-то время Кремль превратился в базар, где на продажу был выставлен небывалый товар – крупнейшая и богатейшая в мире страна Россия. Группа высших бояр готова была продать её с потрохами, но боялась продешевить. Что же потребовали эти вурдалаки за сдачу под польское иго своей Родины?

Прежде всего, чтобы претендент на русский престол сменил веру и перешёл из католичества в христианство. Лично боярам эта мера ничего не давала, но она была очень нужна для успокоения народа. Мол, да, поляки зарекомендовали себя как агрессоры, но это было в прошлом, теперь-то мы одной веры. Поэтому да возлюбим наших братьев во Христе!

Но не тут-то было – поляки уперлись. Даже такую мизерную уступку, которая во всём мире в подобных случаях давно считалась чисто символической, Жолкевский считал неприемлемой. Пришлось снять это требование. А вот по поводу боярских льгот поляки оказались более стоворчивы. Жолкевский быстро согласился, чтобы государственные должности при царе занимали только русские бояре, чтобы царь не отнимал имущество, не казнил и не ссылал знатных людей без боярского приговора, не назначал поляков на должности старост и т.д.

Наконец подошли к одному из главных вопросов: о введении в стране крепостного права. Бояре считали, что здесь придётся поломать копыя, однако, поладили быстро. Жолкевский сказал, что раз есть на это боярская воля, то царь Владислав после коронации запретит крестьянам переходить от одного помещика к другому и введёт в России крепостное право.

Через три недели торгога договор был подписан. С русской стороны на документе поставили подписи якобы от имени верховной власти три самых старших боярина – князя Фёдор Мстиславский, Василий Галицын, Данило Мезецкий и два думных дьяка – Телепнёв и Луговский. После этого в Москве были открыты все ворота и войска Жолкевского вошли в столицу без единого выстрела.

Гнев и возмущение вызвало это по всей Руси. Ни народ, ни большинство бояр не признали договор, скреплённый подписями людей, на то не уполномоченных. Сигизмунд оказался в сложной ситуации. Он теперь мало верил в силу своих войск, которые за столько месяцев не смогли взять даже Смоленск. Как же можно было везти в Москву сына, чтобы посадить на русский трон?

А Смоленск продолжал держаться до лета 1611 года. Только после годовой осады смоляне сдались. Обрадованный этим событием, Сигизмунд поспешил в Польшу и устроил там грандиозный спектакль, который должен был жестоко посрамить Россию и показать всему миру силу и величие польской короны. Вот как описывает этот спектакль Н. Костомаров:

«Коронный гетман ехал в открытой, богато убранной коляске, которую вели шесть турецких белых лошадей. За его коляской везли Шуйского в открытой королевской карете. Бывший царь сидел между своими двумя братьями... Поляки с любопытством разглядывали его изможденное сухощавое лицо и ловили мрачный взгляд его красноватых больных глаз... Поезд двигался по Краковскому предместью в замок, где в сенаторской избе был в сборе весь сенат, двор, знатные паны Речи Посполитой. На троне сидел король Сигизмунд с королевой, а по бокам члены королевской фамилии. Ввели пленных. Василия с

братьями поставили перед троном. Жолкевский выступил вперед... Указывая на Василия, он сказал:

– Вот он, великий царь Московский, наследник московских царей, которые столько времени своим могуществом были страшны и грозны польской короне и её королям, турецкому императору и всем соседним государствам. Вот брат его, предводитель 60-тысячного войска, мужественного, храброго и сильного. Недавно ещё они повелевали царствами, княжествами, областями, множеством подданных, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но по воле и благословию Господа Бога над вашим величеством, мужеством и доблестью польского войска, ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишённые, обнищавшие, поверженные к стопам вашего величества и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии».

Коронный гетман явно перестарался в своей речи: он привез к ногам короля не русского царя, смещённого с трона силой польского оружия, а всего лишь рядового монаха. Этот монах не был пленён в сражении благодаря мужеству и доблести польского войска – его захватила в мирной монастырской келье и передала в руки врага кучка корыстных русских бояр.

Да, Москва и некоторые другие города и земли на Руси теперь были под поляками и литовцами, на севере часть районов оккупировали шведы. Однако, большая часть России по-прежнему оставалась непокорённой и не занятой врагом. В разных концах страны звучали призывы к объединению, сплочению всех сил для изгнания иноземных захватчиков. Начали формироваться народные ополчения.

Первое, сформировавшееся в 1611 году в рязанской земле, возглавили братья Ляпуновы, уже пытавшиеся пять лет назад штурмовать Москву вместе Иваном Болотниковым. Их войско, как и то, пятилетней давности, теперь тоже попыталось взять столицу, и опять неудачно. Однако в следующем, 1612 году, ещё большее ополчение образовалось на Волге, близ Нижнего Новгорода. Возглавили его нижегородский земский староста Козьма Минин и местный князь Дмитрий Пожарский, приехавший домой залечивать раны, полученные год назад при попытке первого ополчения освободить от поляков столицу.

Люди жертвовали на создание народной рати последнее, в неё вступали все, кто мог держать оружие. Осенью 1612 года ополчение под командованием Минина и Пожарского двинулось на север, к Москве. 22 октября оно очистило от поляков и литовцев Китай-город. А 25 октября был освобождён московский Кремль. Ополченцы захватили большое количество пленных и оружия, оккупационная армия короля Сигизмунда перестала существовать. Таким образом, 25 октября Москва стала свободной. По новому стилю это соответствует 7, а не 4 ноября, как считают сейчас.

К моменту освобождения Россия представляла жалкое зрелище. Вот что пишет Н. Костомаров:

«Внутри государства многие города были разорены дотла, а сама Москва находилась в развалинах. Повсюду ходили многочисленные шайки под именем казаков. Они грабили и сжигали жилища, убивали и мучили людей. Внутренние области сильно обезлюдели. Повсюду была крайняя нищета, в казне не было денег, разорённым подданным нечем было платить дань государству... Неуверенность в безопасности, постоянная боязнь врагов, страх грозы, каждую минуту готовой ударить сверху, подавляли всякое стремление к улучшению жизни».

Среди высших бояр снова началась ожесточённая борьба за трон. Прямых царских наследников больше не осталось, но претендентов на престол было хоть отбавляй. С особой яростью добивались царской короны князья Воротынские, Трубецкие, Голицыны, даже Шуйские и те предлагали посадить на трон Василия, который находился в польском плену.

На этот раз для избрания царя созвали Земский Собор, но земцы никак не могли определиться с кандидатурой. Представители знатных боярских родов покупали голоса, пресекали агитацию против своих выдвиненцев.

Народ с нетерпением ждал результатов голосования. Люди даже устроили трехдневный пост и совершили крестный ход, моля Бога, чтобы он вразумил выборных и те избрали хорошего царя. После этого на Соборе прозвучало имя Дмитрия Пожарского. Люди, собравшиеся на площади, встретили это предложение гулом одобрения. Однако против тут же выступили знат-

ные вельможи, заявив, что князь Пожарский не может быть избран царём, поскольку не является даже простым боярином, а тем более не входит в боярскую думу.

Наконец, вспомнили о Романовых, двоюродных братьях Ивана Грозного, больше всех пострадавших от Бориса Годунова. Одного из этого рода – 16-летнего Михаила 11 июля 1613 года и венчали на царство. Правы оказались гадалки: после Василия Шуйского русским царём действительно стал Михаил, только не Скопин.

Но и после избрания нового, законного государя на Руси ещё некоторое время продолжалось фактическое безвластие. До достижения Михаилом Романовым совершеннолетия страной правили по-прежнему бояре, пекущиеся лишь о том, чтобы умножить своё состояние. Вот что писал об этом находившийся в то время при дворе один из голландских дипломатов:

«Все приближение царя – несведущие люди, ловкие и алчные волки. Все, без различия, грабят и разоряют народ. К царю нет доступа без больших издержек; прошение нельзя отдать в приказ без огромных денег, и тогда ещё не известно, чем кончится дело».

А вот другое свидетельство из того времени:

«Все лица, которым доверяется управление и правосудие, грабят и притесняют подданных царя не хуже иноземных завоевателей. Молодого царя тотчас окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые захватывают себе как можно больше земель, прихватывая даже государевы дворцовые села».

Так заканчивался на Руси этот непростой период, начавшийся после смерти Ивана Грозного и продолжавшийся почти тридцать лет – до избрания царем Михаила Романова. В историю он вошел под названием «смутное время». Это был уже второй случай, когда огромная страна, не уступавшая по размеру остальной Европе, вдруг оказалась под игом иноземцев и могла прекратить свое существование, а её народ – даже исчезнуть с лица земли. Оба раза от такого конца её отделяли каких-нибудь полшажка, хотя изначально такого поворота событий никто не мог бы предугадать. Это был не тот случай, о котором говорят: сила ломит силу. Нет, ни Киевская Русь, ни Москов-

ская никому не уступали в могуществе. Русский народ не был беден и слаб, его храбрость в сражениях хорошо знали в Европе, а потом узнали и в Азии. Но оба раза страну привели на край пропасти... собственные правители: сначала князья своими междоусобными войнами, потом бояре, превратившие государство в свою кормушку.

И в том, и в другом случае спас страну «не бог, не царь и не герой», а простой народ. В минуты смертельной опасности он всегда выдвигал из своей среды тысячи и тысячи безымянных героев. Вспомним, как защищали свой город от батыева полчища жители Козельска, которые, не имея князя, сами предпочли умереть, чем попасть в рабство. Задержав Батю у своих стен на семь недель, они, фактически, спасли от нашествия татаро-монголов остатки северо-русских земель, откуда и началось потом освобождение.

То же случилось и в 1612-м. Пока московская «семибоярщина» извлекала выгоду из дарованной ей поляками вольницы, народ создавал ополчения, чтобы освободить страну. В такие моменты на Руси всегда появлялись могучие личности, встававшие во главе народной борьбы. И если среди столичных правителей не оказывалось Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Мстислава Удалого, Александра Невского, Дмитрия Донского, то глубинка давала таких людей, как Козьма Минин и Дмитрий Пожарский.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ

В мире волков трудно жить, сохраняя свое природное благородство. Тем, кто великодушен, полон высоких чувств, благо-расположен к окружающим, эти качества нередко выходят боком. Такую картину мы и видим на заре нашей государственности, когда складывались границы многих стран.

Как уже говорилось, восточные славяне, ставшие единым русским народом после образования Киевской Руси, ни у кого не отбирали землю с помощью оружия. Они никогда не нарушали границ ни Швеции, ни Польши, ни Литвы, ни Ливонского

ордена, а вот сами постоянно страдали от этих милых соседей. Правда, в XIII веке Киевская Русь распалась на отдельные княжества не от ударов внешних врагов, а из-за алчности собственных князей, устроивших внутреннюю междоусобную бойню. Но не вызывает сомнения: рано или поздно она снова объединилась бы и снова стала огромным сильным государством с центром в Киеве ли, в Москве ли – неважно. Увы, этому помешало нашествие татаро-монголов.

Когда же в XV веке Золотая Орда распалась на отдельные ханства, то южно-русские княжества, тяготеющие к Киеву, и северо-русские (вокруг Москвы, Новгорода, Суздаля и т.д.), к сожалению, пошли разными путями. Первые снова оказались под гнетом – сначала Великого княжества Литовского, потом – Польского королевства. А вторые долго боролись с агрессивными соседями на севере, западе, юге и сумели отстоять свою независимость.

Народ южнорусских княжеств тоже боролся против поработителей-соседей, однако освободиться ему оказалось не под силу. Пришлось в течение двух веков гнуть спину на литовцев и поляков, но этого мало – с юга постоянно совершали опустошительные набеги ещё и свирепые крымские ханы, а то и турки.

Ни литовский князь, ни польский король и не думали о безопасности южнорусского населения, страдающего от этих постоянных набегов. Местные крестьяне, ремесленники и прочие граждане, вынуждены были защищать себя сами – мужчины учились владеть оружием с детских лет и постоянно носили его при себе. В городах Черкасске, Каневе и окрестных селах, ближе всех расположенных к Крымскому ханству, из крестьян, ремесленников, торговцев и т.д., наиболее способных к ратному делу, местные власти создали постоянное военное сословие, в обязанности которого входило быть готовым в любую минуту к отражению татарских набегов. Этим ратникам платили жалованье за счет налога на остальных граждан и предоставляли некоторые экономические льготы. Называли таких вооруженных людей из простого народа казаками.

Казачья конница быстро укоротила ненасытные аппетиты татар. Теперь они уже не могли застать русские поселения врас-

плох. Им давали отпор ещё на подступах к вожделенным объектам грабежа, и нередко бывало так, что они едва ноги уносили. А если сами казаки не могли противостоять превосходящим силам противника, то успевало вооружиться и прийти на помощь остальное мужское население.

Как утверждает Николай Костомаров, землю при Черкаске и Каневе тогда называли Украиной, то есть находящейся у самого края. Ученый пишет, что это слово встречается ещё и в летописях XII века – им тоже называли окраинные земли. Но теперь оно стало больше ассоциироваться не с местонахождением земли, а с наличием там все более популярного в народе казачества. По мере того, как такая форма организации самообороны, то есть казачество, распространялась и на другие земли, их тоже стали называть Украиной.

Владычествовавшие над Украиной Литва и Польша, быстро разглядели в казачестве большую опасность для своих интересов. Сия опасность заключалась не в том, что с появлением казачества Украина могла пойти войной на их территории, а в возможности ниспровержения ею польско-литовского гнета. Поэтому сначала Литва и Польша, а потом объединенная Речь Посполита ограничили численность казаков на Украине жесткими рамками и любые попытки где бы то ни было создать новые казачьи объединения решительно пресекались. Выполняя жандармские функции, оккупационные польские и литовские войска вели себя бесцеремонно, не гнушаясь ни грабежами, ни насилием над местным населением. В народе все более крепло убеждение, что покончить с этим варварством, освободиться от гнета Украина сможет, лишь объединившись с северной Русью, на глазах превращавшейся в могучую державу.

В 1559 году украинский гетман Вышневецкий обратился к Ивану Грозному с просьбой принять южнорусские земли в состав России. Однако окружение царя советовало ему пока с этим повременить. Ведь Российское государство только что пережило две войны, хотя и закончившихся победами над Казанским и Астраханским ханствами, но стоивших стране немалых жертв. К тому же сразу – в 1558 году началась ещё более кровопролитная война – с Ливонским орденом, тем самым, вторжение которого

на Русь пресек Александр Невский, разгромив в 1242 году немецких псов-рыцарей на Чудском озере.

С того времени немецкий орден обосновался на территории нынешних Латвии и Эстонии, создав там военно-католическое государство. Рыцари-крестоносцы постоянно вторгались в пределы Руси, захватывая то одни, то другие земли. Через Ливонию Ватикан стремился навязать России католическую веру.

Иван Грозный хорошо понимал, что начатая с Ливонией война будет трудной, так как рыцарей-крестоносцев наверняка поддержит Германия. Если же Украина войдёт в Россию, то против Москвы непременно начнут военные действия ещё и Литва с Польшей. Сражаться против такой коалиции русским войскам было бы очень тяжело. Видимо поэтому предложение Вышневецкого пока не было принято.

Однако такая предосторожность не помогла: поляки и литовцы все-равно вступили в войну на стороне Ливонии. В результате, несмотря на то, что русские войска наголову разгромили ливонцев и в 1561 году орден перестал существовать, военные действия продолжались аж до 1583 года. В той или иной форме в них участвовал и остальной католический мир: например, против русских воевали 170 тысяч наемников из разных стран Европы, купленных на немецкие деньги. На стороне коалиции выступила и Швеция. Эта война, продолжавшаяся в общей сложности двадцать пять лет, завершилась подписанием мирных соглашений лишь за год до смерти Ивана Грозного.

Наступившее вслед за тем «смутное время», как мы знаем, свергло Россию в такое жалкое состояние, что обращаться к ней за помощью ещё раз украинским гетманам было бессмысленно. Да и после изгнания поляков из Москвы страна ещё долго приходила в себя. При первом царе из династии Романовых Михаиле Россия попробовала было вновь показать зубы – в 1632-1634 годах пыталась вернуть отнятые в «смутное время» Польшей Смоленскую и Черниговскую земли, но силенок не хватило. Польша теперь выступала единым фронтом с Литвой, объединившись с ней в так называемую Речь Посполиту.

Все это время Украина официально являлась вассалом Польского Королевства, знатные круги которого беззащитно грабили и притесняли украинский народ. Расходы на войны, оплата наемников ложились тяжелым бременем не только на польское и литовское население, но в ещё большей степени на украинское.

Особенно жестокий гнет приходилось терпеть крестьянству. Все земледельцы со своими семьями и имуществом принадлежали теперь польским панам, однако сами они на Украине не показывались, а отдавали «свои» владения в аренду «с полным правом панского господства над холопами» (выражение Н. Костомарова). Дело это для них было очень выгодным, позволяло панам жить в роскоши. Вот что писал на сей счет тогдашний польский публицист Старовольский:

«Прежде шляхтич ездил на простом возе, а теперь катит шестерню в коляске, обитой шелковой тканью с серебряными украшениями. Прежде пивали доброе домашнее пиво, а теперь и конюшни пропахли венгерским. Все наши деньги идут на заморские вина и на сладости... Заработки убогих подданных, содранных иногда с их слезами, а иногда со шкурою, потребляются господами, как гарпиями. Одна особа в один день пожирает столько, сколько зарабатывают много бедняков в долгое время. Все идёт в один дырявый мешок – брюхо».

Конечно, знатный пан пожирал все это не один – он держал при себе множество шляхтичей с женами. Считалось, что чем больше в его окружении дармоедов-бездельников, тем он знатнее. Поэтому устраивались не просто обеды, а настоящие пиршества. Один французский путешественник, побывавший в Речи Посполитой, утверждал, что повседневный обед польского пана стоит дороже, чем званый во Франции.

«Все это падало на рабочий крестьянский класс, – пишет Н. Костомаров. – Кроме обыкновенной панщины, зависевшей от произвола владельцев, они были обременены множеством разных мелких поборов. Каждый улей был обложен налогом под именем «очкового»; за вола платил крестьянин «роговые»; за право ловить рыбу – «ставщину»; за право пасти скот – «опасное»; за измол муки – «сухомельщину»... Едет ли пан на сейм,

или на богомолье, или на свадьбу – на подданных налагается какая-нибудь новая тягость».

Арендаторы земли, фактически ставшие на Украине такими же панамы, придумали и ещё одну хитрость, особенно возмущавшую местных жителей. Пользуясь враждебным отношением государства к православной вере, они стали брать в аренду... церкви. И взимать плату за крещение младенцев, венчание молодоженов, отпевание покойника и вообще за любое богослужение. Теперь, чтобы попасть, скажем, к заутрене, вечерне, служение в церковные праздники, надо было доставать кошелек и платить пану.

Абсолютное бесправие, постоянные издевательства со стороны всевозможных управляющих, старост, бесчинства расквартированных по крупным селам жолнеров (польских солдат) сопровождали украинского крестьянина от рождения и до самой смерти. Известный иезуит Скарга, знакомый с порядками во многих странах, утверждал, что «на всем земном шаре не найдётся государства, где бы так обходились с земледельцами, как в Польше». А вот оценка тогдашней реальности уже упоминавшегося Старовольского:

«Много толкуют у нас о турецком рабстве. Но это касается только военнопленных, а не тех, которые, живя под турецкой властью, занимаются земледелием или торговлей. Они, заплативши годовую дань, свободны... В Турции никакой паша не может последнему мужику сделать того, что делается в наших местечках и селениях... Любой азиатский деспот не замучает за всю жизнь столько людей, сколько их замучат за один год в свободной Речи Посполитой».

Правдивость этих слов подтверждают украинские и русские летописи. «И мучительство фараоново ничего не значит против ляхского тиранства, – говорится в украинской летописи. – Ляхи детей в котлах варили, женщинам груди выдавливали деревом и творили иные неисповедимые мучительства». «Польские и литовские люди, – утверждает великорусская летопись, – людей собирая в хоромы, пожигали и пищальное зелье (порох) насыпав им в пазуху, зажигали, и сосцы у жен резали».

В конце концов, эти издевательства привели к народному восстанию под руководством Богдана Хмельницкого. Сторонники Богдана, переодетые в нищих и богомольцев, начали ходить по стране, призывая народ собираться в Запорожской Сече. Вскоре под знаменами Хмельницкого было уже до 8 тысяч человек, с ними он летом 1648 года и выступил против поляков. После первой победы войско восставших ещё больше увеличилось, но главное – народ восстал против ненавистных поработителей почти во всех южнорусских землях.

В Польше в это время умер король, власть до выборов нового монарха перешла к сейму. Сенаторы немедленно приняли решение собрать в помощь регулярной армии шляхетское ополчение. То есть, говоря по-русски, ополчение, состоявшее из дворян. Этих дворян было собрано и отправлено против Хмельницкого 36 тысяч, они похвалялись дать «сокрушительный» бой значительно уступавшим им по численности восставшим южнее Львова.

То, что произошло вскоре в этом месте, никто из историков ещё не описал лучше Н. Костомарова. Поэтому предоставим ему слово:

«Польское шляхетство в это время не отличалось воинственностью, проводило в своих имениях спокойную и веселую жизнь, пользуясь изобилием, которое доставляли ему труды порабощенного народа... Привычка считать холопов полускотами побуждала поляков смотреть легкомысленно на войну. «Против такой сволочи, – говорили паны, – не стоит тратить пуль, мы их плетью разгоним по полю!» Польский военный лагерь сделался сборным местом, куда поляки ехали не драться с неприятелем, а повеселиться и пощеголять. Друг перед другом они старались выказать ценность своих коней, богатство упряжи, красоту собственных нарядов, позолоченные луки на седлах, сабли с серебряною насечкою, чепраки, вышитые золотом, бархатные кунтуши, подбитые дорогими мехами, на шапках кисти, усеянные драгоценными камнями, сапоги с серебряными и золотыми шпорами; но более всего паны силились отличиться один перед другим роскошью стола и кухни. За ними в лагерь везли огромные склады посуды, ехали толпы слуг; в богато украшенных

панских шатрах блистали чеканные кубки, чарки, тарелки, даже умывальники и тазы были серебряные; и было в этом лагере, по замечанию современников, больше серебра, чем свинцу. Привезли паны с собою бочки с венгерским вином, старым медом, пивом, запасы варенья, конфет, разных лакомств, везли за ними богатые постели и ванны, одним словом, это был увеселительный съезд панов. С утра до вечера отправлялись пиры с музыкою и танцами. Между тем, многочисленная прислуга, прибывшая с панами для служения их затеям, и наемные солдаты, которые, получив жалованье вперед, истратили его, бесчинствовали над окрестными жителями, грабили их...

20 сентября приблизился Хмельницкий к этому роскошному польскому стану, маленькая речка Пилявка отделяла казаков от поляков. После незначительной схватки русские пленники напугали поляков, что с Хмельницким идёт огромное войско, и он с часу на час дожидается хана с ордою. Это произвело такой всеобщий и внезапный страх, что ночью все побежали из лагеря, покинув свое имущество на волю неприятеля. Утром рано Хмельницкий ударил на бегущих; тогда смятение усилилось, поляки кидали оружие... покидали раненых и пленных; иные погибали в толпе от давки. Победителям почти без выстрела досталось сто двадцать тысяч возов с лошадьми; знамена, щиты, шлемы, серебряная посуда, собольи шубы, персидские ткани, рукомойники, постели, кушанья, сласти – все лежало в беспорядке; вин и водки было так много, что при обыкновенном употреблении стало бы их для всего войска на месяц. Холопы набросились на драгоценности, лакомства, вина – и это дало возможность убежать полякам».

Но это была не окончательная победа над ненавистными ляхами. «Хмельницкий мог идти прямо на Варшаву, – пишет далее Н. Костомаров, – навести страх на всю Речь Посполиту, заставить панов согласиться на самые крайние уступки; он мог бы совершить коренной переворот в Польше, разрушить в ней аристократический порядок, положить начало новому порядку... Но Хмельницкий на это не отважился. Он не был ни рожден, ни подготовлен к такому подвигу... На первых порах совершил он историческую ошибку, за которую последовал ряд

других, и, таким образом, восстание Южной Руси пошло по другому пути, а не по тому, куда вели его в начале обстоятельства».

Новый польский король, взойдя на престол, потребовал от Хмельницкого вернуться назад, в пределы южной Украины, и Богдан безропотно повиновался ему, направив монарху покаянное письмо и заверяя его в своей преданности.

Однако, не зная об этом, народ встретил возвращение своего войска восторженно. При вхождении гетмана-победителя в Киев палили пушки и звонили колокола, хор бурсаков пел песни, толпы людей приветствовали Хмельницкого и называли спасителем отечества. Но сам Богдан почему-то был грустным. Это выяснилось очень скоро, когда от польского короля прибыли комиссары, которые привезли ему грамоту на гетманство, осыпанную сапфирами булаву и красное знамя с изображением белого орла. Сии атрибуты власти Хмельницкий принял на площади при большом стечении народа, и люди поняли, что он вновь склоняет голову перед королем, а Украина останется в подчинении Польши.

Это вызвало возмущение народа – толпа взревела от негодования. Люди кричали, что, скинувши панское ярмо, они больше не хотят его одевать, что отныне с поляками разговор будет короток – только на языке оружия. Едва Богдану удалось увести королевских комиссаров с площади в целости. Услышал он и нелестные крики в свой адрес: «Предатель!»

Разительная перемена, произошедшая с людьми после принятия Хмельницким королевских милостей, видимо, отрезвила его. Угощая вскоре «дорогих гостей» обедом, он был уже совсем другим человеком – исчезла меланхолия, вернулись решительность и твёрдость. Вот какие слова Богдана, обращенные к комиссарам, приводит Костомаров:

« – Ничего не будет из вашей комиссии. Война должна начаться недели через две или четыре. Переверну я вас, ляхов, вверх ногами, а потом отдам вас в неволю турецкому царю... Я хоть себе небольшой человек, да вот Бог мне так дал, что я теперь единовластный самодержец русский!.. Выбью из ляхской неволи весь русский народ. Весь черный люд поможет мне, а я

от него не отступлюсь. У меня будет двести тысяч, триста тысяч войска... Стану над Вислою и скажу тамошним ляхам: «Сидите, ляхи! Молчите, ляхи!..» Не останется ни одного ляха, ни одного шляхтича на Украине; а кто из вас с нами хочет хлеб есть, тот пусть войску Запорожскому будет послушен и не брыкает».

Слушая эту речь, паны, как сами потом говорили, одеревенели от страха. Окружавшие Хмельницкого полковники при этом говорили:

– Уже прошли те времена, когда ляхи были нам страшны; мы под Пилявцами испытали, что это уж не те ляхи, что прежде бывали... Померли от страха, как только нас увидели.

Эти казацкие речи вызвали негодование в польском сенате. Королю дали согласие готовить войско для нового похода на Украину, разрешили собрать и ополчение. То же делал и Хмельницкий. «В Украине, – пишет Н. Костомаров, – происходил сбор целого народа на войну. Пустели хутора, села, города. Поселянин бросал свой плуг, надеясь пожить за счет панов, на которых прежде работал; ремесленники покидали свои мастерские, купцы – свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевых курганов), банники – бежали в казаки. В тех городах, где было магдебургское право, почтенные бургомистры и канцеляристы побросали свои уряды и пошли в казаки, обривши себе бороды (по обычаю того времени военные брили себе бороды)... Презрение и насмешки ожидали людей, не участвующих в восстании; только калеки, старики, женщины и дети оставались дома.

Два войска сошлись под городом Збаражем, казаки осадили поляков. На помощь им пришел с армией сам король, но и он оказался на грани разгрома. Передовые казачьи силы уже пробились с боем к тому месту, где находился польский монарх, ещё немного – и он был бы взят в плен. Но неожиданно пришел приказ отступить, и казаки в недоумении откатились назад. А с Богданом произошло то же, что и в прошлый раз, когда появился король. Он направил Яну-Казимиру письмо, в котором просил не считать его мятежником и уверял, что за оружие взялся лишь для того, чтобы вернуть себе милость короля. «Вашему величеству было угодно, – добавил он, – назначить вместо меня

гетманом казацким пана Забусского, извольте прислать его в войско, я тот час отдам ему булаву и знамя».

Да, Богдан вдруг сделался другим: вместо того, чтобы «перевернуть ляхов вверх ногами», как обещал, он согласился подписать с ними мирный договор. По нему казакам давались кое-какие дополнительные вольности, но Украина по-прежнему оставалась под властью Польши. Всем участникам восстания была обещана амнистия.

Такие колебания гетмана принесли народу Украины ещё несколько лет неопределенности и страданий. Подписанный с казаками мирный договор поляки тут же нарушили. Снова лилась кровь, то одна, то другая сторона обращались за помощью к крымскому хану, он обещал содействие, но слово свое нарушал. Однажды за помощь полякам одолеть Хмельницкого хан потребовал с них сто тысяч «червонных» и право брать на обратном пути сколько угодно пленников. Те согласились, но с условием, что татары в течение сорока дней будут брать только русских и не трогать поляков (русскими тогда называли украинцев все соседние народы – татары, поляки, литовцы, турки). Крымский хан на это согласился, однако татары увели с собой и много шляхтичей, их жен и детей.

Ещё в начале восстания Хмельницкий обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять народ Украины в состав России. Но, похоже, этот человек был весь соткан из противоречий – добившись первых побед над поляками, он стал похваляться, что дойдёт и до Москвы и разнесет её в клочья. Мог ли русский царь иметь дело с таким неуравновешенным, склонным к крайностям государственным деятелем?

После нескольких поражений от поляков число сторонников Хмельницкого начало сокращаться. Богдан снова пытался поправить дело с помощью дипломатии, но это плохо получалось. В результате заключения одного из договоров у него вместо трех воеводств осталось лишь одно – Киевское, а число казаков сократилось вдвое.

А тут ещё люди из Украины начали переселяться на территорию России. Целый казачий Острогожский полк обратился к Алексею Михайловичу за разрешением поселиться в северо-

русской земле. Царь разрешил. Казаки переехали на новое место жительства со всем своим скарбом, скотом, сельхозинвентарем, вооружением, сохраняя военное устройство. В 1652 году они основали на реке Тихая Сосна поселение Острогожск (ныне город в Воронежской области). После этого в плодородную степь Поволжья буквально хлынули люди с Днепра, Буга, из других мест Украины. Королевские войска пытались преградить им дорогу, но переселенцы, уходя от польского ига, шли с ружьями и даже с пушками – поди останови. На пустующих землях Московии появлялись все новые и новые поселения – Сумы, Белополье, Лебедин, Харьков и т.д.

Наконец, в 1653 году Хмельницкий снова обратился к царю с просьбой принять Украину под свою руку. На сей раз, видимо, понимая всю безвыходность положения украинского казачества, Алексей Михайлович созвал Земский собор и попросил вынести приговор: принимать украинского гетмана под царскую корону или нет? Мнение земцев было единодушным, они заявили, что новый польский король, вступая на престол, давал клятву не притеснять никого за православную веру, поэтому православный гетман Малороссии и его казаки тоже присягнули ему на верность, но король нарушил свое слово и разорил много церквей, стало быть, и гетман с казаками свободны от данного ему обязательства. Посему, говорили земцы, если Хмельницкий просит принять Украину в состав России, то следует его просьбу удовлетворить.

Алексею Михайловичу предстояло принять нелегкое решение. Он понимал, что за принятием Украины под Московскую корону непременно последует возобновление войны с Польшей, с которой не воевали уже двадцать лет. Но земцев поддержали промышленные и торговые люди, пообещав пожертвовать на такое святое дело часть своих капиталов. Военачальники тоже заявили, что будут биться с поляками не на жизнь, а на смерть, тем более, что пора уже вернуть в состав России Смоленскую и Черниговскую земли. Благословил присоединение Украины и патриарх.

8 января 1654 года Хмельницкий созвал в городе Переяславе свою генеральную раду. Перед полковниками, есаулами,

сотниками явились три московских посла с известием о царском решении. Вот как описывает этот момент Н. Костомаров:

«Гетман говорил:

– Бог освободил нас из рук врагов..., хотевших искоренить нас так, чтоб имя русское не упоминалось в нашей земле. Но нам нельзя более жить без государя... Православный христианский царь восточный – одного с нами греческого благочестия; мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский... прислал к нам ближних людей с царскою милостью. Кроме царской высокой руки, мы не найдем пристанища; а буде кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет: вольная дорога!

Раздались восклицания:

– Волим под царя восточного!..

Тогда переяславский полковник начал обходить казаков и спрашивал:

– Все ли такое соизволяете?

– Все, – ответили ему...

Прочитаны были условия нового договора. Смысл его был таков: вся Украина, казацкая земля присоединялась под именем Малороссии к Московскому государству, с правом сохранять особый свой суд, управление, выбор гетмана вольными людьми, право последнего принимать послов и сношаться с иноземными государствами (кроме крымского хана и польского короля)».

После утверждения договора генеральной радой начали присягать Московскому царю на верность. И тут обнаружилось, что не все малороссы этого хотят. Со знатью дело ясное: многие местные паны и при власти польских панов жили хорошо, не притеснялись, а в чем-то даже имели привилегии. Кроме того, за двести лет они привыкли к польским обычаям, культуре, языку. Поэтому одни просто не принимали присяги, другие принимали неохотно, по необходимости, опасаясь осуждения народа. Но, к удивлению, против объединения с остальным православием оказалось духовенство, притесняемое польской властью. Украинский митрополит не благословил договор, священнослужители не стали принимать присягу и запретили делать это людям, служившим при духовных особах, церквях и монастырях, а так-

же крестьянам, работавшим на церковных и монастырских землях.

Зато простой народ, вдоволь хлебнувший польского лиха, дружно присягал Московскому царю. Правда, и в его среде высказывались сомнения. Кто-то пустил слух, что москали, мол, хотят запретить малороссам носить сапоги и черевики, прикажут им надевать лапти, отменят другие местные обычаи. Был и такой слух, что всех православных малороссов заставят перекрещиваться. Но, не смотря ни на что, подавляющее большинство населения приняло-таки присягу, после чего Алексей Михайлович утвердил подписанный с двух сторон договор. Таким образом, в начале 1654 года и Малая Русь с матерью городов русских Киевом после четырех веков отторжения соединилась с остальными русскими землями.

Однако уже весной того же 1654 года польские войска вновь начали военные действия. К ним присоединился Крымский хан, готовый за деньги воевать с кем угодно. Немецкий император тоже пригрозил Хмельницкому войной, если он не помирится с поляками и не вернется под их власть. Турецкий султан готов был поступить так же – ему не хотелось объединения русских и укрепления их могущества.

Однако в течение 1654-1655 годов русская армия разгромила главные силы Речи Посполитой, освободила Смоленщину и большую часть Белоруссии, помогла справиться с поляками казачьим полком Богдана Хмельницкого. После этого в военных действиях наступило затишье – вторгаться на территорию собственно Польши русский царь не стал. А вот польский король, приведя в порядок свою изрядно потрепанную армию, начал засылать к Хмельницкому послов, которые стали уговаривать гетмана «сбросить Московскую протекцию, соединиться со своими старыми соотечественниками как равные с равными, вольные с вольными». Последний посол с таким предложением явился к Хмельницкому незадолго до его смерти. «Я одной ногой стою в могиле, – отвечал гетман, – и на закате дней не прогневаю Бога нарушением обета царю Московскому. Раз я поклялся ему в верности, сохраню её до последней минуты».

К сожалению, после его смерти (27 июля 1657 года) в Малороссии началась внутренняя междоусобица. Ещё до вхождения в Россию страна там как бы разделилась на две части – Правобережную и Левобережную по отношению к Днепру. Что бы ни той, ни другой стороне не было обидно, Хмельницкий создал в каждой по двенадцать казачьих полков. И вот теперь между полковниками и старшинами началась настоящая драка за гетманскую булаву. В Москву летели доносы, претенденты на высший пост обливали друг друга грязью. Доходило и до военных столкновений. Полковник с правобережной части вел войско против своего левобережного конкурента, или наоборот. Потягав друг друга за чупрыны и узнав, что в Москве благоволят к третьему кандидату, противники заключали мир и шли бить того, третьего.

На генеральной раде, которая выбирала гетмана после Хмельницкого, произошло настоящее побоище между сторонниками Выговского и Пушкаря. Одна из сторон одолела в драке другую с большим перевесом, её кандидат Выговский и стал гетманом. Однако, Пушкарь, считая это несправедливым, собрал ещё больше сторонников и пошел на Выговского войною. Под Полтавой произошло кровопролитное сражение, в ходе которого Пушкарь был убит.

Подобные распри привели лишь к тому, что гетманами становились люди корыстолюбивые, думающие, прежде всего о личной выгоде, но умеющие изобразить из себя борцов за народное счастье. К их числу относился и первый после Хмельницкого гетман Выговский. Уверяя Москву в своей преданности, он, поддавшись настойчивым уговорам поляков, заключил с их королем тайный договор, по которому города Полтава, Чернигов, Киев и некоторые другие с их землями должны были объединиться в самостоятельное государство под названием «Великое княжество русское» и войти в состав Польши. Взамен было обещано Выговскому пожизненное гетманство.

Совершив эту тайную сделку, Выговский пригласил крымского хана, и тот помог ему разбить небольшие отряды двух московских князей. Но тут возмутился народ. Правая рука гетмана – Юрий Немирич сформировал было войско будущего

«Великого княжества русского», собрав в него поляков, немцев и часть казаков, однако восставший народ перебил это войско, а бежавшего Немирича догнал и изрубил на куски.

Выговский тем временем на генеральной раде приказал зачитать своим подчинённым договор с поляками о создании «Великого княжества русского» в составе Польши. Не успели отзвучать последние слова договора, как казаки выхватили шашки и изрубили не только читавшего, но и всю свиту Выгодского. Сам он едва успел удрать.

Пришлось генеральной раде выбирать нового гетмана. Раздались голоса, что нужно вручить булаву такому человеку, который никогда не предаст дело Хмельницкого и не переметнется к ляхам. Такого человека нашли – это был старший сын Богдана – Юрий Хмельницкий, его и избрали.

Юрию только-только исполнилось 18 лет, гетманская ноша для него была тяжела. А между тем Польша уже оправилась от разгрома, восстановила разбитую армию, призвала под свои знамена наемников, наняла также крымского хана и снова вступила в пределы Украины. Российские войска и казачьи полки во главе с вновь избранным гетманом двинулись им навстречу. Но сразиться с неприятелем молодому Хмельницкому не довелось: казачья верхушка направила к полякам гонца с согласием присоединить Украину к Польше на условиях договора, подписанного Выговским. Юрий решительно воспротивился этому, но он, по сути дела, мальчишка, был не в состоянии навести в своем стане порядок.

Московское войско во главе с князем Шереметевым оказалось без поддержки казаков, но главное – без продовольствия. Шереметеву ничего не оставалось, как согласиться с требованием польского короля вывести свои военные силы с Украины при условии, что россиянам обеспечат свободный выход. Соглашение заключили, но когда российские солдаты прекратили сопротивление, на них неожиданно налетели татары и начали резню. Всех, кого удалось взять в плен, угнали в Польшу, а самого Шереметева отдали Крымскому хану.

Таким образом, вся Правобережная Украина оказалась в руках поляков. Юрий Хмельницкий сложил с себя гетманские

полномочия и подстригся в монахи. Гетманом избрали полковника Тетерю.

Однако Левобережная Украина его не признала, отказалась она и выходить из России. Здесь избрали своего гетмана, подчиненного Москве. Им стал бывший писарь Богдана Хмельницкого Иван Брюховецкий.

Москва не знала, что предпринять. Некоторые влиятельные бояре, имевшие родственников в Польше, нашёптывали царю, что раз Малороссия нарушила Переяславский договор и сама бросилась в объятия Речи Посполитой, то надо вообще от неё отступить. Другие бояре, тоже не менее влиятельные, убеждали царя в обратном. Они говорили, что казацкие полковники и старшины, заключившие союз с Польшей, – ещё не весь украинский народ, что они – предатели интересов своей страны. По мнению этой группы, в Малороссию следовало немедленно вводить войска и вышвырнуть оттуда ляхов.

Третьи тоже советовали не оставлять украинский народ в беде, но протянуть руку помощи прежде всего Левобережной Украине, которая осталась верна Переяславскому договору. Это тем более необходимо, уверяли они, что там теперь избрали своего гетмана, который присягнул царскому престолу и обратился в Москву за помощью.

Алексей Михайлович колебался, но более всего склонялся к третьему совету. Левобережного атамана пригласили в столицу, и когда он прибыл со свитой полковников, ему устроили радужный прием, все посольство одарили подарками. Посланцы украинских казаков пришлись москвичам по душе, особенно гетман Брюховецкий. Он не только клялся в вечном подданстве царю, но и предлагал меры, которые следовало принять правительству, чтобы укрепить власть России над Украиной. В итоге самому гетману было присвоено боярское звание, а всем сопровождавшим его полковникам – дворянское. Кроме того, царь пожаловал Брюховецкому ещё и огромную вотчину с крестьянами.

Провожая посольство домой, бояре с удовлетворением говорили, что на сей раз казаки, кажется, не ошиблись с выбором гетмана – такой, мол, никогда не предаст. Но злой рок продол-

жал висеть над Украиной – как Право-, так и Левобережной. Вскоре бес попутал правобережного гетмана Тетерю. На его территории постоянно вспыхивали восстания против поляков то в одном, то в другом месте, и умирять их становилось все труднее. Не дожидаясь, когда дело дойдёт до крайности, гетман прихватил казацкую казну и удрал вместе с ней и женой в Польшу. Однако, Бог покарал его: по дороге часть казны отобрали, а остальное выманили уже в Польше какие-то шулеры. Умер Тетеря в Турции в совершеннейшей нищете.

Не пошли дела и у Брюховецкого. Недавний писарь, он взлетел так высоко, что от необъятной власти у него закружилась голова. «Сам гетман, – пишет Н. Костомаров, – был чрезвычайно корыстолюбив, жесток и, надеясь на покровительство Москвы, не знал пределов своему произволу; его полковники тоже отличались наглостью и грабительствами. Терпение народа было непродолжительно... Мещане и крестьяне дрались с казаками, которые по приказанию гетмана и полковников собирали для последних поборы. Все, тем не менее, сходились в том, что не терпели гетмана».

Особые причины ненавидеть Брюховецкого имелись у горожан: будучи в Москве, он предложил правительству отменить все льготы украинским городам, которыми те пользовались издавна. А тут ещё и духовенство разгневалось – из-за того, что гетман договорился с патриархом впредь не выбирать местного митрополита, а присылать из Москвы. Словом, все больше «Брюховецкий возбуждал к себе общее омерзение» (выражение Н. Костомарова).

Опасаясь народного бунта, левобережный гетман решил убрать самых опасных для него противников – прежде всего шуряков Богдана Хмельницкого Сомко и Золотаренко. Эти старейшие полковники пользовались у казаков огромным авторитетом, поэтому в случае чего, могли встать во главе взбунтовавшегося народа. По указанию гетмана их обвинили в заговоре против... Москвы и, хотя это была вопиющая ложь, предали суду. Назначенные из гетмановских сторонников судьи приговорили обоих полковников и их ближайших соратников к смертной казни – всем им отрубили головы.

Это, однако, лишь подлило масла в огонь. Забурлили целые казачьи районы, особенно те, где хорошо знали Золотаренко и Сомко и не верили в их предательство.

О бесчинствах левобережной власти стало известно в Москве. Это вызвало там всеобщее удивление и возмущение. До Брюховецкого дошли слухи, что им теперь недоволен сам царь. Гетман заметался, бросился к своему правобережному коллеге Петру Дорошенко просить совета: как сохранить за собой гетманскую булаву? Тот принялся убеждать, что единственный для него способ избежать царской расправы – отказаться от российского подданства и соединиться с Правобережьем и татарами, чтобы общими силами ударить по москалям. Дорошенко обещал, что в этом случае за Брюховецким останется левобережное гетманство.

Бывший писарь готов был объединиться хоть с чертом, лишь бы не потерять булаву. О том, что с Москвой отныне покончено, он решил оповестить весь народ немедленно. Воеводе Огареву, расквартированному в городе Гадяче с небольшим отрядом в 200 человек, было приказано убираться вон, так как, мол, вся Левобережная Украина не признает больше российского царя. Отряд вынужден был отправиться в путь, но его окружили, половину людей перебили, остальных угнали в плен. Вслед за этим, по всему Левобережью был разослан универсал гетмана, объяснявший людям, что москалей перебили из-за того, что российские и польские послы тайно постановили «разорить всю Украину и перебить всех жителей от мала до велика».

Это была очередная ложь бывшего писаря, ещё более гнусная, чем в случае с полковниками Самко и Золотаренко. В последние годы в деревне Андрусове, что на реке Городне, действительно, регулярно проходили съезды российских и польских послов, но на них говорили совсем о другом. Стороны давно пришли к тому, что в условиях, когда Малороссия по своей воле разделилась на две части, имеет два гетманства и выбирает двух гетманов, когда казаки и полковники непостоянны, мечутся то в одну, то в другую сторону, продолжать военные действия российским и польским вооруженным силам не резон. 12 января 1667 года было заключено так называемое Андрусовское

перемирие сроком на 13 лет – до июня 1680 года. Этим соглашением закреплялось существующее разделение Малороссии на Правобережную и Левобережную, правая сторона Днепра в течение названного срока оставалась за Польшей, левая – за Россией. Границей между ними, по-прежнему, признавался Днепр. Кроме того, Польша впредь отказывалась от притязаний на Смоленскую и Черниговскую земли, которые в ходе военных действий вернула себе Россия.

Выполняя условия перемирия, войска сторон покинули боевые позиции, убрали пищали и зачехлили пушки. Перестала литься кровь, все внутренние процессы на украинской земле теперь могли развиваться мирным путем. Увы, междоусобные распри, ожесточеннейшая борьба за верховную власть сорвали мирный ход событий. И первым приложил к этому руку Иван Брюховецкий.

Однако, предательство не пошло ему впрок – Петр Дорошенко и не думал оставлять бывшего писаря левобережным гетманом. Когда тот был окончательно затянут в сеть, правобережные сотники потребовали у него булаву, знамена и пушки. Брюховецкий пришел в ярость от такой наглости, но по взмаху руки Дорошенко его забили до смерти прикладами. Это происходило на глазах как правобережных, так и левобережных казаков. Несколько минут толпа стояла как бы онемевшая, затем раздались крики «Убить Дорошенко! Убить!» Многие уже выхватили шашки, но тут по взмаху другой руки гетмана прямо в толпу выкатили бочки с горилкой. Тем толпа и утешилась.

Как и Брюховецкому, Дорошенко предательство тоже не пошло впрок. Левобережье не стало ему подчиняться, на что он рассчитывал, а избрало нового гетмана. Кроме того, с юга на него двинул полки самостийный Запорожский гетман Суховиенко, сопровождаемый толпой крымских татар. Ещё немного и Дорошенко пал бы, но он спасся исключительно тем, что запросил подданства у турецкого султана, а тот приказал татарам прекратить осаду городка Конева, где находился гетман.

Затем по приглашению того же Дорошенко, не покинувшего надежды стать всеукраинским гетманом, в пределы Правобережья вторглась 300-тысячное турецкое войско. Пере-

пуганный польский король не стал сопротивляться, а добровольно отдал султану всю свою часть Украины, да ещё и обязался выплачивать ему ежегодно по 22000 червонцев.

«Жестоко промахнулся Дорошенко, – пишет Костомаров. – Турки не думали восстанавливать единство Украины, а между тем, Дорошенко, сделавшись турецким подданным, возбуждал против себя и свой народ, и христианских соседей... Силы его умалылись; народ, как и прежде переходивший с правой стороны Днепра на левую, теперь бежал туда ещё большими толпами. Значительная часть перебежчиков двигалась на восток, в привольные степи южных пределов Московского государства (нынешних: Харьковской, Воронежской, Курской и Екатеринославской губерний). Правая сторона Днепра все более и более безлюдела».

Разграбив до основания Правобережье, турки и татары ушли, но через два года вернулись и снова принялись опустошать землю, отданную им Польшей. «Тогда Дорошенко совершенно уже потерял к себе расположение народа, – продолжает Н. Костомаров. – Остатки правобережного населения толпами устремились на левую часть Днепра. Черкассы, Лысянка, Мошны, Богуслав, Корсунь совершенно опустели... На турок надежды уже не было: два раза приходили они на помощь Дорошенку и не принесли никакой пользы, а только разорили край».

Были у них попытки грабить и левую сторону Днепра. Но туда вошла огромная Московская рать во главе с князем Ромодановским, поднял левобережные полки и левобережный гетман Самойлович. Разгромить этими силами татаро-турецкое войско, конечно, было нельзя, но дать достойный отпор – можно. Несколько раз Ромодановский отбивал непрошенных гостей, а гетман Самойлович с казаками даже переходил на правобережье и призывал оставшихся там жителей тоже перебираться на восток вместе со всем скарбом, при этом все, что нельзя захватить – сжигать, чтобы не досталось татарам и туркам.

У Ромодановского и Самойловича было достаточно сил, чтобы отстоять Левобережье, но у них сердца кровью обливались при виде, как татарские и турецкие кони топчут малорусскую землю и за Днепром. Все – солдаты, казаки, офицеры, сот-

ники горели желанием изгнать одру и оттуда. Полякам сделали предложение объединиться и разгромить врага совместными усилиями, однако польский король никак не решался на это. Оставалось прибегнуть к дипломатии.

Россия предложила Турции перемирие на условии, что к ней (России) отойдет Правобережная Украина. Султан не возражал прекратить военные действия, но правый берег Днепра, переданный ему поляками, отдавать не хотел. Переговоры длились долго и трудно, наконец, договорились о сроке перемирия – на 20 лет. Продолжить диалог и заключить договор султан поручил крымскому хану. После этого в Крым прибыло московское посольство во главе со стольником Тяпкиным. Опытный дипломат, несколько лет проработавший послом в Варшаве, Тяпкин пытался убедить хана, что никакой выгоды от владения правобережьем Днепра ни турки, ни татары не получают, и предлагал вернуть эту землю России, хотя бы за выкуп. Но хан был непреклонен. Видя, что и русские не хотят уступать, он, в конце концов, пригрозил бросить все посольство навеки в «земляную яму». Сделать это татарам ничего не стоило, пришлось подписывать договор о перемирии на условиях хана. Требование у татар было странное: опустевшая Правобережная Украина и впредь должна была оставаться безлюдной. В течение 20 лет ни русские, ни татары, ни турки, никакая другая страна не могла заселить её, строить там города, крепости и вообще любые поселения.

Таким образом, вопрос о правобережье Днепра был решен. Но не на вечные времена. Окончательное решение пока откладывалось, сейчас же закреплялось то, что уже существовало в реальности: огромный край, население которого бежало на восток, оставлялся пустынным. Земля потеряла хозяина-хлебороба, и уже через несколько лет, как писал великий русский историк В. Соловьев, «плодородные поля её, начиная от Днепра до Днестра, представлялись совершенно безлюдною пустынею, где только развалины людских поселений да человеческие кости указывали, что она была обитаема».

Что касается Левобережной Украины, то она, став неотъемлемой, никем не оспариваемой частью России, получила, ка-

залось бы, возможность жить спокойно, без смут и кровопролитий, восстанавливать силы, подорванные за последние десятилетия. Но, увы, её по-прежнему мучил старый недуг. Он заключался в слабости казачьей демократии, регулируемой не законом, а обычаями, и не способной дать стране сильную, мудрую, по-настоящему народную власть. После Богдана Хмельницкого на всей Украине не было ни одного гетмана, который бы прежде служил своему отечеству, а потом личной корысти. Казаки легко избирали себе вождей, но вскоре, видя свою ошибку, так же легко свергали, чтобы снова пойти по тому же кругу.

Во время нашествия на Правобережье татаро-турецкой орды хорошо проявил себя гетман Иван Самойлович. Однако после заключения перемирия он изменился до неузнаваемости и вскоре стал всем ещё более ненавистен, чем предыдущие гетманы. «Самойлович завел отяготительные монополии на вино и другие предметы, выдумывал разные нововведения для своего обогащения, – пишет Н. Костомаров. – Приобретение богатства для себя и своей родни стало для него целью жизни. Он... вел себя как деспот. С самими старейшинами обращался надменно; никто не смел сечь в его присутствии или накрыть голову... Понятно, что его падение возбудило не жалость к нему, а ожесточение ко всем тем, кто верно служил ему, кто потакал его алчности и чванству, кто сам под его покровительством позволял себе самоуправство и насилие. Московское войско вынуждено было укрощать вспыхнувший бунт».

За совершенные злодеяния по отношению к собственному народу Самойлович был осужден царским судом и отправлен в Сибирь. Генеральная рада предложила царскому представителю князю В.В. Голицыну условия, на которых будет избран новый гетман. Эти условия, касающиеся в основном, привилегий имущим классам, Голицын принял. Но и сам предъявил Раде некоторые требования. Например, такое: власть не должна забывать, что великороссы и малороссы – один народ, поэтому надо обязать гетмана и старшин объединять его в единое целое «как посредством супружества, так и другими путями».

Теперь выборы гетмана проходили под контролем царского представителя. Однако это тоже не привело ни к чему хоро-

шему. Князь Василий Васильевич Голицын был приближенным регентши Софьи, фактически вторым лицом в государстве, одним из богатейших людей России. Но когда некие люди предложили ему 10 тысяч рублей за то, чтобы он поддержал в раде кандидатуру Ивана Мазепы, князь взял эту огромную по тем временам сумму без зазрения совести – такова была мораль у русских бояр всех времен, какой бы властью и какими бы личными богатствами они не обладали.

Благодаря поддержке Москвы Мазепа был избран гетманом. Однако, вскоре он стал ратовать за отделение Малороссии от России, а когда в 1708 году на территорию Украины вторглись шведы, бежал к ним со свитой полковников и, находясь в ставке Карла XII, помогал королю руководить военными действиями против собственного народа. После разгрома шведов под Полтавой он удрал из страны и через полгода умер на чужбине, как было сказано, «от старческого истощения», хотя ему был 61 год.

Покарал бог и высокопоставленного взяточника Голицына. Петр I, едва став полноправным царем, сместил его со всех должностей и отправил в ссылку.

ТА ЗЕМЛЯ ЗЕЛО ДОБРА

В то самое время, когда царское правительство было всецело занято возвращением в отеческое лоно «блудной дочери» – Украины и связанными с этим проблемами, не менее важные события происходили и на востоке страны. Поход Ермака за Урал пробудил у русских людей интерес к Сибири. Вслед за казаками, посланными туда братьями Строгановыми с дозволения Ивана Грозного, чтобы прекратить грабительские набеги хана Кучума, многие хлынули туда и без государевой воли, на свой страх и риск. Это были всевозможные свободные люди, одни называвшие себя казаками, другие ремесленниками, третьи торговцами. Непременными участниками переселения были также служилые и приказные люди, направляемые в новые места государством.

Сибирь оказалась богатой страной. За Уральским каменным поясом лежала огромная степь, не знавшая ни сохи, ни бороны. Её заселяли татары Сибирского ханства, пришедшие сюда 400 лет назад вместе с Чингисханом. Они покорили все окрестные племена, построили здесь несколько городов, собирали с аборигенов дань и занимались скотоводством, благо бескрайние степи позволяли держать огромные стада и табуны. В последнее время у сибирских татар появилась ещё одна возможность обогащения – они грабили русских, осваивающих Урал.

После падения Кучума местные племена, не знавшие больше никакой государственности, начали принимать российское подданство. Пример Ермака показал, что приводить аборигенов под руку царя следует ласкою, а не насилием. Поэтому, отправляя воевод на новое место, власти давали им строгий наказ – ни в чем не притеснять ясачных людей, не облагать их непомерным ясаком, а в христианскую веру обращать с осторожностью, по желанию.

Выбрав подходящее место, которое представлялось лучшим для жизни и откуда было удобно собирать ясак, воеводы ставили там острог – небольшую деревянную крепость. Здесь размещалась власть и жили сборщики ясака. Сюда воевода скликал князьцов окрестных племен, приглашал их к столу, угощал лучшими яствами и вином, которое туземцам очень нравилось. Говорились речи о любви русских к сибирским людям, а затем им преподносились подарки. Захмелевшие князьцы обещали до гроба служить хорошему русскому царю и платить ему ясак, который теперь – слава царю! – был меньшим, чем при Кучуме. А чтобы воевода не сомневался, что слово у князьцов крепкое, они оставляли ему аманатов – заложников из своих людей. Такой порядок сбора ясака ввели татары (аманат – это их слово), аборигенов он устраивал, благо при внесении ясака все заложники выпускались на свободу. А теперь при столь хорошем угощении некоторые князьцы и сами изъявляли готовность оставаться в аманатах.

Конечно, были и иные воеводы – не очень-то выполнявшие указание о том, что с местным населением надо обращаться ласково и не облагать его непосильным побором. Да и казаки,

собирающие ясак, подчас требовали с князьцов сверх меры, а лишнее оставляли себе. Князьки со своими людьми приходили жаловаться на такое притеснение тем же воеводам, но не всегда получали поддержку. Улаживать конфликты приходилось приездом чиновникам.

Сразу же после похода Ермака в западной части Сибири появляются первые русские города. В 1586-м вблизи татарского города Чинги-Тура, основанного ещё в XIV веке и взятого Ермаком в 1581 году, была заложена Тюмень, в следующем 1587-м недалеко от столицы Сибирского ханства Искера – город Тобольск, ставший центром освоения русскими Сибирского края, потом Туринск в 1601 году и Томск в 1604-м. В 1621 году воевода Дубенский с казаками обосновал на Енисее Красноярск. Вскоре пришли его осаждать бывшие подданные Кучума – татары. Этот народ в отличие от казанских и астраханских татар не сразу покорился русским. Многие жители ханства ушли на восток, а потом обратились за помощью к соплеменникам Кучума – киргизам. Объединившись, они вместе с киргизами и некоторыми местными племенами и пришли к Красноярску. Но казаки их разбили, после чего киргизы убрались восвояси, а татары и племена аборигенов тоже обязались платить русскому царю ясак.

Основав на сибирском Западе опорные пункты, правительство начало переселять туда земледельцев. Отсутствие удобных водных путей из центра России за Урал затрудняло доставку туда продовольствия, поэтому первоочередной задачей властей стало создание там собственной продовольственной базы. По распоряжению Бориса Годунова в Сибирь начали направлять и ссыльных, садить их на землю. Кроме того, набирали в крестьяне и вольных людей, давали им в Сибири не только землю и инвентарь, но и льготы. Очень скоро вокруг новых слобод уже колосились посевы зерна, новоселы садили огороды, разводили скот. Появление собственного хлеба и другого продовольствия позволило удалцам на Иртыше, Енисее, Тоболе вновь объединяться в отряды и идти дальше на восток. Нередко такие отряды уходили раньше, чем туда снаряжались государственные люди.

Шли они двумя путями: северным – по тундре и Ледовитому океану и южным – через реки, тайгу и горные хребты. Второй путь был более сложным и долгим. Никаких карт у землепроходцев, естественно, не было, единственным ориентиром служило солнце. На вопрос «Куда идти?» ответ был один: «Встречь солнцу!». Сложность заключалась и в том, что все крупные реки текли на север, а на восток можно было плыть лишь по их притокам, да и то не по всем. Часто приходилось вытаскивать струги на берег и тащить их волоком до следующей реки, если позволяла местность. А если нет, то оставляли свой «флот» на берегу и шли пешком, при этом всё снаряжение несли на себе: сухари, соль, топоры, оружие, свинец, порох, снасти, посуду и т.п. Никаких, даже мало-мальских троп не было, пробирались через таежные заросли, буреломы, карабкались на каменистые горные отроги с тяжелым грузом за спиной. Ночевать приходилось под открытым небом в дождь и ветер. Выдержать все эти тяготы было по силам лишь самым здоровым и выносливым. Очень часто отправляющиеся на поиски обетованных земель возвращались через несколько лет с важными открытиями, но потеряв половину и больше своих товарищей.

Однако, несмотря ни на что, продвижение русских землепроходцев к восточной окраине материка шло очень быстро. Уже к 30-м годам XVII века они вышли к самой далекой сибирской реке – Лене. На пути их следования возникали остроги, становившиеся центрами новых русских уездов. А Иркутский и Нерчинский остроги вскоре стали городами, административными центрами Приангарья и Забайкалья. Наконец, в 1632 году на реке Лене был заложен Якутский острог, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в освоении Дальнего Востока.

Таежные районы Сибири, по которым пролег путь землепроходцев, сразу же заявили о себе великой прибылью стране. Местные тунгусские племена испокон веков занимались здесь пушным промыслом – добывали белку, лисицу, соболя. Теперь часть пушнины они сдавали русским сборщикам в качестве ясака. Дорогостоящий мех под охраной отправлялся в Москву и поступал в царскую казну. Оставшиеся после уплаты ясака шкурки тунгусские охотники могли реализовать куда угодно.

Вот тут-то и являлись к ним купцы из центральной России со своим товаром – холстами, сукном, украшениями и другими изделиями, к которым тунгусы проявляли интерес. Возвратившиеся домой с вымененной за этот товар пушниной купцы обязаны были платить пошлину лучшими мехами. Таким образом, Сибирь поставляла в казну огромные богатства, их учитывали и хранили отдельно и называли «Сибирской казной». Меха из этой казны царь платил жалованье служилым людям, делал подношения иностранным послам и т.д. Меха в Московском государстве стали принимать при расчетах вместо денег.

А вот северный путь в первое время не давал никакой отдачи. Здесь сборщики тоже пытались собирать ясак, однако местным племенам его нечем было платить – в тундре, на побережье пушные звери не водились. Но вот в 1648 году отправился водным путем обследовать берега океана казачий атаман Семён Дежнев. С ним было 25 человек – казаки и промышленные люди. Экспедиция проходила трудно и не выявила никаких богатых мест, в довершение ко всем бедам буря унесла казачье судно далеко на восток. Вот там-то, где в море впадает река Анадырь, и нашли казаки залежи моржовых костей.

Это открытие очень дорого обошлось экспедиции Дежнева. Начиналась зима, пришлось искать укрытие от непогоды, но на пустынном побережье даже какую-нибудь хижину не из чего было построить, а добыть дров – тем более. К тому же подходили к концу запасы хлеба. От голода и холода к весне умерло тринадцать человек – половина экспедиции. Однако оставшиеся добрались-таки до людей. С этого времени побережье Ледовитого океана стало поставлять России моржовые кости или «моржовые зубы». Оказалось, что из них можно делать дорогие украшения, не уступающие по стоимости мехам.

Словом, Сибирь стала уникальным приобретением. Для присоединения её к России не потребовалось серьёзной военной силы, которая обычно применялась государствами для завоевания новых владений, расходы на освоение этой огромной территории тоже были минимальными, а вот прибыль, как уже говорилось, она начала давать сразу и немалую. По мере продвижения вглубь материка землепроходцы открывали всё новые и но-

вые богатства. Уже в 20-е годы появились первые сообщения о находках рудного серебра. Правительство тотчас же направило воеводам всех сибирских острогов распоряжение заняться поиском золота, серебра, железа, меди, свинца и других полезных ископаемых.

Кроме сборщиков ясака теперь по тайге ходили и поисковые партии, которые, правда, смутно представляли, как выглядят золотые пески, медные или свинцовые руды. Тем не менее, дело начало продвигаться: помощь этим «рудознателям» оказывали тунгусские люди. Выяснилось, что они уже давно знакомы с таким ремеслом. В Забайкалье, например, на реке Аргуни, тунгусы показали казакам 70 заброшенных ям, где прежде выплавляли свинец и серебро. Казаки заложили там ещё одну яму поглубже, а добытую из неё руду отправили в Москву «для опыта». Исследование дало обнадеживающий результат, и вскоре из столицы в Забайкалье отправилась экспедиция из настоящих рудознателей во главе с рудоплавных дел мастером Яковом Галкиным, у которого в помощниках было ещё пять мастеров. Они везли с собой кожи для мехов, химикаты и другое оборудование, необходимое для организации плавильного дела. Позднее, после разведки месторождений найденных руд, в Нерчинске, ставшем городом, были построены известные на всю страну заводы, выплавлявшие серебро и свинец.

В середине и особенно во второй половине XVII века из разных мест Сибири в столицу постоянно отправлялись образцы полезных ископаемых «для опыта». Вслед за этим то там, то здесь начинали разрабатываться золотые, серебряные, железные, свинцовые, слюдяные месторождения. На реке Витим нашли синюю и голубую краски, на Селенге – желтую и черную, на речке Баргузин – селитру.

Популярность Сибири в России всё более росла, сюда устремилось немало людей в поисках удачи и счастья. Если в 1622 году русских здесь насчитывалось 15 тысяч человек, то в 1662-м – уже 70 тысяч, а в 1677-м – 119 тысяч человек.

После основания в 1632 году Якутского острога начинается интенсивное исследование и Дальнего Востока. Якутский воевода требовал от своих людей тщательнейшим образом раз-

ведывать: «откуда берут начало реки и куда впадают? как там живут люди? чем они питаются? есть ли в их стране пушной зверь и рыба? как они управляют? как и чем воюют? кому подчиняются?» Тогда-то впервые и узнали русские люди, что далеко на юге, за труднопроходимыми хребтами, протянувшимися с запада на восток, есть великая река Амур, вдоль которой живут богатые племена дауров и дючеров, что, в отличие от других таёжных племён, они не только добывают пушного зверя и ловят в Амуре крупную рыбу, но и пашут землю, сеют на ней зерно, а также разводят скот.

Читатели, наверное, давно задают вопрос: когда же автор начнет рассказывать о нашей Амурской области? А вот теперь самое время. Потому что именно с середины XVII века и начинается русская история Приамурья.

К сожалению, среди исследователей этого края нет историков масштаба Костомарова, Ключевского, Соловьева – такие учёные воссоздавали картину прошлого России лишь крупными мазками. Местная же историография вызывает много вопросов. Неоднозначно трактуются в ней и события, связанные с открытием и первым пребыванием на Амуре русских в 1643-1689 годах.

Фактически у нас сегодня две местных историографии. Одна существовала до революции и в первые десятилетия советской власти. Потом учёных словно подменили: они начали предавать анафеме то, что сделали их предшественники, и создавать новую, советскую историческую литературу, во многом отличающуюся от прежней. Это было вызвано тем, что в начале 50 годов XX столетия партийное руководство СССР потребовало привести все общественные науки в стране в соответствие с требованиями марксистско-ленинского учения. А одной из самых противоречащих этому учению наук как раз и оказалась историография. Вот как объясняется то, почему её подвергли такой уничтожающей критике, например, в книге доктора исторических наук В.М. Кабузана «Как заселялся Дальний Восток», изданной в 1976 году в Хабаровске:

«Всем этим многочисленным работам (дореволюционного периода – *А.К.*)... свойственны недостатки и пороки буржуазной

и либерально-дворянской историографии: эклектизм, стремление замазать классовые противоречия, представить процессы развития общества в нейтрально-политическом аспекте и т.д. ... К сожалению, в 20-30-е гг. появился ряд работ, трактовавших некоторые вопросы истории Приамурья и Приморья с явно ошибочных позиций... Основной материал, которым пользовались советские историки этого периода, черпался из работ русских дореволюционных авторов, причём этому не всегда сопутствовал элемент необходимого углубления и критического переосмысления... Лишь в 50-е гг., ознаменовавшиеся бурным ростом достижений советской исторической науки, создаются ценные исследования».

Эти «ценные исследования» в течение почти полувека были единственным источником, по которому жители Приамурья могли изучать прошлое своего края. То, что писалось прежде, если оно не укладывалось в рамки официальной партийной идеологии, попросту скрывалось от читающей публики. Советская же «глубоко переосмысленная» историческая литература за пять десятилетий настолько овладела умами людей, что и сегодня, хотя уже появились новейшие разработки местных учёных, от её «глубоких мыслей» многие не могут избавиться.

Вот как начиналось, по версии советских историков, освоение Приамурья русскими в середине XVII века.

Итак, воевода Якутского острога Петр Головин получил сообщение о великой реке Амур и тамошних племенах, занимающихся земледелием. Это его до крайности удивило и взволновало. Ведь прежде в Сибири аборигены не растили хлеб, не занимались никаким иным земледелием, а тут чуть ли ни на краю света, оказывается, жили настоящие хлеборобы и огородники. Воевода, не мешкая, снарядил для поиска Амура отряд из 132 человек под предводительством письменного головы Василия Пояркова.

Посыльным предписывалось по достижении амурской земли поставить в разных местах несколько острожков и заняться составлением «чертежей» этого края. Кроме того они должны были «проведывать серебряную, медную и свинцовую руду», «приискивать неясашных людей», то есть тех, кто не платил ни-

кому ясака, а в случае обращения их в «ясашные» заниматься «государевым ясашным сбором». Сам Поярков получил особое указание: «И дорогою идучи ... смотреть накрепко, чтобы грабежу и насильства русским людям торговым, и промышленным, и иноземцам отнюдь ни от ково не было и никто б никово ничем не изобижал».

С таким предписанием отряд и отправился в середине июля 1643 года из Якутского острога на дощаниках по реке Алдану искать неведомую южную землю. И исчез на целых три года. Многие уже начали думать, что люди погибли, но 12 июня 1646 года посыльные возвратились. Только теперь их было не 132, а 30 человек. Остальные, не выдержав голода, холода и болезни, остались лежать в амурской земле.

Вернувшись устроили торжественную встречу. Ещё бы: ведь они подтвердили, что за южными хребтами действительно существует великий Амур, поразивший их своим величием, красотой берегов, могучей статью и огромной протяжённостью. Оказалось, что в отличие от других великих сибирских рек Амур несет свои воды не на север, а на восток, как раз встреч солнцу. Участники похода видели своими глазами и бескрайнюю степь, протянувшуюся по левую сторону реки, пашню, засеянную зерном, огороды при жилищах людей. Была там и ещё одна великая река – Зея. Толмачи говорили, что в переводе на русский это слово означает «лезвие ножа». Река в верхнем течении, по рассказам, и вправду походила на клинок, рассекающий скалистые горы.

К сожалению, казакам не удалось довести до дому «чертежи амурской земли», которые приказал составить воевода Головин. По уверению Пояркова, они были изготовлены и находились в ларце на одном из стругов. Но на обратном пути, на очень порожистой речке, уже находясь недалеко от Якутского острога, налетели ночью на порог, и ларец утонул. Три года назад, отправляясь в поход, здесь тоже напоролась на камни и потеряли запас свинца. Теперь вот в ночное время опять пороги подвели.

Но вместо «чертежей» Василий Поярков, человек грамотный, составил для воеводы письменный отчёт об увиденном со

множеством подробностей. В нем сообщалось, к примеру, что дауры и дючеры – «люди многие, сидячие, хлебные и скотные, сеют шесть хлебов разных: ячмень, овес, просо, коноплю, гречу и горох, а скот у них – лошади и коровы, и бараны, и свиньи, и куры есть». А ещё там, говорилось в отчёте, «родится овощ, бобы, чеснок, есть яблони, груши, орехи грецкие и орехи русские».

Со слов людей Пояркова выходило, что из сурового Ленского края они словно обратно в Россию попали. Всё на Амуре напоминало им подмосковную, тамбовскую или рязанскую землю: и леса, и поля, и сады, и стада на лугах. «Та земля зело добра» – говорили рассказчики. От таких слов у многих мужиков, ещё недавно вместо пищи державших в руках соху, душа заныла по хлеборобской работе. Они готовы были хоть завтра идти туда и разведать места получше.

А вскоре и удалец объявился, пожелавший возглавить такой поход, – Ерофей Хабаров. Это был человек неумной энергии, раньше, в Сольвычегорске, он держал соляные варницы и нажил какое-то состояние. Но поманила Сибирь, где можно было, как говорили люди, быстро разбогатеть. И действительно, Сибирская сторонushка приняла его вместе с братом и племянником, словно мать родная. Сначала Хабаровы промышляли по Енисею пушного зверя и завели здесь пашню, на которой трудились работники. А когда образовался неплохой капитал, испросил Ерофей у властей грамоту, чтобы идти на Лену. Слава о Ленском крае в 30-е годы по всей Сибири гремела как о самой богатой земле. Получив разрешение заниматься там промыслом, нанял Хабаров 27 работников, заплатил им вперед и отправился в путь с намерением поставить на Лене большое дело. И поставил: создал соляные варницы, которые в этих местах давали большую прибыль, ещё большую прибыль стал получать от добычи соболя, организовал извоз между острогами и даже завёл пашню, как на Енисее, стал торговать хлебом. В общем, сделался большим и уважаемым человеком.

Но... какие-то темные дела его повсюду сопровождали. Народ говорил всякое, однако доподлинно люди знали лишь то, что сначала у этого богатого человека конфисковали в пользу казны 3 тысячи пудов хлеба, через некоторое время – соляной

завод, а потом и землю отняли. Он организовал новое хозяйство в другом месте, но попал в тюрьму и просидел там два года. Что писали по этому поводу дореволюционные историки, мы не знаем, советские же либо эти факты замалчивали, либо вскользь намекали на самодурство воевод. Однако сомнительно, чтобы разные воеводы в разных местах могли чинить такое вопиющее беззаконие над одним из крупнейших хлеботорговцев в хлебном Якутском уезде, в то время как его следовало бы носить на руках.

Так или иначе, но легкое обогащение пока не складывалось. Тут и подоспело известие об Амурском крае, который, если верить Пояркову, обещал стать прибыльнее Лены. Разве же мог такой человек, как Хабаров, оставаться в стороне, когда речь шла о прибыли?

И он обращается к новому воеводе Якутского уезда Дмитрию Францбекову с просьбой позволить ему снарядить экспедицию на Амур за свой счет. Ничего не зная о прошлом Ерофея, который после освобождения из тюрьмы жил в Илимском остроге, тот отнесся к этой идее благосклонно. Хабаров получил разрешение выбрать из вольных и служилых людей 150 и больше добровольцев, «которые похотят без государева жалованья идти». Кроме того воевода приказал отпустить экспедиции за деньги из казенных запасов достаточное количество свинца, пороха и продовольствия.

Экспедиция была рассчитана на несколько лет. Хабарову предписывалось изучить бассейны обеих великих рек, сделать их «чертежи», но главное, – выяснить, являются ли дауры и дючеры подданными какого-либо государства, а если нет, то возможно ли присоединение заселяемых ими земель к российской короне.

Добровольцев набралось всего 70 человек, но Ерофей не стал терять времени на дальнейшие сборы и в марте 1649 года отправился с ними из Илимского острога в амурскую землю.

К середине зимы 1650 года экспедиция достигла, наконец, верховьев Амура и двинулась на нартах вниз по течению. К удивлению казаков, попадавшиеся им на пути улусы оказались пусты. Было похоже, что местное население по какой-то при-

чине перебралось в ближайший княжеский городок. Однако и в нем не оказалось ни души. Судя по всему, его покинули в спешке: в ямах-хранилищах осталось много зерна и других продуктов. Следующие два городка тоже были пусты. Наконец, удалось встретить несколько конных дауров, которые объяснили, что все от мала до велика ушли в тайгу, так как узнали о приближении большого отряда русских, помышляющих перебить местных людей, а их селение разграбить.

Среди казаков это вызвало крайнее удивление. В отряде в основном были люди, прошедшие через всю Сибирь и повидавшие здесь всякое, но никто из них не мог припомнить, чтобы аборигены так боялись русских. Паническое бегство многих сотен семей с малыми детьми среди зимы из теплых домов в промерзлую тайгу не укладывалось в голове: ведь русские никому на Амуре не сделали ничего плохого!

Надо было срочно исправлять ситуацию, принимать какое-то неординарное решение. Но Хабаров не был ни политиком, ни дипломатом, поэтому он оставил большую часть отряда в одном из пустующих городков пересидеть до конца зимы, а сам, взяв с собой двадцать человек, ушёл на нартах в Якутск с отчётом, за новыми инструкциями и людским подкреплением.

Узнав, что в покинутых даурами городках осталось много зерна и других продуктов («на два и три года»), Францбеков тут же принялся строчить бодрое донесение царю. «Тебе, государю, будет прибыль большая, – сообщал он, – а в Якуцкий, государь, острог хлеба присылать будет не надобно... Та даурская земля будет прибыльнее Лены, а сказывал он, Ярко, нам, холопам твоим, что и против всей Сибири место в том украшено и изобильно».

Какие устные указания по поводу восстановления доверия дауров к русским Францбеков дал Хабарову, исторические источники не сообщают. Но известно, что Ярко получил строжайшую инструкцию воеводы приводить местное население под высокую царскую руку «не боем», а исключительно «ласкою».

В Якутске к отряду Хабарова присоединилось аж 110 добровольцев из вольных людей, да 27 служилых с тремя пушками выделил Францбеков. В то же лето 1650 года Ерофей вновь

пришёл на Амур и, соединившись с оставленными здесь людьми, начал свои «героические» (так сказано в советских источниках) рейды вдоль левобережья реки от её верховьев и почти до самого устья.

Мало-помалу страсти улеглись, и местное население перестало бояться русских. Видя, что эти бородатые, крупные люди добродушны, приветливы, племенные князьки стали охотно приходить к ним в лагерь, беседовать с ними, как теперь бы сказали, «за жизнь», а многие даже соглашались идти под высокую руку белого царя и добровольно несли ясак – десятки «сороков» соболей. В то время почему-то единицей измерения ясака считалась партия непременно из сорока – не больше и не меньше – соболиных шкурок.

В течение 1650-1653 годов Хабаров с товарищами совершил вдоль Амура несколько «героических» (повторим эпитет советских историков) рейдов от истоков до устья реки и обратно. И везде местное население добровольно принимало русское подданство. Четко заработала налоговая система – ясак собирался вовремя и в полном объеме, все сданные соболиные шкурки заносились в учетную книгу, после чего дары амурской тайги отправлялись в Якутск, а оттуда в Москву. Фактически на Амуре теперь неофициально существовал новый административный, пока ещё не утверждённый уезд, полномостным правителем которого был Ярко Хабаров.

Правда, иной раз бывали и недоразумения. Например, в самом начале похода осенью 1650 года, даурский князь Албаза отказался вести с Ярко переговоры и вывел своих людей из укрепленного городка, чтобы в чистом поле разбить русский отряд. Пришлось Хабарову защищаться. В результате Албаза потерпел поражение и бежал. А когда Ярко подошёл к следующему городу, чтобы вести переговоры, то тамошние князьки сами подожгли городские стены и увели своих людей в тайгу. Почему это было сделано, неизвестно.

В следующем году, продолжая поход в низовья Амура, Хабаров подошёл к ещё одному городу. И тоже предложил его властям решить все проблемы «без драки». Но и здесь жители оказались такими же агрессивными, как и их соседи. Кто пер-

вым начал военные действия, не ясно, но драка получилась знатная: лишь к следующему утру перевес оказался на стороне казаков. Даурские воины бежали, оставив победителям город вместе с женщинами, детьми, табунами лошадей, провизией и т.п. Как распорядился этими трофеями Ярко, в советских источниках не говорится.

Осенью того же 1651 года отряд Хабарова спустился в землю ачанов, лежащую далеко за Хинганским хребтом. Но в некоторых местах ему устроили не слишком хороший прием. После долгого похода казаки выбрали себе место для зимовки и начали было строить острог. Однако не успели они окончить работы, как неожиданно, ночью, лагерь окружили 700-800 ачанов и дючеров, которые подожгли стены острога со всех сторон. Едва удалось отбиться и потушить пожар.

Согласитесь: из приведенных выше фактов напрашивается вывод, что замечательного русского землепроходца преследовал какой-то злой рок. То у него конфисковали хлеб и другое имущество, то отбирали землю, то вообще ни за что ни про что садили в тюрьму. И это несмотря на верное служение царю и отечеству! Теперь вот некоторые местные князьки даже не хотели разговаривать с ним, встречали как лютого врага.

Но самое обидное, как явствует из советской исторической литературы, заключалось в том, что стремление атамана наладить взаимоотношения с аборигенами мирным путем, как того требовала царская инструкция, не встречало понимания у многих рядовых казаков. В конце концов это непонимание вылилось в открытый бунт. В следующем 1652 году Хабарова выбрал в устье Зеи место для строительства городка, который стал бы административным центром нового уезда. Тут-то и взбунтовалась часть его отряда. Вот как описывает это А. Алексеев в историческом очерке «Одиссея Ерофея Хабарова» (сборник «Амур – река подвигов», Хабаровское книжное издательство, 1970 год):

«В отряде между тем росло недовольство Хабаровым. Часть казаков пришла к нему, надеясь на быстрое обогащение за счет разбоя и грабежа местного населения. Они требовали от Хабарова военных действий, когда в этом совсем не было необ-

ходимости. Мирные взаимоотношения с местным населением их не устраивали. Перспектива зимовки в верховьях реки, где нечем было поживиться, не радовала, и они решились на открытое выступление против Хабарова.

Произошло это в устье реки Зеи... 1 августа 1652 года Хабаров собрал своих сподвижников, чтобы обсудить предстоящие дела. Тут-то и показали себя заговорщики во главе со Степаном Поляковым, Косткой Ивановым и Логином Васильевым. Они не хотели мирно жить на одном месте... Хабаров с товарищами ездил к восставшим, уговаривал их, но бесполезно. 136 человек покинули отряд, захватив разного имущества на две тысячи рублей и войсковое знамя. У Хабарова осталось 212 человек». С этими верными соратниками Ерофей Павлович и продолжил свою благородную миссию, расширяя государственные границы России за счет добровольного присоединения к ней аборигенных амурских народов».

Однако через год, когда оставалось лишь завершить создание нового Амурского уезда, ему опять, как сказали бы теперь, сунули палки в колеса. В первых числах августа 1653 года к устью Зеи прибыл чиновник из Москвы Дмитрий Зиновьев, наделенный большими полномочиями. Приказав собрать и построить отряд, он вручил всем участникам экспедиции награды – за верную службу престолу. А бесхитростный Ерофей Павлович возьми да потребуй у него царскую грамоту на предмет подтверждения его полномочий. Тут Зиновьев и взвился. Прямота и честность Ерофея не понравилась спесивому и властолюбивому московскому дворянину. «Обвинив Хабарова в утайке ясака, – читаем в названном выше очерке, – требовал от того отчёта и дерзость свою простер до того, что плевал Хабарову в лицо, драл за бороду и вооружил против себя товарищей героя. Уезжая с Амура, Зиновьев решил взять с собой в Москву самого Хабарова. Есть сведения, что он вез Хабарова арестованным, отобрав у него всё имущество».

Перед самым отъездом московский вельможа освободил Ерофея Павловича от должности приказного человека на Амуре, то есть фактически управителя амурской земли. На эту должность был назначен отрядный пушкарь Онуфрий Степанович

Кузнец. А грозный атаман, снарядивший на Амур отряд за свои деньги, лично приведший в неведомый край казаков и пять лет деливший с ними все невзгоды и радости, построивший на Амурском берегу не один острог и завоевавший уважение местных жителей, уезжал отсюда как арестант.

Да и то – какой ещё благодарности за свою службу мог ожидать Хабаров от царского сатрапа? Они, эти сатрапы, во все времена чувствовали себя в России полными хозяевами, от них люди страдали едва ли не больше, чем от царских указов и законов. Хорошо ещё, что в те годы страной правил Алексей Михайлович (отец Петра Великого), вошедший в историю как тишайший и самый добрый, справедливый царь. Он не поверил наветам Зиновьева, а лично занялся делом Хабарова. «По прибытии его (Ерофея – *А.К.*) в Москву, – пишет далее А. Алексеев, – царь... пожелал видеть славного землепроходца. Хабаров был принят ласково, награжден званием сына боярского. Кроме того он был назначен приказчиком поселений между Леной и Илимом от Усть-Кука до Чечуйского волока». То есть стал официальным правителем огромной сибирской территории, хотя и с небольшим населением.

Вроде бы очередная грозная туча прошла мимо. Ан нет – в дело опять вмешались царские сатрапы. Едва Хабаров прибыл на Лену с государственными полномочиями, как его вдруг снова арестовали и поместили в Якутский острог, обвинив в невозвращении каких-то долгов. А когда выпустили под гарантии высоких покровителей, то запретили появляться на Амуре. И это одному из первооткрывателей края, который жизни не жалел ради того, чтобы сей край стал русским! Можно ли было выдумать более гнусное и подлое издевательство над человеком? Этот запрет повторили и через 15 лет, когда Амур уже снабжал хлебом и Лену, и Забайкалье, а Ерофей Павлович снова просил разрешить ему открыть там свое дело.

Так несправедливо, по версии советских историков, обошлась судьба-злодейка с этим выдающимся русским землепроходцем XVII века, чья подвижническая деятельность заслуживает преклонения и восхищения. Но вот в 2008 году два дальневосточных университета – Амурский государственный и Благове-

щенский педагогический – выпустили фундаментальный научный труд «История Амурской области с древнейших времен до начала XX века», и обиженный судьбой землепроходец предстал перед нами в совершенно ином свете. Человек с необузданным нравом и бешеными страстями, отправившийся в Сибирь исключительно ради быстрого и легкого обогащения, он меньше всего думал об интересах отечества. Организованный им на личные деньги поход в Амурский край стал не героическим, а одним из самых мрачных и позорных эпизодов в освоении Сибири. Этот поход отнюдь не проложил – наоборот, едва не закрыл России дорогу на Амур.

Амурской земле не повезло дважды: оба её первопроходца – Поярков и Хабаров – оказались самодурами, далёкими от интересов страны и народа. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы, публиковавшиеся до 1917 года, а потом изъятые из обращения или печатавшиеся с большими купюрами. Приведенные в «Истории Амурской области...», они не оставляют сомнения: Поярков и Хабаров не только не проявляли элементарного миролюбия по отношению к аборигенам, как требовали от них царские инструкции, но и делали всё, чтобы настроить против России местное население.

Поярков пришёл на Амур в самую благоприятную для России пору – местное население в это время, похоже, как раз связывало с приходом русских большие надежды. Обитающие там дауры и дючеры находились на более высоком уровне развития, чем остальные дальневосточные племена – это были люди мирные, оседлые, успешно занимавшиеся хозяйственной деятельностью и обеспечивающие себя всем необходимым для жизни. Правда, они не имели огнестрельного оружия, поэтому время от времени страдали от набегов соседей – маньчжуров, которые грабили даурские и дючерские племена, убивали людей, уводили пленных и скот. Противостоять этой организованной силе разрозненные племена долго не могли. Но в последние годы местные князьки сумели-таки объединиться и в 1640 году впервые выставили против маньчжуров 6-тысячное войско. Состоялось сражение, которое это войско хоть и проиграло, но зато приобрело боевой опыт. Дауры и дючеры поняли, что и они

могут за себя постоять, многие племена готовы были и дальше продолжать борьбу.

До даурской земли давно уж доходили слухи, что в Сибирь пришли русские, которые по отношению к тамошним племенам ведут себя миролюбиво, местных людей не разоряют, говорят – сам царь запретил им брать с охотников слишком большой ясак. А если кто из русских обидит тунгуса и тот пожалуется их князькам, те обидчика строго наказывают. По рассказам охотников, ходивших за северные хребты на Лену, люди эти были бородаты, крупны и бесстрашны, а ещё они имели такое же страшное огневое оружие, какое было у маньчжуров. Выходило, что если жить с ними в дружбе и платить ясак подобно остальному населению Сибири, то это избавило бы амурскую землю от набегов южных соседей.

Когда, наконец, в зиму с 1643 на 1644 год у даурского городка, расположенного в устье впадающей в Зею Селемджи, появился передовой отряд экспедиции Пояркова, местные жители встретили русских людей радушно, поставили для них вблизи своего городка три юрты, дали им много овсяной крупы и «десять скотин» на пропитание. Однако, отдохнув с дороги, пояровцы вместо благодарности подняли свое знамя и пошли брать город приступом. Состоялся кровавый бой, дауры оказались не такими уж слабыми, побили русских, и те, потеряв под городскими стенами десять человек, с позором бежали. После этого по всему краю быстро распространился слух, что русские ведут себя не лучше маньчжуров, что они также агрессивны и коварны.

В мае 1644 года, когда реки вскрылись, к устью Селемджи подошёл уже весь отряд Пояркова. На этот раз он без боя занял город, так как почти все жители находились на полевых работах. Пояркову достались большие трофеи: много хлеба и крупы, мелкий жемчуг, синий и оранжевый бисер, около 60 соболей и т.д. Затем пояровцы захватили и разграбили ещё два городка на Зее, население которых тоже работало в поле. В одном из городков они нашли два пуда пороха, хотя огнестрельного оружия у дауров не было. По всей вероятности, горожане выменяли порох в Китае, и несмотря на то, что эта страна считается его ро-

диной, он, по оценке казаков, оказался значительно худшего качества, чем русский.

Грабежи беззащитных городов окончательно настроили дауров против Пояркова и его людей. Теперь, когда их дощаники пытались пристать у очередного населенного пункта, его жители либо «не припушали» их к берегу, либо уходили прочь. А однажды даже перебили небольшой отряд, посланный на разведку. Это заставило Пояркова уйти в низовье Амура и морем вернуться в Якутск.

Современные историки, в отличие от советских, называют итог экспедиции Пояркова провальным. Письменный голова не выполнил почти ничего из порученного ему воеводой Головиным: он не искал ни свинца, ни меди, ни серебра, не установил дружеских отношений с местными племенами, не обратил ни одно из них под государеву руку. Что до «чертежей» того края, которые якобы утонули, то кто же поверит, что по порожиистой реке казаки плыли не днем, а ночью, зная, насколько коварны там перекааты? Скорее всего, Поярков просто не составлял никаких «чертежей», так как аборигены «не припушали» его к берегу и ему было не до того, а в письменном отчёте указал лишь то, что видел с воды да в разграбленных им городах и улусах. В довершение ко всему, отряд покинул амурскую землю самовольно, не дождавшись прибытия смены.

Вскоре после завершения похода на Амур казаки Якутского острога направили царю челобитную о насилии над ними со стороны воеводы П. Головина. Провал экспедиции Пояркова они объяснили тем, что Головин, незаконно притесняя служилых, многих из них засадил в тюрьму, а в экспедицию набрал в основном «промышленных и гулящих людей», коим «государева служба и ратное дело не за обычай». Поэтому-то во главе отряда и оказался человек, который из-за своего самодурства не только большую часть своих людей загубил, но и «царскому величеству позор учинил».

Не исправил, а ещё более усугубил ситуацию и Хабаров. Вскоре после вторичного прибытия на Амур, в самом начале своих «героических» рейдов к низовью реки и обратно, он взял в аманаты несколько знатных людей из разных даурских пле-

мён, чтобы получить за них ясак. В самой системе заложничества не было никакого криминала – она начала применяться в Сибири с приходом туда татаро-монголов. Однако Хабаров нарушил святая святых – обязанность сборщика ясака сохранять аманатам жизнь. Вот что писал по этому поводу воеводе Францбекову командир другого отряда казаков Третьяк Чечигин, беседовавший с даурскими князьями и призывавший их под высокую руку царя:

«Рады де мы вашему государю ясак давать [говорили князь], только де вы люди лукавы, правды в вас нет: прежде сего в Лавкаевском городке ясак дали, Ярофею Лавкай дал ясак, и Шилгинея, и другие мужики хотели давать всё. Была у него, Ярофея, князьцова жена Шилгинеева в аманетех, и он, Ярофей, хотел де к себе на постелю взять ту князьцову жену, и она де не пошла к нему на постелю, и он, Ярофей, ея удавил... из Албазина городка плывучи на низ, наши жилишка жёг и пустошил, нас, даурских людей, рубил в пень, и жёны наши и дети в полон имал, лучших наших князьцей... кнутом забил, а иных огнем зажёг, а иных с собою увёл и наши жёны и дети на низ уплавил, не ведаем – живы, не ведаем – мертвые, под ково де нам ныне стало ясак дать, и мы де ныне не ведаем, как к вам умы применить».

А ведь ещё недавно эти князья хорошо знали, как «применить» к складывавшейся тогда ситуации свой «ум». Они надеялись жить в дружбе с русскими и использовать их военную мощь для защиты своей земли от набегов коварных и сильных соседей. Гиляцкие князья даже признались позднее, что собирались выделить в помощь русскому отряду, если бы это потребовалось, «четыре тысячи луков добрых надежных бойцов».

Но Хабаров повёл себя не как друг, а как враг. После дикого случая с женой Шилгинея он сжёг несколько княжеских городков, в одном из которых, как сам писал в донесении воеводе Францбекову, «порубил в пень» 661 человека мужского пола, захватил в плен «бабья поголовно, старых и молодых и девок двести сорок три человека, да мелкого ясырю, ребенков сто осьмнадцать человек, да коневья поголовья... двести тридцать

семь лошадей, да у них ещё взяли рогатого скота сто тридцать скотин».

Видимо, женщин и детей из этого городка Хабаров и сплавил бесследно «на низ», о чем князя и говорили Третьяку Чечигину. Кроме того, в ходе своих «героических» рейдов Ярko разграбил десятки улусов (об этом тоже сказано в его донесениях), жители которых при появлении русского отряда разбежались. Аманатов же по получении ясака он предпочитал не отпускать, как было тогда заведено, а рубить или вешать. Порубленными и повешенными оказались даже родственники местных князей.

После всего этого дючеры и ачаны заявили Хабарову: «Земля с вами задралась». И, окружив недостроенный казачий острог, подожгли его со всех сторон, что советские историки, если помнит читатель, назвали актом вероломства. А когда самостоятельно справиться с отрядом не смогли, то обратились за помощью к... маньчжурам.

Этот соседний народ жил далеко за Амуром – в двух неделях конного перехода. Два-три века назад он представлял из себя такие же разрозненные племена, какими были дауры, дючеры, ачаны и их соседи. Они никому не угрожали и никому не причиняли вреда, однако в течение XVI столетия консолидировались, объединились под общие знамена и превратились в могущественную силу. В 1626 году один из маньчжурских вождей даже объявил о создании собственной Цинской династии – в противовес китайской Минской династии, правившей в Пекине.

Цинское государство окружило свою территорию системой укреплений и постов, получивших название в переводе на русский язык «ивовый палисад». Проникнуть через эту систему никто не мог, в свою «вотчину» маньчжуры не допускали даже живущих с ними бок о бок китайцев. На севере маньчжурских владений линия «ивового палисада» проходила в 800-1000 километрах южнее Амура, земли же, находившиеся севернее этой черты, были объявлены внешними. Племена, живущие там, Цинские правители не считали своими – они для маньчжуров представляли интерес лишь с точки зрения эпизодических военных грабежей.

Куда более лакомым куском для них был южный сосед – Китай. Вот туда маньчжурские правители начали совершать даже не набеги, а настоящие военные походы. В 1644 году маньчжурский император Абахай захватил Пекин, свергнув там династию Мин, и объявил над всей территорией Поднебесной власть своей Цинской династии. Однако, чтобы полностью подчинить себе китайский народ, маньчжурам потребовалось ещё более 30 лет.

Появлению на Амуре русских цинские правители, естественно, не могли оставить без внимания. Они поначалу с тревогой следили за передвижениями отрядов Пояркова и Хабарова, однако вскоре убедились, что казаки проявляют интерес лишь к территории, лежащей севернее Амура, и не делают попыток двинуться в сторону «живого палисада». Поэтому маньчжурские власти запретили своим людям вступать с русскими в вооружённые конфликты. Об этом вскоре представитель маньчжуров сообщил лично Хабарову.

Обращение ачанов и дючеров к южным соседям с просьбой оказать военную помощь против русских те долго обсуждали в своих высоких инстанциях. Зная, с какими трудностями цинская империя столкнулась в Китае, её чиновники, видимо, опасались быть втянутыми в большую войну ещё и с огромным северным соседом. И всё же в конце концов они направили в помощь ачано-дючерским князьям 600 человек с шестью пушками, пищальями и устройствами для подрыва стен. В марте 1652 года коалиционное войско из ачанов, дючеров и маньчжуров, в шесть раз превосходящее по численности отряд Хабарова, пошло на штурм казачьего городка. И было разбито, причём в сражении погибли почти все маньчжурские воины. Таким образом, безрассудные действия Хабарова, нарушившего царское предписание об исключительно мирном проникновении в новые сибирские земли, не только заставило местных аборигенов взяться за оружие, но и спровоцировало опасный военный конфликт с соседними маньчжурами.

Как видим, советские историки безбожно ввали, пытаясь изобразить Хабарова миротворцем. Оболгали они и ту часть отряда, которая устроила бунт против своего разбойного атамана.

На самом деле треть казаков, отделившаяся от отряда, не грабежа и разбоя требовала, а была возмущена изуверством Хабарова. Эти люди, возглавляемые рядовым казаком Степаном Поляковым и казачьим десятником Константином Ивановым, заявили, что будут «государю служить своими головами, опричищено ево, Ярофея», и, уйдя в самые низовья Амура, в гиляцкую землю, поставили там свой острог. Они не устраивали никаких погромов, никого не рубили «в пень», все улусы были целы, но когда туда же прибыл Хабаров с остатками своего отряда, он увидел, что сначала к берегу, где стоял острог Полякова, причалили 5 гиляцких стругов с мехами, а затем ещё 40 гиляцких и дючерских – тоже с ясаком.

Гиляки, конечно, слышали о зверствах Хабарова, знали о том, что амурская земля «задралась» с русскими. Но когда Поляков пришёл к ним с миром, объяснил, что Ерофей действует вопреки воле русского царя, запретившего своим подданным обижать местных жителей, вожди племён заявили: «увидим царское жалованье и вашу казачью правду, и доброту, и постоянство, то будут по нас и всей гиляцкой землею государю ясак платить... и все мы государю будем послушны и покорны...». А ведь так могло сказать всё коренное население Амурского края, будь Хабаров по-настоящему государственным, а не разбойным человеком.

Что касается стольника Зиновьева, который арестовал Ерофея якобы из-за своей спеси и властолюбия, то и на него советские историки навели поклёп. Ещё по пути на Амур Зиновьев слышал от разных людей, что ситуация там, мягко говоря, весьма напряжённая. Надо полагать, в Якутске он прочитал отписку Третьяка Чечигина об удушении Хабаровым жены князя Шилгиня и других его художествах, ознакомился также с донесениями самого Хабарова, в которых тот не без гордости сообщал, как рубил «в пень» некоторых непокорных жителей городов и улусов, а даурских жён, девиц и детей «имал в полон».

Это до крайности возмутило посланника царя, однако действовал он осторожно. Сначала выполнил почётное поручение: вручил каждому участнику экспедиции царскую награду, причём Хабарову – самую высшую. И только потом, наедине,

потребовал у Ерофея подробного отчёта, в том числе и объяснений по поводу слухов об утайке им части ясака.

Не довольствуясь невнятными объяснениями, Зиновьев пригласил представителей местных племён, и те подтвердили достоверность слухов и сведений, которые сообщал в своей отписке Чечигин. В довершение ко всему большая группа казаков вручила царскому посланнику «Изветную челобитную Стеньки Полякова с товарищи», в которой деятельность Хабарова на Амуре освещалась более подробно и представляла в ещё более мрачном свете.

Вот тогда разгневанный Зиновьев и плевал в лицо Хабарову, таскал за бороду, а потом арестовал. По его приказу всё имущество разбойного атамана было арестовано и, как сказано в «Истории Амурской области...», описано. Значит, было что описывать у бездомного приказного, который уходя с одного места на другое, сжигал оставленными им остроги.

Кроме самого Хабарова Зиновьев взял с собой в Москву руководителей бунта – Полякова и Иванова, а также девять свидетелей из даурских, дючерских, ачанских и гиляцких племён. В столице дознание проводили уже матерые следователи из Тайного приказа. Утверждение, будто «славного землепроходца» принял и говорил с ним ласково лично царь, вызывает большое сомнение, так как документальных подтверждений этому нет. А вот в чём можно не сомневаться, так это в том, что будь тогда другой самодержец, а не «тишайший» и «добрейший» Алексей Михайлович, не сносить бы зарвавшемуся Ярко головы. Ведь он совершил тягчайшее государственное преступление, нарушив одно из краеугольных положений царской политики, требовавшее от приказных людей бережно относиться к инородцам. Власть чрезвычайно ценила коренное население Сибири, ежегодно пополнявшее казну мехами, которые тогда являлись для России главной валютой.

Но Алексей Михайлович после доклада начальника Тайного приказа проявил исключительное великодушие: пожалев Хабарова, он лишь отстранил его от должности и навсегда запретил появляться на Амуре. Наказание, безусловно, не соответствовало масштабам содеянного. Ерофей же, как только гро-

за миновала, с присущим ему нахальством направил царскому царю челобитную, в которой, перечислив свои заслуги в освоении разных районов Сибири, но умолчав о тёмных делах, за которые он преследовался властью, просил: «Милостивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, помилуй меня, холопа своего, вели, государь, за мои службишка поверстать в какой чин, я, холоп твой, пригожуся». После этого он и получил те «службишки», о которых писали советские историки, но без права появляться на Амуре.

Если бы знали тогда в Москве, с какими проблемами столкнется вскоре Россия на востоке из-за безрассудных действий Хабарова! Через двадцать лет царское правительство будет вынуждено вообще отречься от своего «славного» землепроходца. Когда в 1676 году русского посла в Пекине Н. Спафария спросили, были ли первые казаки на Амуре государевыми людьми, он без колебаний ответил: «Нет, они ходили туда самовольно, без царского дозволения». Это была святая неправда, так как Ерофей Хабаров перед походом на Амур получил полномочия приказного, во время своей экспедиции он представлял царскую власть, от её имени должен был приводить местное население в Российское подданство и собирать ясак в государственную казну.

Итогом поездки на Дальний Восток стольника Зиновьева стало не только отстранение от руководства очень важной для России Амурской экспедиции Ерофея Хабарова, но и замена Якутского воеводы Францбекова, который утаивал от Москвы достоверную информацию о положении дел на Амуре. А вот действия Степана Полякова и его товарищей, выступивших против зверств атамана, признали правильными. Сам Поляков после дознания в Тайном приказе за верную службу отечеству был поверстан в дети боярские, потом его, рядового казака, произвели в драгунские капитаны, наконец, он стал приказным Исетского острога на Урале.

А на Амуре после ареста Хабарова власти продолжали пожинать плоды его разбойной деятельности. Весной 1655 года Константин Иванов, доставивший сюда из Москвы увезённых Зиновьевым свидетелей-аборигенов, привез Онуфрию Степано-

ву царскую грамоту, в которой казакам строжайше запрещалось «разорять, грабить, убивать и захватывать в полон плательщиков ясака, их жён и детей». Но, как говорится, поезд уже ушёл. «К сожалению, – пишет один из соавторов «Истории Амурской области...» доктор исторических наук А. Артемьев, – мирное присоединение и освоение Приамурья к этому времени было... невозможно... Начавшийся на большей части Амура процесс вооружённого сопротивления русским остановить было уже нельзя».

Теперь казаков на каждом шагу подстерегала опасность. То одна, то другая группа попадала в засаду, несла большие потери или вовсе ложилась костью. Ко всему начался голод. В 1654 году Онуфрий Степанов доложил новому Якутскому воеводе М. Ладыженскому, что маньчжуры переселили большую часть местных инородцев куда-то на юг, на какую-то реку Наун, а тем немногим, что остались, запретили сеять хлеб под страхом смерти.

Маньчжурские военачальники, помня о своем сокрушительном поражении в 1652 году, когда при осаде Ачанского острога был почти полностью уничтожен их отряд, вдвое превосходивший по численности русских, жаждали во что бы то ни стало взять реванш. Теперь они нападали на противника, лишь имея многократное численное превосходство, гарантировавшее победу. Однако и при такой тактике одолеть русских не всегда получалось. Так, в марте 1655 года 10-тысячное маньчжурское войско с 15 пушками осадило острог, построенный казаками в верховьях Амура. И хотя в остроге было всего 510 защитников, то есть почти в 20 раз меньше, чем нападавших, 19-дневный штурм укрепления ни к чему не привёл. Наоборот, казаки, совершая вылазки, захватывали у противников оружие и языков. В конце концов маньчжуры вынуждены были снять осаду.

Чтобы поддержать своих доблестных воинов, цинские власти наняли несколько сотен корейских стрелков, славившихся умением метко палить из фитильных ружей. Поэтому на открытой местности казаков на каждом шагу подстерегала опасность. Их небольшие группы, стоило им отделиться от главных сил, попадали в засаду и несли потери или вовсе ложились

костью. Такая же участь поджидала и малочисленные команды, присылаемые из Забайкалья и с Лены.

В 1658 году отряд Степанова был, наконец, разбит. Половина его измождённых от голода людей погибла в бою, остальным удалось уйти. В этом последнем для участников амурской экспедиции сражении участвовало 265 корейских стрелков. В корейской историографии данному событию даётся подробное описание. Его авторы считают, что на втором этапе «албазинской войны» маньчжуры стали одерживать победы над русскими «похоже... благодаря корейским войскам».

Сам Степанов в этом бою, по одним сведениям, тоже погиб, по другим – взят в плен (хотя о его дальнейшей судьбе ничего не сообщается). Лишившись командира, казаки решили уходить из голодного края группами на Лену и в Забайкалье. Но по пути многие из них тоже погибли – кто от голода, кто в стычках с местными племенами. Лишь незначительная часть отряда смогла добраться до Якутского и Илимского острогов.

Так бесславно завершилась эта, с позволения сказать, «одиссея», неудачно начатая Поярковым и окончательно загубленная Хабаровым. Российское государство буквально выпустило из рук то, что должно было принадлежать ему по праву – не как завоевателю, а как первооткрывателю ничейной, никому не принадлежавшей территории. Увы, тогдашняя царская власть не сумела воспользоваться этим правом.

Надо, однако, отдать должное российскому правительству – оказавшись не по своей вине в неприглядной ситуации, оно пыталось урегулировать вооружённый конфликт между двумя странами дипломатическим путём. В том же 1654 году, когда от Зиновьева стало известно о спровоцированном Хабаровым сопротивлении колонизации Приамурья, в Пекин был направлен посол Федор Байков для обсуждения пограничных проблем, а также вопросов торговли, установления добрососедских отношений и т.д. Но выполнить эту миссию оказалось не так просто. Доставшаяся высшим маньчжурским чиновникам власть над огромным Китаем, похоже, настолько вскружила им головы, что их личные амбиции перевалили все мыслимые пределы. Вот какие титулы после водворения на пекинский трон

были присвоены Цинскому императору: повелитель, монарх самовластнейший меж премудрейшими вельможами богдойскими, законоуправитель, дел общества и славы народа Китайского хранитель, богдойское и китайское богдыханово высочество.

Это бы ещё куда ни шло – почему и не повеличать так честолюбивого богдыхана? Но от русского посла потребовали ещё и падать перед маньчжурским правителем ниц, а вот такого унижения своей страны Федор Байков допустить не мог. Дипломатическая миссия посольства продолжалась до 1658 года, но безуспешно – непокорных русских дипломатов Цинский император так и не принял.

После ухода из Приамурья остатков отряда Степанова значительная часть этого края несколько лет оставалась фактически безлюдной. Убедившись, что русские покинули свои остроги, маньчжуры сожгли дотла все укрепления и тоже убрались восвояси. Их больше не интересовала эта пустующая земля, коренное население которой ещё несколько лет назад они переселили на юг, на свою территорию.

С каждым годом всё больше покрывались пылью оставленные людьми пепелища казачьих острогов и даурских улусов, зарастали бурьяном пашни, выветривались по берегам рек последние следы деятельности человека. Но не могла исчезнуть из сознания жителей Сибири память о великом Амуре, о богатых и хлебных здешних землях. И с 1665 года сюда вновь стали возвращаться русские люди – самовольно, не испрашивая разрешения у власти.

Первая группа новых поселенцев обосновалась на Албазинском пепелище, вновь возведя там небольшой острожек. Это были беглые казаки с Лены, расправившиеся со своим воеводой, который издевался над подчиненными и «насилничал» их жён. Возглавил группу пятидесятник Никифор Черниговский, чья жена тоже пострадала от похотливого воеводы. По пути на Амур к беглецам присоединились ещё 46 человек – вольные крестьяне и промысловики. Уже на другой год, построив жильё, эти люди принялись поднимать старую даурскую пашню и сеять хлеб. А с 1668 года стали постоянно отправлять через Нерчинск

в Москву пушнину, собираемую с таёжных тунгусских племён в качестве ясака.

Никаких проблем с тунгусами, платившими ясак русскому царю, у Никифора Черниговского, похоже, не было. Он вёл себя по отношению к ним дружественно, и они отвечали ему тем же. В Москве не могли понять: кто присылает с Амура меха, если там нет государевых острогов, нет и ни одного русского служилого человека? Наконец, после дознания, картина прояснилась, но опять пришлось ломать голову: как поступить с Черниговским и его товарищами? Ведь учинив самосуд над воеводой, они совершили преступление, но с другой стороны – продолжают верно служить отечеству, вновь открыли русским дорогу на Амур, по своей инициативе привели местные племена под высокую руку государя, регулярно присылают в казну ясак.

Лишь через десять лет после прихода беглых на Амур в Москве нашли, наконец, решение: за преступление виновных наказать по закону, но за дальнейшие заслуги – помиловать. 15 марта 1675 года был объявлен заочный приговор: 17 беглых, учинивших самосуд над воеводой, подвергнуть смертной казни, а 46 примкнувшим к ним наказать кнутом и отсечением руки. Всё по закону! Однако, через два дня, 17 марта, вышел царский указ, в котором говорилось, что великий государь Алексей Михайлович Никифора Черниговского со товарищи «за то, что они... пришед в Дауры, вины свои понесли, и на Албазинском городище острог поставили, и ясачих людей призвали... и пашню завели, казнить и наказанья им чинить не велел».

К тому времени весть о восстановлении Албазинского острога уже распространилась по всей Сибири, и сюда отовсюду потянулись люди. На левом берегу Амура выше и ниже Албазина появились крестьянские сёла, слободы и заимки. Вот их названия: Усть-Аргунская, Покровское, Игнашино, Паново, Чулкова, Монастырская, Озерная, Солдатова, Ильинская и др. В большинстве поселений вместе с мужчинами жили и женщины, поэтому вскоре здесь начали рождаться дети.

Люди обустроивались основательно, надолго. В некоторых, особенно крупных, сёлах сразу же ставили часовню или церковь. Ведь русский православный человек никогда не забы-

вал дедовские обычаи – молиться, исповедоваться, венчаться, крестить детей и т.д. Поэтому кроме жилья, пашни, прочего имущества ему всегда нужен был и храм Божий. В самом Албазине функционировала Вознесенская церковь, а рядом с острогом – часовня того же названия для поселившихся в окрестностях крестьянских семей. Кроме того чуть выше Албазина иеромонах Гермоген основал Спасский монастырь. Поселившиеся в нем старцы создали собственное «пашенное хозяйство», для работы в котором нанимали постоянно прибывающих на Амур «гулящих людей».

После помилования Н. Черниговского и его товарищей власти решили сделать Албазинский острог государевым. Сюда прислали военный отряд и нового приказного с небольшим административным штатом, а для скорейшего заселения побережья Амура стали направлять ссыльно-поселенцев. К началу 80-х годов земледельческие селения протянулись от верховьев реки вниз по течению уже более чем на 300 вёрст. Крестьяне распашали здесь до 1000 десятин «собственной пашни», кроме того государевы посева, которые обрабатывали ссыльные, составляли не менее 50 десятин, да были ещё «присевки» служилых, промышленных, торговых и прочих людей. Для переработки зерна потребовались и мельницы. Две из них были построены на монастырской земле, одна – в Покровской слободе, была ещё мельница торгового человека Ф. Бурдуковского и несколько мелких в разных деревнях.

Местное население не только само обеспечивало себя хлебом, но и отправляло его в Нерчинск, откуда присылали большие дощаники с гребцами. По сравнению с Забайкалем, зерно, крупа и мука здесь стоили значительно дешевле. К середине 80-х годов поголовье скота на Амуре уже насчитывало несколько тысяч голов.

Царское правительство, похоже, решило официально закрепить Амурский край за Россией. В 1682 году был создан Албазинский уезд, в который вошли собственно Албазин, ставший уездным центром, Верхне-Зейский, Селенбинский и Долонский остроги, а также свыше двадцати сёл. В следующем 1683 году

этот уезд стал составной частью Енисейского разряда наравне с Якутским, Иркутским, Илимским и Нерчинским уездами.

Это было своевременное решение, так как оно придавало левобережью Амура официальный российский статус, не считаться с которым не могло ни одно государство, в том числе и Цинская Маньчжурия. После неудавшейся дипломатической миссии Ф. Байкова российское правительство ещё неоднократно пыталось установить контакты с пекинским двором, но безуспешно: маньчжурский богдыхан категорически отказывался принимать кого-либо из соседней страны.

Россия никогда не граничила ни с Маньчжурией, ни с Китаем, поэтому никаких договоров у неё с ними о разграничении территорий не было. И теперь она пришла лишь на левобережье Амура, от которого до северной границы Маньчжурии – «живого палисада» было далеко. Однако обращение дауров и дючеров в 50-е годы к Цинским властям за помощью в корне меняло дело – маньчжуры вошли не только в соприкосновение с русскими, но и в вооружённое столкновение с ними, поэтому теперь следовало подключить дипломатию. Российский двор и пытался добиться решения военного конфликта дипломатическими средствами. Увы, безуспешно.

Но вот, после постоянных отказов богдыхана Кан-си от переговоров ситуация неожиданно изменилась. В 1670 году русский царь Алексей Михайлович вдруг получил из Пекина «лист», в котором Кан-си сам предлагал начать переговоры. Он писал, что желает «жить в миру и радости» с русским царем, если тот выдаст ему туземного князя Гантимура и если русская сторона будет соблюдать мир на границах.

Дипломаты в Москве долго и тщательно изучали этот «лист». Зная о коварстве маньчжурской дипломатии, о захватнической политике двора Кан-си, который уже покорила Китай, Южную (внутреннюю) Монголию и готовился к захвату Джунгарского ханства (что позднее и было сделано), Москва отнеслась к клятве богдыхана в мирных и дружественных чувствах к России с недоверием. Разгадка тайных мыслей Кан-си лежала, безусловно, в требовании выдачи Гантимура. Этот эвенкийский князь был родом из Забайкалья, но его подданные жили и на

среднем Амуре, поэтому, когда Цинские войска в начале 50-х годов угнали здешнее население во внутреннюю Маньчжурию, то и он ушёл вслед за своими людьми. Гантимур пользовался большим уважением тунгусов, маньчжуры сохранили за ним власть, дали ему жалованье и чин чиновника 4 разряда.

На территории Маньчжурии угнанные из Приамурья коренные жители сильно страдали от непомерных ясачных поборов цинский властей, политика которых вела народ к разорению во всей стране. А вот на территории России сборщики ясака действовали значительно мягче. Об этом постоянно говорили родственники, родившиеся на русской стороне, с которыми никогда не прерывалась связь. Большой пропагандистский эффект имели рассказы тех девяти тунгусских людей, которых Зиновьев увозил в Москву как свидетелей по делу Хабарова. Они вернулись с царскими подарками, сообщали, что царь проявил к ним большую милость, а Хабарова обвинил в самовольных бесчинствах и изгнал с Амура. Кроме того в Москве просили также передать всем ясачным людям, что на Амуре власть никому не позволит больше их обижать. А души непорочных тунгусов отходчивы, поэтому многие из них в порубежных районах стали отказываться платить ясак богдойским чиновникам и передавали его русским сборщикам, в связи с чем канцелярия Кан-си даже направляла протест Нерчинскому воеводе.

Эти небольшие недоразумения не давали, однако, богдыхану повода для нового вооружённого конфликта с русскими. И тогда цинские военачальники отдают приказ Гантимуру собрать всё мужское тунгусское население, перейти с ним через Амур и напасть на русских. Военные стратеги, конечно, понимали, что если дело дойдет до кровопролития, то казаки без труда разобьют Гантимура. Но в таком случае у Кан-си появлялось право прийти к тунгусам на помощь, как было в начале 50-х годов.

Однако Гантимур перепутал все карты. Он собрал свой род и ушёл с ним в Нерчинский уезд, на родину, переполошив тем самым пекинский двор. Там хорошо поняли, какая великая опасность грозит им в результате этого неожиданного маневра туземного князя: его примеру могло последовать остальное угнанное население. Пришлось принимать срочные меры, чтобы

перекрыть пути ухода возможных беженцев. Но это не решало проблемы: другие роды могли уйти не сейчас, а позднее и иными путями. Надо было заставить русских выдать Гантимура, тогда остальные поняли бы, что и их в случае возвращения к русским ждёт то же самое.

Но, разгадав, что заставило Кан-си пойти на переговоры, российские дипломаты увидели в его «листе» и другой – положительный – аспект. Маньчжурский богдыхан не предъявлял России территориальных претензий, он требовал лишь, чтобы русская сторона соблюдала мир на границах. То есть Кан-си признал косвенно те границы между русскими и маньчжурами, которые уже установились.

Сообщение между Москвой и Пекином тогда было очень долгим. К тому же русские, похоже, не спешили излагать свою позицию. Чиновники Кан-си трижды обращались в Нерчинск по поводу ответа на свой «лист», но его не было. Наконец, начались консультации по поводу места и времени встречи послов, и только в марте 1675 года из Москвы в Китай было направлено посольство во главе с одним из образованнейших людей своего времени Николаем Спафарием. В Пекин же московские дипломаты добрались лишь в мае 1676 года.

Маньчжурские чиновники сразу же заявили, что не будут вести переговоры о «мире и радости» между двумя государями, пока им не выдадут Гантимура. Но Спафарий оказался искусным дипломатом. Он популярно объяснил представителям богдыхана, почему не будет даже вести разговор о Гантимуре. «Во всем свете права всех народов так гласят, – сказал русский посол, – что который государь владеет ту землю и отечество, в котором человек и родитель его родятся, тот государь владеет и человека того и племя его, а Гантимур и родитель его родились на реке Нерче. Стало быть он является холопом русского царя, и русский царь даже слушать не захочет о выдаче своих подданных».

Затем началась борьба Спафария против унижительных цинских правил приема дипломатов. Она продолжалась целый месяц, пока при дворе не убедились, что русского посла не сломить. Тогда Спафарию заявили, что переговоры могут быть

продолжены лишь в том случае, если Россия согласится на следующие условия: «чтобы тот посол был самый разумной и чтоб он делал всё, что прикажем по нашему обычаю и ни в чем не противился; чтоб все рубежные места, где живут вашего великого государя рубежные люди, жили всегда смирно».

Последнее требование Спафарий безоговорочно принял, тем более, что в нём было ещё одно письменное подтверждение незыблемости русских границ в Приамурье. А вот первые два отверг окончательно. После этого маньчжуры стали вести себя по отношению к Спафарию грубо, а в день отъезда российской дипломатической миссии даже просили одного из её представителей передать царю, чтобы он впредь «такова глубца и несмышленника», как Спафарий, к их богдыхану не присылал.

Некоторые историки называют миссию Н. Спафария такой же провальной, как и Ф. Байкова. Другие считают, что она принесла пользу, так как, столкнувшись с твёрдой позицией России, маньчжуры надолго задумались, нападать на северного соседа или нет. Думается, что правы вторые, потому что начинать военные действия на Амуре в одиночку Кан-си так и не решился. Лишь договорившись о совместных военных действиях с Северной Монголией, он отважился, наконец, выступить против России. Война была отсрочена почти на 10 лет.

Под Албазином ситуация сложилась особенно опасная: в остроге собралось всего 450 защитников вместе с крестьянами ближайших деревень и промысловиками при 3 пушках, в то время как у маньчжуров насчитывалось 4200 пеших и 1000 конных ратников при 45 пушках. Таким образом, в живой силе противник превосходил русских в 11 раз, в артиллерии – в 15 раз. Но главная беда албазинцев заключалась в скудости запасов свинца и пороха, так как этих боеприпасов было очень мало и в Нерчинске, откуда снабжался Албазин.

При появлении маньчжурских войск крестьяне ближайших деревень успели укрыться в крепости, а те, что жили выше по течению, побросав дома и имущество, за неимением других плавередств погрузились на плоты и тоже отправились к Албазину, однако их встретил маньчжурский флот и расстрелял из

пушек. Затем солдаты разграбили все жилища на побережье, а скот угнали на пропитание своей армии.

Окружив Албазин, маньчжуры возвели вокруг него необходимые сооружения и начали штурм крепости. Казаки ответили огнём из пушек и пищалей. Однако, через несколько дней сопротивления у них кончились свинец и порох, оборонять острог стало нечем. Пока маньчжуры это не поняли, воевода А.А. Толбузин обратился к командующему войсками противника Лантаню с предложением: русские прекращают сопротивление и сдают крепость, но при условии, что их свободно пропускают в Нерчинск. Учитывая, что албазинский гарнизон уже нанес его армии ощутимые потери, Лантань принял предложение, и Толбузин увёл своих людей на север. Ровно через месяц после прихода маньчжурских войск он привёл в Нерчинск 324 мужчин и 312 женщин и детей. Ещё 120 человек воевода по пути отпустил в Якутск.

А в Нерчинске уже получили сообщение, что начатая монголо-маньчжурскими войсками операция по захвату Приамурья и Забайкалья провалилась. Монголы, постояв под Селенгинском и Удинском, так и не решились штурмовать эти остроги и удалились. Не удалось поднять против русских и местное тунгусское население, на что Кан-си очень рассчитывал. Маньчжуры тоже, понеся потери под Албазином, не посмели двигаться дальше и ушли на юг.

В это время в Нерчинск как раз прибыли боеприпасы и ратные люди из других городов Сибири. Получив подкрепление и загрузив в дощаники свинец и порох, Толбузин вновь отправился к Албазину и уже в конце августа достиг его. Перед уходом маньчжуры сожгли крепость, пришлось её восстанавливать. Стены и башни теперь делали более мощными, учитывая, что в следующий раз Лантань может явиться сюда с ещё большим числом пушек и других осадных средств. Вслед за ратными людьми вернулись на покинутые места и крестьяне. Они принялись восстанавливать свои жилища, а забайкальцы вскоре помогли им живностью и каким-никаким инвентарем.

Уже осенью 1685 года на возрождающиеся крестьянские поселения начались кавалерийские набеги отдельных мань-

чжурских отрядов. Всадники налетали как саранча, разорали жилища, убивали или брали в плен людей, забирали скот и уходили. Толбузин сразу же организовал конные караулы, которые стали следить за появлением налетчиков и вступать с ними в бой, а если требовалось, то из крепости отправлялся кавалерийский отряд под командованием Афанасия Бейтона. В исторической литературе описывается случай, когда при появлении этого отряда налётчики задали такого стрекача, что казаки как ни гнались за ними, догнать не смогли. В другой раз А. Бейтон преследовал маньчжуров аж двое суток, днем и ночью, но тоже безуспешно. В третий раз казаки настигли маньчжурский отряд под Монастырской заимкой, разбили его, вернули большой табун лошадей, но преследовать остатки отряда не стали, зная, что это бесполезно. Однако бывали случаи, что набег маньчжурам удавались.

В то самое время, когда албазинцы отбивали яростные набег врага, в Москве получили два очень важных известия: сообщение о вторжении монголо-татарских войск в Забайкалье и Приамурье и «лист» от Кан-си с условиями мира. В своем послании богдыхан опять предлагал русскому царю жить «в совете», «без драки и без войны», но для достижения этого требовал, чтобы русские ушли с Амура и установили свою южную границу значительно севернее – от Якутска до Енисейска. То есть отказались бы от большей части Восточной Сибири, которая уже давно была освоена Россией и претендовать на которую никто не имел права. Эту грамоту Кан-си направил в Москву ещё в апреле 1685 года – за полтора месяца до нападения на Приамурье и Забайкалье. Расчёт, очевидно, был на то, что к тому времени, когда послание дойдет до русского царя, в руках Цинского двора будет уже вся территория до линии Якутск – Енисейск, которую маньчжуры надеялись завоевать с помощью монголов и восставших тунгусов. Тогда царю ничего не останется, как принять требования богдыхана.

Российское правительство согласилось на переговоры, но одновременно распорядилось принять меры по военному укреплению своих восточных владений. В декабре 1685 года оно назначило Ф.А. Головина великим и полномочным послом, ко-

тому поручалось, с одной стороны, возглавить переговоры с представителями Цинского двора, а с другой, – «оберегание» сибирских дальних городов и острогов «от приходов китайских военных людей». Он должен был построить новые городки на месте разорённых и в этих местах «ратных и жилецких людей поселить и завести пашню и всякий хлеб». Для выполнения этой сложной задачи Ф. Головину давались полномочия фактически наместника.

Подготовка к переговорам шла очень долго и трудно. Мешали и крупномасштабные военные действия, возобновившиеся с лета 1686 года, и желание Кан-си получить как можно больше выгоды от результатов этих действий для давления на русского посла, и масса предварительных условий со стороны пекинского двора. Много сил и времени уходило у Головина на «оберегание» своих земель.

Бандитские налеты на пограничные поселения Албазинского уезда сменились новыми крупномасштабными военными действиями летом 1686 года. Маньчжуры подошли к Абазину на 150 бусах, в их армии насчитывалось до 5000 воинов при 40 пушках. Лантаню было приказано быстро взять Албазин и идти дальше, чтобы захватить Нерчинск. Но албазинцы, как когда-то жители Козельска во время татаро-монгольского нашествия, решили: «Назад без указа нейдём».

При первом же штурме воевода Толбузин был смертельно ранен пушечным ядром и вскоре умер. Командование гарнизоном принял на себя не менее храбрый и опытный в Сибирских делах офицер Афанасий Бейтон. А штурмы продолжались один за другим, иной раз пороховой дым покрывал крепость так, что там ничего не было видно. Маньчжуры увеличили свою армию до 10 тысяч человек, но и она не смогла взять Албазина. Как-то албазинцы подсчитали, что только в одном бою они уничтожили до 1500 солдат противника. Но и защитники крепости несли немалые потери. Однако ещё больший вред им нанесла цинга, скопившая аж 500 человек.

После пяти месяцев следовавших один за другим штурмов, в декабре 1686 года, когда в маньчжурских войсках тоже начался мор от голода и болезней, их командующий Лантань

получил приказ из Пекина снять осаду. Но идти было велено не к Нерчинску, который по замыслу Цинского двора тоже, как и Албазин, уже давно должен был пасть, а на юг. Потерпев неудачу из-за стойкости всего лишь одного небольшого русского гарнизона, маньчжуры вновь заговорили о посольском съезде. Кан-си даже направил письмо в Москву, в котором обещал не предпринимать больше никаких военных действий и дожидаться съезда.

Но, несмотря на его заверения, военные действия вскоре всё же начались в Забайкалье, куда вторгся союзник богдыхана – предводитель монголов Очирой Саид-хан, которого Кан-си снабдил артиллерией и пищалями. Сами маньчжуры собирались снова ударить по Албазину, когда монгольская армия разовьет успех. Но союзники и на этот раз подвели богдыхана: они осаждали Селенгинск 11 недель, однако в итоге были разбиты.

Пришлось Кан-си ожидать другого удобного случая. А поскольку его не было, он опять перешёл к тактике набегов. К концу лета 1688 года к Албазину подошёл большой маньчжурский флот. Его командующий заверил Бейтона, что богдыхан соблюдает перемирие, а флот идёт к Нерчинску с продовольствием, так как там состоится посольский съезд. Вскоре, однако, вокруг острога запылали поля – маньчжуры начали жечь созревающий хлеб. И воспрепятствовать этому, имея в гарнизоне всего 100 человек, Бейтон не мог. Кроме сей варварской акции маньчжуры заняли выше городка всё пространство, чтобы не допустить поставок продовольствия защитникам крепости из Нерчинска. В условиях такого вот «перемирия» и проходила подготовка к посольскому съезду.

Наконец, 12 августа 1689 года переговоры всё-таки начались – в полуверсте от Нерчинска, где разбили шатры. Но начались не на тех условиях, о которых стороны предварительно договорились. Послы Кан-си прибыли к Нерчинску с «охраной» не в 500 человек, как предусматривалось соглашением, а с 15-тысячной армией, 50 пушками, флотом. Головин же, уведомленный о приближении такого огромного войска, сумел наскрести во всей округе, включая сам Нерчинск, лишь полторы тысячи стрельцов и казаков. Правда, можно было рассчитывать и на

вспомогательные отряды из местных тунгусов и бурят, которые буквально горели желанием тоже защищать вместе с русскими свою родную землю, но это всё равно не шло ни в какое сравнение с силами противника.

Итак, к началу съезда за спинами цинских дипломатов в прямом смысле стояла их 15-тысячная армия. Это, похоже, для маньчжуров был главный аргумент в дипломатических переговорах. Правда, помня, что прежде и значительно превосходящими силами, как правило, не удавалось добиться победы над русскими, они не стали замахиваться на большую часть Восточной Сибири, что пытался сделать Кан-си в 1685 году, а ограничились своими аппетитами лишь Забайкальем и Приамурьем. Однако Головин отклонил даже такое «скромное» требование. Он заявил, что Россия пришла сюда первой, когда эти земли не принадлежали никакому государству, а коренные жители не были ничьими подданными. Самоуправство же одного из казачьих предводителей было решительно пресечено самим русским правительством, сейчас все жители Приамурья и Забайкалья – как русские, так и аборигены – являются равноправными российскими подданными, а сами эти земли по установившемуся во всём мире обычаю Россия объявила своими владениями, посему оснований претендовать на них ни у кого нет.

Дальше началась демонстрация мускулов. Маньчжуры сняли шатры, давая понять, что на этом переговоры закончились и говорить больше не о чем. Их войска стали окружать Нерчинск, а артиллеристы – готовить позиции для обстрела города. Но и Головин с Власовым, как пишет историк В. Александров, свои «стрелецкие части и казачью конницу вывели из крепости и выстроили в боевой порядок. Тунгусское население с князем Гантимуром было готово поддержать русские войска». Таким образом, посольский съезд, готовившийся в условиях военных действий, теперь сам мог перерасти в вооружённое столкновение с непредсказуемыми последствиями.

Однако маньчжуры быстро опомнились. Когда заряды были уже загнаны в пищали, а руки всадников лежали на эфесах сабель, они внесли предложение о новой границе между двумя государствами – по рекам Аргунь и Горбица. Они отказывались

от притязаний почти на всё Забайкалье, но ни за что не хотели оставлять русским левый берег Амура. Похоже, Кан-си жаждал во что бы то ни стало заполучить давно обживаемую Россией, политую потом и кровью её подданных землю Албазинского уезда, а главное – сравнять с землей сам Албазин, который доблестные маньчжурские войска за столько лет так и не смогли взять ни осадами и штурмами, ни голодом, ни цингой.

В правительственных наказах Головину по поводу ведения переговоров предусматривался и такой вариант требований со стороны маньчжуров. В этом случае ему предписывалось «по самой конечной мере» уничтожить селения и укрепления в районе Албазина, вывести оттуда людей, но не проводить разграничения территорий – «сие дело отложить до инаго времени, пока с обеих сторон государи согласятся посредством взаимного посольства оное дело решить». Однако если маньчжуры и тогда станут срывать переговоры, то в одностороннем порядке объявить границей Амур, а соседей предупредить: коли станут чинить «какия ссоры и кровопролития, и то им, китайцам, будет самим от себя». Историк В. Александров в 60-х годах прошлого века расшифровал эту фразу так, что вся ответственность за дальнейшие события ляжет на их сторону. И ей, этой стороне, добавим мы, мало не покажется.

39-летний Федор Головин был одним из умнейших и образованнейших государственных деятелей России, он в совершенстве знал несколько языков, хорошо разбирался в дипломатических тонкостях и не случайно впоследствии стал горячим сторонником Петра I в проведении его преобразований. Пробыв больше трех лет в Сибири, видя, как трудно дается людям освоение этого огромного пространства, постоянно получая информацию из разных источников о действиях богдыхана и ханов других азиатских государств (Монголии, Джунгарии), этот «великий посол» лучше, чем кто-либо мог оценить складывающуюся здесь обстановку. Ему было ясно, что вести войну большими силами так далеко за Уралом Россия просто не сможет. Огромные расстояния через всю Сибирь, которая почти полгода покрыта глубоким, часто непроходимым для санного транспорта снегом, полное отсутствие летних дорог не позволяет прави-

тельству оперативно перебрасывать войска, вооружение, боеприпасы, фураж и т. д. к месту военных действий. С этим столкнулся сам Головин: его обоз с пищальями, пушками, свинцом, порохом добирался только из Тобольска до западных границ Забайкалья 15 месяцев. А путь от Москвы до Амура, наверное, занял бы не меньше двух лет. Ведь в декабре 1687 года, как было известно Головину, даже легкая монгольская конница, пытавшая вторгнуться в Прибайкалье, не смогла преодолеть здешние глубокие снега и вернулась.

Всё вышесказанное заставило будущего генерал-фельдмаршала и главу русской внешней политики (при Петре I) взять на себя ответственность и внести в полученные от правительства инструкции соответствующие коррективы. Хотя предложение о проведении границы по Аргуни и Горбице не соответствовало российским интересам, Головин после глубоких раздумий сообщил маньчжурским послам, что готов обсуждать их новую инициативу. Оба посольства вновь съехались, съезд возобновил работу.

Сообщение Головина, что Россия готова убрать с Амура свои поселения, вывести оттуда людей и разрушить Албазин, вызвало в маньчжурском посольстве заметное оживление. Оно стало ещё большим, когда царский дипломат, ни в чём не перечая представителям богдыхана, дал согласие на проведение границы по Аргуни и Горбице. Явно обрадованные первым за время переговоров успехом, маньчжуры сразу согласились на требование Головина не заселять район Албазина по уходу оттуда русских. После недолгого обсуждения ещё некоторых вопросов (о торговле и урегулировании споров и т.п.) – началась работа непосредственно над текстом договора. И вот тут тонкий дипломат Федор Алексеевич Головин полностью переиграл своих противников.

Четкая граница между двумя государствами договором устанавливалась лишь на участке протяжённостью чуть больше двухсот вёрст. «Река, именем Горбица, – говорилось в первой статье документа, – которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левой стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствами поставит». Формулировка ясная и не двусмысленная,

никаких вопросов не вызывает. А вот дальше к востоку сей рубеж предлагалось провести следующим образом: «От вершины той реки Каменными горами... по самым тех гор вершинам, даже до моря протяжёнными, обоих государств державу тако разделить, яко...» все северные реки по отношению к «тех гор вершинам» отходили бы к России, а Южные – к Маньчжурии. Но что это за «Каменные горы» с их вершинами? В каком направлении они идут? Ведь всё пространство севернее Амура, за исключением Зее-Буреинской равнины, сплошь покрыто «Каменными горами», и вершин там великое множество. Их тогда ещё никто не изучал и названий им не давал. «Яко» же при столь туманной формулировке и отсутствии обязательных в таких случаях чертежей можно было провести там демаркацию границы путём установления пограничных знаков на местности?

В таком же тупике оказалась бы совместная демаркационная комиссия, если бы она попыталась установить пограничные знаки к западу от Горбицы. Потому что эта река впадает в Шилку, а не в Аргунь, однако в договоре ничего не сказано, как провести границу от её устья до Аргуни. Но самый большой нонсенс заключался в разделении между двумя государствами аргунских берегов. Установив здесь границу, послы отдали давно обжитое русскими левобережье... маньчжурам. А правобережье, обращённое к Маньчжурии, куда по здравому смыслу оно и должно было бы войти, – России. Вопрос же о том, каким образом маньчжуры с левого берега, а русские с правого станут добираться до своих стран, если для этого надо будет пересечь территорию сопредельного государства, на съезде не обсуждался.

Что касается остальных границ – между рекой Удой, Нижним Приамурьем и Приморьем – то они объявлялись «неразграниченными до иного благополучного времени, в котором... царское величество изволит и бодыханское высочество похочет». В таком виде Нерчинский мирный договор между Россией и Цинской империей о границах и условиях торговли был подписан 27 августа 1689 года.

Через несколько дней в окружённом маньчжурами Албазине получили приказ, предписывающий начальнику гарнизона

А. Бейтону во исполнение мирного договора между Россией и Маньчжурией уничтожить жилые и хозяйственные постройки, разрушить оборонительные сооружения, срыть земляной вал и вернуться со всеми людьми в Нерчинск.

Для защитников крепости это означало конец войне, которую они уже несколько лет вели на дальнем рубеже России с агрессивным соседом. Однако такой исход сей компании не очень обрадовал албазинцев. Они ожидали из Нерчинска не подобного приказа, а помощи людьми, боеприпасами, продовольствием, чтобы разгромить наконец агрессора. Не для того здесь стояли насмерть и умирали русские служилые люди, мужики, даже женщины и подростки, чтобы вот так, ни за что ни про что, отдать эту политую кровью и потом землю.

Но приказ есть приказ. 9 сентября под насмешливыми взглядами маньчжуров албазинцы начали разрушать свою героическую, выдержавшую все осады и штурмы крепость. Многим это казалось постыдным делом, от сраму они были готовы провалиться сквозь землю. Но стыдиться-то как раз и не следовало. Это больше подходило маньчжурам, которые даже при огромном численном превосходстве и других благоприятных условиях не смогли сломить небольшой русский гарнизон. Албазинцы покидали место сражения непобеждёнными – по уговору великих послов.

Сравнять Албазин с землей оказалось не менее сложно, чем построить. Начавшаяся зима помешала работам – только к августу 1690 года был окончательно срыт земляной вал. Шестьдесят семь казаков собрались на краю бывшего городка, прощаясь с местом недавних боев, с которым у каждого было так много связано. Кто-то в эти минуты, возможно, вспоминал жуткие артиллерийские обстрелы, когда от порохового дыма в окрестностях почти ничего не было видно, кто-то – опасные ночные вылазки в тайгу за хвоей, которой лечили цингу. Кому-то, может быть, виделись молниеносные выходы гарнизона из крепостных ворот, чтобы сбросить противника в реку. Да, эти люди сделали свое дело, с честью выполнили сыновний долг перед Родиной. Теперь можно было уходить.

А что же Головин? Как откликнулась ему потеря Албазинского уезда? Ведь велено-то было проводить границу по Амуру. Чиновники Сибирского приказа (сейчас его называли бы министерством по управлению Сибирью) выразили великому послу свое неудовольствие. Однако, вскоре всё стало на свои места. Когда посольство отправилось на переговоры с маньчжурами, страной правила регентша Софья и её приближённые, они же в течение трех лет направляли Головину свои директивы. Но когда до Москвы дошла весть о подписании договора, полноправным царем уже стал Петр. В начале 1691 года по возвращении Головина в Москву молодой государь долго беседовал с ним и высказал ему свое «милостивое слово».

В отличие от Софьи и её приближённых, Петр сразу понял, что решение, принятое Головиным, было единственно правильным. Российский дипломат добился главного: не очень сильный, но слишком амбициозный сосед отказался от своих бредовых притязаний на Восточную Сибирь и Забайкалье. Кроме того остались не разграниченными Нижнее Приамурье, Приморье и территория между рекой Удью и морем – съезд отложил решение этого вопроса на будущее, когда «изволят» и «похотят» самодержцы двух стран. Стало быть ежели теперь богдыхан попытается захватить их силой, то его на основании сего договора можно будет оттуда вышвырнуть. Касательно же Верхнего и Среднего Приамурья договор был составлен так, что не позволял установить реальную границу – для одного дела требовался новый посольский съезд и новый договор.

Ради всего этого Головин и пожертвовал Албазинским уездом. Но он всё-таки не отдал его маньчжурам, а договорился, что они не будут заселять эту территорию. Да она и нужна-то была богдыхану как пустынная буферная зона, отделяющая его владения от северного соседа, люди которого при первом же появлении в Даурской земле (Поярково, Хабаров) показали свою агрессивность. Так же примитивно богдыхан пытался защитить себя с юга и востока, запретив всем иностранным судам заходить в свои порты.

Конечно, не хотелось оставлять хлебные места вдоль Амура, но что делать? В свое время шведы отняли у Московско-

го государства Балтийское побережье, захватив и переименовав на свой лад несколько русских поселений. Чтобы воспрепятствовать этому, у страны тогда не было сил. Но теперь пробил час – Пётр уже думал о большой войне со Швецией за освобождение этой территории. Понимал он, что придёт время разобрататься и с Приамурьем.

Нерчинский договор был крайне необходим России даже в таком виде, в каком его подписал Головин. Дальнейшее сидение албазинцев в крепости не могло никому принести пользы, а вот после заключения договора между двумя странами начался быстрый рост торговли. Правда, маньчжуры согласились принимать русские караваны с товарами лишь раз в три года, но фактически они начали прибывать в Пекин ежегодно. За первые десять лет после съезда послов объём двухсторонней торговли увеличился в 17 раз, соответственно возросли и таможенные сборы в бюджет.

В мировой дипломатической практике Нерчинский договор вообще занимает особое место. В течение почти двухсот лет он оберегал не рубежи двух сопредельных государств, а фактически незаселённую территорию, куда не могли заходить подданные ни той, ни другой стороны. Правда, в самом документе такой статьи не было, но богдыханский двор не раз подтверждал это своё обещание и, что особенно важно, никогда не нарушал его.

А теперь несколько вопросов к читателям.

Уважаемые господа и товарищи!

Как бы вы поступили, если бы во время губернаторских выборов вдруг узнали, что по вине одного успешного кандидата стране нанесён огромный урон и что он задушил жену своего соседа, отказавшуюся идти к нему «на постелю»? Наверное, всё до единого не стали бы за него голосовать, да ещё и суда над негодеям потребовали!

Тогда почему сегодня никто не возмущается по поводу того, что административный центр соседнего края и один из посёлков Амурской области носят имя Хабарова. Ведь теперь ни для кого не секрет, каким был в действительности этот землепроходец. Его истинное лицо показали в своих печатных рабо-

тах учёные Г. Леонтьева (в 1991 г.), Б. Полевой (в 1991 и 1995 гг.), А. Артемьев и А. Забияко (в 2008 г.). Уже прошло достаточно времени, чтобы эти труды были замечены.

А не стоит ли российским законодателям, вообще посмотреть, чьи имена увековечивают названия наших населённых пунктов? Ведь в России нет ни одного города или села, названных в честь Ермака, который действительно достоин доброй памяти. В советское время несколько десятилетий трудился ледокол «Ермак», построенный ещё при Николае II. Но в 60-е годы его списали. Зато у нас сегодня есть Хабаровск и Хабаровский край, посёлок Ерофей Павлович, села Поярково, Пашково...

Между тем, вот как писали в газетах, оценивая деятельность Поярково, в XIX веке: «не доброму человеку досталось на первых порах новые земли открывать. Не благословил бог его начинание. Только сраму нажили русские люди со своим письменным головою». А о том, что «жестокий самодур Поярков, едва не погубивший экспедицию» (выражение А. Артемьева), «бил и мучал понапрасну» своих подчинённых, отбирал у них во время голода последние «хлебные запасы», писали даже в советское время.

О «душегубе Пашкове» (выражение А. Забияко) подробно рассказано в сочинениях протопопы Аввакума, который во время своей сибирской ссылки 10 лет прослужил священником в отряде этого воеводы. Аввакум писал, что хотя по пути из Енисейска в Забайкалье казаки выматывались до изнеможения, перетаскивая волоком тяжелые дощаники с грузом от реки к реке, а потом тягая их бичевой против течения, ещё больше они страдали от издевательств Пашкова. Воевода не заботился о пропитании рядовых служилых: когда забивали скотину, то мясо шло лишь ему и его приближённым, а остальное варили казакам – шкуры, ноги и головы. Не лучше было и когда добрались до места, а Пашков стал Нерчинским воеводой. «Тамо, – пишет Аввакум, – нас и совершенное зло постигло: ел я с казаками... вербу и сосну, и траву, и коренья... Итово было ядение шесть лет... И от тоя нужды человек пятьсот померло; а осталось немного – человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афанасий Пашков,

пережѣг огнѣм и перебил кнутом до смерти, яко же и меня мучил».

Приложил руку этот «душегуб» и к гибели остатков отряда Степанова. Оставшись без продовольствия и имея много больных, казаки не могли далеко уйти после разгрома. Укрывшись в тайге, они отправили в Нерчинск здоровых людей с просьбой срочно прислать хлеба. «Однако Пашков по каким-то причинам не захотел послать провизию на Амур, – пишет доктор исторических наук Н. Шиндялов. – В итоге 37 казаков... умерли в устье реки Урки, а остальные отправились к морю, где часть из них... погибла».

Обратите внимание: учёный утверждает, что Пашков не «не смог» отправить продовольственную помощь умирающим от голода людям, а «по каким-то причинам не захотел». Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Вот и получается, что большая часть отряда Хабарова погибла из-за его безрассудной жестокости к местному населению, а остатки – из-за подлости нерчинского воеводы, который, как мы уже знаем, не считал рядовых казаков за людей.

И память об этих извергах мы обязаны свято хранить? Так что ли?

КОГДА И КАК ПРИШЛО НА РУСЬ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Цивилизованная Европа после рождения Христа имела немало поводов гордиться собой. Она то уходила далеко вперёд от остальных стран в научных открытиях, то предлагала миру новые направления в экономике, то начинала удачные эксперименты с государственным строительством. Но бывали у неё и такие повороты, о которых она потом предпочитала не вспоминать.

Россию на Западе всегда было принято критиковать. Особенно много стрел выпустили в неё европейские политики, учёные, литераторы в связи с введением в стране крепостного права. Оказалось, что весь западный истеблишмент чрезвычайно

обеспокоен судьбой российских крестьян. В многочисленных публикациях «знатоки» нашей страны утверждали, что, попав в полную зависимость от помещиков, русские мужики стали ленивыми, живут впроголодь и не стремятся к лучшей доле. Что у российской деревни нет никакой перспективы, что она становится всё более тёмной и забитой. Говорилось это, как правило, со злорадством.

Между тем, феодальное крепостное право не было каким-то чисто русским изобретением. Впервые оно появилось на Западе Европы ещё в IX-X веках, и первыми его «ощутили» крестьяне Англии, Франции и западных районов Германии. Оттуда сие позорное явление распространилось по всей Европе, исключая Швецию и Норвегию. При этом закрепощение крестьян в других европейских странах было не меньшим, чем в России. Вот, например, что говорилось в помещичьем уставе земли Шлезвиг-Гольштейн: «Ничто не принадлежит вам (т.е. крестьянам – *А.К.*). Душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и все, что вы имеете, является моим (т.е. помещичьим – *А.К.*)». В соответствии с этим уставом западные помещики и эксплуатировали своих крестьян. Однако европейская пресса их так не критиковала, как это делалось по отношению к русским землевладельцам.

В России после избрания новой царской династии многое пришлось начинать сначала. Разграбленная казна требовала огромных денег, армию надо было кормить, одевать и обувать, вооружать, в городах – вновь отстраивать жильё, торговые лавки, храмы, ковать мечи и орала, поднимать из пепла многие сёла, восстанавливать пашню, разводить скот. Страна была заинтересована в новом всплеске рождаемости, так как теперь ей требовалось много рабочих рук.

Вновь крестьянская масса обратила свои взоры на пустующие окраинные земли. Особенно на Приволжскую степь, которая начиналась сразу за южной границей смешанных лесов. Не одно поколение русских земледельцев, обрабатывая разбросанные среди лесных зарослей участки, с вожделением поглядывало туда – вот где разгуляться бы! Но там пасли свои стада кочевники, и хотя большая часть этой земли пустовала, они ни-

кого в неё не пускали. А силой русские люди никогда землю у соседей не отбирали.

Напомню, что в северную лесостепь они пришли в стародавние времена тоже не с огнём и мечом. Финские племена обитали рядом, тяготели к морю, и на лесостепь не претендовали. Встреча с ними была мирной, душевной, за восемь веков, прошедших с того времени, между соседями никогда не возникало ссор, разногласий, непонимания.

Уважительное отношение к чужеземцам, подмеченное европейцами ещё у восточных славян, у русских передавалось из века в век от дедов к внукам, от внуков к правнукам. На Руси оно было скреплено ещё и христианской моралью. Русский народ держал оружие наготове для защиты от врагов, но не для нападения и грабежа. Такова была воля его предков, этому учило каждое новое поколение своих потомков.

То, что Иван Грозный пресёк бесчинства татаро-монголов, разгромив и подчинив себе Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, на Руси встретили с одобрением. Но, повергнув врага, россияне больше не испытывали к нему ненависти, не мстили за прошлые злодеяния. Гражданам всех трёх ханств дали возможность жить свободно, наравне с остальными российскими подданными, но по справедливости, а не по языческим бандитским законам.

Плодородные степи Поволжья, Придонья, Южного Приуралья стали теперь всеобщим достоянием. Татаро-монгольское население не сгонялось с обжитых им мест, у него не отбирали пастбища, где гуляли его табуны. Русские хлебопашцы переселились лишь на свободные земли, не знавшие ни сохи, ни бороны.

«Смутное время» задержало переселенческий процесс, но теперь, при Романовых, он возобновился. Вновь потянулись в южные районы сначала земледельцы, за ними мастеровые, торговцы, мелкие чиновники, недовольные властью на прежнем месте, а также разного рода законоослушники, спасающиеся от наказания. Люди молодые, здоровые, энергичные, не боящиеся хлебнуть лиха, переселенцы быстро осваивались на новой зем-

ле, заводили пашню, скот, строились, ремесленничали, начинали торговать.

Для крестьян наступил, как принято говорить, «золотой век». Если раньше, когда землевладелец пытался поднять арендную плату за землю, крестьянин, дождавшись Юрьева дня, уходил к другому боярину или помещику, то теперь у мужиков появилась возможность не просто поменять хозяина, а ещё и переселиться на новые, пустующие земли, навсегда уйти от тех живодеров, которые драли с тягловых людей по три шкуры. Это сильно испугало многих землевладельцев – они больше не могли и заикнуться об увеличении арендной платы, чтобы не спугнуть мужиков и не лишиться рабочих рук. А мужик мог не бояться незаконных притеснений со стороны арендодателя. И отменить эту крестьянскую вольницу власти, заботясь об укреплении дальних рубежей страны, пока не могли.

А тут на владельцев земли свалилась ещё одна напасть – усилился самовольный отток крестьян, которые уходили от хозяев помимо Юрьева дня, не рассчитавшись. Из деревень они исчезали тайно, незаметно, как правило, ночью, и пускались в бега на новые земли. Такие беглые должники были на Руси испокон веков, но прежде их отлавливали, возвращали на место и обращали в холопов. Ситуация менялась при Федоре Иоанновиче, когда в царских чертогах началась боярская междоусобица. Заниматься делами государства тогда было некому, челобитные на имя царя подолгу не рассматривались и решения по ним не принимались.

Лишь на седьмой год своего царствования – в 1590-м, когда землевладельцам совсем уже стало невмоготу, Федор Иоаннович издал указ, регулирующий взаимоотношения крестьян и помещиков. Но в нём лишь подтверждалось право мужиков уходить от хозяев в Юрьев день и ни слова не говорилось о тех, кто ушёл, не рассчитавшись. Получалось, что этот акт защищал лишь интересы крестьян и ничего не давал арендодателям.

Чтобы у ближайшего окружения царя дошли руки до одной из острейших тогда проблем, потребовалось ещё семь лет. Только за полтора месяца до смерти Федора Иоанновича, 24 ноября 1597 года, вышел ещё один указ – «Об урочных летах»,

касающийся проблемы беглых. К этому времени в бегах уже числилось великое множество крестьян-арендаторов. Многие, не рассчитавшись, гуляли неизвестно где и по 5 и по 10 лет. Иной раз помещики указывали в своих челобитных, что их должники убежали в Сибирь ещё раньше – вслед за Ермаком Тимофеевичем. Были даже такие, кто подался на юг сразу после взятия Иваном Грозным Казани, а тому пошел уже пятый десяток лет. Всех беглых владельцы земли требовали вернуть назад, как положено по закону, обратить в холопов.

Указ «Об урочных летах» удовлетворял эти требования... только отчасти. В нём говорилось, что все беглые по поимке их должны быть возвращены на прежнее место, если они покинули хозяина в течение последних пяти лет, то есть после 1592 года, и если хозяин тогда же вчинил иск об их поимке. Если крестьянин утёк до 1 сентября 1592 года, разъяснялось в указе, и хозяин тогда не вчинил иска о его поимке, то такого крестьянина не возвращать и иска о нём не принимать. Таким образом, государство защитило окраинные земли от опустошения, оставив там всех тяглых людей, которые переселились туда за сорок лет с 1552 по 1592 года.

Никто тогда и предположить не мог, что этот последний указ через два с половиной века, когда в российском обществе будет поставлен вопрос об отмене крепостного права, станет яблоком раздора между учёными-историками.

Но случилось так, что в середине XIX столетия многие из них были искренне убеждены: именно этим указом Борис Годунов, правивший от имени Фёдора Иоановича, ввёл в России крепостничество. Потому что в 1590 году царь высочайше подтвердил право крестьян переходить в Юрьев день от одного помещика к другому, а в 1597-м повелел беглых ловить и возвращать на прежнее место.

Среди сторонников этой точки зрения оказался и выдающийся русский историк, этнограф и писатель Николай Костомаров. Его называют одним из основоположников отечественной историографии, наследником и продолжателем дела великого Карамзина. К сожалению, главный труд Костомарова – «Русская история в жизнеописании её главнейших деятелей» остался не-

оконченным. Но важнейшие события, происходившие на Руси с древнейших времен до второй половины XVIII века, как и их участники, описаны с блеском. Высоко оценил своего предшественника и другой выдающийся историк XIX века Василий Ключевский. Он писал: «Нам нужны живые образы, и такие образы дает нам Костомаров... Всё, что было драматичного в нашей истории, особенно в истории нашей юго-западной окраины, всё это рассказано Костомаровым... с непосредственным мастерством».

Однако в данном случае Ключевский вынужден был поправить своего именитого коллегу. Он заявил, что вывод о введении крепостного права вовсе не вытекает из указа 1597 года – в нём говорится лишь о сроках побега и подачи иска, которыми должны были руководствоваться судьи, чтобы решить вопрос о возвращении беглеца прежнему хозяину. «Больше ничего не говорится в царском указе!» – подчеркнул Ключевский.

Да, часть беглых судьи обязаны были возвращать на прежнее место. Но ведь «беглыми» со времён Киевской Руси считали тех, кто, будучи свободным и работая на хозяина, как сказали бы сейчас, по договору, уходил с прежнего места не рассчитавшись с арендодателем. И раньше таких вылавливали, водворяли обратно, обращали в холопов. По мнению В. Ключевского, указ «о временных летах» ничего не менял в этой системе по сути, а только наводил в ней порядок, устанавливая временные рамки для привлечения должников к ответственности. Он имел, как говорит историк, «разовое значение», его просто нельзя было применить в других случаях. В самом деле, как мог суд привлекать к ответственности бежавшего, скажем, в 1615 или в 1620 году, если в указе говорилось лишь о тех, кто бежал с 1592 по 1597 год?

По мнению Ключевского, показательным было и то, что сами современники указа «О временных летах» не связывали его с закрепощением крестьян. После выхода этого документа ещё в течение нескольких десятилетий мужики, как и прежде, заключали с помещиками договора об аренде земли, в которых предусматривался свободный уход арендатора в Юрьев день по возвращении арендатору всех долгов. Многие и уходили. При

этом никто не считал их беглыми и не возвращал. Мирились ли бы с этим помещики, если бы крепостное право существовало?

О том, что его не было, говорят и такие факты. Если помнит читатель по одной из предыдущих глав, летом 1610 года группа московских бояр обговаривала с польским коронным гетманом Жолкевским условия сдачи России Польше. Бояре соглашались посадить польского королевича Владислава на российский престол при выполнении им одного обязательного условия: если он пообещает, что, став царём, запретит русским крестьянам переход от одного помещика к другому и установит в России крепостное право. Спрашивается, зачем нужен был этот пункт в договоре, если крепостное право уже существовало? А раз его внесли в договор, который со стороны России подписали три боярина и два дьяка, значит, до лета 1610 года такого ограничения крестьянской свободы на Руси не было.

Этот договор вообще заслуживает особого обсуждения. Возникает вопрос: ради чего именитые бояре готовы были отдать полякам свою страну? Из-за дополнительных льгот и вольностей? Но об этом они могли договориться и с русскими царями. Уж кому-кому, а боярам привилегий было не занимать! Единственное, о чем они не могли договориться со своими самодержцами – о введении крепостного права. Ни с Иваном Грозным, ни с Федором Иоанновичем, ни с Борисом Годуновым, ни с Василием Шуйским. Получается, что российская знать готова была отдать страну на поругание врагам ради закабаления крестьян?..

В следующем 1611 году крестьянский вопрос обсуждался на сходе Первого народного ополчения под руководством Прокония Ляпунова, которое собиралось освобождать от поляков Москву. Перед решающим сражением ополченцы приняли документ с изложением своих взглядов на будущее государственное устройство России – так называемый «Приговор всей земли». По поводу крестьян в этом «Приговоре» было написано: «А по сыску крестьян и людей отдавать старым помещикам». Это не власть сказала – сам народ! В документе не уточняется о каких «крестьянах и людях» идет речь, но несомненно, что о беглых должниках. Ведь ополчение состояло в основном из крестьян.

ян, которые ни за что не поддержали бы крепостное право. А вот наказывать должников, нарушивших договор и, стало быть, принятый в стране порядок, основная крестьянская масса считала справедливым. Будь на этот момент в стране крепостничество, ополченцы (читай – крестьяне) непременно потребовали бы вернуть свободный переход мужиков от одного помещика к другому в Юрьев день. Но такого требования в «Приговоре» нет. Значит, Юрьев день на тот момент никто не отменял.

Однако когда же в таком случае появилось в России это злосчастное крепостное право? Кто его ввёл? Каким указом или законом? Снова обратимся к работам В. Ключевского. Этот вопрос учёный исследовал досконально, тщательнее и глубже, чем кто бы то ни было. На основании многочисленных фактов он пришел к выводу, что крепостничество в России складывалось постепенно, а начало свое оно берет ещё из Киевской Руси. Именно тогда знатные люди стали обзаводиться холопами – подневольными работниками, не имеющими гражданских прав и являющимися личной собственностью господина. Их можно было продать, купить, убить, не неся за это ответственности.

В холопов обращали пленных, а также воров или татей. Их было немного, и поначалу они обслуживали лишь господскую усадьбу да самого хозяина с домочадцами: варили, стирали, рубили дрова, носили воду, топили печи, доили коров, мели двор, были кузнецами, кучерами, портными и т.п. Сельскохозяйственные работы на барской земле выполняли не они, а свободные наемные крестьяне.

Но, как уже говорилось, во второй половине X - XI веках быстро увеличивается число собственников и владельцев земли. Знатные служилые люди, а также священнослужители и монастыри получают от князей, то есть от имени государства, крупные вотчины, становясь их собственниками. Служилым нижних чинов передаются поместья – не в собственность, а на время службы. И тем, и другим требуется много рабочих, чтобы заниматься хлебопашеством, поэтому «на землю» начинают садить холопов. Холоп сразу же становится очень ценным работником, в «Русской правде» появляется статья, запрещающая его уни-

вать. Во всех остальных отношениях он, впрочем, продолжает оставаться бесправным, подневольным рабом.

Следующим инструментом закрепощения крестьян стал «Судебник» Ивана III, принятый в 1497 году. Напрямую о «крепости» в нём не говорилось, но этот документ давал возможность ежегодно пополнять ряды холопов за счёт крестьянской массы, которая не очень дружила с законами. «Судебник» подтверждал все перечисленные права крестьян: эти люди были свободными гражданами, не относящимися ни к какому сословию, крестьянами они становились лишь после заключения договора с собственниками на аренду земли сроком на один год, после чего могли поменять помещика либо вернуться в город. Такой порядок на Руси существовал издревле. «Судебником» же устанавливались лишь правила расторжения договора. Правила эти были жёсткие: крестьянину давалось двухнедельное «окно», чтобы уйти от помещика. Как уже говорилось, оно начиналось за неделю до зимнего Юрьева дня (26 ноября по старому стилю) и заканчивалось через неделю после него. При этом мужик должен был предварительно рассчитаться с хозяином деньгами и урожаем, а также отработать установленную договором барщину. Если же кто-то пускался в бега, не рассчитавшись, то его по суду можно было обратить в холопа. Вот эта-то, вроде бы справедливая, мера наказания ослушников и дала значительное увеличение числа холопов.

Раньше таких ослушников было немного, их по поимке тоже возвращали прежним помещикам, но теперь число беглецов увеличилось. Беда мужиков заключалась в том, что выполнить все условия договора, который подписывал крестьянин, ему было очень трудно. Ведь он «садился» на землю, как правило, «без ничего», на всем готовом селился в хозяйском доме, работал хозяйским инвентарем, у хозяина брал ссуду на обзаведение. За всё это, а также за землю, следовало платить в установленный договором срок. Но даже у добросовестных мужиков это не всегда получалось. Часть долга оставалась на следующий год, а там мог случиться и неурожай. Через 3–4 года многие крестьянские семьи становились беспросветными должниками. Вот и пускались самые отчаянные в бега, не вернув долг.

До середины XVI века политика государства была направлена на защиту интересов землевладельцев. Но после присоединения Поволжья, Придонья, Южного Приуралья, Западной Сибири ситуация изменилась. Уход крестьян на новые земли отвечал интересам страны – тем самым государство закрепляло за собой окраины с наименьшими издержками для себя. Однако от такой политики страдали старожильческие районы, где было сосредоточено практически всё частное землевладение. Обеспечить эти районы рабочими руками можно было лишь путём принудительного закрепления там крестьян. То есть введением крепостного права. Но пойти на такую крайнюю меру власть не решалась в течение столетия после присоединения этих земель.

Не добившись от государства официального закрепощения крестьян, землевладельцы нашли иной способ привязать их к себе. Ведь помимо законодательного принуждения существовало ещё и чисто экономическое закабаление. В течение многих веков все крестьяне считались свободными, закон защищал это их право, но на деле многие не могли воспользоваться своей свободой на законном основании, так как оказывались должниками. Со временем долги их только росли, но они продолжали «сидеть на земле». Вот помещики и начали думать, как, не затрагивая интересов государства, облечь эту экономическую кабалу в юридическую форму. После окончания «смутного времени» такую форму удалось-таки найти.

«Она состояла в том, – пишет Ключевский, – чтобы крестьянин, рядясь с землевладельцем на его землю со ссудой от него, сам отказался в порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства. Внесение такого условия в порядную и сообщало ей значение личной крепости».

Сей документ при возникновении спора мог иметь такую же юридическую силу для суда, как указ или закон. Таким образом частичное крепостное право, то есть отсутствие гражданской свободы для многих крестьян, начало существовать на Руси без установления сверху. К середине XVII века это явление стало распространенным настолько, что у землевладельцев

окончательно сложился взгляд на крестьян, как на крепостных. Да и сами они начали привыкать к этой мысли. Но на законодательном уровне такое положение не было закреплено аж до 1649 года.

В 1648-м правительство предложило очередному Земскому Собору рассмотреть целый свод законов, регулирующих уголовное право, правила судопроизводства, права сословий, некоторые аспекты морального поведения в обществе и т.д. Большое место в этом своде занимали законы о вотчинах, поместьях, крестьянах, холопах, а также церковном землепользовании.

После 1613 года, когда был коронован на престол Михаил Романов, Земский Собор стал играть в Российском государстве исключительную роль. Всё наиболее значимые для страны решения принимались только этим всенародно избираемым органом. Он состоял из представителей всех сословий, поэтому считался беспристрастным и справедливым. Понятно, что только Собор и мог распутать сложный клубок противоречий, которые давно уже существовали между государством, землевладельцами и крестьянами.

Открылся Собор в октябре 1648 года. Изучив Уложение, состоявшее из 25 глав, его участники приняли фактически правовую основу деятельности государственной власти, которая с изменениями и дополнениями просуществовала до середины XIX века. Впервые за всю российскую историю в ней были законодательно закреплены «права государевы», определяемые прежде, как писал Костомаров, исключительно «по обычаю или произволу».

В 1649 году Соборное Уложение узаконило, наконец, закрепление крестьян за землевладельцами. Теперь любой мужик, а не только должник, в случае побега подлежал возвращению на прежнее место без срока давности, строжайше запрещалось кому бы то ни было принимать таких крестьян и наделять их землей. Если от хозяина бежала крестьянка и успевала выйти замуж за свободного человека, то её надлежало вернуть прежнему владельцу вместе с мужем, который тоже становился крепостным. Хозяин полностью распоряжался своими крестьянами, но

и отвечал за них перед государством, кроме случаев, когда они совершали уголовные преступления.

Всё это касалось лишь частновладельческих крестьян, принадлежавших царской семье, боярам, вотчинникам, помещикам, патриарху, монастырям, церквям. Но были ещё и государственные крестьяне, работавшие на так называемой «чёрной» или казённой земле. По Соборному Уложению, они и теперь оставались свободными, продолжали жить общинами, из которых могли выйти. Если владельческие мужики отныне составляли постоянное крестьянское сословие, то государственные назывались крестьянами лишь тогда, когда «сидели» на земле и вели хозяйство, но, уйдя с земли, они теряли статус крестьянина. С казной эти люди рядились самостоятельно, без участия общины, однако потом община следила за уплатой ими податей, а за недоимку даже могла высечь должника розгами.

В Уложении подтверждалось, что вотчины являлись собственностью служилых людей. Служилые высших разрядов могли покупать себе и новые вотчины, расширять свои владения. Остальные имели право это делать только по дозволению царя. Поэтому вотчинная земля стала признаком либо знатности, либо царской милости. После смерти главы семьи вотчина переходила по наследству и делилась поровну между сыновьями. Дочери вотчинника при наличии братьев не относились к наследницам, однако, братья обязаны были выдать их замуж с приданным.

Поместья по-прежнему не являлись частной собственностью, но по смерти помещика местная власть в соответствии с законом передавала их в пользование детям покойного, а при их отсутствии – родственникам. Вдовы и дочери умерших помещиков получали из общего котла так называемые «прожиточные» поместья.

Духовенство отнеслось к решениям Земского Собора по-разному. С одной стороны, оно приветствовало закрепление владельческих крестьян за прежними хозяевами, так как на землях патриарха, монастырей, церквей их работало очень много. От такого решения духовенство только выигрывало. Но, с другой стороны, Собор запретил расширять церковную пашню да-

же за счёт земель, которые жертвовали на помин своей души богатые прихожане, не говоря уже о покупных участках. Поэтому Патриарх Никон назвал Соборное Уложение вредной и даже незаконной книгой.

Так или иначе, все вопросы, накопившиеся к тому времени в земледельческих отношениях, кажется, были решены. И, прежде всего, самый главный, уже не одно десятилетие волновавший экономический цвет общества – государство обеспечило, наконец, владельцев и собственников земли тягловой силой. Большая часть крестьянства законодательно потеряла свободу, стала сословием, навечно прикреплённым к земле и её хозяевам. Отныне стать свободным мужик мог только в том случае, если барин сам давал ему вольную.

Сделав основную массу крестьян крепостными, Собор возложил на государство заботу и о поимке беглых. Теперь к этой категории относились не только недоимщики, но и все находящиеся под крепостью. Желавших прежней вольницы начали вылавливать на больших дорогах, в лесах, по рекам, рвать им ноздрю, ставить иное клеймо, чтобы каждый видел – это преступник. Бывало, что на подворье помещику возвращали сразу до дюжины беглецов.

Только теперь, после вступления в силу Соборного Уложения, помещики почувствовали себя по-настоящему защищёнными. Бежать куда бы то ни было – на новые ли земли, к другому ли землевладельцу, которому требовались рабочие руки, крестьянину больше не было смысла. Уложение намертво привязало его к избе, предоставленной помещиком, к полю, которое он пахал, к самому помещику, в работники к которому однажды нанялся. Нигде на белом свете для мужика и его семьи больше не было места. Никто во всей огромной России не мог принять беглеца на работу, предоставить ему кров даже хотя бы на одну ночь. Любой человек – помещик ли он, крепостной ли крестьянин, ремесленник или служилый – обязан был сообщать обо всех подозрительных пришельцах местной власти.

Время от времени уполномоченные на то люди проверяли по деревням, по каким документам живут там сельчане. У кого не было паспорта или «пропускного вида», того считали бег-

лым. Таких обнаружилось много. При этом закон нарушали не только крестьяне, которые пускались в бега без документов, но и помещики, духовные лица, монастыри, принимающие беглецов и сажающие их на землю. Чтобы пресечь подобные факты, было установлено, что при повторении таких случаев духовные лица могут лишиться своего сана, а помещики – имений. Для крестьян, укрывающих беглецов, установили штраф в размере 5 рублей (для сравнения: писец на государственной службе получал 6 рублей в год).

Во многих городах обратили внимание на то, что там появилось много нищих. Стали выборочно их допрашивать: кто такие, где документы, почему бродяжничают? Оказалось, что большинство ушло от своих помещиков и теперь живёт милостыней, на которую не скупятся благочестивые городские обыватели. Тотчас был издан указ, запрещающий раздавать милостыни под страхом штрафа на первый раз в 5 рублей, на второй – в 10. Тому, кто всё же хотел помогать нищим, разрешили отправлять деньги в богадельни. Специально созданные отряды «поимщиков» стали водворять праздношатающихся бродяг на прежнее место жительства.

Словом, бежавших от крепости мужиков обложили со всех сторон препонами, словно волка – красными флажками. Вот теперь в России было полноценное, без всяких оговорок, крепостное право, установленное на высшем государственном уровне. Оставалась лишь одна возможность уйти от хозяина и не быть водворенным обратно – податься на Дон. Исторически сложилось так, что туда уходили те, кто был не в ладах с законом, а там действовал свой, негласный, но незыблемый, никогда не нарушаемый закон, гласивший: «С Дона выдачи нет!» Правительству это было не по нутру, но оно мирилось с казачьей вольницей: донские казаки охраняли южные пределы страны от крымских татар и турок.

Между тем в старожильческих районах страны земледелие начало быстро подниматься. Получив достаточно рабочих рук, многие землевладельцы стали подумывать о расширении своих хозяйств. Заинтересованность в этом проявляли не только малоземельные помещики, но и крупные вотчинники, в том

числе столичные вельможи, близкие ко двору и царю. Благодаря их стараниям началось обращение казённых земель во владельческие путём их пожалования в частную собственность. К концу XVII века 86 процентов всех крестьян уже относилось к владельческим и только 14 – к государственным.

Интенсивное расширение пашни очень скоро привело к тому, что владения помещиков все чаще стали соприкасаться друг с другом, вызывая пограничные споры. Как правило, при наделении владельца землёй четких границ на местности никто не проводил, а сами они не всегда могли прийти к согласию. Даже из-за небольших клочков пашни случались мордобои и начиналась нешуточная вражда между помещиками. Такие же споры велись из-за пастбищ и лесных угодий. Бывало, пошли люди в лес по грибы, а их захватил сосед и требует выкуп, так как считает тот лес своим. А этот помещик стадо у того угнал – мол, оно на его пастбище зашло. В этих спорах побеждал тот, кто был сильнее.

Пострадавшие в таких земельных междоусобицах заваливали челобитными присутственные места как в губернских городах, так и в столице. Проблема разрослась до таких масштабов, что правительство решило провести межевание всех частновладельческих земель на государственном уровне. Для этого в начале 1680 года во всех сельскохозяйственных уголках страны были избраны межевщики, называемые писцами, которым и поручалось провести огромную и очень ответственную работу. Писцами стали те же помещики, но более грамотные, знающие толк в чертежах, да к тому же не имеющие проблем с границами собственных хозяйств. Помогали им подьячие, которым разрешалось брать двух-трех работников для нанесения меток на местности. За работу полагалась плата из казны: писцу – деньга за четверть десятины, дяку с работниками – тоже деньга.

Уже в марте 1680 года межевщики приступили к делу, но тут же столкнулись с трудностями: спорные вопросы оказалось сложно улаживать. Если писец проводил границу не в пользу одного из спорящих, тот с этой границей никак не хотел соглашаться. Более того, он посылал своих крестьян охранять прежнюю, по его мнению, справедливую границу и не допускать на

спорный участок никого из соседей. А через некоторое время другой помещик тоже посылал сюда своих крестьян, чтобы изгнать захватчиков. Очень часто две враждующие крестьянские толпы на глазах у межевщиков шли стенка на стенку, в ход пускались не только кулаки, но и колья. Дело доходило даже до смертоубийства, после чего на место конфликта прибывали люди из Разбойного приказа.

Только в зиму эти столкновения прекратились, но, как было ясно, лишь для того, чтобы по весне начаться вновь. Поэтому в мае 1681 года был принят закон, строго карающий за противодействие межеванию. В нём говорилось, что все спорные участки земли по возникновению конфликта будут изыматься у владельцев, а за драки несут уголовную ответственность и помещики, и крестьяне, если они начнут мордобитие без приказа помещика. Правительство также решило увеличить численность писцов, чтобы ускорить процесс межевания.

После этого стенка на стенку стали ходить реже, но зато увеличилось число челобитных: они поступали теперь как от вотчинников и помещиков, так и от писцов. Первые жаловались на злоупотребление писцами своим служебным положением, вторые – на то, что вотчинники и помещики чинят им препятствия в работе. Для разбирательства челобитных правительство и губернаторы вынуждены были отправлять на места своих чиновников, но и им редко удавалось улаживать конфликты. В конце концов и тем и другим пригрозили в случае продолжения склок и вражды конфисковывать у них половину поместий, а другую половину отписывать на жену и детей. Противоборство утихло, однако межевание всё равно продолжалось ещё долгие годы.

В это же время холопы и крестьяне были законодательно уравновешены в правах. То есть и холопа, и крестьянина хозяин мог продать, как угодно наказать (но без увечья), упечь на каторгу, распорядиться его имуществом, вмешиваться в семейные дела и т.д.

ИСПОЛИН РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ

При первых двух царях из династии Романовых, правивших в общей сложности больше шестидесяти лет, дела в стране значительно поправились. Прочно утвердилась коллективная форма принятия важнейших государственных решений Земским Собором, многое сделано было в смысле укрепления законности, начало расти число вотчинных хозяйств, расширяться пашня. И Михаил, и Алексей Романовы искренне делали своему народу добро, не допускали экономических притеснений деловых и торговых людей, не требовали с граждан разорительных налогов. Однако, ни в городах, ни на селе благоденствия не наступало. Это объяснялось тем, что оба государя, будучи, несомненно, людьми честными и порядочными, дали большую волю боярам, дьякам и прочим чиновникам, которые, действуя помимо царя, притесняли народ и обдирали его, доведя многих до крайности. От этого сами бояре и чиновники быстро богатели, и, если раньше они кичились друг перед другом знатностью и старинностью рода, то теперь – наличием золотых украшений и дорогих мехов на одеждах.

Ближе к концу своего тридцатилетнего правления Алексей Михайлович стал всё больше тревожиться о будущем страны. Его волновала мысль о том, кто и как будет править великой Россией после него. К тому времени у тишайшего царя было уже шесть дочек и два сына, но оба отрока мало годились в наследники. Старший Фёдор родился таким болезненным, что едва мог передвигаться самостоятельно, нуждался в повседневном присмотре и уходе. А младший Иван вообще оказался слабоумным. Хотя возраст вдового Алексея уже приближался к пятидесяти, он решил жениться во второй раз и попытаться счастья в надежде произвести здорового и крепкого разумом престолонаследника.

И – о, радость! – в 1672-м у него родился третий сын, совершенно здоровый крепыш, наречённый Петром. Три дня по этому поводу в столице звонили в колокола и проводили молебны, палили из пушек. Недоимщикам прощались казённые долги, преступникам смягчались наказания, гостей из других городов и

земель, приезжавших с поздравлениями и подарками, зазывали в царские хоромы на пир.

Конечно, никто тогда не мог знать, что на свет появился будущий первый российский император – провидцев на тот момент в Москве не оказалось. Но радость всё равно была всеобщей, так как не только в столице, но и на окраинах были наслышаны об ущербности двух старших царевичей. Никто не хотел нового бесцарствия – о нём рассказывали многие старики, помнившие ужасы «смутного времени». С рождением Петра опасность новой смуты, кажется, миновала.

Но в царских и королевских дворцах не всё делается так, как у простых людей. Помимо злого рока и нелепого случая в судьбу правителей нередко вмешивается и... дворцовая челядь. Когда неожиданно умер Алексей Михайлович, Петру, как и Ивану Грозному при восшествии на престол, было всего три года. Почувствовав приближение кончины, «тишайший и самый добрый из русских царей», как сказал об Алексее Костомаров, всё же благословил на трон Фёдора. Видимо, опасался, что если короновать Петра, то его опекуны-бояре за тринадцать лет, остававшихся до совершеннолетия младшего царевича, наделают в стране много недоброго. О Петре же он дал распоряжение его деду по матери беречь престолонаследника как зеницу ока. Сделав сии важные распоряжения, Алексей Михайлович на следующий день скончался.

Понятно, что после восшествия на престол Фёдора решающее слово во всех делах стало принадлежать боярам. Но неожиданно на первые роли выдвинулась одна из дочерей Алексея Михайловича, третья по счёту, Софья. В отличие от 14-летнего брата она была уже совершеннолетней, к тому же отличалась здравым умом и, что особенно нравилось боярам, не пыталась ограничить их вольницу. Они быстро смекнули, что много выиграют, если сделают царевну Софью русской царицей.

Через семь лет, не достигнув и 21-летнего возраста, Фёдор Алексеевич тоже преставился. Едва об этом возвестили колокола, как в кремле собрались все московские и окрестные бояре, чтобы решить, кого из двух оставшихся братьев возводить на престол. Те, кто стоял за Софью, не могли её предлагать, потому

что правление женщин было не в русском обычае. Они потребовали короновать Ивана, чтобы-де не нарушать первородства, а на самом деле, желая дать возможность Софье ещё больше приблизиться к престолу. Однако большинство высказалось за Петра. Чтобы окончательно решить вопрос, немедленно созвали Земский Собор, благо выборные люди уже прибыли в Москву по указу Фёдора для обсуждения других дел. Собор тоже проголосовал за Петра. Так скоро нового самодержца на Руси, кажется, не выбирали.

Сам царевич в это время находился в одной из палат Кремля, у гроба покойного старшего брата Фёдора, ничего не зная о Соборе и его решении. Туда и явился патриарх со свитой, чтобы совершить обряд венчания. После того, как молодого царевича нарекли царём, его, как пишет Костомаров, «посадили на престол, и все бояре, дворяне, гости, торговые, тяглые и всяких чинов люди принесли ему присягу, поздравили его с восшествием на престол и подходили к царской руке».

А Пётр был всего лишь десятилетним отроком – рослым, живым, физически развитым, с крепким здоровьем и, несмотря на юный возраст, уже проявлял недюжинный ум. Единодушные, с которым Земский Собор, вопреки возражениям группы бояр, провозгласил его царём, горячая поддержка патриарха и московского простонародья говорили о том, что само провидение покровительствует ему и поэтому правление четвёртого царя из дома Романовых станет успешным.

Но непредвиденное: уже в день коронавания против юного самодержца произошёл бунт. Да не где-нибудь на далекой окраине среди простого народа, а в самой царской семье. Врагами Петра стали шесть его старших сестер и несколько теток, давно уже ненавидевших своего младшего брата и племянника, а особенно его мать, Наталью Кирилловну. Дочери Алексея Михайловича от первого брака были почти одного с ней возраста и не хотели иметь такую молодую мачеху. Ненависть к Наталье распространилась и на родившегося от неё Петра. Теперь он ещё заступил дорогу к трону Софье и её партии.

Эта партия перешла к решительным действиям. Для начала были распущены по домам выборные люди Земского Собора,

хотя они не успели решить тех дел, ради которых их созвали. Затем, по наущению бояр, стоявших за Софью, в Москве взбунтовались стрельцы – самая привилегированная и высокооплачиваемая часть царского войска. Они потребовали посадить на престол и второго царя – слабоумного Ивана, и сторонники Софьи в правительстве сразу же исполнили это требование. Выборные люди Земского Собора уже успели разъехаться, возвращать их для избрания второго царя было опасно, так как они могли не признать стрелецкое требование, поэтому площадь перед Кремлем заполнили надёжными москвичами и самими стрельцами. Этот вроде бы Земский Собор, как в случае с избранием Василия Шуйского, и возвёл на престол вдобавок к Петру ещё и Ивана, передав ему старшинство.

После столь лёгкой победы стрельцы начали врваться в царские палаты и расправляться со сторонниками Петра. Некоторые из заранее заготовленных списков были убиты, другие отправлены правительством в ссылку, а дома их разграблены теми же стрельцами. Всё это делалось в большой спешке. Через три дня стрелецкие командиры потребовали из-за малолетства царей поручить управление государством Софье – хоть и не старшей дочери Алексея Михайловича, но зато, как сказали бы теперь, самой продвинутой. Тут же в города и земли была отправлена грамота, в которой сообщалось, что царевич Иван Алексеевич, добровольно передавший было трон младшему брату Петру, отзываясь на просьбы народа, согласился тоже стать царём вместе с братом, а царевна Софья, уступая желанию обоих братьев, патриарха, думских бояр и многих простых людей, изволила вступить в управление государством до совершеннолетия одного из братьев.

Петра с матерью тотчас же направили в село Преображенское, отобрали у него учителя и вообще лишили всякого воспитания и образования. К 16 годам он не умел написать без ошибок ни одной строчки и каждую писал слитно, не разделяя слов. Руки его огрубели, он не знал правил этикета, не умел изъясняться изысканно, был груб, как простой дворовый отрок.

Семилетнее правление Софьи ещё больше развратило бояр. Казнокрадство и мздоимство, от которых страдал деловой,

торговый и служилый люд, превысили уровень, бывший в царствование Алексея Михайловича. В приказах и других присутственных местах процветали беззаконие и волокита. Междоусобные войны помещиков из-за межевания, совсем уже было утихшие, вспыхнули с новой силой. Теперь дело доходило до того, что пылали боярские усадьбы, соседи выжигали друг у друга посевы, пускали огонь в чужой лес. Крестьяне по приказу помещиков приходили к межам с оружием и изгоняли оттуда межевщиков, иным даже наносили увечья. Вновь начались разбои, по дорогам стали бродить бандитские шайки, как в «смутное время». Разбоем и грабежами промышляли даже некоторые люди из знатных. В Подмоскovie, например, выходили грабить на Троицкую дорогу князя Лобанов-Ростовский и Микулин со своими людьми. Любопытно, что когда их шайки были выловлены, то сами князья отделались лишь наказанием кнутом, в то время как простолюдинов за то же преступление ссылали на казнь.

Такая вот Россия досталась Петру, когда, достигнув совершеннолетия и одолев Софью с боярами, он в 1689 году стал полновластным царём. От того относительного благополучия, которое после «смутного времени» худо-бедно продолжалось шесть десятилетий, не осталось и следа. Погрузившись в государственные дела, побывав среди простого московского люда и проехав по некоторым ближним городам и землям, юный Пётр ужаснулся от увиденного. Живя с матерью в Преображенском, он и представить не мог, что его страна так убога.

«Потешные игры» со сверстниками, которыми опальный царь развлекался все эти годы в своём селе, теперь сменились каждодневной напряжённой работой. Пётр за всё хватался, пытался вникнуть в каждую мелочь, но с ужасом обнаруживал, что у него нет и доли тех знаний, которыми обладали многие бояре и другие государственные мужи. В ещё большее уныние приводили его встречи и долгие беседы с иноземными дипломатами, мастерами, приезжавшими в Россию работать или учить ремеслу русских промышленников, заморскими купцами, привозившими в страну европейские товары, которые во всём превосходили русские. Пётр всё более открывал для себя, что Европа

ушла далеко вперёд от его родного отечества и в просвещении, и в науках, и в культуре, и в ремёслах, даже в этикете и одеждах. Этот разрыв составлял, может быть, все 240 лет, в течение которых на Руси было татаро-монгольское иго.

Осознав сей факт, Пётр почувствовал сердцем, разумом, кончиками пальцев, всем существом своим, что Силы Небесные посадили его на трон исключительно для того, чтобы, став царём, он избавил свою страну от бесчисленных бед и страданий. Ангелы-хранители ведь не зря уберегли его от расправы, когда во время первого стрельцкого бунта один из стрельцов приставил ему, 10-летнему отроку, только что возведенному на царство, нож к горлу, и потом, когда те же стрельцы двинулись к селу Преображенскому, чтобы прикончить его и Наталью Кирилловну. Стало быть, теперь этот отрок должен был положить жизнь свою на алтарь отечества, но вырвать Русь-матушку из дремучей отсталости, темноты и невежества, чтобы поставить её вровень с остальными европейскими странами.

Горячая, жаждущая деятельности натура Петра была готова к такой титанической работе. Он начал вставать в пятом часу утра, чтобы за день сделать больше, чем делает любой другой монарх. Стремясь ликвидировать пропасть, отделяющую его от образованных людей, Пётр не стеснялся задавать вопросы думным боярам, дьякам, чиновникам в правительстве, заморским мастерам, если что-то не понимал. Его мозг мгновенно впитывал всё услышанное и прочитанное в книгах, увиденное во время поездок по стране. Очень скоро юный царь уже разительно отличался от того тёмного отрока, который в 17 лет приехал из деревни в Москву. Один из современников вспоминал позднее, что как-то Пётр, увидев на поле сразу несколько ветряных мельниц, засмеялся и воскликнул: «Вот где было бы раздолье Дон Кишоту». Среди сопровождавших его никто о Дон Кихоте не слыхивал.

Занимаясь повседневными государственными делами, Пётр всё чаще и дольше обдумывал будущее своей страны. Ему не терпелось при жизни увидеть её богатой, сильной и просвещённой. Но реальна ли задача сия? Возможно ль за столь малое время одолеть тот путь, по которому остальная Европа шла к

процветанию несколько веков? Соседи – Швеция, Польша и Турция – не заинтересованы в усилении московского государства. Шведы и турки, захватив окраинные русские земли, давно уже не пропускают Россию к морю, не позволяют ей иметь собственный флот. Не став же морской державой, она вряд ли догонит Европу.

Будучи в Воронеже, Пётр впервые увидел Дон. Спросив, глубока ли река и везде ли судоходна, он долго стоял на берегу и глядел на воду, потом переводил взор вдаль, куда катились донские волны. О чем он думал в эти минуты? Много лет спустя, Пётр сам рассказал об этом своим соратникам. Дума его тогда была о том, что вот здесь, на окраине Воронежа, надобно соорудить верфь и немедленно закладывать первые суда будущего российского флота. Отсюда, через Дон и Азов, отнятый когда-то турками, Россия в ближайшие годы обязана выйти в Средиземное море – навстречу Европе, а дальше, даст Бог, её торговые корабли пойдут по всему свету.

Укрепившись в этой мысли, Пётр в то же лето заложил на берегу Дона судостроительную верфь, пригласил через послов из-за границы корабельных дел мастеров, собрал отовсюду своих искусных плотников и сам взялся за топор, коим с детства научился владеть, живя в деревне. А уже к зиме вдоль донского берега, словно доисторические динозавры, блестили свежеструганными «ребрами» остовы первых кораблей.

Возвращать приморские земли Пётр решил с древнего Азова. Этот город на берегу одноимённого моря был основан ещё в XI веке, а в XIII-м его захватили татаро-монголы, основавшие на черноморском побережье мощное Крымское ханство. В 1475 году, когда Золотая Орда уже распалась на части, это ханство покорили турки, сделав его своим вассалом. Разгром Казанского и Астраханского ханств Иваном Грозным никак не коснулся крымских татар, они продолжали бесчинствовать, разоряя не только Малороссию, но и южные районы Московской Руси. И вот теперь молодой московский царь, ещё не искусенный в международных делах, замахнулся на то, чего не решались сделать предыдущие цари – отобрать у турок бывшие русские земли вдоль Азовского побережья.

Подготовка к этой кампании продолжалась несколько лет. Наконец, в 1696 году, когда на воду были спущены два морских военных корабля, 23 галеры и множество мелких судов без вооружения – для перевозки людей, – 23-летний Пётр объявил большой поход на Азов. Для этого снарядили 40-тысячную армию, большую часть которой отправили на судах по Дону, меньшую, конную – по суше. Кроме того, в запасе находились ещё и пехотные, а также казачьи полки в Малороссии, которые в случае надобности легко можно было перебросить к театру военных действий.

Сам царь плыл на одной из галер, построенной им за зиму вместе с другими плотниками. Когда войско приступило к осаде Азова, он превратился в артиллерийского бомбардира и лично палил по крепости из пушки. На помощь осаждённым подошло несколько турецких кораблей, но орудия русских судов быстро отогнали их. Оставшись без поддержки, турки в крепости продержались недолго, вскоре сложили оружие и были выпущены на свободу вместе с жёнами и детьми.

Осмотрев азовские бастионы, Пётр остался доволен их состоянием и велел разместить в городе крупный гарнизон. «Крепость сия долго служила неправому делу, – сказал он окружившим его генералам. – Теперь благому делу послужит – будет охранять пределы земли русской». Но для защиты всего побережья одной крепости было мало. Заложили ещё три города – Таганрог, Павлов и Миус, разделив между ними оставшуюся часть армии. К осени в Азов уже переселили 3 тысячи русских семей, начали строить дома и в других городах. Наладив снабжение местных гарнизонов и убедившись в надёжности береговых укреплений, Пётр оставил азовское побережье на попечение генералов и в зиму на 1697 год вернулся в Москву.

Следующей весной он лично заложил ещё несколько судостроительных верфей – в Казани, Таврове, Усерде, на Дубенской и Нерльской пристанях. Сразу же там начали строить крупные военные корабли, способные выходить в открытое море. По приговору боярской думы, выполнявшей царскую волю, участвовать в этой работе должно было всё население страны.

За два года надлежало спустить на воду 52 военных корабля с вооружением, в том числе с чугунными пушками.

Светские землевладельцы, имеющие не менее 10-тысяч крестьянских дворов, и церковные с 8 тысячами дворов должны были построить за свой счёт по одному кораблю. Все торговые люди за счёт налога, которым облагались их дома, обязаны были спустить на воду в общей сложности 12 кораблей. А вот мелкопоместным дворянам с количеством крестьянских хозяйств до 100 семей предписывалось объединяться в компании, в которые и вносить по полтине с каждого хозяйства. Компании велено было создавать такие, чтобы каждая могла построить по кораблю.

Конечно, крупные землевладельцы, монастыри и прочие обладатели капитала не сами, своими руками, должны были работать на верфях. Им надлежало лишь вносить деньги, нанимать мастеров, контролировать работы и отвечать, как теперь бы сказали, за конечный результат. А обеспечить верфь иностранными и своими мастерами надлежало правительству.

Сразу же, как только началось строительство кораблей, Пётр сформировал посольство в Европу для контакта с европейскими монархами. Возглавил его любимец Петра генерал-адмирал Франц Лефорт, а вторым человеком был Фёдор Алексеевич Головин, тот самый который подписывал Нерчинский договор. При Петре его ум, знания и опыт были оценены, государь ему благоволил и поручал самые важные дела.

Посольство состояло из дипломатов и приближенных к царю бояр, а охраняли его 70 драгун. Сам царь стал Петром Михайловым. Сделано это было для того, чтобы не привлекать внимание окружающих и избежать пышных встреч, которые непременно оказывали бы посольству местные власти, если бы узнали, что среди дипломатов находится сам царь огромной страны.

Однако инкогнито будущего великого императора продолжалось недолго. Уже в первом прусском городке путешественников окружила толпа – всем хотелось увидеть русского царя, едущего в Европу учиться. Как немцы узнали о том, что так тщательно скрывалось, оставалось загадкой. В следующем

городе произошло то же самое – здесь местный бургомистр даже выставил охрану, чтобы обезопасить высокого гостя. Весть о царе, путешествующем инкогнито, распространялась с такой скоростью, что за ней трудно было угнаться.

Дошла эта весть и до европейских столиц. Тамошняя знать ахнула! Короли и вельможи были просто шокированы, узнав, что, как писал в своих воспоминаниях советник Петра А. Нартов, «самодержец при вступлении своём на престол, оставя корону, скипетр и поруча правление царства ближним вельможам, предпринимал отдаленное странствие по чужим государствам единственно ради только того, чтобы просветить, во первых, себя науками и художествами, иметь свидание самолично с прочими государями,.. утвердить дружбу и согласие, познать правительства их, обозреть города, ...примечать нравы, обычаи и жизнь европейских народов, полезное от того перенять, потом подобное водворить в Отечество своё, преобразовать подданных и сделать себя достойным владетелем пространной монархии». О таком в европейских столицах никто не слыхивал и не читал ни в каких преданиях.

Теперь конспирация была не нужна. Пётр оставил посольство и налегке, с небольшой охраной двинулся вперёд. А когда он появился в тамошнем свете, знатных европейцев удивила его неотёсанность, неспособность беседовать на равных с образованными людьми, незнание придворного этикета, его грубые рабочие руки. Вскоре, однако, те же люди изумлялись тому, с какой жадностью царь Пётр схватывал и впитывал в себя всё то, что предлагала ему Европа. Он с невероятным усердием изучал теорию кораблестроения, математику, биологию, анатомию человека, литейное дело, с топором в руках участвовал в строительстве судов, присутствовал в морге при вскрытии трупов, вникал в устройство корабельных и научных приборов, посещал заводы, госпитали, интересовался организацией учебного процесса в Оксфордском университете, работой английского парламента. Послушав, как парламентарии выступают в присутствии своего короля, Пётр сказал своим приближенным: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно».

В то же время российский царь внимательно следил за делами на родине, давал указания своему правительству, вникал в европейскую политику, давая верную оценку действиям отдельных государств.

О царе Петре теперь были наслышаны при всех европейских дворах, даже и тех, где он не бывал. Когда высокий русский гость узнал, что в Англии кораблестроение лучше голландского и решил посетить эту страну, английский король послал за ним в Голландию целую военную эскадру. Сам король встречался много раз с Петром, беседовал с ним, считал, что тот обладает такими познаниями, которые трудно было ожидать при столь недостаточном воспитании. Английский монарх даже подарил Русскому царю новенькую яхту с 24 пушками, которую тот сразу же отправил в Архангельск с нанятыми им для службы в России английскими морскими офицерами, корабельщиками, мастерами других профессий, художниками.

Проявляя интерес ко всему заграничному, Пётр, однако, старался показать, что и Россия кое в чем превосходит Европу. Вот один из примеров, описанный уже упоминавшимся А. Нартовым:

«Во время пребывания Петра Великого в Лондоне случилось ему видеть... английских бойцов, сражающихся друг с другом лбами, из которых один побивал всех. Возвратясь к себе в дом, рассказывал о таком сражении... и спрашивал: нет ли охотников из гвардейских гренадеров... побиться с силачом лондонским? Вызвался один гренадер, мочной, плотной, бывалый в Москве часто на боях кулачник... Он просил у государя, чтоб приказано было сперва посмотреть ему такой битвы, что было исполнено.

Гренадер, приметя все ухватки их, уверял государя, что он первого и главного бойца сразит разом так, что с русскими впредь биться не пожелает. Его величество, улыбнувшись, говорил ему: «Полно, так ли? Я намерен держать заклад, не постыди нас». «Изволь, государь, смело держать, надейся, я не только этого удальца, да и всех с ним товарищей вместе одним кулаком размечу. Ведь я, царь-государь, за Сухаревою башнею против

кулашной стены хаживал. Я зубы с челюстями и ребры англичанину высажу».

Спустя несколько дней его величество, обедав у герцога Леедца, завел разговор о бойцах, которых он видел... К сражению назначен был сад... Явились два бойца. Англичанин богатырским своим видом, при первом на соперника своём взгляде, уверял..., что сие есть для него малая жертва. Все думали, что гренадер не устоит. Зрители смотрели со вниманием. Англичанин, по обыкновению, нагнув шею, устремил твёрдый лоб свой против груди гренадерской, шёл его сразить, и лишь только чаяли произведенного лбом удара, как вдруг увидели, что гренадер, не допустив его до себя, в миг кулаком своим треснул англичанина по нагбенной шее... столь метко и проворно, что шотландский гигант пал на землю и растянулся. Зрители вскричали: «Гусс, гусс!», ударили в ладоши, поклонились государю и заклад заплатили. При сем его величество... весело сказал: «Русский кулак стоит английского лба»... Тотчас сраженному бойцу пущена была кровь. Думали, что умрёт, но он очнулся. Его величество старался, чтобы английского бойца вылечили. Сего ради, подозвав к себе лекаря и наказывая о излечении, дал врачу двадцать гиней. Из выигранного заклада пожаловал победившему гренадеру двадцать гиней, английскому бойцу – двадцать гиней, бывшим с ним гренадерам – тридцать гиней, черни бросил пятьдесят гиней, а достальные деньги отдал в инвалидный дом. Потом государь приказал тут же всем своим гренадерам прежде бороться, а после между собою сделать кулашной бой, чтоб показать лордам проворство, силу и ухватки русских богатырей, чему всё собрание весьма удивлялось, ибо все находившиеся при Петре Великом в путешествии гренадеры выбраны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древних богатырей».

Сам Пётр тоже был подстать этим гренадерам и не раз прежде, на родине, демонстрировал свою недюжинную силу. Но участвовать в кулачном бою со своими подданными он, конечно, не мог. И всё же незадолго до отъезда домой случилось так, что ему пришлось показать европейцам своё удалство. Небольшое судно, на котором в числе прочих находился и он, воз-

вращалось по морю из одного голландского прибрежного города в другой. К ночи разразился такой ужасный шторм, что вскоре все поняли: добраться до берега не удастся. Самое страшное, что и команда перестала сопротивляться стихии, ожидала неминуемой гибели. И тут раздался решительный голос Петра, бросившегося к рулю: «Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы какой царь утонул в море? Не бойтесь, кормило в моей руке». И он принялся управлять судном, отдавая приказы команде. Когда, наконец, причалили к берегу, все благодарили за своё спасение Бога и русского царя.

В августе 1698 года после полуторагодичного отсутствия Пётр вернулся, наконец, домой. Теперь он мог соперничать в знаниях наук и ремёсел, политического устройства мира, дипломатических тонкостей с любым европейским монархом, а скорее всего превосходил в этом любого из них. Он твёрдо знал, что кратчайший и самый удобный путь из России в Европу лежит не через Чёрное и Средиземное, а через Балтийское море, посему здесь и надобно пробиваться. Но прежде следует нейтрализовать Турцию, которая при этом не применит воспользоваться случаем, чтобы вернуть себе азовское побережье.

Побыв немного в Москве, Пётр отправился в Воронеж, где по его приказу ещё до отъезда в Европу корабельная верфь начала строить морские суда. Здесь работы подходили к концу. Осмотрев все корабли, Пётр остался доволен иностранными и русскими мастерами, но кое-что велел переделать с голландского на английский манер с тем, чтобы перед ледоставом весь флот был спущен со стапелей, ибо весной ему плыть в Турцию.

Теперь следовало проверить, что делается в Архангельске, где тоже была судостроительная верфь. Когда Пётр плыл туда по Северной Двине, произошёл случай, который показал царя с ещё одной стороны. Этот случай хорошо описал всё тот же А. Нартов, ему слово:

«Царь Пётр Алексеевич взял с собою в Архангельск принятого им на службу знающего сардамского мореплавателя прозванием Муса... Построив с ним военный корабль по голландскому образцу, пожаловал сего сардамца капитаном корабля, на котором его величество воспрял желание проходить все

чины флотские от нижнего до высшего... Спрашивал у Мусы: с какого чина начинают служить на корабле? А капитан доносил – с матроса, то на сие ему государь сказал: «Хорошо, так я послужу теперь у тебя матросом». Мус, думая, что государь шутит, приказал ему развязать вверху верёвку мачты, а он, кинувшись туда немедленно, исполнял должность свою с такой проворностью, как бы делал то настоящий и знающий матрос. Между тем Мус, смотря на государя, от ужаса и страха трепеща, кричал ему вверх: «Довольно, хорошо, царь Питер, полезай вниз!» Ибо тогда был сильный ветер, и легко бы он мог оттуда слететь. Государь спустился назад благополучно, и, увидя капитана совсем изменившегося, спросил его: «Чего ты испугался?.. Не бойся, капитан, когда бояться зверя, тогда и в лес не ходить». После сего Мус, мало-помалу опомнясь, стал веселее, приказывал государю раскурить себе трубку табаку, налить пуншу и, словом сказать, отправлять и прочие должности простого корабельщика. Монарх исполнял все его повеления скоропостижно, подавая сим пример прочим находившимся на корабле подчиненным и подданным своим, каким образом надлежит повиноваться командиру и отправлять должность».

Проверив строительство флота в Архангельске, Пётр тоже остался доволен. Прибыла сюда и та яхта, которую подарил английский король. Дав указания и здесь кое-что усовершенствовать на английский манер, царь твёрдо решил: пора двигаться к Азову.

Весной 1699 года вниз по Дону, к Азовскому морю, двинулась целая флотилия, сопровождая 40-пушечный корабль, на котором плыл царский посол для переговоров с Турцией. В Константинополе, возле которого корабль встал на якорь, не только простой народ, но и свита султана, а также посольства ряда европейских стран высыпали на берег, чтобы рассмотреть это чудо. Зарубежные мужи были потрясены тем неожиданным фактом, что у отсталой России появился современный флот. Ни у кого не было сомнений, что мощная военная флотилия не закуплена где-нибудь в других странах, а построена русскими на нивесь откуда взявшихся собственных верфях. Это обстоятельство помогло Петру в 1700 году заключить на 30-летний срок с

несговорчивыми и амбициозными турками договор, по которому Азов и другие города, возведенные русскими на Азовском море, закреплялись за Россией, хотя ей и пришлось снести некоторые населенные пункты на берегах Днепра, чтобы сохранить там ничейную территорию, установленную прежним договором о перемирии. Этим покупалось спокойствие русских городов на Азове, которые становились воротами в Чёрное и Средиземное моря.

Но то было лишь начало. Ещё важнее для страны стало вернуть выход к Балтийскому морю, через который когда-то торговал с Европой древний Новгород. На северные русские земли постоянно покушались шведы. На какое-то время они успокоились после того, как Александр Невский разбил их в устье Невы, однако потом всё же распространили свою власть на эту территорию.

Теперь в Швеции правил молодой воинственный король Карл XII – такой же энергичный и разносторонний, как и Пётр. Он, по мнению историков, уступал русскому царю в широте ума, но зато превосходил его в моральных качествах – не пил, не курил, не занимался кутежами и, будучи неженатым, не увлекался женщинами. Известен случай, когда польский король, ведя с ним переговоры, пытался воздействовать на шведского монарха через свою любовницу, но тот на неё даже не взглянул.

Заклучив с турками мир на 30 лет, Пётр в том же 1700 году объявил войну Швеции и двинул войска к Балтийскому морю. Первое сражение – под Нарвой – было неудачным. Шведы разбили русских и взяли в плен четырех генералов. Но потом успех сопутствовал Петру: после укрепления своей армии он в апреле 1702 года взял крепость Нотебург, которая прежде была древнерусским городом с названием Орешек, в апреле 1703-го захватил город Ниеншанц, называвшийся в Древней Руси Новым Острогом. Чуть раньше, в 1700-м на берегу Невы был заложен город Санкт-Петербург – будущая столица Российской империи. Это событие произошло в мае, а уже в ноябре к городу подошёл первый купеческий корабль из Голландии. Таким образом, Россия получила выход к крупнейшим европейским портам.

Карлу XII пришлось воевать на два фронта. Понеся урон от Петра, он удачнее выступил в Центральной Европе: покорил Данию, Саксонию, Польшу, угроза захвата с его стороны нависла и над Малороссией. Получив такое известие, Пётр отправился в Киев, начал готовить город к обороне и заложил Печорскую крепость. Однако у Карла планы постоянно менялись, вскоре Петру донесли, что он собирается идти через Белоруссию на Москву. Пётр приказал укрепить оборону столицы, Серпухова, Можайска, Твери и сам двинулся туда. Действительно, между русскими и шведскими войсками произошло несколько мало-значительных сражений, в которых победа была то на одной, то на другой стороне. Но в итоге Карл так и не пошёл на Москву, а снова повернул в сторону Украины. Сделал он это потому, что любимец Петра украинский гетман Мазепа изменил царю и обещал воевать против России вместе со шведами.

Вскоре, однако, пришла ещё худшая весть: что Карл уговаривает турецкого султана идти на Россию с юга, а сам хочет двинуться на Воронеж, уничтожить все построенные там суда. Такой поворот мог поставить страну в критическое положение, так как воевать с сильными державами одновременно на огромной территории было чрезвычайно трудно. Не случайно прежде, чем начинать борьбу за выход к Балтийскому морю, Пётр заключил 30-летний мирный договор с Турцией. Однако гарантий, что турки и теперь будут его исполнять, не было. К нарушению мирного договора их подталкивали и европейские правительства. «Французский кабинет прямо указывал Турции, – пишет Костомаров, – на опасность усиления России, которая начнет волновать... единоверные народы, находившиеся под властью Оттоманской Порты. В Австрии боялись вредного для неё влияния России на подвластных славян и особенно православных... Все стремления Петра сделать Россию европейским государством не только не находили сочувствия в Европе, но возбуждали зависть и боязнь. Вместе с тем на русских продолжали смотреть с высокомерным презрением».

Оставив войско на генералов, Пётр в январе 1709 года поспешил в Воронеж, дал указание ускорить строительство кораблей и по вскрытии рек спустить на воду, организовал укрепле-

ние обороны, затем уехал в Азов, где тоже лично проверил обороноспособность своих городов. Когда в конце мая он возвратился к войску, Карл уже осаждал Полтаву. Появление царя вызвало в русской армии большое воодушевление. Пётр приказал сообщить о его прибытии и полтавскому гарнизону. Письмо с этим известием забросили в город в пустом пушечном ядре, и оно благополучно достигло цели. Воодушевлённые такой вестью защитники Полтавы успешно отбили очередную атаку врага, которая оказалась последней.

А потом состоялась знаменитая полтавская битва. В ней участвовали оба государя, находясь непосредственно на поле сражения. Карл был до этого ранен в ногу, но приказал носить себя по боевым позициям в качалке. В Петра трижды попадали пули: в первый раз – в шляпу, во второй раз – в седло, третья пуля ударила в грудь, но угодила в золотой крест. Объезжая полки, Пётр говорил воинам:

– Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ея...

Слова эти, внесённые в скрижали истории, знают и сегодняшние его потомки.

Шведы были разгромлены наголову, сам Карл едва сумел спастись. Пётр пустил в погоню за ним отряд с наказом, чтобы, если поймут Карла – обходились с ним почтительно, если же схватят Мазепу, то везли бы его в кандалах, следили, чтобы не покончил с собой. Но от Карла на поле боя нашли только качалку, сам же король сумел уйти. Гордый, известный всей Европе своими военными победами скандинав на этот раз бежал из России с позором в Турцию.

Отдавая должное русской армии, одержавшей под Полтавой выдающуюся победу, отметим, однако, что она была достигнута не только благодаря стратегической мудрости Петра, героизму его солдат, умелым действиям офицеров и генералов. Эта победа опиралась на экономическую мощь всего российского государства, вместе с ратными людьми её обеспечивали миллионы ремесленников, торговцев, крестьян, разбросанных по бескрайним просторам земли русской.

За 20 лет правления Петра, считая от 1689 года, когда он вырвал власть у Софьи и бояр, Россия значительно продвинулась вперёд по пути экономического развития. Пётр дал ей то, что в прежние сто лет, после смерти Ивана Грозного, так недоставало – сильную власть. Эта власть принялась раскалёнными клещами вырывать язвы, поразившие весь государственный организм.

Больше всего страна страдала от такого порока, как массовое мздоимство и казнокрадство со стороны бояр и государственных чиновников. Сей недуг, который сегодня называют коррупцией, пронизал тогдашний государственный аппарат снизу доверху. Было подсчитано, что при сборе налогов, например, только треть средств шла в казну, а две трети уплывали в карманы сборщиков и их начальников. Стало обычным делом, когда какой-нибудь мелкий писец, собиравший налоги, получая зарплату в 5-6 рублей в год, через несколько лет возводил для себя не просто роскошный дом, а каменные палаты подстать боярским.

Чиновники всех мастей напридумывали такое множество хитроумных способов обирать народ, что разобраться в них было так же трудно, как, по выражению одного современника, вычерпать море. А когда не срабатывал ни один из вариантов и к хозяйствующему обывателю в ходе проверки не могли предъявить никаких претензий, после которых с него можно было бы получить мзду, то государственные мужи требовали деньги за то, что они бесполезно потратили-де на проверку сию массу своего драгоценного времени.

Чем выше был начальник, тем больше поборы. В Каргополе комендант Барковский заставлял деловых людей и рекрутов строить в его вотчинах хоромы, мельницы, кузницы, склады, но денег никому не платил. Уездные старосты собирали с крестьян деньги для коменданта, однако, не объясняли – зачем и квитанций никому не давали. Потом ещё собирали с каждого крестьянского двора деньги неведомо для чего. Набралось 600 рублей. А когда, приняв деньги, Барковский узнал, что они оформлены как положено, велел исправить ведомости, чтобы эта сумма там не значилась. Наконец, мужики не выдержали

поборов, направили челобитную губернатору. Но коменданту удалось отвертеться от наказания, потому что доказать его вину из-за отсутствия документов вышестоящие власти не смогли (или не захотели).

Пётр повел с мздоимством и казнокрадством беспощадную борьбу. Всюду были вывешены печатные объявления, громко читаемые и в церквях, которые призывали народ смело, не боясь преследования, сообщать о взяточниках и казнокрадах в правительству и губернаторам. Последним было указано реагировать на жалобы на другой же день и только в исключительных случаях – в течение недели. При подтверждении фактов мздоимства и казнокрадства виновным грозило наказание вплоть до смертной казни независимо от чинов и званий. Самим же губернаторам грозило наказание не только за взятки и воровство, но и за неисполнение распоряжений правительства, что тогда было в обычае: за трехкратное неисполнение предписаний – большой штраф, за незаконное «отягощение» народа – военный суд.

Это были не пустые угрозы. Сохранилось немало свидетельств о том, как выполнялась воля царя. В Архангельской губернии, например, крестьяне жаловались, что они разорены комиссаром Устюга Акишевым, который, пользуясь покровительством вице-губернатора Курбатова, не только обирал мужиков до нитки, но и, выбивая непомерные подати, «сажал их на дыбы, бил на козле и на санях свинцовыми плетьюми, пёк огнём, ломал им руки и ноги, девиц и женщин раздевал донага и водил всенародно».

Акишева привезли к царю. Он был приговорен к пытке в застенке и там на собственной шкуре познал, что такое дыба, свинцовая плеть и другие пыточные средства. При дознании выяснилось, что архангельский вице-губернатор Курбатов покровительствовал комиссару Устюга не бескорыстно. Суд обязал Курбатова вернуть в казну сравнительно небольшую сумму, которую удалось доказать. Однако сам факт разоблачения и наказания настолько подействовал ни вице-губернатора, что он умер до исполнения наказания.

Другой вице-губернатор – Санкт-Петербургской губернии, помощник всеильного Меньшикова Корсаков за мздоим-

ство был высечен кнутом в центре столицы. А сенаторам князьям Одоевскому и Опухтину за то же самое прижгли языки. Но самым громким было дело Сибирского губернатора князя Гагарина. Он губернаторствовал вдали от столицы десять лет и заслужил при дворе хорошую репутацию. Сам Пётр относился к нему благосклонно особенно после того, как люди Гагарина нашли в Сибири золотые россыпи. Но потом выяснилось, что сей успешный князь живет в небывалой роскоши, созданной частью за счёт взяток, частью – разворовывания казны. Возможности у него для этого были огромные: он позволял торговать с Китаем только отдельным купцам за большую плату, рассчитывался за дорогие покупки не своими, а казёнными деньгами, присвоил себе даже часть вещей, которые были куплены в Китае для царицы. Гвардии майор Лихарев, посланный для проверки доноса, сообщал, что был поражён ослепительной роскошью жилых полат Гагарина, особенно усыпанной бриллиантами иконой стоимостью 130 000 рублей. Гагарин сознался в воровстве, покаялся и просил Петра отпустить его в монастырь, указывая на свои прежние заслуги, но царь приказал повесить его в центре Петербурга.

Когда дело доходило до нанесения ущерба интересам государства, Пётр был неумолим, даже если его просила о помиловании виновного царица Екатерина. В конце жизни ему донесли, что один из придворных Виллиам Монс, заведующий канцелярией государыни, управлявший также её вотчинами, присваивает себе оброк с части этих вотчин, да ещё кичится перед другими придворными своим могуществом – мол, его сестра является любимой фрейлиной Екатерины. Монсу устроили допрос в присутствии Петра (без пыток), и он во всем сознался. Высший суд приговорил его к смертной казни. Екатерина просила помиловать её любимого управляющего, но Пётр, всегда уступавший ей, отказал. Перед казнью император пришёл в крепость проститься с Монсом, так как хорошо его знал, не раз бывал в его доме. Известны слова Петра, сказанные ему: «Жаль тебя мне, очень жаль, да делать нечего, надобно тебя казнить».

В конце XX – начале XXI века, когда в России вновь подняли головы взяточники и казнокрады, в стране опять вспомни-

ли об эпохе Петра. В печати появились утверждения, что бороться с этим злом невозможно: мол, Пётр на что был крут, даже головы рубил, а не мог вывести оную заразу. Эти заявления не иначе были пропечатаны теми же казнокрадами и мздоимцами, ибо они не соответствуют действительности.

При дворе и в правительстве Петра случаи казнокрадства были вообще редкостью. Пётр разогнал бояр и дьяков, которые обирали страну и народ при Алексее Михайловиче, Фёдоре и Софье. На смену им пришли сторонники петровских идей, в том числе и люди из низших сословий, готовых ради отечества голову сложить. Конечно, оставались и такие, кто терпел новые порядки из-за страха. Но в основном это были люди бескорыстные, не думающие о приумножении личных богатств любым путём. Вспомним, как назвал их Пушкин в поэме «Полтавская битва»: «Сии птенцы гнезда Петрова». Действительно, всех их выпестовал Пётр в духе новой эпохи.

В воспоминаниях современников сохранился такой эпизод. В 1720 году, незадолго до окончания Северной войны, генерал-лейтенант князь М.М. Голицын одержал на Балтийском побережье блестящую победу над шведами. Русские наголову разгромили войско Карла XII, показав, что воевать против армии Петра бесполезно. От такой замечательной виктории царь пришёл в восторг, тем более, что её видели англичане, эскадра которых находилась неподалеку – у острова Гренгам. За великую услугу отечеству Пётр хотел пожаловать князю несколько деревень, но тот отказался, сказав, что желает получить награду деньгами. Тогда государь вручил ему шпагу, украшенную бриллиантами, и приказал выдать приличную сумму. А Голицын, получив деньги, закупил на них шапки, фуфайки и другую теплую одежду, которая по его приказу была роздана солдатам перед зимним походом. Узнав об этом, Пётр вызвал генерала к себе, поцеловал при всех в лоб и воскликнул: «Прямой сын отечества! Ты печёшься более о здоровье моих солдат, чем о себе».

Конечно, за пределами высшей власти незаконные поборы и разворовывание казны продолжались до конца правления Петра, но далеко не в тех масштабах, которые были прежде. Создание мощной профессиональной армии, строительство совре-

менного флота, ведение войн, позволивших России стать великой морской державой, развитие отечественной промышленности, другие преобразования требовали много денег. Выполнить всю эту огромнейшую работу за столь короткий срок при прежних правителях, когда страна обиралась боярами и чиновниками почти до нитки, было бы невозможно. Петру же удалось сделать так, что огромные деньги, которые зарабатывал народ, пошли не в карман кучки воругов, а на важное государственное дело, на преодоление вековой отсталости страны. Служа Отечеству, Пётр не щадил себя, даже во время болезни трудился по 16 часов в сутки. Но того же он требовал от других. При Петре работала вся Россия!

Однако царь понимал, что одними репрессивными мерами трудно выкорчевывать из боярско-чиновничьей среды страсть к воровству и поборам, заложенную в это сословие изначально. Что пока бояре и чиновники будут взимать налоги в казну, всегда найдутся люди, которые не смогут устоять перед искушением прибрать какую-то часть денег к своим рукам. Поэтому он искал способ лишить их самой возможности воровать. Читатель уже знает, что в 1697-1698 годах Россия построила 52 военных корабля, как говорится с нуля, до полного оснащения и спуска на воду. Если бы на это дело собирались налоги, то на них наверняка была бы построена только третья часть этого флота, так как до казны доходила лишь треть всех налогов. Но Пётр, если помнит читатель, поручил строить корабли самим налогоплательщикам – крупным светским и духовным вотчинникам, мелкопоместным дворянам, объединённым в компании. А они сами у себя деньги не воровали. Поэтому-то быстрое появление флота у России так изумило Европу.

К подобному способу сбора налогов Пётр прибегал постоянно, когда была такая возможность. После 1721 года, по окончании Северной войны, с установлением вечного мира и дружбы со Швецией, армия была возвращена из заграничных походов в центр России. Часть солдат распустили по домам, другую – старых и раненых – отправили в монастыри на содержание в счёт податей с их вотчин. А остальные полки расквартировали по деревням. Сделано это было на основании скрупулезных рас-

чётов. Всего по сельским квартирам разместили двести тысяч регулярного войска из расчёта, чтобы на одного пешего приходилось 35 крестьянских душ, а на конного – 50 душ. Драгунским ротам надлежало располагаться друг от друга на расстоянии десяти верст, солдатским – пяти верст. Если же помещики желали избавиться от солдатского постоя в крестьянских дворах, то могли в счёт части податей построить «полковые слободы» на расстоянии друг от друга 50 верст для солдатских полков и 100 верст для драгунских. Было твёрдо установлено и всенародно объявлено, сколько денег на содержание солдат разрешается взимать с каждой крестьянской души. Только такую сумму и надлежало собирать, после чего земский комиссар из местных дворян обязан был передать деньги полковому комиссару в присутствии всех офицеров полка. Делать же какие-либо сборы с крестьян было строжайше запрещено.

Столь радикальное решение, принятое лично Петром, позволило быстро обустроить армию после выполнения ею священного долга перед отечеством с наименьшими издержками и для неё, и для народа, и для казны. А ведь в истории страны были и другие примеры. В 1989 году Советский Союз вывел из Восточной Германии полумиллионную группировку войск, способную самостоятельно вести военные действия с любым противником. Сделано это было скоропалительно, непродуманно, без подготовки. Благоустроенные военные городки, созданные за много лет на территории Германии, как говорится, оставили дыре, дома же не оказалось ни казарм для солдат, ни квартир для офицеров. Пришлось боевые части со всей их техникой расквартировать под открытым небом. Последствия этого авантюрного решения высшего руководства СССР пришлось расхлёбывать ещё очень долго.

Титаническая работа по переустройству России, начатая Петром, требовала от народа всё большего напряжения сил. Одно строительство и содержание военного флота чего стоило! К концу правления Петра Россия уже имела тридцать современных линкоров и фрегатов, на каждом из которых было от 52 до 90 орудий. Кроме того, воды бороздили полторы сотни бригад-

тин, десятки галер и полугалер. Из 10 миллионного бюджета страны на флот уходило свыше миллиона рублей.

Чтобы построить такую армаду пришлось сначала заложить верфи в Воронеже и соседних Таврове и Усерде на Дону, затем в Санкт-Петербурге, в Московской губернии на Дубенской и Нерльской пристанях, в Казани. Для этого Пётр требовал присылать туда рабочих, главным образом из крестьян, которые отработав определённое время, возвращались домой, а на их место присылали других. Только в Воронеже и на соседних верфях работало одновременно свыше 25 тысяч человек. Ещё большее число людей трудилось на верфях Санкт-Петербурга. Их отрывали от семей, а главное, – от работы в поле, что наносило вред крестьянскому хозяйству.

Тяжелым бременем для народа стала поставка рекрутов в растущую армию, а также молодежи для службы на флоте. К будущим морякам предъявлялись особые требования. Их отправляли в Санкт-Петербург, где обучали грамоте, счёту, навигации, артиллерии, плотницкому и кузнечному мастерству. Без таких знаний управлять современным судном, как это делали в передовых морских державах, было бы невозможно. Но годных для подобной службы молодых людей постоянно не хватало, поэтому Пётр распорядился присылать для отбора в матросы всех крепостных, оставшихся после смерти бездетных помещиков, детей служилых и мастеровых, даже воров, находящихся под следствием.

Эти «человеческие поборы», а также привлечение рабочей силы непосредственно на строительство Санкт-Петербурга и новых городов, заложенных Петром на Азовском побережье, вызывали в народе недовольство, роптания. Это дало повод критикам царя-реформатора в последующие века называть его почти изувером. Да, говорили они, Пётр сделал для России много, но он был безжалостен к народу, обирал его хуже всяких оккупантов, Санкт-Петербург и другие города построены на костях простых людей.

О том, как сами революционеры XIX и XX вв., громче всех критиковавшие Петра, «пеклись» о народе, разговор впереди. Сейчас же приведем примеры того, насколько «безжалост-

но» и «изуверски» царь-реформатор относился к простым людям. В самом начале войны со шведами, когда обнаружилась слабость русской армии, потребовалось её реорганизовать, а точнее – создать новые вооруженные силы по европейскому образцу. Дело это было срочное не только из-за желания Петра поскорее пробиться к Балтийскому морю, но и по более серьезной причине. Карл XII слыл агрессивным королем и имел сильную армию, известную в Европе своей большой склонностью к грабежам и потому охотно воевавшую. Пётр не сомневался, что, обнаружив слабость русских войск, он непременно пойдет на Москву, если его не остановить. Но на создание новой армии требовалось много денег, а казна была пуста. Для отлива новых пушек страна не имела меди. Где всё это взять? О сей проблеме царь думал днём и ночью. Накануне того дня, когда требовалось принять окончательное решение, Пётр, велел никого не впускать, сидел или ходил из угла в угол до самого вечера в глубокой задумчивости. Он думал великую думу, более важную, чем тогда, когда впервые увидел Дон и размышлял о собственном российском флоте.

Конечно, чтобы спасти страну от порабощения, можно было обложить население новыми налогами. Русский мужик потянет, он двужильный. Но это не дело. Нет, народ облагать новыми налогами нельзя! А вот церковь и многочисленные монастыри... Вон они сколько богатств накопили! Лежат эти сокровища без дела, колоколов отлили на сто лет вперёд. Это же медь, так нужная сейчас для пушек. И ведь всё досталось церковникам и монахам задаром, без труда, в отличие от мужика, ремесленника, торговца, которые порой ни сна, ни отдыха не знают.

К царю пытались пробиться самые главные вельможи, в том числе и Меньшиков, всегда проходивший к царю без дозволения, но стража и их не пропускала. Поздно вечером пришёл князь Ромодановский, прослышавший, что с Петром происходит что-то неладное. Ему в своё время Алексей Михайлович поручал беречь молодого царевича как зеницу ока, поэтому он пользовался тоже особым расположением Петра. Этот князь командовал Тайным приказом и мел право любого казнить, не спра-

шивая на то согласия царя, поэтому стража, убоявшись, его пропустила.

А дальше предоставим слово члену императорской Академии наук, действительному статскому советнику, уже известному читателю Андрею Нартову. Его записки были опубликованы после смерти Петра, поэтому ему не надо было бояться гнева царя и писать о нём то, что хочет монарх. Вот как описывает разговор между Петром и Ромодановским близко знавший государя человек, который всё узнавал из первых рук.

«Таким образом, вошёл прямо и, видя Петра Первого по комнате в глубокой задумчивости взад и вперёд ходящего, остановился и смотрел на него, но государь его не примечал. Князь решил идти ему навстречу и с ним столкнулся. Его величество пасмурным взором взглянул на него и... опаматовавшись спросил: «Как ты, дядя,.. сюда попал?». «Кто ж в невзгоде печься будет о тебе, как не я? Полно крушится! Скажи, о чем целые сутки думаешь?.. Размыкать горе подобает вместе, в не одному!»

«Полно дядя, – сказал государь, – пустое молоть, какой совет, когда в казне денег нет, кода войско ничем не снабдено, артиллерии нет, а сие потребно скоро». Потом начал опять ходить и предаваться размышлениям. Князь Ромодановский, видя царское отчаяние, остановил его таки и говорил сердито: «...Полно крушиться, открой душу свою, авось либо верный слуга промыслит полезное». Его величество... объявлял ему тайность свою так: «Чтоб иметь артиллерию, для которой нет меди, думаю я по необходимости взять лишние колокола... Перелив их в пушки, загремлю ими против шведов полезным отечеству звуком». – «Добро мнишь, Пётр Алексеевич, а о деньгах как же?» – «Так, чтоб в монастырях и церквях бесплодно хранящееся сокровище, в золоте и серебре убавить и натиснить из него деньги». – «На сие нет моего совета. Народ и духовенство станут роптать и почтут грабежом святым». – «О народе я так не мню... я не разоряю налогами подданных и защищаю Отечество от врага, а прочим зажму рот болтать. Лучше пожертвовать суетным богатством, нежели подвергнуться игу иноплеменников». – «Не все так здраво думают, Пётр Алексеевич. Сие дело щекотно, должно придум-

мать иное». – «Ведь деньги, дядя, с неба не упадут, как манна, а без них войско с голоду и холоду умрёт! Теперь иного средства нет». – «А я так знаю, что есть и что Бог тебе пошлет. Только сколько надобно?» – «На первый случай около двух миллионов рублей...» – «Не можно ли поменьше, – отвечал князь голосом надежным, – так я тебе промышлю». К сему слову государь, пристав с веселым уже видом, начал убеждать Ромодановского, чтоб он скорее тайность свою объявил, ибо знал, что он лгать не любил. «Не скажу, а услужу. Успокойся! Довольно того, что я помощь государству в такой крайности учинить должен».

При сём, когда наступала уже ночь, хотел было Ромодановский идти от него прочь, но Пётр Великий обнял его, просил неотступно, чтоб он... открыл бы ему сие и уверил бы, когда получит деньги, не выпуская его из своих рук. Князь, видя, что уже ему никак отделаться было невозможно, сказал: «Жаль мне тебя, Пётр Алексеевич, быть так! Поедем!.. но не бери с собою никого».

А теперь перескажем, что было далее. Оказалось, что в Тайном приказе, которым заведовал Ромодановский, были никому не известные палаты со стальными дверями, закрытые шкафами с секретными бумагами. К этим бумагам никому из сотрудников приказа подходить не разрешалось под страхом смерти. Когда двери вскрыли с помощью лома, так как замки лет 30 не открывались и заржавели, то там обнаружили драгоценности, от которых у Петра глаза разбежались. Он спросил у Ромодановского, откуда всё это и почему ни Фёдору, ни Софье, ни ему ничего до сих пор не было известно? Оказалось, драгоценности копил Алексей Михайлович на чёрный день, а когда умирал, то приказал Ромодановскому выдать сие наследникам лишь в крайнем случае, когда будет война.

«Напечатанными из сего деньгами, – заключает А. Нартов, – не только войска всем потребным были снабжены, но и войну беспрепятственно продолжить было можно. Перелитые же колокола доставили довольно число пушек».

Сей так кстати обнаружившийся клад избавил Петра от большого конфликта с церковью, но не с народом. Для народа Пётр и не собирался повышать налоги. И вообще многое из то-

го, что он делал, как сказали бы теперь, в реальном времени, шло на пользу простым людям. Читатель сам может найти такие факты, разбросанные по данной главе. Ну а если Пётр обирал народ хуже всяких оккупантов, то почему же при нём в крестьянской стране не было крестьянских восстаний? Недовольные были (а когда в каком государстве их не было?), роптания – тоже, но ни крестьяне, ни горожане не выступали против власти ни с экономическими, ни с политическими требованиями. Правда, случилась заварушка в Астрахани да взбунтовались беглые на Дону и в Малороссии под предводительством Кондратия Булавина. Но они не имеют отношения к теме нашего разговора. Об астраханской заварушке речь пойдет чуть позже, а о бунте беглых – в следующей главе.

Возмущения в народе вызывали вовсе не экономические тяготы, связанные с крупномасштабными преобразованиями Петра, а такие его нововведения, как бритье бород, ношение заграничного платья, принудительное обучение молодежи западным наукам, танцам, приглашение из-за границы большого числа специалистов, для которых царь создал благоприятные условия. По этому поводу роптал не только простой народ, но и знать. Особенно яростно против сего «зла» выступала церковь.

Священнослужители утверждали, что Пётр, преклоняясь перед католичеством, стремиться истребить на Руси христианскую веру. Старинные русские обычаи, основанные на христианстве, в России признавались священными, угодными Богу. Борода у мужчин считалась признаком высокой нравственности, а ее отсутствие – знаком буда. Женщины быстро признали зарубежные платья более удобными, чем старорусские, решили, что в таких платьях они выглядят красивее и привлекательнее, а западные танцы сочли весьма приятными. Мужчины же твёрдо стояли за сохранение своих бород.

В конце концов Пётр вынужден был отступить, но обратил столь похвальную верность мужского населения старым обычаям на пользу казне. Не желающие расставаться с бородой стали платить пеню: самые богатые – по 100 рублей в год, люди среднего достатка – 60 рублей, остальные – по 30 рублей. Уплатившие этот сбор могли разгуливать, где хотели, не опасаясь

государевых брадобреев, но при условии, что у них есть специальные знаки, выданные соответствующим приказом. То же относилось и к старой русской одежде. Крестьяне, жившие постоянно в деревне, вдали от глаз почтенной публики, пени за бороду не платили. Но, проходя через ворота в город или выходя из города, должны были каждый раз вносить по две деньги. И бородатые мужики готовы были отдать их, лишь бы не стать бритами, а значит – аморальными.

Однако церковь продолжала мутить народ, хотя духовных лиц ни одно из этих нововведений царя не касалось. Лишь воронежский архиепископ Митрофан одобрял все реформы Петра и даже жертвовал свои накопления на строительство флота, остальные же резко выступали против любых царских начинаний. Объяснялось это тем, что царь лишил духовенство многих экономических льгот. Например, правительство переписало архиерейские и монастырские вотчины и изъяло пустующие там земли, передав их другим хозяевам. Весь доход от монастырских вотчин стали изымать в казну, оставляя монахам лишь столько, сколько требовалось для их пропитания. Для последних это было большим ударом, так как они не работая, жили исключительно за счёт крепостных крестьян (в Троицком монастыре, к примеру, крепостных насчитывалось 58 000 душ). Поэтому из келий распространялись письма, в которых монахи настраивали народ против царя. Один из них даже утверждал, что пришёл конец света и уже явился антихрист в образе царя Петра.

Самодержца поносили и за то, что он, вопреки объявленной церковью неразрывности браков, отправил свою первую жену в монастырь и женился во второй раз. О нём придумывали самые невероятные слухи. До Астрахани, например, дошла ложная весть, что туда Пётр собрался переселить из Казани группу католиков-немцев, которые будут насильно брать в жены местных девиц. Чтобы дочки не достались «нехристям», перепуганные родители начали спешно выдавать их за кого попало: в один день даже сыграли сто свадеб. Перепившись, народ начал громить местную власть, грабить богатства знатных горожан. Пришлось правительству даже высылать туда военный отряд.

Но ничто не могло переубедить Петра продолжать переустройство страны. Ведя войны за возвращение древних русских земель и находясь много времени в действующих войсках, он, тем не менее, ни на минуту не забывал о своих реформах. С первых дней царствования его заботило создание собственной промышленности. От предшественников ему досталась лишь одна судостроительная верфь – в Архангельске. Сам он лично, как уже говорилось, заложил ещё несколько верфей.

При нём были построены многие горные предприятия. Всем желающим позволялось искать металлы, минералы, краску, драгоценные и полудрагоценные камни как на своей собственной земле, так и на чужой. Помещик не мог препятствовать поиску руд на его земле, а также строительству завода после разрешения соответствующей коллегии. В таком случае тот, кто строил завод, обязывался отдавать владельцу земли треть прибыли. Хозяин нового горного производства имел право продавать золото, серебро, медь, селитру только в казну по твёрдой цене, а всё остальное пускать на свободный рынок. Рабочие новых предприятий освобождались от солдатской и матросской службы, а также от всех податей.

В результате, во многих районах страны начинает складываться промышленность. В 1712 году в Туле выдал первую продукцию оружейный завод, ставший впоследствии гордостью России. В Рязанском уезде открылось производство иглолок, которое в изобилии обеспечило иглами всю Россию и ещё отправляло за границу. Через несколько лет была значительно расширена выплавка железа и меди в Кунгурском и Верхотурском уездах на Урале и Тобольском в Сибири. Одновременно развиваются заводы по выплавке серебра в Забайкалье. Наконец заработал крупный медеплавильный завод в Екатеринбурге и чугунолитейный в Сестрорецке.

После полтавской победы, когда военное положение России значительно укрепилось, Пётр смог, наконец, заняться и делами деревни. Мужик кряхтел, выражал недовольство по поводу тягот жизни, но воз тянул. Постепенно он привыкал к крепостному праву, хотя и теперь немало мужиков пускалось в бега. Прежде беглых не возвращали только с Дона, при Петре у них

появились и другие возможности безнаказанно избавиться от ненавистного хозяина. Большая потребность в рекрутах и матросах, если помнит читатель, заставила Петра направлять на военную службу даже мелких преступников. Прощение наступало и беглым крепостным, если они добровольно являлись с повинной и изъявляли желание служить в армии или на флоте. Также не возвращали беглых, если они шли работать на промышленные предприятия. Это не понравилось помещикам, они начали писать царю челобитные. Однако Пётр своего решения не отменил, а только приказал зачислять таких в счёт рекрутов, которых должен поставить помещик.

На военной службе при Петре каждый мог отличиться и продвинуться в звании. Царь ценил людей не за знатность происхождения, а за ум и способность приносить пользу отечеству. В то время, как и в прежние века, среди дворян было распространено убеждение, что они должны занимать в армии только высокие посты. Однако Пётр распорядился не присваивать офицерских званий тем дворянам, которые не служили рядовыми солдатами. В то же время, офицерам из простонародья, в том числе из крестьян, дослужившимся до высоких чинов, он приказал выдавать патенты на дворянское достоинство и их потомков тоже считать дворянами.

Крепостное право хоть и решило главную задачу, ради которой оно было задумано – обеспечило помещиков рабочими руками, однако породило немало и новых проблем. Когда крестьянин стал собственностью помещика, началась торговля крепостными. Она возникла стихийно, никакими законами не регулировалась и нередко случалось так, что покупающая и продающая стороны не могли прийти к согласию из-за того, что покупатель готов был приобрести сильного, здорового работника, но не хотел платить за его детей, особенно если им было далеко до трудоспособного возраста. Продавец же ни за что не соглашался отдавать детей бесплатно, так как в будущем покупатель получил бы незаслуженную выгоду. Сделка всё-таки заключалась, но при этом продавец отдавал главу семьи новому барину без домочадцев, отчего страдали и родители, и дети. Узнав о таком варварском обычае, Пётр запретил разлучать семьи.

Некоторые поздние историки критиковали великого реформатора за то, что он вообще не отменил торговлю крепостными. Однако при существовании крепостничества, которое тогда уже стало реальностью, это нанесло бы вред и государству, и самим крестьянам. Ведь продавали своих людей владельцы лишь слабых хозяйств, которые не могли наладить эффективное сельхозпроизводство. Из-за беспомощности, неспособности этих помещиков к экономической деятельности страдали и их хозяйства, и их крепостные. Не зря ведь тогда говорили, что у «худого барина и крестьяне худые». Тот, кто покупал крестьян, несомненно, создавал лучшие условия для их работы и жизни.

Большие проблемы возникли тогда и с наследственными вотчинами. По Соборному уложению 1649 года они после смерти хозяина стали делиться в равной доле между его сыновьями. От многократного деления эти вотчины, как правило, начинали хиреть, крестьяне в них – нищать. Причина была та же, что и в последний период Киевской Руси, когда многочисленные сыновья князей, получив карликовые надель, устраивали междоусобные войны: наследникам хотелось быть такими же богатыми, какими были их отцы. При Петре молодые вотчинники войн не вели, но, привыкши к «барскому дармоедству», и они желали такой же праздной и сытой жизни, какая была при родителях. Путь к этому они видели один – увеличивать поборы с крестьян. А поскольку у каждого наследника душ становилось в несколько раз меньше (в зависимости от того, на сколько частей делилась родительская вотчина), то соответственно возрастала нагрузка на каждую крестьянскую семью, что и вело к её разорению. О том, чтобы применять в земледелии передовую агротехнику, на которую уже давно перешли в Европе, никто из вотчинников, разумеется, не думал.

Петр запретил делить вотчины. По его указу вся недвижимость после смерти отца переходила к старшему сыну, а между остальными делились лишь его капиталы, которые, по русскому обычаю, накапливаясь, не вкладывались в дело, а прятались в кубышку. Теперь наследник, получив капитал, должен был думать, как использовать его с большей выгодой для себя, а

значит, обязан был заниматься активной деятельностью, созидательным трудом. Сие начало, говорилось в указе, вводится для того, чтобы дворяне не стремились «жить праздною, которая по Священному писанию, мать всех пороков».

При всей занятости делами армии и флота, строительством новой столицы и т.д. Пётр не оставлял без внимания ни одной, даже мелкой сельской проблемы, которая оказывалась в его поле зрения. В одном из указов, повелевал убирать хлеб не серпами, что было неудобно, а обычными косами с пристроенными к ним граблями – по прусскому образцу. Он разъяснил, что заставляет его заниматься, казалось бы, не царскими мелочами: «Новое дело-то наши люди без принуждения не сделают».

По личному указанию Петра в стране начинают заводить виноградники, создавать плантации лекарственных трав, расширять посевы зерновых и технических культур, прежде всего льна и пеньки. Узнав, например, что пенька в тех губерниях, где её выращивали, скупалась государственными заготовителями по 2 рубля за меру, а за границей продавалась по 6 рублей, он приказал сеять её в этих губерниях вдвое больше. А в остальных, где пеньку и лён не сеяли, было велено учить крестьян выращивать эти технические культуры и разъяснять мужикам, как это выгодно.

Обратил внимание он и на то, что, продавая за границу много пеньки и льна, Россия вынуждена была ввозить из других стран полотно и парусину, так как собственное производство этих изделий у нас было развито слабо. Переработав российское сырьё, зарубежные производители продавали нам изделия из него по неприлично высокой цене. От такой торговли казна много теряла. Пётр отдал три казённые полотняные фабрики в аренду частным компаниям, установил им налоговые льготы, и уже через несколько лет Россия отказалась ввозить из-за границы холст и полотняные ткани низших сортов, заменив их своими. Ввозились только высшие сорта.

Чтобы достойно одеть армию и флот, правительство закупало за границей много сукна. Для казны это было очень накладно. Пётр решил развивать собственное овцеводство и суконное производство, а дабы дело пошло успешнее, выписал из

Европы 20 специалистов. В Казани создали, как теперь бы сказали, учебный центр, где россиян начали обучать западным премудростям – от выращивания породистых овец до их стрижки, а потом и производства из полученной шерсти добротного сукна. Пётр запретил вывозить отечественную шерсть за границу, отдал казённый суконный завод в Москве частому товариществу, освободив его на пять лет от налогов, но лишив права поднимать цену на свою продукцию. И вскоре эта фабрика полностью обеспечила интенданство собственным сукном, а потом даже стала продавать его на свободном внутреннем рынке, потеснив иностранное.

При Петре впервые начали создавать продовольственные резервы. Во многих районах страны, особенно северных, природно-климатические условия не гарантировали получения устойчивых урожаев, нередко случались большие недороды, ставившие население в бедственное положение. Вспомним о небывалом голоде в древнем Новгороде, когда почти полностью вымерший город походил на кладбище, а оставшиеся в живых горожане продавали своих детей чужеземцам, чтобы спасти их от голодной смерти. Власти Новгорода не имели продовольственных резервов, не могли ничего противопоставить этому бедствию, кроме крестного хода и молебна с просьбой к Господу о спасении.

При Петре таких вселенских катаклизмов не было, но случались неурожай в отдельных губерниях. Они приводили к резкому взлету цен по всей стране. Многие торговцы скупали хлеб в большом количестве там, где он уродился, а затем предлагали втридорога пострадавшим губерниям. Не имея средств, чтобы его приобрести, люди в этих губерниях, случалось, умирали от голода. Из-за дороговизны, связанной с недородом, правительству в неурожайные годы было затруднительно обеспечивать продовольствием армию и флот: приходилось либо опустошать казну, либо увеличивать налоги. И то, и другое затрагивало интересы всего населения.

Пётр давно боролся с завышением цен, прибегая к самым крутым мерам. В Санкт-Петербурге, например, всюду было развешено его распоряжение, в котором говорилось: «Торговцам

съестными припасами не подымать самовольно цен и не продавать ничего вредного для здоровья под опасением за первый раз – кнута, за второй – каторги, за третий – смертной казни».

В обычные годы это устрашение действовало, но в неурожайные годы его было недостаточно. Однажды, узнав, что в одной из губерний торговцы опять скупили весь хлеб, чтобы продать его втридорога в пострадавших от засухи районах, Пётр приказал отобрать у них всё до последнего зёрнышка и реализовать населению по доступной цене – чтобы прибыль купцам составила по гривне с рубля. Кроме того, временно, в связи с неурожаем, отменил пошлину на ввоз зерна из других стран. Мобилизовали имеющийся флот и за короткое время доставили в нуждающиеся губернии хлебных запасов на 200 000 рублей. На это зерно тоже установили прибыль – не более гривен на рубль.

Тогда-то у Петра и появилась мысль создать постоянный резерв продовольствия хотя бы для армии и флота. С этой целью в Нижнем Новгороде, Орле, Смоленске, Брянске и некоторых других городах построили «запасные магазины», куда велено было свозить впрок зерно, купленное в избытке в урожайные годы, когда цена на него была низкая. При плохом урожае хлеб для снабжения войск уже не закупали, а брали из «запасных магазинов». Невостребованное интендантством зерно торговцы вынуждены были отправлять на общий рынок, что благотворно сказывалось на его цене. Кроме хлебных резервов на случай неурожаев в «запасных магазинах» хранили также мясо, солёное сало, горох, крупы, а ещё вино, которое надлежало выдавать матросам военных кораблей.

Кстати, при Петре было дозволено свободное винокурение. Им мог заниматься каждый при условии уплаты пошлины в размере полуполтинника с ведра и при контроле за этой деятельностью со стороны государства. Винная пошлина ежегодно приносила в казну до миллиона рублей, почти окупая расходы на строительство и содержание флота. Интересно, что в сельской местности курить вино разрешалось только помещикам и их приказчикам, но не крепостным крестьянам. Однако помещик или приказчик не мог продавать либо давать бесплатно это

зелье крепостным под страхом штрафа в 50 рублей в каждом отдельном случае.

Для крестьян как бы вводился сухой закон – им негде было приобрести спиртного, кроме как в городе, куда мужики выбирались нечасто. Петру указывали, что это ограничение, безусловно, обедняет государственную казну, так как лишает винный рынок огромной массы покупателей. Но Пётр не стал ничего изменять, очевидно, заботясь о здоровье сельского населения и чистоте его нравов. В том, что на протяжении последующей истории русская деревня сохраняла высокую нравственность, наверное, немалая заслуга и петровской эпохи.

За несколько месяцев до 50-летнего юбилея Петра, осенью 1721 года, в жизни страны произошло два громких события, ставших важными вехами в российской истории. Сначала был заключён Ништадтский мир со Швецией, положивший конец долгой Северной войне. Она началась ещё в 1700 году с поражения русских войск под Нарвой, но после того, как Пётр реорганизовал армию и начал создавать флот, ему неизменно сопутствовал успех. Мировую славу русскому оружию принесли победы: на суше – под Полтавой, на море – при Гангуте, где российским флотом командовал лично Пётр. После этих викторий с Петром начали искать дружбы и поддержки от него государи некоторых европейских и даже азиатских стран (Персия), которые вначале относились к России и её царю с презрением.

По случаю окончания Северной войны, в ходе которой Пётр привел страну к безоговорочной победе, в Санкт-Петербурге, в церкви Святой Троицы, состоялась торжество. На нём канцлер Головкин в присутствии членов правительства и сенаторов произнес высокопарную речь. Когда он закончил, раздались возгласы: «Виват, Пётр Великий, император всероссийский!» Пётр смутился: никто ему такого титула не присваивал, российский государь назывался царём. В ответ он сказал: «Надлежит Бога всею крепостью благодарить. Однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так стало, как с монархией греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог дает...».

Над Санкт-Петербургом в тот день висел пороховой дым, как при настоящем сражении. В честь окончания войны Петербургская крепость и стоящие возле города корабли салютовали из всех своих пушек, а 23 полка местного гарнизона – из ружей и прочего оружия. Для знати был дан обед на тысячу персон, простолюдинам тоже сделали подарок – два винных фонтана, в одном из которых вместо воды текло красное вино, в другом – белое.

Вечером во время бала князя и епископы продолжили разговор, начатый в церкви Св. Троицы. Они просили Петра официально принять титул «Отца отечества, Императора Всероссийского Петра Великого». Пётр был равнодушен к титулам, считая, что человек должен быть славен делами, а не званиями. Не случайно, отправляясь в первые походы, он при сухопутных сражениях имел звание бомбардира и лично стрелял из орудия, а при плавании на военном корабле – морского капитана, хотя больших, чем у него, знаний военно-морского дела в России тогда не было ни у кого. Только после разгрома шведского флота при Гангуте царь принял звание вице-адмирала, сравнившись с флотоводцами других стран, которые не имели таких громких побед.

В церкви Святой Троицы Пётр колебался. Но, поразмыслив, он, очевидно, понял, что звание императора, которое ему предлагали, поднимет престиж России в глазах западного света. Кроме того, будет отвечать действительному положению вещей, так как Россия уже реально превратилась в великую и могучую империю. В конце концов, Пётр дал согласие на изменение своего титула, но из принятой сенатом формулировки, видимо, по его требованию, исчезли слова «Отец отечества» и «Великий». Отныне государя следовало называть так: «Пётр Первый, император и самодержец Всероссийский».

Во многих европейских дворах Петра теперь принимали с большими почестями. Нередко случалось, что, отправляясь в одну страну, он по пути заезжал в другую только для того, чтобы встретиться со старым другом, тамошним королем, и поговорить «за жизнь». Исключение составляла Франция, куда за многие годы он так и не добрался. Однако в последние годы пе-

реписка с французами стала настолько теплой, что Пётр решил побывать, наконец, в Париже.

Французская знать была удивлена простотою его одежды, необычными для парижан привычками, отсутствием тяги к роскоши, присущей другим монархам. Поначалу могущественного самодержца поселили в Лувре, но его смутили блеск и великолепие этого дворца, и он сам перешёл в отель, где оставался до конца визита. А в доме для гренадеров, расположенном на берегу Сены, приказал наскоро соорудить русскую баню с паром – чтобы не забывали родины.

И случилось так, что вскоре гренадеры поразили парижан не менее, чем когда-то англичан. Тогда – огромной силой и удалью, сейчас – необыкновенной выносливостью. Время было холодное, но Сена ещё не замерзла. И вдруг парижане увидели, что русские солдаты выскакивают из бани и бросаются в ледяную воду, плавают и ныряют. Для французов это зрелище было настолько необычным, что тут же собралась огромная толпа. В следующий раз зевак было ещё больше. И тут появился Пётр в сопровождении знатных французов. Увидев такую картину, окружавшие государя французы пришли в ужас, а королевский гофмейстер Вертон, ведавший при дворе организацией церемоний, просил Петра запретить купание, так как от этого все гренадеры перемерут. Пётр засмеялся: «Не бойтесь, господин Вертон, наши солдаты закалённые. У нас бывает сие и зимою». Всё же королевский гофмейстер велел медикам взять русских гостей под врачебный контроль. Но до отъезда на родину они не обнаружили ни у кого из гренадеров даже насморка.

Визит продолжался ещё достаточно долго. Французы заметили, что русского царя мало интересуют картинные галереи, а на опере он едва высидел до конца. Зато с большим вниманием осматривал королевскую типографию, в доме учёного Пижона даже купил сконструированную хозяином модель солнечной системы. Очень долго беседовал со знаменитым математиком Вариньоном. Никто из окружавших его знатных французских особ ничего не понял из их бесед, её содержание было понятно лишь учёному да самому Петру. Целых два часа русский царь провел в обсерватории, наблюдая за небом, потом следил за

операцией на глазах, которую делал знаменитый окулист Уоллес. Убедившись, что после операции слепой старик стал видеть, Пётр высказал своё восхищение и пообещал прислать к Уоллесу российского медика для обучения. Учёные французской академии наук были удивлены той обстоятельностью, с которой Пётр беседовал с ними о разных науках. Позднее, уже в Петербурге, он получил сообщение о том, что французская академия приняла его в свои члены.

Это было достойное признание со стороны научной Европы высокой и разносторонней учёности Петра. «Он поражал французов своим умом, знаниями и находчивостью, – писал об этом по сути итоговом визите российского самодержца за рубеж Н. Костомаров. – Они изумлялись, видя, что уроженец страны, считаемой ими самой дикой и невежественной в мире, по ясности взгляда на предметы, касавшиеся знаний и наук, превосходил государей, имевших счастье быть рождёнными в образованных странах».

Несомненно, что превосходил он их не только в знаниях и науках, но и во всем остальном, исключая разве что изысканность манер. Это был поистине народный император самой огромной страны в мире. Наверное, никогда во всей истории не было ни одного монарха ни в России, ни за рубежом, который стоял бы ближе к своему народу и больше всех сделал для него.

В то время, как слава о нём уже гремела по всей Европе, Пётр, отказавшись называться Великим, поистине творил великие дела для России. Он по-прежнему вставал в пятом часу утра, разминался и начинал выслушивать доклад своего секретаря о «предстоящих делах» или, как мы сегодня сказали бы, о том, что запланировано и расписано на день. Дел всегда предстояло много. После доклада император завтракал и в шесть часов выезжал «к работам или на строения», потом в Сенат или в Адмиралтейство. Ехал на одноколке или верхом почти без сопровождения. (Вспомним, с какой пышностью и свитой выезжал его отец Алексей Михайлович).

На обед возвращался к часу дня. Блюда были простые, в разные дни императору подавали: кислые щи, кашу, жареную говядину с солёным огурцом или лимоном, солонину, ветчину,

сыр. Никаких рябчиков, куропаток, красной и чёрной икры и прочих деликатесов, доставляемых издалека, не было. Рыбу почему-то не любил и не ел. Во время обеда пил вино «Эрмитаж», иногда венгерское. Никто из лакеев его не обслуживал – только один дежурный денщик.

После обеда немного отдыхал, потом опять работал. Сначала читал свежие голландские газеты, кое-что отмечал в них карандашом, иногда что-то заносил в записную книжку, чтобы потом использовать в работе. Если не было газет, сразу шёл в «токарную» – так называлась мастерская, в которой он точил фигуры, пилил, строгал и т.д. Здесь у него находились математические, хирургические и прочие инструменты – на все случаи жизни. Насколько было высоко его мастерство, можно судить по тому, что изделия, изготовленные императором, например, кадила, использовались в церквях, а однажды он направил в подарок прусскому королю собственноручно сделанную табакерку с его портретом, что привело короля в восторг.

Не бездействовали и хирургические инструменты. «Надобно ведать, – пишет А. Нартов, – что государь часто хирургические операции при разных случаях делывал сам и имел в оном знание. Вырванных зубов находится целый мешок... в кунцкамере». Далее о дантистской деятельности Петра Нартов рассказывает такую историю. Однажды его камердинер пожаловался, что жена с ним не спит, отговаривается зубной болью. «Хорошо, – сказал Пётр, – я её вылечу». На другой день он, зайдя в дом камердинера, когда тот был во дворце, обратился к его жене: «Я слышал, болит у тебя зуб?» «Нет, государь, – затрепетала жена, поняв, в чем дело, – я здорова». «Неправда, вижу, что болит. Ты просто трусишь признаться». Достав инструмент, государь удалил ей здоровый зуб, так как больных у неё не было. Вернувшись к себе, он со смехом сказал камердинеру: «Я её вылечил, можешь идти к жене».

Сведущ был Пётр не только в хирургии, но и в других разделах медицины, особенно народной. В 1722 году во время персидского подхода, когда войско остановилось на ночлег на скалистом берегу Каспия, там обнаружили множество змей. Они заползали в палатки и не только пугали солдат, но и жалили. Об

этом сразу же донесли Петру. Он показал близким к нему офицерам, какую траву надо собрать в большом количестве и устелить ею палатки, а себе приказал принести несколько змей. Всё было исполнено очень быстро, и Пётр велел бросить змей в большую охапку этой травы. Через некоторое время, когда страшные твари выпустили в траву яд (они считали эту траву своим врагом и не любили её), он спокойно взял их в руки, вышел перед войском и объявил, что с сей минуты змеи больше никого не тронут. Солдаты дивились: правда ведь, императорато не жалят.

Но вернёмся к петровской «токарной». Сама мастерская и ближние к ней комнаты были ещё и главным местом, где решались важнейшие государственные дела. Здесь, в том числе и в самой «токарной», Пётр принимал высших чинов государства – канцлера, вице-канцлера, генерал-прокурора, генерал-полицмейстера, флотских адмиралов, армейских фельдмаршалов и т.д. Кроме них непременно приходили мастерские и деловые люди – для этого им надо было прежде «учинить доклад». При каком ещё дворе представители столь низких кругов могли попасть к государю?

Разностороннее развитие Петра, его способность видеть дальше других позволяли ему охватывать такой гигантский круг дел, который простым смертным просто был недоступен. Когда читаешь труды историков о петровской эпохе, воспоминания современников той поры – А. Нартова, В. Куракина, П. Шафирова, И. Желябужского, невольно поражаешься: кажется, в стране не было ни одной проблемы, которую не заметил бы и не решил лично царь. Ну, скажем, испокон веков людей в России даже среднего сословия, не говоря уже о низшем, было принято называть уменьшительно-пренебрежительно. К примеру, за рубежом были распространены имена Иоанн, Ян, а у нас схожее – Иван. Однако у них носителей этих имен так и называли, а у нас простых людей – Ивашками, Стеньками, Емельками т.п. Такое пренебрежительное отношение к рядовым гражданам бросалось в глаза иностранцам. В 1701 году Пётр издал указ, запрещающий называть кого бы то ни было уменьшительными именами – устно и письменно. Кроме того, запрещено было становиться на

колени и снимать головной убор перед царским дворцом, что прежде было в обычае. Пётр разъяснял в указе, что ему от граждан нужны не низкопоклонство, а верное служение престолу и отечеству.

О том, как выполнялся этот указ, можно судить по такому, например, факту. До нас дошли имена предводителей двух крупных восстаний в стране – Разина и Пугачёва. Но первого мы знаем как Стеньку, а второго – как Емельяна. Потому что первый жил до Петра, а второй появился на свет уже после кончины императора.

Что бы ни делал Пётр, он думал, прежде всего о том, какую пользу это принесет России, её будущему. В последние годы жизни его всё больше занимала мысль, что ещё можно сотворить для потомков? Казалось бы, нет в мире страны богаче лесами, чем Россия. Однако, Пётр издает указ за указом, в которых повелевает бережно относиться к лесам, восстанавливать вырубки, садить деревья там, где их нет, но они нужны. В необходимости побудить к этому местные власти его убедил один эпизод.

Как-то государь лично сажал дубы близ Санкт-Петербурга, вдоль дороги на Петергоф. И вдруг заметил, как один из знатных вельмож ухмыляется, глядя на это. «Ты мнишь, что не доживу я матерых дубов? – гневно вскричал Пётр. – Это правда, но ты дурак. Я оставляю пример прочим, чтоб, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, пользы государству впредь».

В последние годы жизни все решения, принимаемые Петром, были основаны уже не на эмоциональном порыве, как нередко случалось в начале царствования, а на строгом расчёте и объективных законах. Российский император нутром чувствовал эти законы, хотя они, может быть, даже не были тогда открыты. Так, в декабре 1723 года государь предписал мануфактур-коллегии при выдаче разрешений на открытие любых предприятий никому не делать предпочтений и никого не ущемлять, всем предоставлять равные возможности. Свободное создание предприятий, разъяснял он, должно не только увеличить их число, но и породить соперничество между заводчиками, что обеспе-

чит добротность продукции и её дешевизну. В то время никто даже предположить не мог, что через 100-150 лет, свободная конкуренция в сфере материального производства, названная Петром «соперничеством между заводчиками», будет признана главной движущей силой прогресса. Российский же император разглядел первые ростки этой конкуренции, по достоинству оценил их и решительно поддержал. Дал он указание мануфактур-коллегии следить и за тем, чтобы при появлении собственных производств немедленно, даже если они пока не удовлетворяют потребностям страны, вводилась пошлина на привозные товары, дабы последние не подрывали отечественную промышленность.

К сожалению, то, что было очевидным Петру при всей неразвитости тогдашней экономической науки, с трудом воспринимается руководителями России в самом просвещённом XXI веке, когда все науки развиты чрезвычайно. Нынешний и без того слабый российский бизнес многое теряет как раз из-за того, что чиновники всевозможных... мануфактур-коллегий отдают предпочтение ловким дельцам и ущемляют всех остальных. Что на российском внутреннем рынке не поддерживаются отечественные товары, отчего уже рухнули многие отрасли промышленности. На этом фоне ещё более грандиозными выглядят те преобразования, которые проводил в отсталой стране её первый император.

Несомненно, сделал бы он ещё больше, ведь, заключив со Швецией мир на все времена, страна только-только избавилась от войн. Не стало надобности держать огромную армию, крестьяне и ремесленники, сбросив солдатское обмундирование, вернулись к своим семьям, стали заниматься хозяйством. И сам император, и его правительство теперь могли сосредоточиться исключительно на внутренних делах, не боясь за окраины страны. Монархи многих европейских государств стали личными друзьями российского самодержца, причем сами искали этой дружбы. Такого никогда не было за всю историю России.

Многое из того, о чем когда-то мечтал Пётр, уже начало сбываться. По иностранным портам разошлись русские торговые корабли. Грохотал кузнечными молотами и полыхал огнями

плавильных печей промышленный Урал, поднималась и расправляла спину богатая, но дремлющая до поры Сибирь. Русские флаги развивались на самых восточных окраинах Азиатского материка – над побережьем Тихого океана. К этому надо добавить, что такого количества пахотной земли, как в России, не было ни в одной стране мира, а малороссийским черноземам могли бы позавидовать многие и многие государства. Вот когда могла бы развернуться во всю ширь могучая натура Петра – император именно такого масштаба и нужен был великой Российской державе.

Но, увы, дни его шли к закату. Как уже говорилось, всем великим российским реформаторам, стоявшим у руля страны, не суждено было пережить 53-летний рубеж. Не минула чаша сия и Петра. Он тоже ушёл из жизни в расцвете сил, полный неумемной жажды деятельности. Поздней осенью 1724 года государь возвращался водою в столицу и в устье Невы увидел терпящее бедствие судно с пассажирами, наравшееся на отмель. Шквальный ветер грозил людям гибелью, на глазах у всех пять человек унесло потоком. Пётр, вместе с командой своего судна, бросился в реку и всю ночь в ледяной воде оказывал помощь попавшему в беду судну. Известно, что лично он спас двадцать человек, однако утром почувствовал лихорадку. Его могучий организм начал сдавать, и к концу января Пётр уже чувствовал себя настолько плохо, что принялся составлять завещание. Но успел вывести на бумаге лишь два слова: «Оставляю всё...»

На его надгробии указаны даты жизни: 1672-1725 гг.

Опять эти 53 года!

БЫЛИ ЛИ В РОССИИ КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ?

К концу петровской эпохи жители владельческих деревень в России практически забыли, что такое свобода. После введения крепостного права прошло три четверти века, то есть жизнь целого поколения, поэтому даже древние старики не

помнили то время, когда, подражаясь, мужики выдвигали помещику свои условия.

Внешне в деревнях все выглядело по-прежнему. Крестьянские семьи жили в тех же избах, имели от барина тот же земельный надел, также отработывали барщину. Но закон больше не защищал мужика, как раньше. Крестьянская семья стала собственностью помещика наравне с землей, домом, инвентарем, прочим скарбом. Хозяин мог делать с ней все, что хотел: продать, подарить, проиграть в карты, променять, скажем, на породистого жеребца. А мог и разлучить членов семьи - сделав с ними то же самое по одиночке. Стало обычным делом, когда на барских конюшнях устраивались массовые порки. Специально обученные дворовые секли мужиков розгами - кого за провинность, а кого и так, по сумасбродному приговору барина. Телесные наказания были самые разные – какие барин придумает. Единственное, что ему запрещалось – доводить дело до увечья и убивать крепостного. Правда, в последнее время еще и перестали разлучать семьи – царь Петр запретил.

Отменялись всякие «порядные грамоты» и «записи», в которых прежде четко обговаривалось, как и в каких размерах крестьянин должен был рассчитываться с помещиком. Теперь сам барин решал, сколько какая семья должна платить ему зерном и другими продуктами, а какое количество дней отработать на барщине. И перечить ему никто не мог.

Но и это была еще не окончательная цена расчета. Бесчестный помещик всегда мог найти повод, чтобы увеличить поборы с крестьян сверх всякой меры.

При неурожаях мужики страдали в первую очередь. Помещик заранее устанавливал, сколько хлеба должна сдать каждая семья исходя из обычного сбора. Это количество он забирал себе, даже если был большой недород. А крестьянской семье шло лишь то, что оставалось после барина. Когда же урожай ожидался хороший, помещик объявлял крестьянам, что платить надо не столько, сколько уже объявлено, а такую-то часть. И опять выигрывал.

У бесчестных помещиков дело доходило до полного ограбления крестьянских семей. Мужики у таких хозяев очень скоро

поняли, что на пашне особенно стараться не стоит: все равно большая часть прибытка, а то и весь он достанется барину.

Чувствуя свою безнаказанность, многие помещики все больше нагтели, теряли остатки христианской морали. Порой в крестьянских семьях родители приходили в ужас от мысли, что у них подрастает дочка-красавица. Ибо у барина было в обычае брать юных красивых крестьянок к себе в «услужение», а потом, чтобы скрыть следы блуда, отдавать их замуж за какого-нибудь бессловесного дворового. Запрет царя Петра венчать молодых без их согласия касался не только родителей, но и помещиков, однако это не очень-то защищало крепостных красавиц от барских похотливых рук.

Встречались и изуверы-помещицы, особенно среди тех, которые, потеряв мужа, сами управляли своими поместьями. Наибольшую известность среди них приобрела во второй половине XVIII века столбовая дворянка Дарья Николаевна Салтыкова, вошедшая в историю как Салтычиха.

Городской дом Салтычихи находился в Москве на углу Большой Лубянки и Кузнецкого моста, где сейчас расположены здания ФСБ, в 30-е годы XX века принадлежавшие НКВД СССР. Когда в 1937-м там устраивались пытки неповинных людей, многие вспоминали о Салтычихе. Говорили, что это место проклято ещё с тех лет, когда здесь жила знаменитая столбовая дворянка.

Дарья Салтыкова овдовела в 26 лет, став единоличной владычицей шестисот крестьян в Московской, Костромской и Вологодской губерниях. Уже через полгода после смерти мужа она принялась избивать прислугу, в основном женщин и девушек. Причины для избиения всегда находились: то плохо помыт пол, то недостаточно чисто постирано белье и т. п. Избивала женщин и девушек Дарья сама - тяжелым поленом, причем в первую очередь била по голове. Поначалу забить до смерти жертву, получившую от ее рук увечье, она не решалась – это по ее приказу делали конюхи на конюшне.

Однако вскоре столбовая дворянка вошла во вкус, набор издевательств заметно расширился. Через некоторое время Салтычиха уже сама обваривала жертву кипятком, жгла огнем её

волосы, била головой о стену. А то конюхи раздевали прислугу, обливали холодной водой и на глазах у помещицы привязывали на морозе к столбу до утра. Особенно нравились Салтычихе такие издевательства над молодыми девушками, которые собирались выходить замуж. Крестьяне писали челобитные начальству на свою помещицу, однако это не помогало – у ее покойного мужа во власти были могучие родственники.

Но вот в 1762 году на престол взошла Екатерина II, и двум крестьянам Салтычихи, жен которых замучила помещица, удалось-таки передать ей челобитную. Прочитав жалобы, молодая императрица ужаснулась: крестьяне писали, что Салтычиха замучила 75 человек. Екатерина поручила расследовать это дело Московской юстиц-коллегии. Но тут на следователей начали оказывать давление очень влиятельные люди. Следствие продолжалось 6 лет, однако всё же было доведено до конца.

Сотрудники юстиц-коллегии заявили однозначно, что столбовая дворянка Дарья Салтыкова повинна в смерти 38 своих крепостных крестьян, а смерть ещё 26 человек ей «оставлена в подозрении». В городском доме Салтычихи удалось найти бухгалтерские книги, в которых было зафиксировано, кому какую взятку давала хозяйка, чтобы избежать наказания после предыдущих челобитных крестьян.

Вот кто брал взятки помещицы-убийцы: начальник полицейстерской канцелярии Молчанов, прокурор сысского приказа Хвоцинский, присутствующие сысского приказа Вельяминов-Зернов и Михайловский, секретарь тайной конторы Яров и даже архивариус сысского приказа Пафнутьев. Разве же при такой «крыше» простые крепостные крестьяне могли достучаться до правосудия?

Когда дело было передано в суд, судьи тоже почувствовали давление со стороны некоторых знатных особ. Судебное разбирательство длилось больше трёх лет, и всё же вина Салтычихи в смерти 38 крестьян была признана доказанной. А вот приговор судьи выносить не стали, передали эту свою обязанность императрице. Екатерина тоже не сразу собралась с духом, несколько раз переделывала проект приговора. Наконец он был оглашен. Императрица лишила Салтыкову дворянского звания,

ей было запрещено упоминать о своих родственных связях с другими дворянскими родами. Но главное – её приговорили к пожизненному заключению в подземной тюрьме без света и человеческого общения. Свечной огарок заключённой выдавали только на время приёма пищи, а разговаривать разрешалось лишь с начальником караула и женщиной – монашкой.

В этой яме Салтыкова провела 33 года и умерла в возрасте 71 год.

Помещиков–самодуров в России было немало, но уйти от них никто из крепостных крестьян не мог, жаловаться на непомерные поборы и притеснения местным чиновникам было бесполезно. Правда, был еще царь, в которого русские мужики всегда верили, но все знали: до Бога высоко, до царя далеко. Что же оставалась крестьянину? Либо терпеть, либо бунтовать. Народ на Руси испокон веков был терпелив. Он стойко переносил любые жизненные невзгоды, которые закаляли его, делали сильнее. Способность долго терпеть боль, молча сносить обиды стала национальной особенностью русского человека. Это его качество нашло отражение в пословице: «мужик медленно запрягает, зато очень быстро едет». Действительно, когда дело доходило до бунта, никому из обидчиков не казалось мало.

В отечественную литературу русский бунт вошёл как бессмысленный и беспощадный. Оно и понятно: бунтарями ведь становятся люди, доведённые до крайности, до отчаяния, вызванного безысходностью. От человека в таком состоянии трудно требовать высоких мыслей, им в эти моменты, надо полагать, движет не столько разум, сколько накопившаяся злоба, чувство мести, стремление воздать своему мучителю должное за все причинённые им обиды. Отсюда нередко на второй план уходит главное, ради чего вспыхивает бунт – восстановление справедливости.

Образец классического русского бунта – бессмысленного и беспощадного – мы находим в историческом очерке Николая Костомарова «Царь Алексей Михайлович», посвящённом жизни и деятельности отца Петра I. Алексей Михайлович был не только тишайшим самодержцем, но и большим любителем пышности, блеска во всем. Он, по словам историков, стремился стать

олицетворением нации, как Иван Грозный, однако дальше внешних признаков величия дело не пошло. Вот как отозвался о нём англичанин Карлейль, побывавший в то время при московском дворе:

«Двор московского государя так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московский... Подданные, ослеплённые его блеском, приучаются тем более благоговеть перед царём и чествуют его почти наравне с Богом».

На московских улицах Алексей Михайлович появлялся во всём великолепии. Его кареты или сани были всегда ярко, празднично украшены, самодержца, кроме охраны, сопровождала свита знатных людей. Перед царём мели улицы и разгоняли народ. Люди, увидев этот картеж, прижимались к домам или заборам и падали ниц. Встречные конные спрыгивали на землю и падали ниц вместе со всеми. Жители домов отходили от окон.

А вот в делах тишайшего царя такого величия не было. В отличие от Ивана Грозного, который не доверял своим вельможам и при уличении их в казнокрадстве, мздоимстве, предательстве казнил невзирая на лица, Алексей Михайлович полностью отдал исполнительную власть боярам и высшим чиновникам, что очень скоро привело к массовым злоупотреблениям в государственном аппарате. Усилились притеснения торгового, ремесленного, тяглового люда, возросли поборы, простой народ, обращаясь в казённые приказы, всё более испытывал на себе беззаконие и произвол. На самых ненавистных чиновников люди писали челобитные царю, однако эти бумаги доходили лишь до соответствующих приказов, попадали к тем же чиновникам и дальше не продвигались. Недовольство властью начало охватывать всё большие слои населения. Наблюдавшие за московской жизнью иностранцы отмечали, что это только на первый взгляд кажется, будто русский народ всецело предан своей власти, на самом же деле он более, чем какой-либо другой народ в Европе, склонен к бунту, восстанию. Это наблюдение вскоре подтвердилось.

В 1647 году правительство Алексея Михайловича ввело солевую пошлину, вызвавшую в народе большое возмущение.

Люди стали платить за пуд крайне нужного им продукта на две гривны больше, чем прежде. Это сразу же повлекло рост цен на солёную рыбу, являвшуюся тогда одним из самых распространённых продуктов в России, особенно в Москве. Были введены и другие, явно надуманные поборы, которые люди связывали с именем главного советчика царя – боярина Морозова и начальника земского приказа Плещеева. Это переполнило чашу народного терпения, в Москве вспыхнул бунт. Вот как описывает его Николай Костомаров:

« Никакие просьбы не доходили до царя; всякое челобитье решал Морозов или его подручники. Наконец, толпы народа стали собираться у церквей на сходки, положили остановить царя силою на улице и потребовать у него расправы над его личими слугами.

28 мая 1648 года царь возвращался из Троицы; толпа остановила его; некоторые схватили за узды его коня; поднялся крик, требовали, чтобы царь выслушал народ. Жаловались на Плещеева, просили сменить его и назначить на его место другого. Мольбы сопровождались, по обычаю, замечаниями, что «иначе народ погибнет вконец». Молодой царь испугался такой неожиданности, не сердился, но ласково просил народ разойтись, обещал разведать все дело и учинить правый суд. Народ отвечал ему громкими изъявлениями благодарности и провожал желаньями многолетнего здравия.

Может быть, дело этим и кончилось, но тут некоторые из подручников Морозова и благоприятелей Плещеева бросились на толпу с ругательствами и начали кнутьями бить по головам...

Толпа пришла в неистовство и начала метать камнями. Приятели Плещеева бросились опрومتью в Кремль. Стрельцы, стоявшие в карауле в Кремле, с трудом могли удержать толпу от вторжения во дворец.

Толпа все более и более разъярялась и кричала, чтобы ей выдали Плещеева на казнь.

Тогда попытался выйти на крыльцо всемогущий боярин Морозов, но вид его только более озлобил народ. Его не слушали, ему не давали говорить и вопили: « Мы и тебя хотим взять! »

Морозов поспешно удалился во дворец.

Неистовая толпа бросилась на дом Морозова, в котором оставалась его жена. Народ разломал ворота и двери, ворвался в дом; всё в нем было перебито, изломано, из сундуков вытаскивали золотые ткани, меха, жемчуг; всё было поделено; сорвали с икон богатые оклады и выбрасывали на площадь; один из верных слуг Морозова осмелился сказать что-то противное народу он был немедленно выброшен из окна и зашибся до смерти. Боярыню Морозову не тронули, но сказали ей: «Если бы ты не была сестра царицы, то мы тебя изрубили бы на куски!» Ограбивши дом, москвичи ограбили все боярские службы, разбили богатую карету, окантованную серебром, подаренную царём на свадьбу Морозова, добрались и до погребов, где стояли бочки с медом и винами, разбили их, ...по колено ходили в вине и перепились до того, что многие тут же умерли.

Расправившись с домом Морозова, толпа бросилась на дворы разных его благоприятелей, разнесла дома Плещеева и Траханиотова, которых, однако, не нашли. Ограблены были также дворы бояр князей Одоевского, Львова и других...

Кремль между тем затворили, а народ, учинивший свою расправу, опять бросился к Кремлю требовать выдачи своих лиходеёв... Тогда во дворце решили пожертвовать Плещеевым и вывели его из Кремля в сопровождении палача. Народ не дал палачу исполнить казнь, вырвал у него из рук Плещеева и заколотил его до смерти...

На другой день толпа снова бросилась к Кремлю требовать Морозова и Траханиотова. Царь, чтобы спасти Морозова, решился пожертвовать Траханиотовым... По царскому приказанию, в угодность народу, его водили с колодою на шее по городу, а потом отрубили ему голову.

Было уже за полдень. Доходила очередь до Морозова. Вдруг на Дмитровке вспыхнул пожар и быстро распространился по Тверской, Петровке, дошел до реки Неглинной; наконец, загорелся большой кружечный двор, или кабак. Толпа в неистовстве бросилась на дармовую водку; спешили разбивать бочки, черпали шапками, рукавицами, сапогами и перепились до того, что многие тут же задохнулись в дыму. Пожар потух только к

вечеру. Народ говорил, что он прекратился только тогда, когда догадались бросить в огонь тело Плещёва».

Тут давайте передохнём. И вернемся к началу события, чтобы вспомнить, как начинался бунт. Были ли у него зачинщики, призывавшие к погромам и грабежам, жаждущие крови? Нет, такого не наблюдалось. Озлобленный чиновничьим бес-пределом народ отважился на крайность – остановил карету самого царя!!! Но исключительно для того, чтобы сообщить своему обожаемому государю правду, которую от него утаивали бояре. А также просить о замене одного из высших, самых ненавистных, чиновников. Когда же царь ласково обещал разобраться и учинить правый суд, народ возликовал. Больше-то ничего ему и не требовалось. Это еще был не бунт, а как бы мирная демонстрация.

Но дальше случилось то, что привело к бунту – власть в лице «благоприятелей» того самого боярина, отставки которого просили люди, начала бить просителей кнутом. Не по приказу, а вопреки воле царя, только что высказанной им. Кто же такое стерпит? Может ли человек остаться равнодушным, когда ему затыкают рот, лишают законного права обращаться к верховной власти с нижайшей просьбой? Поэтому все дальнейшие действия москвичей следует считать спровоцированными самой властью в лице бояр и их «благоприятелей». То есть власть сама стала организатором бунта.

Ну а затем народ уже действовал, не вполне сообразуясь со здравым смыслом. Ему хотелось возмездия, адекватного тем преступным действиям, которые совершали бояре именем царя в течение жизни последнего поколения. Этих преступных действий, оставшихся безнаказанными, было так много, что накал страстей толпы, как и бывает, превзошёл все пределы.

Теперь, переведя дух, посмотрим, чем закончилось это во всех отношениях поучительное событие. После такого огромного пожара москвичам уже было не до бунта, они с трудом приходили в себя. Это дало возможность Алексею Михайловичу принять экстренные меры по предупреждению дальнейших беспорядков. Знающий нашу историю читатель наверняка уже подумал, что «тишайший» царь поднял стрельцов и устроил рас-

праву над бунтарями. Ничего подобного. Он поступил так, как подобает правителю, желающему добра своей стране и народу. Алексей Михайлович сдержал слово, данное им остановившим его на улице людям: убрал из приказов чиновников, чьи фамилии они ему назвали. После этого москвичей стали скликать на площадь перед Кремлем, чтобы они выслушали обращение царя. Снова предоставим слово Николаю Костомарову:

«В назначенный день царь явился на площади и произнёс народу речь. Он не только не укорял народ за мятеж, но как бы оправдывал его, сказал, что Плещеев и Траханиотов получили достойную кару, обещал народу правосудие, льготы, уничтожить монополии и царское милосердие. Все это клонилось к тому, чтобы спасти Морозова. Царь его не оправдывал, но выразился в таком смысле:

– Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, великий государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать любовь, верность и доброе расположение, если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим, лишь бы только нам, великому государю, не выдать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и возрастил нас. Мое сердце не вынесет этого!

Из глаз царя полились слезы. Народ был тронут, поклонился царю и воскликнул:

– Многие лета великому государю! Как угодно Богу и царю, пусть так и будет!»

Таким образом, московский бунт закончился благополучно для обеих сторон, хотя мог бы перерасти в крупное кровопролитие. Этого не случилось благодаря мудрости, проявленной Алексеем Михайловичем. Его действия в критической ситуации, безусловно, заслуживают самого горячего одобрения и могут служить примером для всех государственных деятелей такого уровня. К сожалению, в дальнейшей нашей истории ничего подобного мы не видели. После второго Романова российские правители никогда больше не находили нужным каяться перед народом за свои грехи и ошибки. Разве что Ленин в 1921 году после провала придуманной им «продразверстки» и политики

«военного коммунизма» признал, что он «виноват перед рабочими», да Ельцин попросил у россиян прощения в последний день пребывания у власти. Вот и всё.

Между тем расправа над высокопоставленными взяточниками в Москве разбудила народ и в некоторых других городах. Там тоже начали собираться толпы и громить дома чиновников-мздоимцев. Можно было ожидать, что волнение перекинется и на сельскую местность. Однако этого не произошло. Протесты мужиков против закабаления, конечно, были, но они не стали массовыми и не выходили за пределы отдельных волостей и уездов. Основная масса крестьян не склонна была к беспорядкам.

Тем не менее, в сознании многих сегодняшних граждан, если не всех поголовно, укрепилось мнение, что в XVII – XVIII веках – после введения крепостного права - история России чуть ли не сплошь состояла из антикрепостнических крестьянских волнений, едва не опрокинувших царский трон. Нынешние ветераны и безусая молодёжь назовут вам и их предводителей: Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачёв, Кондратий Булавин. Эти имена у людей на слуху со школьной скамьи, они в советское время вошли во все энциклопедические издания, которые и сейчас имеются в любой библиотеке.

Конечно, названные бунтари попали в историю не случайно. Но после тщательного изучения исторических фактов вряд ли у кого повернётся язык назвать их вождями антикрепостнических восстаний, борцами за лучшую долю крестьян. Таковыми эти люди стали значительно позднее, когда за дело взялись советские историки.

В советской историографии вообще многое не совпадает с реальными событиями прошлого. К сожалению, после Октябрьской революции эту уважаемую науку очень тщательно подчищали, подправляли и приводили в соответствие с требованиями марксистско-ленинского учения, не только в Приамурье, но и по всей стране. Делалось это без лишних научных дискуссий: что соответствует марксизму-ленинизму, а что нет, решали не ученые, а идеологи ЦК КПСС.

По мнению этих идеологов, в российской истории было очень много событий и фактов, которые никак не укладывались в рамки самого передового в мире учения. Взять хотя бы Соборное уложение 1648 – 1649 гг., провозгласившее в России крепостное право. Такой антинародный акт, лишивший гражданских прав большую часть крестьянства, по мнению большевиков, не мог принять выборный орган, состоящий из представителей всего народа, в том числе из крестьян. В соответствии с теорией Маркса о непримиримости классовых интересов в обществе, закабалить мужиков должен был не Земский собор, а кровопивец-царь – главный помещик страны.

По указанию ЦК эту «оплошность» истории ученые быстро исправили. Нашелся и подходящий царь – Борис Годунов, на которого в XIX веке уже падало подозрение, будто именно он ввел крепостное право. Но тогда в ходе научной дискуссии во всем разобрались и Годунова реабилитировали. А теперь дискуссии не проводили, приговор был состряпан за закрытыми дверями. Фактов в нём, правда, не оказалось, их заменили предположениями и рассуждениями типа «вероятно, какие-то крепостнические мероприятия при Борисе Годунове все же проводились». На основании этих предположений и вынесли вердикт: в крепостном праве повинен.

А вот с крестьянскими восстаниями оказалось сложнее. Согласно теории классовой борьбы в стране с преимущественно сельским населением, лишенным элементарных гражданских прав, их должно быть – пруд пруди. Но, увы... пришлось для подтверждения теории причислять к таковым даже те бунтарские выступления разношерстного люда, которые ничего общего с интересами крестьян не имели. Например, в 1071 году в вольном Новгороде, поддавшись увещанию волхвов, горожане поднялись против своего епископа. Руководил выступлением один из волхвов – самый уважаемый в городе. Местный князь Глеб Святославович умирил недовольных, тем дело и кончилось. Однако теперь даже это малозначащее волнение горожан внесли в реестр крестьянских волнений.

Такая же метаморфоза произошла и с выступлением народного ополчения под руководством Ивана Болотникова

(1606-1607 гг.). Оно в средние века было единственным, едва не опрокинувшим царский трон. Но, как уже говорилось в главе о «смутном времени», Болотников собирал свою рать не для борьбы против крепостничества, а с целью свергнуть незаконного царя Василия Шуйского и вернуть на престол сына Ивана Грозного Дмитрия. Однако в трудах советских историков, в том числе в «Большой Советской Энциклопедии» и 560-страничной «Истории СССР с древних времен до 1861 года», по которой учились студенты педагогических вузов, эта война названа антифеодальной и антикрепостнической, а сам Болотников превратился в военного холопа князя Телятевского, то есть в человека, пленённого князем в каком-то сражении и обращённого в рабство, как тогда было принято на Руси. Хотя никакого пленения Болотникова Телятевским не могло быть, потому что, если помнит читатель, будущий предводитель ополченцев с малых лет до 1606 года пребывал на чужбине и впервые встретил князя Телятевского лишь после возвращения в отечество, когда ему и предложили возглавить ополчение.

Авторы этих изданий признают, что войско Болотникова не было чисто крестьянским, а представляло из себя «сложный конгломерат разных сил»: тут, конечно, были и крестьяне, и холопы, но главным образом – служилые, в том числе стрельцы, и посадские, то есть жители городов и торгово-промышленных поселков. К ним примкнули, как сообщается в «Истории СССР...» отряды дворян, а также авантюристы князя Телятевский и Шаховский. Что это за дворяне? Почему они, будучи крупными землевладельцами, вдруг поддержали крестьян, выступивших против помещиков и крепостного права? В честь чего в одной кампании с крестьянами оказались даже князья, которые были вхожи к царю? В силу своего авантюристического склада?

Об этом советские источники умалчивают. Но мы то уже знаем, что братья Ляпуновы, Истома Пашков, Григорий Сумбулов и ещё двести дворян со своими людьми влились в ополчение не для борьбы против крепостничества, а чтобы свергнуть Василия Шуйского и возвести на трон Дмитрия. Им хотелось верить, что Дмитрий жив, что с его приходом на Руси будет

наведён порядок. Телятевский, Шаховский и Молчанов отправились из Москвы в Северскую землю, чтобы найти там человека, похожего на первого Лжедмитрия и с помощью народного ополчения возвести его на трон. Поэтому-то, когда появился Болотников, обладавший качествами воеводы, князя Шаховский и Телятевский охотно стали его помощниками. В этом не было никакого авантюризма – наоборот, всё выглядело убедительно: два князя служили не кому-нибудь, а вроде как законному наследнику престола.

Крестьянская война против крепостничества, читаем далее в «Истории СССР...», покатила по России, как огненный пал. Она охватила весь Северо-Запад и Юг страны, среднее и нижнее Поволжье вплоть до Астрахани. Её поддержали 70 городов, повстанцы наголову разгромили царские войска под Кромами, Ельцом, на реках Угре, Лопасне и уже через 3 месяца после начала военных действий, в октябре 1606 года, осадили столицу.

Картина грандиозная, не правда ли? Где уж было устоять царской армии, если против неё выступили крестьяне и холопы всех русских земель да ещё и посадские люди семидесяти городов! Только вот почему перечисленные выше победы были одержаны лишь войском под непосредственным командованием самого И. М. Болотникова на пути следования из Северной земли к Москве, а в других местах не было ни побед ополчения, ни захвата земли крестьянами, ни погромов барских усадеб, никто не требовал у власти отмены крепостного права? Почему, когда под Москвой войско Болотникова было разбито и откатилось к Туле, никто из других земель и городов не поспешил на помощь к своему предводителю, хотя он держал там осаду в течение четырёх месяцев?

А потому и не выдвигали ополченцы антикрепостнических требований, потому и поддержать Болотникова в роковую минуту оказалась некому, что никакого антикрепостнического крестьянского восстания, как и самого крепостного права в России, тогда не было, а те 70 городов – Белгород, Елец, Оскол, Тула, Кашира, Калуга, Можайск, Орёл, Рязань и т. д., которые якобы поддержали восставших крестьян, на самом деле всего лишь выступали против незаконного, запятнавшего себя обманом и

предательством, не способного к управлению государством царя и требовали вернуть на трон законного наследника – сына Ивана Грозного.

Как видим, «крестьянское восстание против крепостничества» под предводительством И. И. Болотникова оказалось вовсе не таким, каким его представляет советская историография. Тем не менее, сам Иван Исаевич заслуживает доброй памяти потомков. Оказавшись в центре важных для страны исторических событий, он не искал личной выгоды, не преследовал карьерных целей, а стал делать то, к чему его призвал народ, искренне веря, что это – на пользу отечеству. Поход Болотникова на Москву не сопровождался погромами и мародёрством, что мы видим при следующих восстаниях и бунтах. Ополченцы до конца исполнили свой долг, и не их вина, что так получилось.

Второе грандиозное «крестьянское», по версии советских историков, восстание произошло почти чрез три четверти века. К этому времени крепостное право действительно стало неотъемлемой составной частью жизни российской деревни, крестьяне и помещики осваивались со своим новым положением. В связи с прикреплением мужиков к земле началось переобразование поместных владений в вотчинные, все наделы обращались в частную собственность. Постоянно происходили споры господ из-за границ наделов, в которые были вовлечены и крестьяне. Запылали барские усадьбы – это палили друг друга не поделившие землю соседи-помещики. И хотя в этой междоусобной помещичьей войне принимали участие также и крепостные крестьяне, чтобы отстоять для своего барина некий клочок земли, нет никаких оснований считать заварушку сию крестьянским восстанием, да ещё направленным против крепостного права.

Однако именно в это время на юге России, в Донской земле, случилась великая смута, которую организовал и возглавил местный казак Степан Разин.

Донские казаки тогда делились как бы на две категории. Одни, старые, коренные, охраняя границу, занимались хлебопашеством и за службу царю были освобождены от налогов. Более зажиточные у них назывались «домовитыми». Другие, появившиеся позднее, предпочитали земледелию праздный об-

раз жизни, главным их занятием было «ходить за зипунами», то есть грабить соседей – крымских татар и даже владения персидского шаха. Это была разгульная голытьба, состоящая из беглых крестьян и скрывающихся от уголовного наказания убийц, мародёров, насильников и прочего преступного люда, который стекался в эти края отовсюду, зная, что «с Дона выдачи нет». Атаманом такой голытьбы и стал 37- летний Разин, называемый в казачьей среде Стенькой.

К этим годам Стенька уже обладал всеми качествами предводителя, которые вскоре помогли ему всколыхнуть едва ли не всю Россию. Вот что пишет о нём непревзойденный специалист по созданию портретов исторических деятелей Николай Костомаров: «Стенька Разин был человек крепкого сложения, необыкновенно предприимчивый и деятельный, человек непреодолимой воли, которая одна могла заставить преклоняться перед ним толпу, своенравный и непостоянный, и вместе с тем неуклонный в принятом намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения... Толпа чуяла в нём какую-то небывалую силу, перед которой нельзя было устоять, и называла его колдуном. Жесткий и кровожадный, он забавлялся как чужими, так и своими собственными страданиями. Закон, общество, церковь – всё, что стесняет личные побуждения человека, стали ему ненавистны. Сострадания, честь, великодушие были ему незнакомы. Это был выродок неудачного склада общества: мстью и ненавистью к этому обществу было проникнуто всё его существо... Люди, лишённые всякого крова, зачастую голодные, готовые на всякий бунт и разбой, нашли в нём своего батюшку».

Собрав ватагу в две тысячи человек и получив от неё звание атамана, Стенька в 1667 году отправился за «зипунами» в Персию. Однако поход оказался неудачным – турки наглухо перекрыли все выходы к Крыму и Азовскому морю. Тогда он повел своих удальцов на Волгу и начал грабить свои российские струги с казёнными, патриаршими и частными товарами. Захватил караван с хлебом для Москвы, баржу с ссыльными, которых везли в Астрахань. Последних он отпустил на свободу, но пред-

ложил присоединиться к нему тем, кто пожелает, что все и сделали.

Наконец, казачий флот, состоявший вначале всего из четырёх стругов, вырос до тридцати, а «зипунов» казаки собрались столько, что в Персии такое количество не всегда удавалось взять. Однако после неслыханного грабежа соотечественников, освобождения ссыльных и убийства подданных государя эти разбойные казаки попали в разряд воров, за что им полагалась великая кара. Теперь войско Стеньки не могло уйти даже на Дон, защищаемый всем казачеством, а также вековыми традициями, облечёнными в формулу: «с Дона выдачи нет!» Понимая это, Стенька направил свои струги в низовья Волги – подалее от царских стрельцов. Из первого же города, встретившегося на пути его каравана, Астрахани, по вора́м открыли огонь крепостные пушки. Но - о, чудо! - ни одно ядро не задело казацких стругов. Казаки посчитали, что спасли их от неминуемого разгрома колдовские чары Разина.

Достигнув Каспийского моря, Стенька вошёл в устье реки Яик. Поднялся к крепости с таким же названием и взял её без единого выстрела, поразив сотоварищей воинской смекалкой. Для этого он с тремя казаками проник в крепость под видом богомольцев, а ночью, перебив стражу, открыл ворота для остальной ватаги. Тут же стрелецкому голове, всем мало-мальским начальникам и многим стрельцам, по выбору лично атамана, отрубили головы. После этого Стенька во второй раз провозгласил свой принцип, сказав: «Даю всем волю. Кто хочет – присоединяйтесь ко мне, милости прошу, а кто не хочет – идите с миром куда хотите».

Похоже, атаман ожидал, что, как и освобожденные им ссыльные арестанты, все оставшиеся в живых стрельцы тоже присоединятся к нему, но просчитался: одни остались, а другие ушли. Когда об этом доложили Разину, он в гневе приказал догнать безоружных людей и изрубить. Такой оказалась дарованная им воля.

После этого Стенька всю зиму отсиживался в Яике, постоянно ожидая царское войско. Но оно слишком долго снаряжалось. По весне Разин вместе со своей воровской ватагой исчез

из тех краёв на целый год. Власти искали его, но не нашли. Позднее выяснилось, что в лето 1668 года он грабил западное побережья Каспия, сжег все поселения от Дербента до Баку и перебил там великое множество людей.

Персидский шах собрался было выслать навстречу чужеземным пришельцам войска, но Стенька его упредил, во второй раз проявив военную смекалку: направил к шаху посольных с известием, что атаман Степан Разин с казаками преследуется русским царём, а потому хочет принять персидское подданство и служить шаху верой и правдой. Поговаривали, что шах, услышав это, даже прослезился и велел не чинить русским препятствий, пропустить их в столицу. Но Стенька, воспользовавшись оплошностью персов, ограбил все окрестные города и ушёл на восточное побережья Каспия, не подвластное шаху.

Словом, погуляв по тем местам, Разин в 1669 году с большой добычей вернулся к родным берегам на стругах, до краёв забитых награбленным товаром. Но как появиться на малой родине, если ты виноват перед большим отечеством? И он решил идти к властям с повинной. Встретивший ватагу в низовьях Волги Астраханский голова принял у Стеньки в знак покорности бунчук – символ атаманской власти и согласился пропустить флотилию при условии, что Стенька вернет казне всё, что уже награбил на Волге – струги, пушки, товар, пленных. Стенька согласился с радостью. Тогда астраханский голова привёл его к присяге на верность царю и разрешил плыть по Волге к Астрахани.

Войско Разина, сократившееся за время похода до 1700 человек, остановилось вблизи этого города. В течении десяти дней казаки ходили по Астрахани в шелковых и бархатных одеждах, усыпанных жемчугом и драгоценными камнями. Сам Стенька разбрасывал на городских улицах направо и налево золотые и серебряные монеты, бросая каждому нищему, чтобы одарить его деньгами. Астраханцы диву давались: казаки величали своего атамана «батюшкой», при встрече кланялись ему до земли, словно царю. На всех казачьих стругах были шёлковые паруса и канаты, что ещё больше делало привлекательными походы «за зипунами» в глазах голытьбы.

После грабежа на Волге и похода в Персию Стенька не только не лишился головы, но и, наоборот, приобрёл авторитет у местной власти. Он задобрил награбленным товаром всех астраханских чиновников, а с самим воеводой несколько раз бражничал. Кончилось тем, что воевода Прозоровский разрешил Стеньке взять струги, чтобы на них доставить оставшийся у него товар до Царицына, откуда казаки должны были перебраться на Дон сухопутьем.

В Царицыне Стеньку уже ждали. Туда донеслась весть о Разине как о богатом и щедром человеке, которому во всём сопутствует удача. Местный гулевой люд готов был пополнить его ватагу. А Стенька словно забыл о своей вине перед отечеством и о только что данной им присяге царю. Прибыв в Царицын, он повел себя иначе, чем в Астрахани: не как блудный сын, а как победитель. Выпустил из тюрьмы колодников, воеводе пообещал, что зарежет его, если узнает о притеснениях народа, а казаки, гуляя по улицам, грозилась пустить по крышам «красного петуха».

Лишь отправившись с грузом на Дон и, видимо, протрезвев, понял атаман, какую беду во второй раз накликать на себя. Поэтому не пошёл в родную станицу Зимовейскую или Черкасск, столицу донской земли, а, добравшись до реки, обосновался на острове, построил там городок из землянок, окружил его валом и установил постоянную охрану. Здесь можно было не опасаться, что, если Москва пришлёт стрельцов, то они застанут казаков врасплох.

Из земляного городка во все концы были отправлены люди, которые быстро разнесли весть, что атаман Разин готов принять на своем острове каждого, кто пожелает присоединиться к нему, и что товаров у него хватит на всех.

Гольтьба дружно откликнулась на призыв – вскоре ватага выросла до 2700 человек. С такой силой Стенька уже мог и за себя постоять в случае опасности.

Между тем в Москве недоумевали: как мог Астраханский воевода Прозоровский выпустить на свободу такого преступника с воровской шайкой? На Дон отправили группу людей проверить, что там и как, а заодно передать донскому атаману грамоту

с перечнем царских милостей казакам. Атаман Корнилов принял грамоту с поклоном, зачитал её на круге, казаки благодарили царя - батюшку за его милость. Но на следующий день в Черкасск явился Стенька со своей ватагой. Он сразу понял, что посыльные из Москвы прибыли по его душу, схватил их, главного утопил, а остальных приказал взять под стражу, словно он, а не Корнилов, был здесь настоящим, законным атаманом. Таким образом, Разин, являясь выборным предводителем небольшой группы, противопоставил себя и законному атаману, и казачьему кругу, и московскому правительству. С этого и начался его знаменитый поход по волжским городам, названный советскими историками «крестьянским восстанием против крепостного права».

Ни о каком крепостном праве Стенька наверняка и не слыхивал. Его не интересовало, как и чем живут крестьяне. Призывая братию идти на Волгу, он не мог вразумительно объяснить: зачем? И только объявлял громогласно: бить бояр! Фактически ничего больше ему и не оставалось, так как за уже содеянное его в любом случае ожидала виселица. После бунта в Черкасске нельзя было ему оставаться и среди своих в надежде, что Дон защитит.

Поход на Волгу начался в мае 1670 года. Вскоре под знамёнами Стеньки было уже 8-10 тысяч человек. Атаман и теперь постоянно проявлял военную хитрость, что приносило ему успех. Например, штурм Астрахани он начал не с утра, как обычно, а ближе к вечеру и только с одной стороны города. Натиск здесь был так велик, что астраханцы переместили сюда своих людей с других участков. Вскоре опустели сумерки, защитники думали, что теперь напор ослабнет, но он ещё больше усилился. А тем временем большой отряд, сидевший в засаде, подкрался под прикрытием темноты с другой стороны и начал без помех взбираться по лестницам на стены. Вскоре астраханцы это заметили, но было поздно.

Воевода Прозоровский был ранен в живот, его отнесли в церковь и положили на ковёр. Здесь же собрались еще больше четырёхсот человек, в основном женщины с детьми. К утру казаки Разина добрались до церкви. Всем связали сзади руки, уса-

дили людей вдоль колокольни. Суд вершил сам Стенька. Начал со своего недавнего благодетеля, который в прошлый раз простил всю его воровскую ватагу и даже отдал ей струги. Подойдя к лежавшему Прозоровскому, Разин подал ему руку, поднял на ноги, отвёл к краю рва и, что-то сказав, сбросил его вниз головой. Затем коротко приказал порубить всех остальных.

Вновь предоставим слово одному из основателей российской историографии Николаю Костомарову. Вот что он пишет:

«Имущество убитых было подуванено (очевидно, поделено – А. К.)... Ограблены были церкви и торговые дворы, товар тоже делили. Астрахань была обращена в казачество. Стенька пробыл в этом городе три недели и почти каждый день бывал пьян. Он обрекал на мучения и смерть всякого, кто имел несчастье не угодить народу. Тех резали, тех топили, иным рубили руки и ноги, пускали ползать и истекать кровью... Тех, кто высказывал сострадания к жертвам, закалывали до смерти».

Но за этим неблагоприятным занятием Стенька не забывал и о деле: готовил почву для дальнейшего похода. Всюду были разосланы его лазутчики с «прелестными» стенькиными письмами для городской голытьбы и стрельцов. В них казачий атаман Степан Тимофеевич Разин извещал, что идет истребить «всех бояр, дворян и приказных людей, искоренить всякое чиновачалие и власть, установить казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен». Всё! Ни об отмене крепостного права, ни о наделении крестьян землей, ни о других проблемах, волнующих крестьян, в «прелестных письмах» не говорилось. На словах лазутчики получали задание рассказывать городской голытьбе и рядовым стрельцам, как хорошо людям в стенькином войске и что в стране станет еще лучше, если будет перебита вся власть.

Безусловно, думал Стенька и о том, чем закончится этот его поход. Он понимал, что разношерстный сброд, охочий до грабежей и пьянок, но не искусный в военном деле, не выдержит и первого столкновения с регулярной царской армией. Что в результате его ждёт неминуемый разгром и казнь. Поэтому одновременно с лазутчиками отправил посольство к крымскому хану и персидскому шаху, предлагая им присоединится к его

походу. В случае их поддержки можно было бы хорошо пограбить волжские города, а потом уйти в Крым или Персию.

Между тем дела у стенькиного войска пока шли неплохо. С мая по сентябрь 1670 года он, кроме Астрахани, захватил Царицын, Камышин, Саратов, Самару. Везде было немало людей, поддержавших Стеньку. Воеводы там были повешены, дворяне и приказные люди перебиты. Жителей разделили на сотни, как принято в казачестве, вместо воевод Стенька назначил атаманов. По всем направлениям он отправил вооружённые шайки, которые именем «батюшки Степана Тимофеевича» стали мутить народ, призывая его убивать всякое начальство, провозглашать вольное казачество. Во многих местах этим шайкам удавалось поднять мятежи. В руках мятежников оказались города Саранск, Корсунь, Пенза, Верхний и Нижний Ломов, где тоже перебили власть и объявили казачество. Но что делать дальше с этим казачеством, никто не знал.

Кроме шаек, посланных лично Разиным, чтобы мутить народ, появились и самозванные, действовавшие тоже от имени «батюшки Степана Тимофеевича». Они грабили небольшие поселения, жгли барские и прочие дома, творили над людьми всякие бесчинства. Особенно свирепствовала банда под руководством попа Саввы. Она терроризировала целый Темниковский уезд в Симбирской земле, устраивала насилие над женщинами.

А что же крестьяне? Много ли их удалось поднять на мятеж Стенькиным агитаторам? Не надеясь, что сельские мужики, имеющие дома и семьи, прельстятся казачьим званием, Стенька приказал своим людям сжигать целые деревни, а когда люди лишились жилья, скота и домашнего скарба, их стали сгонять в шайки и заставляли бить помещиков. Так во многих местах крестьяне оказались в войске Разина.

В начале сентября мятежное войско дошло до Симбирска и осадило этот город. Стенька с нетерпением ожидал подмоги от крымского хана и персидского шаха, но от них не было никаких известий. Со штурмом Симбирска тоже не заладилось: начальник гарнизона Иван Милославский грамотно организовал оборону. А тут еще пришла весть, что на подмогу Милославскому ведет войска из Казани князь Юрий Барятинский. Наконец-то

правительство направило против возмутителей спокойствия регулярную армию!

Стенька вышел навстречу Барятинскому и дал бой в семи километрах от города. Но воровские шайки, из которых состояла его войско и которые хорошо умели лишь грабить, ничего не могли поделать против солдат, обученных воевать. К ночи грозный атаман понял, что сражение проиграно, и с группой донцов, проводивших с ним зиму на острове, тайно скрылся. А утром среди оставшихся, когда они увидели, что «батюшка Степан Тимофеевич» их предал, возникла паника. Барятинскому ничего не оставалось, как завершить разгром.

Началась расправа над участниками восстания. И тут открылась любопытная картина. Многие крестьяне уверяли, что их заставили примкнуть к восстанию силой: мол, сначала воровские шайки сожгли их деревни, уничтожили скот и весь скарб, а потом самих принудили идти в ватагу под страхом смерти. Войсковое начальство провело следствие и установило, что многие деревни действительно сожжены дотла. Не могли же их спалить сами крестьяне, которые в них жили! Выдав таким кнута, их приводили к присяге и отпускали. Но много было и таких, кто без принуждения грабил и жёг своих помещиков. Им пришлось понести жестокую кару.

Волжский берег у Самары был уставлен виселицами. Если верить очевидцам, на каждой висело по сорок человек и даже больше. Многих сажали на кол и заставляли долго мучиться, других драли крюками. В то время такие наказания за преступления были в порядке вещей. А Стенька тем временем уже добрался до Дона и снова начал мутить народ. Но его даже в Черкасск не пустили. Домовитые казаки скрутили «батюшку» и выдали власти. В следующем 1671 году, 6 июня, Стеньку казнили в Москве, на Лобном месте. По некоторым подсчётам, за те несколько месяцев 1670 года, когда шайка Разина гуляла по Волге, и следующую зиму, когда чинилась расправа над восставшими, в стране погибло до 100 тысяч человек. Наверное, немногие из тех, кто пошёл за Стенькой и ни за что ни про что убивал людей, смогли бы объяснить, зачем они это делали и ради каких свет-

лых идеалов большинство участников восстания сложило голову.

Не исключено, что были такие, кто раскаялся в содеянном. Но только не сам Стенька. «Батюшку Степана Тимофеевича» не мучило то, что он вверг в страдания тысячи и тысячи людей, грабил и убивал своих соотечественников, жёг крестьянские деревни. Даже перед смертью, испытывая нечеловеческие муки, он упивался тем величием, которого достиг, хотя и на короткий срок. Известны слова, сказанные им брату перед казнью: «Вспомни наше прежнее житьё. Мы прожили его со славою, повелевали тысячами людей. Надо же теперь переносить бодро несчастье».

В середине века на Руси нередко, когда ослабевала власть, появлялись бандитские шайки из отморозков, цель у которых была одна - грабить и убивать, а потом - хоть потоп. Так случилось и на этот раз, только явился «выродок общества» особо крупного масштаба с гигантской волей. Уже первыми своими разбойными походами он заслужил смертной казни и понимал, что не может рассчитывать на прощение. Бежать ему было некуда, вот и крикнул во весь голос: «Бей бояр!»

Надо сказать, расчёт оказался верным. Стенька поднимал народ не против батюшки-царя, в которого простой люд верил, а против властвующих бояр, дворян и лиходеёв-чиновников. Они достали народ своим безмерным мздоимством, беззаконием, неправым судом. Поскольку к батюшке-царю те же бояре народ не допускали, ему, народу, для восстановления справедливости оставалось одно - бунтовать. Правда, на деле это восстание превратилось не в восстановление справедливости, а в массовую месть «всяким начальникам», сведение с ними личных счётов. В этом восстании, как и во всяком бунте, трудно разглядеть какую-либо осмысленную идеологию. Потребовать отмены крепостного права и отдать землю в частную собственность крестьянам никому из его участников и в голову не приходило.

Следующее так называемое «крестьянское» восстание - под руководством Кондратия Булавина - произошло через 37 лет после разинского - в 1707 году, то есть при Петре I. Булавин тоже был донским казаком, но из каких - старожильческих или

новых, беглых, неизвестно. Он появился неожиданно, словно вырос из-под земли и сразу – с претензией на роль Стеньки Разина.

Антинемецкий бунт в соседней Астрахани в 1705 году не затронул донское казачество. Но через два года обстановка накалилась и здесь. Дело в том, что за последние годы сюда уходило всё больше беглых, зная, что отсюда выдачи нет. Это были частично крестьяне, убежавшие от своих помещиков, но не желавшие идти на службу в армию или на флот, наниматься на промышленные предприятия и тем самым получить право на законную вольную. Они предпочитали ходить «за зипунами». Но больше всего среди беглых было всевозможных преступников, скрывавшихся от суда, а также совершивших побег с каторги или из ссылки.

Возникли десятки небольших городков, полностью заселенных беглыми. Они сами себя объявили казаками, и хотя их таковыми никто не признавал, отказались платить подати и выполнять другие повинности, от которых настоящие казаки освобождались в награду за службу государству.

Петр не мог терпеть такого безобразия, когда десятки тысяч граждан сами себя освобождали от налогов. В 1707 году он потребовал от казачьих старшин, чтобы они указали всех беглых, которые на самом деле не являлись казаками. Старшины согласились, выделили присланному из Москвы князю Юрию Долгорукову с небольшим отрядом пять казаков, которые должны были показать, где скрываются беглые.

24 мая малочисленный отряд полковника Долгорукова собирался не арестовывать людей, чего сделать практически не мог, а лишь разыскать их и переписать. Но, судя по всему, он не успел даже приступить к этой работе: в Ульчинском городке, ночью, когда солдаты спали, неожиданно появился Булавин со своей ватагой и всех их вместе с командиром перебил. Затем мятежники прошли торжественным маршем по городкам, заселенным беглыми, и те их встречали хлебом-солью.

Своему окружению Булавин объявил задачу так: надо поднять восстание на Дону и в Малороссии, потом взять Азов и Таганрог, освободить всех ссыльных и каторжных, после чего

огромной армией идти на Воронеж и Москву. Замах, как видим, был не меньшим, а то и большим, чем у Стеньки Разина. А вот такого удара, какой нанёс стране его предшественник, у Кондрата не получилось. В первом же бою с настоящим донским атаманом Лукьяном Максимовым он был наголову разбит и бежал в Запорожье.

Здесь Булавин воспользовался опытом Разина: стал рассылать по всем направлениям агитаторов с грамотами. В них он рассказывал народу, что якобы князь Долгорукий вешал на деревьях младенцев, взрослым обрезал носы и уши, сжигал часовни. Люди слушали агитаторов и негодовали. Ещё большее возмущение вызвал приказ царя, обязывающий всех служащих казаков брить бороды, что в российской армии уже давно делалось.

Когда вскоре Булавин снова начал собирать войско, под его знамёна встало значительно больше людей. Он даже сумел разбить атамана Максимова, что сделало его имя весьма популярным на Дону и в Малороссии. Кондрат тут же возомнил себя вождём народных масс и начал рассылать по городкам и селениям ни много ни мало – приказы, требуя от каждого поселения и станицы направлять в его распоряжение половину своих жителей, чтобы выступить в защиту веры и царя! Так же, как и Стенька, он поначалу не решался объявить войну царю, а призывал громить лишь бояр и немцев, которые - де жгут и казнят народ, вводят русских людей в еллинскую веру. В своих письмах Булавин заранее предупреждал всех, что если «кто или которая станица тому войсковому письму будут противны» им «будет смертная казнь».

Успех или неуспех народных бунтов нередко во многом зависит от предателей. Вот и в данном случае казачья верхушка предала официального донского атамана Лукьяна Максимова, повязала его и выдала Булавину. Наскоро собрали круг из бунтарей, Максимова отрубили голову, а атаманом вместо него избрали Кондрата.

Получив вроде как официальную власть, Булавин сделался ещё круче. Во все концы Донской земли и в Малороссию по скакали гонцы с «прелестными» письмами нового атамана, в

которых тот уже открыто провозгласил, что он поднимает народ не только против новой веры и в защиту старой, но и против царя, который предал старую веру и бречет казакам бороды.

Что же конкретно, помимо старой веры и отмены бритья бород, Булавин предлагал народу? Единственное: как и Стенька, он обещал обратить всех в казачество. О крестьянских же нуждах, их безземелии, необходимости отменить крепостное право ничего не говорилось в его «прелестных» письмах.

Беглые на Дону и в Малороссии в его войско валом валили. Из этих же беглых он назначил атаманов, у каждого из которых насчитывалось по 8 – 10 тысяч воинов. А вот остальное население как на Дону, так и в Малороссии присоединяться к Булавину не спешило, несмотря на угрозы смертной казнь. Поэтому, когда вместо полковника Юрия Долгорукова, убитого Кондратом, пришел с серьезной военной силой его родственник майор Василий Долгорукий, булавинские атаманы начали терпеть поражение за поражением.

И вот тут Кондрат Булавин, выдававший себя за заступника народа и православия, показал своё истинное лицо. Заявив поначалу, что он защищает христианскую веру, он теперь провозгласил, что Донское и Малоросское казачество должно перейти в подданство турецкого султана. И направил султану письмо с просьбой якобы от всех казаков принять их под свою руку.

Такого предательства веры ему простить не могли. Ещё были живы люди, помнившие, чем обернулось для малороссийского народа приглашение турок правобережным гетманом Петром Дорошенко. Поднялся бунт в самом окружении Булавина. Возглавил его близкий друг Кондрата Илья Зерщиков. Когда продолжатель дела Стеньки Разина увидел, что окружён разгрячёнными товарищами и его ждет расправа, то сам пустил себе пулю в лоб. Таким образом этот вожак «крестьянского» восстания, как называли его советские историки, гулял по Дону меньше года: 9 октября 1707 г он совершил свой первый «подвиг», расправившись с отрядом Юрия Долгорукова, а 7 июля 1708 года покончил с собой.

Избранный после этого новый атаман Донского войска от имени всего казачества сразу принёс повинную царю. Василий Долгорукий, выполняя царский наказ, обошёлся с мятежниками милостиво и тем самым положил конец бунту в Донской земле. А вот беглые в Малоросси на прощение не надеялись и ещё некоторое время вели военные действия. Кончилось тем, что их остатки в полторы тысячи человек, может чуть более, ушли к крымскому хану.

Вы усматриваете в этом восстании хоть что-то крестьянское? Я лично – нет.

Из всех народных волнений в XVII – XVIII вв., выдаваемых сегодня за антикрепостнические крестьянские восстания, только выступление Емельяна Пугачёва каким-то боком касалось крестьянских проблем. Оно произошло через сто лет после антибоярской войны Стеньки Разина – в 1773 - 1775 гг. Емельян, как и Стенька, родился в той же станице Зимовейской на Дону, но по своим душевным качествам это был совершенно иной человек.

В 17 лет Пугачев ушел на войну, как теперь сказали бы, добровольцем. Это была знаменитая Семилетняя война, охватившая в середине XVIII века почти всю Европу. В ней участвовали с одной стороны Австрия, Франция, Россия, Испания, Саксония, Швеция, а с другой – Пруссия, Великобритания и Португалия. Русские войска двинулись на Пруссию с востока.

Молодому казаку Емельяну Пугачёву в походе нравилось – он чувствовал себя причастным к большому делу. Там он увидел, как живут бояре, о которых раньше только слышал от бывалых людей. Русским войском командовал боярин Петр Апраксин, имевший чин фельдмаршала. В пути его сопровождал обоз с личными вещами из пятисот подвод. На привале тотчас разбирали дорогие шатры, повара готовили для боярина изысканную еду. Дальше начиналось пиршество с вином, с музыкой, гремели салюты. После этого фельдмаршалу стелили перины, и он шёл отдыхать от утомительного пути. Все знали, что адъютант Апраксина вёз дюжину огромных чемоданов с бальными костюмами фельдмаршала, словно тот ехал не на фронт, а в Париж на бал. Из-за частых остановок и пиршеств командующего

войска шли медленно – по 4-5 вёрст в день, что вызывало возмущение офицеров и генералов.

Но были в русской армии командиры и другого склада. Об одном из них - генерале Василии Лопухине потом долго рассказывали участники войны. Он лично водил солдат в бой и в одном из сражений был смертельно ранен. Пруссаки в это время одолевали. Когда через какое-то время генерал пришел в себя, то первым делом спросил, как идёт сражение. Ему ответили, что дело исправлено, пруссаки бегут. Лопухин с облегчением произнес: «Теперь можно спокойно умереть». И умер.

После долгой Семилетней была русско-турецкая война, продолжавшаяся шесть лет. Пугачёв участвовал и в ней. В свой первый поход он отправился 17- летним рядовым казаком, а к 30 годам стал офицером - хорунжим. В результате войны Россия присоединила к себе Крым, который турки прежде захватили силой. Но сам Пугачёв до конца военных действий не дотянул - его списали по состоянию здоровья.

Вернувшись домой после долгой отлучки, Емельян обнаружил, что жизнь здесь стало более несправедливой, чем прежде. Теперь атаманы, старшины, сотники и прочие мелкие начальники могли как угодно обижать рядовых казаков и последним трудно было добиться правды. Емельян пытался заступаться за обиженных, помогал им писать челобитные более высокому начальству, но дело обернулось так, что его обвинили в подстрекательстве и посадили в тюрьму. Оттуда он бежал на Яик и стал скрываться среди тамошнего казачества. Словом, сама власть толкнула его на бунт.

На Южном Урале в это время было неспокойно. Сюда, в горнозаводские районы, правительство переселило 190 тысяч государственных крестьян, прикрепив их к промышленным предприятиям. Они выполняли такую же работу, как и местные рабочие, но по-прежнему числились крестьянами. Условия для них были непривычные, оплата низкая, поэтому многие начинали роптать. Волновались и старые рабочие, требуя повышения расценок, отмены вычетов, улучшения условий труда и т. д. Начальство не очень-то прислушивалось к этим требованиям, поэтому напряжение нарастало. Назревал бунт.

Вспыхнул он не здесь, а южнее - среди яицкого казачества. Этот бунт не был похож на тот, что сто лет назад учинил на Волге Стенька. Яицкие казаки никого не грабили и не убивали, среди них не было разбойников, бежавших от правосудия. 13 января 1772 года в городке Яицком, том самом, где в зиму с 1667 на 1668 год прятался после грабежа на Волге Стенька, местные казаки устроили шествие с хоругвями и иконами, намереваясь передать прибывшему из Москвы генералу челобитную на своего войскового атамана и некоторых старшин. Однако войсковой атаман и те самые старшины решили этого не допустить – видно, очень уж сильно были виноваты. По мирному шествию был дан ружейный залп. Это всколыхнуло весь гарнизон – такого в казачестве ещё не бывало, чтобы начальство запрещало подавать челобитные да ещё и приказывало стрелять по своим.

Стали стекаться казаки из окрестных станиц, все требовали провести следствие. Однако московский генерал встал на сторону яицкого атамана и старшин, на Яик были вызваны войска для усмирения смуты. Но весть о расстреле шествия с хоругвями и иконами в Яицком городке быстро дошла и до горнозаводских районов, там заволновались рабочие и приписные крестьяне. Пришлось правительству вводить на Южный Урал целый армейский корпус.

Противостояние народа и власти всё более усиливалась, однако ни у казаков, ни у горнозаводских рабочих, ни у приписных крестьян не было вожаков, способных сплотить людей. Для этой цели нужен был человек, который смог бы поднять народные массы словом, знающий, куда их вести, искусный в военном деле и, что не менее важно, с привлекательным прошлым. Всем этим требованиям отвечал Емельян Пугачёв, и он решился.

Как в «смутное время» многие удалыцы выдавали себя за сыновей и внуков Ивана Грозного, так и теперь немало было людей, назвавших себя погибшим в столице царём Петром III. Известны имена 24 самозванцев, претендовавших на престол. Но никому из них не удалось собрать вокруг себя сторонников - эти люди не вызывали у народа доверия. Емельян учёл их ошибки, стал действовать осторожно, с оглядкой. Для начала

собрал небольшой круг надёжных людей – 80 человек. Сказал, что давно присматривается к ним и теперь решил открыть великую тайну. Она заключалась в том, что он, Емельян Пугачёв, на самом деле царь Петр III, выскользнувший из рук убийц и пробравшийся на Урал, чтобы отсюда идти походом в столицу и вернуть корону. Такое время настало, сказал Пугачёв и зачитал свой первый царский манифест. В нём говорилось, что «великий государь Перт III отныне жалует яицким казакам реку Яик и все находящиеся при ней покосы, много пороху, свинца, провианта, хорошее жалованье за службу». Тут же он предложил создать армию и начать борьбу за возвращение ему короны.

Все присутствующие пришли в восторг. Правда, программа облагодетельствования рядового казачества была туманной, так как ни пороха, ни свинца, ни провианта, ни казны у Пугачёва в наличии не было, их предстояло ещё добыть, но люди готовы были ему в этом помочь. К тому же новоявленный «государь» обещал, что в случае получения престола он сместит всех старых вельмож и чиновников, а на их место назначит новых людей - из своего окружения. Понятно, что в этом окружении пожелали быть все слушавшие его.

Весть о новом добром царе и его манифесте тут же разнеслось окрест. Уже на следующий день примкнувших к нему стало 200 человек, эта цифра увеличивалась с каждым днём. 17 сентября 1773 года Пугачёв, имея в отряде уже несколько тысяч восставших, решил идти на Оренбург, где собирался разместить ставку «царя Петра».

Этот поход по южноуральской степи превратился в сплошное триумфальное шествие повстанческой армии. В небольших городах и станицах её встречали колокольным звоном, а самого «царя Петра» – хлебом-солью. Целые казачьи гарнизоны переходили на его сторону. 5 октября это войско подошло к Оренбургу, где находился трехтысячный гарнизон правительственных войск, и начало его осаду.

Осада была трудной и долгой, поэтому ставку пришлось временно разместить в Берде, в пяти верстах от города. Здесь же расположились «военная коллегия», которая распределяла конфискованное у дворян, чиновников и духовенства имущество,

ведала вооружением, снабжением армии продовольствием, создавала военные подразделения и т. д.

Пугачёв завёл печать с надписью «Большая государственная печать Петра III, императора и самодержца всероссийского». Этой печатью он скреплял бумаги, выдаваемые верноподанным. Получив такой документ от самого «царя», они были готовы служить ему верой и правдой. Многих рядовых казаков «царь Пётр» произвёл таким образом в полковники и назначил на руководящие должности.

На подмогу оренбургскому гарнизону был послан генерал Кара с большим отрядом. Генерал не сомневался в своей быстрой и лёгкой победе. Спеша сразиться с повстанцами, он говорил своему окружению, что опасается лишь одного: «как бы сии разбойники, сведав о приближении команды, не обратились в бегство». Однако бегством пришлось спасаться вскоре самому Каре. А через некоторое время Пугачёв разгромил ещё один карательный отряд – полковника Чернышёва. Младший офицер, хорунжий, руководил сражениями не хуже полковников и генералов.

Между тем войско Пугачёва всё более и более пополнялось. К нему присоединились башкиры во главе с Салаватом Юлаевым. Приходили большими и малыми группами горнозаводские рабочие с промышленных предприятий, приписные крестьяне, оставлявшие свои заводы. Временами повстанческая армия достигала 30 тысяч человек. У неё появились свои пушки, отлитые на местных заводах, что было очень кстати при штурме крепостных стен.

Осада города длилась полгода, гарнизон, похоже, защищался из последних сил, но сломить его пока не удавалось. И тут с Волги подошли крупные карательные силы, пришлось прекратить штурм и направить армию против них. Сражение произошло 22 марта 1774 года и длилась 6 часов. Пугачёв потерял 2 тысячи человек убитыми, 4 тысячи ранеными, 36 пушек. Пришлось снять осаду и отступить.

После фактического поражения повстанческая армия отправилась в горнозаводские районы южного Урала. Пугачёв знал, что там народ настроен против власти, и был уверен, что

достаточно будет одного прихода повстанцев, как их ряды значительно возрастут. Возможно, так и произошло бы, но оказалось, что подданные «царя Петра» пришли сюда не за поддержкой крестьян и горнозаводских рабочих. Они принялись громить и жечь заводы, грабить местных жителей, отбирать у них скот и имущество. Пугачевская армия разбилась на многочисленные группы, которые практически ничем не отличались от воровских шайк, из которых сто лет назад состояло войско Степана Разина.

Эти сведения взяты не из дореволюционных источников, в приверженности к которым могут обвинить автора некоторые читатели. Они почерпнуты из уже упоминавшейся монографии «История СССР с древнейших времен до 1861 года», рекомендованной Госкомитетом СССР по народному образованию в качестве учебника для педагогических вузов. Той самой монографии, авторы которой утверждают, что восстания Болотникова, Разина, Булавина и Пугачёва были направлены против крепостного права, на защиту интересов крестьянства. Как же тогда совместить это благородное устремление с массовыми погромами, которые устраивали в селениях южноуральских крестьян «защитники» их интересов?

Народ в горнозаводских районах принялся защищать заводы, на которых работал, свои жилища, имущество. Как уже говорилось, в дни наибольшего прилива сторонников численность армии Пугачёва достигала 30 тысяч человек, но теперь, после поражения под Оренбургом, она значительно уменьшилась. Противостояли же ей 190 тысяч только приписных крестьян, не считая горнозаводский рабочих. Пришлось «царю Петру» уводить своё воинство от народного гнева в Поволжье.

Здесь люди поначалу встретили восставших приветливо. Пугачёв даже взял Казань, где еще не так давно сидел в тюрьме и откуда бежал. Однако долго в городе он не продержался: и сюда дошла весть о мародёрстве пугачёвцев на Урале, а волжане не любили мародёров ещё со времен Стеньки Разина. Изгнанный из Казани Пугачёв повёл поредевшую армию не на север, к Москве, являвшейся главной целью его похода, а в южные рай-

оны. Он понял, что с такой армией на севере ему делать нечего, что надо заручиться поддержкой народа, прежде всего крестьян.

31 августа 1774 года Емельян издал манифест, который освобождал крестьян от крепостной неволи и всех податей. В документе, скреплённой «Великой государственной печатью Петра III, императора и самодержца Всероссийского», говорилось, что «возмутителей империи и разорителей крестьян - дворян, помещиков и чиновников - ...следует ловить, казнить и вешать», то есть поступать с ними «равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами».

Вот теперь можно было бы сказать, что пугачёвское восстание направлено на защиту интересов крестьян, отвечает самым сокровенным чаяния мужика. Можно было ожидать, что деревня всколыхнётся, начнёт громить барские усадьбы, захватывать помещичьи земли. Но этого не произошло. Кое-где создавались вооруженные отряды, пополнявшие пугачёвское войско, однако ни в верховьях, ни в низовьях Волги, ни в северных землях, ни даже в оренбургской степи, откуда и пошло волнение, массовых выступлений крестьян не было. Народ не видел успехов «царя Петра» и, видимо, понимал, что время для всеобщей мужицкой воли не пришло.

После издания манифеста армия «царя Петра» просуществовала считанные месяцы. Вскоре сами яицкие казаки, с которыми он пришёл на Волгу, повязали «императора и самодержца Всероссийского» и выдали властям. 10 января 1775 года Пугачёва и некоторых его сподвижников казнили в Москве на Болотной площади.

Так обстоит дело с антикрепостническими крестьянскими восстаниями в России в XVII – XVIII веках. Конечно, кроме этих грандиозных, были выступления и помельче, порой «безымянные», с незафиксированными на скрижалях истории фамилиями вожаков. В этих восстаниях и бунтах участвовали не только удальцы типа стенькиных воров, но и люди обстоятельные, ответственные, по-настоящему болеющие за судьбы страны и народа. Об этом не надо забывать. Однако и воспринимать наше прошлое таким, каким оно представлено в «Истории СССР...» и других подобных изданиях, тоже не следует.

Сейчас отдельные ученые предпринимают попытки очистить историческую науку от шелухи советского периода, но эта работа пока лишь в самом начале. В современных российских учебниках этой шелухи осталось еще очень много.

В заключение данной темы хочу привести одну притчу, которую мне довелось прочитать в многотомном издании «Антология мирового анекдота», вышедшей в 90-е годы XX века. Описанное в ней событие относится к XVII – XIX вв., то есть к эпохе крепостного права, и, в отличие от многих исторических трудов, очень точно, на мой взгляд, отражает суть того времени.

«Взбунтовались мужики, похватили виллы да рогатины и бросились к барской усадьбе. На крыльцо вышел сам помещик. Почесав живот и зевнув, он протёр глаза.

– Мужики, вы чаво?

Те молчат, переминаются с ноги на ногу.

– Я говорю: вы чаво? – повторил барин.

Мужики побросали рогатины и вилы, понуро побрели по домам. Иван прибежал в свою хату, залез на печь, отдышался. Потом спустился, сел за стол, навернул кислых щей да как хватит кулаком по столешнице:

– Чаво, чаво... Да ничаво!»

Вот и всё антикрепостническое восстание.

АНАЛИЗ ДОКТОРА ПАЙПСА

Как мы уже говорили, царствование Петра Великого принесло России небывалый успех на международной политической арене. Многие монархи в Европе стали тогда искать дружбы с презираемой ими прежде страной. Потом, при не слишком успешных наследниках Петра, в российско-европейских взаимоотношениях надолго наступил штиль. Однако последняя четверть века вернула Российской империи прежний международный престиж. При Екатерине Великой, когда монархия у нас стала более - менее просвещенной, без участия России в Европе практически не решалась ни одна проблема.

К этому времени многие царствующие династии были переплетены родственными узами. Когда в какой-то стране умирал король или иной сюзерен, то на трон претендовали и его родственники из других стран. Кто именно получит корону, во многом зависело от могущества той или иной династии, её связей, наличия влиятельных союзников. Поэтому было немало желающих опереться в междворцовой борьбе на Россию.

Екатерина Великая старалась извлечь из такой ситуации свою выгоду. В Польше, например, ей удалось сделать королём – после смерти Августа III – своего человека Станислава Понятовского. Её ставленник был избран королём и в Курляндии.

Войны в Европе теперь велись в основном коалициями. При этом страна могла вступать в военные действия не только ради собственных интересов, но и для того, чтобы защитить другие народы. К Екатерине не раз обращались за помощью славянские страны на Балканах, а также кавказские народы, страдавшие от ига Османской империи. Кроме того у самой России оставались нерешенные территориальные вопросы с Турцией, которая продолжала удерживать захваченные раньше Крым и Черноморское побережье.

Это привело к двум русско-турецким войнам, в результате которых Россия вернула Крым, всё Азовское побережье, её суда получили право свободно проходить по Черному морю. Кроме того ей передавались земли на Северном Кавказе, а царь Восточной Грузии Ираклий II подписал Георгиевский трактат, по которому признал себя подданным Российской короны. Таким образом, Россия обеспечила безопасность своих южных территорий.

Приросла она новыми землями и на Востоке. Этот процесс шёл мирно, без участия вооруженных сил. В самом конце XVIII века началось освоение Аляски, открытой русскими землепроходцами ранее. В 1780 году там было основано первое русское поселение, а в 1798-м создана русско-американская компания для развития промыслов, разведки и добычи полезных ископаемых. В XIX веке эта компания внесла большой вклад в освоение Россией Дальнего Востока.

Таких исполинских государств ещё не было в мире. Теперь Россия простиралась на территории трёх материков - Европы, Азии и Америки. При этом Азиатский материк русские люди прошли пешком насквозь – от западных до восточных границ. Страна получила непосредственный выход к трем из четырех мировых океанов - Северному ледовитому, Тихому и Атлантическому через Аляску. Её жизненное пространство позволяло вместить любое по численности население, а наличие пахотной земли - это населения прокормить.

Сельское хозяйство к концу XVIII века по-прежнему оставалось главной отраслью российской экономики. Россия фактически являлась аграрной страной – городских жителей на рубеже XVIII - XIX веков было всего 3 процента.

Как и в XVI-XVII веках, крестьяне выращивали в основном пшеницу, рожь, овёс и гречиху. На огородах, которые имелись у каждой сельской семьи и у большинства горожан, росли капуста, лук, чеснок, свекла, морковь и непременно – репа и редька. Появились новые культуры, завезенные из Америки в Европу, отсюда в Россию, – картофель и помидоры. Всё это деревня поставляла частично в города, но главным образом – армии, флоту и в горнозаводские районы.

За вторую половину XVIII века число крупных мануфактур в стране увеличилось с 600 до 1200. Это требовало, с одной стороны, всё больше продуктов питания для рабочего люда, а с другой - сырья для производства промышленной продукции. Село полностью обеспечивало эти потребности. Для новой отрасли промышленности – текстильной нужна была шерсть. И эту потребность деревня удовлетворила.

Прирост сельскохозяйственной продукции получали исключительно за счёт распашки новых земель. Появились богатые хлебные районы - в Нижнем Поволжье, на Дону, Северном Кавказе. Сюда к концу XVIII века переселилось 2 миллиона крестьянских душ, ещё 400 тысяч душ перебрались в южно-уральскую степь и Западную Сибирь. Общая площадь пашни в стране к этому времени достигла 38 миллионов десятин, а годовой сбор зерна - 1, 4 миллиарда пудов. Этого было достаточно, чтобы прокормить всё сельское и городское население, армию,

флот, рабочих мануфактур и горно-рудных предприятий, а также запастись семенами для будущего сева.

Если не считать отдельных неурожайных лет, то внешне положение российской деревни казалось стабильным. Но это только казалось. На самом деле в крестьянстве накапливалась усталость. Ужесточающееся с каждым годом крепостное право все более закабаляло основную массу крестьян, сковывало их инициативу.

Никто из ближайших наследников Петра не обладал и малой долей тех качеств, которые помогли нашему первому императору за короткий срок буквально поднять Россию с колен. Если Пётр вставал в пятом часу утра и работал по 16 - 18 часов в сутки, то его племянница Анна Иоанновна, правившая страной с 1730 по 1740 год, практически вообще не работала, перепоручив это дело кабинету министров. Ей даже бумаги было подписывать лень. В 1735 году она издала указ, которым приравнивала подписи трёх министров, поставленных под одним документом, к своей собственной. Теперь и подписывать ничего не надо было.

А вот чем императрица активно занималась, так это дворцовыми сплетнями, нарядами, забавами с шутами и т. п. Её заботами царский двор приобрёл такую пышность, что превосходил даже блеск двора Алексея Михайловича. Напомним, что содержание флота при Петре обходилось казне миллион рублей в год, а на содержание двора Анна Иоанновна тратила почти 2 миллиона! Эти расходы ложились в основном на крестьян, для которых царские чиновники придумывали все новые и новые налоги. А для сбора этих разорительных налогов посылались специальные отряды.

Усиливался гнёт крепостных и со стороны самих помещиков. Казалось бы, крепостное право наделило их неограниченной властью над мужиками, так нет, многим из них, как той старухе из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, было всё мало и мало. Они добивались ещё больше прав, а также жизненных льгот. Императрица (а точнее, те три министра) шла этим просьбам навстречу. Например, она отменила указ Петра о том, что дворяне должны начинать службу непременно с нижних

чинов, потом и вообще освободила их от обязательной военной службы.

А вот крестьяне получали от матушки-государыни иные «подарки». В 1736 году помещикам было дано право торговать крестьянами, как товаром, прямо на базаре. Это чтобы унижить их человеческое достоинство. Теперь мужики, бабы, парни и девки выставлялись на всеобщее обозрение, покупатель подходил при всём честном народе, изучал у крепостного зубы, как только что делал у коня. Одни зеваки потешались над этой сценой, а другие жалели крестьян. Кроме того императрица разрешила помещикам отправлять любого без суда в Сибирь, на какому-то торгу, если он прогневал своего барина.

Екатерина II, вступившая на престол в 1762 году, отличалась от своих предшественниц и умом, и жадной деятельностью. Она, безусловно, была одной из самых просвещенных правительниц в Европе, переписывалась со знаменитыми мыслителями того времени. Её занимали передовые идеи, бродившие тогда в европейском обществе, кое-что она пыталась перенести на русскую почву. Так, в 1765 году Екатерина учредила Вольное экономическое общество для пропаганды передовых методов хозяйствования, применявшихся в Европе. Первый вопрос, который она вынесла на обсуждение, звучал так:

«Что полезнее для общества – чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имущество, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны?»

Такая постановка вопроса ставила под сомнение правомерность существования крепостного права. Но именно эта проблема занимала сейчас императрицу. Она попросила высказаться по ней не только членов Вольного экономического общества, но и всех желающих, в том числе и иностранцев.

Откликнулись многие ученые Европы – экономисты, философы. В Санкт-Петербург поступило 129 серьезных работ из Германии, 21 из Франции. Их авторы критиковали крепостное право, указывали на то, что в ряде стран Европы оно себя уже изжило и уступило место свободному крестьянскому труду с правом частной собственности на землю. Многие авторы пред-

лагали и России пойти по тому же пути и чем скорее, тем лучше.

Однако в самой России свою точку зрения на эту проблему высказали лишь семь человек, да и те не смогли сказать ничего вразумительного. Российское общество было не готово даже обсуждать вопрос о коренных переменах в деревне, не то что предпринимать в этом направлении какие-то практические шаги. Сама Екатерина тоже не проявила той решительности, которую проявлял в подобных случаях Петр. Более того, очевидно, поддавшись нажиму крупных землевладельцев, она принимает ряд указов, которые еще больше закабаляют крепостных. Например, запрещает крепостным даже жаловаться на помещиков куда бы то ни была. А если, крестьянин всё же направит жалобу, скажем, губернатору, то помещик может без суда отправить жалобщика на каторгу.

Более того, при Екатерине началось массовое закрепощение государственных крестьян, которые по-прежнему оставались свободными. Делалось это под благовидными предложениями. Еще при Петре военачальники, отличившиеся в сражениях, поощрялись не только орденами и деньгами, но и в отдельных случаях казённой землей вместе с находящимися на ней деревнями и жившими в них крестьянами, которые становились крепостными. Такие случаи были единичны. Теперь же не только военачальников и офицеров, но и чиновников за гражданские заслуги императрица щедро одаривала поместьями вместе с крестьянами.

Но вот в начале XIX века русская армия, преследуя Наполеона, прошла по странам Европы, и тысячи россиян увидели, что европейское сельское хозяйство разительно отличается от российского. У них для обработки земли уже применялись машины, у нас – по-прежнему деревянная соха, там использовали многопольную систему земледелия, здесь – трехпольную; в Европе вносились в пахоту удобрения, в России – нет. И урожайность получали соответственно: в странах Европы – «сам-шесть», «сам-восемь», в Англии – даже «сам-десять». У нас же одно посеянное зерно давала всего три, как в средние века.

Имея перед собой притягательный западный образец, русские землевладельцы не хотели теперь мириться с такой вопиющей отсталостью. Часть помещиков начала закупать за границей машины и более продуктивный скот, переходить на многополье, разводить непривычные для нашей страны культуры. Однако мужики не признавали зарубежной техники, ломали ее, а скот от плохого кормления быстро превращался в малопродуктивный, подстать российскому. Даже внедрение новых культур встречало сопротивление со стороны крестьян: в 1834 году, например, на Севере, в Приуралье и Поволжье вспыхнули картофельные бунты среди помещичьих крестьян, усмирять которые пришлось войскам. А в 1840-м против выращивания картофеля бунтовали государственные крестьяне. Эти волнения продолжались аж до 1844 года. Словом, европейские новинки приживались в России с огромным трудом.

Однако к подобным новшествам тянулась лишь незначительная часть помещиков. Основная же их масса пыталась повысить эффективность своих хозяйств, лишь усиливая эксплуатацию крестьян. Крепостные несли две основные повинности - платили барину оброк и отработывали барщину. За первую половину XIX века размер оброка возрос в 2,5 – 3,5 раза. Но, получая с мужиков всё больше и больше, помещики одновременно увеличивали свои наделы за счёт сокращения крестьянских. То есть та часть земли, которая кормила непосредственно барина, росла, а та, что обеспечивала продовольствием крестьянские семьи, уменьшалась. И ту, и другую землю обрабатывал, конечно, крестьянин, однако большую часть времени он проводил на барщине, свой же надел ему обрабатывать было некогда.

В связи с ростом в первой половине XIX века городского населения и развитием горнозаводских районов России потребовалось дополнительное зерно. Те 38 миллионов десятин, которые были распаханы за всю предыдущую историю, страну не устраивали. И крестьяне, можно сказать, совершили подвиг: всего за 50 лет они распахали ещё 20 миллионов десятин! Годовое производство зерна возросло с 1,4 миллиона пудов в начале XIX века до 2 миллионов в середине, что полностью покрыло внутренние потребности. Но это опять-таки был экстенсивный

путь развития - деревня добилась нужного объёма производства сельскохозяйственной продукции за счёт неимоверного напряжения усилий крестьян. Двигаться дальше по этому пути было бы убийственно.

То, что сельское хозяйство России сильно отстаёт от европейского, видели и многие иностранцы, побывавшие в нашей стране в качестве путешественников, туристов, коммерсантов и т. п. Описывая потом увиденное в России, они утверждали, что русский крестьянин ленив, не хочет работать, оттого, мол, и нищенствует. Объяснялось это якобы присущими ему от природы низменными качествами. Среди пишущих даже началось состязание - кто выскажется наиболее хлётко о русском мужике. Западные читатели буквально смаковали каждую деталь таких публикаций.

Хуже всего то, что любая хула в адрес русских крестьян, печатаемая на Западе, тут же появлялась и в русских газетах и журналах. Самые хлёткие выражения западных литераторов у нас тоже смаковались, причем с особым злорадством, чувством глубокого удовлетворения. Никто из наших публицистов даже не пытался защитить русского мужика, не вспомнил, как восторженно отзывались в древности о природных качествах восточных славян западные летописцы и путешественники. Хотя благодаря исследователям Василия Татищева, Василия Тредиаковского, Михаила Ломоносова, Николая Карамзина эти отзывы давно стали известны нашей просвещенной публике. Беда, однако, в том, что часть этой публики, которая называла себя революционерами и борцами за народное счастье, всегда желала всяких бед и напастей (голода, эпидемий, поражения в войне, жёстких экономических санкций со стороны других государств) своей стране.

Конечно, разительный контраст между российским и западноевропейским сельским хозяйством вызывает удивление. Особенно если вспомнить о подвиге, который совершили предки великороссов, за короткий исторический срок превратившие малопригодную для земледелия северо-восточную часть Европы в полноценный сельскохозяйственный регион, обеспечивающий продовольствием огромную Россию. Что же случилось сейчас?

Почему в Англии уже собирали урожаи «сам - десять», а у нас «сам – три»?

Это требует углубленного, объективного анализа. И такой анализ был сделан, правда, позднее – в середине XX века. В 1974 году Массачусетский университет (США) издал книгу американского учёного Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме», один из разделов которой посвящён российскому сельскому хозяйству.

Изучению нашей страны, её прошлого автор посвятил 30 лет своей жизни. Будучи беспристрастным исследователем, он в самый разгар «холодной войны» между Соединёнными Штатами и Советским Союзом берёт под защиту русских крестьян, которые, как пишет автор, постоянно находятся в таких сложных природно-климатических условиях, каких нет ни в одной сельскохозяйственной стране мира. Позволю себе привести несколько пространных выдержек из его глубокой, непредвзятой, неидеологизированной книги. Пайпс пишет:

«Климат России относится к так называемому континентальному типу. Зимняя температура понижается по мере движения в восточном направлении. Самые холодные районы ... лежат не в самых северных, а в самых восточных... областях: Верхоянск, сибирский город, в котором зарегистрирована самая низкая в мире температура, находится на той же широте, что и Нарвик – незамерзающий норвежский порт. Эта особенность российского климата объясняется тем, что производимый Гольфстримом тёплый воздух, согревающий Западную Европу, охлаждается по мере того, как удаляется от атлантического побережья и продвигается вглубь материка. Одним из следствий этого является то обстоятельство, что Сибирь с её потенциально неисчислимым запасом пахотной земли по большей части непригодна для земледелия. В восточных её районах земли, расположенные на широте Англии, возделывать вообще нельзя.

Распределение осадков отличается от схемы расположения ... почв. Обильнее всего они на северо-западе, вдоль балтийского побережья, куда их приносят теплые ветра, а по мере продвижения в противоположном направлении, к юго-востоку, они уменьшаются. Иными словами, они обильнее всего там, где

почва всего беднее. Другая особенность осадков в России состоит в том, что дожди обыкновенно льют сильнее во второй половине лета. Незначительное изменение в распределении осадков может обернуться засухой весной и ранним летом, за которой следуют катастрофические ливни в уборочную. В Западной Европе дожди на протяжении всего года распределяются куда более равномерно...

Важнейшим следствием местоположения России является чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки. Вокруг Новгорода и Петербурга он длится всего четыре месяца в году (с середины мая до середины сентября). В центральных областях, около Москвы, он увеличивается до пяти с половиной месяцев (с середины апреля до конца сентября). В степи он продолжается полгода. Остальная часть русского года совсем не хороша для сельскохозяйственных работ.

В западной Европе, для сравнения, этот период длится восемь-девять месяцев. Иными словами, у западноевропейского фермера на 50-100 процентов больше времени на полевые работы, чем у русского...

Короткий период полевых работ и спутница его – длинная, холодная зима ставят перед русским крестьянином дополнительные трудности. Он должен содержать скот в закрытом помещении на два месяца дольше, чем западноевропейский фермер. Таким образом, скот его не пасется ранней весной, и когда его наконец выпускают на выпас, он уже изрядно истощен. Русский скот всегда был низкого качества, несмотря на попытки правительства и просвещенных помещиков его улучшить, ввозные западные породы быстро вырождались до такого состояния, что делались совсем неотличимы от довольно жалкой местной разновидности...

Насколько неприбыльным занятием было в России земледелие... можно понять из подсчетов Августа Гакстгаузена - прусского знатока сельского хозяйства, побывавшего там в 1840-х годах. Гакстгаузен сравнил доход, приносимый двумя гипотетическими хозяйствами (размером в 1000 га пашни и луга каждое), одно из которых находится на Рейне у Майнца, а другое в Верхнем Поволжье поблизости от Ярославля. Согласно его выклад-

кам, на немецкой ферме такого размера должно быть постоянно занято 8 крестьян и 6 крестьянок, кроме того требуется 1500 человеко-дней сезонного наёмного труда и 4 упряжки лошадей... В Ярославле только потому, что более короткий период полевых работ требует большей концентрации рабочей силы, для выполнения той же работы понадобятся 14 крестьян и 10 крестьянок, 2100 человеко-дней наемного труда и 7 упряжек...

Гакстгаузен заключает советом: если вам подарят поместье в северной России..., лучше всего будет отказаться от подарка».

Ричард Пайпс прямо заявляет, что таких сложных природно-климатических условий, как в России, в других странах мира нет. А если и есть, то там предпочитают не заниматься сельским хозяйством. На сей счёт автор приводит любопытное сравнение.

«Россия и Канада являются самыми северными государствами мира, – пишет он. – В эпоху становления своего государства русские жили между 50 и 60 градусами северной широты. Это приблизительно широта Канады... Однако подавляющее большинство канадского населения всегда жило в самых южных районах страны, по Великим Озёрам и реке Св. Лаврентия, т.е. на 45 градусов, что в России соответствует широте Крыма и среднеазиатских степей.

Девять десятых населения Канады проживает на расстоянии не более трехсот километров от границы с США. К северу от 52-й параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства...

Канаде никогда не приходилось кормить большого населения: те канадцы, которым не находилось работы в народном хозяйстве, имели привычку перебираться на временное или постоянное жительство в США. У России не было этих преимуществ: соседи ее не были богаты и дружески расположены, и стране приходилось полагаться на свои собственные ресурсы, чтобы прокормить население».

А население ее росло куда более быстрыми темпами, чем в остальных европейских странах. В XVI веке русских насчитывалось по разным оценкам 11-12 миллионов человек, в Испании

и Польше - по 11 миллионов жителей, во Франции - 19 миллионов. К 1850 году русских было уже 58 миллионов (остальные национальности, проживавшие тогда на территории империи, здесь не учитываются). Такой численности не смогла достичь ни одна из европейских наций даже во второй половине XX века. Например, в 70-80-е годы испанцев насчитывалось 29 миллионов, поляков – 37, французов – 46 миллионов. Для сравнения: русских в 70-80-е годы XX в., несмотря на самые большие потери во Второй мировой войне, только на территории СССР, исключая эмигрировавших за границу после революции 1917 года, проживало 137 миллионов человек.

Как же Россия-матушка кормила после средневековья свой народ? Неужто и вправду в течение многих веков страна жила впроголодь, а то и вовсе в голоде? А ничего подобного. Несмотря на случавшиеся недороды, вызывавшие вспьшки голода в отдельных губерниях, русское крестьянство вполне сносно кормило и себя, и страну. Ведь в России вплоть до середины XIX века получали урожаи «один к трем», а этого считалось достаточно для пропитания. Прибавку же населения кормили за счет расширения посевных площадей, благо земли, в отличие от стран Западной Европы, здесь было достаточно.

«Представление о русском крестьянине как о несчастном создании, извечно гнушим спину, чтобы обеспечить себе самое жалкое существование, просто несостоятельно, - пишет далее Ричард Пайпс. – Хотя производительность российского сельского хозяйства после средневековья стала самой низкой в Европе, ... и помещик, и крестьянин между серединой XVIII и серединой XIX веков были относительно зажиточны... Беда русского земледелия была не в том, что оно не могло прокормить хлебороба, а в том, что оно было никак не в состоянии произвести порядочных излишков... И российский помещик, и российский крестьянин смотрели на землю как на источник ... пропитания, а не обогащения...

Очевидно, что сбывать сельскохозяйственные излишки следует не другим крестьянам, а тем, кто сам не производит продуктов питания, иными словами – горожанам. При отсутствии городского рынка сбыта излишки зерна мало на что годны, кроме как на перегон в спиртное... Рост урожайности в

средневековой Европе первоначально был связан с ростом городов (начиная с XIII века - *А.К.*), появление достаточно многочисленного торгово-ремесленного слоя служило стимулом для прогресса земледелия... В России же города ... не играли важной роли в хозяйстве страны... В конце XVIII века горожане составляли всего 3% населения... Не могла Россия сбывать зерно и за границей, поскольку до середины XIX века на него не находилось внешнего рынка, появившегося лишь тогда, когда промышленные страны решили, что ввоз продовольствия обойдется дешевле его производства.»

Появление рынка сбыта на Западе в середине XIX века и стало первоначальным стимулом для интенсивного развития российского земледелия. Первыми на его спрос откликнулись южные районы, связанные с морскими портами. Они без труда увеличили урожайность на своих тучных чернозёмах, отсюда зерно стали возить пароходами в Англию и Германию. Как говорится, процесс пошёл. Но прежде чем к нему смогли подключиться глубинные губернии, надо было проложить туда железные дороги, купить за границей паровозы и вагоны, построить депо, погрузочно-разгрузочные площадки и многое другое. А главное, что для этого требовалось, – убрать с пути интенсификации сельского хозяйства серьёзный барьер в виде крепостного права.

Но вот император Александр I вскоре после вступления на российский престол в 1801 году в близком кругу определённо высказался за постепенную отмену крепостного права и наделение крестьян землёй, а также начал проводить в этом направлении кое-какие мероприятия. Прежде всего он издал указ, разрешающий иметь землю в частной собственности не только помещикам, но и государственным крестьянам. Правда, им не выделялись казённые наделы – они получили право приобретать пустующие сельхозугодья, в том числе пашню, за свой счёт. Однако и это дало толчок крестьянскому землевладению. К середине века собственниками стали 269 тысяч государственных крестьян. Дополнительно к казённым угодьям, на которых прежде работали, они прикупили свыше миллиона десятин частной земли.

В 1803 году был издан еще один указ, касающийся уже крепостных крестьян. Он давал право помещикам отпускать

своих мужиков на волю вместе с наделами за соответствующий выкуп. И это новшество сразу же начало работать. Нашлось немало помещиков, которые решили, что выгоднее продать часть земли и крепостных, чем лезть в кабалу к банкам. Но что удивительнее всего – нашлись и денежные крепостные крестьяне. Хотя выкуп брался немалый, за первые 25 лет после принятия указа свою землю и волю выкупили 47 тысяч крестьян, а за следующую четверть века – уже 63 тысячи. Еще один указ Александра I запрещал награждать кого бы то ни было за верную службу престолу казённой землей и переводить государственных крестьян в разряд крепостных.

Начал Александр и пробную отмену крепостного права. В 1816 году оно было отменено в Эстляндии, в 1817-м – в Курляндии, в 1819-м – в Лифляндии.

Однако такие точечные меры не решали проблему в целом. Передовые общественные круги выражали недовольство медлительностью правительства в реформировании важнейшей отрасли экономики. С 1816 года в стране создаются тайные общества и союзы, в программу которых включаются требования немедленных и кардинальных перемен. Круг этих требований был широк - от ограничения монархии до перехода к республиканской форме правления. Однако все общества и союзы сходились в одном: предлагали отменить крепостное право и наделить крестьян землей. С этим требованием вышли на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года и декабристы.

После восшествия на престол (1825 г.) Николая I взгляды декабристов на реформы были тщательно изучены на самом верху. В правительстве нашлись люди, выступавшие в поддержку предлагаемых ими аграрных преобразований. Министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев с разрешения нового императора начал реорганизацию управления государственными крестьянами. Им были увеличены земельные наделы, установлены фиксированные размеры податей, для них стали открывать школы и больницы.

Но господствующей в руководящих кругах все же была идеология, выраженная одним из просвещённых людей того времени Николаем Карамзиным: «Для твердости бытия госу-

дарственного безопаснее поработать людей, чем дать им не вовремя свободу». Против освобождения крестьян выступал самый могущественный в ту пору класс – крупных землевладельцев. К этому классу принадлежали все высшие государственные чиновники и члены императорской фамилии, а также многочисленная знать в губерниях и офицерский корпус в армии и на флоте.

Покуситься на интересы такой влиятельной, пронизывающей весь государственный организм силы мог только исключительно смелый и решительный правитель, готовый ради будущего страны сломать даже одну из главных опор, на которой в данный момент держалось царское самодержавие. И такой правитель появился: им стал сын Николая I Александр II, взошедший на престол в 1855 году. Своё отношение к аграрной реформе он выразил однозначно: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, когда оно само собой начнёт изменяться снизу».

После продолжительных дебатов, в ходе которых высказывались самые разные точки зрения от безоговорочной поддержки крупномасштабной аграрной реформы до её полного отрицания, она все-таки началась. 19 февраля 1861 года было принято правительственное Положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В истории России фактически началась новая эпоха, открывшая в нашу страну широкую дорогу капитализму. В течение следующих 50 лет вся политическая, общественная, экономическая жизнь в огромной империи находилась под влиянием тех преобразований, которым дало толчок принятие этого исторического Положения.

Мужик-труженик, наконец, стал свободным и получил в распоряжение ту помещичью пахотную землю, с которой прежде кормилась его семья. Это, однако, было и всё, что дала реформа крепостным. А вот помещик получил куда больше. После отмены крепостного права львиная доля пашни, прежде приносившая доход исключительно помещичьей семье, так и осталась в её собственности. Меньшая же часть, кормившая крестьян, изымалась у прежних хозяев не бесплатно – мужик обязан был возместить помещику ее стоимость, выплачивая в

течение двадцати лет денежный оброк в размере от 8 до 12 рублей в год в зависимости от региона. При отсутствии денег (а их, разумеется, взять было негде) крестьянская семья обязывалась, как и прежде, отбывать барщину - работать на бывшего барина 40 «мужских» и 30 «женских» дней в году со своими лошадьми. Кроме того, все пастбища, сенокосные и лесные угодья также оставались за помещиками. Чтобы пасти скот, косить сено, заготавливать дрова и стройматериалы, приходилось брать эти угодья в аренду. А арендную плату устанавливал сам помещик, и никто в это дело вмешиваться не имел права.

По подсчётам тогдашних ученых-экономистов (поскольку финансовые органы такого учёта не вели), помещики взимали в качестве арендной платы за пастбища, сенокосы и лесные угодья, а также подходы к ним в среднем по 10 рублей с каждой крестьянской семьи в год. То есть мужик должен был платить барину еще один такой же оброк или отрабатывать такую же барщину, какие устанавливались за пахотную землю. Причем второй «оброк» или «барщина» не ограничивались 20-летним сроком, а являлись бессрочными.

Получалось, что крестьянская семья, не имеющая денег для расчёта с барином, вынуждена была отрабатывать на него в общей сложности 80 «мужских» и 60 «женских» дней в году, то есть трудиться на него всю весну, лето и осень. В итоге и после отмены крепостного права помещичьи поля по-прежнему обрабатывали бесплатно все те же крестьяне. Хотя мужик формально и стал свободным от барина, подневольный труд для него как был, так и остался.

Этим, однако, земельные проблемы не исчерпывались. До реформы помещик выделял крепостным ровно столько пашни, сколько было нужно, чтобы они, как говорится, худо или бедно могли прокормиться. Крестьянские участки, как правило, находились рядом с селом. Теперь, согласно Положению от 19 февраля, их и следовало передать мужикам. Но чиновники, скорее всего подкупленные, поступали иначе: стали нарезать крестьянским семьям другую землю - худшего качества да еще и расположенную вдали от села. А когда передел закончился, наделы у мужиков оказались значительно меньше, чем прежние участки.

По разным оценкам, в ходе реформы у бывших крепостных незаконно отрезали от 1,3 до 5,2 миллиона десятин земли. И оспорить это никто не мог: поди докажи, что прежний участок был больше нового! Но крестьянская-то семья это чувствовала на себе: с нового клочка пашни ей трудно было прокормиться.

Особенно много потеряли крестьяне в черноземных губерниях. В Саратовской, например, где есть точные сведения, у них незаконно отобрали 43 процента (почти половину!) прежней пашни.

В крайне бедственное положение теперь попадала крестьянская семья, когда приходило время отселять сынов. Прежде новые семьи получали землю в пользование у помещика. Последний от этого ничего не терял: ведь и сама земля, и молодая семья со всеми домочадцами оставались в его собственности. Это помещику даже было выгодно: у молодых прибавлялось потомство - у него становилось больше крепостных душ. Но теперь бесплатно землю молодоженам никто не давал - ее надо было покупать у того же помещика. А он, не стесняясь, заламывал запредельную цену. И аппетиты у него очень быстро росли.

Чтобы дать возможность молодым крестьянским семьям создавать свое хозяйство, Крестьянский банк в 80-е годы начал снижать процентные ставки по кредитам. Однако это не улучшило ситуацию, так как помещики стали еще круче взвинчивать цену на землю. Вот официальные данные за ряд лет.

В 1890 году одна десятина пахотной земли стоила 36 рублей. В 1895-м – уже 52 рубля. В 1900-м – 82 рубля. В 1905-м – 111 рублей. В 1910-м – 138 рублей. В этот же период вдвое возросла арендная плата за сенокосы, пастбища, лесные угодья, хотя общей инфляции в стране не наблюдалось.

При такой ценовой вакханалии большинство молодых крестьян, нуждающихся в земле, не могли купить даже небольшого пахотного участка. Вместо того, чтобы создавать собственное хозяйство, они вынуждены были наниматься к бывшему барину в работники. Он нанимал, но на своих, зачастую кабальных условиях.

Почему же малоземельные и безземельные крестьяне, будучи свободными, продолжали гнуть спину на помещика, а не

перебирались в иные места, где земли было в избытке? Такой возможности их изначально лишили разработчики аграрной реформы. Опасаясь, что помещики могут остаться без рабочих рук, государство передало крестьянские пахотные наделы в собственность не самим мужикам, а сельской общине, накрепко привязав к ней всё сельскохозяйственное население.

Общины издавна существовали в каждой российской деревне, их больше называли «обществом» или «миром». «Миром» не в смысле отсутствия войны, а в значении «все», «всё население». Вспомним: «Миром хорошо и батьку бить», «На миру и смерть красна». В социально-бытовом отношении такой «мир» играл прогрессивную, можно сказать, неопределимую роль в деревне.

Вот что пишет об этом известный русский писатель-деревенщик Иван Васильев, наблюдавший за крестьянской общиной в довоенной советской деревне.

«Мир собирался ... при крайней нужде. Вот, например, дом ставить. Дом - это нужда. А баня, по деревенским понятиям, - пусяк. Всякий мужик сумеет...

Перед выгоном скотины в поле собиралась деревня и рядилась с пастухом, шла за околицу и городила изгороди (прогоны). Миром правили мосты, гати, дороги. Миром чинили колдцы, вырубали кусты на сенокосах, сволакивали с полей валуны, рыли осушительные каналы. Мир выносил приговор: идти в лес по ягоды, по орехи не ранее такого-то срока, а рыбу нынче ловить с такого-то времени и на таких-то плесах. Повторю, это было на нашей памяти. Мир еще хозяйствовал. Он же и о человеке думал. Приговаривал овдовевшей бабе ниву вспахать-засеять, сирот опекал, семейные ссоры улаживал, драчунов и нахальников наказывал, имущество делил, соседей мирил».

Всеми этими житейскими делами русская крестьянская община занималась испокон веков. А вот что она не делала, так это не вмешивалась в трудовую деятельность семей. Как хозяйствовать, у восточных славян решала сама семья, прежде всего её «большак». Этим русская крестьянская община отличалась от всех других, возникших задолго до образования древней Руси.

В Японии, например, в древние века общины создавало само

государство для удобства сбора налогов. Все деревни там делились на пятядворки, которые несли общую ответственность за сдачу налогов и следили за тем, чтобы никто не сбежал в город. Создавались общины и в городе – из жителей кварталов. Главой такой общины назначался самый богатый купец, который в случае недоимки налогов мог погасить недостачу из личного состояния.

В древнем Египте считалось обязательным, чтобы все земледельцы, дабы они не могли укрыться от уплаты налогов, входили в общины. Если власти обнаруживали крестьянскую семью, не состоявшую в общине, то её имущество немедленно переходило в собственность фараона.

Особой изощренностью отличалась китайская общинная система. В 485 году новой эры в Поднебесной было введено налоговое Уложение, по которому контроль за китайскими семьями со стороны налоговых органов возрастал втрое. Каждые пять соседских дворов образовывали так называемую «соседскую общину», каждые пять «соседских общин» - «деревенскую общину», а пять «деревенских общин» - «сельскую». В каждой из них был свой староста, поэтому над семьей назначался не один начальник, как в Японии, а три. Здесь тоже вводилась коллективная ответственность за недоимки по налогам. Но главное - власти стали проводить регулярные переписи налогоплательщиков, от которых никто не мог укрыться.

Эту китайскую систему переняли монгольские ханы. Со временем они стали применять её и на завоеванных землях, в том числе на Руси. Но свободолюбивые русичи, как уже говорилось, не раз хватались за мечи, когда появлялись не в меру ретивые переписчики, а за ними - сборщики податей. Поэтому ханы согласились передать право собирать налоги для Золотой орды самим московским князьям. Крестьянская община в этом деле не участвовала.

Не собирала она налоги и после освобождения от татаро-монгольского ига. А когда было введено крепостное право, все сборы с крестьян стали заботой самих помещиков. Им не требовалась перепись - своих мужиков они знали поимённо. У каждого барина на конюшне отводилось специальное место, где недоимщиков секли розгами.

Но после 1861 года заботиться о сборе налогов с крестьян должно было само государство. Однако оно, превратив крестьянскую общину в собственника земли, переложило на неё эту обязанность. Теперь община должна была заниматься многими хозяйственными вопросами и прежде всего - делить пахоту между крестьянскими хозяйствами. Чтобы всем достались одинаковые по плодородию и удобству обработки наделы, приходилось разрезать массивы на узенькие полоски (шириной в несколько метров). Одной семье порой доставалось до тридцати и больше полосок в разных местах, нередко удаленных друг от друга на несколько верст. А чтобы совсем уж всё было по справедливости, через каждые 3-5 лет эти полоски перераспределялись между семьями.

Крестьянин не имел права продать свой надел, так как собственником земли был не он, а община. Без её согласия мужик не мог даже отправиться зимой в город на заработки, не то что в иные места на жительство. Кроме всего прочего в общине официально вводилась еще и круговая порука, когда за недоимки по податям перед государством отвечало все общество.

Теперь уже не помещик, а сама община должна была пороть своих членов, которые оказались в недоимщиках, конфисковать у них в счёт недоимки скот и домашний скарб. А если и после этого часть податей оставалась невыплаченной, то секли уже всё взрослое мужское население общины. Мужики шли из деревни в волость, и там, в правлении, это делали специально обученные заплечных дел мастера. Тогдашняя пресса с сарказмом писала: «Волостные правления нынче с успехом заменяют барские конюшни».

По поводу отмены крепостного права и будущего русской крестьянской общины во второй половине XIX века разгорелись ожесточённые споры между учёными, общественными деятелями, политиками. Многие общину считали прообразом будущего русского общества. К дискуссии подключился и Маркс. К сожалению, он не успел завершить работу над третьим томом своего «Капитала», в котором анализировал состояние русского сельского хозяйства. В одном из писем друзьям Маркс признавал, что «анализ, представленный в «Капитале»,

не дает... доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины». Однако через несколько строк в том же письме он заявил, что «эта община является точкой опоры социального возрождения России».

Русские теоретики не согласились с таким утверждением. Уже после смерти Маркса, когда стало окончательно ясно, что капитализм не минует Российской империю, Пётр Струве, например, писал: «... Продолжать спор об экономическом развитии России, опираясь на письмо Маркса, не имеет ни малейшего смысла».

Опроверг своего учителя и Ленин. Не называя Маркса, он заявил в работе «Развитие капитализма в России», что русская община стала «вредной для беднейших крестьян», а само крестьянство является надежной базой для развития капитализма в деревне.

Сечь мужиков розгами в России перестали лишь в 1903 году. К этому сроку крестьяне выплатили помещикам только за аренду сенокосов, пастбищ и лесных угодий 10 миллиардов рублей - сумму по тем временам астрономическую.

Деревня стонала под гнетом поборов, просила царя и правительство: отдайте помещичью землю. Помещик стал для крестьян ненавистным врагом, каким не был даже при крепостном праве. Копившаяся у мужика целых полвека злоба к барину вырвалась наружу в революцию 1905 года. Без всякой агитации со стороны большевиков крестьяне начали жечь помещичьи усадьбы, а самих помещиков – вешать и колоть вилами. Это была народная месть за те издевательства, которые бывшие господа творили над бывшими крепостными. Сохранились свидетельства, что тех помещиков, которые жили по справедливости, в революцию 1905 года никто не тронул.

Борьба интересов двух связанных с земледелием классов - крестьянства и крупных землевладельцев – продолжалась после начала реформы целых полвека. В работе «Развитие капитализма в России» Ленин дает этому такое объяснение:

«Капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переход-

ная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы».

Последняя, однако, уверенно брала верх. Победно прошеествовав по Европе, капитализм во второй половине XIX века пришел, наконец, и в Российскую империю. И здесь начали расти города, развиваться промышленность, появились железные дороги, связавшие губернии европейской части страны между собой, с морскими портами и Западной Европой. На рубеже XIX и XX веков была проложена самая протяжённая в мире Транссибирская железнодорожная магистраль от Южного Урала до Тихого океана.

Напомним, что в конце первого и начале второго тысячелетий Киевская Русь считалась европейским государством. Но два с половиной века татаро-монгольского ига сделали своё чёрное дело: разорванная на куски страна сильно отстала от Западной Европы в экономическом, культурном, общественно-политическом развитии. Попытки догнать Запад, предпринятые Иваном Грозным, Петром Великим и Екатериной II сократили этот разрыв, но полностью не ликвидировали. И вот теперь восточный исполин вновь догонял Европу, причём семимильными шагами: с 1860 по 1900 год объём промышленного производства в России увеличился в 7 раз, в то время как в Англии – в 2 раза, Франции – в 2,5, в Германии – в 5 раз. Для быстро растущего несельскохозяйственного населения требовалось продовольствие, поэтому всё больше крестьян – не только в приморских губерниях, но и в глубинке – стали смотреть на производимую ими продукцию, как на доходный товар.

Несмотря на все трудности переходного периода – от барщинного к капиталистическому, пятая часть крестьянских семей всё же сумела во второй половине XIX века расширить свои хозяйства и производить зерна значительно больше, чем требовалось для собственного потребления. Как отмечал Ленин в названной выше работе «Развитие капитализма в России», то были крупные семьи с большим количеством рабочих рук. Они смогли-таки прикупить землю у помещиков, увеличив свою пашню вдвое против первоначальных наделов. Эту землю обрабатывали лучше, чем общинную, вносили в нее навоз, так как

она была своя, а не переходила через 3-5 лет к соседу. В результате урожайность начала расти. Но в целом наследие крепостного права, а также безземелье основной массы крестьян и после реформы 1861 года продолжали сдерживать рост сельскохозяйственного производства в России.

Чтобы устранить противоречия, мешающие развитию производительных сил деревни, нужна была новая аграрная реформа. А для её проведения требовались люди в высшем руководстве страны, обладающие непреклонной волей и способные перешагнуть через традиции барщинского земледелия. Но таких людей в окружении российского императора пока не было.

Александра II потомки назвали великим реформатором. Такую оценку он заслужил по праву. Вслед за аграрной им была проведена и земская реформа. Она предусматривала привлечение ставших свободными крестьян к управлению местным хозяйством, уездным народным образованием, медицинским обслуживанием и т. д. Прежде всеми этими вопросами на местах занимались исключительно государственные чиновники, теперь же была создана широкая сеть земских учреждений, в которых каждые три года избирались гласные представители от городского населения, крупных землевладельцев и крестьянских обществ. Они наделялись большими полномочиями, государственные же чиновники должны были следить лишь за тем, чтобы деятельность земств не противоречила законам.

Огромное значение для страны имела и проведённая Александром II судебная реформа. Она предусматривала гласность судопроизводства и независимость судов. «Мировые судьи» теперь избирались на уездных земских собраниях, а дела в окружных судах стали рассматриваться с участием присяжных заседателей, решение которых считалось окончательным. Это нанесло мощный удар по произволу и взяточничеству в судопроизводстве.

В связи с раскрепощением крестьян встал вопрос и о реорганизации народного образования. Новым «Положением о начальных народных училищах» разрешалось открывать в уездах учебные заведения для всех сословий как земствам, так и частным лицам. Для руководства образовательным процессом в

уездах избирались училищные советы, которые контролировались такими же советами в губерниях.

В целом ликвидацией неграмотности в стране занималось Министерство народного просвещения, которое оказывало помощь в этом деле губерниям и земствам. За первые 10 лет реформы в России открылось 10 тысяч земских школ, не считая частных. Создавались и гимназии – как мужские, так женские. В 70-е годы начинает развиваться и высшее женское образование.

В результате всех этих мер за 40 лет после отмены крепостного права уровень грамотности населения в России повысился в 3 раза и составил 21,1 процента от числа всех граждан. А что касается высшего женского образования, то тут Россия обогнала даже многие передовые страны Европы.

Наконец, Александр II значительно смягчил, а в некоторых случаях отменил цензуру печатных изданий. Так, книги российских авторов объёмом более 10 печатных листов и переводимые объёмом более 20 печатных листов вообще освобождались от предварительной цензуры. Периодические же издания и сочинения меньшего, чем 10 листов, объёма по-прежнему предварительно просматривались государственными цензорами. Однако у последних руки были связаны - запрещалась лишь пропаганда атеизма, социализма и материализма. Вмешиваться в текст в других случаях цензура не могла. Все это благотворно сказалось на издании массовой просветительской литературы.

Передавая российская общественность горячо поддерживала эти прогрессивные шаги императора. А вот в его окружении, даже среди близких помощников, отношение к ним было иное. Что касается бывших помещиков и остальной знати, то там многие открыто злобствовали по поводу проводимых Александром реформ.

В этом, впрочем, не было ничего удивительного - подобная атмосфера окружала и предыдущих великих реформаторов. Удивительно другое: врагами Александра, давшего крестьянам волю, позволившего свободно вздохнуть другим слоям общества, стали и многочисленные революционные организации разночинной интеллигенции, тоже якобы выступающие за свободу народа. Одна из таких групп так себя и называла - партия

«Народная воля».

Революционное движение в России, докатившееся сюда из Европы во второй половине XIX века, отличалось крайним экстремизмом. Все его участники были террористами или, как их тогда называли, «бомбистами». А в качестве своей первой жертвы «народовольцы» избрали ни много нимало ... самого императора Александра II. Несколько лет «бомбисты» из этой партии пытались физически уничтожить его - делали подкоп под мостовую с целью взорвать карету монарха, закладывали взрывчатку под рельсы, по которым должен был следовать императорский поезд, даже устроили взрыв на даче, но все безуспешно. Наконец террористический акт достиг цели. При попустительстве (если не сказать пособничестве террористам) ближайшего царского окружения, бездеятельности полиции, жандармерии и охраны Александр II был убит. Вот как описывает это историк А. П. Лаврин (привожу его описание со своими замечаниями, чтобы читатель обратил внимание на некоторые детали).

«В феврале 1881 г. премьер-министр Лорис-Меликов доложил царю, что, по сведениям полиции, исполнительный комитет «Народной воли» готовит очередное покушение на него, но план этого покушения раскрыть не удастся (стало быть, теракт следует ждать в любую минуту – *А. К.*). Утром 1 марта Лорис-Меликов еще раз предупредил Александра II о грозящей опасности. Он убедительно просил царя не ездить в этот день на парад в манеже, который традиционно проводился по воскресеньям (значит, были веские основания для такой «убедительной» просьбы – *А. К.*). Царь не послушался (и ни премьер, ни министр внутренних дел даже не подумали усилить охрану, Александра по-прежнему сопровождал лишь небольшой конвой из черкесов – *А. К.*).

На обратном пути, когда экипаж с эскортом следовал по набережной Невы, в укрепленную бондажом карету царя народоволец Рысаков бросил бомбу. Карета была повреждена, осколками ранило несколько черкесов из конвоя, но Александр II не пострадал. Кучер убеждал царя не выходить из кареты, он клялся, что в повреждённом экипаже доведёт императора до дворца. И всё же Александр вышел. Как пишет революционер-анархист князь Кропоткин, «он чувствовал, что военное досто-

инство требует посмотреть на раненых черкесов и сказать им несколько слов. Так поступал он во время русско-турецкой войны».

Тем временем террорист Рысаков, бросивший бомбу под карету, был схвачен. В него вцепилась сразу несколько человек. Царь, пошатываясь, подошёл к нему, посмотрел на него с минуты и охрипшим голосом спросил:

– Ты бросил бомбу?

– Да, я.

– Кто таков?

– Мещанин Глазов...

Александр II помолчал и после паузы проговорил:

– Хорош.

Царь был сильно оглушён взрывом, и, очевидно, голова у него работала неясно... Едва царь двинулся дальше, как с ним сблизился другой террорист – Гриневицкий, стоявший на набережной со свёртком, в котором была спрятана бомба, и бросил её между собой и царём так, чтобы убиты были оба (и никто ему дорогу не преградил – *А. К.*).

Второй взрыв прозвучал сильнее первого. Растерянность окружающих привела к тому, что на месте помощи Александру не оказали (да ее и некому было организовать, т. к. никого из полицейских, жандармских или иных чинов, а также врачей при императоре не оказалось – *А. К.*). Некоторое время рядом с (смертельно раненным – *А. К.*) царём вообще никого не было! Затем к нему подбежали кадеты, возвращавшиеся с парада, жандармский ротмистр Колюбакин и ... третий террорист Емельянов! При этом Емельянов держал под мышкой свёрток с бомбой. Подбежавшие помогли перенести царя в сани (не жандармы, полицейские или охрана, в которой всего несколько человек было ранено осколками – *А. К.*). Кто-то предложил внести монарха в первый же дом. Александр II услышал это и прошептал:

– Во дворец... Там умереть...

Одежда его была сожжена или сорвана взрывом, царь был наполовину гол. Правая нога его была оторвана, левая раздроблена и почти отделилась от туловища. Лицо и голова были изранены...

В том же состоянии паники внесли его из саней во дворец, не на носилках, даже не на кресле, а на руках. Люди засучили рукава, перепачканные кровью, как у мясников на бойне... По мраморным ступеням лестницы, затем по коридору царя внесли в его кабинет... Он был в бессознательном состоянии.

Растрепанный фельдшер Коган прижал артерию на левом бедре (вот только когда человеку с оторванными ногами, истекающего кровью пришла первая медицинская помощь! – *А. К.*). Доктор Маркус заглянул в медленно раскрывшийся окровавленный левый глаз умирающего и упал на стул, лишившись чувств ... В комнату вбежал лейб-медик, знаменитый врач Боткин. Но и его искусство было (уже – *А. К.*) бессильно...

Глаза царя без всякого выражения смотрели в пространство. Боткин, слушавший пульс царя... опустил окровавленную руку.

– Государь император скончался. – объявил он твердым голосом».

Наследник Александра II Александр III, боясь разделить участь отца, переехал жить из Зимнего Дворца в пригородный Гатчинский, который фактически был крепостью, недоступной для посторонних. До конца дней своих новый император ненавидел террористов, но ещё больше - преобразования в государстве, начатые его отцом.

Как уже не раз было в истории (например, после Петра, Ивана Грозного), силы реакции и на этот раз принялись отменять дарованные народу права и свободы. Прежде всего Александр III нанёс удар по земскому самоуправлению. Теперь земских начальников стал назначать министр внутренних дел, и они объединили в своих руках как исполнительную, так и судебную власть. Это дало толчок для расцвета в уездах беззакония и коррупции. Кроме того подавляющее большинство мест в земствах было законодательно отдано дворянству. Наконец, самостоятельность земств существенно ограничивал новый государственный орган – губернское по земским делам присутствие. Всё это, несмотря на отмену крепостного права, сделало огромную крестьянскую массу такой же бесправной в вопросах местного самоуправления, какой она была три с половиной века

назад - до реформ Ивана Грозного.

Государство усилило контроль над земскими школами, стало вмешиваться в образовательные программы всех учебных заведений страны. В университетах отменили выборные должности, преподаватели и административные лица теперь назначались либо министром народного просвещения, либо попечителем учебного округа. В судах усиливалось представительство дворян и ограничивалось число заседателей малоимущих сословий, до минимума сведена публичность слушаний. Перестали выходить радикальные и многие либеральные издания, одна за другой закрывались газеты. Основанием для этого служил единственный критерий - если обер-прокурору Священного Синода показалось, что какая-то публикация является крамольной.

Словом, махровая реакция выползала из всех щелей. Борясь с терроризмом и вольнодумством средневековыми методами, правительство Александра III само толкало народ к революции.

РУССКИЙ ФЛАГ НАД АМУРОМ

Вернёмся, однако, к нашему Приамурью. Этому благословенному краю вместе с не менее благословенным Приморьем, похоже, самой судьбой было предопределено стать составной частью России. Но вот уже больше полутора веков их территория оставалась ничейной, никому не принадлежащей. Такой странный статус придал этим землям Нерчинский пограничный договор 1689 года между Россией и Китаем, фактически охранявший не суверенные территории двух государств, а пустую часть азиатского материка.

Эта ничейная земля была огромна, превосходила по площади крупнейшие страны Европы – Англию, Францию, Германию и Испанию, вместе взятые. И что удивительно, условия договора неуклонно выполнялись – ни маньчжуры, ни китайцы, ни русские не нарушали существующие лишь виртуально границы.

Читатель наверное помнит, что составители Нерчинского договора в своё время не смогли прийти к согласию по всем во-

просам и приняли документ, больше похожий на протокол о намерениях. Если бы специалисты попытались на основании этого «протокола» провести демаркацию границы на местности, у них ничего не получилось бы, так как она во многих местах была определена лишь в самых общих чертах, а в низовьях Амура и в Приморье – вообще не оговорена.

В своё время на посольском съезде в Нерчинске делегации решили сделать это позднее, когда «похотят» русский царь и цинский богдыхан. Однако прошли годы, десятилетия, а такого «похотения» никто не проявлял. Огромная территория на восточной окраине Азии оставалась бесхозной, сюда не долетали ветры никаких перемен.

Между тем остальной мир неузнаваемо изменился. К середине XIX века Великие географические открытия были в основном завершены. Наиболее могущественные европейские страны, имеющие сильный военный флот, поделили между собой колонии, водрузив свои государственные флаги над Африкой, Австралией, Америкой, югом Азии. Практически не осталось территорий, которые не входили бы в зону их интересов и влияния. Исключение в этом плане составляли разве что Приамурье и Приморье.

Но вот началась борьба за передел мира. В 1853 году вспыхнула «передельческая» война между Россией и коалицией европейских государств в составе Англии, Франции и Турции за обладание Крымом. Полвека с небольшим назад Екатерина II вернула этот русский остров в состав нашей страны, но опять главные пиратствующие государства мира решили его отобрать. Заодно они нацелились и на Дальний Восток, понимая, что отстоять там свои земли России будет очень трудно.

Уже в 1853 году российское руководство получило информацию, что Англия и Франция сформировали совместную эскадру из 56 военных кораблей, которая отправляется в дальневосточные воды. Над российским охотском побережьем, Сахалином и Камчаткой нависла угроза захвата. Можно было не сомневаться, что не останутся главные мировые акулы и перед тем, чтобы проглотить ничейные Приамурье и Приморье. Для защиты этого огромного региона требовалось срочно направить

туда войска. Но как перебросить их за тысячи вёрст по труднопроходимой местности, пересекаемой множеством горных хребтов и текущих с юга на север широких рек при полном отсутствии дорог? Сколько не ломали головы высшие чины страны над этой проблемой, выходило, что перебросить на окраину азиатского материка хотя бы первую группировку войск до появления там эскадры не удастся.

Но вот на приём к императору запросился генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьёв. Николай I ему благоволил, разрешил обращаться напрямую, минуя Особый комитет по делам Сибири, и хозяин всего востока России этим решением часто пользовался. На сей раз он принёс монарху свой вариант решения проблемы, которую в Особом комитете уже считали неразрешимой. Но прежде чем приступить к изложению этого варианта, расскажем подробнее о самом Николае Николаевиче Муравьёве.

В свои 38 лет он успел повоевать на Кавказе, получить за боевые действия высокие государственные награды, звание генерала и даже стать военным губернатором Тульской губернии. Столь быстрый рост молодого офицера вызвал зависть у многих петербургских начальников, исполнявших свою службу не ради процветания и славы отечества, а исключительно для собственной выгоды и наград. Ещё больше завистников и соответственно врагов появилось у него, когда в 38 лет государь назначил Муравьёва генерал-губернатором Восточной Сибири - огромнейшего края, превосходящего по территории все государства Европы, вместе взятые.

Уроженец Санкт-Петербурга, не бывавший прежде за Уралом, Николай Николаевич после неожиданного назначения принялся жадно читать старые книги о Сибири. Немало любопытного написано в них было и о Приамурье. Например, в «Описании новых земель, сиречь Сибирского царства» автор общал:

«Та земля зело добра понеже всех государских Сибирских ... На той земле всякой хлеб родится... А по великой реке Амуре по берегам и островам сам собой виноград растёт кроме человеческого труда. В великой реке Амуре против Албазинского

острога и вниз рыб белуг чистых, больших калужек, осетров, стерляди, сазанов и всякой мелкой бесчисленно много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати... А с левой стороны великие реки Амур с Ленского боку... зело великие леса и всякого зверя без числа много и по рекам рыбы такожде много».

Какое же сердце патриота своей страны, готового жизнь отдать ради приумножения богатств родного Отечества, не затрепещет при чтении такого «описания»! Но то была лишь часть достоинств «Великия реки Амур». Вступив в должность генерал-губернатора и приехав в Иркутск, Муравьёв убедился скоро, что не меньшее, если не большее, значение для России имеет и исключительное географическое положение этой действительно великой реки.

Так уж распорядилась матушка-природа, что все крупные реки, пересекающие Сибирь, текут с юга на север, впадая в Великий ледовитый океан. И только Амур, пронизав часть Сибирского пространства, несёт свои могучие воды к Тихому океану, западное побережье которого вместе с Камчаткой, Чукоткой, островом Сахалин и другими, более мелкими островами давно уже стали частью России.

Перед восточно-сибирской администрацией постоянно возникал вопрос - как доставить из Сибири к далёким восточным гарнизонам продовольствие, обмундирование, порох и прочее снаряжение? Всё это приходилось везти за тридевять земель вьючными лошадьми, через непролазные таёжные дебри и труднопроходимые горные хребты - медленно, с большими лишениями, а нередко с потерями груза и людей. Туда же вёл и удобный водный путь, который мог бы сделать восточную окраину многократно доступнее и ближе. Но ходить на Амур вот уже почти два века русским людям было высочайше не велено, дабы не раздражать Цинских императоров, которые всё ещё правили в Китае (от власти маньчжуров китайский народ освободился лишь в 1912 году).

При первой же возможности Муравьёв обратился к императору с нижайшей просьбой решить, наконец, в Пекине для обоюдной пользы вопрос о совместном владении Амуром. Он

считал, что именно эта река должна стать естественной границей между двумя государствами, причём всё левобережье - отойти к России. Маньчжурам же, по мнению Муравьёва, следовало занять правобережье. Это было бы лучшим, самым справедливым и удобным для обеих сторон разграничением территорий.

Николай I благосклонно отнёсся к прошению восточносибирского генерал-губернатора и направил его ходатайство для принятия решения в Особый комитет по делам Сибири. Однако большинство членов этого могущественного органа были враждебно настроены к Муравьёву и предписали ему лишь продолжить изучение и освоение Охотского побережья, но ни в коем случае не приближаться к Амуру.

При Николае I чиновничество вообще стало решающей силой в управлении государством. Император ввёл контроль за всем спектром социально-политической жизни в стране, при нём бюрократический аппарат вырос в четыре раза, однако это не улучшило управляемость ни в экономике, ни в культуре, ни в просвещении, ни в медицине, ни в правоохранительной сфере. Передовые инициативы, попадая в правительство, тонули в бесконечных обсуждениях и согласованиях, решения по ним в чиновничьих кабинетах зачастую принимались прямо противоположное тому, что предлагалось. Так случилось и с инициативой Муравьёва, несмотря на предварительную поддержку императора.

Особенно яростно выступали против переговоров с Пекином о разграничении территорий председатель Особого комитета, министр иностранных дел граф Нессельроде и военный министр граф Чернышов. Они утверждали, что присоединять северное Приамурье к России вообще не имеет смысла, так как сам Амур-де в нижнем течении не судоходен. Это, мол, неопровержимо доказали некоторые известные мореплаватели, чьи неоднократные попытки войти в реку с моря закончились неудачей.

Муравьёв не верил этим мореплавателям. Такая широкая и глубокая река, несущая к морю гигантскую массу воды с огромной скоростью не могла в низовьях раствориться в песках

и перестать быть судоходный. Она просто обязана была пробить себе свободный путь в океанские просторы. У мореплавателей же просто не было времени тщательно изучить Амурский лиман. Поэтому предписание Особого комитета не приближаться к Амуру Муравьев считал неправильным.

Вернувшись из столицы в Иркутск, он на свой страх и риск дал указание научной экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Невельского при исследовании Охотского побережья войти в Амурский лиман и во что бы то ни стало отыскать там глубоководный фарватер для прохождения больших судов.

Полностью разделявший озабоченность Муравьева судьбой Амура Геннадий Иванович Невельской с честью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Экспедиция привезла из лимана многочисленные свидетельства, подтверждающие правильность амурской политики восточносибирского генерал-губернатора. Во-первых, в лимане был найден даже не один, а три глубоководных фарватера, проходимых для больших судов. Во-вторых, местные жители сообщили, что на всем протяжении Амура до самого Хингана ни слева, ни справа нет ни одного китайского или маньчжурского поста, что все народы, обитающие на этом пространстве - по рекам Амур, Зея и Уссури вплоть до морского побережья - не подвластны пекинскому правительству и ясака ему не платят.

В одном из гиляцких селений Невельской встретил джихана - маньчжурского купца, и тот подтвердил, что маньчжурские власти запрещают им, джиханам, спускаться на Амур, поэтому они бывают здесь самовольно, с ведома лишь мелких чиновников, которым платят взятки. Наконец, гиляки и мангуны, живущие на побережье Сахалина и татарского пролива, пожаловались, что в последние годы к ним приходят большие заморские суда, которые останавливаются у берегов, а иностранцы отбирают у рыбаков что хотят и совершают разные бесчинства, за что их никто не наказывает.

Невельской в целом был доволен результатами своей экспедиции. То, что ей удалось опровергнуть ошибочное заключение известных мореплавателей и доказать судоходность одной

из крупнейших в мире рек на всём её протяжении, было, возможно, равнозначно даже великому географическому открытию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во всяком случае теперь ни у кого не было оснований оспаривать права России на Амур и прилегающие к нему территории, не находящиеся ни под чьей юрисдикцией.

А вот последняя новость Невельского сильно встревожила. Появление в Татарском проливе неизвестных судов, особенно если это были военные корабли, не сулило ничего хорошего. Ясно, что чужестранные капитаны заглядывали в Татарский пролив не ради простого любопытства. Рано или поздно они тоже найдут в Амурском лимане фарватер и тогда... России дорого обойдётся беспечность её высокопоставленных петербургских сановников.

Что было делать русскому морскому офицеру в такой ситуации? Невельской собрал окрестных гиляков, гольдов, мангунов и в присутствии маньчжурского джейхана объявил, что хотя русские давно здесь не были, но они всегда считали Амур и всю страну вдоль моря своей принадлежностью. Посему всех обитающих в крае жителей русский великий царь отныне принимает под своё высокое покровительство и защиту. В подтверждение сказанного Невельской выдал вождям племён грамоты для иностранцев, где говорилось, что «...на территории российских владений ничьи самовольные распоряжения, а ровно и обиды обитающим здесь племенам не могут быть допускаемы».

А чтобы уже окончательно за столбить эту землю за Россией, Невельской выбрал подходящее место и 1 августа 1850 года основал там военный пост, назвав его Николаевским. Этот пост, состоящий из пяти матросов, стал первым органом российской власти в низовьях Амура. Как и положено, над постом взвился русский военный флаг, прозвучал салют из фальконета и ружей.

После столь великолепных открытий Невельского Муравьев мог торжествовать победу. Научная экспедиция полностью опровергла утверждение петербургских вельмож о несудоходности низовий Амура и бесполезности для России этой великой реки. Однако и теперь большинство членов Особого комитета

не нашли в донесении восточносибирского губернатора и начальника экспедиции ничего заслуживающего внимания, кроме злого нарушения Невельским предписания не заходить в Амурский лиман. Срочно вызванный в столицу, Геннадий Иванович узнал, что уже подготовлено решение о его разжаловании в рядовые и ликвидации учрежденного им Николаевского поста.

На счастье, Муравьев тоже прибыл в Санкт - Петербург, а он, как уже говорилось, имел право обращаться непосредственно к государю, минуя Особый комитет. Но попытка защитить Невельского и отстоять свою позицию у императора могла закончиться плачевно: это окончательно испортило бы отношение самого Муравьева с двумя самыми могущественными министрами правительства и большинством членов Особого комитета, от которых зависело принятие решений по Сибири. И всё же Муравьев поступил так, как велели совесть и долг. Он объяснил Николаю I, что Невельской вошёл в Амурский лиман согласно его, генерал-губернатора, воле, а дальше, в связи с открывшимися обстоятельствами, особенно с известием о появлении чужеземных судов в Татарском проливе, он действовал абсолютно разумно, в интересах своего отечества, как подобает русскому офицеру.

Император нашёл объяснение Муравьева убедительным, назвал поступок Невельского молодецким, благородным и патриотическим и пожаловал ему орден святого Владимира IV степени. А на проекте решения Особого комитета о ликвидации Николаевского поста начертал: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен».

Насколько правы были Муравьев и Невельской, отстаивая претензии России на Амуре, вскоре показала Крымская война. К сожалению, к этому времени переговоры с Цинским двором о совместном использовании реки Амур по вине министров, заседающих в Особом комитете по делам Сибири, даже не начинались. Поэтому Муравьев был вынужден обратиться напрямую к императору со своим особым предложением.

Суть его заключалась в следующем. Раз река Амур не объявлена чьей-либо территорией, то и разрешения о сплаве по

ней войск ни у кого спрашивать не надо. Посему следует готовить все имеющиеся плавсредства, вязать плоты, на которых по освобождении рек ото льда и отправить войска из Забайкалья в низовья Амура. Нарушением Нерчинского договора это не будет, ибо на ничейную территорию войска ступать не станут, а плыть по реке договор не запрещает. Но чтобы в Пекине не волновались, следует уведомить их богдыхана, что к этой мере мы прибегаем вынуждено, так как надобно защищать наши восточные земли от захвата европейскими державами. Никакой, мол, иной цели у нас нет. Богдыхан поймет, ведь англо-французская эскадра будет угрожать не только нам, но и ему.

Император долго раздумывал, но, не видя иного выхода, дал-таки согласие на сплав. Однако предупредил: «Чтобы на всем протяжении реки и порохов не пахло». Конечно же этот приказ государя генерал-губернатор Восточной сибиря готов был выполнить в точности.

Сплав начался 14 мая 1854 года и длился ровно месяц. За это время караван из нескольких десятков огромных плотов, барж, лодок во главе с пароходом «Аргунь», на котором находился сам генерал-губернатор, проследовал от верховьев до устья Амура без единого выстрела. Да и препятствий чинить русскому войску было никому – ничьих селений на берегах не оказалась.

На Охотское побережье и Камчатку этот сплав подоспел вовремя. Едва солдаты и казаки прибыли в Петропавловск и соорудили там защитные укрепления, как на морском горизонте появилась англо-французская эскадра. В течение всего июля усиленный петропавловский гарнизон отбивал яростные атаки вражеского флота. В конце концов командование эскадры отказалось от попыток захватить город и корабли ушли в море.

Весть об успешном отражении грозного врага (в объединённую эскадру, напомним, входило в общей сложности 56 военных кораблей разного типа) на далёкой Камчатке быстро облетела всю Россию. Дошла она и до защитников Севастополя, придав им больше стойкости и силы духа. Однако защищать от неприятелей всё восточное побережье сил у Муравьёва явно не хватало. Без пригляда оставалось немало мест, прикрыть кото-

рые было ничем. Весной 1855 года на одну из незащищенных бухт – Декастри вблизи Амурского лимана - наткнулся американский фрегат, беспрепятственно уничтоживший оборудованные там военные склады.

Опасаясь повторения таких разгромных налётов и захвата отдельных бухт, Муравьёв в начале навигации 1855 года организовал второй сплав по Амуру. На этот раз караван состоял из 125 барж, которые перевозили на Охотское побережье ещё одну партию войска. Осенью английский флот снова появился в бухте Декастри, но теперь его встретил хорошо укреплённый военный гарнизон. Вот как описывает состоявшееся здесь сражение один из его участников, казак Давыдов, рассказ которого приведён в «Краткой истории Амурского казачьего войска», изданной в 1912 году в Благовещенске:

« Пошел снег, и никто не думал о войне. Как вдруг с рассветом 3 октября все были ошеломлены: впереди американского судна словно по какому-то волшебству появились без флагов два военных парохода и фрегат, с бортов которых грозно выглядывали жерла пушек. На палубах не видно было ни одной души. Наши моряки, пристально всматриваясь в конструкцию судов, затруднялись ответить, какой нации они принадлежат. Чувствовалось определённно лишь то, что новопришельцы – наши неприятели и появились они, конечно, с недобрыми намерениями.

В выжидательном положении мы оставались до часу дня, как вдруг из-за тыльных бортов разом выплыли 16 баркасов под английским флагом с вооруженными людьми и, вытянувшись в две колонны, поплыли на вёслах к берегу...

Неприятельские гребцы сильно работали вёслами в упор морскому отливу, благодаря которому плавание шло довольно медленно. Вот первый ряд совсем уже приблизился, два баркаса коснулись обнажённого отливом берега. В этот момент грянула пушка и грохнули наши залпы. Моментально англичане в баркасах вскочили на ноги и открыли огонь ...оружейными залпами. При первых же выстрелах неприятеля пуля раздробила Ченскому (пушкарю – А. К.) кость правой руки выше кисти, но он сгоряча ... выпалил из орудия и столь удачно, что ядро попало в один из баркасов.

Произошло смятение, началась пересадка людей, а на фрегате заиграли отступление. Когда баркасы повернули назад, наши казаки, воодушевлённые удачей, выбегали из разных углов с криками «ура» и провожали отступавших непрерывной пальбой.

Англичане продолжали с лодок отстреливаться, а с пароходов и фрегата разом загрохотали все пушки. Град бомб, ядер и шрапнели сыпался у нас по лесу, иногда вырывал деревья с корнями. Залп за залпом следовал беспрерывно, только в 6 часов вечера стрельба окончилась».

Несмотря на мощный обстрел карабельной артиллерии, защитники Декастри, благодаря надёжным инженерным сооружениям, потеряли всего 4 человека убитыми, еще 8 было ранено. Осада продолжалась 14 дней, однако английские пушки так и не смогли нанести защитникам Декастри серьёзного вреда. 17 октября корабли ушли ни с чем.

Блистательные победы русских солдат и казаков на Дальнем Востоке при значительно меньших потерях, чем на Чёрном море, подняли авторитет восточно-сибирского генерал-губернатора, особенно в глазах государя. Невероятно, но после этого император доверил лично ему, а не министру иностранных дел, вести переговоры с Пекином о новом разграничении территорий двух государств.

Эти переговоры Муравьёв фактически уже вёл. Во время сплавов по Амуру он встречался с представителем Цинского императора и подробно излагал ему свой план, о котором тут же сообщалось в Пекин.

Теперь пекинские власти начали понимать, что ничейной земли между Цинской империи и Россией больше быть не может. Мир все сильнее содрогался от раскатов корабельных орудий, даже суверенные государства, не имеющие достаточной военной силы, одно за другим теряли свою независимость. Южная соседка Китая – Индия стала колонией Англии, её богатства англичане беззастенчиво грабили на глазах у всего мира. Другой Южный сосед Китая – Вьетнам попал в зависимость от Франции. Да и у восточных берегов собственно Поднебесной всё ча-

ще появлялись военные корабли под флагами европейских стран, о намерениях которых догадаться было нетрудно.

И всё же с подписанием договора об установлении границ по Амуру в Пекине медлили. Цинский император выжидал, когда русские, в одиночку защищая восточную окраину азиатского материка, сами управятся с европейскими пришельцами. И лишь после завершения Крымской войны и выдворения из Охотского моря коалиционного флота дал, наконец, согласие на официальные переговоры.

Эти переговоры состоялись весной 1858 года в маньчжурском городке Айгуне. 16 мая был подписан долгожданный договор о разграничении территорий, получивший название Айгунского. С российской стороны его скрепил своей подписью генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, с китайской – тесть Цинского императора князь Ишан.

Согласно этому документу, всё левобережье Амура от верховьев до устья признавалось территорией России, а правобережье до впадения в Амур Уссури – владениями Цинской империи. Судьбы же земли Восточнее Уссури было решено обсудить позднее. Через два года – в 1860-м – по Пекинскому договору к России отошли и эти земли вплоть до самой корейской границы.

То был последний аккорд российской экспансии на восток, начатый ещё в XVI веке походом Ермака. Благодаря исключительно разумной политике по отношению к аборигенному населению Сибири, дальновидной и жёсткой международной дипломатии эта экспансия завершилась присоединением к России в результате переговоров огромной территории с богатейшими природными ресурсами, в том числе двумя миллионами десятин пахотной Земли.

К моменту подписания Айгунского и Пекинского договоров в России уже был новый император – сын Николая I Александр II. Он по достоинству оценил заслуги в так называемой «Амурской кампании» восточно-сибирского генерал-губернатора и его сподвижников. Муравьеву был присвоен титул графа с добавлением к фамилии слова «Амурский». В российской истории немного великих сынов отечества, имеющих

на фамильном гербе название той местности, в коей навеки прославили они имя своё: Александр Невский, Дмитрий Донской, Потёмкин - Таврический, Суворов - Рымникский, ещё несколько именитых мужей. Теперь эту славную плеяду пополнил и Муравьёв - Амурский. Остальные участники «Амурской кампании» также получили высокие чины и награды.

Чтобы не потерять вновь приобретённый край, его следовало как можно скорее заселить. Сделать это из-за отдалённости территории от центральной России и малолюдности Сибири казалось практически невозможным. Ведь только вдоль речной границы, которая протянулась на тысячи вёрст по Амуру и Усури, надо было немедленно, в первую очередь, поставить более ста казачьих хуторов и станиц. Где взять такую массу людей?

Оказалось, что и эту проблему Муравьёв обдумывал едва ли не с первых дней своего генерал-губернаторства. Ещё в 1851 году он уговорил Николая I освободить от крепостной зависимости 27 тысяч бывших каторжан, отбывших свой срок и обращённых в горнозаводских крестьян, жизнь которых мало чем отличалась от каторжной. Этим людям, к великой радости, вернули гражданские права, из них сформировали 3 полка и 3 бригады, которые влились в Забайкальское казачье войско. Большую часть вновь испечённых казаков, боготворивших Муравьёва за дарованную им свободу, он и собрался переселить на Амур.

Подготовка к переселению началась ещё до подписания Айгунского договора. Твердо убеждённый в том, что такой договор непременно будет заключён, Муравьёв заранее наметил места вдоль левобережья Амура для будущих хуторов и станиц, приказал расчистить там от зарослей тальника площадки, на которых установить хорошо видимые с реки щиты с названиями поселений. Эти названия давались в основном в честь первых землепроходцев, прославившихся при покорении Сибири и освоении Амурского края в XVI - XVII веках, а также в честь офицеров, чиновников и прочего люда, особо отличившихся в последнюю «Амурскую кампанию».

В 1857 году был осуществлён даже пробный «невоенный» сплав. Генерал-губернатор переправил на средний Амур не-

сколько сотен казачьих семей и основал там 14 хуторов. Хотя в его распоряжении имелось достаточно барж, в караване плыли и плоты, связанные из вырубленных в забайкальской тайге лесин, а также разобранных жилых домов и хозяйственных построек. Их сплавливали для того, чтобы на новом месте, в безлесой степи, казаки смогли быстро отстроиться.

Этот опыт очень пригодился в дальнейшем, когда после заключения Айгунского договора переселение казаков на верхний и средний Амур стало массовым. Уже к концу 1859 года на всём русском побережье до Уссури было отстроено свыше шестидесяти хуторов и станиц, а у слияния Амура и Зеи возвышались постройки нового города, ставшего центром учрежденной высочайшим указом Амурской области.

Обычно новым населённым пунктам давал названия сам Муравьёв. Областной центр он решил назвать Россияславом. Однако преосвященный владыка Иннокентий предложил другое имя городу – Благовещенск. Оно так понравилась Муравьёву, что тот воскликнул: «Быть посему!».

Людские резервы, находившиеся в распоряжении восточно-сибирского генерал-губернатора, очень скоро иссякли, а ещё следовало заселить нижний Амур до самого океана. Муравьёв и тут нашёл неожиданный выход. Вот что пишет об этом очевидец тех событий, выдающийся русский ученый-географ Петр Кропоткин.

«Муравьёв добился освобождения тысячи каторжников, которых решил устроить как вольных поселенцев по низовьям Амура. Перед тем, как они сели на плоты, Муравьёв произнёс речь: «С Богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте её русским краем, начните новую жизнь...».

Русские крестьянки почти всегда следуют в Сибирь за посланными мужьями. Таким образом, поселенцы имели свои семьи. Но были и холостые, которые заметили Муравьёву: «Мужик без бабы – ничего. Жениться нам нужно». Генерал-губернатор сейчас же согласился, велел освободить каторжанок и предложил им выбрать мужей. Времени терять было нельзя. Полая вода быстро спадала в Шилке, плотам следовало сниматься. Тогда Муравьёв велел поселенцам встать на берегу парами, благосло-

вил их и сказал: «Венчаю вас, детушки. Будьте ласковы друг с другом, мужья не обижайте жён и живите счастливо...».

Браки, заключенные им, были не менее счастливы, чем браки вообще. Добрый, умный епископ амурский Иннокентий признал впоследствии эти браки и детей, рожденных в них, законными и приказал так и отметить в церковных книгах».

За тем, как Россия стремительно осваивает новый, почти безлюдный край, с удивлением и восхищением следили на Западе. Европейцы, особенно англичане, только что изгнанные из Охотского моря, отнюдь не питали к русским добрых чувств. Тем интереснее для нас узнать, что писали тогда у них о происходящем в Приамурье.

Летом 1859 года Муравьёва, отправившегося по Амуру в Японию для переговоров по поводу Сахалина, сопровождал английский писатель Руссель-Килуга. В своих записках он не скрывал разочарования по поводу того, что Амурский край достался не англичанам, а русским. Тем не менее, как добросовестный исследователь, автор записок старался объективно рассказать соотечественникам о том, что он увидел в некогда пустынном крае всего лишь через год с небольшим после прихода туда русских.

Вот выдержки из его книги.

«Что сказать об Амуре, если смотреть на него с точки зрения артиста или поэта? Я нахожу, что это одна из прелестных рек во всем мире. Она не страдает однообразием больших рек Америки, в водах её нет отвратительных чудовищ, река всегда чистая, прозрачная, берега её представляют всевозможные виды: то они покрыты лесом, то совершенно обнажены, то расстилаются, как океан, то возвышаются как остроконечные скалы».

«Мы поднялись с генералом Муравьёвым на холм, служивший убежищем стольких героев, в память которых воздвигнут деревянный крест... Теперь улицы этого Восточного Севастополя (Албазино – *А. К.*) совершенно спокойны и по ним разгуливают казаки, постоянно прибывающие сюда на Амур в огромных баркасах со своими семьями, собаками, лошадьми, санями, телегами и даже маленькими медвежатами».

«Берега становились всё населённее, и 31 мая утром мы услышали залп артиллерии, сквозь дым которого виднелся

длинный ряд домов Благовещенска... Генерал Муравьёв, вышедший на берег при громе пушечной пальбы, был встречен офицерами в парадной форме... Кто бы мог подумать, что в таком отдалении от наших цивилизованных стран существовали прелестные домики, роскошно меблированные, окружённые, несмотря на суровость климата, цветущими садами и снабжённые всем, что может доставить пищу уму и дать развлечения: фортепьянами, музыкой и романами».

«Они (амурские казаки – *А. К.*) знамениты, потому что род их идет от тех казаков, которые почти по кускам вырвали... половину Азии. Это очень красивое племя, среди которого можно встретить такие типы, которые, казалось, могли создаться только в воображении Рафаэля... Казаки обрабатывают землю и отличаются энергией и умом, которые видны в их поступках и в их умных честных физиономиях».

«В то самое мгновение, когда на вершине нашей мачты появился флаг Муравьёва, встреченный с острова оглушительным залпом находившихся на нём пушек, ... горы дрогнули в основании, приветствуя знаменитого гостя... Что до меня касается, то я не отводил глаз от Николаевска, его лесов, гор, и спрашивал самого себя: не первый ли я путешественник, который вступает в море, не видя на нём британского флага?»

Да, флаг над морскими воротами Амура развевался не английский, а русский. Тот самый, что поднял над Николаевским постом десять лет назад Геннадий Невельской.

В КРАЮ ВОЛЬНОГО ХЛЕБОПАШЕСТВА

И покатила по центральным губерниям, обгоня царских курьеров, народная молва, что далеко за Сибирью, по ту сторону великих хребтов, на самом краю Российской империи пахотной земли пустоет немеряно и что свободные от крепостной зависимости крестьяне могут перебираться туда на постоянное жительство.

Всяк слышавший эту молву тут же начинал теребить рассказчика – неужто правда? Откуда, мол, исходит такая весть –

от бродяг али власти? Вскоре и чиновники подтвердили: дескать, само правительство предлагает безземельным крестьянам не мыкать нужду на месте, а перебираться с семьями хоть и в далёкий, зато богатый край.

Правда, помощи на переселение казна не обещала. Тем, кто хотел бы покинуть малоземельную родину, следовало отправляться в обетованный край за свой счёт, со всем домашним скарбом, рабочим скотом и инвентарём. Но зато на новом месте правительство гарантировало каждой семье по сто десятин сельхозугодий (такого нигде в стране не было), пожизненное освобождение от подушной подати, на 20 лет – от налога на землю и обещало не брать сыновей в рекруты на четыре набора.

Всколыхнулась, загудела деревня от таких подробностей. И то: виданное ли дело, чтобы мужику столько земли обещали дать, от налогов освободить, а сыновей от солдатчины? Многие безземельные и малоземельные крестьяне ради такого сказочно-го подарка готовы были хоть на край света идти.

Бедняку собраться – только подпоясаться. Уже в начале лета 1858 года, едва левобережье Амура стало российским, туда с северного Урала отправился первый крестьянский переселенческий обоз. В нём было 23 семьи из Пермской губернии. Спешно распродав дома и имущество, они оставили при себе лишь скотину, сельхозинвентарь да тот крайне необходимый скарб, который смогли погрузить на подводы.

Мужики шли пешком вместе с жёнами и детьми, шли большей частью без дорог, ориентируясь лишь на восход солнца. Ночевали под звёздами, а то и под грозowymi тучами, лишь изредка встречая на пути русские поселения.

Только на третий год, в 1860-м, открылась, наконец, перед ними величественная гладь Амура и бескрайняя, уходящая за горизонт степь. Правый, китайский берег оказался пустым, а вдоль левого, русского, через каждые двадцать вёрст уже стояли казачьи хутора и станицы. Крестьянам надлежало селиться в глубине области, на почтительном расстоянии от границы. Пермякам отвели место верстах в ста к северу от областной столицы – города Благовещенска, на берегу не такой широкой, как Амур, реки Томь. Казачий офицер из канцелярии военного губернато-

ра, указав, где строиться, торжественно объявил, что первое крестьянское село на Амуре, основанное переселенцами из центральной России, будет называться в честь государя императора Александровским.

В центре будущей деревни вбили первый, символический, кол. Сопровождавшие обоз казаки из Благовещенска произвели салют – дали в воздух три оружейный залпа. Офицер посоветовал мужикам строиться попросторнее, не тесниться, а землю на семьё разрешил делить самим и пахать столько, сколько осият. Растроганные мужики крестились, бабы от радости плакали.

Проводив казаков в обратный путь, истосковавшиеся по крестьянской работе переселенцы принялись нарезать участки под усадьбы и пашню, сооружать землянки и поднимать целину под огороды. Не зная плуга земля оказалась тяжеловата, но всё равно успели посадить достаточно и картошки, и капусты, даже помидоры, для чего пришлось посылать гонцов в город, чтобы купили рассады.

Вернувшиеся с городского базара мужики не скрывали своего восторга. Купить там можно было всё – и на себя, и на ноги, инвентарь кованый, а уж об съестных припасах и говорить нечего – завались, даром что край новый, необжитый.

– И вот што я заприметил – окая по-уральски, рассказывал уважаемый всеми Фаддей Могильников. – В лаптях там никто не ходит – одни мы оказались. Мануфактура вся фабричная, есть даже из Америки. Дома в городе рубят добротные, сразу под цинк, с резными воротами. Народ хоть и пришлый, но уже справный. Словом, жить, похоже, можно.

В середине июля начали косить сено, а к концу августа вдоль рёлки, что возвышалась над Томью, уже белели свежеструганными крышами из дранки все 23 землянки. У кого рук в семье было побольше, успели выкопать даже погребца.

К концу осени удалось распахать пашню под посевы зерновых. Немного, но, по расчётам, достаточно, чтобы на следующий год обеспечить себя худо-бедно зерном, а скот – фуражом. Работа была нелёгкая, жизнь – несытая, деньги-то, вырученные на прежнем месте от продажи хат, подходили к концу, пришлось потуже затягивать пояса. Хорошо хоть не надо было

ни платить налоги, ни снаряжать старших сыновей-помощников в солдатчину, ни покупать лес: огромные лесины росли рядом, за Томью, вали сколько хочешь – и на избы, и на другие постройки хватит. А к обычным житейским тяготам и лишениям пермяки привыкли, дома-то тоже не катались, как сыр в масле.

В следующем 1861 году в России отменили крепостное право. Однако, как мы уже знаем, чтобы не оставить помещиков без рабочих рук, крестьянские семьи закрепили за общинами. Им было строжайше запрещено переселяться в Сибирь или Оренбуржье, на Алтай или в Забайкалье. Единственным местом, куда переселяться не возбранялось, а даже поощрялось, было Приамурье.

Вслед за Александровским в амурской степи возникают и другие крестьянские поселения. В 1861 году – Никольское, в 1862-м – Михайловка, Павловка, в 1863-м – Дмитриевка, Ключи Петропавловка, Прядчино, Троицкое, Томской, Черемхово, в 1864-м – Васильевка, Ивановка, Красный Яр, Москвитино, Новотроицкое, Саскаль, Среднебелое.

Такой дружный отток крестьян на Амур всполошил крупных среднерусских землевладельцев. По их ходатайству в марте 1868 года Министерство внутренних дел, ведавшее переселенческой политикой, издало приказ, запрещающий общинам отпускать крестьян даже в Приамурье. Однако остановить начавшийся процесс миграции было уже нельзя. Мужики шли на любую хитрость, чтобы сбросить с себя ярмо малоземелья. Например, испрашивали у общины разрешение отлучиться в город на зимние заработки, а, получив паспорт, тайно распродавали имущество и в один прекрасный день, вернее ночь, снимались с места всей семьей, чтобы отправиться в дальний путь.

Правда, после 1868 года поток переселенцев заметно сократился, но всё равно почти каждый год в Амурской области возникали одно-два новых крестьянских поселения – не могла же местная власть отправить самовольно прибывших обратно!

По прибытии на Амур крестьяне попадали в край вольного землепашества. Здесь не было помещиков, от которых и после отмены крепостного права экономически зависел мужик. Не было таких оборзевших чиновников, как в центральной России,

а те, что столоначальствовали, не имели прав, чтобы притеснять мужика. Каждая крестьянская семья по прибытии на место получала целое сокровище – по 100 десятин сельхозугодий, о которых на прежнем месте и мечтать не могла. Эта земля выделялась бесплатно, хотя и без права продажи, а если какой мужик хотел получить такое право, то мог купить её по 3 рубля за десятину. В центральной России в это время десятина земли, принадлежащей помещику, стоила в десять раз дороже.

Настоящими вольными хлебопашцами крестьяне на Амуре стали на полвека раньше, чем в остальной России. Их земля не делилась на узенькие полоски, разбросанные друг от друга на многие версты, она находилась вблизи усадьбы хозяина в виде большого массива, удобного для обработки. От мужиков никто не требовал единообразия в ведении хозяйства, не заставлял их придерживаться устаревшей системы земледелия, как это было в крестьянской общине. Имелся в области и рынок сбыта сельхозпродукции – хлеб, овощи, молоко, мясо требовались городу, многочисленным старательским артелям, пароходству, военному интендантству.

Оказавшись в таких благоприятных условиях, молодая амурская деревня начала стремительно обгонять деревню старорусскую. Прошло каких-нибудь двадцать лет после первых муравьёвских сплавов, а в стране уже заговорили о Приамурье, как об изобильной крае. Те, кто в конце 70-х – начале 80-х побывал здесь по казённой либо иной надобности, возвратясь обратно в центральную Россию, рассказывали или даже писали в газетах: мол, крестьяне на Амуре настолько зажиточны, что многие подворья их похожи на помещичьи усадьбы. И ведь то было недалеко от истины.

Чтобы убедиться в правоте авторов публикаций, давайте заглянем в уже знакомое нам село Александровское через двадцать лет после его основания. Сделать такую экскурсию нам поможет статистический отчёт о социально-экономическом положении села за 1881 год, хранящийся в областном государственном архиве. Для полноты картины привлечём данные, характеризующие положение дел в сельском хозяйстве России в целом.

Так вот, в селе Александровское, только что отметившем своё двадцатилетие, значилось 23 крестьянских двора, как было в год переселения. Никто из пермяков не покинул эту далёкую землю. А вот домов стало 36 – все добротные, крытые цинком. Семь семей построили себе по два дома, а три семьи – даже по три. К примеру, у Повых было всего четыре души, но они заранее срубили еще по дому для сыновей, которых скоро предстояло женить. В центральноевропейских губерниях одна крестьянская семья за редким исключением имела одну избу, крытую, как правило, соломой или дранью.

На один двор в Александровском приходилось от 5 до 12 лошадей. В европейских губерниях, согласно военной переписи, крестьянская семья имела в среднем лишь 1,29 лошади.

Крупного рогатого скота в Александровской держали по 8-14 голов на семью. В центральной России даже самые богатые крестьяне имели не больше 5 - 6 голов крупного рогатого скота.

Имелись в селе также кузница и пять мельниц – одна водяная и четыре конные. Ну и, конечно, амбары, надворные постройки для скота, навесы для инвентаря.

В Приамурье росли почти все те культуры, что и в Поволжье: пшеница, рожь, ячмень, овёс, гречиха, овощи, подсолнух, арбузы, лён, конопля. Из конопли делали масло и очень прочную ткань, которая называлась пасконной. Из этой пасконной ткани шили одежду, служившую значительно дольше льняной. Каждая семья производила продукции значительно больше, чем требовалось для собственных нужд. Вот как выглядел в 1881 году, например, зерновой баланс средней по численности семьи села Александровское Фаддея Могильникова, которого мы уже упоминали.

Глава семьи	Число душ	Собрано зерна	Пошло на еду	Пошло на семена	Пошло на фураж	Продано	Выручено
Фаддей Могильников	7	1156 пудов	126 пудов	173 пуда	452 пуда	404 пуда	384 руб.

Полеводство для жителей Александровского являлось главным, но не единственным источником дохода. Какую-то прибыль давало и животноводство. Ведь тот же Могильников держал 12 голов крупного рогатого скота и 6 свиней. Для собственных нужды семьи из 7 человек это очень много – понятно, что часть мяса, а, может быть, и масла шла на продажу. К сожалению, в статотчётах нет данных о доходах, вырученных за мясную и молочную продукцию. Но и 384 рубля по тем временам деньги немалые. На них можно было обеспечить семью всем необходимым да ещё и построить или купить добротный дом.

А вот другой любопытный документ – отчет Приамурского генерал-губернатора (штаб-квартира находилась в Хабаровске) государю императору за 1884 – 1886 годы. В нём есть страницы, посвящённые переселенческой политике, а также отзывы главы восточной окраины России о переселенцах в Амурскую область и Южно - Уссурийский край.

Оказывается, переселенцы были двух видов – «самокоштные», добравшиеся на Дальний Восток за свой счёт, и «казённокоштные» – получившие помощь от государства. Первые переселялись с 1858 года вплоть до начала XX века, вторые – в 80-е годы через Одессу пароходами в Приморье. Последних в 1883 - 1885 годах правительство перевезло из Черниговской области в Южно-Уссурийский край за казённый счёт 4729 душ.

«Правительство приняло на свой счёт расходы по постройке домов для этих переселенцев, по снабжению их необходимым скотом, земледельческими орудиями, домашней утварью, зерном на первый посев и продовольствием на 18 месяцев, – читаем в отчёте. – При таких условиях каждая переселенческая семья обошлась казне по 1290 рублей, а каждая душа - по 258 рублей. Несмотря на такую крупную поддержку правительства, казённокоштные переселенцы труднее и дольше устраивались хозяйством по прибытии в новый край, чем своекоштные в Амурской области.

На весьма трудное дело переселения, требующее энергии, здоровья, сметливости, терпения и предприимчивости, пошли люди (казённокоштные – *А. К.*), вовсе не обладающие означенными качествами, ... голытьба, неудачники, забитые судьбой

или собственным нерадением и неумением. Очевидно, что такие люди, вообще малопригодные к сельскому хозяйству, вовсе не могли годиться для трудной доли переселенцев. И действительно, по прибытии на место они оказались какими-то беспомощными, неумелыми, совершенно нерадивыми и надеющимися более на казённую помощь, чем на собственный труд. Некоторые из них пошли сразу же не на работу, а просить подавание Христа ради. Наконец между ними оказался немалый процент таких субъектов, которые ... увеличили собой число уголовных преступников...

Я тотчас же по приезде во вверенное мне генерал-губернаторство сделал попытку привлечь переселенцев в Южно-Уссурийский край без выдачи им правительственного пособия и разрешил переселяться в край тем крестьянским семьям, которые были в состоянии произвести в Одессе уплату за свой переезд на пароходе во Владивосток и сдать капитану парохода по 600 рублей каждая для обеспечения своего устройства на новых местах. Деньги эти возвращались переселенцам тотчас по прибытию их во Владивосток, и затем никаких пособий от казны не выдавалось. Охотников переселиться на этих условиях оказалось довольно много, но вследствие внезапности этой меры устроить свои дела успели в 1885 году только 130 семейств. Переселенцы эти, прибывшие в Южно-Уссурийский край, сразу зарекомендовали себя совершенно иначе, чем казеннокоштные: они оказались гораздо более осмотрительными, толковыми и энергичными и с самого начала вели себя совершенно лучше. Дальнейший опыт переселения на означенных основаниях (в этом году только что прибыло сюда 222 семейства), надеюсь, еще более выяснит его пригодность».

А вот в Амурскую область с первых дней переселения шли только так называемые «самокоштные» крестьяне. Продолжительность их пути зависела от того, с какими деньгами отправились они в дорогу, нужно ли им было останавливаться в пути и зарабатывать на жизнь. Чтобы добраться до Амура, для семьи из пяти человек требовалось 400 рублей. Генерал-губернатор приводит пример, когда переселенцам потребовалось на дорогу 11 лет. Но в основном обозы доходили сюда за

три года. Вот такой отзыв даётся в отчёте о переселенцах-амурчанах:

« Что же касается до переселения в Амурскую область, то оно идет гораздо лучше, нежели в Приморскую... Через всю Сибирь пускаются в путь только люди энергичные, осмотрительные, а если между ними и попадаются лица, не обладающие этими качествами, то они до Амура не доходят, а оседают где-нибудь на пути. В Амурской области сам собой установился разумный порядок водворения поселенцев на новые места. Прибывающие сюда переселенцы не садятся сразу на место, а рассматривают их в продолжении года, а иногда и двух, находясь в то же время на заработках у старосёлов и приглядываясь к способу, каким ведут они хозяйство. Благодаря этому переселенцы избегают ошибок, по крайней мере крупных, при окончательном водворении своём. При существовании в Амурской области высокой платы за рабочие руки зарабатывают даже в течение одного года столько, что могут приступить к устройству собственного хозяйства».

Сегодняшних амурчан, чьи предки пришли сюда во второй половине XIX века, не могут не радовать эти слова. Гордость берет за наших дедов и прадедов, которые были людьми сильными, смелыми, здоровыми, сметливыми, работающими, предприимчивыми. Они шли на Амур пешком, обозом, шли по три года вместе жёнами и детьми и уже хотя бы поэтому были людьми мирными. И пусть на телегах у них лежали дробовики, но это – не для худого дела, а для защиты от возможного грабежа и для охоты. Ни одно племя коренных народностей, заселявших восточную окраину Азиатского материка, не лишилось с их проходом своих пастбищ или охотничьих угодий, промысловых водоёмов или оленьих стад. Чтобы сделать эту землю пригодной для жизни, российские мужики, наши предки, полили её не чужой кровью, а своим потом.

А ведь далеко не всегда колонизация новых земель проходила на планете так мирно. На американский континент, например, европейцы высаживались с пиратских либо военных кораблей, вооруженные пушками и винчестерами, которые сразу же пускали в ход. На материке они убивали или сгоняли с земли

коренных жителей, после их вторжения многие племена просто перестали существовать. Вдумайтесь в такие цифры: в XVII веке в Северной Америке проживало 15 миллионов аборигенов, а к XX веку осталось лишь 200 тысяч.

Но вернёмся к отчету генерал-губернатора. Высказав похвалы в адрес амурских крестьян, он вместе с тем отмечает, что в целом сельское хозяйство области развивается не так быстро, как могло бы. Причина – в искусственном сдерживании переселения крестьян на восток страны, их насильственное удерживание после отмены крепостного права в крестьянских общинах. А ведь потребность в хлебе на восточной окраине с каждым годом росла. Людей на Амур притягивали не только обширные сельхозугодья, но ещё и богатые золотые россыпи. Тех, кто хотел попытать здесь удачу золотоискателя, никто в центральной России не удерживал, поэтому недостатка старателей в амурской тайге не было. Отрасль начала бурно развиваться, обгоняя по добыче драгоценного металла соседнее Забайкалье. В 1885 году, например, здесь добыли 343 пуда 5 фунтов золота, в то время как в Забайкалье – только 285 пудов 32 фунта.

Деятнадцать крупных приисков, созданных на территории области, надо было кормить. До поры до времени местные крестьяне с этой задачей справлялись. Однако наступил момент, когда собственного продовольствия стало не хватать. Кроме собственных нужд местные крестьяне стали обеспечивать хлебом только Благовещенск, Амурское пароходство и военное интендантство, а вот на отдалённые северные прииски пришлось завозить по 200 тысяч пудов зерна в год из Забайкалья.

Не могли помочь амурчане из-за своей малочисленности и Приморью, где сельское хозяйство, как явствует из отчёта генерал-губернатора, в 80-е годы вообще находилось в плачевном состоянии. Туда везли зерно из Китая и Японии – по 700 тысяч пудов в год и даже из Америки – до 50 тысяч пудов. Пробовали доставлять его и из Забайкалья, но это оказалось слишком дорого. Дешевле обходились перевозки по морю – из Одессы во Владивосток. Таким путём и стали ежегодно завозить хлеб в Южно-Уссурийский край по 250 тысяч пудов.

А в это время сотни тысяч десятин пригодной для обработки земли в Приамурье ждали своего пахаря. Среди малоземельных крестьян в центральных районах России многие хотели бы сюда перебраться, но не могли из-за запрета Министерства внутренних дел. С трудом удалось добиться Приамурскому генерал-губернатору, чтобы этот запрет будет снят. Только в середине 90-х годов после вмешательства императора общинам разрешили давать «вольную» своим крестьянам, если они хотели переселиться в Амурскую область или Южно-Уссурийский край.

И вновь пошли обозы с крестьянскими семьями из центральной России на далёкий Амур. К 1900 году сюда, несмотря даже на почти 20-летний запрет на переселение, перебралось из Нечерноземья, Среднего Поволжья, из черноземных густонаселенных губерний Малороссии 70 тысяч душ крестьянского населения. На Зее-Буреинской равнине появляется много новых сёл, быстро расширяется пашня, увеличивается валовое производство зерна, овощей, мяса, молока.

Но настоящий переселенческий бум начался в первом десятилетии XX века – в столыпинскую эпоху. Об этой эпохе мы поговорим подробнее в следующей главе, сейчас же коснёмся лишь отдельных эпизодов в деятельности Петра Аркадьевича Столыпина, связанных непосредственно с заселением и освоением Приамурья.

Столыпин считал, что, только по-настоящему используя сельскохозяйственный потенциал Сибири и Приамурья, Россия сможет стать одной из величайших аграрных держав мира, к чему он так стремился. Эту точку зрения ему пришлось отстаивать в упорной борьбе с многочисленными противниками. А они у премьера правительства были и в Государственной думе, и в Госсовете, и при дворе, среди губернаторов. Многие из них выступали не только против аграрной реформы в целом, но и против переселения крестьян в Сибирь и на Амур. Кое-кто в Госдуме и Госсовете даже так ставил вопрос: зачем вообще нужен России далекий Амурский край?

Петр Аркадьевич вновь и вновь поднимался на трибуну, опровергая ошибочные взгляды оппонентов. В мае 1907 года он говорил на заседании Государственной Думы:

«Россия, господа, не вымирает, прирост её населения превосходит прирост всех остальных государств мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даёт на одну европейскую Россию, всего на 50 губерний, 1625000 естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341000 семей. Поэтому надо заселять новые земли, а не делить старые».

Это был далеко не теоретический спор: в руководящих кругах страны как раз решался вопрос о строительстве Амурской железной дороги. К тому времени Транссиб уже был проложен от Челябинска до Владивостока, но в районе Байкала изыскатели замешкались, не сумев найти удобный проход через горные хребты. Достопыпинское правительство ждать не стало: арендовали полосу земли у Китая и проложили по ней железную дорогу от Владивостока до Манчжурии.

Таким образом, Забайкалье и Приамурье с богатыми золотыми, лесными запасами и огромными массивами пахотной земли остались в стороне от великого Транссибирского железнодорожного пути, что обрекало их на экономическое отставание.

Но через несколько лет поиск изыскателей увенчался успехом: проход через хребты нашли. Теперь можно было исправить стратегическую ошибку предшествовавшего правительства: проложить железную дорогу по своей территории и не зависеть в экономическом и военном отношении от соседа. Но оказалось, что построить вторую ветку через Маньчжурию обойдётся дешевле, чем полнопрофильную Амурскую железную дорогу. За это и ухватились противники столыпинской аграрной реформы. Ради своих политических амбиций они были готовы даже нанести непоправимый вред России – отказаться от огромной, уже обжитой россиянами территории.

Столыпину пришлось многократно выступать перед депутатами и членами Госсовета, доказывать, что Приамурский край нужен стране.

«Этот край теперь находится в таком опасном положении, – говорил он в мае 1908 года на заседании Госсовета, – что скоро может отпасть. Эта опасность – опасность мирного (то есть экономического – *А. К.*) завоевания края чужеземцами.

Господа, эту опасность пренебрегать нельзя, так как этот край нельзя приравнять, как это тут сделано, к побережью ледовитого океана, это не край, который можно было бы забросить, а край, которым заняться мы обязаны... Этот край не вновь завоеван, он находится во власти России уже десятилетия. У нас есть реальные факты относительно добычи в нём металлов..., есть сведения о приобретении в Амурской области пшеницы для Приамурского военного округа... Эти цифры растут с каждым годом, теперь они уже превышают 1 миллион пудов...

Не забывайте, господа, что у России... нет другого на востоке выхода в море... Насущной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путем с метрополией...

Относительно второй колеи КВЖД (Китайской Восточной железной дороги – *А. К.*) и речи быть не может, потому что КВЖД через 75 лет переходит к Китаю по арендному договору, а через 31 год Китай вправе её выкупить и наверное выкупит».

Несмотря на яростное сопротивление противников столыпинской реформы в Госдуме и Госсовете, Амурская железная дорога всё же была построена. После её пуска переселенцы ехали на Амур со всем своим скарбом и скотом в «столыпинских» вагонах до самого Благовещенска. За 1900 - 1913 годы в область переселилось ещё 90 тысяч человек. После торжественной встречи в столице Приамурья местные власти направляли их не в безлюдную степь, а, как правило, в обжитые деревни. Здесь уже имелись и мельница, и кузница, старожилы готовы были приютить вновь прибывших на время у себя в доме, поделиться хлебом, помочь инвентарём, тягловой силой. Деревня стала раздвигать границы, расти и крепнуть.

Особенно быстро увеличивалась пашня. Как и прежде, новосёлам трудно было осваивать целинные, нередко заросшие мелким кустарником земли, поэтому они нашли оригинальный выход из положения. Одни, как мы уже знаем из записки При-

амурского генерал-губернатора, сразу же нанимались к зажиточным старожилам и, заработав за год до 300 рублей, покупали 5-6 лошадей, инвентарь и в следующем году распахивали собственные десятины. Другие сдавали свой надел в аренду старожилам, а у них брали тоже в аренду немного готовой «мягкой» пахоты, которую можно было обрабатывать одной-двумя лошадами. И начинали создавать своё хозяйство сразу же. Потом возвращалась к ним и своя земля, уже распаханная крепкими старожильческими семьями.

И таких крепких старожильческих семей на Амуре было очень много. В центральной части области, заселявшейся в первую очередь, в начале XX века целые деревни почти сплошь состояли из зажиточных крестьян.

К сожалению, у амурчан, родившихся в годы советской власти (а это несколько поколений), сложилось извращенное представление о прошлом амурской деревни. Придя к власти и основательно развалив прочно стоявшее на земле амурское сельское хозяйство, местные большевики принялись внушать населению, что до революции было ещё хуже. Все средства их пропаганды – радио, газеты, кинофильмы, лекторы, агитаторы и т. д. ежедневно вдальблывали в голову граждан, что при царизме крестьяне на Амуре были забиты, неграмотны, что подавляющее большинство сельчан эксплуатировали и грабили кулаки. Усердствовали в обличении «проклятого капиталистического прошлого» не только штатные партийные идеологи, но и писатели, журналисты, историки (последние получали за свои разоблачительные труды учёные степени). Наиболее ретивые из них даже договорились для того, что приписывали амурским крестьянам массовое «безземелье» и «малоземелье», не объясняя, однако, зачем же правительство, особенно при Столыпине, предлагало мужикам переселяться на Амур, если не могло дать им здесь землю.

Но вот недавно в Благовещенске вышла книга местного историка И. Щукина «Очерки истории Тамбовского района Амурской области», которая опровергает эти измышления. Автор утверждает, что в селе Тамбовка, например, в 1909 году из 191 зарегистрированного крестьянского хозяйства к категории

«беспосевных» и «малопосевных» относились только 40. Стало быть подавляющее большинство хозяйств – 151 были зажиточными. Но и вышеназванные 40 семей не бедствовали. Во-первых, к «малопосевным» на Амуре относились хозяйства, которые засевали до 20 десятин, в то время как в европейской части России этот барьер равнялся двум десятинам. Понятно, что и зерна амурские «малопосевные» получали в 10 раз больше, чем их собратья, скажем, на Среднерусской равнине.

А во-вторых, те, кто считался вообще «беспосевными», не пахали землю не потому, что её не было или не хватало тягла, инвентаря, а исключительно по причине наличия иного неплохого источника дохода – от извоза, торговли, ремесла и т. д. Некоторые из них держали много ездовых и гужевых лошадей, а для извоза даже нанимали работников. Этим людям было куда приложить руки – в те годы как раз строились Амурская железная дорога и колёсный тракт из Благовещенска в Хабаровск, кроме того хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию надо было возить из густонаселённых центральных районов области в Благовещенск, а обратно – другой товар, нужный крестьянам. Если к этому добавить, что доход давала и земля, отдаваемая соседям в аренду, то станет понятно, что «беспосевные», как и «малопосевные», тамбовчане тоже не знали нужды. По подсчётам И. Щукина, к беднякам в этом селе можно было отнести лишь 1-2 процента семей. И Тамбовка в этом отношении отнюдь не составляла исключения.

На втором этапе заселения Приамурья, то есть с середины 90-х годов, начинается массовое оснащение крестьянских хозяйств новейшими сельскохозяйственными машинами. Поступают они сюда из Соединённых Штатов Америки через Владивосток. К 1905 году амурские крестьяне приобрели уже 2328 единиц техники разного назначения, а к 1911 году - ещё 29199 единиц. По насыщенности машинами аграрного сектора область обогнала даже наиболее богатые центральночерноземные губернии и сравнялась с самой передовой Донской областью. А мукомольная промышленность Благовещенска, насчитывавшая девять крупных мельниц, уступала по объёму вырабатываемой муки только таким гигантом, как Нижний Новгород и Саратов.

Американцы очень дорожили амурским рынком, их инженеры даже приезжали на Амур, чтобы изучить местные условия. Много нареканий мужики высказали им, например, по поводу механических сеялок, которые оказались малопригодными для переувлажнённых почв. Заокеанские промышленники учли эту амурскую особенность и вскоре привезли усовершенствованную рисовую сеялку, специально приспособленную для сева зерновых на переувлажнённых землях.

В 1910 году в США начали выпускать еще более совершенные автоматические сеялки, конные молотилки, сенные прессы. Они тут же поступили на вооружение амурских крестьян. Кроме того, Международная кампания жатвенных машин начала поставлять на Амур небольшие керосиновые двигатели мощностью 8, 10, 12 лошадиных сил. К сожалению, для чего они использовались, архивные документы не сообщают, но И. Щукин пишет, что ещё в 1903 году в селе Толстовка появилась... первая электростанция. Её приобрёл крестьянин Трофим Филинов. Вскоре эту чудо - машину выкупило сельское общество, и электричество стали проводить во все дома. А в 1907 году появилась электростанция в селе Тамбовка. К 1918 году и это большое село было полностью электрифицировано. Так что амурские крестьяне, не дожидаясь, когда в деревню придёт «лампочка Ильича», сами приобщались к цивилизации.

В 1913 году в область завезли первые американские 30-сильные тракторы. Провели пробную вспашку. Крестьяне Ивановки и Толстовки остались очень довольны новыми машинами. А вот под Золотоножкой и Водораздельным постигла неудача: неумелые трактористы вывернули на поверхность всю глину, испортив поля. Чтобы избежать впредь подобных казусов, создали кооператив, который начал обучать мужиков управлять сложной техникой. К сожалению, дальнейшему расширению тракторного парка в области помешала начавшаяся вскоре Первая мировая война.

В преддверии этой войны позиции амурского крестьянства были настолько прочными, что местная сельскохозяйственная отрасль смогла успешно конкурировать и на международном рынке. Это она продемонстрировала, столкнувшись с

южнокитайскими производителями зерна. Если помнит читатель, в связи с запретом малоземельным общинным крестьянам переселяться из центральной России на Амур здешняя деревня в 70 - 80 годы испытывала острую нехватку рабочих рук, что не позволяло ей обеспечивать хлебом быстро развивающиеся золотодобывающие прииски. Амурские власти добивались отмены этого запрета, однако правительство пошло по другому пути – в начале 90-х годов разрешило беспошлинный ввоз зерна из Китая в 50-вёрстную зону на левобережье Амура. Мера эта была из разряда чрезвычайных, временных, однако она продолжала действовать и в XX веке, когда надобность в привозном зерне отпала.

Сложилась парадоксальная ситуация. Пошлины за ввоз зерна брали все без исключения страны мира. В Европе, например, за каждый пуд экспортируемого хлеба российским купцам приходилось платить: в Австро-Венгрии – 23 коп., в Германии – 25 коп., в Швеции – 31 коп., в Испании – 36 коп., во Франции – 43 коп., в Италии – 46 коп. При этом названным странам зерно было крайне необходимо, чтобы прокормить своё население. А вот Россия с китайцев пошлину не брала, хотя импортное зерно на Амуре теперь не требовалось.

Амурские крестьяне оказались в условиях невыгодной конкуренции. Добро бы свой хлеб предлагали поставлять ближайшие соседи из провинции Хайлунцзян, где условия для сельского хозяйства сходны с нашими. А то ведь зерно везли из самых благодатных южных районов Китая, в которых производство сельхозпродукции обходится очень дешево. Однако амурские мужики подняли брошенную им перчатку – местное зерно тоже оказалось очень дешёвым. В 1900 - 1912 годах средняя цена одного пуда хлеба по России, включая самые южные черноземные губернии, составляла 99 копеек. В Поволжских чернозёмных губерниях – 1 рубль, в нечерноземных – до 2 рублей. А вот в Амурской области, несмотря на немалые затраты, связанные с приобретением в этот период большого количества новой техники, пуд хлеба стоил 95 копеек.

Натиск недобросовестных конкурентов из южных китайских провинций амурские хлеборобы выдержали и начали вско-

ре теснить их со своей территории. А потом ещё и повезли свой хлеб в Маньчжурию, реализуя там по 50-80 тысяч пудов зерна ежегодно. В урожайном 1905 году экспорт хлеба за Амур составил даже 105 тысяч пудов!

Однако китайцы и не думали убраться восвояси - для них было важно попасть со своим товаром в 50-вёрстную приграничную зону за Амуром. А оттуда, пользуясь отсутствием внутренних кордонов, они повезли дешёвый хлеб в Забайкалье и Приморье. Это больно ударило по тамошнему крестьянству. В Приморье сельское хозяйство начало только-только по-настоящему вставать на ноги. После прокладки железной дороги через Маньчжурию к Владивостоку крестьяне ехали теперь сюда из самых западных губерний на поезде. Это значительно увеличило поток переселенцев, что позволило существенно расширить пашню. Но конкуренции на хлебном фронте с южными провинциями Китая здешний мужик-переселенец не выдержал. Пшеницу приморские крестьяне стали выращивать лишь для себя да нужд военного интендантства, а для остального населения засевали небольшие площади бобами, кукурузой, чечевицей, да и эту продукцию сбыть было трудно.

В Забайкалье к тому времени стало не хватать своего хлеба, но туда начали поставлять его по 3-4 миллиона пудов в год из Западной Сибири. Этот устойчивый рынок обеспечивал существование значительной части сибирских крестьян. Наплыв же в Забайкалье дешевого китайского зерна лишил сибиряков очень важного для них рынка.

Разрозненные обращения в столицу местных властей с просьбой ввести, наконец, пошлину на ввоз в 50-вёрстную зону Амурской области китайского зерна долго не давали результатов. В правительстве не могли поверить, что амурские крестьяне так скоро встали на ноги и, видимо, решили подстраховаться на тот случай, если в стране снова будет неурожай, какой потряс Поволжье в 1891 году. Тогда пострадавшим от засухи губерниям оказывали помощь даже самые отдалённые от центра регионы страны.

Так ничего не добившись в одиночку, амурский, приморский, читинский и томский губернаторы решили объединить

усилия. В 1912 году они направили в кабинет министров коллективное требование ввести, наконец, ввозную пошлину на китайское зерно, убедительно доказав, что даже при существующем уровне развития сельского хозяйства Сибирь и Дальний Восток сами могут удовлетворить свои потребности в хлебе, а введение справедливой пошлины будет стимулировать крестьян расширять пашню и производить зерна ещё больше. Вот такие расчёты были сделаны, например, по Амурской области (их можно прочитать в журнале «Амурский земледелец» за 1912 год).

В 1908 году (среднем по всем показателям за период 1900-1912 гг.) в области было произведено в чистом весе (исключая семена) 8 млн. 108 тыс. 311 пудов зерна.

Для обеспечения населения области в 212396 человек из расчёта 18 пудов на душу (норма, принятая в России) потребовалось 3 млн. 823 тыс. 128 пудов.

На пополнение запасов военного интендантства направлено 1 млн. 868 тыс. пудов.

На винокурение и вывоз за пределы области (на Север, в низовья Амура, в Маньчжурию) пошло 2 млн. 417 тыс. 183 пуда.

Таким образом, на прокорм собственного населения и армии было использовано лишь чуть больше двух третей оставшегося после засыпки семян хлеба. И завозить сюда зерно не было никакой необходимости.

Правительство удовлетворило просьбу местных властей. Пошлину на китайское зерно восстановили – по 20 копеек за пуд. Это была самая низкая хлебная пошлина в Европе, но и она позволила крестьянам Западной Сибири, Забайкалья и Приморья вздохнуть свободно.

Что же касается Амурской области, то даже при неблагоприятной конъюнктуре она продемонстрировала свою высокую конкурентоспособность. Крупномасштабное техническое перевооружение сельскохозяйственной отрасли Приамурья позволило значительно увеличить отдачу земли. Если в 1900 году урожайность зерновых здесь составляла 55 пудов с десятины (8, 8 центнера с гектара), то в 1911-м - 77 пудов (12, 3 процента с га).

Этот показатель был выше, чем в среднем по России. В брошюре С. Боневольского и А. Шмелёва «В помощь амурскому земледельцу», изданной в Благовещенске в 1929 году, приводятся любопытные сравнительные данные на этот счёт за первые 15 лет XX столетия, правда, не по всем зерновым, а только по главной сельскохозяйственной культуре – пшенице.

*Средняя урожайность пшеницы в России и Амурской области
(в пудах с десятины)*

Годы	По России	По Амурской области
1901 - 1905	44	49
1906 - 1910	42	63
1911 - 1915	47	64

А вот как выглядел в то время вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны отдельно взятой крестьянской семьи в самых хлебных российских губерниях. В 1917 году – последнем в короткой истории вольного земледелия – одно крестьянское хозяйство обрабатывало: в Ставропольской губернии – 5, 7 десятины, в Самарской – 7,9, Таврической – 11, 5, в Амурской области – 13, 8 десятины. Производилось хлеба на душу населения: в целом по стране – 22, 5 пуда (при годовой норме потребления на человека 18 пудов), в развитых сельскохозяйственных губерниях (к сожалению, не указывается – каких именно) – 26, 6 пуда, в Амурской области – 37 пудов.

Да, вольное хлебопашество, как видим, способно творить настоящие чудеса. Ведь ещё только осваиваемый край за одно лишь поколение земледельцев сумел в экономическом плане встать вровень с самыми хлебными районами страны, а во многом и превзойти их. От такого факта никуда не уйдёшь, его подтверждают многочисленные сравнительные данные дореволюционной статистики.

Ну а как насчёт культуры – внутренней и внешней, грамотности местного сельского населения? Зная только работу и ничего больше, не одичали ли мужики в такой глухомани, вдали от сложившихся центров цивилизации? На сей счёт мы сегодня имеем ещё более любопытные данные, тоже взятые из официальных источников.

Сначала о внешней культуре. Лично у меня с юношеских лет сложилось убеждение, что амурские крестьяне до революции были забиты, неграмотны, замордованы царским самодержавием и кровопийцами-кулаками, жили в голоде, носили всякую рвань. Так они выглядели на дореволюционных фотографиях, разысканных местными историками и время от времени публиковавшихся в советских газетах, литературных сборниках, научных монографиях.

Сколько помню, мужик-земледелец на таких снимках всегда был растёпан, нечёсан, с косматой бородицей, никогда не улыбался, потому что радоваться при царе было нечему. Женщины тоже не светились от счастья. Дореволюционные фотографии «не нашли» среди крестьянок ни одной, которой можно было бы залюбоваться. «Не попадались» им в деревнях ни аккуратные домики, ни ухоженные дворики.

Но вот, уже в зрелом возрасте, сам начал работать а архивах с историческими документами. И сразу стало ясно, что историки специально отбирали снимки, соответствующие духу их научных работ, в которых рассказывалось, как нищало и умирало при царе крестьянство. Остальные фотографии их не интересовали. А они – то как раз и показывали настоящее лицо амурской деревни.

Сегодня это лицо может увидеть каждый, взяв в руки уже упоминавшуюся книгу местного историка И. Щукина «Очерки истории Тамбовского района Амурской области». В ней много фотографий – портретных, семейных, коллективных. На них только трое мужиков из нескольких десятков – с бородой да и то с аккуратной, гладко причёсанной, хотя один из них снят во время утиной охоты. Многие запечатлены при лошадях или плуге – фотограф застал их во время работы. Все одеты просто,

но прилично, затрапезной одежды не видно. И лица у людей отнюдь не выражают тоску или уныние.

А вот фотография крестьянки Е. Бекренёвой из села Толстовка, сделанная в 1915 году. Да ведь эта молодая красивая женщина одета как городская барышня, воспитанная в институте благородных девиц! На ней красивое, с изящным украшением платье, сшитое аккуратно по её точеной фигуре, а не извлечено из реквизита фотографа. На другой фотографии - крестьянин из села Новоалександровка Яков Тимофеевич Бобылев. Стоит во весь рост в начищенных хромовых сапогах и полувоенного фасона костюме, какие носили в 30-е годы Сталин и его соратники. Костюмчик явно не с чужого плеча, сидит как влитой. Фотография сделана в 1920 году, когда область была отрезана от центра белыми войсками. А то можно было бы подумать, что это прибывший из столицы какой-нибудь министр правительства. Впрочем, многих амурских крестьян в то время, когда они появлялись в городе, можно было принять по одежке и за министров, и за учёных, и за других важных персон.

Теперь о внутренней культуре. В 1908 году в Благовещенск из Санкт-Петербурга прибыла комиссия Российской общеземской организации во главе с её председателем князем Г. Е. Львовым для разработки программы оказания врачебно-продовольственной помощи переселенцам. Её участники ознакомились с условиями жизни, быта, проблемами местного населения и подготовили об этом подробный доклад.

Любопытные сведения собрал член этой комиссии Тихон Полнер, обследовавший село Тамбовка. Как человеку из столицы, привыкшему, очевидно, все мерить на столичный аршин, ему многое из увиденного не понравилось. Например, вместо того, чтобы радоваться зажиточности крестьянской семьи, он выражал недовольство по поводу того, что по громадным усадьбам, которые пришлось изучать, ходили «бесконечные табуны домашней птицы – сотни кур, цыплят, уток, гусей, которые нередко поднимали между собой возню и шум». Раздражало его и то, что в соседней комнате, где качали воду для вечернего самовара, «визжал и гремел» всасывающий насос. Неодобительно отозвался ученый гость, видимо, большой интеллекту-

ал, о тех занятых хозяйственными проблемами мужиках, в которых «страстный предприниматель... заглушил человека».

Однако нам интересны не эти ворчания, а сами факты, по поводу которых земский следователь ворчал. Он постоянно сравнивал увиденное на Амуре с тем, что ему приходилось встречать в избах центральнорусских крестьян, и признавал, что на Амуре люди живут просторнее, зажиточнее. Его буквально поразило то, что в первой же избе, он обнаружил «в красном углу вместо божниц и лампадок, так привычных в европейской семье, две деревянных полки, на которых лежали большие книги в кожаных переплётках с застёжками».

Ещё большую библиотеку Тихон Полнер обнаружил в следующей семье – Тимофея Чешева. Она состояла почти из сотни самых разных книг и брошюр. Хозяин признался, что наиболее любимым, можно сказать, настольным для него является сочинение французского философа Блеза Паскаля «Мысли». И Полнер убедился, что Чешев действительно хорошо знает содержание книги: с начитанным гостем из столицы хозяин долго, почти на равных, беседовал на нравственные, религиозные и, конечно, философские темы.

Земский исследователь отметил, что в этой семье среднего достатка всё было хорошо, а «обычный, повседневный стол мало чем отличался от праздничного стола состоятельного крестьянина средней России». Только вот дом, по наблюдению гостя, требовал ремонта. Тимофей Чешев согласился: да, давно хотел построить новую избу, деньги накопил, да всё непредвиденные обстоятельства мешают. Сначала во время пожара многие вещи и инвентарь сгорели, пришлось потратиться. А недавно жена затосковала по своей деревне, отчего дому, ну как было не отпустить на побывку в центральную Россию?

Полнер был поражён: дворяне из Санкт-Петербурга и других крупных городов России ездили отдыхать в Германию, Италию, Францию, но чтобы кто-то из крестьян отправился бы, как сейчас говорят, в отпуск да ещё в такую даль - подобного ему встречать не приходилось. Только на Амуре, даже имея средний, по здешним меркам, достаток, могли себе это позволить. Женщина вернулась довольная. «Молодые глаза сияли мягким

радостным светом», – отметил гость. А муж... «Теперь в новую избу въедем лишь годика через два», – только и сказал он без тени укора в адрес жены.

Между прочим земская комиссия установила, что ручные насосы (помпы) для закачки воды были в домах 40 процентов сельчан. Забить в кухне трубы и смонтировать там насос стоило на четверть дороже, чем выкопать во дворе обычный колодец, но мужики шли на такие затраты, потому что «домашний водопровод» был удобнее, особенно зимой. В центральной России крестьяне и не мечтали о подобной «роскоши».

Что до профессиональной грамотности, то и в этом деле окраина страны находилась на высоте. Здешние мужики были знакомы с сельскохозяйственными журналами, выходившими в Санкт-Петербурге и Москве, читали и свой – «Амурский земледелец».

Ещё до появления в 1909 году государственного Амурского опытного поля, в штате которого числились учёные-агрономы, некоторые крестьяне пытались самостоятельно заниматься селекцией. Так, в начале века семьи Лештаевых, Неверовых, Коротаяевских на своих заимках под Озерками и Орleckом (где сейчас поля Всероссийского научно-исследовательского института сои) имели опытные участки, на которых опробовали новые образцы зерновых культур. А крестьянин Исаев на заимке, расположенная в 10-15 верстах от Благовещенска, с 1901 года пытался приручить к местным условиям... сою.

Естественно, специалисты амурского опытного поля тоже не могли оставить без внимания эту культуру. После многолетних опытов агроном В. А. Рубинский предложил один из перспективных сортов крестьянам. На призыв откликнулись четыреста крестьянских и казачьих хозяйств, которые В. А. Рубинский снабдил семенами. Осенью 120 хозяев сообщили, что соя дала прекрасный урожай. Многие крестьяне готовы были продолжать опытническую работу и дальше.

В 1912 году на Дальнем Востоке завершила работу научная сельскохозяйственная экспедиция, в течение шести лет изучавшая здесь природно-климатические условия, особенности почв, возможности расширения пахотного клина и т. д. Учёные

сделали вывод, что Зее-Буреинская равнина, уже в значительной степени обжитая амурскими крестьянами и казаками, – самая благоприятная местность для занятия сельским хозяйством на всей территории России от Урала до Тихого океана.

Значит, не зря именно сюда люди стремились добраться через огромные просторы Сибири, преодолевая реки, горные хребты, дикую тайгу, терпя невероятные лишения. Видимо, сам Господь Бог вёл их в этот далекий край.

СТОЛЫПИНСКИЙ ПРОРЫВ

1 апреля 1891 года газеты почти всех европейских столиц, а также Североамериканских Штатов, Японии и Китая вышли с огромным, броским аншлагом. Обычно издатели так привлекали внимание публики к важнейшим мировым событиям, затрагивающим интересы многих государств, например, сообщали о начале новой большой войны. Но теперь информация была мирная: корреспонденты телеграфировали из Санкт-Петербурга, что российский император Александр III издал указ о строительстве Великого Сибирского железнодорожного пути протяжённостью семь тысяч километров – от западной окраины Азиатского материка до дальневосточного русского порта Владивосток.

Новость сразу же попала на язык политиков, крупных бизнесменов и рядовых обывателей. Начались суды-пересуды. Многие государственные мужи в Европе лишь скептически улыбались. Мол, шалит император Александр, совсем обеспамятовал после покушения террористов на его отца. Ведь трудно даже помыслить, что отсталая, лапотная Россия, ещё лишь избавляющаяся от средневекового крепостного права, сможет управиться с такой грандиозной стройкой. Разве что это – первоапрельская шутка?

Но нет, через несколько дней газеты принесли новую весть: оказывается, русские уже строят первую ветку Транссиба – от небольшого промышленного городка Миасса, что на юге Урала, к Челябинску. Ещё через некоторое время – в середине мая того же

года – началась отсыпка полотна с восточного конца магистрали как бы «назад». В этом торжественном событии принял участие сам наследник престола цесаревич Николай. В Куперовской пади под Владивостоком он лично привёз и высыпал в основание будущей трассы тачку земли, получив в награду аплодисменты присутствующих.

В следующие годы уже по всей Сибири строители отсыпали железнодорожное полотно, возводили мосты через великие и малые реки. Укладывали рельсы, сооружали десятки станций и депо для обслуживания паровозов и вагонов. Работы велись одновременно на многих участках, поэтому протяжённость стальной коллеи увеличивалась очень быстро. Всего лишь 10 лет и 6 месяцев потребовалось строителям, чтобы соединить могучей транспортной артерией Урал с побережьем Тихого океана. 21 октября 1909 года титаническая работа была завершена. В этот день на свежевозведённую насыпь строители уложили последнее звено стальной коллеи, открыв сквозное движение поездов по всей трассе Транссиба.

Европейские скептики, предсказывавшие, что, мол, попытка русских проложить величайшую по протяжённости и сложнейшую по сооружению железнодорожную магистраль через Азиатский материк кончится полным крахом, прикусили языки. Россия показала всему миру, что, вступив на капиталистический путь развития позже других, она не намерена плестись в хвосте у развитых стран Европы, а готова встать с ними в один ряд.

Свою готовность она подтвердила не только успешным строительством Транссибирской магистрали, но и вообще небывало высокими показателями экономического развития во второй половине XIX века. За 50 лет в стране было проложено в общей сложности 56 тысяч километров железных дорог, которые пролегли через многие губернии, связав разбросанные на огромной территории города с обеими столицами, а также с Западной Европой. Это способствовало созданию в масштабах империи единого рынка, что в свою очередь дало толчок к быстрому развитию промышленности и торговли. Русские промышленники высокими темпами проводили техническое пере-

вооружение своих предприятий, расширяли их, строили новые, осваивая выпуск продукции, которую прежде приходилось покупать за границей. Объём промышленного производства во второй половине XIX века, как уже говорилось, в России увеличился в 7 раз, в то время как в передовых странах Европы всего в 2-5 раз.

Словом, капитализм победно шествовал по российским просторам, вовлекая в экономическую деятельность огромные массы народа, прежде пребывавшего в средневековой спячке. Однако ему с трудом удавалось пробивать мощные заграждения, окружавшие со всех сторон патриархальную русскую деревню. Общинное земледелие, барщина, от которой и после отмены крепостного права мужики не могли избавиться, не только препятствовали прогрессу в сельском хозяйстве, но и тормозили всю отечественную экономику.

Нужна была новая аграрная реформа. А для её проведения, как уже говорилось, требовались люди в высших эшелонах власти, способные перешагнуть через вековую традицию барщинного земледелия. И такие люди в конце концов появились. Организатором и вдохновителем новой аграрной реформы стал глава российского правительства Пётр Аркадьевич Столыпин. С именем этого человека связывают целую эпоху в развитии российского земледелия. Пётр Аркадьевич Столыпин родился в Дрездене через год после отмены крепостного права в именитой дворянской семье. Через некоторое время эта семья переехала в Орловскую губернию, откуда в 19-летнем возрасте Пётр отправился в Санкт-Петербург покорять столицу Российской империи. Это ему удалось. Он легко поступил на естественный факультет университета и вскоре стал душой студенческого общества. Высокий, стройный, никогда не унывающий, будущий реформатор, как отмечают биографы, не пил, не курил, увлекался поэзией, в компаниях не лез в карман за словом – возле таких и любит группироваться молодёжь.

Тогда же он впервые столкнулся с вопиющей несправедливостью – в год его поступления в университет убили царя. Столыпин собирался посвятить себя сельскому хозяйству, он горячо приветствовал освобождение крестьян от барской нево-

ли. Поэтому его потрясло, что император, который вопреки бурным протестам самой влиятельной части общества отменил крепостное право, вместо благодарности получил две бомбы. Не мог тогда знать молодой, вступающий в жизнь и полный радужных надежд молодой человек, что и его на том же пути реформаторства ожидает подобная участь.

Трудно сказать по какой причине, но после окончания университета Столыпина, выпускника естественного факультета, направили служить в Министерство внутренних дел. Скорее всего ввиду исключительного положения этого ведомства, имевшего право выбирать для себя лучшие кадры. А у Столыпина с первых студенческих дней были замечены непреклонная воля, готовность к самопожертвованию и другие качества, отмечающие незаурядную личность. Однако служба в полиции не входила в планы молодого специалиста, и он добился перевода в департамент сельского хозяйства.

Началась его сельскохозяйственная карьера неспешно. Первые десять лет он работал предводителем уездного дворянства в Ковенской губернии Западного края (это на территории Польши, которая тогда входила в состав России). Должность была вроде бы общественная, но она включала в себя и исполнительские функции. Как фактический хозяин уезда Столыпин постоянно бывал в разъездах, по 2 – 3 недели не возвращался домой, часто ночевал в маленьких сёлах и на хуторах, вникал в дела крестьянских хозяйств, школ, торговли, снабжения населения продовольствием и т. д. Все это он считал очень важным, такая работа ему нравилась.

Здесь он впервые познакомился с хуторскими хозяйствами, которые в Западном крае начали создаваться по примеру соседней Восточной Пруссии. Столыпина поразило, что мужики на хуторах чувствовали себя полными хозяевами, думали не только о сегодняшнем куске хлеба, но и о том, как им жить через 3-5-10 лет. Многие копили деньги, чтобы поставить новый дом, прикупить земли, приобрести на ярмарке более совершенный инвентарь и расширить своё хозяйство. Ничего подобного не было в центральной России, в той же Орловской губернии,

где мужик заботился лишь о том, как прокормить семью сегодня.

В 1899 году Ковенские дворяне избирают Столыпина своим губернаторским представителем, а через три года он становится губернатором соседней Гродненской губернии. Растут масштабы работы, растёт и масштаб его личности. В Гродно о Столыпине были наслышаны, поэтому приняли нового губернатора приветливо. Вот что писал позднее в своих воспоминаниях тогдашний предводитель гродненского дворянства А. Ознобишин: «За двумя хорошими губернаторами в Гродно был назначен ещё лучший губернатор Пётр Аркадьевич Столыпин... Личность его была обаятельна. При беседе с ним чувствовалась вся сила его светлого, ясного ума, и невольно являлось к нему чувство расположения и уважения».

Обратили внимание на Гродненского губернатора, который был самым молодым в России, и при дворе. Через восемь месяцев, в феврале 1903 года, Столыпина пригласили к царю, и Николай II объявил о своём решении назначить его главой огромной сельскохозяйственной Саратовской губернии. Она оказалась ещё и одной из самых запущенных в стране, поэтому император просил постараться переломить там ситуацию.

Пётр Аркадьевич ужаснулся, когда начал знакомиться с положением дел на месте. Поразила бедность крестьян, они сплошь были малоземельными и безземельными. При отмене крепостного права помещики в этой губернии, если помнит читатель, «отрезали» у мужиков до 43 процентов причитавшейся им земли. Но это в целом. Третья же часть крестьянских семей получила всего лишь по четвертинке того надела, который кормил её прежде. Помещики за всё драли с мужиков по три шкуры, и обращаться на них с жалобами к местной власти было бесполезно. Поэтому теперь, когда новый губернатор появлялся в той или иной деревне, народ стекался к нему отовсюду с челобитными. «Ждём тебя, как царя», – говорили мужики.

С каждой поездкой Пётр Аркадьевич всё больше убеждался, что до ужасного состояния крестьян, а вместе с ними всю сельскохозяйственную губернию довели разнузданные помещики и купленные ими местные чиновники. Он принялся наводить

порядок, наказывать и освобождать чиновников. По каждой крестьянской жалобе старался меры принимать тотчас же. «Ждали ведь они 25 лет, – писал он жене из командировки в одну волость, – и я решил тут же распорядиться, чтобы они знали, что могут доискаться правды. Но... чтобы водворить порядок, надо бы год не выходить из волостей. Дай мне Бог хоть немного расчистить эти авгиевы конюшни».

Привыкшая к вседозволенности губернская знать встретила такую деятельность своего руководителя в штыки. Вот что рассказывает в своей замечательной, насыщенной фактами книге «Столыпин: реформы во имя России», вышедшей в 2004 году в издательстве «Вече» (г. Москва), писатель А. П. Бородин: «Дело доходило до оскорблений в адрес лично П. А. Столыпина и членов его семьи: с концерта, куда вошёл губернатор, несколько членов земства вышли демонстративно, с шумом отодвигая стулья; молодые люди и девицы из левых кругов, проходя мимо жены и старшей дочери П. А. Столыпина, старались задеть, толкнуть. П. А. Столыпин понимал, что его пытаются дразнить и вывести из терпения, и старался сохранить полное хладнокровие... Прокурор судебной палаты Макаров, явно и не стесняясь, выражал своё враждебное отношение к губернатору... В условиях начинавшейся революции П. А. Столыпину пришлось столкнуться с шантажом и угрозами отравить сына, взорвать детей».

В начале 1905 года, направляя царю отчёт о социально-экономическом положении губернии за предыдущий год, Столыпин изложил свои соображения о том, в каких реформах, как воздух, нуждается Россия. Таких предложений Николаю II читать ещё не приходилось. Молодой губернатор, едва начавший свою деятельность на государственном поприще, предлагал нововведения, которые могли бы полностью изменить привычный аграрный лик страны. Он писал, что у пути, избранного сельским хозяйством России, нет будущего, потому что масса безземельного крестьянского населения практически изолирована от творческого, производительного труда, а крупное землевладение весьма неэффективно, что общинный строй стал тормозом производительных сил страны. Столыпин предлагал царю раз-

решить крестьянам свободно выходить из общин и отдать им в частную собственность землю, принадлежавшую сейчас общинам, а также земли из государственного фонда и фонда Крестьянского банка. «В настоящее время сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих сообщников, по образному выражению – мироеда... Вот единственный почти выход крестьянина из бедности и темноты, мужицкая карьера... Если бы дать другой выход энергии, инициативе лучших сил деревни, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли».

Направляя царю это послание, Пётр Аркадьевич понимал, что наживёт себе врагов в самых широких кругах крупных землевладельцев, и прежде всего среди влиятельной придворной знати, что названная публика, стоявшая у власти, легко землю не отдаст, не позволит простому народу встать в этом смысле вровень с собой. Но, понимая это, Столыпин не мог поступить иначе, он считал своим долгом раскрыть глаза царю на происходящее в деревне, которая не могла больше жить так, как жила до сих пор.

Между тем в стране началась революция. Повсюду загремели взрывы бомб, запылали помещичьи усадьбы. Вооружившись топорами и вилами, мужики начали расправляться со своими бывшими хозяевами, которые теперь, после экономических притеснений, стали ещё более ненавистными. Столыпину были понятны моральное состояние сельского населения, всеобщая озлобленность против барских семей. Но он представлял высшую губернскую власть, которой надлежало охранять порядок и не допускать беззакония. Взяв с собою охрану из полусотни оренбургских казаков, Пётр Аркадьевич отправился по самым бунтующим волостям. «Дела идут плохо, - писал он оттуда жене. – Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими. Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина... Шайки вполне организованные».

К удивлению губернатора, среди организаторов волнений ему называли имена местных, а также губернских чиновников –

тех самых, кто должен был заботиться о благе народа, но довел губернию до плачевного состояния. Их действия были теперь направлены на то, чтобы повернуть гнев народа против нового губернатора П. А. Столыпина, как раз не причастного к творившимся здесь в течение последней четверти века безобразиям. Но люди понимали, кто им друг и кто враг. Они громили помещиков, а под горячую руку и столь же ненавистных «революционеров» – чиновников.

«Крестьяне жгут помещиков, уничтожают всё, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай, – рассказывал Пётр Аркадьевич, вернувшись домой из поездки (его рассказ записала дочь). – Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары. Рубят в щепки, топчут ногами, ломают и жгут всё, что владельцы, в надежде спасти хоть крохи своего имущества, выносят из горящих домов».

С каждым днём русский бунт в соответствии с классической формулой становился все бессмысленнее и беспощаднее. Столкнувшись с морем народного гнева, власть во многих губерниях демонстрировала свою полную беспомощность, безволие, трусость, прячась за солдатские штыки и перекладывая заботу о восстановлении порядка на плечи армии. Пётр Столыпин показал иной пример. Со своей полусотней казаков он появлялся там, где вот-вот могла пролиться кровь, и старался уладить противоречия между помещиками и крестьянами мирным путём, без кровопролития. «Иногда было достаточно одного его появления «на народе», – пишет в уже упоминавшейся книге А. П. Бородин, – чтобы остановить толпу и погасить конфликт». Вот один из примеров.

Обычно разгневанной толпе всё равно, кого громить – правого или виноватого. Это мы видим сегодня в новостях из-за рубежа едва ли не каждый день по телевизору, когда недовольные правительством или полицией люди зачем-то бьют витрины магазинов, поджигают машины ни в чём не повинных граждан. Точно так же было и в то время. Саратовский помещик Николай Львов вспоминал много лет спустя, как в 1905 году огромная толпа крестьян пришла громить его усадьбу. Сначала она ворва-

лась помещичий лес и принялась сплошь вырубать его. А Львов сам был революционером, одним из основателей партии кадетов. Перед революцией кадеты, в том числе и Львов, высказывали немало слов в защиту народа, с осуждением антинародной политики царского правительства. Но вот теперь люди рубили лес, принадлежащий одному из своих защитников, с единственной целью - выместить на нём свою злобу, и некому было их остановить, кроме небольшой команды солдат.

«Я увидел на деле, каким мужеством обладал Столыпин, – писал в своих воспоминаниях Н. Львов. – Когда толпа при неистовых криках готова была броситься на солдат, когда камнями был сбит с седла становой пристав и окровавленный упал на землю, когда ротный командир вынул уже шашку из ножен и выпрямились солдаты, готовые к стрельбе, вдруг на крыльце волостного правления появился губернатор. Одним своим мужественным видом, своим громким криком он останавливает бушующую толпу и заставляет её отступить назад. Кровь не была пролита на моей земле. Этим я обязан Столыпину».

Конечно же, дело было не только в мужестве и зычном голосе губернатора. За два года его работы в губернии люди узнали Столыпина с исключительно хорошей стороны, они видели, что этот человек не чета тем чиновникам, которые меньше всего думают о судьбе страны, а больше всего – о собственной выгоде. Многие на личном опыте убедились, что такому губернатору можно верить.

Высокий личный авторитет в народе помог Столыпину найти общий язык с огромной разъярённой толпой в две тысячи человек в уездом городе Балашихе. В июле 1905 года тамошним революционерам удалось подбить на забастовку городской медицинский персонал, поэтому в один не очень прекрасный день все медицинские учреждения оказались закрытыми. Не принимали даже остробольных, которым требовалась срочная врачебная помощь, свои рабочие места покинули и врачи стационаров. Возмущенным жителям города какие-то подозрительные типы объясняли, что в Балашихе никого лечить не будут, так как медперсонал поддерживает революцию и в знак протеста против политики правительства бастует.

Вскоре среди больных, всё ещё ожидавший приёма, разнеслась весть, что забастовщики собрались в лучшей городской гостинице, слушают революционных ораторов и поют запрещенные песни. Тут же в гостиницу отправили делегацию, которой поручили просить врачей вернуться. Делегация ушла, но вскоре вернулась ни с чем: лечить больных врачи отказались. И тогда к гостинице бросилась вся толпа. Здание было окружено, перепуганные медики забаррикадировались. Как всегда бывает в таких случаях, у неорганизованной массы появились свои вожди – люди энергичные, знающие, что делать. У многих в руках оказались камни и палки, толпа начала готовиться к штурму. Возмущение людей, решивших устроить самосуд, было настолько сильным, что вскоре от бунтующих медиков, наверное, осталось бы мокрое место. К их счастью, в самую последнюю минуту появился Столыпин. Спросив, по какому случаю собралось столько народу, и получив ответ, губернатор возмутился вместе со всеми: как, мол, могли эти люди нарушить клятву Гиппократата! Видя, что глава губернии на её стороне, двухтысячная толпа пришла в восторг. Однако Пётр Аркадьевич разъяснил, что устраивать самосуд тоже нельзя – это незаконно, надо каждого забастовщика судить. Тут же всех участников стачки переписали пофамильно, губернатор пообещал, что они предстанут перед судом. И люди поверили ему. Чтобы показать врачам-революционерам, что народ поддерживает власть и губернатора, толпа дружно запела «Боже, царя храни», а потом разошлась.

Конечно, так Столыпин поступал не всегда. С зачинщиками беспорядков, погромщиками, мародерами он не миндальничал, арестовывал их и отдавал по суд. Делал обыски, изымал оружие, но никогда не допускал, чтобы нарушался закон. Его умелая, четкая, продуманная работа в это взрывное время привела к тому, что, как пишет А. П. Бородин, скрупулёзно изучивший жизнь и деятельность Столыпина, в 1905-м – начале 1906 года в Саратовской губернии «беспорядки не приняли всеобщего характера, ограничились местными вспышками».

К октябрю 1905 года революционные выступления в стране стали настолько массовыми, что Николай II издал манифест, которым даровал народу ряд политических свобод. В

частности, впервые в истории России предусматривалось принятие Конституции, ограничивающей права монарха демократически избранным парламентом. Газеты принялись писать о предстоящей в связи с этим смене правительства. Появился даже слух о том, что новым министром внутренних дел будет назначен саратовский губернатор. «Да минует меня чаша сия!» – воскликнул Пётр Аркадьевич, когда слух дошёл до него.

Но очень часто народная молва оказывается права – в апреле 1906 года Столыпина действительно вызвали в Санкт-Петербург в связи с назначением на новую должность. В правительстве хорошо помнили, что его ещё со студенческих лет замечало полицейское ведомство, знали и о том, что на посту саратовского губернатора он проявил себя с лучшей стороны в самых критических ситуациях. Кроме того не все в высших кругах были противниками его идей реформирования сельского хозяйства, изложенных в губернаторском отчёте за 1904 год. Поговаривали, что государь даже поручил правительству тщательно изучить эти идеи. Поэтому кандидатуру Столыпина на пост министра внутренних дел предложили императору сразу несколько влиятельных государственных мужей.

25 апреля 1906 года Пётр Аркадьевич вместе с недавно назначенным премьером правительства 78-летним И. П. Горемыкиным прибыл в Царское село. Настроение у обоих было подавленное. На следующий день должна была собраться на своё первое заседание Государственная Дума, а в ней почти половину депутатского корпуса составляли те, кто толкал страну к потрясениям. Их не устраивали дарованные народу политические свободы, они призывали до основания разрушить старый мир насилия, а затем... Что будет затем, оставалось туманным. Мало кто сомневался, что разрушать «мир насилия» депутаты от революционных партий начнут с правительства.

Первым к царю пригласили Горемыкина, через некоторое время позвали и Столыпина. «Я откровенно и прямо высказал государю все мои опасения, – писал Столыпин жене на следующий день. – Сказал Ему, что задача непосильна, что взять накануне Думы губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организационной оппозиции в Думе – значит об-

речь министерство на неуспех. Говорил Ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимо сохранить порядок. Спросил Его, думал ли Он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе. Он ответил, что это приходило Ему в голову... В конце беседы я сказал государю, что УМОЛЯЮ избавить меня от ужаса нового положения,... пойду только, если Он, как государь, прикажет мне... Он с секунду помолчал и сказал «приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России!» Говоря это, Он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал «повинуюсь Вам!» У него, у Горемыкина, да, вероятно, и у меня были слёзы на глазах... Вчера моя судьба решилась! Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясённой, представляющей из себя шестую часть мира и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня! Я чувствую, что он не оставит меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает».

Действительно, несмотря на весь трагизм ситуации, Столыпин начал работать в Министерстве внутренних дел спокойно и уверенно. Здесь прежде всего тоже надо было наводить порядок. Это не понравилось ближайшему окружению бывшего министра, в котором были люди, давно мечтавшие получить министерское кресло. Они считали несправедливым, что важнейший в правительстве пост отдали какому-то губернаторишке из провинции, ни дня не работавшему в полиции, и начали ставить ему палки в колеса, а главное – разносить повсюду слухи, что новый министр совершенно не способен к управленческой работе. Однако большинство сотрудников восприняли приход нового руководителя иначе. Вот что писал впоследствии о тех днях другой высокопоставленный чиновник министерства со знаменитой фамилией С. Н. Палеолог:

«Работали с увлечением, не покладая рук. Для всех были ясны задания, гордились руководством большого государственного человека, накапливали бодрость и уверенность, появились

силы и бодрость. Помню, как мы нередко после тяжёлого трудового дня, наскоро пообедав (в восьмом часу вечера), вновь возвращались в министерство и сплошь и рядом неделями засиживались за составлением законопроектов до 3-4 часов утра... Каждому хотелось внести свою долю и знания в строительство обновляющейся отчизны».

Однако депутаты от революционных партий требовали не обновления отчизны, а полного слома всей государственной машины. Они видели своего врага в любом представителе правительства, который появлялся на думской трибуне. И прежде всего в министре внутренних дел, хотя Столыпина называли первым конституционным министром, так как он был назначен уже в соответствии с Конституцией. Вскоре Петру Аркадьевичу пришлось выступать в Думе, ответить на письменные запросы депутатов. Вот какой «тёплый» приём устроили ему левые депутатские фракции.

«Недолго дали говорить моему отцу спокойно, – записала в своём дневнике дочь Столыпина, наблюдавшая за ходом заседания с галёрки вместе с остальной публикой. – Только в самом начале его речи всё было тихо, но вот понемногу на левых скамьях начинается движение и волнение, депутаты переговариваются, перешептываются. Потом говорят громче, лица краснеют, раздаются возгласы, прерывающие речь. Возгласы становятся все громче, то и дело раздаётся «в отставку», всё настойчивее звенит колокольчик председательствующего. Скоро возгласы превращается в сплошной рёв... Депутаты на левых скамьях встают, кричат что-то с искаженными лицами, свистят, стучат ногами и крышками попитров».

А ведь Столыпин в должности министра внутренних дел просто ещё не мог ничем себя скомпрометировать. Для левых депутатов это не имело никакого значения. Они кричали «погромщик», «долгой», были выражения и ещё крепче. Дочь Столыпина либо действительно не поняла этих слов, либо, скорее всего, постеснялась занести их в свой дневник.

Пётр Аркадьевич собирал в кулак всю свою волю и выдержку, чтобы не сорваться. А вот у премьера правительства И. Л. Горемыкина такой выдержки не было. В ответ на оскорбле-

ния из левых рядов он взрывался, это ещё больше распаяло депутатов. О Думе Горемыкин говорил во всеуслышание, что собралась «не палата депутатов, а грязные подонки населения, сплотившиеся в «разбойную шайку». И ругал за это своего предшественника С. Ю. Витте, при котором Дума была избрана. Однако Витте был ни причём. Даже через сто лет, в начале XXI века, граждане в России так и не научились делать правильный выбор, многие отправляются на избирательные участки, забыв дома свои головы. Что уж говорить о выборах в самый разгар Первой русской революции, когда люди в одночасье получили избирательные права и оказались не готовы принимать ответственные политические решения.

Противостояние двух ветвей власти закончилось двойной отставкой: 8 июля 1906 года, в один день, покинул свой пост премьер правительства И. Л. Горемыкин и была распущена Государственная Дума. Новым главой кабинета министров Николай II назначил Петра Аркадьевича Столыпина, оставив его и на должности министра внутренних дел. В ближайшем окружении императора посчитали, что, обладая железной волей, ясным умом и исключительной работоспособностью, он справится одновременно и на том, и на другом посту.

В руках Столыпина сосредоточилась необъятная власть. Теперь он мог начинать аграрную реформу, о которой писал Николаю II в начале 1905 года. Царь отнёсся к его идее сделать крестьян земельными собственниками весьма благосклонно. К тому же социал-демократы и социал-революционеры теперь не могли помешать началу реформы по крайней мере до выборов следующей Государственной Думы. Перед аппаратом правительства новый премьер поставил задачу: в самое кратчайшее время подготовить документы, которые позволили бы немедленно, без волокиты приступить к реформированию сельского хозяйства страны.

Однако социал-демократы и социал-революционеры и не думали давать правительству передышку. Они не стали дожидаться дебатов в будущей Думе, а обратились к другому, более обожаемому ими оружию - занялись подготовкой терракта против премьера. И такой терракт, вскоре состоялся. По многочис-

ленным описаниям этого вошедшего в историю события, дело обстояло так.

Начнём со взрывчатки. Она была изготовлена в динамической мастерской Боевой технической группы при Центральном комитете партии большевиков, эта мастерская находилась в Москве, в квартире великого пролетарского писателя Максима Горького. Неусыпно охраняли эту квартиру боевики группы знаменитого С. А. Тер-Петросяна, вошедшего в историю революции под кличкой Камо. Во главе Боевой технической группы стоял соратник Ленина Л. Б. Красин, впоследствии занимавший в советском правительстве посты председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, наркома торговли и наркома путей сообщения, наркома внешней торговли, дипломата. Производство взрывчатки здесь было поставлено на широкую ногу – этой смертельной продукцией большевики пользовались не только в Москве, но и других городах, а также снабжали ею боевиков родственных революционных партий.

Сам теракт готовили эсеры-максималисты. Правда, группа М. Соколова, непосредственно участвовавшая в организации взрыва, вроде бы действовала самостоятельно, независимо от партии, но это дела не меняет. Скорее всего взрывчатку большевики передали ей не из-за идейной солидарности, а за деньги, как и положено при рынке. Прямо об этом нигде не говорится, но некоторые авторы подчеркивают, что организация каждого крупного теракта требовала немалых затрат – на оплату информаторов, подкуп охраны, взрывчатку, транспорт и т. д. У группы Соколова денег хватало на всё - только при ограблении одного банка она «взяла» 875 тысяч рублей. Соколов и его товарищи приобрели собственный автомобиль, одевались с иголочки, постоянно кутили, словом, жили по принципу: «Сегодня наслаждайся, завтра всё равно погибать!»

12 августа 1906 года, в субботу, Пётр Аркадьевич принимал посетителей на своей служебной даче, расположенной на Аптекарском острове. Народу, как всегда, набралось изрядно – помещики, крестьяне, деловые люди, чиновники, интеллигенция. Попасть на приём было несложно: секретарь записывал фамилию, спрашивал о цели визита и – ожидай своей очереди.

Как и по всей России, здесь тоже правила бал извечная русская беспечность: несмотря на сигнал о том, что на Столыпина готовится покушение, у посетителей даже паспорт не требовали, а уж тем более не ощупывали карманы, не проверяли сумки.

После двух часов пополудни к даче подъехали на ландо два жандармских офицера с портфелями на коленях (по некоторым источникам, был третий – гражданский). Старичку-швейцару показалось подозрительным, что очень уж осторожно они подняли и понесли свои портфели, словно опасаясь, что те могут взорваться. Ещё больше швейцара насторожило то, что оба жандарма были в касках, которые недели две назад в министерстве заменили другими. Старичок, (кстати, бывший жандармский унтер-офицер) преградил подозрительным типом дорогу, но те отбросили его, вошли в прихожую и там столкнулись с генерал-адъютантом премьер-министра. Нервы у боевиков, очевидно, сдали – прямо из прихожей они бросили свои портфели далеко в приёмную, где было много народу. Раздался взрыв оглушительной силы, на соседней фабрике, расположенной за речкой Невкой, в окнах не осталось ни одного стекла.

Почти половина двухэтажного здания дачи была разрушена, погибло около 30 человек (в том числе и террористы), ещё несколько десятков получили ранения и контузии (в разных источниках называются разные цифры жертв теракта). В обрушившейся части дома находились сын Столыпина Аркадий и дочь Наталья, их сбросило с балкона, они получили несколько переломов, но остались живы. В кабинете Петра Аркадьевича сорвало дверь, взрывная волна бросила всех находившихся там на пол, но никто не пострадал.

Даже в эти трагические минуты Столыпин не терял самообладания. Он лично распорядился, чтобы всем пострадавшим оказали помощь, сам вытащил из-под обломков своего сына, а когда на место теракта прибыли его помощники, то первыми его словами были: «Это не должно изменить нашей политики. Мы должны продолжать осуществлять реформы, в них спасение России». И в последующие дни он не нарушал распорядка своей работы, вел себя так, будто ничего не произошло.

А вот Николай II, узнав о взрыве на Аптекарском острове, был основательно потрясён. Терракты в России начали совершать давно – с появлением первых революционных организаций. Но в 1905 году их стало так много, что правительство С. Ю. Витте, дабы пресечь эту заразу, даже собиралось ввести военно-полевые суды. Однако многие министры высказались тогда против, просили повременить, и царь согласился с ними. Но теперь, в 1906-м, земля буквально содрогалась от взрывов бомб. За первые 7 месяцев года, было совершено 37 покушений только на крупных государственных деятелей – по одному в неделю. Самое громкое, конечно, было 12 августа на Столыпина. А на следующий день, 13 августа, от рук террористов погиб генерал Г. А. Мин. И Николай II решился. 14 августа он направил Столыпину распоряжение, в котором писал:

«Я желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени... Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии. Не только занятие честным трудом, но даже сама жизнь людей находится в опасности... Посему предписываю Совету министров безотлагательно предоставить мне: какие меры признает он наиболее целесообразными принять для точного исполнения Моей непреклонной воли об искоренении крамолы и водворения порядка».

«Непреклонная воля» императора было исполнена: 19 августа вышел указ о создании военно-полевых судов. Эту чрезвычайную меру, применявшуюся прежде в России только в военное время, в стране встретили по-разному. Революционные партии, устраивавшие терракты, покушения, погромы, поджоги, грабежи, называемые ими иностранным словечком «экспроприация», подняли вой, обзывая тех, кто издал указ, убийцами, вешателями и т. п. Их поддержали многочисленные уголовные группы и «малины», занимавшиеся мародерством. Правые же газеты, наоборот, приветствовали введение чрезвычайной меры, считая, что страна как раз и находится в состоянии, сходным с войной. Немало было и радикальных требований. В правительство отовсюду поступали телеграммы от различных собраний

общественности, которые предлагали «самым решительным образом подавлять террор», «разгромить преступные революционные организации», «железной рукой задушить насилие и беззаконие» и даже «залить пожар террора кровью». Многие считали сам закон о военно-полевых судах, предписывающий «всего лишь» судить преступников в 48 часов, а в случае присуждения высшей меры приводит приговор в исполнение в 24 часа, малоэффективным. Они требовали «пойманных убийц, мятежников, грабителей и поджигателей вешать в 24 часа на самом месте преступления».

В такой напряженной обстановке и готовилась аграрная реформа. Между тем приближались выборы в новую Государственную Думу, и это могло ещё больше обострить ситуацию. К счастью, до начала выборов правительство успело-таки подготовить всю необходимую нормативную базу, и 9 ноября 1906 года был издан указ, положивший начало радикальному реформированию земельных отношений в деревне.

С этого дня к личности главы правительства было приковано внимание всех слоев общества, а аграрную реформу сразу же назвали «стольпинской». Впервые за 1000-летнюю историю страны высшая государственная власть заявила о своей решимости сделать каждого российского крестьянина собственником земли. Отменялись все ограничения, продолжавшие экономически закрепощать земледельцев. Мужики получили право свободно выходить из общин с земельными наделами, которые становились их собственностью. Эту землю они могли продать, подарить, поделить между членами семьи, завещать по наследству, не спрашивая на то разрешения у общины.

Наконец-то устранялась чересполосица, от которой в последние полвека деревня буквально стонала. Тем, кто решил выйти из общин, местная власть обязана была предоставить не разбросанные по всей округе узенькие полоски пашни, а сплошные массивы, удобные для обработки. Крестьянская семья могла создать на таком участке своё хозяйство, построить дом, надворные постройки и перебраться туда на постоянное жительство. На эти цели банки и кредитные товарищества готовы были

давать льготные кредиты на длительные сроки – вплоть до нескольких десятилетий.

Вводился и новый порядок продажи частновладельческих земель. В стране насчитывалось до 130 тысяч крупных помещичьих хозяйств с огромными излишками сельхозугодий, однако рынок земли, несмотря на это, по-настоящему так и не заработал: крестьяне не могли платить собственникам устанавливаемую ими запредельную цену. Теперь покупателем стало государство. Земельному банку поручалось приобретать выставляемые на продажу участки, передавать в государственный фонд, оттуда крестьяне могли выкупить их по льготной, доступной цене. Убытки от этой крупномасштабной акции ложились на госбюджет.

Кроме того, отменялись ограничения на переезд малоземельных крестьянских семей в губернии с избыточными сельхозугодиями. На новом месте земля предоставлялась бесплатно, а если к бесплатному наделу переселенец хотел ещё и «прикупить землицы», она продавалась ему вообще по символической цене. Государство оплачивало расходы и по переселению таких семей.

Такой реформы многие мужики ждали давно, поэтому сразу же после указа они, не раздумывая, заявили о выходе из общин. В деревне Нашёкино Воронежской области первым это сделал крестьянин со знаменитой в центральном Поволжье фамилией Люков. Его отец Яков Люков, мужик башковитый, уважаемый сельчанами, много лет выписывал сельскохозяйственные журналы и рассказывал мужикам, как живут и трудятся люди в других местах, особенно в Европе. Нашёкинцы избрали его старостой своей общины, однако Люков вскоре заявил, что община вообще вредна для мужика-земледельца и что надо, мол, её распустить, отменить в деревне круговую поруку и телесные наказания, раздать всем общинную землю в собственность и разрешить одиннадцатипольную систему земледелия, как в самой передовой стране мира – Англии.

Ладно, если бы всё это он говорил в своём кругу, среди нашёкинских мужиков, так нет – высказывал свои мысли и в волости, и в уезде, и в губернии. Однажды даже в газетке обо

всём этом прописал. В 1903 году телесные наказания в деревне всё-таки отменили, только вот сам Яков Люков до этого не дождался - убили его. Кто это сделал, так и осталось тайной. Следователи искали, да не нашли, пустили слух, будто сами мужики - общинники и порешили своего старосту, раз общину призывал распустить. Только в Нашёкино-то знали, что это неправда – не было у Люкова врагов, любили его. Да и в других деревнях не поверили в такую сказку.

И вот теперь, когда правительство сделало то, чего требовал Яков Люков, его сын Захар первым из нашёкинских мужиков решил обрести свободу и землю. На этой земле сразу же начал строить свой хутор. Семья у него была немалая – девять душ, рабочих рук хватало на всё – и пахать-сеять, и дом рубить. В первую же весну применил он одиннадцатипольную систему обработки земли, с которой, как и его отец, познакомился давно. А ещё внёс под посевы весь скопившийся на подворье навоз.

Когда зерно в поле начало наливаться, соседские мужики ходили смотреть. Удивлялись – зерно-то у Захара куда крупнее и колос сильнее. А осенью вообще глазам не поверили: те, кто не вышел из общины, получили со своих «полосок» по 80 пудов ржи с десятины, а Люков аж по 187 пудов! После окончания полевых работ в Нашёкино провели общинное собрание и решили по примеру Захара Люкова всем идти «на отруба», то есть брать землю и строить на ней свои хутора.

Первый год работы «по-стольпински» принёс успех всем хуторским хозяйствам страны. Те, кто успел до начала сева получить в общине землю и отсеяться в срок, осенью праздновали победу. Урожайность в зависимости от плодородия почвы в разных губерниях была разная, но по сравнению с общинными хозяйствами хуторские везде выглядели куда предпочтительнее. К примеру, в селе Березнеговатка Тамбовской губернии Григорий Зотов, выйдя из общины, сразу же взял под залог земли кредит на строительство хутора с рассрочкой на 55,5 лет (вот на какие сроки давались крестьянам деньги, поучиться бы работать у дореволюционных банкиров сегодняшним!). Отсеялся в срок, тоже вносил удобрения. Осенью ржи взял по 75 пудов с десятины. По сравнению с Люковым из чернозёмной Воронежской

губернии вроде бы немного. Но это было почти в два раза больше, чем у «общинных» крестьян, которые на той же тамбовской земле получили ржи по 40 пудов с десятины. Так что превосходство над соседями у Зотова было полное.

Большая разница в урожайности стала лучшей агитацией за земледелие «по-столыпински». Те, кто год назад сомневался, боялся прогадать, теперь смело писали заявления о выходе из общин. В первый год «отрубных» было несколько десятков тысяч человек, а во второй более 220 тысяч. Полным ходом шло строительство хуторов, на кредиты банков и товариществ закупался более совершенный сельхозинвентарь, в том числе и иностранные машины. Крестьянская масса пришла в движение, выбывая новый, отличный от средневекового, уклад жизни.

Однако после первых успехов хуторских хозяйств у них появилось немало врагов. Прежде всего - элементарная человеческая зависть. Многих соседей, как говорят в народе, начало давить жаба. А тут и возможность отыграться на тех, кто захотел сладкой хуторской жизни, появилась: при обсуждении новых заявлений о выходе из общины они поднимали вопль: «Не пущать!» Если же это не срабатывало (закон запрещал «не пущать»), предлагали другую резолюцию: «Палить тех, кто выйдет!» И это пугало людей, многие остерегались подавать заявление о выходе.

Другими недругами хуторов стали земские чиновники. Они просто-напросто волокитили реформу. У них возможностей «не пущать» крестьян на хутора было ещё больше. Поступит, скажем, заявление от какого-то мужика, а его положат под сукно. Проходят зимние месяцы, наступает весна, соседи начинают сеять. Что делать мужику? Приходится брать плуг, борону, семена и – в поле на «полоски». Вот год и пропал.

В правительство начали поступать письма и телеграммы с мест, в которых сообщалось, что желающих выйти из общины всюду очень много, но земские чиновники по несколько месяцев не рассматривают заявления. В селе Афанасьеве Обоянского уезда Курской губернии, например, из общины собрались выйти больше половины семей – 72 и 130. Решили-то они об этом ещё в конце 1906 года, но на дворе уже был 1908-й, а землю им так и

не выделили. Поэтому многие забрали заявления назад, и никто не решался обращаться в суд, опасаясь мести слишком рьяных сторонников общин.

Посланцы правительства постоянно выезжали в командировки, проверяли каждую жалобу. По их информации, такое отношение чиновников к реформе наблюдалось не только в отдельных волостях и уездах, но и, случилось, в целых губерниях. Так, на 1 мая 1907 года, когда весенний сев уже подходил к концу, в Вятской губернии из 1078 заявлений о выходе из общины были рассмотрены лишь 13. В Петербургской, Московской, Нижегородской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской реформирование земельных отношений в деревне находилось в зачаточном состоянии даже в 1909 году. Во многих сёлах некоторых из этих губерний об указе от 9 ноября 1906 года крестьяне даже не слышали.

По требованию Столыпина за противодействие реформе чиновников наказывали, увольняли, в Могилевской губернии двоих даже посадили, а потом выслали. Это ещё больше настроило против премьера провинциальную знать. Но с особенно яростными нападками обрушились на него депутаты новой Государственной думы и столичная знать – князья, графы, даже некоторые сановники, близкие к императору. Первые - за недостаточную радикальность реформы, вторые – за её чрезмерную революционность.

Вторая Дума собралась 20 февраля 1907 года. У правительства накопилось много законопроектов, которые следовало принять безотлагательно. И прежде всего надо было облечь в форму закона указ от 9 ноября 1906 года об аграрной реформе, которая уже началась. К сожалению, Столыпину снова не удалось найти общий язык с депутатами. Пришлось долго доказывать, что общинное земледелие – это вчерашний день; что, сохраняя его, страна будет лишь консервировать свою отсталость; что путь к процветанию сельского хозяйства, а значит и всей нации, лежит лишь через предоставление крестьянам полной свободы.

«Правительство желает поднять крестьянское земледелие, – говорил Петр Аркадьевич с думской трибуны, – оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода... Правительство считает совершенно недопустимым установления какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнёта чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства своей судьбы... Необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность закрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность... Нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землёй, который его наиболее устраивает... Пусть собственность будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже нежизнеспособна».

Из левых рядов неслись возгласы: «Это наверно, надо национализировать всю землю».

«При национализации, – отвечал Столыпин, – земля стала бы общей, как вода и воздух... Ею бы стали пользоваться, но улудшать её... этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломана... Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самую силою вещей был бы лишён возможности приложить свои знания к земле... Путём передела (то есть национализации – *А. К.*) земли государство не приобретет ни одного лишнего колоска хлеба... Национализация земли представляется правительству гибельной для страны».

Левые ряды неистовствовали.

«Им, – продолжал Столыпин, указывая на сидящих там депутатов, – нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия... Дайте государству 20 лет спокойствия, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию».

Глава правительства не скрывал, что хочет сделать свою страну величайшей сельскохозяйственной державой мира. Для

этого, считал он, у неё есть достаточно земельных и людских ресурсов, причём огромные сельскохозяйственные угодья ещё не освоены. Столыпин призвал депутатов незамедлительно принять закон об аграрной реформе, дать возможность правительству ускорить освоение этих богатейших земель.

Нет, депутаты отвергли законопроект об аграрной реформе, как и многие другие, предложенные правительством. Вторая Дума оказалась ещё более крикливой и неконструктивной, чем первая. В адрес Столыпина посыпались обвинения со стороны правых, что вместо вменяемого парламента он, как в своё время Витте, тоже собрал «шайку разбойников» и толкает страну в омут революции. От правительства требовали немедленно распустить Думу. «Страна возмущена слепотою и неуместной, преступной слабостью правительства, – писал Николаю II 10 мая 1907 года генерал Богданович. – Ваш премьер... недалёковидный и нерешительный государственный деятель... Так жить дальше нельзя, мы на краю гибели».

О том, что Дума толкает страну к неминуемой гибели, высказывали мысли не только дворяне, генералы, чиновники из высших кругов, но и честные, порядочные люди в рядах самих социал-демократов и социал-революционеров. Когда 2 июня 1907 года, через 3 месяца и 12 дней после начала работы, и вторую Государственную Думу распустили, один из её депутатов, профессор политологии, марксист, переписывавшийся с Г. В. Плехановым и лично общавшийся с А. Бебелем и К. Каутским, Н. Булгаков отметил в своем дневнике: «Четырехмесячное сидение «в революционной» Государственной Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции. Из Государственной Думы я вышел каким-то черным, каким никогда не бывал. Это понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своём убожестве даже и не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной Думы».

Роспуск этого «безнадежного, нелепого, невежественного, никчемного» собрания, однако, не полностью удовлетворил ожидания правах. Дворяне – самый могущественный в стране класс, извлекавший огромную прибыль из владения землей – считали, что их кровным интересам угрожает ещё и аграрная реформа Столыпина. Они опасались, что вслед за скупкой Крестьянским банком неиспользуемых ими сельхозугодий может последовать ещё более крупномасштабная правительственная акция – по принудительному перераспределению земли в пользу крестьян.

Действительно, обсуждая с Николаем II предстоящую аграрную реформу, Столыпин высказывался в том духе, что крупное землевладение себя исчерпало и что земля должна давать доход не узкой, привилегированной части общества, а всему народу. Он считал перераспределение земельных ресурсов страны в пользу крестьян политической необходимостью и в качестве крайней меры был готов прибегнуть к принудительному отчуждению сельхозугодий у тех, у кого их слишком много.

Николай II с ним согласился и даже решил начать такое перераспределение с себя. Собрав своих многочисленных родственников, он, как пишет в своём дневнике великий князь Константин, заявил, что «аграрное движение, охватившее всю Россию, побуждает его подумать о том, что царственному дому следует встать во главе уступок земли неимущим крестьянам..., решаясь на продажу тех 1, 8 млн. десятин, которые сейчас в аренде». Родичи Николая подняли шум и, так ничего не решив, попросили время подумать. А когда собрались снова, то настроение у них было уже другое. Великий князь Николай Михайлович даже предложил не продавать эти 1, 8 миллионов десятин, а пожертвовать безвозмездно тем крестьянам, которые их арендуют. Однако остальные возразили, что это сильно подорвёт их экономическое благополучие, и решили арендные десятины продать. Сам же Николай II объявил, что дарит свои сельхозугодья на Алтае переселенцам.

Такое решение царской семьи вызвало у дворянства настоящую панику. Чтобы «пожертвования» и «дарения» не стали навязывать остальным землевладельцам, III съезд объеди-

нённых дворян принял резолюцию: «Принцип неприкосновенности частной собственности является основой существования нации».

Пётр Аркадьевич был до крайности возмущён такой позицией. «Освободили крестьян в 61 году и успокоились, – говорил он друзьям, когда они собрались в узком кругу (один из друзей и записал его высказывание). – Земля, сосредоточенная в руках русских помещиков-гунеедцев, эксплуатирующих крестьян-арендаторов, конечно, крупный козырь в руках социалистов... Что-то надо было противопоставить разрушительному их влиянию. Лозунги, обещания – им не верят. Силу казаков? Палка о двух концах, и эта мера действительна до поры до времени. Надо создать крестьянина-собственника, освободить от общины, дать кредит. Собственность свою крестьянин будет ценить и защищать. Инициативы и энергии у русского мужика непочатый край... Мало земли у крестьянина – да, но у нас есть фонд Крестьянского банка, ресурсы государства, да я считаю, что близко уже то время, когда нам придётся стать перед вопросом экспроприации частновладельческих земель. Что меня ждёт в последнем случае, если даже указ от 9 ноября 1906 года... [вызвал] такую бурю и нападки?»

Последние слова великий реформатор произнёс 22 января 1911 года, а 1 сентября на него было совершено покушение, ставшее роковым. Как ни странно, его смерти жаждали и левые, и правые. Вот как это выразил, например, князь Э. Э. Ухтомский: «Чтобы спасти теперь положение дел, необходимо только одно – чтобы Столыпин был устранён... Хорошо было бы, если бы его контузило или слегка ранило». Это прозвучало как мягкий, ненавязчивый призыв к террористам левого лагеря: мол, братки, пора! И они начали готовить покушение. Полиция раскрыла несколько заговоров с целью убить премьера, среди организаторов которых были и члены Государственной Думы. И вот, наконец, это им удалось.

В Государственной думе к покушению на премьера правительства отнеслись по-разному. Открывая заседание, председатель Госдумы сказал:

«Если дикая расправа путём террористических актов всегда отвратительна, то теперь, когда её жертвой стал один из лучших сынов своей Родины, она вызывает справедливое и горячее негодование всей страны».

Раздались рукоплескания и возгласы согласия с оратором в центре и в правой части зала. Левые же депутаты, жаждавшие потрясений, сидели неподвижно и хранили молчание.

5 сентября 1911 года великий российский реформатор ушёл в историю. Что же оставил он после себя?

Чтобы преобразить Россию, Пётр Аркадьевич просил для страны всего-то 20 лет спокойствия, внутреннего и внешнего. Ему, однако, дали на осуществление его идей только 5 лет – с 1907 по 1911 год. Да и то без внутреннего спокойствия. Однако за четверть испрашиваемого срока он успел, несмотря на яростное сопротивление сомкнувшихся консервативно-революционных сил, сделать собственниками земли 27 процентов российских крестьян. В европейской части России появилось более миллиона хуторов, в Сибири, Приамурье и Приморье возникли десятки новых переселенческих сёл. За 5 лет в стране было распаханно 30 миллионов десятин новых земель, что в переводе на наш счёт составляет 32,7 миллиона гектаров. Для сравнения: в 50 – 60-е годы XX века, при Хрущеве, в СССР за 9 лет подняли 41 миллион гектаров целины. Эту колоссальную работу народ заслуженно назвал подвигом. Как же тогда оценить то, что сделали за 5 лет крестьяне при Столыпине, если они без тракторов, на одних лошадках, ежегодно припахивали больше земель, чем вооруженные техникой советские целинники?

Ещё одно сравнение. К началу XX века в Европе по-прежнему считали, что только у них могут получать высокие урожаи, а ленивый, нерадивый русский крестьянин всегда будет довольствоваться урожаем «сам-три» или «один к трём». Но после начала столыпинской аграрной реформы «ленивые и нерадивые», а на самом деле трудолюбивые и грамотные в аграрном отношении русские мужики начали догонять и даже перегонять европейские страны. В 1910 году Иван Груздев из села Власиха Костромской губернии, первый из российских крестьян сравнялся по урожайности даже с аграрным лидером Европы – Ан-

глией: получил зерна в соотношении 1:10, как и на туманном Альбионе. В следующем 1911 году он посрамил и европейского лидера: урожайность у него составила 1:13,5. И это в куда более суровых условиях, чем в Англии.

После смерти Столыпина отстаивать его аграрную реформу в условиях жесточайшего противодействия было некому. Тем не менее она продолжала приносить свои плоды. К 1913 году Россия вышла на второе место в мире по производству зерна – после США, а на душу населения на третье – после США и Австралии. Она стала получать хлеба больше, чем главные сельхозпроизводители Европы – Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия вместе взятые. Неуклонно рос и экспорт зерна за границу. В 1912 - 1913 годах он превосходил продажу хлеба за рубеж в предреформенные годы (1900 -1905г.г.) на 60 процентов. В 1911 (в год смерти П. А. Столыпина) страна продала в Европу 10 миллионов тонн зерна, а 1913-м – даже 12 миллионов тонн. И вышла по экспорту хлеба на первое место в мире. А ведь реформа к тому времени охватила лишь, около трети крестьянских хозяйств, сельскохозяйственное производство только-только начало переходить к машинной обработке земли!

Идеи Столыпина, его дела до сих пор живут в общественном сознании россиян. Их не могли вытравить не замалчивание заслуг великого реформатора в течение семидесяти с лишним лет большевистского режима, ни злобные нападки партийных идеологов на самую аграрную реформу, которую они называли провальной! Когда после краха КПСС и распада СССР стали появляться объективные публикации о нашем прошлом, народ быстро разобрался, где правда, а где ложь. В 2008 году в стране проводился массовый опрос населения на тему: «Кто из исторических деятелей прошлого наиболее олицетворяет Россию?» Так вот, на первое место люди поставили Александра Невского, а на второе – Петра Столыпина. В народе даже родилась шутка: мол, если бы эти великие люди были живы, то Александр Невский сегодня непременно стал президентом страны, а премьер-

министром он назначил бы Петра Столыпина. Наверное, так оно и было бы.

Однако на свет Божий полезли всевозможные современные «революционеры», сторонники советского колхозно-совхозного строя. В 2011 году в связи со 100-летием убийства Столыпина они устроили беспрецедентную травлю человека, который давно ушёл из жизни.

Сначала осторожно, неброско стали воспевать тех террористов, которые устроили взрыв столыпинской дачи на Аптекарском острове. Автор одной из публикаций едва не проследился, описывая благородство главного организатора теракта – руководителя «Боевой организации максималистов» Михаила Соколова. Оказывается, этот террорист-максималист был красавец с мягким голосом и чуть смущенной улыбкой, мечтающий о великой России. Людей тянуло к нему, ничто человеческое было ему не чуждо. Напомним, что максималисты хорошо одевались, завели автомобиль, гуляли на пирушках. Денег хватало на всё – ведь только за один налёт на банк взяли 875 тыс. рублей.

Ну а при организации теракта на даче Столыпина Соколов проявил вообще высокую нравственность. Читаем:

«В числе пострадавших при страшном взрыве на аптекарском острове был и некий офицер, как раз проходивший мимо... Контуженный, раненный в руку, он в больнице тем не менее после быстрой перевязки от дальнейшей помощи отказался – займитесь теми, кому тяжелее... Увидев окровавленных людей, офицер ахнул – сколько жертв! Достал бумажник, вытряс весь: я только что получил жалованье, многие из пострадавших явно не богачи, раздайте им! После чего ушёл. Газеты отмечали благородство и скромность молодого военного. Увы, никто не записал его имени... А был это непосредственный организатор теракта... Михаил Соколов».

Немало добрых слов нашёл автор для жены Соколова, тоже террористки, правда, во взрыве дачи не участвовавшей, а как торгу схлопотавшей позднее – за другие славные поступки. В адрес же испытавшего потрясение и чудом оставшегося в живых Столыпина, его покалеченных детей ни одного сочувственного слова не нашлось.

После такой увертюры началась сама симфония. Газеты принялись публиковать высказывания о Столыпине думских депутатов из революционного крыла, реакционных князей и генералов, не желавших отдавать землю крестьянам. Первые носили премьер-министра слева, вторые – справа, но тех и других объединяла общая ненависть к этому человеку. На свет были извлечены самые гнусные оскорбления, которым он подвергался. Мол, видите, граждане, как отзывались о нём современники, а они-то хорошо знали сего душиателя народа.

Потом за дело взялись нынешние историки. Эти начали гвоздить по Столыпину и его аграрной реформе историческими «фактами». А факты, как известно, упрямая вещь, против них не попрёшь. Только вот рассчитаны эти факты были не на людей просвещённых, успевших кое-что прочесть из постсоветских публикаций о Столыпине и его реформе, а на обывателя, получающему информацию главным образом из телевизора. Такому обывателю можно весить на уши какую угодно лапшу, обманывать его почём зря. Вот и начали обманывать, вводить в заблуждение, превращая белое в чёрное.

Выше уже рассказывалось, как действовал саратовский губернатор П. А. Столыпин во время первой русской революции. Добавим: не только помещик Н. Львов, но и граф Д. Алсуфьев, а также иные очевидцы вспоминали позднее, что Петр Аркадьевич дневал и ночевал тогда в самых тревожных уездах губернии, чтобы не допустить там кровопролития. И ему удавалось улаживать конфликты между помещиками и крестьянами, в результате чего волнения не вышли за рамки небольших очагов и не превратились в общий пожар, как в других губерниях.

Но вот читаем в откровениях нынешних историков: оказывается, Столыпин в 1905 году «быстро навёл порядок на введенной территории...порками, расстрелами и арестами». А став главой правительства, незамедлительно «добился введения военно-полевых судов с правом в 48 часов приговаривать к смертной казни кого угодно».

Всё это, конечно, брехня, но почему бы и не набрехать с три короба, если обыватель не знает, что военно-полевые суды и смертная казнь существовали в России до прихода Столыпина,

поэтому во время его назначения премьером ни для кого не были в диковинку. Не знает он и того, что вовсе не новый премьер их добивался, а сначала предыдущий премьер Витте, потом сам император Николай II приказал использовать эти суды в необъявленной войне против бунтов, террактов, убийств при помощи взрывов бомб, поджогов, погромов, из которых и состояла первая русская революция.

Подобные преступления карались смертной казнью и прежде, для всех это было в порядке вещей. Новинка заключалась лишь в том, что военно-полевые суды вершились в 48 часов, как в военное время, а не растягивались на недели и месяцы, а то и годы, как при обычной, вялотекущей жизни. Но, несмотря на скоротечность, они приговаривали к смертной казни не «кого угодно», как утверждают сейчас борзописцы-историки, а лишь тех, кого на основании обычных законов судьи признавали виновными в террактах, погромах, поджогах и т. д.

Насовав премьеру всех чертей, обличители его «преступлений» высказывались и по поводу того, что их больше всего возмущало. А возмущало их то, что российское общество сегодня безоговорочно осуждает Сталина за его «скорорешительные» суды в 30-е годы. Как же так, спрашивают они, почему «о самом изобретателе такого «скоростного правосудия» Столыпину его нынешние сторонники не говорят ни слова, будто ничего об этом не знают...»?

Да потому и не говорят, что не Пётр Аркадьевич является автором идеи применения военно-полевых судов при отсутствии официального объявления войны - он лишь выполнил указание главы государства, причём в условиях, когда мирное время де-факто в стране уже отсутствовало, а от рук террористов и прочих бандитов погибла масса людей, как при полномасштабных военных действиях, и остановить это насилие другой возможности не было.

Что же касается Сталина, то народ «безоговорочно осудил» его вовсе не за скоротечность судов, а за массовые расстрелы и заключения в концлагеря ни в чём не повинных людей по приговорам как раз не судов, а незаконных «особых троек».

И не надо вину одного из величайших тиранов сводить лишь к безобидному «ускорению» судебных процедур!

Теперь о самой аграрной реформе. Во время травли Столыпина в связи со 100-летием его трагической гибели в неё было выпущено особенно много отравленных стрел. Делалось это с неприкрытым цинизмом. Никаких фактов, пусть даже извращенных, не приводилось - многократно повторялось, что реформа была провальной и всё. Вот как это делалось.

Начнём с Указа от 9 ноября 1906 года. Он предусматривал свободный выход крестьян из общин с земельными наделами, которые становились их собственностью. Что касается излишков земли у помещиков, то их должно было скупать государство через Крестьянский банк, а потом продавать мужикам по доступной цене. Столыпин не был знаком с марксизмом, но в данном случае он мыслил, как марксист: именно такую точку зрения высказал в 1848 году Фридрих Энгельс в работе «Принципы коммунизма», утверждая, что пролетарское государство при строительстве коммунизма будет скупать земли у частных владельцев за «ассигнатки», а не экспроприировать. А потом продаст её крестьянам по доступной цене. Стало быть, если то, что предлагал Столыпин, было провальным, то и идея Энгельса тоже была провальной?

Нет, нынешние критики Столыпина о точке зрения одного из основоположников научного коммунизма, похоже, даже не слышали. Поэтому, навалившись на Столыпина, они одновременно начали топтать и Энгельса. Вот до чего договорились эти критики: «Указ от 9 ноября 1906 года (а значит, и идея Энгельса, высказанная им ранее) потенциально одним махом убивал всё крестьянство как класс, превращая его в обездоленных батраков... Царский манифест 1861 г. стал первым обманом, а Указ 1906 г. – вторым обманом». Выходит, идея Энгельса, созвучная с указом 1906 г., была третьим обманом крестьян? Только вот в чём же этот «обман» заключался? Почему, получив, землю помещиков по доступной, а не по спекулятивной цене, крестьяне должны были превратиться в «обездоленных» батраков? На кого же эти «батраки» должны были работать?

Из всех многочисленных противников аграрной реформы наибольший вред ей наносила Государственная дума, у которой были для этого самые благоприятные возможности. Дело в том, что Столыпин проводил свои преобразования не по закону, а по указу, поэтому его действия считались не совсем легитимными. Соответствующий законопроект был внесён во II Думу сразу после её избрания, но депутаты никак не хотели его принимать. Пётр Аркадьевич убеждал их и так и этак – и с трибуны, и в кулуарах, но только 14 июля 1910 года указ стал законом.

А что пишут об этом сегодняшние «знатоки» истории? Что, оказывается, вовсе не Дума, а сам Столыпин «всячески затягивал размах дела, потому что в ещё большей мере... не хотел расставаться с любимым помещичьим прошлым». Ай да «знатоки» истории, ай да молодцы! С этим «любимым прошлым», к вашему сведению, Пётр Аркадьевич покончил ещё до того, как начал реформы, даже прежде, чем стал премьер-министром – продал свою родовую усадьбу и все 1000 десятин земли! Так что назад в «помещики» ему пути не было.

Подобных абсурдных утверждений сегодняшних противников Столыпина в связи со 100-летием его гибели в российских СМИ появилось немало. Порой даже складывалось впечатление, что из соответствующих лечебных учреждений на время выпустили некий контингент и он спешит воспользоваться свободой печати. Иначе, как объяснить такие, например, перлы: «Он [Столыпин] довел и без того нищую страну до такого голода, что смертность превышала рождаемость... В итоге столыпинская деревня оказалась еще более нищей, чем до Столыпина».

У меня нет желания спорить с медицинским спецконтингентом, читатель сам найдет в этой главе цифры, опровергающие сей бред. Но всё же один вопрос хотелось бы задать авторам с неудержимой фантазией: откуда при Столыпине мог взяться голод со всеми вытекающими из него последствиями, если в стране в то время производилось зерна по 22,5 пуда на душу населения в год при научной норме потребления 18 пудов? Голод на Россию обрушился позднее, когда к власти пришли те самые революционеры, которые не давали Столыпину

проводить аграрную реформу и в конце концов отправили великого реформатора на тот свет. Вот с их приходом начался не только небывалый голод, но и массовый мор. В 1921-1922 годах, при Ленине, от голодной смерти в стране умерло пять с половиной миллионов человек, в 1932-1933-м, при Сталине, – семь с половиной миллионов. Эти цифры широко известны, с ними не поспоришь.

Не называю авторов приведенных выше опусов – думаю, большинство их скрылось под псевдонимами. А вот главного идейного вдохновителя назвать стоит. Это всем известный нынешний руководитель коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов. Сей доктор философии не раз уже демонстрировал своё непонимание главного коммунистического учения – марксизма-ленинизма, не изменил он себе и на этот раз. Появившись в конце кампании травли на экранах телевизоров, Геннадий Андреевич высказал своё руководящее резюме: «Если бы Столыпин не пошел по германскому, бюргерскому пути, а поддержал традиционную крестьянскую общину, его реформа могла бы иметь успех. А так она привела лишь к массовому обезземеливанию и обнищанию крестьян, что вызвало революции 1917 года».

Полноте, Геннадий Андреевич, какую общину вы призываете поддерживать? Ведь её ещё в 90-е годы XIX столетия отверг ваш идейный вождь, один из основателей марксизма-ленинизма Ульянов-Ленин, заявив в работе «Развитие капитализма в России», что русская крестьянская община стала ВРЕДНОЙ для крестьянской бедноты. Слово «ВРЕДНОЙ» выделено самим Лениным. Прочитайте же вы, наконец, хотя бы одну из теоретических работ своего вождя и учителя.

А абракадабра о том, что начатая Столыпиным аграрная реформа в конце концов привела Россию к двум революциям 1917 года! Это же шедевр! Получается, что не встрянь сей реформатор со своей идеей в ход истории, и не было бы у нас Великой Октябрьской Социалистической Революции! Боюсь, Геннадий Андреевич, что организаторы и руководители Октябрьского переворота Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский и другие после вашего заявления перевернулись в своих гробах. Это же надо так принизить роль партии большевиков в организации

революционной борьбы в России и незаслуженно возвысить царского премьер-министра! После этого недолго и под партийный суд загреметь, а он у большевиков суровый.

Часть II. ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЕ ПОТряСЕНИЯ

ЯВЛЕНИЕ ЗЛОВЕЩЕГО ПРИЗРАКА

Вот так, уповая лишь на свои силы да на благоволение Бога, и жила-поживала российская деревня от славянских племен до Столыпина. Казалось бы, теперь, когда наступил цивилизованный двадцатый век, всё худшее для неё уже позади. Однако как раз в самом цивилизованном столетии и были сокрыты небывалые катаклизмы, потрясшие вскоре не только российское крестьянство, но и весь мир.

Еще в середине XIX века по Европе, как говорил Карл Маркс, начал бродить призрак коммунизма. Поначалу едва различимый, словно сотканный из тумана, он очень скоро обрёл материальную плоть. В философской науке возникло новое направление – марксизм, теоретически обосновавшее пришествие этого призрака.

Если упростить сие учение до обывательского понимания, суть его заключалась в следующем. Вся предыдущая история человечества – сплошной мрак, горе и страдания. Поэтому надо разрушить до основания старый мир, а на его обломках построить новый – коммунистический. Как только такой мир будет построен, жизнь на земле превратится в сказку. Наступит полное изобилие материальных благ, люди ни в чём не будут нуждаться. Создадут изобилие чудо-машины, которые полностью заменят тяжелый физический труд на заводах, фабриках, в поле, на ферме. Человек станет свободным, сможет заниматься тем делом, которое ему по душе. Он будет работать столько, сколько захочет, а то и совсем не работать, но благами пользоваться сполна – совершенно бесплатно.

Российский мужик, когда, спустя десятилетия, учение о коммунизме дошло и до него, поначалу только с ухмылкой тербил бороду. Мол, шалят господа заморские учёные, ишь чего напридумывали. Где это видано, чтобы в деревне человек не работал, ежели труд – всему голова. Опять же кто лодыря за дарма кормить станет, коли нет от него никакого прока? От безделья это господа вздурили, от незнания жизни.

Но не все на Руси рассуждали так. В больших городах, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, нашлось немало людей, объявивших себя марксистами. 25 октября 1917 года в стране произошел государственный переворот, в результате которого власть и захватили эти самые марксисты. Они заявили на весь мир, что немедленно начинают строить первую фазу коммунизма – социализм.

А уже на следующий день после переворота телеграфные провода над Россией надрывно гудели от напряжения. В больших и малых городах, армейских штабах и на флотах, в казачьих войсковых правлениях аппараты Бодо безостановочно принимали сообщения из столицы с пометкой: «Всем! Всем! Всем!» Это новая власть рассылала на места свои первые декреты.

«Всем! Всем! Всем!» – вчитывались в змеящиеся ленты уставшие телеграфисты. – Сегодня, 26 октября 1917 года, Второй съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял «Декрет о земле». На основании этого декрета помещичьи земли отныне и навсегда изымаются без всякого выкупа и передаются тем, кто их обрабатывает. Помещичьи имения со всем их живым и мёртвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов».

В деревнях и на хуторах европейской России началось ликование – наконец-то! Стали прикидывать, сколько помещичьей земли дадут на семью и сколько её можно будет осилить, когда вернутся с фронта мужики. Получалось, что после войны жизнь у крестьян начнется хоть и не бесплатная, но всё равно, как при коммунизме, расчудесная.

Однако до делёжки помещичьей земли ещё надо было до-

жить, сейчас же начинались хлебные торги. С первой порошей на каждом крестьянском подворье принялись снаряжать подводы с зерном, составлять памятки, что купить в городе на вырученные деньги. Хотя молодые и самые работоспособные мужики давно уже воевали на германском фронте, хлеба было достаточно, чтобы кормить и себя, и армию, и страну.

Обозы с зерном потянулись привычными маршрутами – к городским рынкам, военным и казачьим интендантствам. Но на столбах и заборах возле обезлюдевших рынков, на дверях интендантских пакгаузов висели воззвания новой власти, в которых сообщалось, что в стране запрещается всякая торговля, а те, кто попытается продать зерно, другие продукты питания или иной товар, будут объявлены спекулянтами с последующим заключением в тюрьму, отдачей на принудительные работы и конфискацией имущества. Привезённые же крестьянами пшеницу, рожь, овёс следует сдать в комитеты снабжения, созданные Советами.

Что ж, в комитеты, так в комитеты... Крестьянам было всё равно. У пакгаузов выстроились очереди из подвод. Там зерно принимали теперь не прежние бородатые мужики в фартуках, а бритые комиссары в кожаных куртках с наганами на боку. Указав, куда ссыпать хлеб, они выдавали расписки, сколько у кого принято. Денег никому не платили, разъясняли, что советская власть берёт зерно в долг, что когда-нибудь, со временем, она рассчитается с каждым – перечислит деньги на личные счета крестьян в банке. Комитетчики явно издевались над мужиками, ведь ни у кого из крестьян никогда личных счетов в банке не было. Да и сумму комиссары называли в десять раз меньшую той, которую платили в интендантствах или на рынке.

Те, кто не успел сдать хлеб, быстро поворачивали подводы обратно. Дураков, отдавших своё, кровное за пустую расписку, на которую нельзя было купить ни ситца, ни керосина, ни соли, ни новую упряжь, оказалось немного. В губерниях, расположенных недалеко от Москвы и Питера, крестьяне, помозговав, решили идти обозами в старую и новую столицы. Но и этот путь оказался отрезанным. Перевозка зерна и другой сельхозпродукции гужевым транспортом или по железной дороге без удосто-

верений комитетов снабжения приравнивалась к спекуляции и также каралась тюремным заключением, принудработами, конфискацией имущества.

Раздосадованные мужики погнали лошадей домой, проклиная по пути и советскую власть, и большевиков, и их вождя Ленина. Не зная прежде замков деревня принялась мастерить на амбарах крепкие, кованные запоры. Крестьяне наивно полагали, что эти кузнечные поделки защитят их хлеб от могущественной силы, которая в одночасье низвергла прежнюю государственную власть величайшей в мире империи.

Эта сила заставила содрогнуться целые слои российского общества. Новая власть начала в городах с лихорадочной поспешностью отбирать у владельцев заводы и фабрики, пароходы и бани, жилые дома и магазины, ремонтные мастерские, парикмахерские, пошивочные и т.д. Это называлось, национализацией собственности, а на деле являлось передачей огромных богатств в распоряжение новых, коммунистических, чиновников.

Россию захлестнул черный смерч насилия. В вооружённых отрядах, занимавшихся экспроприацией собственности, было немало уголовников, ещё недавно отбывавших наказание в тюрьмах и на каторге. Теперь они сами чинили расправу над своими согражданами – без суда и следствия, по своему разумению. Проводимые ими экспроприация и национализация собственности сопровождалась массовым мародёрством, убийствами, изнасилованием.

За короткий срок новые опричники физически уничтожили целые слои общества – помещиков, буржуазию, купечество, часть интеллигенции. Русская православная церковь, тысячу лет объединявшая нацию, была разгромлена до основания, её соборы и церкви разрушены, сожжены или превращены в конюшни, сокровища, собранные за много веков, разграблены, а священнослужители – расстреляны, повешены или утоплены в проруби.

Большевики просто опьянели от власти. Запах крови, обagrившей питерские булыжники в ночь государственного переворота, вызвал у них эйфорию, переросшую в головокружение. Наконец-то свершилось! Сколько за годы подполья партия

потеряла товарищей, расстрелянных царской охранкой, отправленных судами на каторгу, подорвавшихся на собственных бомба во время терактов! Теперь наступила пора возмездия, когда за каждую каплю революционной крови должны были пролиться потоки, реки, моря крови врагов.

Хотя «вооруженные отряды партии», как Ленин называл органы ВЧК, быстро покончили с капиталистами, помещиками и духовенством, у пламенных рыцарей революции это не утолило жажду мести. Кровавый пал охватывал всё новые и новые города, волости, уезды, губернии. Никем и ничем не ограниченная власть давала возможность большевистским комиссарам безнаказанно делать то, о чём мечтало не одно поколение русских революционеров и к чему призывал сам Ленин – убивать, убивать и убивать. И они сполна использовали эту возможность.

Мировая общественность взорвалась от негодования, большевиков обвинили в организации массового террора против собственного народа. Ленин не стал отрицать очевидное, но поправил критиков: мол, то, что мы делаем, – лишь начало, настоящий-де террор впереди! Уже 11 января 1918 года на 78 день революции он заявил на III Всероссийском съезде советов:

«На все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко не дошли ещё до настоящего террора... мы говорим: да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы об этом скажем, тем... скорее эта война кончится».

В то время – первой половине 1918 года – большевики ещё не скрывали от общественности свои неприглядные дела, говорили в основном всё, как было. Потом, спохватившись, они начнут изворачиваться, лгать, искать оправдания своим преступлениям. В частности, скажут, что «красный» террор вынуждены были начать в ответ на «белый» террор, покушение на Ленина и других своих комиссаров. Хотя белая армия начала военные действия против большевиков лишь во второй половине 1918 года, тогда же Фани Каплан стреляла в Ленина и были убиты другие комиссары. Большевистские же карательные операции начались ещё в 1917 году, что Ленин фактически и признал.

После выступления на Съезде Советов он ещё не раз, говорил, что большевики действительно воюют в своей стране, но только против эксплуататоров. Например, выступая на митинге в Симоновском подрайоне Москвы, он заявил: «Война вообще противна стремлению партии коммунистов. Но та война, которая проповедуется сегодня, – священна, это война гражданская, война рабочего класса против эксплуататоров».

Однако столичные и провинциальные газеты чуть ли ни ежедневно сообщали о карательных операциях советской власти отнюдь не против буржуазии, землевладельцев, попов и прочих эксплуататоров – в начале 1918 года их в России просто не стало. Истреблялись другие слои населения.

Например, в Киеве власти приказали явиться в театр для проверки документов всем офицерам, вернувшимся с фронта Первой мировой войны. Не чувствуя за собой никакой вины перед советской властью, в здании театра, где в 1911 году был убит Столыпин, собралось 2 тысячи человек, большинство – в боевых орденах и крестах. Однако чекисты устроили бойню – всех до единого перестреляли или порубили шашками прямо в помещении.

То же самое произошло в Севастополе, где расправились с морскими офицерами. Ни у кого из них тем более не было и не могло быть вины перед новой властью. Им никто её не предъявлял – перестреляли, порубили и всё. Чем руководствовались киевские и севастопольские чекисты, стало понятно позднее, когда в газетах «Правда» и «Красный террор» опубликовали инструкцию для работников ВЧК на местах. В ней говорилось:

«Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого».

Точно так и действовали киевские и севастопольские чекисты с той лишь разницей, что они даже следствие не вели, потому что и без того было ясно: на вопрос о профессии каждый ответит: «Офицер военно-морского флота». А такие люди безоговорочно подлежали ликвидации.

Правда, чтобы зарубежные Моськи не тявкали, обвиняя коммунистического Слона в беззаконии, попробовали было проводить показательные судебные процессы – мол, и у нас всё по закону. Но первый же блин получился комом. В мае 1918-го в Питере судили военно-морского капитана Щастного, который сумел увести от немецкой флотилии несколько российских кораблей и тем самым спас их от захвата в плен. На суде «выяснилось», что этот самый капитан, взяв на себя командование группой военных судов в минуту смертельной опасности, вовсе не думал никого спасать, а, наоборот, хотел нанести вред советской власти. Вот как было сформулировано обвинение: «Щастный, совершая геройский подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать её против советской власти». Всё! Больше никаких «грехов» за ним замечено не было.

Какой, однако, надо было обладать прозорливостью, а, может быть, и даром ясновидения, чтобы проникнуть в тайные мысли человека, которые он тщательно скрывал! Ничего, проникли, ведь для большевиков нет невозможного. Вывел Щастного на чистую воду председатель Реввоенсовета Республики, ближайший соратник Ленина Лев Троцкий. Коммунист № 2 выступил на суде единственным свидетелем, а точнее сказать – обвинителем, на основе показаний которого и был вынесен смертный приговор. 22 мая 1918 года боевого морского офицера, совершившего героический подвиг во славу Родины, расстреляли как врага советской власти.

Но эффект от этого показательного судебного процесса получился обратный – Балтийский флот пришёл в ярость. Нарком по военно-морским делам (говоря нынешним языком – министр военно-морского флота), бывший матрос и председатель Центробалта, сыгравшего большую роль в осуществлении октябрьского переворота, Павел Дыбенко заявил в печати: «Если есть хоть один ещё честный социалист, он обязан заявить протест... Мы не повинны в этом позорном акте... и в знак протеста выходим из правительственных партий».

Пришлось от открытых судебных процессов отказаться. А со второй половины 1918 года, когда действительно началась

гражданская война между белыми и красными, надобность оправдывать террор вообще отпала.

Любопытное дело: помещики, капиталисты, попы давно ушли в прошлое, а врагов у советской власти становилось всё больше, – она теперь боролась против собственных рабочих и крестьян, недовольных политикой большевиков. С этими новыми врагами расправлялись так же жестоко, как ещё недавно – с бывшими эксплуататорами. Вот что писал, например, о массовом погроме рабочих Астрахани в 1919 году известный русский историк и публицист С. Мельгунов в книге «Красный террор в России», изданной за рубежом в 1924 году.

«Десятитысячный митинг мирно обсуждавших своё тяжёлое материальное положение рабочих был оцеплен пулемётчиками-матросами и гранатометчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулемёты, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.

Митинг дрогнул, прилёг и жутко затих. За пулемётной трескатнёй не было слышно ни стоны раненых, ни предсмертных криков убитых...

Город обезлюдел. Притих. Кто бежал, кто спрятался.

Не менее 2 тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов.

Этим была закончена первая часть ужасной Астраханской трагедии.

Вторая – ещё более ужасная – началась 12 марта. Часть рабочих была взята «победителями» в плен и размещена по шести комендатурам, по баракам и пароходам. Среди последних выделился своими ужасами пароход «Гоголь». В центр полетели телеграммы о «восстании».

Председатель Рев. Воен. Совета Республики Л. Троцкий дал в ответ лаконичную телеграмму: «расправиться беспощадно». И участь несчастных рабочих была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде.

В подвалах чрезвычайных комендатур и просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым несчастным привязывали камни на шею. Некоторым

вязали руки и ноги и бросали с борта. Один из рабочих, оставшийся незамеченный в трюме... рассказал, что в одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около ста восьмидесяти человек. А в городе в чрезвычайных комендатурах было так много расстрелянных, что их едва успевали свозить за ночь на кладбище, где они горами сваливались под видом «тифозных».

13-го и 14-го марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих. Но потом власти, должно быть, спохватились. Ведь нельзя было даже свалить вину за расстрелы на восставшую «буржуазию». И власти решили, что «лучше поздно, чем никогда». Чтобы хоть чем-то замаскировать наготу расправы с астраханским пролетариатом, решили взять первых попавшихся под руку... – домовладельцев, рыбопромышленников, владельцев мелкой торговли и расстреливать... (якобы за участие в терро-ре – А. К.).

К 15 марта едва ли было можно найти хоть один дом, где бы не оплакивали отца, брата, мужа. В некоторых домах исчезло по несколько человек... жуткую картину представляла Астрахань в это время. На улицах – полное безлюдье. В домах – потоки слёз».

Астраханские власти догадались хоть найти козлов отпущения среди домовладельцев, мелких лавочников и т. п., свалить на них вину за террор. В эту побасенку вряд ли кто поверил, но всё-таки... А вот в Москве центральная власть такого наговорила, что в мире стоял хохот. Помните, в 1591 году боярин Василий Шуйский, посланный Борисом Годуновым расследовать обстоятельства убийства младшего сына Ивана Грозного Дмитрия, объявил народу, что никто-де царевича не убивал, а восьмилетний отрок, будучи в здравом уме, сам, сознательно, полосанул себя ножом по горлу. Не мудрствуя лукаво, так поступил и соратник Ленина Л. Каменев. Он заявил в печати, что к массовым расстрелам рабочих, имевшим место во многих городах в 1919 году, не причастны ни органы советской власти, ни ВЧК – это, мол делают сами рабочие, защищая свою пролетарскую революцию. А Ленин пошёл ещё дальше. Выступая на VII Съезде советов, он «разъяснил», кто толкает их на

такой шаг – то есть убивать самих себя, защищая от себя же пролетарскую революцию. Это, конечно же, Антанта.

Между тем в Европе уже знали настоящую правду о красном терроре в России из других, не коммунистических источников. После освобождения от большевиков южных районов страны во второй половине 1918 года белая Добровольческая армия обнаружила там многочисленные следы зверств чекистов и прочих советских опричников. Они были тщательно расследованы полицией в присутствии представителей военной прокуратуры при участии профессиональных судмедэкспертов, о чём составлялись официальные протоколы. Шокированный первыми результатами генерал Деникин создал специальную комиссию по расследованию деяний большевиков, которая распространила свою деятельность практически на все южнорусские города.

Вот лишь некоторые сообщения этой комиссии.

В Таганроге красноармейцы по приказу своих комиссаров бросили в пылающую доменную печь металлургического завода до 50 человек, предварительно связав им проволокой руки и ноги. Останки несчастных были найдены в шлаковых отбросах. Возмущенные такой жестокостью рабочие, часть которых сначала даже сочувствовала большевикам, заявили власти единый протест.

В Евпатории зверствовали революционные матросы, тоже возглавляемые коммунистами. Схваченных во время облавы людей сначала загоняли в трюмы, а потом издевались над ними на каждом судне по-своему. На корабле «Румыния», например, им «отводили руки назад и связывали их верёвками у локтей и у кистей, помимо этого связывали и ноги в нескольких местах, после чего оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали к уже связанным рукам и ногам». К ногам привязывали «колесники» (т. е. какую-то тяжесть – так на флоте всегда поступали с умершими перед погребением их в морскую пучину). Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жёны. Они плакали, кричали, молили, но матросы только смеялись и сталкивали связанные жертвы в воду.

А на транспорте «Трувер» поступали иначе. Там задержанных во время облавы вели на глазах у выстроившейся ко-

манды на «лобное место», где уже ожидали палачи. Уложив несчастного прямо на палубе, они отрезали жертвам уши, носы, губы, половые органы, некоторым, самым беспокойным, ещё и отрубали руки и в таком состоянии человека бросали за борт. Процедура продолжалась 15 - 20 минут, а казни шли всю ночь. Утром палубу промывали струей воды из шланга, чтобы смыть следы преступления.

Подобное изуверство совершалось в Севастополе, Ялте, Алуште, Симферополе, Феодосии, Харькове, Полтаве... Трудно перечислить все города, где это происходило. В Ростове-на-Дону были уничтожены все подростки 14 - 16 лет, в основном гимназисты и семинаристы, изъявившие желание служить в Добровольческой армии, но так своё намерение и не осуществившие.

Что уж говорить о казачьих станицах Войска Донского и Кубани! Там не было ни одного поселения, которого не коснулся бы «красный террор». Оно и понятно: ведь казаки не хотели отказываться от своего личного хозяйства, кормившего семью, и идти в придуманные большевиками коммуны.

Все эти кошмарные события произошли в январе – апреле 1918 года, когда до выступления белой армии и покушения на Ленина было ещё далеко. А во второй половине 1918-го, в Ростове-на-Дону после его освобождения от большевиков вышла первая книга о «красном терроре» – «74 дня советской власти», написанная известным социал-демократом А. Локерманом. Эта книга, а также газетные публикации с материалами комиссии Деникина сразу же стали известны европейской общественности. И после таких разоблачений Ленин пытался переложить ответственность за «красный террор» на Антанту!

В середине 1918 года, за полтора месяца до покушения на Ленина, была репрессирована царская семья. Большевики называли Николая II не иначе как «Кровавым» и «Вешателем». Однако если царь действительно был «кровавым» и «вешателем», то после прихода Ленина с товарищами к власти у них появи-

лась возможность предать его всенародному гласному суду! Этого-то они и не сделали.

Фридрих Энгельс в своё время писал: «Террор – бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся». Это утверждение как нельзя лучше подходит к вождю мирового пролетариата и его комарилье. Ильич с цинизмом отзывался о мировом общественном мнении, морали, нравственности, называя эти общечеловеческие ценности «буржуазными штучками», но ответственности, наказания за содеянное боялся. Поэтому самые страшные свои преступления его партия совершала в строжайшей тайне. В обстановке беспрецедентной секретности подверглась уничтожению и царская семья.

Решение об этом, похоже, было принято ещё в середине апреля 1918 года на самом верху, а непосредственно руководить операцией поручено председателю ВЦИК Янкелю Свердлову (Якова Михайловича Свердлова, оказывается, на самом деле звали не Яковом, а Янкелем). Именно тогда Свердлов и начал заниматься судьбой царя и его близких. В Москве продумывали всё до мелочей: где устроить расправу, как убивать, куда спрятать тела и т. д.

Для начала царскую семью перевезли из Тобольска в Екатеринбург и поместили в огромном доме Ипатьева, которого выселили за два дня. Вокруг дома возвели глухую двойную ограду, достигавшую в высоту до верха окон второго этажа, в здании и в саду установили пулемёты, внутри и снаружи ограды выставили посты. Эта усадьба-крепость у чекистов стала называться «объектом особого назначения».

Автору этих строк в середине 50-х годов прошлого века довелось здесь побывать, когда дом Ипатьева ещё не был снесён. Он представлял из себя внушительное 2-этажное здание, срубленное, если память не изменяет, из вековых уральских лиственниц. В советское время его превратили в обычный многоквартирный барак, заселённый рядовыми трудящимися. От высокой ограды ничего не осталось, надворные постройки исчезли, сад пришёл в запустение, вокруг дома зияла вытоптанная прохожими пустошь. Город назывался Свердловском – в честь человека, который дал команду расстрелять царскую семью. О

том, какая трагедия произошла в подвале этого дома, в городе знали все, но говорить об этом было не принято. Понятно, что вывесить здесь мемориальную доску в честь такого хотя и позорного, но всё-таки исторического события местные власти себе не позволили.

Царскую семью охраняли две команды: снаружи выставлены были посты из русских, а внутри «объекта особого назначения» – из австро-германских пленников. Пленными они были лишь вначале, а теперь стали наёмниками местной ЧК, выполняли самые «деликатные» задания и щедро оплачивались. Участвовали они и в расстреле царской семьи.

Произошло это в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Жертв было одиннадцать, убийц – двенадцать. Ночью главный чекист разбудил арестованных и предложил спуститься на нижний этаж: в городе, мол, мятеж, там безопаснее. А когда все спустились, он заявил императору: «Вас хотели спасти, но не удалось, поэтому принуждены вас казнить». И тут же в упор выстрелил в Николая. Затрещали ещё револьверные выстрелы – каждый убийца расправлялся со своей жертвой. Расправа была короткой, но некоторых пришлось добивать. Трупы вынесли на простынях и побросали в грузовик. Главный чекист сказал тому, который командовал внешним караулом: «Оставь на месте наружные посты, а то как бы народ не взбунтовался». Убитых увезли, а посты стояли ещё несколько дней, «охраняя» пустой дом.

«Между тем... грузовик доехал до лесной поляны. Трупы были сложены на землю и частью раздеты. Тут комиссары обнаружили большое количество драгоценностей, которые великие княжны носили под своей одеждой. Они тотчас ими завладели, но в спешке уронили несколько вещей на землю, где их и затоптали. Трупы были затем разрезаны на части и положены на большие костры. Для усиления огня в них подлили бензина. Части, наименее поддающиеся огню, были уничтожены при помощи серной кислоты. В течение трёх дней и трёх ночей убийцы делали свою разрушительную работу... Из города на поляну было привезено 175 килограммов серной кислоты и 300 литров

бензина. Наконец 20 июля всё было кончено... Комиссар Войков воскликнул: «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали!»

Этот отрывок взят из книги «Император Николай II и его семья», впервые изданной на русском языке в Вене в 1921 году. Её автор француз Жильяр был учителем царских детей и находился в этой семье почти до последнего дня. После того, как по указанию Колчака началось расследование обстоятельств гибели Николая II, он сотрудничал со следователями, получая информацию, что называется, из первых рук. Жильяр подробно рассказывает, как чекисты, боясь ответственности, заматали следы своего преступления и как следствие шаг за шагом добились до истины.

Когда следов в лесу и на поляне, по мнению чекистов, не осталось, местные власти известили население, что ввиду раскрытия заговора с целью освободить семью Романовых, опасаясь, что коронованный палач при повторном заговоре может избежать народного суда, президиум Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, а его семью перевести в другое, более надёжное место. Сообщалось также, что это решение президиума уже приведено в исполнение.

У просвещенной публики газеты и листовки с таким сообщением вызвали настоящий шок. Власть явно издевалась над своими гражданами. Якобы заботясь исключительно о том, чтобы народ России смог совершить справедливый суд над своим царём, она в лице кучки депутатов-коммунистов фактически лишила его такой возможности. Эта кучка (президиум Совета) устроила над взятым под стражу гражданином Романовым самосуд, так как никто не наделял её правом судить вообще кого бы то ни было. За такие штучки полагался трибунал. Но председатель президиума ВЦИК Янкель Свердлов, который должен был следить за соблюдением законности органами советской власти на местах, одобрил такой шаг уральских депутатов-коммунистов, о чём сообщалось в тех же газетах и листовках.

Следствию по делу об убийстве царя и исчезновении его семьи поначалу, как пишет Жильяр, не за что было зацепиться.

Где труп Николая II, никто сообщить не мог, но появились свидетели, подтвердившие, что царица и её дети действительно куда-то вывезены, а куда – неизвестно (потом выяснилось, что это были специально оставленные в подполье сотрудники ЧК, которые зорко следили за работой комиссии).

Но вот крестьяне села Коптюки сообщили, что 17, 18 и 19 июля густая цепь часовых охраняла лес недалеко от их деревни, а за лесом, на поляне, полыхали костры, выбрасывая вверх густой дым. Следователи перерыли всю почву в этом лесу и на поляне и нашли втоптанное в землю сотни предметов, принадлежавших царской семье: пряжку от пояса императора, рамочку от маленького портрета государыни, которую Николай всегда носил на себе (самого портреты не оказалось), серьги Александры Федоровны, стекло от её очков особой формы, пряжку от пояса царевича, искусственную челюсть доктора Боткина, шесть металлических корсетных планшеток (именно столько было женщин) и т. д. и т. п.

Вскоре были захвачены трое из русской команды, охранявшей «объект особого назначения». Один из них непосредственно участвовал в расстреле царской семьи, а два других тоже знали очень много. Картина мало-помалу начала проясняться. Следователи приходили в ужас, узнавая, что творили выродки рода человеческого в подвале дома Ипатьева и на лесной поляне. Напрасно радовался комиссар Войков, восклицая: «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали!» Ведь всё тайное когда-нибудь непременно становится явным.

Чекисты забеспокоились. Зажатая со всех сторон белой армией, которой в 1919-м и до Москвы было недалеко, советская власть, похоже, начала понимать, что, говоря словами Жильяра, «Россия состоит не только из пятнадцати - двадцати миллионов людей, созревших до парламентского строя, но включает в себе также от ста двадцати до ста тридцати миллионов крестьян, по большей части необразованных и несознательных, для которых царь оставался Помазанником Божьим, тем, кого Господь избрал для направления судеб великой России». Это означало, что тех, кто отважился на самосуд над такой особой, ожидает неминуемая расправа народа.

Чтобы хоть как-то обезопасить себя, большевики спешно разработали и провели огромную, крупномасштабную операцию прикрытия. Не в силах опровергнуть открывшиеся факты, власти заявили, что Николая II, его семью, слуг и доктора Боткина расстреляли вовсе не они, а... партия эсеров, чтобы скомпрометировать партию большевиков. Как будто до этого и не опубликовали решения своего Уральского президиума о предании смертной казни царя и сообщения о поддержке этого решения одним из соратников Ленина Янкелем Свердловым. Несмотря на всю абсурдность этой акции прикрытия, в октябре 1919 года в Перми состоялся суд над 28 эсерами, обвиненными в уничтожении царя и его семьи, пятеро из них были приговорены к расстрелу.

Но вернёмся к началу революции, вернее, к тем событиям, которые последовали за государственным переворотом и касались непосредственно огромной массы крестьян. На фоне всеобщего кровавого потопа, устроенного большевиками после прихода к власти, попытки изъять хлеб у деревни за пустые расписки, предпринятые властью в конце 1917 – начале 1918 годов, выглядят, несомненно, безобидной шалостью. Однако это были лишь цветочки, за которыми вскоре последовали и ягодки.

С сельским населением большевики поступили точно так же, как и с владельцами заводов, фабрик, магазинов, прочей собственности. Они не отдали крестьянам обещанную помещичью землю, а, наоборот, национализировали даже ту, которую мужики получили бесплатно у общин по реформе Столыпина, купили ещё до революции за немалые деньги у помещиков или потом – по доступной цене у Крестьянского банка. Вместе с земельными наделами сельские семьи лишились и рабочего скота с упряжью, а также всего сельскохозяйственного инвентаря.

В тексте «Декрета о земле», принятого 26 октября 1917 года II Съездом Советов, говорилось: «Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, крестьянская и т.д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достоя-

ние. Весь хозяйственный инвентарь, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства...» Ничего этого, по мнению властей, сельчанам больше не требовалось, так как отныне они обязаны были работать исключительно в коммунах или сельхозтовариществах.

Действительно, во многих деревнях комиссары начали создавать коммуны. Правительство выделило им в 1918 году аж миллиард рублей – на развитие. Это была такая головокружительная сумма, что у мужиков просто дух захватывало. Однако желающих идти в коммуны оказалось немного – в основном то была сельская голытьба. Подавляющее же большинство крестьян требовало сохранить личные хозяйства, разрешить мужикам работать, как и прежде, семьями, пусть даже на государственной земле, и пользоваться прежним сельхозинвентарём, хотя он и стал государственным.

Мужиков решительно поддержала партия эсеров, имеющая немало депутатов в Советах всех уровней. Она потребовала распределить поровну между крестьянскими семьями те 50 миллионов десятин земли, которые прежде принадлежали помещикам. Но большевики и слышать об этом не хотели – коммуны, и только коммуны.

Престиж Ленина, его партии в крестьянской массе быстро покатился вниз. Это показали первые же выборы – в учредительное собрание, состоявшееся в конце 1917 года. На них победили эсеры, набрав 40, 6 процента голосов избирателей, у большевиков оказалось лишь 22, 9 процента голосов. 5 января 1918 года в Таврическом дворце Петрограда состоялось первое заседание нового парламента, которое стало и последним. Поскольку большинство депутатов отказалось поддержать декреты советской власти, признав их антинародными, в ночь на 6 января Учредительное собрание было разогнано революционными матросами. А на следующую ночь – с 6 на 7 января – ВЦИК вообще распустил этот орган, хотя он, в отличие от самого ВЦИКа, был избран всенародным голосованием.

Между тем мужики по-прежнему отказывались сдавать зерно в продовольственные комитеты бесплатно: они требовали разрешить свободную торговлю сельхозпродуктами. Ведь

кроме хлеба, мяса, молока, овощей, которыми крестьянская семья обеспечивала себя сама, ей требовалось много других вещей для нормальной жизни: одежда, обувь, соль, керосин, спички, сбруя, сельхозинвентарь и т. д. Чтобы купить всё это, нужны были деньги, за расписки же продкомитетов ничего этого не давали.

Большевистские газеты принялись убеждать сельское население, что деньги ему больше не нужны: мол, продкомитеты, получив у крестьян сельхозпродукцию, быстро обменяют её у рабочих фабрик и заводов на тот товар, в котором нуждается деревня, и выдадут крестьянам всё, что им нужно. И это будет коммунистическое производство и коммунистическое распределение – самое справедливое в мире.

Больше всех за «коммунистическое распределение» ратовал сам Ленин. Выступая в начале 1918 года на многочисленных городских собраниях, заседаниях, митингах, он говорил:

«Крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом, есть государственное преступление. Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать, – так рассуждает крестьянин по привычке, по старине. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу... Это мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во чтобы то ни стало».

Отголоски этих митингов, собраний, заседаний доносились и до деревни. Слушали мужики своих грамотеев, читавших слова вождя в газетке, и диву давались. По всему выходило, что этот Ленин на самом деле чистый недоумок, хотя и вождь. Где же видано, чтобы торговлю запрещать? Прежде бывало наоборот: когда государство хотело обеспечить народ товаром, то налоги и пошлины на торговлю снижало. От торговли большой доход казне был? А тут звон куда хватил: мол, торговля есть государственное преступление! Что-то не то вождь проповедует, что-то не то. От лукавого это.

Крестьяне больше не верили Ленину. И то: он был против обогащения рядовых граждан, а того не понимал, что чем богаче народ, тем больше налогов он платит в казну. Не верили они и в

«коммунистическое распределение», которое Ленин поручал госчиновникам. Мужики заранее знали: уж кто-кто, а чиновники сумеют организовать это распределение так, что в выигрыше останутся одни лишь они. Куда понятнее и надежнее была для деревни торговля, к которой она привыкла испокон веков.

Из губерний в столицу летели жалобы от тамошних администраций, что мужики не идут ни на какие уговоры. Мол, несмотря на все старания губернских, уездных, волостных властей, никто добровольно сдавать хлеб не хочет. Ильич негодовал:

«Надо организовать великий «крестовый поход» против нарушителей государственного порядка сбора, подвоза и распределения хлеба, – наставлял он своих соратников. – Пока мы не применим расстрел на месте... ничего не выйдет... Нужны десятки тысяч передовых, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы беспощадно расстреливать всякого, кто соблазнился бы... соблазном спекуляции. Нужно очистить всю страну от спрятанных и несобранных излишков хлеба».

«Десятки тысяч передовых, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы беспощадно расстреливать всякого», тут же нашлись. Это были те самые молодцы, которые уже знатно пограбили и перестреляли буржуев, помещиков, попов, а заодно и прочих, кто посмел огрызнуться или ещё чем-то не понравился. Потом Ленин признает, что святое дело «сбора, подвоза и распределения хлеба» поручили деклассированным элементам, так как настоящего пролетариата в России не было, но в начале 1918-го из этих деклассированных, многие из которых вернулись с каторги, куда попали за уголовные преступления, быстро сформировали несколько тысяч вооруженных продотрядов, которые двинулись в уезды и волости – проводить продрозверстку.

Однако они отбирали хлеб не у спекулянтов, то есть не у людей, которые скупали его, чтобы подороже продать и на этом нажиться, а у тех, кто его производил. Эти люди не имели ничего общего со спекулянтами, среди них было немало таких, кто, израненный, увешанный крестами, досрочно вер-

нулся с германского фронта, кто, преодолевая физическую боль, из последних сил обрабатывал свою пашню. Теперь они надеялись благодаря выращенному хлебу исправить домашние дела, одеть и обуть детей, обновить сельхозинвентарь, словом, оживить своё рухнувшее за годы войны хозяйство.

Но в деревнях и на хуторах загремели выстрелы, хозяев, которые по-прежнему не хотели отдавать хлеб бесплатно, расстреливали прямо у амбаров, а то и убивали прикладами на ларях с зерном. Вычистив не только излишки, но и всё, что было у крестьян, пьяные продотрядовцы начинали глумиться над их женами, дочерьми, невестками.

В Москву и Питер стали прибывать хлебные эшелоны. Но их было немного. Продотрядовцы сами сбывали часть отобранного хлеба в провинциальных городах за водку, ресторанные застолья, услуги публичных домов. А половина того, что оставалось, гнила на железнодорожных станциях, так как большинство паровозов стояло из-за неисправностей или отсутствия топлива. Да и изымать хлеб продотрядам день ото дня становилось труднее – в деревнях их всё чаще встречали с кольями, вилами, а то и дробовиками.

Уже к апрелю 1918 года большевики почувствовали, что на обе столицы надвигается голод. Некоторые соратники Ленина предлагали ему отменить государственную монополию на торговлю хлебом, как это сделали в Германии, тем самым избавив страну от голода. «Мы на этот путь не встанем, – решительно возразил вождь. – Нет, мы не отменим госмонополии на хлеб».

Однако перебои в торговле важнейшим продуктом питания, длинные очереди в хлебных магазинах, постоянно сокращающиеся нормы отпуска мучных изделий все очевиднее свидетельствовали о том, что затея с продразверсткой и продотрядами провалилась. В Москву и Питер стали доходить слухи о бесчинствах, которые творили в деревнях посланцы обеих столиц. Пришлось в «работу» продотрядов вмешиваться чекистам, а Ленину оправдываться перед населением.

«Мы наблюдаем ... сплошь и рядом те явления, – говорил он, выступая перед представителями профсоюзов, – что отряды

сознательных работников, которые выходят из Питера и Москвы, часто на местах ... превращаются в преступников ... Ряд продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления... Продразверстка была отдана на откуп не пролетариям, а деклассированным элементам».

Но и теперь Ленин не пошёл на отмену госмонополии на торговлю хлебом. Наоборот, 9 мая 1918 года Совнарком принял декрет о введении в стране продовольственной диктатуры. Наказания за отказ сдавать хлеб государству (разумеется, бесплатно) ужесточались многократно – например, минимальный срок тюремного заключения увеличивался с полугода до десяти лет. Но главное, очищать крестьянские амбары вместо продотрядов поручалось армии. Совнарком даже реорганизовал военный комиссариат в военно-продовольственный, поручив ему на 9/10 переключить армию на «войну за хлеб». Благо до начала гражданской войны и иностранной военной интервенции оставалось ещё несколько месяцев, поэтому армия пока что главной своей обязанностью – защищать страну от врага – не занималась.

Теперь хлебозаготовки уже не были пущены на самотёк, а велись по строгому плану. Каждой губернии доводилось четкое задание, сколько следует собрать и отправить в столицы хлебных «излишков». Правда, эти «излишки» нередко превышали наличные запасы зерна у крестьян, включая фураж и даже семена.

Для молодых, не успевших побывать на германском фронте красноармейцев, многие из которых ещё недавно пахали землю вместе с отцами, «наступление» на свои собственные деревни стало как бы боевым крещением. Правда, «крещение» это было своеобразное: бойцы организованно вступали в населённые пункты, как требовали того боевые уставы, а дальше начиналось то же самое, что делали прежде уголовники из продотрядов.

Саратовская губерния, где крестьяне помнили уважитель-

ное отношение к себе местной власти во времена губернаторства Столыпина, первой подняла бунт против армии. В разных деревнях, не сговариваясь, мужики, чтобы защитить от разорения свои хозяйства, пустили в ход колья, вилы, дробовики. Но силы оказались неравные – бунт был быстро подавлен.

В Тамбовской губернии крестьянство оказалось более организованным. Здесь войсковые подразделения столкнулись с серьезным сопротивлением, которое возглавили вернувшиеся домой фронтовики. Крестьянские отряды самообороны были вооружены винтовками, привезёнными демобилизованными солдатами с фронта.

Запугать крестьян, заставить их безропотно сносить разорение своих жилищ было невозможно. Вслед за Саратовской и Тамбовской вспыхнуло крестьянское восстание в Пензенской губернии. Сохранились документы, рассказывающие о том, как оно начиналось. Это – письма крестьян к одному из лидеров партии левых эсеров Марии Спиридоновой. Мужики считали её своей заступницей, так как партия социал-революционеров отстаивала интересы деревни. Вот несколько отрывков из этих писем.

«Ставили нас рядом... целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети».

«По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывали в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду... Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков – пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить».

Как видим, доблестные красноармейцы, возглавляемые красными комиссарами, ничуть не отличались от тех уголовников из продотрядов, которые грабили крестьянское население до прихода армии. «Война за хлеб», которую поручили вооруженным силам, превратилась в такое же мародёрство, как и при экспроприации и национализации собственности в городах. Но читаем дальше.

«Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас на

селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли - не было достаточно семян. У нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас надел $3/4$ и $1/2$ на душу. Прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли».

«Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы всё по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно просили оставить нас. Обед сготовили, всё несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся. А они пообедали и начали всячески нас задирать. Одного красноармейца поколотили. Они нас пулемётом, огнём. Убитые повалились... И вот пошли мужики потом. Шли шесть волостей стеной на протяжении 25 вёрст со всех сторон, с плачем, воем жён, матерей, причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на Совет».

Москва на это отреагировала незамедлительно. В адрес Пензенского губкома партии пришла правительственная телеграмма, в которой говорилось:

«Восстание пяти волостей кулачья (хотя в деревне, из которой мы процитировали письмо, кулаков вообще не было, скорее всего то же наблюдалось и в других деревнях этой небогатой губернии – *А.К.*) должно повести к беспощадному подавлению.

1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал.

Ваш Ленин».

Не только на сотни – на многие тысячи верст окрест народ давно уже видел бесчинства новой власти и кричал, кричал, кричал – от боли, негодования, отчаяния, безысходно-

сти.

События в трёх поволжских губерниях вызвали большой резонанс среди населения Москвы. «На каком основании армия воюет против собственных крестьян, грабит их?» – спрашивали ораторы на митингах. Ленин так ответил на это:

«Реквизиция хлеба... не грабёж, а революционный долг перед рабоче-крестьянскими массами, строящими социализм... Крестьянин превращается в эксплуататора – хуже разбойника... Война вообще противна стремлениям коммунистов... Но та война, которая проповедывается сегодня, – священна, это война гражданская, война рабочего класса против эксплуататоров».

Что ж, за эти слова Ленину следует сказать спасибо. Он четко и ясно определил, что крестьянин, своим трудом выращивающий хлеб, но не желающий отдавать его бесплатно, для большевиков был эксплуататором, хуже разбойника. Больше никто из большевистских вождей так определенно публично не выражался.

Еще раз подчеркну: всё, о чем здесь говорилось – провозглашение продразверстки и объявление «крестового похода» против деревни, опустошение крестьянских амбаров продотрядами и расстрелы хозяев зерна прямо на подворьях, карательные марши Красной Армии по среднерусским губерниям, гноение огромных пшеничных буртов на станциях и длинные голодные очереди у городских магазинов – происходило в первой половине 1918 года, когда гражданской войны в России ещё не было. То, что Ленин называл «священной гражданской войной против эксплуататоров», на самом деле являлось обыкновенным геноцидом незащитного народа.

Настоящая гражданская война началась лишь во второй половине 1918 года, когда, закончив формирование на юге, против большевиков выступила Русская Добровольческая армия. Занятые на 9/10 «войной за хлеб», то есть мародёрством и поркой крестьян, части «непобедимой и легендарной» Красной армии при первом же появлении неприятеля начали отступать. Это вызвало ещё большую озлобленность кремлёвских вождей. За неудачи на фронте они приня-

лись мстить... опять же крестьянам и гражданскому населению городов. Теперь Ленину было уже не до прежней революционной риторики, он больше не упоминал «кулаков, мироедов, кровопийц», а писал прямо, что «излишки» хлеба следует изымать у всего населения. Вот один из образцов его распоряжений:

«Дать указание Крымскому и Кавказскому фронтам, обязывающее наши дивизии при отходе забирать у населения все продовольственные излишки и обезлошадить покидаемую нами временно территорию. Утверждено в Совете Оборона. Ульянов (Ленин)».

ЦК партии большевиков тут же разослал своим губкомам директивное письмо, разъясняющее, что следует считать «продовольственными излишками». «Развёртка, данная на волость, – говорилось в нём, – уже является сама собой определением излишков». То-есть неважно, сколько у тебя продуктов, отдай всё, что укажут чиновники в «развертке». А новый ленинский термин «обезлошадить» означал, что, отступая, красные дивизии должны либо забрать, либо пристрелить на месте всю тягловую силу крестьянских хозяйств и тем самым лишить мужиков возможности провести следующий сев.

Это была индульгенция для местных властей вообще от всех грехов. И Ленин продолжал лить масло в огонь. Вот что он заявил на заседании ВЦИК 17 января 1919 года:

«Нашим врагом является теперь, если говорить о внутреннем враге, не столько капиталист и помещик – это меньшинство эксплуататоров победить было легко и оно побеждено – нашим врагом являются спекулянты и бюрократы – спекулянт, которым по склонности своей является всякий крестьянин, имеющий возможность нажиться».

Вот так: по молодости Ильич зачислил ту часть населения страны, которая не желала быть революционерами, в черносотенцы, теперь всех крестьян одним махом – в разряд внутренних врагов. А какие разговоры могут быть с врагами советской власти? Ясно какие – их следует уничтожать. С этого дня высшее руководство страны разговаривало с народом только «расстрельным» языком.

Так, 15 февраля 1919 года Совет обороны под председательством Ленина постановил провести массовую кампанию по расчистке снега в стране. Для успешного проведения этой кампании властям на местах предписывалось не организационной и агитационной работой заниматься, а «взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны».

Сработало! И сразу же за эту меру ухватились как за палочку-выручалочку. Уже 31 мая 1919-го, когда положение Красной армии на фронтах стало угрожающим, Ленин подписал следующее постановление Совета Обороны: «Мобилизованные (в Красную армию – А. К.) отвечают по круговой поруке друг за друга и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля, или дезертирства, или невыполнений данных заданий».

Постановление давало право комиссарам и командирам расстреливать любого красноармейца, даже если подался к неприятелю или дезертировал не он, а кто-то другой, скажем, во взводе или роте. На то и круговая порука: не хочешь, чтобы тебя расстреляли, – следи за соседом, доложи вовремя начальству о его подлых намерениях. Но кто же отважится на побег или невыполнение «данного задания», если за это грозит расстрел не только тебе – всей твоей семье, включая бабушек, дедушек, малых ребятишек, а может быть и невесты?

Тогда же, в первой половине 1919-го, вождь разъяснил всем гражданам страны свою твердую и окончательную позицию по поводу продрозвёртки и отмены торговли на страницах двух главных большевистских газет «Правда» и «Известия»:

«Жалобы роздаются на отбирание хлеба, на строгое запрещение свободной торговли хлебом... Но можно ли разрешить свободную торговлю хлебом? Нет. Мы не хотим идти и не пойдём назад к восстановлению власти капиталистов, власти денег, к свободе наживы. Мы хотим идти вперёд к социализму, к правильному распределению между всеми трудящимися...Надо искоренить старую, капиталистическую свободу торговли, свободу грызни, свободу угнетения, залившую кровью всю землю».

После такого откровения даже самым неотёсанным, заскорузлым мужикам сделалось ясно, что у вождя точно не всё ладно с головой. По его словам выходило, что вовсе не войны залили кровью всю землю, а торговля, которая существует едва ли не со времен зарождения человечества и благодаря которой процветают целые народы. Вот до чего договорился этот бесноватый барин.

Полагаю, что по поводу вышеизложенного у читателя возникнет много вопросов. Прежде всего: неужели большевики во главе с Лениным были такими изуверами, что для них ничего не стоило ввергнуть собственный народ в нечеловеческие страдания? Почему, придя к власти, они поступали вопреки здравому смыслу, нанося вред не только своей стране, но зачастую и самим себе? Разве учение о коммунизме предусматривает переход к царству свободы и изобилия через физическое уничтожение целых слоев общества? Возможно ли, что, совершая революцию, идейные марксисты опирались на уголовников? Разрешительны ли, наконец, руководителю цивилизованного государства требовать от подчинённых повесить без суда и следствия массу граждан своей страны?

Чтобы понять и объяснить то, что происходило в России в первые годы после октябрьского переворота, надо прежде всего обратиться к образу вождя революции – Владимира Ильича Ленина. Под его личную диктовку совершались все значительные события первых советских лет, его непреклонной воле беспрекословно подчинялись высшие органы государственной власти страны, а также соратники и товарищи по партии. Поэтому ценнейшим источником информации о том времени, ключом к пониманию всего, что происходило, являются теоретические работы вождя, написанные им в те годы, проекты официальных документов, многочисленные письменные указания, распоряжения, телеграммы.

Они объединены в Полном собрании сочинений Ленина, выпущенном за семь советских десятилетий пятью изданиями.

Самым полным считается пятое издание, на которое в советское время было принято ссылаться при написании научных статей, диссертаций и т.п. Но оказалось, что и в него включено далеко не все, что написал Ильич. Партийные идеологи старались облагородить образ вождя, представить его пламенным борцом за народное счастье, самым человечным на земле человеком и даже таким добродушным дедушкой, очень любившим ребятишек. Поэтому одни тексты из ленинского наследия, бросающие на него хоть какую-то тень, трактовались в нужном партии свете, в других делались «купюры», а третьи вообще засекречивались. Извлеченные на свет лишь в 1991 году, после развала КПСС и распада СССР, они позволили нам, наконец, увидеть портрет вождя без ретуши.

К этим засекреченным документам вернёмся ещё не раз. Сейчас же попробуем переосмыслить то, что публиковалось прежде.

Напомню, что в молодые годы Ильич впитал в себя не только марксизм, но и идеи предшествующих поколений русских революционеров. Эти идеи были направлены на достижение политических целей через истребление значительной части собственного народа. Вот что, например, утверждалось в «Катехизисе революционера», ставшего знаменем русской революционной молодёжи в конце XIX века: «Розы социализма расцветают лишь политые кровью», «Любить народ - значит водить его под шрапнель», «Чем хуже, тем лучше» (хуже для России, лучше для революции). Последний лозунг Ленин пронёс через всю жизнь, неоднократно используя его в своей практике.

Уже в 1891 году, когда в Поволжье случился неурожай, повлекший за собой голод, 21-летний Ильич, единственный в голодающих губерниях, встретил это бедствие с ликованием. По свидетельству знавших его людей, он развил бурную деятельность, выступая на собраниях и сходах молодёжи против комитетов поддержки попавших в беду крестьян. Молодой Ульянов говорил: «Последствие голода ... явление прогрессивное, ...ибо двигает нас к нашей конечной цели, к социализму. ... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру

не только в царя, но и в бога, а со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции».

Однако голод в России – явление чрезвычайно редкое. А вот наиболее доступным и надежным средством, с помощью которого можно подтолкнуть массы к революционным действиям, Ленин, как и его предшественники, считал террор. В начале XX века, уже став одним из лидеров российского коммунистического движения, он даже разработал тактику массового террора. С его помощью Ленин надеялся дестабилизировать обстановку в стране, чтобы приблизить революцию.

После 1900 года находившийся в Женеве Ильич начал бомбардировать петербургских соратников своими «Письмами из далека». В них он требовал от партийных функционеров проливать как можно больше крови. «Идите к молодёжи, – учил он коллег по партии. – Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду. Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городских, ... случайно отбившегося казака... избивая черносотенцев, убивая их. Пусть одни тотчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие – нападение на банк для конфискации средств».

В одном из писем Ленин разъяснил, кого надо считать черносотенцем. Он писал: «Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец». (В.И. Ленин, ПСС, т. 12, стр. 70) Таким образом, по версии Ленина, избиению и уничтожению подлежало всё крестьянство и значительная часть городского населения.

Но, посылая боевые отряды на такое дело, их следовало вооружить. Для этого, по мнению Ленина, годилось всё: «ружьё, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, верёвка или верёвочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.»

Ленинская стратегия предусматривала вовлечение в террористические акции как можно больше людей. «Работы тут масса, – писал будущий вождь, – и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины,

подростки, старики и проч.» Эти «слабые люди», которых Ильич назвал «подлинными демократами», могли бы, по его мнению, бросать с верхних этажей в полицейских, замешкавшихся солдат и казаков камни, поливать их кипятком и даже кислотой.

Словом, ещё до первой русской революции Ленин уже был одним из самых воинствующих теоретиков терроризма. Это не мешало ему одновременно быть и самым последовательным марксистом.

Не следует думать, что поскольку до сих пор ни в одной стране мира коммунизм так и не состоялся, учение Маркса и Энгельса является в корне неверным. Хотя у основоположников научного коммунизма и были ошибки, это отнюдь не значит, что они не правы в главном. Сегодня, когда в передовых странах уже появились крупные, полностью автоматизированные и роботизированные предприятия, на которых почти нет людей, уже не подлежит сомнению, что если не случится вселенского катаклизма или если человечество само себя не уничтожит досрочно, то оно на базе столь развитого производства непременно придет к полному изобилию благ, отсутствию частной собственности, бесклассовому обществу.

Беда многих «знатоков» марксизма в том, что они либо плохо знают это учение, либо не понимают его, либо не хотят понимать. Ведь Маркс и Энгельс не устанавливали конкретных, тем более сжатых сроков перехода к коммунистическому обществу, а, наоборот, утверждали, что коммунизм станет возможен лишь тогда, когда к нему будут готовы все страны мира или по крайней мере большинство развитых стран.

В работе «Принципы коммунизма» Энгельс писал:

«Крупная промышленность так связала между собой все народы земного шара, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого... Коммунистическая революция будет не только национальной, она произойдет одновременно во всех цивилизованных странах... Она есть всемирная революция и будет иметь поэтому всемирную арену».

Там же:

«Возможно ли уничтожение частной собственности сразу? Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить

имеющиеся производительные силы в таких размерах, какие необходимы для создания общественного хозяйства... Революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана для этого масса средств производства».

И еще:

«Свободная конкуренция... представляет единственное состояние общества, при котором может вырасти крупная промышленность».

Ленин, несомненно, глубоко изучил все эти положения марксизма и руководствовался ими в своей революционной борьбе, защищая от извращений и нападок справа и слева. Но... лишь до поры до времени.

В 1912 году, за пять лет до октябрьского переворота, он с сожалением говорил, выступая за рубежом перед молодыми социал-демократами, что его поколение до коммунистической революции не доживет. И вдруг через пять лет он бросается очертя голову из эмиграции в Россию, чтобы, вопреки научной теории своих великих учителей и тому, что прежде писал сам, строить в одной, промышленно отсталой стране первую фазу коммунизма – социализм.

Почему произошла такая метаморфоза, можно только гадать. Однако в нашей литературе уже давно утвердилось мнение, что к организации октябрьского переворота Ильича подтолкнули немцы. Следуя лозунгу юношеских лет «чем хуже, тем лучше», Ленин в годы Первой мировой войны яростно выступал за поражение России. Это импонировало властям Германии, которые не прочь были бы видеть подобного человека во главе российского правительства. Такая перспектива появилась в 1917 году после Февральской революции.

1917 год мог стать для Германии катастрофическим. Россия подтянула к театру военных действий огромные резервы, сконцентрировала там большое количество орудий и боеприпасов. Но начать крупномасштабное наступление не успела – произошла Февральская революция. «Я часто мечтал о русской революции. Несбыточная мечта! – писал по этому поводу главно-

командующий вооружёнными силами Германии генерал Эрих Людендорф. – Теперь она внезапно осуществилась. Я чувствовал, что с меня свалилось тяжёлое бремя».

Но одной Февральской революции немцам было мало. С Лениным, который по-прежнему находился в эмиграции, встретился посредник германского руководства. О чём они говорили – неизвестно. Но известно, что произошло после этого. А после этого немцы тайно перевезли главного российского большевика с ближайшими соратниками через свою территорию в опломбированном вагоне и перевели на его счёт энную сумму. Ильич же, став через полгода главой российского правительства, тут же в ультимативной форме потребовал от своих коллег заключить с Германией очень нужный ей сепаратный мир. Из всего сказанного и делается вывод, что именно немцы убедили Ленина начать сразу после первой вторую революцию, профинансировали её, а он не мог упустить такой шанс.

У этой версии, похоже, нет противников. Однако, переосмысливая уже известные нам факты, можно прийти к выводу, что дело было совсем не так.

Не мог политический лидер такого масштаба, закалённый в долгих идеологических баталиях, вдруг повести себя подобно юнцу, который, начиная карьеру, готов броситься в объятия каждого, кто поманит его пальчиком.

К идее превращения буржуазной революции в пролетарскую Ильич наверняка пришёл сам, поэтому, когда на его родине закачался трон, он по своей инициативе бросился к акулам международного капитализма за финансовой помощью, чтобы эту идею осуществить.

Финансовые акулы, понятное дело, не горели желанием заниматься благотворительностью в пользу нищих российских революционеров – зачем бы они помогли своим могильщикам? А вот если тому же капиталисту предложить прибыль в 300 процентов, то, как писал Маркс, нет такого преступления, на которое он не пойдёт.

Ленин и предложил. Как мы увидим позднее, он был готов после прихода к власти отвалить кредиторам значительную часть российской казны и, кроме того, на длительное время от-

дать Россию в экономическую кабалу западным странам. Сделка состоялась. Вернувшись на родину, Ленин начал немедленно отбавывать долг. О том, как он вверг страну в экономическую кабалу, мы подробно поговорим в одной из следующих глав. Сейчас же посмотрим, как он ломал сопротивление своих товарищей по партии, чтобы начать осуществление своих бредовых идей.

Уже в апреле 1917 года Ильич предложил на партийной конференции РКП (б) немедленно, не теряя времени, переходить от одной революции к другой. Это было прямым предательством, извращением коммунистического учения. Некоторые делегаты (Каменев, Зиновьев, Рыков и ещё несколько человек), знавшие марксизм не хуже Ленина, категорически выступили против такой бредовой идеи. Они заявили, что для пролетарской революции в России пока нет условий, что сначала Февральская революция должна выполнить свою главную задачу, ради которой она и свершилась: создать крупную промышленность, нарастить производительные силы, вырастить пролетариат!!!

Однако Ленин с бешеной энергией принялся громить своих ближайших товарищей. Пользуясь теоретической неподготовленностью основной партийной массы, он объявил Каменева и его сторонников предателями марксизма. Доказывая свою правоту, этот «великий полемист» нёс настоящую ахинею, формулируя свои мысли так, чтобы малограмотные члены партии ничего не поняли. А когда Г. Плеханов назвал его речь бредом, тут уж Ильич предстал во всей полемической красе. «Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь бредовой, – заявил вождь. – Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Не кругло, очень не кругло у вас выходит».

Других оппонентов Ленин отбрлил ещё хлеще: они у него и ренегаты, и педанты, и рутинёры, и невежественные люди. А то, что говорил один из руководителей партии – Рыков, Ильич назвал даже пародией на марксизм.

Бурный натиск Ленина принёс ему успех: партийная конференция поддержала его, а не Каменева, Зиновьева, Рыкова. С

этого времени на целых четыре года с марксизмом в России было покончено.

Пролетарскую революцию пришлось делать без пролетариев, так как, по более позднему признанию самого Ильича, пролетариата в стране тогда ещё не было. На счастье большевиков, свергнутое временное правительство успело сделать им неоценимый подарок – выпустило из тюрем и с каторги не только политических заключённых, но и массу уголовников. Теперь этот многочисленный люд искал себе применение, и ему очень пришёлся по душе большевистский лозунг: «Грабь награбленное!»

Ильич несомненно, хорошо помнил одно из главных положений «Катехизиса революционера»: «Если ты революционер, соединишься с диким разбойным миром, зубодробительной силой российского мятежа». Опираясь не на пролетариат, а на свою малочисленную, слабо разбирающуюся в революционной теории партию, да на преступный мир, он и повел российский корабль в омут неведомого социализма.

Однако первые же шаги возглавляемого им правительства показали, что не Каменев и его сторонники, а сам Ильич предал своих учителей. Ведь Маркс и Энгельс считали, что национализация средств производства должна осуществляться постепенно, «частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путём выкупа ассигнатками» (Энгельс) – правительство же Ленина в одночасье, насильственно, без всяких «ассигнаток» экспроприировало всю собственность, а бывших владельцев расстреляли. Маркс и Энгельс утверждали, что свободная торговля и конкуренция должны оставаться до тех пор, пока не будет создана крупная промышленность, которая станет производить достаточно средств потребления для всех – правительство России отменило всякую торговлю, вместо неё ввело государственный товарообмен, а конкуренцию заменило придуманным Лениным «социалистическим соревнованием». Уже этого было достаточно, чтобы остановить многие предприятия. Исчезли самые необходимые для населения товары, рухнуло денежное обращение, в стране начался голод.

Как мы видели, вождь внедрил в жизнь свои антимарксистские идеи с исключительной настойчивостью, с каким-то остервенением, не останавливался ни перед чем, добиваясь неукоснительного выполнения указаний и распоряжений своего правительства. Однако это не улучшало, а лишь ухудшало ситуацию в стране, потому что его новые идеи были бредовыми, в чём с каждым месяцем убеждалось всё больше и больше людей.

Между прочим, выражение «бредовые идеи» – это медицинский термин. Он означает нарушение адекватного отражения психикой человека окружающей действительности. Если человек принимает реальность за что-то другое, а окружающих его людей без соответствующих поводов рассматривает как врагов, то налицо психическое заболевание. Оно может вызвать агрессивное нападение больного на воображаемых противников. При этом человека бесполезно переубеждать: как говорится в «Медицинской энциклопедии», «бред противостоит любым, самым веским доводам, чем отличается от простых ошибок и заблуждений».

Разновидностей психических заболеваний много, но есть одна особа, которая была широко «распространена» в СССР в 60-80-е годы прошлого века. Называется эта разновидность «шизофрения параноидальной формы». Такой диагноз медики – да не какие-нибудь участковые врачи, а сотрудники столичного научно-исследовательского института имени Сербского – устанавливали в основном диссидентам. Основанием для этого диагноза являлось то, что человека преследовали бредовые идеи.

Правда, сами медики ничего в этих идеях не смыслили, но у них были высококвалифицированные консультанты из КГБ. Если чекисты говорили, что сия идея, мол, бредовая, то человек признавался шизофреником параноидальной формы, после чего его помещали в психушку.

Были правы сотрудники КГБ или нет, об этом мы поговорим в своё время, когда доберёмся до 60-80-х годов. Сейчас же для нас важно другое: благодаря массовому преследованию диссидентов, советский народ узнал, что такое «шизофрения параноидальной формы» и как это заболевание распознать. Узнал он

и то, что человек, страдающий этим заболеванием, должен находиться в психушке.

У раннего Ильича, когда он поддерживал Маркса и Энгельса, с идеями всё было вроде в порядке. А вот когда он сам стал вождём и начал выдвигать собственные идеи, тут-то и началось. Уже в первой самостоятельной работе «Партийная организация и партийная литература» молодой вождь понёс бред. Маркс и Энгельс утверждали, что главная задача печати – контролировать власть с позиций всего общества, поэтому она должна быть абсолютно свободной. Ленин же заявил обратное: пресса должна быть партийной, подчиняться партийной дисциплине. В советское время точка зрения Маркса и Энгельса была сокрыта от общества, а студенты журфаков изучали лишь бред Ленина, выдаваемый за развитие и углубление марксизма.

Ну а потом, как мы уже видели, пошло-поехало. Кроме теории о захвате власти, жизнь не подтвердила ни одну ленинскую идею – ни о возможности построения коммунизма в одной, отдельно взятой, стране, ни о немедленном переходе после захвата власти к коммунистическому производству и коммунистическому распределению, ни о замене свободной конкуренции «социалистическим соревнованием» и т. д.

Так где же при таком раскладе следовало находиться нашему дорогому Ильичу – в кресле главы правительства или в казённом доме, за высоким забором? Увы, ответить на сей вопрос мы не можем – нет у нас такой компетенции. А вот задать его компетентным лицам – наше право, тем более, что для этого появляется всё больше оснований. К примеру, в журнале «Загадки истории» (№16 за 2015 год) опубликована любопытная статья «Как Ульянов стал Лениным». В ней приводятся такие слова о маленьком Володе его старшей сестры Анны:

«Крикливый, истеричный мальчик, начал ходить только в три года, как и говорить тоже после трёх. Упавши, не поднимался, а бился головой об пол. После трёх лет истерики стали столь частыми, что мама была вынуждена сажать его в специальное черное кресло, очень переживая за психику сына, всерьёз считая его сумасшедшим.»

Эти опасения матери Ильича для нас очень дорогого стоят. Ведь многие биографические факты зрелого Володи Ульянова подтверждают, что они были небеспочвенными.

Обычно после долгих и изнурительных войн победившие народы охватывает эйфория. Люди всегда надеются на лучшее, они убеждены, что после победы непременно начнётся расчудесная жизнь, что все невзгоды остаются в прошлом. Стряхнув фронтовую пыль, недавние солдаты с энтузиазмом впрягаются в работу, и страна начинает быстро возвращаться к довоенному состоянию.

Иная картина в начале 1921 года – первого мирного года после гражданской войны – была в России. Особенно в деревне. Вернувшись домой, мужики увидели, что их хозяйства полностью разорены, амбары опустошены, нечем даже сеять. Пока они били Деникина, Врангеля, Колчака, власти продолжали изымать у деревни хлеб, а сельское население пухло от голода.

Начатая ещё до гражданской войны продразвёрстка как составная часть «коммунистического распределения» теперь достигла своего апогея. Если в 1918 году продотряды безвозмездно изъяли у крестьян 95 миллионов пудов хлеба, то в 1920-м, последнем году гражданской войны, – аж 210 миллионов пудов. И эту грабительскую политику большевики не собирались менять.

В советской историографии переход от гражданской войны к мирной жизни изображался следующим образом. Мол, в 1918-1920 годах в связи с гражданской войной страна была вынуждена прибегнуть к политике «военного коммунизма», то есть к изъятию и распределению хлеба с помощью продразвёрстки, чтобы не допустить голода. Но как только отгремели последние залпы, Ильич чутко уловил момент и провозгласил новую экономическую политику, основанную на твердом натуральном налоге. Новая политика (НЭП) помогла быстро подняться с колен сельскому хозяйству, значительно пострадавшему от «военного коммунизма». То есть не кто иной, как Ленин спас страну от разорения военного времени, а народ – от голода.

Именно такая точка зрения на события тех лет была высказана в вышедшем в 30-е годы «Кратком курсе истории ВКП(б)», который, как тогда говорили, редактировал сам Сталин. По этой книге, ставшей настольной для образованной части населения СССР, студентов, старших школьников, слушателей системы политпросвещения в советское время изучали историю не только партии, но и страны. Партийные цензоры тщательно следили, чтобы не появился какой-нибудь научный труд, изображающий данные события по-иному. Автор этих строк, у которого с юных лет засела в голове сия точка зрения, повторил её в книге «Схватка над пропастью. Записки губернатора», тоже заявив, что Ленин чутко уловил момент и вовремя повернул руль государства от продразверстки в нужную сторону.

Но теперь, тщательно изучив первоисточники, я вынужден забрать сказанное обратно и заявить, что в такой трактовке тех событий нет ни слова правды. Она в значительной степени основана на поздних высказываниях Ленина, когда он прилагал все усилия, чтобы скрыть свою причастность к разорению сельского хозяйства в первые годы после переворота и организации массового голода в стране. Но кроме этих были и другие, более ранние заявления вождя, которые легко опровергают эту позднюю ложь.

В действительности продразверстка была объявлена Лениным не в связи с гражданской войной, а, если помнит читатель, за полгода до её начала, объявлена как составная часть нового, коммунистического товарообмена, самого справедливого, по словам Ленина, способа распределения. Ленин не раз подчеркивал, что, придя к власти, большевики решили сразу перейти к «коммунистическому производству и коммунистическому распределению», которое состояло в том, что крестьяне должны были сдавать хлеб государству, а чиновники – обменивать его на продукцию заводов и фабрик, которую передавать крестьянам. За всё время гражданской войны Ленин ни разу не сказал, что продразверстка вызвана тяжёлым военным положением. Свободная торговля хлебом была отвергнута им не из-за войны, а по той причине, что она позволяла крестьянам вроде как обогащаться, превращая их в капиталистов, враждебных социализ-

му. Приведу ещё раз самую яркую выдержку на этот счёт из речи Ленина, которая уже приводилась выше. Это даже была не речь, а отповедь сторонникам свободной торговли. Она публиковалась в газетах «Правда» и «Известия» в феврале 1919 года:

«Но можно ли разрешить свободную торговлю хлебом? Нет. Мы не хотим идти и не пойдём назад, к восстановлению власти капиталистов, власти денег, свободе наживы. Мы хотим идти вперёд к социализму, к правильному распределению между всеми трудящимися... Надо искоренить старую, капиталистическую свободу торговли, свободу грызни, свободу угнетения, залившую кровью всю землю».

Как видим, о том, что продрозвёрстка – временная мера, вызванная войной, здесь не говорится. Да в начале 1919 года Ильич и не мог об этом говорить, потому что все хорошо помнили, что на эту «меру» большевики перешли тогда, когда гражданской войны ещё не было. А вот в 1921-1922 годах прошлое уже подзабылось – можно было и врать.

Начатая в мирное время продрозвёрстка с каждым годом усиливалась. Эту пагубную для крестьян политику Ленин не собирався отменять и после окончания военных действий: он планировал направить в деревню для изъятия хлеба те войска, которые должны были освободиться после окончания гражданской войны.

В связи с этим стоит привести его высказывание в 1920 году, когда дела на фронтах уже шли к развязке. Это выступление вождя на заседании коммунистической фракции ВЦСПС (Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов) настолько засекретили, что оно хранилось даже не в фонде ленинских неопубликованных работ, а в архивах КГБ. Документ обнаружил историк А. Латышев в 1991 году. Вот что сказал тогда Ленин:

«Кровавая война окончена, а война бескровная, но настоящая война, с военной дисциплиной... – она не кончена. Для того, чтобы вести её, нужны те армии, которые находятся между Польшей и нами, между Деникиным и нами, на Северном Кавказе. Что с этими армиями делать? Их демобилизовать? Чепуха и больше ничего. Их надо со всем аппаратом, со всем коммуни-

стическим авангардом пустить на то, чтобы хлеб собрали и подвезли. Если мы не остановились перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять (изымая хлеб у крестьян – А. К.), мы не остановимся и перед этим» (Центральный архив КГБ, ф. 1, оп 4, № 133).

Эти части ещё до окончательного изгнания белых из Крыма действительно были сняты с прежних позиций, отмыты, подкормлены и брошены на другой, более важный для большевиков фронт – хлебный. На 1921 год правительство наметило изъять у крестьян не менее 250 миллионов пудов зерна. Для этого и пригодились вернувшиеся с фронта, но не распущённые войска. Они помогли окончательно опустошить крестьянские амбары: уже к марту 1921-го государственные заготовительные организации почти выполнили годовой план – у деревни было изъято 235 миллионов пудов хлеба.

Война больше ни к чему не принуждала правительство Ленина, но оно, состоящее, казалось бы, из образованных, интеллигентных людей, вело себя ещё хуже, чем завоеватели-варвары в древности. Те, захватив очередную страну, тоже облагали её непомерной данью, ничего не оставляя местному населению ни на пропитание, ни на семена. Но на следующий год, когда отбирать у покорённой страны было нечего, они, поняв свою ошибку, значительно сокращали размер дани. Большевики же, обирая не чужой, а свой народ, вообще не задумывались о последствиях.

Назвав во время гражданской войны всё российское крестьянство главным внутренним врагом советской власти, Ленин теперь, когда война кончилась, официально объявил ему «настоящую войну с военной дисциплиной», правда, почему-то назвал её бескровной. Нет, она не могла быть бескровной, она сопровождалась уже не тысячами, как в начале продрозвёртки, а в разы большим числом перестрелянных.

Можно не сомневаться, что закаленная в боях «непобедимая и легендарная» Красная Армия под руководством своих коммиссаров и «коммунистического авангарда» в самые короткие сроки вытряхнула бы из деревни недостающие до выполнения

годового плана 15 миллионов пудов зерна и даже более того, если бы оно у крестьян было. Но его просто не осталось.

В январе-феврале 1921 года исполнилось три года, как в среднерусские губернии были направлены первые продотряды. Стоит ли удивляться, что все эти годы страна получала мизерные урожаи?! Главной причиной тому была не гражданская война, на которую задним числом большевики пытались списать все беды, не засуха, которая случилась один раз да и то лишь в некоторых губерниях. Беда заключалась в том, что крестьянские хозяйства были надорваны непомерной продразвёрсткой, «обезлошаживанием» и «обессемяниванием», поэтому плохо справлялись с главной своей задачей – растить хлеб. Посевные площади резко сократились, поля засеивались кое-как – тем, что удалось спрятать от большевистских грабителей.

Ничего не давали и коллективные хозяйства – коммун и сельхозтоварищества. Продотряды и армия их не грабили, однако выделенный этим хозяйствам на развитие миллиард рублей не пошёл впрок: в коммунах и товариществах собрались люди, не умеющие и не желающие работать, большая часть денег была ими проедена и пропита.

Искусственно созданный политикой продразвёрстки голод сопровождал громадное число сельских семей все три года правления большевиков. Но теперь, после войны, он охватил всё крестьянство. До этого самым большим бедствием в России считался неурожай, охвативший ряд губерний Поволжья в 1891 году. Тогда голодало, по официальным данным, 956 тысяч человек. Теперь голод охватил 27-28 миллионов человек. Эти цифры тоже можно считать официальными, поскольку позднее, 24 декабря 1922 года, их привел на IX Всероссийском съезде советов председатель ВЦИК М. И. Калинин.

На хуторах, в деревнях, больших и малых городах после окончания всех войн люди не только голодали, но и умирали голодной смертью. Трупы валялись прямо на улицах, их некому было убирать. Современные исследователи определили, что за первые пять лет коммунистического правления, а главным образом в 1921-1922 годах, то есть уже после гражданской войны, в стране умерли от голода 5 миллионов 653 тысячи человек (дан-

ные взяты из справки, распространенной 25 апреля 1996 года в Государственной Думе РФ в качестве официального документа). Это больше, чем Россия потеряла в кровопролитнейшей Первой мировой войне.

Вот как «чутко» Ленин «уловил момент», «вовремя» повернул руль государства в нужном направлении и «спас народ от голода»! Нет, зная о сотнях и тысячах трупов на улицах, а ещё больше – в крестьянских избах, он не собирался никого спасать.

В ответ по стране прокатились массовые выступления недовольных политикой правительства крестьян. Но эти выступления быстро и жестоко подавлялись армией с помощью артиллерии и даже уже запрещенных в то время газов. Однако 28 февраля 1921 года началось восстание моряков Балтийского флота, которые считались надёжной опорой революции и в 1917-го помогли большевикам совершить государственный переворот. Теперь эта «опора» отшатнулась от опорочившей себя в глазах народа власти. Моряки поняли, что политика большевиков губительна для страны, если даже в столице люди начали умирать от голода. Балтийцы, как и крестьяне, потребовали отменить продразвёрстку и вернуть свободную торговлю хлебом.

Через 10 дней после начала восстания (оно вошло в историю под названием «кронштадтский мятеж») открылся X съезд РКП(б). По задумке вождей, он должен был продемонстрировать якобы сложившееся единство партии и народа, показать успех социалистического строительства в стране. Однако задумка не удалась: заседания проходили под аккомпанемент ружейных залпов и раскатов артиллерийских орудий в соседнем Кронштадте – главной базе Балтийского флота. Армия ничего не могла поделать с восставшими матросами.

Однако Ленин по-прежнему был тверд. Выступая в первый же день съезда – 8 марта – с докладом, он дал ответ сторонникам свободной торговли, в который уже раз популярно «разъясняя», что советская власть никогда не пойдёт на возврат к прошлому, потому что «свобода торговли... неминуемо приведёт... к победе капитализма, к полной его реставрации».

Однако мятежные матросы тоже не хотели складывать оружие. Их поддерживали эссеры, у которых было много депутатов в советах разных уровней и за которыми могли пойти эти советы. Кроме того чем дольше продолжался кронштадтский мятеж, тем больше хворосту он подбрасывал в костёр крестьянских волнений. Видимо, весы очень сильно колебались и могли склониться в невыгодную для большевиков сторону. Вот только теперь, осознавая весь трагизм ситуации, Ленин начал лихорадочно менять свою позицию. 15 марта, ровно через неделю после открытия съезда и сделанного им заявления о нежелании правительства отменять продразвёрстку и возвращаться к свободе торговли, он вышел на трибуну с новым докладом, который назывался (страшно сказать!) «О замене продразвёрстки натуральным налогом». Теперь он отвергал то, что неделю назад решительно защищал, и горячо ратовал за предложение оппонентов, о которых семь дней назад и слышать не хотел.

Делегаты съезда ушам своим не верили – да Ленин ли это говорит? Вот что доносилось до них с трибуны:

«Крестьянство формой отношений, которая у нас с ними установилась, недовольны... оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определённо. Это – воля громадных масс трудящегося населения... Давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать. Так, как было до сих пор, – такого положения дольше удерживать нельзя... Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены и законно недовольны, и не могут быть довольны». (Л., ПСС, т. 43, стр. 57).

С этого дня все выступления Ильича были направлены на то, чтобы обосновать отказ от продразвёрстки, которую прежде он называл единственно правильной формой «коммунистического распределения». Вот лишь некоторые выдержки из его высказываний в разных аудиториях:

«На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 года потерпели поражение более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским... Развёртка в деревне...

мешала подъёму производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года». (Л., ПСС, т. 44, стр. 157-158).

«Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену... Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен... Страшно-го для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках». (Л., ПСС, т. 43, стр. 244).

«Конечно, свобода торговли означает рост капитализма... Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?.. Этот капитализм нам не страшен». (Л., ПСС, т. 43, стр. 159).

«Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитализм вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостаток продуктов... При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом». (Л., ПСС, т. 43, стр. 84).

Какие правильные, поистине марксистские слова! Но кто же поверит, что больше трёх лет Ленин искренне заблуждался на счёт подравёртки и вдруг в одночасье, точнее - за одну неделю счастливо прозрел? Нет, так вульгарно Ильич заблуждаться не мог. Хорошо изучив Маркса и Энгельса, он прекрасно знал, что при ручном труде, который преобладал на российских заводах и фабриках, не может быть коммунистического производства, а при катастрофической нехватке товаров – коммунистического распределения. Соединить несовместимое – ручной труд и нехватку товаров с коммунизмом – уже пытались коммунисты-утописты, но марксисты, к числу которых относился и Ленин, жестко критиковали их за это. Так что Ильич прекрасно сознавал, чем закончится его авантюра, но, сломя голову, пошёл на неё.

Почему? Сам он этого не объясняет, а лишь изворачивается, придумывая всякие небылицы. Например, после признания полного провала подравёртки и поражения на всех направлениях экономического строительства вдруг утверждает, что воен-

ный коммунизм, дескать, не так уж и плох, потому что при нём якобы «крестьянская беднота (пролетарии и полупролетарии) превратилась в очень большом числе случаев в середняков». (Л., ПСС, т. 43, стр. 223). Что вроде как «во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод (например, от «обезлошаживания» и «обессемянивания»? – А. К.), чем тот же пролетариат». (Л., ПСС, т. 43, стр. 319). Что крестьянство-де только считает, будто в результате военного коммунизма оно «устало»... замучилось», а на самом деле этого нет. И, наконец, когда в стране вроде бы не осталось сторонников военного коммунизма, прозвучало такое заявление вождя: «Этот «военный коммунизм»... надо поставить нам заслугу». (Л., ПСС, т. 43, стр. 226).

Что ж, попробуем объяснить авантюризм Ильича сами. Скорее всего, являясь горячим сторонником и теоретиком терроризма, этот человек верил, что с помощью кровавого террора, массовых убийств в масштабах страны, можно добиться чего угодно, даже того, что противоречит хорошо известным ему объективным законам развития общества. Человеческие же страдания, какое бы число людей они не охватили, его никогда не волновали. Даже в разгар массового голодомора в 1921 году, оправдывая себя и своих поделщиков, организовавших небывалый голод, он однажды сказал: ну, пофантазировали, мол, ничего страшного в этом нет.

Борьба Ленина против крестьян продолжалась почти до конца 1921 года. Несмотря на решение X съезда РКП(б) о переходе к новой экономической политике, отмене продразвёрстки и введении продналога, значительное изменение законодательства, отказ от преследования за так называемую спекуляцию и снятие с крестьян позорного клейма спекулянтов, правительство еще долго требовало от деревни напрямую обменивать свою продукцию с заводами и фабриками по принципу «товар на товар» и запрещало свободно торговать. Однако теперь крестьяне этот запрет игнорировали. Ленин негодовал:

«Или крестьянство должно идти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или - борьба... – Мы на уступки пойдём в пределах того, что поддерживает и укрепляет

власть пролетариата, который неуклонно... идёт к коммунизму». (Л., ПСС, т. 43, стр. 319).

Но в конце концов Ленину самому пришлось идти на соглашение с крестьянами, потому что «этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов». (Л., ПСС, т. 43, стр. 319). 29 ноября 1921 года Ильич и его коллеги, занимающиеся сельским хозяйством, собрали съезд крестьян Московской губернии, чтобы послушать мужиков о том, какая политика по отношению к деревне им нужна. Предложения были разные, но в один голос делегаты потребовали вернуться к реформе Столыпина, к отрубам и хуторам. И Ленин, привыкший поучать крестьян, как им жить, на сей раз с ними согласился. «Всё, что вами здесь высказано, нами будет принято во внимание, – пообещал он, – при проведении практических мер будет учитываться ваш опыт». (Л., ПСС, т. 44, стр. 157).

Наконец весной 1922 года, хотя голод продолжался с той же силой, крестьяне смогли засеять достаточные площади, чтобы избавить страну от этого бедствия. А осенью в стране вновь зашумели хлебные торги, из деревень к городам потянулись крестьянские обозы. Как в прежние времена, мужики, кроме мешков с зерном, везли спрятанные за пазухой памятки – кому из членов семьи что купить. Но далеко не все заявки домочадцев главы семей смогли удовлетворить: хлеба на ярмарки привезли так много, что его трудно было сбыть, а горожане к этому времени ещё не смогли наладить производство своих товаров в достаточном количестве.

– Ехали мы с отцом в город и подсчитывали, сколько денег отхватим за наш богатый урожай, – рассказывал мне где-то в конце 80-х годов прошлого века один из самых знаменитых хлеборобов Приамурья, директор орденоносного совхоза «Партизан», Герой Социалистического Труда Григорий Пантелеевич Котенко. – Ну, думаем, всем обновки справим, сельхозинвентарь обновим. И всё это за один год, как объявили НЭП! А приехали и глазам не поверили: хлеба привезено столько, ярмарка, забита арбами и телегами так, что трудно найти место, чтобы пристроиться. Верите ли: простояли мы с отцом весь день, но ничего не продали.

Было это на Украине, но примерно такая же картина или близкая к ней наблюдалась по всей стране. Российские мужики показали, на что они способны, когда их не угнетает родное государство. А Ленин, выступая 13 ноября 1922 года на IV конгрессе Коминтерна, говорил:

«В 1921 году мы безусловно имели налицо недовольство грамадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьян самое тяжелое испытание... Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

... Как обстоит дело сейчас, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и для всех очевиден, а именно: крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объёме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать... Это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто... Это достигнуто в течение одного года». (Л., ПСС, т. 45, стр. 287).

Таким образом первую схватку с призраком коммунизма российское крестьянство в честь выиграло. Испытав невероятные лишения и понеся огромные потери, оно отстояло свою самостоятельность, право вести личное хозяйство и распоряжаться результатами своего труда. Фактически этот слой населения сумел сохранить себя как крестьянство.

Этот очевидный факт заставил Ленина сделать ещё одно, очень важное признание. Через месяц после выступления на конгрессе Коминтерна, в декабре 1922 года, он сказал на IX Всероссийском съезде Советов:

«Мы врагов наших победили на... поприще политическом и военном, но на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений... Мы должны и можем добиться подъёма производительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности... Здесь мы не можем так быстро добиться наших целей, как нам удавалось это в области политической и военной, и сроки здесь другие – они исчисляются десятками лет... Эту политику мы проводим всерьёз и надолго, но, конечно, ... не навсегда». (Л., ПСС, т. 44, стр. 309-311).

Вот только теперь вождь революции вернулся, наконец, на покинутые им в 1917-м позиции марксизма. Правда, лишь в экономике, но и это для него было гигантским прогрессом. Партия Ленина начала возвращать страну к тому экономическому состоянию, в котором она находилась до октябрьского переворота. О коммунах и коллективной обработке земли больше никто не вспоминал. Вновь допускалась частная собственность, частное производство, хотя и в небольших размерах, частная торговля. Глава большевиков фактически на деле признал то, что прежде сам утверждал в теории: страна, её экономика, её народ должны созреть для коммунизма. И путь к этому, особенно для такой отсталости страны, как Россия, постепенный, долгий, требующий кропотливой и терпеливой работы, прыжками и рывками, с помощью которых в России начали строить коммунизм, его не одолеешь.

Решающую роль в отрезвлении вождя сыграли, конечно, крестьяне. Они не знали марксизма, не верили в коммунизм, но раньше Ленина поняли своим непросвещённым умом, что так жить, так вести дело, как начали его большевики, страна не может и не должна. Деревенские мужики и стали той непреодолимой силой, о которую споткнулась РКП(б), проводя свою авантюрную, бесчеловечную политику. После нескольких лет борьбы Ленин вынужден-таки был признать, что жить по предложенному коммунистами образцу крестьянство справедливо не хочет и никогда не будет, а уничтожить этот огромный класс, как уничтожили помещиков и капиталистов, нельзя. Осознание

своего поражения заставило Ильича сделать крутой разворот от авантюризма к марксизму.

Но, даже протрезвев, Ленин не оставил своей приверженности к терроризму. «Мы ещё вернемся к террору, и террору экономическому», – сказал он тогда же, после всех восторженных слов о НЭПе, своему ближайшему соратнику Л. Каменеву (его высказывание приводится в книге А. Латышева «Рассекреченный Ленин»). То есть, получается, что «прозрение» Ленина было с его стороны лишь тактическим ходом, призванным спасти катастрофическую ситуацию, в которую он загнал себя и страну своими бредовыми идеями. На деле же, стало быть, Ильич так и не отказался как минимум от одной из них – о возможности добиться всего и вся с помощью террора. Да, скорее всего, и от остальных тоже. Через несколько лет после его смерти эти идеи снова возьмут на вооружение соратники Ленина.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Белым саваном затянуло крестьянские поля, скрыло от глаз межи, замело перелески, овраги, дороги. Рано в зимнюю пору опускается на крыши хат студёная ночь, да и недолго теплятся в окнах огни – не любит деревня жечь зря керосин.

Много дум передумает мужик долгими зимними вечерами, пока не сморит его глубокий сон. Думы эти теперь не такие тягостные, как прежде. Кажись, нагулеванилась по России революционная вольница, угомонилась. Поняли комиссары, что без мужика им – труба, потому как мужик – кормилец. Вроде даже уважать начали. Новый вождь партии твердо обещал, что никто не будет больше забижать крестьянина, даже ежели он и кулак.

Правда, на местах кулака всё одно забижают. Не только кулака, но и середняка, и даже бедняка. Многим начальникам, видишь ли, кажется, что продразверстку всё ещё не отменили. Да и то: в волостях, уездах, губерниях теперь зачастую правят те, кто особенно отличился при продразвёрстке. И сейчас, случается, они проводят ночные обыски, изымают зерно, устраивают порки, грозят раскулачить, ежели ты хоть и бедняк, но сказал

слово против власти. А то налог добавляют по несколько раз в году от себя, местный. Цену на мануфактуру, соль, керосин поднимают – тоже от себя.

Иные местные начальники так бесчинствуют, что крестьяне некоторых волостей опять вынуждены поднимать восстания. О таких фактах говорил на съезде партии даже сам Сталин. Но в целом жить всё-таки можно – к мелким-то притеснениям мужик давно привык, ещё с царских времён. Главное для мужика что? Ты дай ему возможность вспахать-засеять, урожай свободно продать да налогом не доводи хозяйство до разорения, а уж он, мужик-то, жилы из себя вытянет, но дело своё справит. Ежели, конечно, не пьяница и не лодырь. Бывшие фронтовики как дорвались до земли, так теперь и рвут гужи, работают до кровавых мозолей. И почти все, кто здоровья на войне не лишился, стали справными, многие рядом со старыми новые избы срубили. Американские либо немецкие молотилки прикупили на ярмарке. Словом, начала потихоньку подниматься деревня после продрозверстки, ничего не скажешь.

Товарищ Сталин, как сообщают в газетах, шибко доволен крестьянами. И то: за пять лет, пишут, с 22-го по 27-й год, сбор зерна в стране увеличился в полтора раза. Подсчитали, что такой разворот был только при Столыпине. Правда, сравнивают не со столыпинским, а с послевоенным голодным временем. Довоенную-то пашню до сих пор ещё не осилили. Но всё равно сдвиг вперёд благодаря НЭПу огромный.

Вот только сомнение одолевает мужиков: теперь, когда не стало Ленина, не отменят ли НЭП? Шибко уж выступают против него некоторые народные комиссары на своих партийных конференциях и съездах, требуют вернуть продрозвёрстку и раскулачивание. А под марку раскулачивания и всех крестьян хотят поприжать, само собой. Хорошо хоть Сталин твердо стоит на своём, как скала: не дам, говорит, загубить дело Ильича и точка! Да долго ли он выдюжит? Дай Бог силы и здоровья этому святому человеку...

После таких дум, осенив себя крестным знаменем, мужик, наконец, засыпал.

И ни одна живая душа – ни в маленькой глухой деревуш-

ке, ни в большом губернской городе, ни в белокаменной столице – не подозревала даже, что сей «святой» вовсе не тот, за кого его принимают. Что необразованный и малокультурный, жестокий и коварный горец Сосо Джугашвили, он же Иосиф Сталин, волею судьбы ставший одной из главных фигур в молодом советском государстве, больше всего жаждет неограниченной власти над партией, страной, народом, а ленинский НЭП нужен ему как дубина, чтобы повергнуть врагов в борьбе за личную власть.

Первый этап, ещё при Ленине, он одолел успешно. Когда против новой экономической политики Ильича выступили некоторые его ближайшие соратники, Сталин вовремя понял, что бороться против такой гигантской фигуры, как Ленин, себе дороже. И он выступил со статьей, из которой все в партии поняли: этот стоит так близко к вождю, что ближе некуда. С грузинским юмором Сталин писал о противниках НЭПа, которые сгорали от нетерпения построить социализм одним махом, чего бы это ни стоило:

«Процесс этот будет, несомненно, медленный и болезненный, но он неизбежен, неотвратим, и от того, что некоторые нетерпеливые товарищи нервничают, требуют быстрых результатов и эффективных операций, неизбежность не перестанет быть неизбежностью».

Такая откровенно проленинская позиция по отношению к НЭПу, скорее всего, и помогла Сталину в 1923 году, когда Ленин уже был безнадежно болен, стать генеральным секретарем ЦК РКП(б). Но генеральный секретарь – ещё не преемник Ленина. Тогда он не имел всей полноты власти даже в партии, не говоря о государстве. А Ильич, умирая, назвал не одного, а сразу шестерых своих преемников – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Сталина, Пятакова. Сталин в этом списке был далеко не на первом месте.

И опять у честолюбивого горца хватило мудрости сделать безошибочный выбор. Когда после смерти Ленина некоторые из претендентов на роль вождя с новой силой заговорили о «большом скачке», Сталин правильно рассчитал, что отменить НЭП, ставший популярным в народе, – значит, вызвать взрыв в обществе. А вот если встать на защиту нового ленинского курса,

можно хорошо ударить по противникам НЭПа, в том числе и по главному кандидату в новые вожди – Троцкому.

Вплоть до конца 1927 года Сталин терпеливо собирал вокруг себя тех членов ЦК, которые продолжали верить Ленину. Он не произнёс ни одного бранного слова в адрес НЭПа, возрождающейся мелкой буржуазии и крепнущего кулака, как его противники, а, наоборот, постоянно разьяснял, что строить социализм надо в духе позднего Ленина. Путь «сверхчеловеческих прыжков» и «героических вторжений» в объективный ход вещей, требование индустриализировать страну чуть ли не в полгода, к чему призывали Троцкий и Ко, Сталин называл авантюризмом в политике. Он утверждал, что индустриализировать страну не то, что в полгода, но даже «в несколько лет нет никакой возможности».

Чтобы увеличить темпы развития промышленности, оппозиционные Сталину силы предложили «перепрыгнуть через крестьянство», то есть ускорить индустриализацию за счёт перекачивания средств из деревни в город. В 1925 году даже раздались призывы начать новую революцию – на сей раз против кулаков. Зажиточных крестьян вновь стали называть эксплуататорами, мироедами, но ни для кого не было секретом, что, говоря о кулаке, авторы идеи новой революции имеют ввиду все крестьянство.

Сталин решительно выступил в защиту крестьян. Он заявил, что даже налоговый нажим на деревню, не говоря уже о каких-то репрессиях, приведет «не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению», что «индустриализация может развиваться лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни».

Почувствовав поддержку большинства членов ЦК, Сталин уже не просто выступает с критикой в адрес оппонентов, а начинает ставить перед партией задачи – опять же в духе позднего Ленина. В конце 1925 года, в докладе об итогах XIV партконференции, он заявил жестко, категорично:

«Некоторые товарищи... приходят к тому выводу, что главная задача партии – это разжечь классовую борьбу в деревне. Это,

товарищи, неверно. Это – пустая болтовня... Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять её материальный и культурный уровень и двинуться вперед с этой основной массой по пути к социализму...

Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию. Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую.

Таковы те пути и дорожки, через которые медленно, но основательно должно включиться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства».

В корне иным, чем у соперников, было и отношение Сталина к кулаку. Признавая, что кулак действительно склонен завышать цену на хлеб (как, собственно, и любой торговец на свободном рынке), генсек решительно заявил, что государство не может из-за этого допустить гражданской войны в обществе. По его мнению, власть должна воздействовать на жаждущего легкого обогащения кулака не через ГПУ, а экономическими мерами: «держат в распоряжении... достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться в дело, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся уровне и срывать таким образом спекулятивные махинации кулачества».

В это же время Сталин произнёс ещё одну поистине историческую фразу об отношении партии к крестьянству. В ноябре 1927 года в Москве проходили торжества по случаю 10-летия Великой Октябрьской Социалистической революции, на которые были приглашены делегации многих зарубежных партий, родственных по духу ВКП(б). Естественно, они захотели встретиться и побеседовать с новым большевистским вождём. Сталину был задан вопрос: почему за десять лет советской власти в СССР так и не проведена коллективизация сельского хозяйства? И он ответил: «... до коллективизации в СССР дело дойдёт не скоро». Это означало, что Сталин прочно стоит на позициях Ленина, который, «прозрев» в конце жизни, говорил, что сельское хозяйство в стране надо поднимать через развитие личных кре-

стьянских хозяйств, даже, может быть, без кооперации. Такую политику партии и государства он обещал «всерьёз и надолго».

Деревня жадно ловила каждое слово генерального секретаря ЦК ВКП(б) и одобряла его позицию. Мужик ведь не был изначально врагом советской власти. Он всего лишь хотел жить своим личным хозяйством, без коммун и колхозов, но против кооперации ничего не имел. Сталинский социализм - не разрушающий традиционных крестьянских устоев, а, наоборот, помогающий наладить жизнь через кооперацию, – деревня полностью поддерживала.

Одобрляли такую разумную политику генсека и здоровые силы в партии, которых день ото дня становилось всё больше. К концу 1927 года Сталин почувствовал, что поддержка партийных масс достаточна, чтобы перейти в генеральное наступление. На обсуждение XV съезда партии, состоявшегося в декабре 1927-го, был вынесен проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, полностью разработанный его сторонниками. В нём предусматривались преобразования в экономике, лишь основанные на имеющихся ресурсах, без «сверхчеловеческих прыжков» и забеганий вперед. Также подчеркивалось, что коллективизация в деревне должна осуществляться постепенно и только на основе «машинизации» земледелия.

Съезд полностью поддержал Сталина и его ближайших соратников. Он исключил из партии ратовавших за необдуманные скачки Троцкого, Каменева, Зиновьева, Пятакова. Ещё один из названной Лениным шестерки – Бухарин тоже подвергся уничтожающей критике, но удержался на волоске. Фактически и его участь была предreshена.

Таким образом, из шести кандидатов в вожди у руля партии и государства остался один Сталин. Теперь у него в руках была сосредоточена необъятная власть. Больше ему не надо было скрывать свои взгляды и честолюбивые устремления. Не надо было ни с кем делиться славой.

И произошло невероятное: съезд избирал генеральным секретарем ЦК ЦКП(б) одного человека, а на трон взошел совершенно другой. У этого человека были те же усы, тот же голос, но иная интонация, иное содержание речей.

Уже на другой день новый вождь потребовал от высших государственных органов пересмотреть содержание пятилетнего плана, значительно увеличив многие показатели. Речь фактически шла о том самом «большом скачке», за отстаивание которого только что были исключены из партии соперники Сталина. И специалисты вынуждены были выбросить в корзину прежние расчёты, засесть за новые. Они скрупулезно подсчитывали, сколько потребуется дополнительно машин, материалов, оборудования, чтобы совершить теперь уже сталинский «большой скачок». Цифры получились немало. Закупить всё необходимое можно было только за границей, а для этого требовалась валюта, главным источником которой оставался экспорт зерна.

Отдав приказ переделать пятилетний план, Сталин, не колеблясь, направляет на места директиву ЦК, требующую резко увеличить хлебозаготовки. Губернским органам власти предлагалось закупать зерно не по рыночным ценам, сложившимся при НЭПе, а по низким государственным, утвержденным правительством. Поскольку выполнить это указание было не так-то просто, в директиве разъяснилось:

«В случае отказа кулаков подчиниться закону привлечь их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита... Вот увидите, что эти меры дадут великолепные результаты и вам удастся не только выполнить, но и перевыполнить план хлебозаготовок».

Нетрудно заметить, что теперь у Сталина появилась ленинская фразеология донэповского периода. Крестьян он также называет кулаками, а то зерно, которое будут конфисковывать, – излишками. На мужиков, вырастивший хлеб собственными руками, но не желающих сдавать его за бесценок, Сталин вновь навесил ярлык спекулянтов. Ибо 107 статья Уголовного кодекса РСФСР карала за спекуляцию, то есть за скупку и перепродажу товара по более высокой цене с целью наживы. Фактически директива ЦК, а на самом деле лично Сталина, означала возврат к

осуждённой и отвергнутой предыдущими партийными решениями продразвёртке. Правда, было в ней и кое-что новенькое, сталинское, с поправкой на его грузинский менталитет. Ленин ведь посылал вычищать крестьянские амбары людей со стороны, а Сталин предложил привлечь к этому делу ещё и предателей в самой деревне, пообещав им хорошее материальное вознаграждение. Участие деревенской гольтыбы в продразвёртке позволило бы не только разрушить единство крестьян, но и оправдаться потом в глазах общественности - это, мол, делали сами крестьяне.

На местах к этой директиве отнеслись неоднозначно. Ведь не прошло и месяца, как многие областные и губернские руководители голосовали на съезде партии за иную аграрную политику. Кроме того, они хорошо помнили, к чему привела продразвёртка при «военном коммунизме». Поэтому заготовки хлеба по-прежнему шли со скрипом.

Из обкомов и губкомов в ЦК сообщали, что крестьяне недовольны изменением аграрной политики партии, отступлением от НЭПа. Те, кто хлебнул воли на хуторах и отрубках, требовали возвращения к столыпинской аграрной реформе, ссылаясь на то, что её поддержал сам Ленин. Во многих регионах мужики просто перестали верить власти, опасались новых конфискации и заявляли о готовности защищать своё имущество вплоть до вооруженного сопротивления.

И тогда Сталин сам выехал в Западную Сибирь, чтобы проконтролировать и возглавить хлебозаготовки лично. Не полагаясь больше на помощь деревенской бедноты, он двинул вперед войска ОГПУ, которым дали приказ не только вычищать зерно из крестьянских амбаров, но и реквизировать скот, а у особо непокорных ещё и изымать сельхозинвентарь в назидание остальным. Это возымело действие: вооруженного сопротивления со стороны крестьян не последовало, от разбросанных по заснеженным полям деревень к железнодорожным станциям потянулись длинные хлебные обозы. Уже в конце января 1928 года Сталин телеграфировал руководству ЦК (сам себе), что первые эшелоны с зерном в столицу отправлены.

Вместе с тем он воочию убедился, как трудно, даже опираясь на хорошо вооружённую армию, отбирать хлеб у крестьян-

ских семей. Поэтому, вернувшись в Кремль, направляет на места ещё две секретные партийные директивы.

Одна – более сдержанная:

«Добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырёх лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба».

Другая – через некоторое время – жёсткая и нетерпеливая:

«Нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян».

После этого маховик изъятия ресурсов села на нужды ускоренной индустриализации начал быстро набирать обороты. Уже в середине 1928 года Сталин с удовлетворением отмечал в закрытой речи на пленуме ЦК ВКП(б):

«Крестьянство платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно ещё и переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности – это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты – это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъёма индустрии... Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде «сверхналога», который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешние темпы развития индустрии... Без этого добавочного налога на крестьянское хозяйство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут».

Словом, ещё не началась первая пятилетка, а страна, повинувшись воле лишь одного человека, уже шла не тем курсом, который указал XV съезд ВКП(б). В следующем году Советский Союз пережил ещё более трагическое испытание – начало сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Если не считать ранней стадии развития человечества – первобытно-общинного строя и рабовладения – то всё остальное время осёдлое население планеты кормили крестьяне. В

разных странах они назывались по-разному, но суть от того не менялась — эти люди жили и трудились на земле семьями, даже если не имели собственных наделов и были вынуждены гнуть спину на помещиков или других латифундистов.

Семейная форма организации крестьянского труда сложилась исторически, никакой другой за много веков человечество не придумало. В суровой северной России, где земледелие даётся особенно тяжело, крестьяне, как мы уже видели, тоже пошли по этому пути. Они лишь укрупнили свои семьи, но от традиционной семейной формы организации труда не отказались.

Кому же пришла в голову идея создавать на селе какие-то коммуны, товарищества, другие коллективные хозяйства вроде колхозов и совхозов? В чём сторонники «коллективизма» видели преимущества такой формы хозяйствования? Ведь должны же они были предъявить какие-то аргументы, прежде чем осуществлять свою идею на практике.

Первыми бардами коммун, как известно, были основоположники утопического коммунизма. Итальянец Томмазо Кампанелло в XVI веке и англичанин Томас Мор в XVII-м постарались представить, как жили бы люди, если бы коммунизм наступил уже тогда, скажем, в отдельно взятом городе или на отдельно взятом острове. Томмазо Кампанелло изложил свои соображения на этот счет в книге «Город Солнца», а Томас Мор — в ещё более знаменитой «Утопии».

И в том и в другом случае картина получилась удручающая. Хотя отсутствие частной собственности и обобществление всего и вся, по утверждению авторов, и сделали каждого свободным и счастливым, приведённые ими факты напрочь опровергают такое утверждение. Коммуна в «Городе Солнца» Кампанеллы, к примеру, напоминает военную казарму в сочетании с лагерной зоной для заключённых. Мужчины и женщины там жили под зорким контролем надзирателей и надзирательниц, которые кроме всего прочего контролировали даже деторождение и наблюдали за тем, «чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство». Вот что пишет Кампанелло:

«Хотя общность жен и не установлена для остального

населения, живущего в их области, у них самих (то есть граждан Города Солнца – А.К.) она принята... Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое – у них общее... Через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать - кому в первой спальне, кому во второй...

Когда все мужчины и женщины, по обычаю древних спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен, а кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг к другу... Женщины статные и красивые совокупаются только со статными и красивыми мужчинами, полные же с худыми, а худые с полными...

Производство потомства имеет ввиду интересы государства, а интересы частных лиц лишь постольку, поскольку они являются лишь частями государства. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии...

Они спят в отдельных комнатах до самого начала совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери...

Грудью кормят они два года и больше. Вскормленный грудью младенец передаётся на попечение начальниц, если это девочка, или начальника, если это мальчик».

Понятно, что при таком жестком контроле со стороны государства деторождение в воображаемом Городе Солнца должно было находиться на недостижимой высоте. Вот только непонятно, с кем совокуплялись страшненькие – тоже со страшненькими? Какое же тогда потомство у них получалось?

Но, разумеется, не только общностью жён, детей, жилищ привлек внимание Кампанеллы Город Солнца. Описывает он и повседневную жизнь в коммунистическом рае.

«В Городе Солнца, где обязанности, художества и работы распределены между всеми, каждому приходится работать не более четырех часов в день, остальное время проходит в приятных занятиях науками, беседами, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и всё это делается с радостью... А в чём они нуждаются, они получают от общины. И должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует,

никому однако не отказывая в необходимом».

И опять вопрос: где община брала «всё необходимое», если каждый работал не больше четырех часов в день при полном отсутствии техники? Кампанелла ответа не дает.

Автор второго произведения – «Утопия» – Томас Мор жил в XVII веке в Англии, где орудия труда были значительно совершеннее, чем в предыдущем столетии. И работали жители острова Утопия не по четыре, а по шесть часов. Всё остальное, кроме общности жён, у них было таким же, как в Городе Солнца. Поэтому, если сделать простые расчёты, уровень жизни островитян должен был бы быть как минимум в полтора раза выше, чем в Городе Солнца. Томас Мор описывает этот уровень. Вот какой недостаток был в коммуне:

«На работе они небрежно покрываются кожей и шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то одевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет плаща одинаков на всём острове... Каждый довольствуется одним платьем и притом обычно на два года».

Между тем в самой Англии в это время даже небогатые люди одевались куда разнообразнее. Немало было и модниц, привыкших часто менять наряды. Тем не менее автор восторгается образом жизни островитян и утверждает, что здесь никогда «ни один честный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться, чтобы общественные магазины были полны».

Но кто же об этом позаботиться? Кто наполнит «общественные магазины»? Откуда возьмётся изобилие товаров? Томас Мор также не отвечает на этот вопрос.

Тогда обратимся к основоположникам научного коммунизма, у которых доказательства их теории, что называется, разложены по полочкам. Для Маркса и Энгельса было бесспорно, что люди в деревне должны жить и работать коммунами. Но оказывается, что аргументов в пользу того, что так будет лучше, у них тоже негусто. А точнее сказать – вообще нет, как и у утопистов.

Например, в работе «Принципы коммунизма» Энгельс

пишет, что современное ему земледелие не может дать достаточно продукции потому, что в эту отрасль «...вследствие гнёта частной собственности и вследствие дробления участков затруднено внедрение уже существующих усовершенствований и достижений науки». Но если мелкие участки объединятся, то усовершенствования и достижения науки сделают своё дело и сельское хозяйство «...вступит в совершенно новую полосу расцвета и предоставит в распоряжение общества вполне достаточное количество продуктов».

О каких таких усовершенствованиях и достижениях тогдашней науки, коим нужен был огромный простор, говорил Энгельс? Не называет он этих достижений. Но мы-то знаем, что ничего грандиозного тогда наука и техника сельскому хозяйству не предлагали. Сегодня и наука, и техника куда более развиты, чем при Марксе и Энгельсе, однако во всех современных западных странах их услугами как раз с успехом пользуются мелкие семейные крестьянские (фермерские) хозяйства при наличии частной собственности на орудия труда и землю. В США, например, средний размер таких хозяйств – около 200 гектаров, в Западной Европе – 15 гектаров, в Японии – 0,4 гектара.

Во второй половине XX века в мире параллельно существовали мелкие крестьянские хозяйства – в капиталистических странах и крупные коллективные, созданные коммунистическими правительствами. Так вот, в последних достижения науки и техники использовались намного хуже, а производительность труда была в 3-5, а то и в 10 раз ниже. Доживи Энгельс до этого времени, он наверняка устыдился бы своего столь несерьёзного аргумента в пользу коллективных хозяйств.

Ну а какие аргументы были у Ленина? Он тоже считал преимущества коллективных хозяйств бесспорными. Говорил, что создание таких хозяйств позволило бы вдвое и втрое поднять производительность труда на селе. «Жизнь показывает, - утверждал он в самом начале своей деятельности на посту председателя Совнаркома, - что там, где нужно, скажем, 10 плугов, потому что земля разделена на 100 участков, при коммунальном хозяйстве можно обойтись меньшим количеством плугов, ибо земля не дробится так сильно. Коммуна позволяет целой артели,

целому товариществу сделать такие улучшения в хозяйстве, какие недоступны отдельным мелким собственникам».

Всё! Больше никаких аргументов в пользу коллективных хозяйств в его речах, докладах, печатных работах нет. Потому что на самом деле жизнь ничего такого, о чём говорил Ленин, не «показывала». Это в конце концов и заставило его отказаться от своих прежних взглядов, сделать ставку в конце жизни на единичные крестьянские хозяйства, а не на коммуны.

А что же Сталин? Тоже ссылаясь на раздробленность земельных участков, невозможность применять крестьянами-единоличниками достижений науки и техники? Нет, об этом он никогда не писал и не говорил. И все же именно Сталин был единственным из политиков-теоретиков марксизма, кто просто, доходчиво, убедительно, а главное – честно объяснил, зачем его правительству понадобились колхозы и совхозы. Это объяснение содержится в приведённых выше двух секретных директивах Сталина. «Преимущества» колхозов и совхозов он видел в том, что они были способны «заменить, как сдатчики хлеба, ...индивидуальных крестьян». Не как производители, а именно как сдатчики, у которых куда проще изымать хлеб, чем у индивидуальных хозяйств. Вот зачем понадобилась Сталину немедленная и сплошная коллективизация. Вот почему он пошёл на неё, даже переступив через решения партийного съезда.

Хотя Амур далеко от центра России, весть о начале сплошной коллективизации сельского хозяйства долетела сюда почти мгновенно. Аппараты Бодо принесли её в губком партии и исполком, отсюда людская молва понесла эту жуткую новость по уездам, волостям и селам быстрее телеграфа. Она касалась всех селян, поэтому в мгновение ока стала известна даже тем из них, кто жил на отдалённых заимках.

К этому времени амурская деревня уже оправилась от военно-революционных потрясений. Как и до первой мировой войны, она по-прежнему оставалась одной из самых зажиточных в стране. В 1928 году здесь посеяли зерновых в полтора раза боль-

ше, чем в 1913-м, в то время как в целом по стране пашня составила лишь 90 процентов от довоенной. Более высокие получали и урожаи зерновых: пшеницы – по 47 пудов с десятины, овса – по 59 пудов, в целом по стране соответственно 37 и 45 пудов.

Но, несмотря на такое благополучие, назвать здешних крестьян прочной опорой советского строя было бы опрометчиво. У мужиков имелись веские основания не доверять новой власти, хотя в первые годы после октябрьского переворота они считали её своей, народной, на что тоже были веские основания. Дело в том, что тогда в Приамурье не было таких одиозных руководителей как Ленин, Троцкий, Дзержинский, Сталин, опиравшихся на горстку деклассированных пролетариев, сверхреволюционных матросов и откровенно уголовные элементы. В 1918-м Амурский облисполком возглавил слесарь Фёдор Мухин, его товарищем, то есть заместителем, стал рядовой казак Самуил Шадрин, комиссаром продовольствия крестьянин Федот Сюткин, комиссаром госимущества и лесного хозяйства солдат-фронтовик Михаил Прохоров и т. д. Народное правительство просто трудно себе представить.

Эта власть с первых дней по своему разумению, без коммунистических теорий делала всё, чтобы обеспечить в области нормальную жизнь, военный коммунизм сюда из центра так и не дошёл, здесь вообще не было продотрядов, грабивших деревню. Благодаря комиссару продовольствия Федоту Сюткину бесперебойно работала торговля, крестьяне могли свободно продавать свой товар и покупать то, что им было нужно. Когда в стране началась гражданская война и Дальний Восток был отрезан от центра России, на Амуре выпустили свои деньги, обеспечив их золотом, добытым на местных приисках. Эти деньги охотно брали даже китайцы, называя их «мухинками». Благодаря «мухинкам», люди своевременно получали зарплату, а солдаты – пособия на детей, на них закупалось в Китае недостающее продовольствие.

Помогала новая амурская власть и непосредственно крестьянству. Чтобы провести весенний сев 1918 года, вернувшимся домой фронтовикам требовался кредит. Облисполком изыскал для этого необходимые средства и позаботился о том, чтобы

деньги своевременно дошли до каждой нуждающейся семьи.

Поэтому-то крестьяне дружно откликнулись на призыв областной власти встать на защиту революции, когда осенью 1918 года в Приамурье вторглись японцы, сопровождаемые отрядом белой гвардии. Уже в январе 1919-го против непрошенных гостей поднялись с оружием в руках жители северных сёл Мазаново, Белоярово, Сухотино. И хотя японская артиллерия оказалась сильнее крестьянских «трёхлинеек» и дробовиков, прогремевшие здесь бои стали той спичкой, от которой вспыхнул большой пожар партизанской войны по всему Приамурью.

Только что вернувшиеся с германского фронта мужики вновь прощались с жёнами, детьми и добровольно уходили из южных степных деревень на север, в тайгу. Буквально за несколько недель там была сформирована 10-тысячная партизанская армия, способная противостоять даже крупным силам японцев и белых. Вот как описывает одно такое сражение историк Е. Сычевский в книге «Амурская область прежде и теперь», изданной в Благовещенске в 1967 году:

«В ночь на 16 февраля (1919 года – А. К.) у разъезда Юхта начался бой. Ни жестокий мороз, ни сильный огонь врага не остановили стремительного натиска партизан. Они громили один японский батальон за другим. Посланный на помощь японцам эшелон из Свободного был встречен уничтожающим огнём партизанской засады. Почти все находящиеся в нём солдаты были перебиты. В этом бою японцы потеряли около двух тысяч человек».

Но приближались весенне-полевые работы, и командование распустило мужиков по домам, чтобы они отсеялись. В тайге остались лишь небольшие отряды, состоящие из людей, не связанных с сельским хозяйством. Это был уникальный случай в истории войн, когда одна из сторон прекратила военные действия, провела сев, чтобы не оставить местное население без хлеба, а потом снова взялась за оружие.

Амурские партизаны первыми на Дальнем Востоке, без помощи регулярной армии, освободили в начале 1920 года от врага свою землю. Потом они ещё больше двух лет воевали с захватчиками в Забайкалье и Приморье, покрыв славою свои знамёна. Их ратный подвиг отражён в народном эпосе. Например в течение

нескольких десятилетий после гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР была популярна такая песня:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.
Наливались знамёна
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

Эти лихие эскадроны шли в бой за свою родную землю, за народную власть не потому, что их бойцы в случае чего отвечали перед командирами, которых сами и выбрали, по круговой поруке, а их семьи становились заложниками. До такого средневекового варварства, к какому прибегнул Ленин, здесь и додуматься никто не мог. Мужики сознательно исполняли свой долг, они знали, что, кроме них, никто не защитит их дома. Такова у русского народа традиция — без призыва, а тем более без принуждения брать в руки оружие, когда приходил враг.

Свой героический подвиг амурские партизаны закончили на берегах Тихого океана лишь в конце 1922 года. Но когда уставшие от войны крестьяне вернулись домой, к земле, к мирной жизни, у них начали быстро портиться отношения с советской властью, которую они только что защищали с оружием в руках.

Случилось так, что за годы войны от рук японских интервентов и белогвардейцев погибли почти все главные руководители области — Ф. Мухин, С. Шадрин, Ф. Сюткин и т. д. Партийные и советские органы возглавили новые люди, присланные Москвой. Это, очевидно, были возвращённые партией кадры, научившиеся за 5 лет советской власти лишь грабить и убивать в больших масштабах. То, что военный коммунизм отменён, а партия провозгласила новую экономическую политику, видимо, плохо доходило до их сознания. Вполне возможно, что они, кроме того, были ещё и не согласны с ленинской идеей НЭПа. Во всяком случае эти руководители начали проводить по отно-

шению к крестьянству политику, обанкротившуюся в Центральной России ещё в первые годы Советской власти.

О кредитах, благодаря которым в 1918 году фронтовики на Амуре за одно лето смогли поднять свои хозяйства, теперь власть и не заикалась. Наоборот, уже в первый месяц после возвращения домой легендарных амурских партизан она принялась вычищать из их амбаров и без того скудные хлебные запасы.

16 ноября 1922 года, после упразднения буферной Дальневосточной республики, ВЦИК РСФСР вновь принял Амурскую область, как и весь освобождённый Дальний Восток, в состав России. Это был формальный акт, так как Приамурье и Приморье принадлежали России с середины XIX века, а образование Дальневосточной Республики во время гражданской войны стало лишь тактическим ходом правительства Ленина, призванным отгородить остальную российскую территорию от японцев. Но и при ДВР, которая объявила себя как бы самостоятельным государством, здесь сохранились Советы, руководимые большевиками, которые подчинялись ЦК РКП(б) и выполняли директивы Москвы. Поэтому решение ВЦИК было рассчитано скорее на успокоение мировой дипломатии, чем на внутреннее потребление.

Ну что ж, кончилась война, вот и вернулись к прежнему положению вещей. Теперь уже официально, не скрывая этого от международной дипломатии, далёкая окраина страны подчинилась российской столице. И правительство Ленина сразу же заявило, что оно помнит о дальневосточниках, в том числе об амурских крестьянах. Только память у него была особая – «ленинская». Поэтому прошедшие «школу озверения» коллеги Ленина решили в честь этого события преподнести дальневосточникам, главным образом амурским крестьянам, оригинальный большевистский подарок. Буквально через несколько дней после решения ВЦИК, в конце ноября, правительство потребовало от крестьян внести продналог за два предыдущих года – 1921 и 1922-й, когда ДВР не входила в РСФСР. Мол, ладно, наказывать не будем, вы не смогли внести налог вовремя, так как были отрезаны от России белогвардейцами, засевшими в Забайкалье, но теперь верните всё, что положено, выполните свой долг перед

государством.

Большой цинизм трудно себе представить. Во-первых, в течение этих двух лет в ДВР было своё правительство, тоже собиравшее налоги. Во-вторых, амурскому крестьянству пришлось кормить два фронта – Восточный и Западный, которые не давали белогвардейским войскам в Забайкалье и Приморье объединиться и совместно с японцами двинуться в Сибирь. В-третьих, амурская деревня кормила войска вдоль тысячекилометровой границы, прикрывающие Амур, откуда могли ударить японцы. Таким образом, крестьяне Амурской области выполнили свой долг с лихвой, внося неоценимый вклад в обеспечение спокойствия на востоке РСФСР.

Но «подарок» московских товарищей большевиков был бы неполным, если бы правительство не приказало «вернуть» так называемую недоимку за два года одновременно, всю сразу. Называть эту единовременную натуральную плату стали «единым налогом».

Такого удара амурская деревня никогда не испытывала. Он был ещё пагубнее для крестьян, чем продразвёрстка в центральной России, ведь экономическая ситуация здесь отличалась в худшую сторону, так как местные крестьянские хозяйства тоже пережили две страшные войны, но последняя, гражданская, длилась на два года дольше. А отдавать налоги за эти два года фактически пришлось бы во второй раз, так как они уже пошли на прокорм войск.

Тем не менее областное руководство объявило «ударный месячник», требуя, чтобы «единый налог» был внесён полностью в декабре 1922 года. Уже тогда у партийных чиновников на местах начала проявляться болезнь, охватившая вскоре весь местный аппарат, – они лезли вон из кожи, чтобы выслужиться перед вышестоящим начальством. Это стремление отличиться во чтобы то ни стало выражалось в безрассудном принятии повышенных обязательств, которые заведомо невозможно было выполнить. Вот и теперь собрать весь «единый налог» в декабре так и не удалось, опустошение крестьянских амбаров продолжалось и в 1923 году. Это помешало мужикам нормально провести весенний сев, у многих не было семян.

При разработке плана налогообложения на 1923 год отличиться перед правительством решил уже Дальревком – высший орган власти на Дальнем Востоке, сменивший правительство ДВР. Находящиеся в Хабаровске и не имеющие никакого понятия о том, что происходит в амурской деревне, чиновники Дальревкома официально повысили разряд налогов для области с четвертого на пятый. Фактически же стали требовать дань по самому высокому – восьмому разряду. Понимая, что такого сумасшедшего налога им никогда не собрать, амурские чиновники из губревкома направили в Хабаровск протест, заявив, что для разорённых войной местных крестьян непосильным является даже официально установленный пятый разряд. Увы, верные ленинцы в Дальревкоме на этот протест не отреагировали.

Между тем в 1923 году стране вообще не было надобности хоть как-то повышать налоги. Осенью 1922-го крестьяне собрали достаточно зерна, чтобы ликвидировать последствия голода. Об этом говорил Ленин 13 ноября 1922 года на IV конгрессе Коминтерна. Если помнит читатель, он отметил, что крестьяне теперь довольны своим положением, что их восстания почти полностью прекратились, а государство получило из деревни сотни тысяч пудов зерна почти без принуждения. Что же ещё было желать?

Но нет, чиновники из Дальревкома желали... выслужиться. Они готовы были добиваться благосклонности руководства ЦК даже ценой разорения сотен тысяч подчинённых им людей. Дальревком для них был лишь трамплином для прыжка в высший эшелон власти в стране. Что будет потом с обобранными гражданами региона, их не интересовало.

Налог на 1923 год колебался от 100 до 500 рублей на одно крестьянское хозяйство. Даже для крепких семей он теперь, после разрушительных войн, как правильно подсчитали в Амурском губревкоме, был неподъёмным. Ведь жилой деревенский дом стоил тогда 100 – 150 рублей, корова и лошадь – по 20 рублей, овца и свинья – по 3 рубля. Даже бедняк при минимальной ставке налога должен был отдать сборщикам или дом, или всех лошадей и коров, или 30 овец-свиней (которых у него, естественно, не было), или 100 пудов зерна, то есть всё, что необхо-

димо на годовой прокорм семьи из 5-6 человек. После уплаты налога бедняка и его семье ничего не оставалось, как идти по миру.

Нет, побираться Христа ради, как это делали переселенцы в Приморье, амурские крестьяне не хотели. Когда их челобитные к власти остались без ответа, они решили отстаивать своё право с оружием в руках. Масла в огонь подлили слухи, что в Приморье и Забайкалье уже «попыхают» восстания против большевиков и их губительной антинародной политики. Люди, побывавшие в китайском Харбине, уверяли, что там об этом пишут в эмигрантских газетах.

Организатором восстания на Амуре стало волостное село Тамбовка. Здесь оказалось немало людей грамотных, инициативных, пользующихся авторитетом в крестьянской среде. Они и возглавили восставших.

Решение о вооруженном выступлении принималось на состоявшемся в Тамбовке собрании, на которое съехались мужики из почти двух десятков деревень. Они подошли к организации необычного для них дела обстоятельно, досконально продумывая всё до мелочей. Во-первых, приняли решение о создании повстанческой армии, командующим которой избрали крестьянина из села Николаевки Николая Корженевского. Затем учредили Тамбовский фронт, провозгласив начальником его штаба ветеринарного фельдшера из Тамбовки Петра Чешева. Наконец, избрали временное Амурское правительство во главе с другим Чешевым – Родионом (всего Чешевых было 8 братьев и все заняли какие-то командные должности).

Перед амурским правительством собрание поставило задачу: обеспечить политические свободы, неприкосновенность личности и имущества, но главное – изменить налоговую политику так, чтобы она не разоряла налогоплательщиков. Власть большевиков отменялась, вместо сельских советов предлагалось избрать сельские комитеты. А в качестве флага восставших объявлялся не красный, а прежний российский триколор. В заключение собрание приняло воззвание к гражданам Приамурья, Приморья, Забайкалья и всей России с призывом подняться против большевиков за свои права.

Восстание началось с того, что 14 января 1924 года во многих сёлах крестьяне арестовали представителей местной власти, а над волостными и сельскими правлениями подняли трехцветные флаги. О том, какая атмосфера царила в этих сёлах, можно судить по одному документу, приведённому в очерке Валерия Макия «... и был год 1924-й», опубликованном в 2004 году.

В. Макий в течение 13 лет был старшим помощником прокурора Амурской области, участвовал в огромной работе по реабилитации жертв политических репрессий. Среди прочих документов ОГПУ он обнаружил собственноручное показание крестьянина Митрофана Яковлева, в котором говорилось:

«Когда я подъехал к волости, то там увиделся с отрядом Аркашова, которого знал лично. Смотрю, а вместо красного флага висит флаг трехцветный. Константиновские мужики снимали шапки перед флагом и крестятся со словами: «Слава Богу, теперь у нас царь-батюшка». Собрались люди. Много среди них знакомых. Они с шумом выражали свою радость, видя развивающийся царский флаг. Кричали, что настал конец коммунистам и советской власти и что они вновь станут казаками. Слышались лозунги: «Долой советскую власть!», «Да здравствует царь Николай!»

Это какие же преступления перед народом надо было совершить новой, ленинской, власти, чтобы вызвать такую ненависть у людей, ещё недавно защищавших революцию с оружием в руках?

Крестьянское восстание в Амурской области продолжалось всего одну неделю – с 14 по 21 января 1924 года. Власть направила против восставших регулярные силы Красной Армии, и крестьяне сложили то небольшое оружие, которое у них было.

Теперь за дело взялись сельские коммунисты и комсомольцы, которые во время короткого восстания сидели в чуланах под охраной. Они выводили посадивших их односельчан за околицу и там - в лесу или в поле – расстреливали без суда и следствия. Никаких документов об этом не сохранилось – видимо, их просто не составляли. Но людская молва разнесла по городам и весям, что, например, только вблизи Тамбовки и Ниж-

ней Полтавки в первые дни после разгрома восстания расстреляли более тысячи человек.

Одновременно за дело принялись и органы ОГПУ. Тех, кого не расстреляли деревенские коммунисты и комсомольцы, начали судить. О том, как проходила эта кампания, рассказал спустя много десятилетий помощник прокурора области В. П. Макий. Он, в частности, пишет, в уже упоминавшемся очерке:

«В считанные дни силами оперативного состава местного губернского ГПУ было расследовано несколько десятков уголовных дел более чем на 400 человек - жителей сёл и хуторов преимущественно Благовещенского уезда. О качестве так называемого расследования говорить не приходится. Это был набор на скорую руку корявых допросов, из которых невозможно определить суть вины участников происходивших событий. Обычно содержание показаний сводилось к следующему: был сельский сход, были ораторы, народ шумел, возмущался; были вооружённые конные люди, была пальба, были случаи захвата коммунистов, вооружённые люди приезжали и уезжали, наблюдались случаи насильственной мобилизации.

В общем, за редчайшим исключением, никакой конкретики. Вчитываясь в пожелтевшие строки архивных документов, приходишь к выводу, что от «авторов следствия» и не требовалось установления истины. Иначе, чего доброго, можно было докопаться до первопричины крестьянского гнева и оправдать восставших».

Оперуполномоченному, который вершил суд, заранее вручался список лиц, подлежащих расстрелу. В. Макий пишет, что иногда в деле обнаруживались и эти списки, которые так и назывались: «Список лиц, подлежащих расстрелу». Сохранилось и несколько десятков расстрельных приговоров, по которым можно представить, как проходил этот этап возмездия бунтовщикам. В книге Л. Журавлёва и Л. Топорковой «Трагедия села Козьмодемьяновка», изданной в 2006 году в Благовещенске, приводится образец такого приговора.

« Постановление
24 февраля с. г., село Тамбовка

Я, уполномоченный особого отдела Амурского Губотдела ОГПУ полевой группы войск Амурской губ. Кореньков Михаил Антонович, рассмотрев дело о гражданах... (приводятся фамилии, имена и отчества 25 человек, указывается их возраст и отсутствие у всех судимости), признал их виновными (в чём именно виновными - не говорится).

Постановляю:

граждан (снова перечисляются те же фамилии, имена и отчества) подвергнуть высшей мере наказания
расстрелять,
произведя конфискацию всего имущества, где бы оно не находилось и в чём бы оно не состояло.

Уполномоченный стоит под-
пись.»

Такими коллективными приговорами, авторы которых не забывали о конфискации имущества, но не вспоминали о требовании указать хотя бы общими словами, в чём же конкретно виновен подсудимый – участвовал ли он в бунте односельчан или, может быть, только присутствовать при этом, – были одним чохом отправлены на тот свет в Тамбовке – 60 человек (два приговора), Козьмодемьянске – 31, Константиновке и Гильчане – по 21, Николаевке – 18, Грибском - 17 и т. д.

Поражает жестокость, с которой чоновцы (командиры и бойцы частей особого назначения) расправлялись с уже побеждёнными и сложившими оружие повстанцами. Амурский историк И. Щукин, изучавший Зазейское восстания во всех деталях, пишет в книге «Очерки истории Тамбовского района Амурской области», с каким изуверством победители использовали для казней обычные ружейные шомпола:

«Некоторые старожилы вспоминали, что их родственники, побывавшие в руках бойцов ЧОНа, спустя несколько дней после этого умирали в мучениях: шомпол им вставляли в задний проход... в результате такой меры воздействия у людей разрывались внутренние органы, хотя следов побоев не было».

Конечно, и в лагере повстанцев имели место случаи беззакония. Они не только арестовывали и сажали в чуланы ненавистных советских работников, коммунистов и комсомольцев, но

подчас и расстреливали на месте тех, кто особо усердствовал при изъятии «единого налога». Были среди бунтующих и откровенные бандиты, которые всегда особенно активны при народных волнениях. Они убивали, как правило, тех, кто не имел отношения к сбору налогов – например, на одной мельнице расстреляли несколько рабочих-мукомолов, в деревне – несколько подростков и т. д. Но за всё время короткого мятежа от рук повстанцев, в том числе и бандитов, погибло чуть больше 30 человек.

Однако бунт есть бунт, этой стихией, как правило, никто не управляет. Расправу же над крестьянами уже после подавления восстания организовало государство, которое обязано было руководствоваться законами – выявляя и наказывая виновных, не допускать преследования невиновных. Но где уж там... Жертвами репрессий, как правило, становились не те, кто действительно убивал совработников, коммунистов, комсомольцев (они своевременно удрали за Амур), а, главным образом, крестьяне, проживающие в мятежных деревнях. Их вина, как пишет И. Щукин, формулировалась так: «бегал с винтовкой», «бегал по деревне с берданкой», «стоял в карауле». Но винтовок и бердан у восставших было мало – по признанию самих чоновцев, одна на пять человек. Поэтому остальные обвинения, на основании которых выносились расстрельные приговоры, были ещё смехотворнее: «проявлял активность», «состоял в организации» (хотя никаких «организаций» у крестьян не было).

Казалось бы, после таких массовых расправ судить больше некого. Но нашли ещё 58 участников восстания, над которыми решили устроить показательный суд. Чтобы, стало быть, никто не мог усомниться в том, что советская власть даже со своими недругами поступают всегда по закону.

Поскольку процесс преследовал политическую цель, то все приговоры, а также другие документы заранее готовились и обсуждались в губкоме РКП(б) и ГПУ. Партийное руководство давно уже объявило Зазейское восстание не крестьянским, а кулацким, организованным «белогвардейщиной из-за кордона». Мол, введение «единого налога» тут ни причём, главная причина восстания – лютая ненависть кулаков к Советской власти.

Чтобы подкрепить эти заявления фактами, губком начал

проводить крестьянские собрания в поддержку родной местной и центральной власти. И – о, чудо! - там, где побывали представители губкома, мужики начали отказываться от своих недавних требований ослабить налоговый пресс. Об этом постоянно информировала общественность областная партийная газета «Амурская правда». Вот, например, какую резолюцию приняло собрание 125 делегатов от имени крестьян Архаринской волости: «Мы, как сознательные граждане, на лозунг белобандитов «Далой налог!» отвечаем своим лозунгом: «Рабоче-крестьянское правительство без налога строить хозяйство не может, мы же и Рабоче-крестьянское правительство – одно целое».

А в самых «повстанческих» сёлах Тамбовской, Гильчинской и Поярковской волостей, где проводил сходы под охраной регулярных войск председатель Благовещенского уездного исполкома товарищ Барвинский, мужики, по его информации, дружно кричали: «Ура Коммунистической Партии! Да здравствует большевизм! Налог заплатим полностью!»

Но вот незадача. Ознакомившись с делами 58 участников восстания, которых предстояло судить, губернский прокурор Покровский вспомнил, что он не только коммунист, но ещё и юрист, представитель закона, и заявил на заседании губкома: «Нет никакой возможности охарактеризовать движение как «кулацкое». Кулаков среди участников процесса не больше восьми».

Среди тех, кто сразу после восстания ушел за Амур и таким образом избежал расправы, тоже было большинство бедняков. Тем не менее губком ещё раз признал мятеж кулацким, полностью организованным из-за рубежа, и судебное заседание пошло по нужному сценарию.

Слушание началось 21 апреля 1924 года в Благовещенске. Однако судом это можно было назвать с большой натяжкой, так как большевики считали международные юридические нормы, требующие соблюдать права обвиняемых, буржуазными пережитками. На скамье подсудимых оказались лишь крестьяне, как правило, имеющие слабое отношение к бунту, но не было главных виновников, чьи бандитские действия и вызвали бунт – представителей органов власти, прежде всего – руководителей Дальревкома. Никто и не собирался выяснять, почему на Амуре

в конце 1922 года, когда НЭП уже начал приносить реальные, зримые плоды, ввели грабительский, ничем не обоснованный «единый налог», противоречащий элементарной логике и всем юридическим нормам, а в 1923-м – повысили уровень налога до высшего разряда, что отбросило местное крестьянство к худшим временам «военного коммунизма». Гневные стрелы пролетарских судей были направлены лишь против тех, кто, будучи законопослушными гражданами, вначале пытались отстоять свои законные права мирными средствами – с помощью челобитных местным органам власти и только когда ничего не добились, стали действовать более радикально.

Правда, приговор на этот раз был более мягким, чем выносили уполномоченные ОГПУ. Из 58 обвиняемых к расстрелу приговорили 21-го, 17 человек получили разные сроки лишения свободы с конфискацией имущества, а 20 оправдали. Это должно было продемонстрировать всему миру, что пролетарский суд хотя и суров, но справедлив.

Однако всё это – и крестьянские сходы в поддержку власти, и так называемые суды – было лишь игрой на публику, призванной скрыть, либо оправдать злодеяния власти, успокоить общественное мнение. А настроение людей оставалось беспокойным. Восстание хоть и было разгромлено, но крестьяне так и не покорились. Как утверждают некоторые сегодняшние исследователи, на организованных властью сходах даже в присутствии чиновников мужики, осуждая «белобандитизм» и высказывая сожаление по поводу актов беззакония со стороны восставших, решительно требовали уменьшить сельхозналог и отсрочить его оплату. Даже после подавления мятежа не прекращались и вооруженные выступления отдельных групп крестьян, наводившие ужас на партработников. И. Рощин пишет что, по рассказам старожилов, далеко не все повстанцы сдали властям оружие, что «отступающие мятежники на ряде заброшенных заимок побросали в сухие колодцы свои винтовки, ружья, сабли с надеждой вернуться за ними в более благоприятное время, а колодцы сверху разрушили».

Убедившись, что одними репрессиями крестьянство не успокоить, власти сделали, наконец, то, чего мужики добива-

лись изначально, с конца 1922 года мирными средствами: сельхозналог снизили вдвое! Кроме того, в мятежных волостях сроки сбора налогов были продлены, никаких репрессий к неплательщикам губисполком решил не применять.

Это стало косвенным признанием со стороны власти, что с самого начала требования крестьян были справедливыми, а решение Дальревкома о взвинчивании налога, вызвавшее столько страданий у сельского населения, наоборот, преступным. Вот кого следовало бы посадить на скамью подсудимых – членов Дальревкома. Но Ленин так устроил большевистскую власть, что привлекать в ней к ответственности даже при наличии самых страшных преступлений было некого: решения-то принимались коллективно, а коллегиальные органы неподсудны.

Когда страсти с обеих сторон поостыли и первый шаг к примирению с крестьянами был сделан, можно было ожидать, что ситуация в области быстро войдёт в нормативное русло. Ан нет. Большевики перестали бы быть большевиками, если бы они вдруг совсем отказались от террора. Вслед за сокращением размера продналога губисполком сделал, как казалось, следующий шаг навстречу крестьянам – объявил амнистию тем участникам восстания, которые ушли за кордон (кроме главарей). В агитационной листовке, направленной за Амур, говорилось:

«Товарищи крестьяне!

Ничто не должно препятствовать честному мирному труду. Амурский губисполком призывает всех крестьян, перешедших на китайскую сторону, немедленно вернуться к своему труду. Помните, что вовремя раскаявшихся советская власть не карает... Да здравствует Мирный труд!»

Эта листовка гуляла по амурским сёлам как свидетельство величайшей гуманности советской власти. Когда она была заброшена в Китай, многие там посчитали решение губисполкома ловушкой, но 19 мужиков, видимо, не чувствовавших за особой вины, всё же решили вернуться домой. Все они были тут же арестованы и редстали перед судом. А гуманные пролетарские судьи, проведя заседание без лишнего шума, за закрытыми дверями, не предавая приговор огласке, отправили этих людей в лагеря на разные сроки, в том числе – на 10 лет с конфискацией

имущества.

Через некоторое время вернулась из-за кордона вторая группа участников восстания – 40 рядовых казаков хутора Константиновского. Границу-то казаки пересекли, но до семей так и не добрались. И. Роцин в уже упомянутой книге приводит выдержки из письма жён этих «амнистированных», направленного в губисполком:

«Они вернулись согласно декретов советского правительства, – говорилось в письме. – Все вернулись, кроме Чешева, Кривенко и Аркашова (руководителей восстания – *А. К.*), после чего 40 человек вернувшихся были арестованы и перевезены в село Тамбовку, где 32 из них расстреляны, а участь остальных восьми неизвестна. Спустя полгода арестовали ещё 15 человек (не говорится, перешедших из-за кордона или оставшихся дома – *А. К.*). Аресты проводились товарищем Малаковичем, арестованные уже не участвовали в отряде, после чего их дальнейшая судьба неизвестна».

Неизвестной для авторов письма она так и осталась. Но мы сегодня хорошо знаем, что произошло с этими несчастными. И. Роцин пишет, что уже после всех погромов, судов, амнистий, когда власть вдвое снизила сельхозналог, а крестьяне полностью сложили оружие и вроде бы установилась нормальная мирная жизнь, по области вдруг прокатилась новая волна репрессий. В секретных документах местного ОГПУ приводится число репрессированных – около четырёх сотен. Однако историки считают, что цифра занижена как минимум в два с половиной раза.

После всех этих событий амурские крестьяне окончательно перестали считать советскую власть хотя бы чуть-чуть своей, народной. Даже когда и сюда докатился НЭП, а жизнь в деревне начала постепенно налаживаться, они постоянно ожидали от этой власти какого-нибудь подвоха, а то и предательства. И дождались: по селам пополз зловещий слух, что якобы Москва требует ликвидировать единоличные крестьянские хозяйства, вместо них создать уже не коммуны и товарищества, как прежде, а какие-то неведомые колхозы и совхозы. Газеты подтвердили это и разъяснили, что, мол, единоличник не может применять на своём небольшом клочке земли современную передовую тех-

нику, отсюда-де и хлеба в стране не хватает. Поэтому стране позарез нужны колхозы.

– Как это не могут применить передовую технику? – удивлялись амурские мужики.

Уже где-где, а на Амуре очень хорошо знали, что такое самая современная передовая техника. Ещё недавно, как уже знает читатель, всё, что производилось в Америке для сельского хозяйства, сразу же завозилось в Приамурье и приобреталось именно крестьянами-единоличниками. Перед первой мировой войной в области насчитывалось свыше 30 тысяч единиц самых разных машин, и американские производители очень дорожили амурским рынком.

Правда, тогда только начали поступать сюда американские трактора, но и в США они в то время производились поштучно. Теперь же, как писали в специальных журналах, тракторов в Америке работало 6 тысяч штук, а комбинированных жнеек-молотилок – 11 тысяч! Почему же, спрашивали мужики, эти современные машины смогли приобрести и использовать американские фермеры, по сути такие же крестьяне-единоличники, а нам это сделать слабо?

Произносить, однако, такие слова принародно, в присутствии представителей власти, никто не решался. Деревня затаилась в предчувствии приближение новой большой беды.

И грянул роковой для российского сельского хозяйства 1929 год ...

О том, как начиналась и проходила коллективизация, в нашем обществе и по сей день бытует 2 диаметрально противоположные версии. Одна – официальная, озвученная большевиками. Она утверждает, что это был триумф сталинской аграрной политики. Мол, крестьяне с энтузиазмом откликнулись на призыв партии и чуть ли не строем, с песней ринулись в колхозы.

Сию версию подтверждает и такой авторитетный человек, как Михаил Шолохов – кстати, единственный из советских пи-

сателей. Вот как описывает он в своём знаменитом романе «Поднятая целина» первое собрание активистов в хуторе Гремячий Лог на Дону, на котором представитель из города Семён Давыдов предложил казакам организовать колхоз.

«– Вы должны объединиться в колхоз, обобществить землю, весь свой инструмент, и скот (сказал он – *А. К.*). А зачем в колхоз? А затем, что жить так дальше невозможно же... С хлебом трудности от того, что кулак его гноит в земле, у него с бoем хлеб приходится брать. А вы и рады бы сдать, да у самих маловато. Середнячко-бедняцким хлебом Советский Союз не прокормишь ... Только трактор и может выручить, факт. Бедному середняку-одиночке купить трактор слабо: кишка тонка. Значит, чтобы купить, нужно коллективно соединиться батраком, беднякам и середнякам. Трактор такая машина, вам известная, что гонять её на малом куске земли – дело убыточное, ему большой гон надо... Так вот, я говорю, товарищи: только через колхозы можно...

– Да ты нас не агитируй! Мы с потрохами в колхоз пойдём, – перебил его красный партизан Павел Любишкин.

– Согласны с колхозом!

– Артелью и батьку хорошо бить...

– Чего ты, чудака, нас за советскую власть агитируешь?

– Жилы кулаку перережьте, тогда пойдём! Отдайте нам его машины, его быков, силу его отдайте, тогда будет наше равенство.

– В этом и есть политика нашей партии (опять слова Давыдова – *А. К.*). Уничтожить кулака как класс, имущество его отдать колхозом, факт... Товарищ Сталин точно подсчитал и сказал: уволить кулака из жизни! Отдать его имущество колхозам.

– Так мы же с дорогою душою в колхоз!

– Хоть нынче ночью!

– Записывай зараз!

– Кулаков громить ведите.

– Кто записывается в колхоз, поднимай руку, – предложил Нагульнов.

При подсчёте поднятых рук оказалось тридцать три. Кто-то, обеспамятев, поднял лишнюю».

А через два месяца в Гремячинском колхозе значились уже все 217 дворов. Люди шли в колхоз, пишет Шолохов, «то ли из-за опасения попасть в немилость к начальству, то ли просто охваченные могущественным порывом».

Про опасение попасть в немилость к советской власти классик упомянул скорее всего ради красного словца. Свободолюбивые донские казаки всегда уважали своё начальство, но никогда его не боялись. Стало быть 217 дворов казачьего хутора Гремячий Лог увлѣк в колхоз совсем не страх, а исключительно «могущественный порыв».

Таким же «порывом», надо полагать, были охвачены и другие регионы страны. Ведь пятилетним планом экономического развития СССР было предусмотрено провести коллективизацию всего сельского хозяйства за пять лет, а коллективизировали почти полностью за один год! Так сообщали средства пропаганды. Вот, стало быть, как неудержимо крестьянская масса рвалась в колхозы!

Воодушевлѣнный бодрими рапортами с мест о высоких темпах коллективизации Сталин заявил в конце 1929 года: «Если развитие колхозов и совхозов пойдѣт усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных, если не самой хлебной страной в мире».

На вдохновенные слова вождя колхозно-совхозная деревня, как следует из официальной версии, ответила ударным трудом. Об этом постоянно сообщалось в печати, по радио, с киноэкранов и концертных подмостков. Знаменитый хор имени Пятницкого, например, на всех своих выступлениях исполнял песню, сочинѣнную от имени крестьян и называемую народной:

Урожай богатый сняли,
В гости Сталина позвали,
Сталина – орла (2 *раза*):
Приезжай, отец родимый,
Посмотреть колхоз любимый,
Как зажили мы (2 *раза*).
Много хлеба на полях,
Много хлеба в закромах,

Приезжай, родной! (2 раза).

А не сходившие с киноэкранов художественные фильмы «Трактористы», «Богатая невеста», «Свинарка и Пастух» наглядно, в лицах, показывали гражданам страны, как зажиточно, дружно и весело живут теперь крестьяне в любимых ими колхозах и совхозах.

В общем восторженном хоре не слышно было лишь голоса ЦСУ – Центрального статистического управления СССР, призванного вести в стране строгий научный учёт всего и вся. Этот уважаемый, хорошо информированный орган по-прежнему готовил ежегодные отчёты о социально-экономическом положении в стране, только сельскохозяйственный раздел в них составлял больше тысячи книжных страниц. На этих страницах отражалось всё, что представляло хоть какой-то интерес для общества. Были там и конкретные цифровые данные, как выполняется сталинский план «машинизации» сельхозпроизводства, насколько изменились сборы зерна, надои молока, привесы скота и т. д. Но увесистые тома, созданные титаническим трудом тысяч людей, отправлялись прямым в архив, потому что они противоречили официальной пропаганде.

В марте 1933 года Сталин заявил на совместном заседании ЦК и ЦКК ВКП(б), что первый пятилетний план экономического развития СССР успешно выполнен за 4 года и 3 месяца (хозяйственный год тогда начинался с 1 сентября). Его неторопливая, с грузинским акцентом, речь вызвала в зале взрыв ликования. Ведь это была оглушительная победа партии, народа, страны, первыми в мире строивших социализм! Правда, и теперь вождь не ссылался на ЦСУ, не назвал ни одной цифры, не привёл таблиц, диаграмм и т. п. Но никому и в голову не пришло усомниться в правдивости его слов. Для партийных пропагандистов, исследователей, авторов учебников заявление будущего отца народов на несколько десятилетий заменило документальные источники, в том числе и справочники ЦСУ.

Другая, неофициальная, версия коллективизации долгое

время была под запретом. Жесточайшая цензура, неусыпная охрана заповедной зоны 1929-1933 гг. могущественными ОГПУ – НКВД, прямой контроль партийных органов за работой писателей, журналистов, историков не позволяли иным толкованиям происходящих событий пробиться в печать, литературу, кино и т. д.

Решительно пресекалась утечка из деревень устной информации. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицын вспоминает, что в одном из концлагерей он встретил заключённого, которому дали большой срок лишь за то, что тот принародно спросил у первого секретаря райкома партии, почему в колхозе семь лет ничего не платят людям за работу? Такая реакция властей на малейшее проявление народного недовольства надолго заставила крестьян держать язык за зубами.

Мало что изменилось и в послевоенные десятилетия. Даже когда Хрущев развенчал культ личности Сталина, а партия официально признала наличие «перегибов» при коллективизации, для исследователей этот период истории по-прежнему оставался надолго закрытым.

Только в середине 70-х годов известный советский публицист, сотрудник международного журнала «Проблемы мира и социализма» Отто Лацис всё же сумел написать книгу о коллективизации. Изучив доступные ему партийные и советские документы, он высказал свою точку зрения на события 1929-1933 гг., отличающуюся от официальной. Но рукопись его книги так и не дошла до издательства. Сначала она оказалась в КГБ, потом в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. Лацису вкатили выговор по партийной линии, сняли его с работы, а по поводу книги сказали, что в ближайшие пятьдесят лет она уж точно не будет издана

От более крутой расправы журналиста спасла его международное известность. А вот у нашего земляка писателя Бориса Черных такой известности не было. В 70-е годы он тоже начал работать над книгой о создании колхозов – документальной, публицистической. Решил рассказать в ней не о вымышленных героях, как Михаил Шолохов, а о реальных людях с подлинными фамилиями, именами, адресами, ни на иоту не изменяя и не подправляя факты. Поэтому и жанр своего произведения назвал соответственно – «Хроники».

Вскоре, однако, Черных заметил, что к его личности пристально присматриваются работники КГБ и прокуратуры. Он ещё не закончил работу, а в этих органах уже знали примерное содержание будущей книги. Их люди прошли по следам автора и выяснили, с кем и о чём тот говорил, какие изучал архивы.

То, чём занимался писатель, по мнению чекистов, могло потянуть на хорошую статью уголовного кодекса. Но и Черных оказался не лыком шит. Как ни старались сыщики, найти спрятанный им машинописный текст книги так и не смогли. А на нет и суда нет.

Но расправа над инакомыслящими для тогдашней власти считалось делом святым. Несколько лет за писателем велась каждодневная слежка, против него собирался компромат. Однако заполучить удалось лишь показания нескольких свидетелей о том, что, мол, Борис Иванович неоднократно в кругу писателей, учителей, молодёжи осуждал колхозно-совхозный строй. Только в том и состояла его вина. Но на основании этих показаний человека отравили на пять лет в лагерь... за антисоветскую деятельность.

С таким маниакальным упорством партия охраняла тайну 1929-1933 годов вплоть до самой своей кончины. Лишь благодаря горбачевской перестройке накануне распада СССР Лацис и Черных смогли найти независимых издателей и опубликовать свои произведения. Когда сегодня их начинаешь читать, становится понятно, почему КПСС – НКВД – КГБ так боялись правды о коллективизации.

Она для них была что нож к горлу, потому что в деревне тех лет на самом деле не наблюдалось никакого «могущественного порыва», якобы увлекшего крестьян в колхозы, а, наоборот, имели место массовое сопротивление «околхозиванию» сельского населения, нежелание большинства мужиков отдавать неизвестно кому земельные участки, скот, инвентарь. Советская власть добивалась желаемого как правило с помощью насилия, изощренности которого, наверно, позавидовала бы даже средневековая инквизиция. Вот о чём узнаём мы, например, из книги Бориса Черных.

«В 1929 году угнали отца на лесозаготовки, он застудил там печень и умер, мать осталась с четырьмя детьми, - рассказа-

ла писателю жительница приангарского села Евгеньевка (Черных жил и работал тогда в Иркутской области) Ефросинья Шолохова - Жоголева. - Два старших брата, Борис и Ефим, говорят: «Управимся, мама, без колхозу, мы большие». А на нас раз – и план наложили. Мы всё, что смогли, сдали. И вот слух: «Красная метла по дворам пойдёт». Братья спрятали два последних мешка ржи, но на печке у нас сохло толкуля. Думаем: скажем, это всё, что осталось. Не отберут, думаем, последнее. Но явились, вверх дном всё подняли, нашли рожь в кулях и ту, что на печке сохла, забрали. Алексей Аксютец даже зёрнышки смёл с лежанки. Тянули до лета на одной картошке. А летом мама говорит: «Пойдем в колхоз, чо делать? А то план снова принесут».

Такой конфискационный «план» уже с первых дней коллективизации государство начало использовать в качестве главного «аргумента» в пользу колхозов. Но и он далеко не всегда срабатывал. В селе Микитаево колхозница Мария Нестеренко поведала автору:

«Вызвал моего отца в сельсовет уполномоченный и спрашивает: «Какую цифру выберешь - 24 или 350?» Отец молчит. А уполномоченный: «Ты, я вижу, прикинулся непонимающим. Разъясняю: в колхозе налог 24 рубля в год. А не пойдёшь в колхоз - плати сразу 350 рублей. До утра даю тебе срок на обдумыванье. Утром сам не придёшь, мы явимся с описью». Тятя уполномоченному ответил: «Пойду старуху в колхоз уговаривать. Где ж таки деньги, 350, взять?» Уполномоченный одобрил тятю, а тятя не домой пошел, а по дворам и до ночи собрал эти 350 рублей в долг... И вот утром уполномоченный на двор, а тятя ему на протянутой руке несет деньги и говорит: «Ноги чтоб твоей не было возле дома моего». Тот выиграл, а сделать ничего не может. В следующий раз принесли нам похлеще сумму».

Сумма повторного налога действительно была хлесткой - 1000 рублей. И приносили этот «план» не раз в год, а каждый месяц. После 3-4 таких налогов многие безропотно шли в сельсовет и писали под диктовку уполномоченного: «Учитывая преимущество коллективного хозяйства перед единоличным, я, такой-то, прошу принять меня»... и т. д.

И всё же, несмотря ни на что, оставалось немало непокор-

ных, не желавших идти в колхозы. Не зря ведь поэт Н. А. Некрасов писал о русском крестьянине: «Мужик, что бык: втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не выбаешь - упирается, всяк на своём стоит». Некоторые стояли до последнего издыхания – в прямом смысле. Об одном таком случае Борису Черных рассказали в селе Евгенька: «А Пахом Казакевич... горе с Пахомом. Поступил в сельсовет указ взыскать с Пахома Казакевича налог в 1000 рублей (раз он не хотел идти в колхоз – А. К.). Пахом не дрогнул, продал скот и зерно и внёс налог. Через месяц обложили его ещё на 1000 рублей. В неистовстве мужик продал дом, перешёл жить в баню. Зимой перекантовался. Весной у него отобрали полосу (земли – А. К.) и последнего молоденького жеребёнка. Пахом лег на лавку в бане и перестал выходить на улицу... Отказался от пищи (то есть объявил голодовку – А. К.). К лету Пахома не стало».

Поступок, конечно, из ряда вон выходящий, рассчитанный на цивилизованную власть. Однако не зря большевиков в Европе называли «людоедами» и «крокоидами». На них приёмы, вроде применённого Пахомом Казакевичем, не действовали, даже если бы голодовку объявил не один, а тысячу, сто тысяч и миллион человек. Поэтому в большинстве случаев мужики до крайности дело не доводили. Лишившись земли, скота, сельхозинвентаря, упёртые упрямы шли на заработки в город, на ближайшую станцию, а то и плотничать по деревням, но жизни себя не лишали. Однако и в колхозы не вступали ни под каким видом.

Таких власть начала арестовывать. Делалось это без лишних хлопот. Уполномоченный ОГПУ приезжал в село с заранее подготовленным протоколом заседания «особой тройки» в составе первого секретаря райкома партии, местного прокурора и начальника районного ОГПУ, где уже была указана статья, карающая за контрреволюционную деятельность либо шпионаж в пользу иностранного государства, стояли подписи и печать. Уполномоченному оставалось лишь поставить фамилию осуждённого, дату и указать срок – от 5 до 10 лет по своему усмотрению, что он и делал. Какой именно «контрреволюционной деятельностью» занимался безграмотный мужик, глава большого семейства, и в чём заключался его «шпионаж», в протоколе не

говорилось, а те, кто его подписал, осужденного и в глаза не видели.

Нередко мужики вообще не понимали, за что их арестовывают, в чём обвиняют. В Тулунском районном архиве Борис Черных обнаружил жалобу жителя села Евдогон Григория Автушко, датированную мартом 1930 года. Касалась она бесчинств местной власти по отношению к крестьянам, не желающим вступать в колхоз, но не была засекречена, видимо, потому, что попала не в прокуратуру или ОГПУ, а в райисполком, в его несекретные бумаги. Вот что писал, в частности, Автушко:

«В феврале я был мобилизован на лесозаготовки... За моим отсутствием сельсовет совместно с уполномоченным РИКа т. Богдановым почему-то конфисковал всё до основания моё имущество, не говоря о живом и мёртвом инвентаре, изъяли семенной и продуктовой хлеб, изъяли даже картошку и капусту... А семью, состоящую из жены и малолетних детей, выгнали из дома, поместив в дом на краю села без стёкол, разломана печь и дверь и пр.

Через 20 дней я вернулся с работы, ничего не зная о происшествии, заехал в свой дом, где при входе увидел сидящих граждан Ковалёва Филиппа и Резниченко Дмитрия, которые были изрядно выпивши...

Я приехал в указанное ими помещение и увидел жуткую картину - плачущих детей голодных и в доме 20 градусов мороза.

Не прошло и двух дней, я подвергаюсь аресту, не успев устроить семью, в каковом положении нахожусь до настоящего времени...

Хозяйство моё середняцкое обыкновенное: деревянные постройки, необходимый инвентарь для обработки земли, две лошади, одна корова, семь овец и четверо едоков. Налоги платил вовремя».

Никаких резолюций районного начальства на этой жалобе крестьянина не было – не исключено, что её никто не рассматривал. Скорее всего с Автушко поступили так же, как и с другими арестованными. Когда таких «контрреволюционеров» и «шпионов» набиралось достаточно, их отправляли в концлагеря, а там, вдали от глаз земляков, видимо, за ещё большую «контр-

революционную деятельность» или «шпионаж в особо крупных размерах» многих приговаривали к расстрелу.

Но и этого властям казалось мало. Расправившись со строптивыми главами семейств, они принялись за домочадцев, жён и детей репрессированных – изгоняли из родных деревень и отправляли на спецпоселение, как правило, в глухую северную тайгу. Делалось это даже не по приговору «особой тройки», а всего лишь по разнарядке из райцентра.

В уже упомянутой книге Л. Журавлева и Л. Топорковой «Трагедия села Козьмодемьяновка» приводится такой эпизод. В марте 1931 года в Козьмодемьяновский сельсовет поступила разнарядка отправить на спецпоселение все имеющиеся семьи репрессированных в количестве 179 душ. Но оказалось, что столько этих самых душ не набирается, а ненадлежащее выполнение директивы сверху тоже могли расценить как контрреволюционную деятельность. Вот кто-то и предложил внести в список семью одного из самых работающих колхозников Захара Артёмовича Погорелова: в ней, мол, как раз восемь недостающих душ. И поехал ничего не понимающий мужик с женой и кучей ребятишек среди зимы со скудным запасом харчей в промерзшую амурскую тайгу на верную смерть.

Только в результате одного этого «спецпереселения» в селе Козьмодемьяновке перестали существовать сразу тридцать единоличных крестьянских хозяйств. Они не были коллективизированы - их просто разграбили и уничтожили. А всего за год «великого перелома» Козьмодемьяновка лишилась 76 процентов своего населения: из 2772 жителей здесь осталось лишь чуть больше 650. Остальные находились в концлагерях, на спецпоселении или умерли в своих домах от голода, охватившего в конце первой пятилетки всю страну.

Чего же реально, не на словах, а на деле добились коммунистические лидеры в своём маниакальном стремлении во что бы то ни стало, одним махом, совершить гигантский скачок из нищеты в коммунистический рай? Рассекреченные ныне офици-

альные материалы ЦСУ свидетельствуют, что уже на первом этапе строительства социализма в СССР – в 1928-33 годах они потерпели сокрушительное поражение. Красивым мифом партийной пропаганды оказалось даже утверждение, будто за 4 года и 3 месяца удалось коллективизировать почти 100 процентов крестьянских хозяйств.

На самом деле к концу 1932 года, когда первая пятилетка якобы была успешно выполнена, в колхозы и совхозы объединились лишь 61,5 процента сельских семей. Остальные, несмотря на супердраконовские меры принуждения, так и не пошли в коллективные хозяйства. Часть, как мы уже знаем, была сослана на спецпоселение, другая, лишившись земли, скота и сельхозинвентаря, зарабатывала на жизнь где придется, но большинство «отказников» (там, где власть не была супердраконовской) продолжало крестьянствовать – занималось личными хозяйствами. В 1932 году они дали стране 16, 5 миллиона тонн зерна – больше трети того, что произвели колхозы и совхозы. Хотя крестьянин - единоличник, ничего не получая от государства, вынужден был по-прежнему пахать землю на лошадке, в то время как коллективным хозяйствам власти уже поставили 148 тысяч тракторов и 14 тысяч комбайнов.

Несмотря на такую солидную помощь, колхозы и совхозы оказались плохими производителями сельхозпродукции. В стране упало производство всех сельскохозяйственных культур, мяса, молока, яиц, шерсти. Вот какие данные приводятся в ежегоднике ЦСУ за 1932 год.

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в СССР в хозяйствах всех категорий (центнеров с гектара)

	1928 год – последний перед коллективизацией	1932 год, объяв- ленный Сталиным годом досрочного выполнения пяти- летки
Зерно	76	70
Мясо	4,9	2,8
Молоко	31,0	20,6

Яйцо (млрд шт.)	10,3	4,4
Шерсть (тыс. тонн)	182,0	69,0

Урожайность основных культур в СССР в хозяйствах всех категорий (миллионов голов)

Зерновые	7,9	7,0
Сахарная свекла	132	43
Картофель	82	71

Поголовье скота в СССР в хозяйствах всех категорий (миллионов голов)

Крупный рогатый скот	60,1	38,3
Свиньи	22,0	10,9
Овцы	97,3	43,2
Лошади	32,1	21,7

Как видим, за четыре «победных» года коллективизации сельское хозяйство страны было отброшено далеко назад. Производство некоторых видов сельхозпродукции сократилось даже в два-три раза. А вот с государственными заготовками зерна, молока, мяса и т. д. таких проблем теперь не было. Всё, что производилось в колхозах и совхозах, у них изымалось подчинённо, без сопротивления. Зерно, например, вывозили на районные хлебоприёмные пункты прямо с полей, минуя колхозно-совхозные амбары. Властям и в голову не приходило, что следует хоть немного пшеницы или ржи оставить крестьянам, потому что и они имеют право иногда есть хлеб.

Это очень хорошо показал в уже упоминавшейся книге «Хроники» писатель Борис Черных. Вот что поведал ему бывший председатель одного из первых колхозов Приангарья Николай Илларионович Белов:

«Массив сильный был, взяли по 15 центнеров с гектара. И тут Егоров нагрянул. Увидел ворох хлеба, походил вокруг и велит: «Знатная пшеница, сдай государству». Я в ответ: «Иван Тихонович, этот ворох последний, что на трудодни осталось». А Егоров: «Интересы государства превыше всего». Промолчал я. Утром по приказу Егорова прибыл Отрохов исполнение наблюдать... Спрашивает: «В заготзерно начали возить?» «Начали», -

отвечаю я. А у самого думы: «Что колхозникам на трудодни выдавать? Пшеничные отходы?»

Собрал бригадиров четверых и велел им возить на склад, сколько смогут за день. Не то, мол, люди пухнуть будут. Уполномоченный требует показать, люди уже загрузили подводы... «Вот видишь, говорю, пока они в райцентр отвезут, мы давай пообедаем». В общем, до вечера поил, а люди вывозили на склад. Вывезли 250 тонн зерна. Вечером уполномоченный продрал глаза, поехал проверять. Спрашивает он у мужиков: «Вывезли в Заготзерно?» «Вылезли». «Молодцы. Надо доложить в райком». Доложил, ему разрешили вернуться. Тогда собрал бригадиров и сказал: «Сболтнёте – вместе в лагерь пойдём». Молчат».

Вот так, рискуя головой, спас председатель от большой беды своих колхозников. А в соседних хозяйствах, где выполнили все указания райкома партии, люди к весне действительно начали пухнуть от голода.

Особенно большой нажим на деревню власти предприняли в 1932 году. Во многих колхозах и совхозах считали непосильными доведённые до них планы сдачи государству зерна, отказывались вывозить на заготовительные пункты последнее. Поэтому спешно был принят закон, объявляющий не справляющихся с заданиями «саботажниками хлебозаготовок». А поскольку главными сдатчиками теперь считались колхозы и совхозы, в «черные списки» саботажников стали заносить не только крестьян-единоличников, но и целые сёла. Они отвечали за невыполнение заданий по круговой поруке точно так же, как когда-то крестьянские общины.

Драконовские меры Москва обрушила и на тех партийных работников на местах, которые, по мнению столичных чиновников, миндальничали с саботажниками. Они объявлялись - ни много, ни мало – злейшими врагами народа. «По отношению к этим перерожденцам, врагам советской власти и колхозов, всё ещё имеющим партбилет, – говорилось в совместном постановление ЦК ВКБ(б) и Совета народных комиссаров СССР, - ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5-10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях рас-

стрел».

Крупномасштабное изъятие хлеба у колхозов и совхозов позволило государству, несмотря на сокращение производства зерна в стране, буквально взвинтить его экспорт за границу. Вот как стремительно росли экспортные поставки:

1928 год – 89,3 тысячи тонн;
1929 год – 260 тысяч тонн;
1930 год – 4 миллиона тонн;
1931 год – 5 миллионов 177,9 тысячи тонн;
1932 год – 1 миллион 808 тысяч тонн.

К концу пятилетки советский союз снова, как и при Столыпине, вошёл в число крупнейших экспортёров зерна в мире. Но, в отличие от столыпинского времени, в самой стране, как уже знает читатель, начался чудовищный голод. За 1932-1933 годы от истощения умерло свыше 7 миллионов человек – больше, чем даже в 1921-1922 годах, когда Ленин вынужден был прекратить коммунистический эксперимент в деревне.

Никаких объективных предпосылок в виде природных катаклизмов или крупномасштабных военных действий для такого голода не было. Он возник главным образом по причине избыточного вывоза зерна в Европу. За три года – 1930-й, 1931-й и 1932-й - его было отправлено за рубеж 11, 8 миллиона тонн, что осложнило продовольственную ситуацию в Западной Сибири, Казахстане, на Северном Кавказе, Украине, в бассейне Волги и Дона. Сократи Сталин эти поставки хотя бы до 8 миллионов тонн - трагедии не случилось бы. Трёх миллионов тонн было достаточно, чтобы в течение двух лет кормить 7 миллионов человек, исходя из половины научно обоснованной нормы питания. Во время Великой отечественной войны людям выдавали по карточкам куда меньше, но ни в одном регионе страны, включая блокадный Ленинград, голодомора не наблюдалось.

Получается, Сталин осознанно бросил миллионы человеческих жизней в топку индустриализации - ради «большого скачка» в тяжелой промышленности. Однако такая фантастическая жертва не принесла ему желаемого результата. Ни один из

намеченных рубежей в первой пятилетке так и не был взят. Вот данные ЦСУ по некоторым отраслям тяжелой индустрии.

*Объёмы промышленного производства в СССР
в натуральных показателях*

Вид продукции	Произведено в 1928 году	Задание на последний год пятилетки, намеченное XVI партконференции и V съездом Советов	Повышенное задание в соответствии с указанием Сталина	Фактически произведено в 1932 году, объявленным Сталиным последним годом пятилетки
Нефть, млн. тонн	11,6	22	45-46	21,4
Чугун, млн. тонн	3,3	10	17	6,2
Тракторы, тыс. шт.	1,3	53	170	48,9
Автомобили, тыс. шт.	0,84	100	200	23,9
Электроэнергия, квт-ч	5	22		13,5
Железная руда, млн. тонн	6,1	19,4		12,1
Сталь, млн. тонн	4,3	10,4		5,9
Прокат, млн. тонн	8,4	8		4,4
Минеральные удобрения, млн. тонн	0,1	8		0,9

Как видим, темпы индустриализации изначально преду-

смагивались очень высокие, а иногда даже запредельные. Добычу нефти, например, планировалось увеличить вдвое, выплавку чугуна - в три раза, выработку электроэнергии - в четыре, выпуск тракторов - в сорок раз и т. д. Специалисты считали, что выполнить эти планы всё-таки можно без ущерба для других отраслей, в том числе и сельского хозяйства. Однако Сталин, став единовластным правителем страны, распорядился увеличить добычу нефти в четыре раза, выплавку чугуна - в пять раз, выпуск тракторов - в 130, а автомобилей в 238 раз! Такой волюнтаристский подход к планированию, не учитывающий реальные возможности страны, серьезно подорвал неокрепший организм молодой советской экономики.

Последствия такого подхода ещё долго давали о себе знать. Труднее всего преодолеть их оказалось сельскому хозяйству. Падение производства сельхозпродукции в стране затянулось на многие годы. Насильственная коллективизация вызвала в деревне глубокий внутренний надлом: став колхозно-совхозной, она превратилась в послушного сдатчика зерна, мяса, молока, овощей, но перестала быть эффективным производителем. Мужик окончательно потерял обретенное при Сталыпине право свободно выращивать и продавать хлеб, что лишило его элементарного стимула к труду. Теперь вся его жизнь проходила как бы по казённому звонку: ему диктовали сверху, что, когда и сколько сеять; какое количество дней отработать до 25 апреля, 1 июня, 30 августа; как организовать сенокос, засыпку семян, сдачу зерна, молока мяса; какие отчёты, кому предоставлять и т. д. В каждом конкретном случае разъяснялось, какие меры наказания последуют при невыполнении. Не оговаривалось лишь одно: что получит мужик за свой труд и получит ли вообще хоть что-то.

Только в 1940 году сбор зерна в стране вновь достиг уровня 1928 года, подтянулась и урожайность. А вот в животноводстве результаты оказались значительно хуже. Если в 1928-м единоличные хозяйства произвели мяса 4 миллиона 900 тысяч тонн, то в 1940-м колхозы, совхозы и частники в общей сложности – лишь 4 миллиона 695 тысяч. поголовье крупного рогатого скота в 1928-м составляло 66, 8 миллиона голов, в 1940-м в общей сложности –

лишь 47 миллионов.

Понимая, что только колхозно-совхозным хлебом и мясом население крупных городов, новостроек, армию не прокормить, правительство в середине 30-х годов обложило натуральным налогом ещё и личные подворья сельчан. Если помнит читать, до коллективизации, ещё в 1928 году, Сталин признавал на пленуме ЦК, что крестьянство в СССР платит как бы двойную дань, которую он назвал «сверхналогом». С созданием колхозов и совхозов эта дань возросла: коллективные хозяйства сдавали государству практически всё, что производили, почти ничего не оставляя на трудодни. Теперь власть нашла способ увеличить и этот «сверхналог»: залезло в личный карман крестьян, которые, практически бесплатно работая в общественном хозяйстве, никому ничего не были должны. Государство обязало каждую деревенскую семью ежегодно сдавать из того, что производилось для собственного пропитания: 500 килограммов картофеля (10 мешков), 50 килограммов мяса (треть забитого на зиму бычка), 10 килограммов коровьего масла, пять килограммов шерсти, 100 штук яиц.

Кроме того, каждое подворье облагалась ещё и денежным налогом - по 80 рублей в год. Это вообще было разорительно. Помните, у Черных: в первые годы коллективизации деньгами с колхозников брали всего 24 рубля. Теперь, стало быть, эта сумма увеличилась в три с лишним раза! Денег же мужикам взять было неоткуда. Поэтому из того, что осталось после сдачи натурального налога, ещё какую-то часть приходилось везти на городской рынок. А остатки делить, чтобы хватило до следующего урожая.

Так впроголодь, и жила деревня перед Великой отечественной войной.

На этом описание коллективизации российского сельского хозяйства можно было бы и закончить. Худо-бедно, совсем не так, как обещал Сталин, деревня в 30-е годы всё-таки стала колхозно-совхозной. Явление зловещего коммунистического при-

зрака на христианскую Русь, хоть и не с первого раза, но состоялось. Второе его пришествие было не менее трагическим, чем первое. Однако всё когда-то кончается. Вот и для крестьян ужасы коллективизации сменились привычной каждодневной работой – в поле, на покосе, в коровнике и т. д. У многих вскоре даже появилась надежда, что и при колхозах со временем в деревню придет достойная жизнь.

Увы, это была несбыточная мечта. Ибо зажиточные колхозники, как и зажиточные крестьяне, никак не вписывались в большевистское понимание социализма. По поводу крестьян Ленин прямо сказал, что любой из них, даже если он сам вырастил хлеб и пытается его продать, является государственным преступником, хуже бандита. Ещё круче выразился Сталин: таких, мол, надо исключать из жизни! То есть, видимо, расстреливать, что он вскоре и начал делать.

Но это – когда речь шла о крестьянах-единоличниках. Колхозникам же большевики, наоборот, обещали в недалеком будущем богатую, счастливую и вольную жизнь без всяких раскулачиваний и вообще каких-либо притеснений. Формула такой жизни была проста и понятна каждому: трудись как папа Карло, и изобилие само хлынет в твой дом. А что ещё требовалось простому русскому мужику и его домочадцам?

Однако обещание большевиков оказалось лишь фальшивой приманкой. На деле же новым правителям России, как уже говорилось, вовсе не нужны были ни зажиточные колхозники, ни богатые колхозы. Это стало понятно уже в первые месяцы коллективизации, когда по всей стране начались массовые погромы зажиточных крестьян, то есть, по-большевицкой терминологии, кулаков.

Одновременно выяснялось, что среди ранее созданных колхозов, сельхозкооперативов и сельхозартелей тоже есть не бедные. И их принялись громить, жечь, грабить под личным руководством комиссаров в кожаных куртках.

К сожалению, эта страница истории «социалистического строительства» в СССР нынешним россиянам практически не известна. В свое время вместе с другими событиями коллективизации она попала в так называемую «полосу умолчания», и

лишь в 2008 году ректор Заокского христианского гуманитарно-экономического института, доктор богословия Е. Зайцев рассказал о трагедии, постигшей людей, поверивших большевикам и первыми, добровольно, без принуждения, объединившихся в коллективные хозяйства. В своей книге «История церкви адвентистов седьмого дня в России», он, к сожалению, приводит примеры лишь их своей церкви, но то же самое было и с другими религиозными объединениями, согласившимися сотрудничать с большевиками. Об этом «сотрудничестве» следует рассказать особо.

Всё началось с того, что в октябре 1921 года, в самый пик бушевавшего в стране небывалого голода, когда люди умирали, как мухи, в советских газетах появилось необычное воззвание Народного Комиссариата Земледелия. Могуущественный Наркомзем призывал старообрядцев и других сектантов страны забыть религиозные разногласия с государством, вернуться на пустующие земли и своим ударным трудом принять участие в подъёме социалистического сельского хозяйства.

Необычность этого возвания заключалась в том, что оно противоречило официальной политике партии и правительства по отношению к церкви и религии. Большевики с первых дней после прихода к власти занимали в этом вопросе бескомпромиссную позицию: они стали беспощадно искоренять любые проявления религиозности в сознании народа. Ленин даже гордился тем, что Октябрьская революция нанесла по церкви такой сокрушительный удар, какого не наносила ни одна предыдущая революция в мире.

После октября 1917 года для верующих в России наступили чёрные дни, страной правили воинствующие безбожники. В городах взрывались храмы, сельские приходы превращались в склады и конюшни. Все сокровища Русской православной церкви, часть которых само церковное руководство предложило властям использовать для поддержки голодающих, были в одночасье разграблены. Началось физическое уничтожение священнослужителей.

Поэтому воззвание Наркомзема вызвало у людей противоречивые чувства. У многих появилась надежда: мол, если уж

Наркомзем призывает к сотрудничеству староверов и сектантов, то это хороший признак. Видать, голод научил большевиков, что не следует вступать в конфронтацию с народом, пусть он даже и верующий. Ведь люди, живущие по заповедям Христа, хотят стране только добра, они готовы живота своего не щадить ради процветания отечества. За что же их так-то – огнём, свинцом, в прорубь?.. Много натерпелись староверы и сектанты при царе, но такого произвола, как теперь, прежняя власть не допускала. Поэтому другая часть верующих считала, что воззвание Наркомзема – это подвох.

Но никакого подвоха не было. В высшем руководстве партии, кроме воинствующих атеистов, находились и люди, терпимо относящиеся к религии и искренне желавшие сотрудничества с верующими. Одним из них был секретарь Ленина, известный учёный, многие годы исследовавший сектанство, В. Д. Бонч - Бруевич. Выступая со статьями в печати, он указывал на исключительное трудолюбие сектантов, на то, что староверы, например, уйдя с нажитых мест в глухие уголки, живут общинами, похожими на коммуны, но добиваются значительно лучших экономических результатов, чем крестьяне в советских коммунах. Секретарь Ленина считал, что не использовать потенциал этих людей в социалистическом строительстве на селе было бы преступлением.

Позицию Богч-Бруевича поддержал председатель ВЦИК (что-то вроде теперешнего президента страны) М. И. Калинин. При Наркомземе была создана комиссия по оказанию помощи в заселении свободных земель и бывших помещичьих имений старообрядцами и сектантами – сокращенно ОРГКОМСЕКТ. И лёд, как говорится, тронулся.

Исключительное трудолюбие, добросовестность, ответственное отношение к делу крестьян – старообрядцев и сектантов начали быстро приносить плоды. Назывались созданные ими колхозы и коммуны в соответствии со Святым Писанием: «Братский труд», «Царство света», «Братская любовь» и т. д. И эти хозяйства вполне оправдывали свои названия.

Е. Зайцев рассказывает в книге, как крестьяне – адвентисты создавали коммуны в бывшем барском имении под Красноградом на Украине. Объединились в нее 200 мужиков во главе со своим

религиозным руководителем К. Калиниченко. Начинать им пришлось практически с нуля, так как раньше по усадьбе погулял огонь, но они быстро возвели общежитие, школу, молитвенный дом, столовую, прачечную, пошивочную мастерскую, магазин. Так же дружно начали распахивать залежь, сеять зерновые, разводить пчел, завели стадо крупного рогатого скота. А для переработки продукции построили сыроварню, маслодельню, мельницу. И всё это - без каких-либо субсидий от государства.

В коммуне были введены строгие правила. Рабочий день в летнее время продолжался от восхода солнца до его заката. Запрещалось потребление спиртных напитков, курение, сквернословие. Подъём, трапезы, отход ко сну осуществлялись по удару колокола. Те, кому не нравился такой порядок, могли свободно выйти из коммуны. Но таких случаев не было, наоборот, с каждым годом коммуна росла численно и к концу 20-х годов насчитывала уже более трёхсот работников.

Надо сказать, что не всё в адвентистских коммунах было общим. В «Братском труде», например, где руководил К. Калиниченко, на правах индивидуальной собственности, как говорится в книге, мужикам принадлежали жёны, дети и личная одежда, остальное считалось общественным. А вот в сельскохозяйственной артели «Новый путь» в Крыму существовал иной порядок. Артель организовали 12 бедняцких семей, которые построили целую улица на берегу речки.

«Почва довольно плодородная, при усердном труде всех членов коллектива артель ожидает хорошее будущее, – писал посетивший новосёлов руководитель церкви адвентистов седьмого дня в СССР Г. И. Лебсак. – Жилое помещение, сад, картофельное поле и бахчу каждый член имеет особо и обрабатывает своими силами, поля же обрабатываются сообща, и весь урожай хлеба распределяется пропорционально рабочей силе и рабочему скоту».

Хотя адвентистские колхозы, кооперативы, артели и коммуны создавались в основном бедняками, они, получив землю и относительную свободу, очень быстро становились на ноги. По экономическим показателям, доходности, уровню жизни своих членов эти хозяйства отличались от остальных артелей и

коммун как небо и земля. Коммунары-адвентисты выделялись на общем фоне и более высокой культурой, грамотностью, выписывали и читали литературу не только религиозную, но и специальную сельскохозяйственную. Кроме того они помогали остро нуждающимся в других сёлах, тратили деньги на благотворительность.

Всё это вызывало зависть у неудачливых соседей и лютую злобу у местных чиновников, которые никак не могли довести до ума остальные немногочисленные коллективные хозяйства, хотя на их содержание государство выделяло деньги. Коммунарам-христианам стали отказывать в кредитах, хотя они исправно рассчитывались с банком. Когда в 1929 году началась сплошная коллективизация и раскулачивание зажиточных крестьян, то репрессии обрушились и на религиозные коммуны. У верующих коммунаров начали отбирать нажитую честным трудом собственность, растаскивать её по окрестным деревням.

Летом 1929-го вопрос о протестантских коммунах и кооперативах рассматривался в ЦК ВКП(б). Наркомзем получил выволочку за поддержку этих хозяйств, ВЦИКу было дано указание прекратить их кредитование. В ноябре того же года ЦК принял решение вообще ликвидировать все христианские колхозы, коммуны и кооперативы, так как туда, мол, «проникли буржуазно-кулацкие элементы». После этого такие хозяйства были окончательно разгромлены, а люди высланы как враги народа.

Эта акция партийных властей показала крестьянам, что ожидает в будущем их колхозы и совхозы, если те станут успешно хозяйствовать. Власть как бы сама предупреждала мужиков: не смейте работать хорошо, не вздумайте обогащаться! В противном случае пойдете по этапу в Сибирь, на Колыму либо Соловки.

Конечно, то были лишь первые шаги «социалистического строительства» в СССР, поэтому подобные издержки можно было бы отнести на счёт неопытности кадров. Но и с годами отношения между властью и коллективными хозяйствами мало в чём изменились. Ударный труд сельчан власть, конечно, приветствовала – передовикам полей и ферм вручали ордена, медали, почётные грамоты, путевки на Всесоюзную выставку дости-

жений народного хозяйства и т. д. Партийные органы требовали от руководителей хозяйств, чтобы их коллективы ежегодно брали повышенные социалистические обязательства перед государством. Но всё это делалось с единственной целью - засыпать как можно больше сельхозпродукции в закрома государства. Останется ли после этого хоть что-то, что можно было бы засыпать в закрома самих колхозов и совхозов, никого в райкомах, обкомах, ЦК КПСС, правительстве СССР не интересовало. Потому что для партийных чиновников колхозы и совхозы до самой кончины советской империи оставались, как этого требовал Сталин, лишь коллективными сдатчиками сельхозпродукции.

Конечно, со временем во взаимоотношениях власти и хозяйств кое-что изменилось, усовершенствовалось. Но одно оставалось неизменным: когда дело доходило до изъятия результатов труда, партгосорганы становились непреклонными - отдай всё до последнего. А тем руководителям, кто пытался протестовать, грозили уже не Сибирью и Соловками, а цивилизованными карами. Например, такими.

В одном из колхозов Амурской области избрали председателем правления горячего мужика со взрывным характером. Ознакомившись с финансовыми делами хозяйства, он заявил районному начальству:

– Плановую прибыль забирайте, хоть это и не совсем правильно. А из сверхплановой не дам ни копейки.

– Не дашь? – удивились в райкоме партии. – Так тебе же хуже будет.

И исключили колхоз из списка хозяйств, которым полагалась новая техника. Другие обновляли свой машино-тракторный парк, а этим пришлось работать на старье. Ремонтировали трактора, комбайны и работали. Тогда им отказались поставлять запчасти. Потом увеличили цену на горюче-смазочные материалы... Подробнее о том, чем дело кончилось, поговорим в одной из следующих глав.

КАК МЫ ДОГОНЯЛИ АМЕРИКУ

Люди моего поколения, родившиеся перед Великой отечественной войной, хорошо знают цену куска хлеба. Помнят они и то, какой «хлебной» была страна в пору нашего детства, именно в то время, когда Сталин обещал создать в СССР хлебное изобилие. Оно, это изобилие, так и не наступило. Наоборот, в хлебном отношении Советский Союз проигрывал даже с дореволюционными годами, когда весь народ, как утверждала советская пропаганда, был вроде как голодный и несчастный.

Наша бабушка не раз рассказывала нам, детям, о жизни в дореволюционной России. Память у неё была отличная, цепко держала самые давние события. Больше всего из её рассказов меня поразила такой эпизод. В 1916 году, когда земной шар содрогался от раскатов Первой мировой войны, моего будущего деда призвали в армию и отправили на германский фронт. Бабушке, как и другим солдаткам, сразу же выдали пособие на детей. Сердобольный старичок-сосед, желая помочь женщине, принялся давать советы:

– Ты, Матрёна, не шикуй, в ближайшие лавки не ходи, а бери ломового извозчика и поезжай в холодные ряды. Закупай продукты на весь месяц – этак дешевле будет. Сначала грузи крупы, муку, сахар и растительное масло, а за мясом отправляйся на Сенную площадь. Да не хватай сразу то, что увидишь, перво-наперво приценись. На Сенной-то базар крестьяне разное мясо привозят, ты выбирай дешевле.

Бабушка так и сделала. Жалко было тратить деньги на ломового извозчика, но оказалось, что без него и в самом деле не обойтись. Когда вдвоём со старшим сыном восьмилетним Гришей они уложили покупки на телегу, та была загружена до краёв. А ведь шёл третий год кровопролитной войны, страна уже понесла огромные потери, которые коснулись даже самых отдалённых уголков империи. Но пособие детям было из чего платить!

Ровно через четверть века, в июне 1941 года, взяли в армию моего отца. Случилось это на четвёртый день Великой отечественной войны, когда от неожиданного нападения гитлеровцев пострадали лишь самые западные районы СССР. Вся экономика на огромной территории страны ещё была цела, продовольственные резервы не тронуты, мобилизация гражданского

населения «под ружьём» только началась. Матери, как и бабушке в 1916-м, тоже выдали пособие на детей. Но ей не потребовалось нанимать ломового извозчика, всё, что удалось на эти деньги купить, она принесла домой в обычной авоське: пособия-то хватило лишь на две буханки черного хлеба.

Все 1418 дней войны мы, дети фронтовиков, чувствовали ужасающий, до боли в кишках, никогда не проходивший голод. Он мучил нас днём и ночью, дома и на улице, в школе и даже во сне. Когда кто-нибудь из взрослых говорил: «Вот кончится война – уж наедемся!» – в это невозможно было поверить.

Жили мы тогда во Владивостоке – портовом городе, где люди питались исключительно из магазина. Мать пробовала выращивать картошку, но для этого надо было ехать далеко на пригородном поезде и там тпать каменистую землю, которая почти ничего не родила. К тому же кто-то постоянно успевал выкапывать наш скудный урожай раньше нас. Пришлось от такой затеи отказаться.

Государство распределяло продовольствие среди населения строго по карточкам. Но нормы были такими мизерными, что у людей под одеждой выступали рёбра, которым мог позавидовать любой Кощей Бессмертный. И никаких перспектив улучшения не предвиделось, наоборот, дело иной раз доходило до крайности.

Однажды у матери вытащили в очереди все продуктовые карточки, а с ними корешки, необходимые для получения карточек на следующий месяц. Всю ночь мама проревела в своей постели, а утром поднялась с красными от слез глазами. Поправить эту беду было никак невозможно, исход её казался очевидным. Однако такого исхода, видимо, не желали высшие силы.

В тот же вечер, играя в общем дворе с пацанами в прятки, я схоронился за бочку, нивесть откуда взявшуюся возле помойки. Заглянул вовнутрь: бочка до половины была заполнена крупной жирной селедкой, от которой исходил крепкий неприятный дух. Оказалось, что семья автоинспектора, которого почему-то не взяли в армию, испортила продукт и решила избавиться от него таким способом вместе с тарой.

Я взял одну рыбину на пробу и отнёс матери. Узнав, что

селёдка не краденая, а выброшенная соседями на помойку прямо в бочке, мама несколько раз промыла её, и мы попробовали. Вкус был тот ещё, но что оставалось делать? За вечер я перетаскал все селёдины домой, даже тузлук вычерпал. Растягивали эту благословенную еду, как могли, до получения карточек. Ничего, выжили.

А где-то в середине войны, не помню уже точно, в каком году, Владивосток стал перевалочной базой для продовольствия, поступающего из США. Тогда в нашей стране люди с нетерпением ждали открытия второго фронта, который ударил бы по Гитлеру с Запада. Но Соединение Штаты медлили, выжидали, когда и без их участия наступит перелом в войне. Вместо военных действий они начали помогать нам продовольствием и военной техникой. Владивостокский порт идеально подходил для таких поставок.

Мама целыми днями пропадала в своей больнице, где она работала табельщицей, а вечерами ещё и училась – постигала азбуку Морзе, искусство противохимической обороны, автодело и т. д. Такая всеобщая подготовка была необходима, чтобы женщины, если потребуется, могли заменить мужчин по полной программе.

Но вот прошел слух: порту требуются люди разгружать американские пароходы. И женщины ринулись туда валом. Не покидая основной работы, многие приходили помочь портовикам в ночную смену.

Среди таких добровольных помощниц была и наша мать. Разгружать пароходы грузчицам приходилось вручную, перетаскивая по шатким сходням тяжелые мешки с крупой, мукой, сахаром, коробки с галетами, тушёнкой, сыром, изюмом... От такой работы женщины быстро изматывались, но начальство организовало для них хорошее питание. Есть разрешали сколько угодно и всё, что было в трюмах пароходов, (когда разобьётся ящик или подведёт мешок) с одним условием: чтобы за пределы порта никто ничего не выносил. Нарушившим этот запрет грозила суровая кара.

Но разве могли матери есть до отвала, если дома сидели голодные дети? Многие начали шить себе специальные пояса, нательные мешочки, двойные трусики, пустоту в которых можно

было заполнить сыпучими продуктами. Охранники в проходной всех тщательно ощупывали, но в укромные места лезть не решались. А может, специально этого не делали, понимая, что женщины идут на тяжёлую работу во вторую смену и крадут муку, крупу, сахар, чтобы поддержать голодных детей? Во всяком случае за всё время Ленд-лиза ни одна из них не была привлечена к ответственности.

Таким вот необычным способом наша мать добывала и приносила домой хоть и немного от американских щедрот, зато каждое утро. Как она выдерживала такую нагрузку, когда спала, один Бог знает. Её самопожертвование поддерживало нас с братом до самого конца войны, однако голод по-прежнему не отступал, выпирающие на боках рёбра не уменьшались.

После победы над Германией, а затем и Японией, когда с фронтов вернулись отцы, жизнь очень быстро стала налаживаться. Начали сбываться и предсказания старших, что «придёт время – уж наедемся».

В 1947-м отменили продовольственные карточки. В первое время это казалось необычным: приходишь в магазин, и вроде чего-то не хватает - хлеб и другие продукты отпускают за одни деньги. Правда, за спинами у продавцов появились таблички, на которых указывались нормы отпуска товара в одни руки. Нормы, конечно, были такие же мизерные, как и при карточках, но теперь каждый мог, отоварившись, перейти в другой магазин и занять очередь там. Это не возбранялось.

А вскоре начали снижать цены. Совсем немного, зато каждый год. Это было уже совсем хорошо. Правда, на семейном бюджете такое крохотное снижение пока не отражалось, но все понимали: если ничто не помешает, что со временем цены станут настолько микроскопическими, то их и вовсе отменят за ненужностью. А это и будет коммунизм. Он обязательно придет, надо только подождать.

В 1950 году мы из-за болезни матери, которой не подошел морской климат, переехали на её малую родину – в Благове-

щенск. О, здесь был настоящий сельскохозяйственный рай. Прямо в городе очень многие жители имели большие огороды, поэтому в войну так не бедствовали, как мы во Владивостоке. На окраинах во дворах держали коров, по утрам хозяйки выгоняли их на улицы, и они, сбившись в стадо, уходили на день пастись за город.

Но особенно поразили колхозные рынки. Их было два: Пионерский в центре и Ремесленный на восточной окраине. Чего тут только не продавали! Массивные деревянные прилавки ломились от всевозможных овощей, картофеля, початков кукурузы. Мясо – всех сортов и наименований, рядом с аппетитными окороками лежали говяжьки и свиные головы, ноги, на крюках висели туши баранов. Тут же торговки предлагали яйца и молочную продукцию, от обилия и разнообразия которой глаза разбегались. Возле некоторых ларьков люди выбирали арбузы, выращенные в окрестных деревнях. А чуть поодаль продавали живых поросят, кур, уток, гусей, овец, коз, кроликов. Большую площадку занимали возы сена – купил, скажем, козу или овцу, вот тебе и корм для неё.

Всё стоило дёшево, да к тому же можно было поторговаться. Мы, пацаны, этого, правда, не делали, нас больше интересовало, как выбрать самый спелый арбуз. А городские тётки нередко стремились сбить и без того низкую цену, и торговки из деревень им, как правило, уступали.

«Вот видите, – говорили нам учителя, – страна ещё не успела залечить военные раны, миллионы людей продолжают оплакивать не вернувшихся с фронта отцов, мужей, сыновей, а колхозы и совхозы уже восстали из пепла словно сказочная птица Феникс».

О, да, разве при виде такого чуда кто-то из нас мог усомниться в силе и величии советского колхозно-совхозного строя?

Однако на самом деле продовольственного изобилия не было ни в области, ни в стране. И не могло быть так скоро после кровопролитнейшей войны. А то, что мы видели на колхозных рынках, не имело никакого отношения к колхозно-совхозному строю. Хотя оба рынка в Благовещенске почему-то назывались

колхозными, на их территории не было ни одного прилавка, ларька или павильона, принадлежащих коллективным хозяйствам. Колхозы и совхозы вообще не имели права привозить сюда свою продукцию. Они обязаны были сдавать её в «Заготзерно» или другую государственную заготовительную контору. На рынках же торговали исключительно деревенские семьи, но не тем, что заработали в колхозах или совхозах, а тем, что вырастили и выкормили на своих подворьях.

Силушки у амурской земли было немерено – это и демонстрировали сейчас крестьянские подворья. Как уже говорилось, после завершения коллективизации, когда колхозы и совхозы оказались не в состоянии полностью заменить единоличные крестьянские хозяйства, сельские семьи были обложены многочисленными налогами, как волк – красными флажками. После войны к прежним налогам добавился ещё один – каждый взрослый гражданин обязан был подписываться на внутренние государственные займы. А денег колхозникам, как и в 30-е годы, не платили.

Вот и везли они в город последнее, что имелось на подворье, порой ничего не оставляя себе. И продавали по низким ценам, чтобы выручить хоть какую-то сумму и «рассчитаться» с государством. Продолжающееся безудержное ограбление крестьян, более цивилизованное и изощрённое, чем при продразвёрстке, – вот что мы принимали за изобилие.

Такой же бутафорской была отмена продовольственных карточек и снижение цен. Экономические предпосылки в стране для того и другого пока что напрочь отсутствовали. Однако Сталин хотел продемонстрировать странам Восточной Европы, вставшим, как и СССР, на социалистический путь развития, что этот путь – самый правильный.

При огромном продовольственном дефиците карточки гарантировали минимум продуктов питания всем гражданам страны. Отменив их, Сталин лишил большую часть населения этих гарантий. Зато он ввёл особый режим снабжения Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и больших городов, открытых для иностранцев. Эти населённые пункты, а также областные и краевые центры оказались в привилегированном положении - в

их магазинах действительно было что купить. А в остальных местах, даже рядом с той же Москвой, куда иностранцев не допускали, магазины напоминали бледную тень столичных. До деревень же, где проживало две трети населения страны, товар вообще не доходил, в лучшем случае появлялся лишь в раймагах.

Не экономической, а такой же политической акцией являлось и снижение цен. От этой акции государство фактически ничего не теряло. Ведь за предвоенные пятилетки правительство так взвинтило розничные цены (рост составлял 60-70 процентов в год), что теперь ежегодное снижение их на несколько процентов для правительства было равносильно укусу комара. Кроме того, после войны провели конфискационную денежную реформу. У граждан изъяли без всякого товара огромные средства, заработанные, но не реализованные ими за последние пятнадцать лет. По сравнению с таким колоссальным «приобретением» потери государства от снижения цен тоже выглядели мизерными. Наконец, как уже говорилось, правительство нашло ещё один способ изъятия денег у граждан - объявило ежегодный внутренний заем средств на восстановление народного хозяйства страны. Каждый взрослый гражданин обязан был купить облигации этого займа как минимум на месячную зарплату (пенсию, стипендию, пособие). И эта сумма, думаю, в несколько раз превышала потери от снижения цен.

В результате пустить пыль в глаза мировому общественному мнению Сталин сумел в полной мере. Даже западногерманский бундестаг поверил в превосходство плановой социалистической экономики над капиталистической рыночной. В 1948 году депутаты бундестага потребовали от правительства ФРГ разработать такой же, как в СССР, пятилетний план развития народного хозяйства своей страны. Он был разработан, принят, но... успешно провалился.

А в СССР в это время завершалась смена двух аграрных эпох. К концу правления Сталина (он ушёл в мир иной в марте 1953 года) старая российская деревня фактически уже была уничтожена. Ещё теплилась её душа, оставались не до конца обрубленными корни, связывающие человека с землёй, не совсем исчезли вековые крестьянские традиции. Но экономически та деревня уже перестала существовать.

На смену ей окончательно пришла деревня колхозно-совхозная. Однако это был совсем другой мир – с иными взглядами на жизнь, иной психологией, иными духовными ценностями. Этот новый мир начал отсчёт своего времени с чистого листа, полностью перечеркнув прошлое.

На второй год после переезда в Благовещенск мне довелось увидеть эту деревню собственными глазами. Не через призму городского колхозного рынка, а, как говорится, живьём. Всех старших школьников, начиная с восьмого класса, тогда каждое лето отправляли по деревням – помогать сельчанам на сенокосе. Перед началом учебного года ребята возвращались домой загорелые, с окрепшими бицепсами, полные впечатлений. Но первого сентября, после торжественной линейки, к школе снова подходили колхозные или совхозные машины и увозили старших подростков на целый месяц убирать урожай.

Посещение первой же деревни вызвало в душе бурю смятений. Никаких аккуратных, огороженных штaketником двори́ков, чистеньких, побеленных хат, цветущих яблоневых садов, посыпанных песочком дорожек и тротуаров, наряженных в цветастые платья и косынки краснощёких девчат и чубатых, в начищенных сапогах парней – словом, ничего такого, что показывали в кино про колхозную жизнь, мы не увидели.

Многие дома, когда-то добротные срубленные и окружённые ограда́ми и полисадниками, теперь стояли оголённые – видать, заборы в войну пошли на дрова. Жалкое зрелище представляли и сохранившиеся далеко не везде надворные постройки. Похоже было, что не во всех дворах люди держат скот. Там, где положено быть тротуарам, бушевал бурьян, перед домами площадки были кем-то гладко вытоптаны.

Поразило удивительное безлюдье – в поле, на покосе, на деревенских улицах. Нас быстро научили метать стога, и мы потом эту работу делали самостоятельно. Больше никто на сенокосе не появлялся. Вечером у закрытого на замок клуба не слышно было ни звуков гармошки, ни звонких девичьих песен.

Как-то странно жила реальная, не киношная, деревня – тихо, угрюмо.

Но больше всего поразило то, что многие местные жители ловили и ели сусликов. Это казалось невероятным, ведь рынки в городе ломились от мяса, его везли на продажу отсюда, из деревень. А сами деревенские, выходит, оставались ни с чем...Нет, колхозы и совхозы явно шли не к коммунизму, каким нам его рисовали, а совсем в другую сторону.

После первого же лета, проведённого в деревне, я уже не испытывал того телячьего восторга, который возникал прежде, когда приходилось бывать на рынке. Впечатление от увиденного в колхозе было настолько сильным, что при виде обилия съестного на прилавках перед глазами невольно возникали голые, вытопанные деревенские дворы, безлюдные, угрюмые улицы, стайки ребятишек, ловящих сусликов.

В следующее лето впечатлений от поездки в колхоз набралось ещё больше. В тот год выпало необычно много дождей, городская ливневая канализация, если она и существовала, не выдержала нагрузки. У нас умер дедушка, и нам пришлось нести его на кладбище во многих местах по колено, а то и по пояс в воде.

Но город-то особо не пострадал, а вот село, его поля... Сенокос практически был сорван. Сена накопили очень мало, нам – городским помощникам – не из чего было метать стога. Однако самая большая неприятность ожидала осенью. Приехав в колхоз в сентябре, чтобы участвовать в уборке урожая, мы увидели там настоящую битву человека со стихией.

Перезревшие поля стояли нетронутые, пшеница, ячмень, овес дружно осыпались. Комбайнеры пытались убирать выборочно, выискивая места посуше. Однако их огромные прицепные комбайны, едва свернув с дороги, проваливались в раскисшую почву, что называется, по самое брюхо. К ним цепляли второй гусеничный трактор, но и два 100-сильных «СТЗ» не могли сдвинуть с места тяжелый уборочный агрегат.

– Ну нет, нет здесь сухих участков, – сокрушался молодой тракторист, перепачканный грязью. – И искать нечего. Пол-лета, почитай, поливало.

– Н-да, – хмурился пожилой усатый комбайнер. – Хлеб-то какой уродился! Жаль, если пропадет.

Нам тоже было жаль хлеб. Но что поделаешь? Хоть и сильна техника, да очень уж тяжела – не для таких расквашенных полей. Даже самые башковитые наши ребята, победители технических олимпиад, ничего тут не могли придумать.

Однако на следующее утро одна сцепка из комбайна и двух тракторов пошла-таки по массиву. Оказалось, что не очень грамотные деревенские мужики, никто из которых наверняка никогда не участвовал в технических олимпиадах, куда смекалестее наших лучших эдиссонов. Всю ночь они работали при свете фар и поставили комбайн на ... лыжи! Ну, лыжи – сказано громко. То были две огромные, хорошо отесанные лесины, подведенные под ходовую часть комбайна.

Сцепка сделала круг и свернула к дороге, где ожидал грузовик. Механизаторы не скрывали радости:

– Все, мужики, это выход. Надо и остальные комбайны на лыжи ставить.

Кто-то усомнился: не рано ли радоваться? От лыж оставались глубокие борозды, которые тут же заполнялись водой. Сейчас эти «траншеи» не запашешь никаким плугом, да и весной, когда они отвердеют, вряд ли удастся нормально вспахать землю. Но всё же это было лучше, чем потерять такой хороший хлеб.

Теперь, когда уборка пошла, и у нас появилась горячая работа: разгружать огромными совками грузовики на зерновом дворе, а потом перелопачивать сырые бурты, чтобы они не «загорелись» изнутри.

Махать тяжелыми совками приходилось почти безостановочно. И хотя все мы были спортсменами, к вечеру у каждого невыносимо ныла спина и гудели ноги. Но это-то как раз и радовало: значит, встали на лыжи и пошли все сцепки, раз нам не дают роздыху.

То, что происходило тогда на совхозно-колхозных полях, газеты называли «битвой за урожай». Это, пожалуй, была очень яркая и точная, очень удачная находка моих будущих коллег - журналистов. Сколько же силы, нервов, да, наверное, и здоровья

отнимала у крестьян эта битва.

В последний раз нас направили в колхоз в сентябре 1953 года, когда я учился в десятом классе. Хозяйство находилось в селе Марково Благовещенского района, здесь тоже пришлось разгружать и подрабатывать зерно, перекидывая его совками и лопатами по несколько тонн в день на человека.

Где-то в середине месяца открылся пленум ЦК ВКП(б), которому суждено было стать поворотной вехой в истории колхозно-совхозной деревни. Это был первый, так сказать, хозяйственный, пленум после смерти Сталина – на нём решали, как развивать дальше колхозы и совхозы. В бараке, где мы жили, работало радио. Когда начали передавать изложение доклада первого секретаря ЦК партии Никиты Сергеевича Хрущёва, ребята застыли. Перед репродуктором стояли молча, как в годы войны, когда передавали фронтовые сводки Совинформбюро. Ещё бы: Хрущёв говорил такие вещи, которые никто из нас никогда не слышал. Он открыто признал, что в аграрной политике за последнюю четверть века, то есть после 1928 года, партия допустила немало ошибок и просчетов, в результате чего дела в деревне идут далеко не блестяще.

Со стороны Хрущёва это была неслыханная дерзость. Сказать, что при Сталине партия совершала ошибки в руководстве страной, тогда было всё равно, что бросить камень в самого Бога. Вождь считался святым, непогрешимым, под его руководством мы выиграли страшную войну. Помню, как некоторые простые люди высказывали убеждение: вот умрёт Сталин, и наступит конец света. А когда он действительно умер, то те же простые люди пролили море слёз. Поэтому любое слово, бросающее хоть малейшую тень на память о вожде, воспринималось как невиданное кощунство. Не верилось, что это мог говорить Хрущёв, хотелось думать, что в изложении его доклада допущены ошибки.

Однако вскоре к нам попала затёртая до дыр газета «Правда», которая никаких ошибок допустить не могла. И в ней говорилось то же, что передавали по радио.

Уборка в этот год шла безостановочно, машины с зерном подходили на разгрузку с небольшими интервалами, поэтому у

нас почти не было перекуров. И всё же случались минуты, когда можно было собраться вместе, посидеть, поговорить. Тут же доставали газету с изложением доклада Хрущёва, снова и снова пытались вникнуть в то, что он говорил об ошибках и задачах, разобраться в том, что видели вокруг.

Жизнь опровергала многое из того, чему нас учили в школе и о чём писали в газетах. Кто из старшеклассников не помнил классическое объяснение Михаила Шолохова, для чего в 1929 году нужно было объединить одноличные крестьянские хозяйства в колхозы и совхозы? Помочь прокормить страну в нынешних условиях может только трактор, писал он в романе «Поднятая целина», а купить его у крестьянина-единоличника кишка тонка. Стало быть, чтобы приобрести эту расчудесную машину, батракам, беднякам и середнякам надо объединиться в колхоз.

А что оказалось на деле? Хотя после начала коллективизации прошло уже 25 лет, в колхозе, где мы работали, вообще не было ни одного трактора, комбайна или плуга. Объединиться-то крестьяне объединились, однако никакой техники за четверть века так и не купили. А все трактора, комбайны, автомобили вместе с механизаторами и шоферами нанимали в соседней МТС. Зачем же тогда создавали колхоз?

Никто из немногих колхозников, с которыми приходилось общаться, не желал обсуждать с нами эту тему. Деревенские вообще не хотели рассказывать о своей жизни, работе, семейных делах, тем более говорить о каких-то проблемах. К нашему удивлению, даже кощунственные высказывания Хрущёва в адрес Сталина они воспринимали спокойно, без возмущения.

И всё же среди этих в основном угрюмых людей нашёлся разговорчивый мужичок, который, как скоро выяснилось, тоже кое-что смыслил в марксистско-ленинской философии. Это был рядовой колхозник, отравленный газами не то на германской, не то на гражданской войне, теперь уже преклонных лет, часто болевший и не выходивший на работу, но не утративший бодрости и весёлого нрава.

Когда он впервые появился на зерновом дворе, мы сразу же поняли – это ходячая сельскохозяйственная энциклопедия.

Дядя Егор всё знал, всё понимал, был начитан и, что самое главное, – охотно отвечал на наши вопросы.

– Дело тут вот в чём, – сказал Егор, когда речь зашла о тракторах и комбайнах. – Колхозы-то начали создавать спешно, авралом, а техники в стране ещё не было. Один трактор приходился на двадцать сёл. В тридцать втором, когда пятилетку выполнили, их тоже было что слёз у кошки: один на полтора села. Да и сейчас шибко не разгонишься. А раздай всё по колхозам и совхозам, получится где густо, а где пусто. Вот умные люди в ЦЭКа и придумали эмтээсы. Они навроде ротного старшины: што выделяют из батальона, делят на всех поровну согласно уставу.

– Зачем же тогда спешили с колхозами? – удивлялись мы. – Не лучше ли было сначала тракторные заводы построить да машин больше выпускать?

– Может, и лучше, – соглашался Егор. – Только не нашего с вами ума это дело. Так партия приказала.

В следующий раз беседа была ещё интереснее. Оказалось, что до коллективизации дядя Егор сам был единоличником, поэтому очень хорошо знал, как жилось крестьянину в те годы. Мы, конечно, пристали к нему с расспросами: мол, расскажите, пожалуйста. И потом при каждой передышке слушали с раскрытыми ртами. Однажды кто-то поинтересовался, есть ли для тракториста разница, какую землю пахать – колхозную или единоличную? Егор сказал, что нету: земля, мол, она и есть земля, а межи, разделявшие раньше крестьянские участки, для хорошего тракториста не помеха. Поэтому единоличные хозяйства, по его мнению, могли бы и при эмтээсах прекрасно существовать.

Снова вспомнили Шолохова, который писал, что, дескать, товарищ Сталин велел «уволить из жизни» кулаков – со всем семейством, под корень, как класс. Зачем? – стали допытываться мы. Пусть кулак и гноил зерно, но не общественное же, а своё. Сам выращивал, сам и гноил. Понятно, что пахали и сеяли у него батраки, но их-то как раз и надо было объединять в колхозы. Небось остался бы без рабочих рук – в миг перестал бы зерно гноить.

Вот так, потихоньку, шаг за шагом, и докапывались мы до истины, общаясь с мудрым колхозным философом? К сожалению, дядя Егор, хоть и не уходил от ответов, но выкладывал не всю правду, иногда хитрил, не договаривал, а то и предупреждал: ни с кем, мол, больше на эту тему не говорите.

Между тем, закончив работу, пленум ЦК принял очень важные для аграрного сектора решения. Были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную, особенно животноводческую продукцию, увеличена оплата труда сельчан, часть заработка колхозникам решили выплачивать деньгами. Кроме того, пленум поручил министерствам увеличить выпуск тракторов, комбайнов, автомобилей, удобрений, начать производить самоходные комбайны, в том числе на гусеничном ходу.

В нашей молодёжной среде, воспитанной на принципах марксизма-ленинизма, это вызвало настоящий восторг. Вот, мол: партия не только признала свои ошибки, как учил Ленин, но и начала их решительно исправлять! Уж теперь, по нашему мнению, страна должна была двинуться к коммунизму непременно семимильными шагами.

Только через несколько десятилетий, когда приблизиться к коммунизму так и не удалось, мы, уже убелённые сединами, наконец, поняли, что то были лишь полумеры. 25-летняя сталинская «аграрная реформа», основанная на коллективизации, нанесла стране такой колоссальный вред, что для исправления ситуации нужны были кардинальные меры, способные не только подлатать фасад, но и воздействовать на несущие конструкции всего здания.

Это здание за 25 лет основательно покосилось. Даже на Амуре, где деревня всегда прочно стояла на ногах, от её прежнего величия ничего не осталось. К примеру, в 1911 году, последнем году жизни Столыпина, в области получили по 12,3 центнера зерна с гектара, а в 1953-м, последнем году жизни Сталина, – всего по 5,8 центнера.

Конечно, предусмотренные пленумом ЦК КПСС поставки селу новых, более совершенных тракторов, комбайнов, другой обрабатывающей и уборочной техники могли дать какой-то импульс развитию сельскохозяйственного производства в стране,

но ни в коей мере не изменить экономическую ситуацию в целом. Новому руководителю партии следовало не просто признать ошибки в управлении сельским хозяйством, а заявить о крахе всей проводимой в стране аграрной политики и вернуться на 25 лет назад, к той далёкой и трагической точке истории, когда Сталин начал самочинную ломку дров с всеобщей коллективизацией. Вспомнить выдающихся русских экономистов во главе с Александром Чаяновым, которые аргументировано доказывали пагубность перехода к коллективному хозяйствованию в деревне по типу коммун.

Но Чаянова давно расстреляли, расстреляны были и старые большевики, высказывавшие на партийных конференциях и съездах здравые мысли. А для тех, кто теперь стоял у партийно-государственного руля, в том числе и для Хрущёва, колхозно-совхозный строй в его существующем виде представлялся совершенным и единственно правильным для нашей страны.

Такой же точки зрения придерживались и мы – вступающее в жизнь молодое поколение. Ведь никакого другого строя, кроме воспетого в стихах, песнях, книгах, кинофильмах колхозно-совхозного мы не знали.

Теперь же, когда партия решила устранить проблемы в руководстве сельским хозяйством, никаких проблем в деревне, по нашему мнению, вообще не должно было остаться.

Время правления Никиты Хрущева (1953 – 1964 г.г.) в советском обществе называли временем «оттепели». Оттепели в политической жизни страны. Действительно, в этой сфере Хрущёв сделал очень много. Он признал, что даже самая непогрешимая в мире партия – ВКП(б) может допускать ошибки, развенчал культ личности Сталина, осудил незаконные политические репрессии, избавил многих людей от постоянного страха. А вот в экономике... человек малообразованный, нигде не учившийся, он бросался из крайности в крайность, лично принимал решения, которые, как и у Сталина, нередко граничили с авантюризмом, а то и вовсе были чистой водой авантюрой.

Никита Сергеевич оказался человеком чрезвычайно энергичным, ему постоянно хотелось делать что-то грандиозное. Но при отсутствии достаточного ума его, как правило, заносило не в ту степь. Например, чтобы улучшить руководство экономикой в регионах, он решил создать в областях и краях по два обкома или крайкома КПСС. Один должен был заниматься промышленностью, строительством, транспортом, связью, а другой – тем, что имело отношение к агропромышленному комплексу. Но в экономике немало отраслей, которые обслуживают и сёла, и город – тот же транспорт, связь, строительная индустрия, банки и т. д. У них оказалось по два партийных шефа. Между их аппаратами начались споры, перетягивание каната, неразбериха. Какое уж тут улучшение руководства?

Тогда создали региональные совнархозы. Но и у них дело не заладилось. Укрупнили – один совнархоз стал руководить экономикой двух-трёх регионов. В результате началось местничество: края и области, где находился совнархоз, принялись забирать себе львиную долю финансирования, то есть обирать соседей.

Но главным объектом приложения кипучей энергии нового руководителя страны стало непосредственно многострадальное сельское хозяйство. В сентябре 1953 года, как уже говорилось, пленум ЦК принял по докладу Хрущёва об аграрной политике хоть и половинчатые, но вполне здравые решения. Укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов, курс на создание более совершенных машин и оборудования для села стали на многие годы генеральной линией в экономической политике государства. После пленума начали вкладывать средства в развитие сельскохозяйственной науки, селекционного, племенного дела. Словом, страна стала возвращать селу долги, которых за годы правления Сталина у неё накопилось немало.

В следующем 1954-м году началось освоение целинных земель в южноуральских степях, Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке. Проект был грандиозный, рассчитанный на ближайшие 7-10 лет. За это время предстояло распахать 40 миллионов гектаров пустующей земли, увеличив пашню на 20 процентов.

Выполнять эту многотрудную работу поручили комсомолу. Городские предприятия и стройки, ещё недавно пополнявшиеся молодыми кадрами за счёт деревни, теперь считали за честь направить своих представителей на целину. В восточные регионы страны пошли эшелоны с сельскохозяйственными машинами, строительными материалами, продовольствием. В пассажирских вагонах под звуки гитар и гармошек звучали молодые голоса:

Мы пришли чуть свет
Друг за другом вслед.
Нам вручил путевки
Комсомольский комитет.
Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новосёлами
И ты, и я.

Это «великое переселение» на восток было более масштабным, чем при Столыпине, и в принципе должно было принести стране ещё большую выгоду. Но уже начал сказываться хрущевский валюنتаризм. Столыпин заселял пустующие пахотные земли на востоке страны, не нанося ущерба старым земельным губерниям, которые испокон веков кормили Россию, Хрущёв же бросил на освоение целины финансовые средства и материальные ресурсы, которые предназначались для всего сельского хозяйства страны. В результате многие регионы, особенно в центральной России, остались без государственной поддержки, поэтому колхозные деревни там начали быстро хиреть, а люди – правдами и неправдами уходили из колхозов и уезжать туда (например, на стройки коммунизма), где жизнь была ключом. Даже отсутствие паспорта тут не считалось помехой, так как крайне нужны были рабочие руки. И хотя крестьянам паспортов не выдавали, чтобы удержать их в колхозах, стройки коммунизма (т. е. нефтепромыслы, рытьё каналов, сооружение заводов-гигантов и т. д.) были для них хорошей отдушиной, чтобы получить свободу. Многие из них через эти

стройки вообще выбивались в люди. Но в это же время во многих сёлах пустели целые улицы, дома стояли заброшенные, с забитыми крест-накрест окнами.

Молодёжь с честью выполнила задачу – за семь лет было распахано 41 миллион 800 тысяч гектаров плодородных целинных земель. Но одновременно сократились посевы в центрально-европейских областях страны. Насколько – не сообщалось. Однако потери в исконно земледельческих регионах, видимо, были настолько значительными, что против продолжения такой политики выступили даже некоторые члены Политбюро. Никита Сергеевич с ними быстро расправился – их объявили «антипартийной группой» и, несмотря на высокие должности и заслуги перед государством, исключили из партии.

Перекус в финансировании «старых» и «новых» земледельческих регионов продолжался еще долго. Распахать и засеять пустующие земли оказалось не самым трудным и затратным делом. Сложнее было построить для огромной армии переселенцев новое жильё, школы, больницы, учреждения культуры, создать всю необходимую инфраструктуру. Делать это приходилось как правило на пустом месте, с нуля, что требовало очень больших затрат. Изыскать такие огромные средства государство могло, лишь урезая бюджеты старых земледельческих областей. Поэтому деревни в них всё больше и больше приходили в запустение.

После разгрома «антипартийной группы» Никита Сергеевич решил, что будет лучше, если он, оставаясь руководителем партии, займет и второй по значению высший пост в стране – председателя правительства. А что? Ведь Ленин после 1917 года прибавил к своему дореволюционному званию партийного вождя ещё и титул председателя Совнаркома, который давал ему возможность принимать непосредственно решения, обязательные для выполнения на всех просторах страны. Сталин в 1941 году, не выпуская бразды правления партией, тоже стал предсе-

дателем Совета Народных Комиссаров, потом – председателем Совета Министров СССР. Так удобнее контролировать оба главных в стране аппарата, да и возможности для управления государством больше.

Правда, помехой для занятия второго поста могло стать то обстоятельство, что после смерти Сталина Никита Сергеевич сам предложил осудить совмещение высших в стране должностей, а чтобы не возвеличивать больше руководителя партии, назвать его не Генеральным – просто первым секретарём ЦК КПСС. Но то было несколько лет назад, об этом уже пора было и забыть.

И точно, назначение на второй пост – председателя Совета Министров состоялось без особых проблем. Теперь у Хрущёва не стало оппозиции не только в ЦК, не могло её быть и в правительстве. А значит, можно было не опасаться критиков своих грандиозных проектов.

Новый всплеск его инициативам дала поездка в Америку. Побывав там с официальным визитом, Хрущёв был потрясен увиденным. Его поразило, что наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции производят и потребляют мяса на душу населения вдвое больше, чем мы. Гостю объяснили: такого прогресса в стране добились потому, что создали мощную кормовую базу для животноводства, основу которой составила кукуруза. Под эту культуру американские фермеры выделили огромные площади, а урожай кукурузного зерна получали на порядок выше, чем давали пшеница, ячмень, овёс.

Вернувшись домой, Хрущёв поставил перед своими аграриями задачу – в ближайшие годы догнать и перегнать Соединенные Штаты по производству мяса. Но прежде – превратить Советский Союз в одну из самых кукурузных, если не самую кукурузную страну в мире.

Идея была неплохая. Кукуруза в СССР, несмотря на более суровые, чем в США, природно-климатические условия, наверное, тоже могла бы давать высокие урожаи спелого зерна. Для этого надо было вывести собственные сорта, приспособленные к местным условиям, разработать для этих условий агротехнику, создать набор специальных машин. Именно так на Дальнем Во-

стоке начали приручать другую капризную южанку – сою. Но Хрущёва охватило нетерпение. Он потребовал так же немедленно покрыть всю страну кукурузными полями, как Сталин – колхозами и совхозами.

Эффективность работы обкомов, крайкомов, ЦК Компартий союзных республик стали оценивать по тому, насколько быстро в их регионе росли посевы кукурузы. И они, надо отдать должное местным руководителям, увеличивались очень высокими темпами. Кукурузу стали называть «царицей полей», её воспевали средства массовой информации, вся партийная пропаганда. Среди тех, кто возделывал эту культуру, всё больше становилось Героев Социалистического Труда.

Но одной «кукурузизации всей страны», по мнению Хрущёва, было недостаточно, чтобы начинать генеральное наступление на мясном фронте. Он рассудил, что серьёзной помехой для развития общественного животноводства стали... личные подворья сельчан. Людям, мол, некогда заниматься колхозно-совхозными делами, потому что на первом плане у них собственные огороды, свинки, буренки. Да и ни для кого не было секретом, что значительная часть кормов с колхозно-государственных ферм уплывает туда же, в частный сектор. А раз так, то, чтобы двинуть общественное животноводство вперед, надо убрать этот барьер.

В 1958 году сельские семьи освободили от натурального налога, введённого ещё в тридцатые годы. Но не успели сельчане порадоваться такому счастью, как у них начали обрезать огороды. Многие усадьбы обкорнали настолько, что земельные участки при них оставались чисто символическими. Хозяину такого мини-подворья, независимо от численности семьи, разрешалось держать лишь одну корову и одну свинью.

Это лишило сельчан возможности производить продукцию на продажу. С колхозных рынков тут же исчезли деревенские торговки. Теперь горожане, не имеющие подсобных хозяйств, вынуждены были идти исключительно в государственные магазины, чтобы купить овощей, мяса, молочных продуктов. А там прилавки нередко оказывались пустыми.

С такой же энергией власти принялись и за городские по-

дворя. Чем они помешали общественному животноводству, так и осталось тайной. Но факт есть факт: в городах и рабочих поселках запретили держать любую живность.

Для страны с преимущественно деревянной застройкой это стало настоящей трагедией. Не только в поселках и небольших городах, но и на окраинах областных и краевых центров подворья тогда кормили тысячи людей с небольшими доходами. Благовещенск тоже был в числе таких населённых пунктов. И вдруг среди лета городским властям поступила команда сверху: свиней и крупный рогатый скот немедленно забить. Куда девать столько мяса при отсутствии морозильных камер, вышестоящие органы не разъясняли.

В течение нескольких дней благовещенские окраины оглашались женским плачем – хозяйки прощались с коровами-кормилицами. Визжали ещё не набравшие веса подвинки. Если кто-то из хозяев не хотел забивать свою живность, это делали милиционеры из табельного оружия.

Одновременно работники жилищно-коммунальной службы принялись ликвидировать прилегающие к домам огороды. Заборы вокруг них были повалены, порублены на дрова, а жильцам предложили вместо грядок разбить цветочные клумбы. Недовольным разъясняли, что в социалистическом обществе не должно быть частных огородов, потому что они являются источником нетрудовых доходов и ведут к обогащению несознательной части населения.

Не менее драматичные события происходили и в сельской местности. В селе Березовка Ивановского района, например, постановление правительства об урезании деревенских подворий и запрещении держать скот в городах и рабочих поселках люди восприняли особенно болезненно. Многие опасались, что власти нанесут им двойной удар: обрежут огороды как жителям сельской местности и запретят держать всякую живность, как в городах и рабочих поселках.

Дело в том, что Березовка – село необычное. В конце 50-х – начале 60-х здешний колхоз занимал лишь западную окраину, а на остальной территории размещались предприятия агропромышленного комплекса: овощеконсервный завод, мастерские по

ремонт сельхозтехники и автомобилей, маслозавод, элеватор... Вдоль железной дороги тянулись всевозможные склады и базы, погрузочно-разгрузочные площадки, сюда везли трактора, комбайны, сельхозинвентарь, а также минеральные удобрения, ядохимикаты, строительные материалы, наверное, для всех колхозов и совхозов области.

Постепенно всё больше людей переходило работать в эти неколхозные организации. Платили им мало, прожить на такие деньги было трудно. Поэтому люди цепко держались за приусадебные участки.

Наступило тягостное ожидание – что будет? Наконец из райцентра пришло разъяснение. В нём говорилось, что все жители Березовки независимо от места работы имеют право держать скот в установленном правительством количестве, то есть одну корову и одну свинью на семью. Но, разъяснялось далее, не членам колхоза категорически, под страхом уголовного наказания, запрещается косить сено на колхозных и государственных землях. То есть где бы то ни было!

Более иезуитского документа и придумать было нельзя. С одной стороны, прямого запрета держать коров власть не объявляла, но, с другой стороны, чем их кормить, если сено косить запрещено? Осенью многие березовцы, так и не обеспечив своих кормилиц сеном, вынуждены были забить их или продать в тот же колхоз. Но и упёртых оказалось немало.

«Теперь мы вдвоем с отцом косили траву исключительно на неудобьях – вдоль дорог, по куветам, среди кустарников, между болотец. – рассказывал мне много лет спустя один житель села, который в эпоху Хрущёва был ещё подростком. – Колхозным косарям эти места были не нужны, но всё же папа строго наказывал мне внимательно следить за дорогами, и если появится легковушка или «газик», немедленно прятаться в кусты или падать в траву.

Поначалу эта игра мне даже понравилась. Грузовики я пропускал, но, заметив легковушку, орал что было мочи. Ведь в ней мог ехать какой-нибудь начальник, а они теперь были нашими врагами, вроде как немцы во время войны. Но однажды я проглядел опасность: увидел «Победу», когда отец уже распластался на кошенине и быстро полз в высокие заросли. К сча-

стью, «Победа» проскочила, нас не заметили.

Отругав меня за беспечность, папа сказал:

– В последний раз полз по-пластунски, когда немецкого полковника через линию фронта тащил. Не думал, что таким же способом придётся удирать и от своих начальников.

Фронтovou биографию отца в семье знали, что называется, назубок. В звании старшины он командовал подразделением разведчиков и уже в декабре сорок первого, под Москвой, был награждён орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». А когда фашистов отбросили от столицы, его направили в другое пекло – под Сталинград. Почти до конца обороны города он вместе со своим подразделением добывал для командования разведанные, был награждён ещё тремя орденами и двумя медалями. Но при возвращении с шестнадцатым по счёту «языком» – штабным полковником его достала вражеская пулемётная очередь. Об этой вылазке и вспомнил сейчас отец.

Вот так, с максимальной осторожностью, словно ночные воры, добывали мы несколько лет сено для своей Зорьки. И всё-таки однажды попались. В тот год косили на Курочкином бугре, заросшем березняком, километрах в трёх от Березовки. К этому времени уже взял в руки литовку и младший брат, а сгребать сено вышли сестра и мама. Вся семья была в сборе, вот и заговорились, потеряли бдительность. Спихватились, когда увидели, что от остановившейся на трассе машины идут к нам несколько человек. Потом узнали, что среди них был и сам председатель райисполкома.

Отца начали стыдить, стращать судом. А он, получивший на передовой, под обстрелом врага, восемь боевых наград, вынужден был оправдываться, как нашкодивший школьник. Кончилось тем, что нам приказали собрать всё скошенное сено и отвезти в колхоз. В противном случае отца ожидала кутузка.

А в это время нечто похожее происходило и с нашими соседями. Только захватили их за «постыдным» кошением травы в колхозном лесу не районные начальники, а сами колхозники. Видимо, кто-то донес, что не члены колхоза крадут общественную траву, вот и снарядили в лес машину с людьми. Мужики потребовали, чтобы «воры» сгрузили все, что скосили, в грузо-

вик. Но наши соседи – отец и пять взрослых сыновей – взяли вилы, встали стеной и заявили: «Попробуйте подойдите». Думаю, могло бы дойти до смертоубийства, если бы колхозники не отступили. Поматерились те, сели в грузовик, но, прежде чем уехать, пообещали отобрать-таки «колхозное добро».

Над нами и соседями нависли черные тучи – отец ведь тоже отказался вести сено в колхоз. Со дня на день мы ожидали в гости людей в погонах. Но вместо милиции по дворам начала ходить гражданская комиссия. Власти решили, что бороться надо не с отдельными фактами незаконного кошения сена, а с массовыми нарушениями постановления правительства. Комиссия стала проверять все подворья и, обнаружив у кого-нибудь стожок, без лишних слов составляла протокол для суда. Ведь ясно, что сено не куплено, так как купить его было негде, а «украдено» у колхоза или государства. Заглядывали члены комиссии и в свиные корыта. В некоторых дворах обнаружилось, что хрюшек кормят комбикормом, а его ведь тоже не продавали. Неожиданно в число злостных нарушительниц закона попала одинокая старушка, которая кормила своих курочек хлебом. Ей разъяснили, что хлеб – это народное достояние, скармливать его птице – значит, наносить ущерб народу и государству. А бабушка и хотела бы купить зерна да негде».

Такие «облавы» проводились тогда не только в Ивановском, но и в других сельскохозяйственных районах области. В печати начали публиковать письма наиболее «сознательных» граждан, требующих строго наказывать тех, кто кормит скот «ворованным» сеном и комбикормом, а кур – хлебом. Это был зловеющий знак. У нас ведь в то время всё делалось по инициативе трудящихся. Скажем, появились какие-то никому не известные диссиденты – первыми требовали выслать их за границу, конечно же, рабочие передового завода. Или написал Борис Пастернак роман, достойный исключения автора из Союза писателей, – снова рабочие в авангарде: мы, мол, роман не читали, но это же и козе ясно – не место Пастернаку в Союзе писателей. Даже расценки снизить, чтобы уменьшить себе зарплату, требовали сами рабочие. Как же могли эти «передовые» люди пройти мимо нарушения несознательными гражданами постановления

правительства?

Как и следовало ожидать, начатая Никитой Сергеевичем с такой решительностью историческая битва за большое мясо очень скоро дала свои плоды. Благодаря исключительному рвению местных органов исполнительной власти, судов, милиции и прокуратуры частного поголовья крупного рогатого скота в стране практически не осталось. По неофициальным оценкам экспертов (официальные данные не были опубликованы), производство мяса в СССР упало не менее, чем на 40 процентов. Однако это не смутило Никиту Сергеевича. Ведь теперь, когда все преграды с пути общественного животноводства были окончательно убраны, настало самое время, чтобы рвануть вперед, вслед за Америкой, догнать её и перегнать. В обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик из Москвы ушла директива с требованием резко увеличить производство мяса в колхозах и совхозах.

А эту историю – о том, как мы догоняли Америку – почти через полвека после описываемых событий мне поведал один из участников той исторической эпопеи Александр Павлович Усов. При нашей последней встрече ему было уже за восемьдесят, но он сохранил ясную память, здравый ум и способность оценивать события.

Старшее поколение амурчан хорошо знает Усова. Когда-то он выводил в передовые сначала колхоз, потом совхоз. После этого много лет работал первым секретарём Архаринского райкома партии. Видимо, хорошо работал, потому что при нем район-середнячок шагнул далеко вперед. За годы секретарства Усова (конец 60-х – начало 70-х годов) закупки зерна в целом по области сократились на 15 процентов, а в Архаринском районе увеличились вдвое. Закупки сои за это же время в области увеличились на 11 процентов, а у Усова – в полтора раза. То же было с овощами и картофелем. В итоге Александра Павловича взяли в обком КПСС, назначили заведующим отделом сельского хозяйства.

Такой масштаб вполне подходил для кипучей натуры Усова, но был у него один существенный, по мнению партийных чиновников, недостаток: он любил резать правду-матку. Пока находился вдали от областного центра, этот недостаток не так бросался в глаза. А стоило перейти в обком, как секретари начали жаловаться первому: Усов неуправляем, у него по каждому поводу свое мнение. В конце концов, поняв, что он со своими знаниями и опытом здесь не нужен, Александр Павлович сам попросил отпустить его на преподавательскую работу в сельхозинститут. При этом не стал скрывать, что не во всём согласен с местными партийными порядками.

При нашей последней встрече, несмотря на возраст, он по-прежнему находился в строю – возглавлял областной совет ветеранов войны и труда, был секретарём областного комитета КПРФ. При всех разногласиях с прежними секретарями обкома КПСС он остался верен марксизму-ленинизму. Думаю, его признание заслуживает полного доверия. У меня не было диктофона, привожу рассказ Усова в том виде, в каком записал его в тетрадку.

«При Хрущёве я сначала работал председателем крупного колхоза имени Сталина, объединявшего восемь деревень. А когда колхоз реорганизовали в совхоз, то его директором. Раньше не подозревал, как много крови портили партийные работники руководителям хозяйств, но оказался сам в их числе – и испытал всё это на собственной шкуре.

В 1960 году (колхоз уже был совхозом) нам сильно увеличили план по сдаче мяса, чтобы, значит, догнать и перегнать Америку.

Что ж, идея правильная, надо догонять и перегонять.

Правда, с кукурузой дело забуксовало, инициатива Никиты Сергеевича так и не привела к созданию прочной кормовой базы. Теплолюбивая культура с большим вегетационным периодом далеко не везде вызревала до молочно-ваковой спелости. Во многих регионах, в том числе и у нас в некоторых районах, она вообще не давала зерна. Поэтому кормить там скот приходилось зеленой массой да незрелыми початками, которые по питательности не шли ни в какое сравнение с фуражным зерном. Но и

без кукурузы резервов у нас было немало.

Наши свиньи, например, приносили мало поросят, а бычки прибавляли в весе не больше 400 граммов в сутки. Собрали мы совет, стали думу думать. Отчего в личном хозяйстве матка дает по 10 - 12, даже по 14 поросят за опорос, а в коллективном на одну свинью приходится в среднем по 3-4 поросенка? Да потому, что при большом количестве животных никто не следит за случкой. И получается, что одна покрывается, а другая - нет. Сделали мы специальные деревянные станки, стали проводить случку только в них, под контролем. Дело это оказалось непростым, хлопотным, но зато все до одной свиноматки покрылись. Опорос сразу увеличился. До конца года и второй опорос получили. Выделили специальных людей, чтобы они ухаживали за поросятами до двухмесячного возраста, когда наибольший падеж бывает. То же мороки много было, но весь приплод сохранили.

А для бычков посеяли однолетние травы, стали пасти молодняк на этих посевах, осенью выгуливали быков до самых заморозков. И они дали по 700 граммов привеса в день! В общем, за один год совхоз увеличил сдачу государству и мяса, и молока. Без всякого обмана.

А следующим летом как-то прибегают ко мне зоотехник, говорит: «Звонили из Борисоглебского совхоза, предлагают принять у них бычков-кастратов, голов сорок». Я удивился: «Зачем они нам, у нас своих достаточно». «Такова, – говорит, – команда из райкома партии». «Что за чертовщина?» – думаю и звоню директору Борисоглебского. «Так ты ничего не знаешь?» – удивился он. «Нет, – говорю, – а что я должен знать?» «Ну, как же, – смеется коллега. – Америку догнать надо? Надо. А где взять столько мяса?» «Как где? Работать надо лучше, резервы использовать». «Нет, - говорит он, – этак Америку скоро не догнать. Можно проще – одних и тех же бычков сдать несколько раз». «Ерунда какая-то, – размышляю вслух, – как можно уже сданного на мясокомбинат и забитого бычка сдать второй раз?» А он: «В том-то и дело, что сдавать надо не на мясокомбинат, а другому хозяйству. Я ведь тебе не своих бычков хочу отправить, мне их только что сосед передал. Я должен тебе отогнать, а ты – следующему соседу. В итоге, у всех нас будут бумаги, что

каждый сдал по сорок голов». Наконец, я все понял и послал этого директора к чертовой матери.

На следующий день меня на бюро райкома вызывают. И давай страшать: ты, мол, не выполняешь партийных решений, головой за это ответишь. Вскипел я, назвал всех присутствующих авантюристами, а от бычков наотрез отказался. В общем, вкатили мне очередной строгий выговор.

Правда, бычков я все же взял. Жалко стало, что их еще подростками на мясокомбинат сдадут. Пригнал и кормил на своих сеяных травах до зимы, пока не достигли они нужной кондиции. Только потом сдал. Словом, на мне этот авантюризм и закончился.

Вначале у меня было подозрение, что путем фабрикации документов, дутых цифр хотят «догнать Америку» местные партийные власти. Не доверять им я к тому времени уже имел все основания. Ведь что получалось: всегда старался сделать для своего хозяйства только хорошее, а мне за это сколько строгачей объявили. Ну вот, к примеру, как-то совхоз недосеял 100 гектаров пшеницы, потому что на поле была сплошная грязь. Я запретил управляющему губить там семена, зная, что недосев пшеницы с лихвой перекрою урожаем овса. И вдруг управляющий звонит: приехал уполномоченный райкома партии, приказал снять с сеялок диски, которые вязнут в грязи, и сеять без них. Я – быстро на то поле, говорю уполномоченному: отправляйтесь в райком, доложите, что директор совхоза Усов вас выгнал, а сеять в грязь отказался. Тот и так, и сяк, но я стою на своем. Уехал он, а мне на бюро райкома - строгача. Я и тут не сдаюсь. Тогда приезжают в совхоз трое: первый секретарь обкома партии Петр Иванович Морозов, начальник областного управления КГБ, полковник, и первый секретарь райкома Худолеев. Сначала я Петру Ивановичу спокойно объяснял, что мы много посеяли овса, так как для него условия самые подходящие. Не зря про овес в народе говорят: сей в грязь, будешь князь. А Петр Иванович ох и крутой был. Сразу перешел на крик: партия, мол, лучше знает, что где сеять, я тебя заставлю выполнять партийные решения. Отвечаю ему тоже какой-то дерзостью, В общем, дело дошло чуть ли не до драки. Если бы полковник КГБ нас не разнял, точно отдубасили бы друг

друга. И что интересно: в других хозяйствах недосеяли 20-30 процентов зерновых, но им ничего, потому что руководители молчали, брали под козырек. А у нас и недосев-то был всего меньше двух процентов, но из меня чуть душу не вытрясли, могли бы и посадить. Потому что не хотел подчиняться дурацким приказам безмозглых партийных чиновников. Дурной пример, видите ли, другим руководителям показывал. А осенью наш овес дал такой урожай, что перекрыл недобор пшеницы и у нас, и в соседних хозяйствах. Совхоз впервые получил прибыль, газета «Амурская правда» посвятила нам целую страницу.

В конце года, когда полевые работы закончились, решил я написать письмо Хрущёву. Выразить несогласие с методами партийного руководства сельским хозяйством. Три ночи корпел, исписал целую тетрадь. Сначала поделился опытом, рассказал, как мы увеличили производство мяса, а потом давай выкладывать претензии. Написал, что хозяйствам не нужны подробные планы с указанием, какие культуры когда и где сеять. Достаточно установить объемы сдачи продукции, а в остальном руководители сами разберутся. Затем назвал непродуманным последнее правительственное постановление по урезанию крестьянских подворий. Ведь у многих усадьбы обрезали почти по самое крыльцо. Почему, спрашивал я, сельской семье разрешили держать только одну корову и одну свинью? Ведь те мужики и бабы, которые прежде в личном хозяйстве держали много живности, как раз и в коллективном работали лучше.

Ну, а потом навалился на местную партийную власть. Много чего рассказал Никите Сергеевичу, но главное – о том, как мы догоняли Америку, передавая из хозяйства в хозяйство одних и тех же бычков.

Закончив писать, я попросил жену съездить в Благовещенск и отправить мою депешу в Москву с главпочтамта. Чтобы не привлечь внимание местных почтарей, которые наверняка распространили бы слух, кому Усов отправил письмо. Через какое-то время вызывают меня на бюро обкома партии. Захожу в кабинет, а Петр Иванович Морозов мне вроде бы даже обрадовался. Вижу: в руках у него та самая тетрадка, которую я отправил Хрущеву.

– Вот тут у нас очень умный и грамотный директор совхоза появился – товарищ Усов, – обратился Морозов к членам бюро. – Пишет письма не кому-нибудь, а сразу Никите Сергеевичу. Да как пишет – в тетрадке, от руки, на плохой бумаге. Даже не догадался отпечатать свое послание на машинке, хотя ведь это – самому Хрущеву. Ну а что же пишет товарищ Усов? Оказывается, он, видите ли, очень болеет за область. Никто не болеет, один только он. Ему у нас не нравится и то, и это. То его заставляют выполнять план по севу – сеять в грязь, то одних и тех же бычков два раза сдавать. Вот полюбуйте, товарищи члены бюро.

Моя тетрадь пошла по рукам, а Морозов стал внимательно наблюдать за реакцией присутствующих. Они проявляли любопытство, но никто не высказал возмущения. Это не ускользнуло от Морозова.

– Ну ладно, – сказал он, наконец. – Давайте объявим ему выговорок и на этом дело закончим.

В общем, как теперь понимаю, легко я тогда отделался. Уходил с бюро всего лишь с «выговорком», хотя и за это наказание никто не голосовал.

После бюро я призадумался. Нет, это была не местная инициатива – сдавать бычков по несколько раз. Если бы ни о чём таком в Москве не знали, то после моего письма должны были прислать к нам комиссию, чтобы проверить, действительно ли в Амурской области занимаются таким чудовищным очковитательством. Но ведь не прислали. Моё письмо вернулось назад, в местный обком, как возвращались десятки других. Выходит, за счёт надувательства «догоняла» Америку вся страна? И с подачи самого ЦК? А может наши чекисты моё письмо перехватили и не пропустили в Москву? Не знаю...»

То, что рассказал мне Александр Павлович Усов, произошло в конце 1961 года. А в 1962-м страна уже пожинала плоды столь оригинального способа догонять Америку – в ряде регионов на мясную продукцию и животное масло ввели талоны. Одновременно по всей стране на эти продукты увеличили розничные цены – в среднем на 30 процентов. Это, конечно, меньше чем в тридцатые годы, когда цены ежегодно росли на 60-70 процентов. Но теперь одновременно на промышленных пред-

приятнях стали снижать расценки, чтобы уменьшить заработок рабочих. На Новочеркасском электровозостроительном заводе Ростовской области как раз совпали по времени обе эти меры – повышение цен и снижение расценок. Возмущенные люди вышли из ворот завода на улицу, требуя у власти ответа: «Как жить дальше?» Ответ был дан исчерпывающий: по приказу из Москвы внутренние войска открыли огонь по толпе, убив 17 человек, в том числе трёх подростков. Затем суд приговорил к расстрелу ещё несколько участников демонстрации, а около ста рабочих отправили в концлагерь.

Это был первый звонок, извещавший, что, столкнувшись с экономическими трудностями, руководство партии во главе с Хрущёвым после короткой «оттепели» вновь возвращается к тем крайним мерам, с помощью которых в течение четверти века управлял страной Сталин.

Осенью 1964 года, незадолго до снятия Хрущёва, мне довелось побывать в столице Урала – Свердловске, где прошла моя студенческая юность. По сравнению с 50-ми годами город казался довольно хмурым. Всё здесь вроде бы выглядело как прежде и в то же время как-то не так. Теперь, в отличие от студенческих лет, у меня в кармане водились деньги, позволявшие купить то, что душе угодно. А уж какие ароматные прежде были в магазинах колбасы, сосиски, сардельки, я хорошо помнил. Но в первом же гастрономе дали от ворот поворот. Во втором – тоже. Оказалось, что в этом огромном современном городе мясные изделия продавали не всем, а только «своим» – тем, кто жил здесь постоянно и был прописан. Им по месту жительства либо на работе выдавали специальные талоны, по которым можно было раз в месяц купить небольшое количество мяса, колбасы, сливочного масла. Никаких исключений из этого правила продавцы не делали.

Словом, довели уральцы до ручки своё сельское хозяйство, и ведь мы, будучи студентами, так хорошо помогали в середине пятидесятых их колхозам и совхозам. Ладно, думаю, наверстаю потерянное в Сибири, когда буду возвращаться до-

мой поездом. Там колбасу и другую вкусную снедь свободно продают на каждой станции. Но увы... Ни на первой, ни на второй, ни на третьей, ни на десятой – нигде не продавали ничего мясного. Даже в самых сельскохозяйственных областях – Курганской и Новосибирской.

Я не пропускал теперь ни одной остановки поезда – не медленно выскакивал из вагона и мчался к ларькам. Найти в продаже хоть какую-нибудь колбасу, сосиски или сардельки стало для меня делом чести. Но поиски ничего не давали. Почти везде пустовали и базарчики, на которых в 50-е годы торговки наперебой предлагали горячую картошечку, политую подсолнечным маслом с зажаренным лучком, хрустящие соленые огурчики, вкуснейший сибирский варенец, яйца невероятно больших размеров. На некоторых станциях, правда, женщины по-прежнему кое-что продавали, однако свой товар они не выставляли на всеобщее обозрение, а прятали в сумках и опасливо оглядывались по сторонам – не идет ли милиционер.

А ведь это была Сибирь с её огромным сельскохозяйственным потенциалом! Пустившись после 1958 года вместе со всей страной в погоню за Америкой, она теперь не могла обеспечить продуктами первой необходимости даже свои станционные ларьки и буфеты, являющиеся как бы витринной местного благополучия. Несмотря на это, власть продолжала гнობить частный сектор, на котором ещё недавно, на моей памяти, держалось изобилие привокзальных и прочих базаров.

То же самое наблюдалось в Красноярском крае, Иркутской области, Забайкалье. Станционные базары и здесь пустовали, а в ларьках, буфетах невозможно было купить ни маринованных грибочков, ни орехов, ни брусники, ни других даров тайги, которыми всегда славились эти места. Не довелось на сей раз отведать и знаменитого байкальского омуля.

Когда поезд, попетляв по Забайкальским серпантинам, добрался, наконец, да нашей Амурской области, сердце забило учащенно от увиденной картины. Область выглядела более сельскохозяйственной, чем все остальные к востоку от Урала. В последние годы здесь появилось больше пашни. Теперь поля подходили к железной дороге сразу, как только закончилась

тайга, и тянулись на сотни километров к югу.

После 1954 года на Зее-Буреинской равнине хорошо поработали целинники. В основном это были местные сельчане, но немало приехало и молодёжи из центра России, других союзных республик. Многие сёла разрослись, пополнились новыми улицами. Особенно заметно увеличился машинно-тракторный парк – счёт тракторам, комбайнам, грузовым автомобилям уже вёлся на тысячи.

Механизированные отряды все эти годы работали на полях от зари до зари, а если позволяло наличие кадров, то и круглосуточно. Черная пахота каждое лето стремительно раздвигала границы.

На следующий год там уже колосились хлеба, зеленым ковром уходили к горизонту соевые плантации, радовали глаз посадки овощей и картофеля. Прилетавшие в командировку москвичи глазам не верили: «Да у вас тут теперь – настоящие кубанские степи!»

Действительно, целинники, без преувеличения, совершили подвиг. За десятилетие – с 1954 по 1964 год – они ввели в оборот столько пахотной земли, сколько было распахано за 100 предыдущих лет. Вот как увеличивалась амурская пашня по мере заселения края:

Годы	1913	1940	1950	1965
Посевная площадь, тысяч гектаров	415	611	696	1444

Однако поднять целину оказалось хоть и не простой, но не самой большой проблемой. Куда труднее было создать на распаханных землях сложный живой организм, называемый сельским хозяйством. А вот с этим-то дело не заладилось. Огромный рост посевных площадей не привёл к такому же увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Если с 1950 по 1965 год посевная площадь в области увеличилась в 2,07 раза, то производство зерна выросло всего лишь на 4,6 процента, картофеля – на 18 процентов, сбор овощей вообще остался на уровне 1940 года.

Вроде бы без всяких причин упала урожайность всех сельскохозяйственных культур, прежде всего зерновых. Вот сколько зерна получали в эти годы амурские колхозы и совхозы с одного гектара (в центнерах):

1950 год	– 9,4
1955 год	– 7,2
1958 год	– 5,4
1960 год	– 6,1
1965 год	– 6,9

Начало сокращаться и производство продукции растениеводства на душу местного населения, хотя размер пашни на одного жителя области увеличивался.

	1940 г.	1950 г.	1965 г.
Размер пашни на одного жителя области в гектарах	0,654	1,013	1,912
Произведено зерна на душу местного населения в кг	664	618	592
Произведено картофеля на душу местного населения в кг	466	470	420
Произведено овощей на душу местного населения в кг	85	34	82

К сожалению, у нас нет статистических данных, которые могли бы рассказать, как при правлении Никиты Сергеевича область пыталась догнать Америку, передавая из хозяйства в хозяйство одних и тех же бычков. Причина их отсутствия, думаю, всем понятна. Однако в местном архиве хранится сборник «Амурская область за годы советской власти», изданный в 1988 году, на основании данных которого можно кое-что подсчитать самим. Подсчёты показывают, что в первые послевоенные пятилетки ежегодный прирост поголовья крупного рогатого скота в области составлял 2800 голов. А затем, когда частное животноводство в значительной степени было уничтожено и мы пустились догонять Америку, областное стадо вдруг стало расти на 14

тысяч голов в год. Словно коровы начали ежегодно телиться не по одному, а по несколькоу раз. Но как только Хрущёва освободили, рост поголовья вернулся к прежнему уровню. Четыре следующие пятилетки, начиная с 1965 года, он составлял 2914 голов в год. Думаю, комментарии здесь излишни.

Никиту Сергеевича отстранили от власти в октябре 1964 года. Пленум ЦК КПСС обвинил его в валюттаризме и многочисленных ошибках, нанесших большой вред партии и государству.

Как и после кончины Сталина, высший партийный орган вновь осудил практику сосредоточения огромной власти в руках одного человека. Высшие посты, занимаемые Хрущёвым, были «разведены». Первым лицом в КПСС стал Леонид Ильич Брежнев, а Председателем Правительства СССР – Александр Николаевич Косыгин. Был в стране и третий высший пост – Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Его занял Николай Викторович Подгорный.

Мировая общественность встретила перемены в Советском руководстве со сдержанным одобрением. Славяноязычные газеты социалистических стран писали, что в Советском Союзе теперь «добра тройка» правителей. Действительно, во внешней и внутренней политике государства начался процесс демократизации, высшие органы власти принялись пересматривать свои прежние решения, признанные необдуманно и вредными.

В краях и областях отказались от деления на промышленные и сельскохозяйственные обкомы и крайкомы КПСС, восстановили единую партийную власть. Ликвидировали совнархозы, ставшие в руках недобросовестных чиновников орудием для удовлетворения местнических интересов. Вместо административных методов руководства в народном хозяйстве стали применяться экономические рычаги.

Предприятия, колхозы и совхозы получили больше самостоятельности. Им разрешили создавать за счёт прибыли собственные фонды – развития производства, материального поощ-

рения, социально-культурного развития, которыми трудовые коллективы могли распоряжаться по своему усмотрению. Это дало им возможность покупать новую технику, оборудование, строить жильё для своих людей и т. д., не выпрашивая деньги у вышестоящих чиновников.

В народе начал быстро расти авторитет председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. Благотворные преобразования в экономике люди напрямую связывали с его именем. Ещё до войны в возрасте 35 лет Косыгин стал министром (тогда Народным Комиссаром) текстильной промышленности, а через год – заместителем председателя правительства СССР. На этом посту он оставался в течение четверти века, проявляя недюжинные способности руководителя. Одновременно ему приходилось возглавлять и другие участки работы, куда его бросали «на укрепление»: один год был министром финансов, два – министром товаров широкого потребления, четыре – министром лёгкой промышленности, пять лет – председателем Госплана СССР. Другой фигуры такого масштаба в руководстве страны просто не было.

Растущая популярность председателя правительства больно ударила по самолюбию Брежнева. Такова уж особенность лидеров коммунистических партий, что они не терпят никакой иной власти, кроме своей собственной. В высших руководящих кругах началась, как сказали бы теперь, подковёрная борьба. Партийный аппарат принялся незаметно, исподволь саботировать экономическую реформу Косыгина, а его самого – отодвигать на второй план. Для придания большего веса должности руководителя партии ей вернули прежнее название. После этого Леонида Ильича стали называть не первым (таких в партии – пруд пруди), а Генеральным Секретарём ЦК КПСС. Через некоторое время, отправив на пенсию Н. В. Подгорного, Брежнев занял ещё и пост председателя президиума Верховного Совета СССР.

Снова в руках одного человека оказалась необъятная власть. И опять очень быстро начал расти культ одной личности. Уже в конце 60-х годов на всех торжественных заседаниях – в столице ли, областном ли городе или захолустной деревне – стали непременно избирать почетные президиумы в составе Политбюро

ЦК КПСС во главе с «верным ленинцем Леонидом Ильичом Брежневым». А после избрания его ещё и председателем Президиума Верховного Совета СССР страна окончательно поняла, кто теперь у неё настоящий хозяин.

Сосредоточение огромной власти опять в руках одного человека, как и следовало ожидать, не принесло стране ничего хорошего. 18-летнее правление этого «хозяина» (1964 – 1982 г.г.) войдет в историю как период «большого брежневского застоя».

УКРОЩЕНИЕ «ЧЕРНОГО ДРАКОНА»

В «застойные» 70-е годы, при Генсеке Брежневе, я работал собственным корреспондентом ТАСС (Телеграфного агентства Советского Союза при Совете Министров СССР) по Амурской области.

Писать о селе и его людях входило в мои повседневные обязанности, поэтому жизнь амурской деревни со всеми ее радостями и проблемами постоянно была перед глазами. Сегодня период застоя принято изображать исключительно в чёрном цвете, но я, оглядываясь назад, могу засвидетельствовать: именно эти годы для села были самыми светлыми из всего советского периода.

Нет, руководство страны так и не решилось на коренную аграрную реформу, не отказалось от колхозов и совхозов. Коллективная форма хозяйствования оставалась незыблемой, однако государство начало по большому счёту возвращать селу долги, которых у него, государства, перед сельчанами накопилось изрядно. То, что раньше изымалось в виде хлеба и другой сельхозпродукции, теперь возвращалось в виде капитальных вложений, дотаций, льготных кредитов, бесплатного обучения кадров, а также техникой, стройматериалами, удобрениями и т. д. В годы правления Сталина да и отчасти Хрущёва промышленность, транспорт, капитальное строительство в стране развивались главным образом за счёт села – его ресурсов и дешевой рабочей силы. Теперь всё стало наоборот – сельское хозяйство поднималось за счёт промышленности.

Такой поворот государственной политики объяснялся отнюдь не стремлением нового Генсека восстановить историческую справедливость. Просто неожиданно, сама собой изменилась в лучшую сторону экономическая ситуация. В начале 70-х годов в Западной Сибири геологи нашли богатейшие нефтегазовые месторождения, сделавшие ССР одним из крупнейших в мире экспортёров энергоносителей. Продажа за границу нефти сразу увеличилась почти вдвое, газа – в 22 раза! Одновременно мировые цены на нефть выросли в 8 раз.

Это был подарок судьбы – на страну неожиданно-негаданно буквально обрушился долларовый дождь. Правительство мгновенно заткнуло все дыры, образовавшиеся в бюджете, направило необходимые средства на поддержание отраслей промышленности, в которых наметился было кризис, отказалось от уже намеченной консервации многих крупных строек, но что особенно примечательно – смогло выделить огромные капвложения на развитие сельского хозяйства.

Долги селу возвращались такими же высокими темпами, какими изымались его ресурсы после начала сплошной коллективизации. Никто, конечно, не сравнивал размеры изъятого и возвращенного да и сделать это, наверное, было невозможно. Но мы то, жившие при Брежневe, своими глазами видели, как стремительно развивалось тогда сельское хозяйство, превращаясь в современную, высокомеханизованную отрасль.

Амурская деревня начала получать компенсацию за нанесенный в прежние годы ущерб даже с лихвой. За первую «брежневскую» пятилетку – 1966-1970 гг. – на её возрождение было направлено больше средств, чем вложено во все остальные отрасли областной экономики, вместе взятые. А это угольная, золотодобывающая, лесозаготовительная промышленность, машиностроение, металлообработка, предприятия легкой и пищевой промышленности.

Для руководства области развитие сельского хозяйства на многие годы стало приоритетным. Получая мощную поддержку из Центра, местная власть поставила перед командирами агропромышленного комплекса амбициозную задачу – сделать область не только житницей Дальнего Востока, но и главной сое-

вой плантацией страны.

При всей своей грандиозности этот проект не имел ничего общего с авантюрой Хрущёва, решившего за несколько лет догнать Америку по производству мяса. Он был рассчитан на длительный период и предусматривал поэтапное решение проблем, накопившихся в растениеводстве, животноводстве, кормопроизводстве и т. д.

Эта цель была вполне достижима, хотя и требовала немалых денежных затрат, объединения усилий аграриев, ученых, конструкторов сельхозмашин, новых подходов к организации труда и управлению производством, более высокой квалификации кадров, словом – иного уровня всей работы.

Чтобы превратить Приамурье в настоящую житницу Дальнего Востока, нужно было прежде всего, как утверждали учёные, снизить до минимума рискованность местного земледелия. Об этой «рискованности» можно было услышать на всех областных совещаниях, научных конференциях, пленумах обкома КПСС, сессиях областного совета. В чём же она заключалась? Ведь земля здесь родила почти всё, что выращивали в европейской части Союза, лето было жарким и благодатным, – говорили, что по количеству солнечных дней Амурская область занимает второе место после Крыма. Более того, здесь в советское время стали возделывать даже такую теплолюбивую и капризную культуру, как соя, о которой прежде в России и не знали.

Правда, из-за холодной зимы нельзя было сеять озимую пшеницу и озимую рожь, дававшие на западе страны более высокий урожай, чем яровые культуры. Но, как мы уже видели, до революции и без озимых урожайность зерновых на Амуре превышала общероссийскую.

И всё-таки повышенная рискованность для местного земледелия здесь действительно была. Она заключалась прежде всего в непредсказуемом поведении местных рек, которые понижывали Зее-Буреинскую равнину с севера на юг. Чтобы защитить себя от этих сюрпризов, следовало прежде всего укротить «Черного дракона», как китайцы окрестили могучий Амур. Такое устрашающее название наши соседи дали великой реке за то, что она, периодически выходя из берегов, затапливала всю

прилегающую к ней пашню да ещё и подпирала свои многочисленные притоки, которые тоже заливали огромные площади. От наводнений страдали сотни тысяч гектаров самой плодородной пойменной земли, и никто не мог заранее предсказать, когда случится очередной разлив рек.

С крутым, непредсказуемым нравом Амура столкнулись ещё первые русские переселенцы в середине XIX века. Не зная здешних особенностей, они выбирали место для жилья поближе к воде и землю распахивали там же. За это вскоре и поплатились. В европейской части страны, откуда в основном и переселялись крестьяне, половодье обычно бывает весной, когда начинают дружно таять снега. Они не приносят особого вреда, а, наоборот, удобряют поля илом. В Приамурье же весной паводков не бывает, а вот среди лета, в жаркую солнечную погоду, когда начинает наливаться колос, реки вдруг ни с того ни с сего поднимаются, мутнеют, выходят из берегов и обрушивают массу воды на посевы, сельские улицы, причиняя огромный вред.

Подивившись такому чуду, пострадавшие от паводков крестьяне начали перебираться на более высокие места и распахивать новые участки. Но очень скоро выяснилось, что паводки на Амуре бывают не просто сильные, а, по классификации гидрологов, ещё и катастрофические. Первый такой потоп после заселения русскими Приамурья произошёл в 1872 году. Тогда по Амуру и Зее плыли несённые бешеными потоками во многих сёлах дома, стога сена, всевозможные сараи, стайки для скота, заборы, вывороченные с корнями деревья. Возле приречных сёл размыло и унесло все посевы, ничего не осталось и от огородов. Хорошо, на помощь пришли Забайкальцы – поделились зерном, картошкой, овощами, иначе в Приамурье, чего доброго, начался бы мор.

К счастью, за первые 50-60 лет таких катастрофических наводнений было немного. Но в советское время они участились. В 1928 году от наводнения пострадал даже расположенный на возвышении Благовещенск – по его улицам плавали на лодках. А в следующем, 1929-м, подобное наводнение повторилось.

Первую успешную попытку обуздать «Дракона» власти

предприняли в 1958 году. Область тогда готовилась отметить 100-летие Благовещенска, на праздник пригласили много гостей со всего Дальнего Востока. Однако незадолго до юбилея Амур, что называется, задурил. Чтобы не допустить повторения ситуации 1928 года, решили опоясать город дамбами. Со всей области сюда собрали экскаваторы, бульдозеры, грузовики, а городское население от мала до велика вышло строить защитные сооружения. Для оказания помощи юбиляру из Москвы прибыла специальная правительственная комиссия. И буквально за несколько дней на обеих набережных появились высокие насыпи.

Город удалось защитить, 100-летие отпраздновали. А вот многочисленные сёла по берегам рек, тысячи гектаров посевов и спасать не пытались – это было невозможно. К данной ситуации как раз подходила поговорка, утверждающая, что против лома нет приёма.

Однако «приём» всё же начали искать. Оказалось, что ответить на вопрос, почему Амур ведёт себя не так, как положено, а вопреки здравому смыслу, не очень сложно. Причина была в том, что, в отличие от европейских рек, большинство которых вытекает из болот, здешние берут начало в горах, покрытых толщей снега. В самую жаркую погоду, среди лета, когда на небе – ни облачка, начинается интенсивное таяние снежного покрова, вот реки и «дурят» в, казалось бы, неположенное время.

Эту особенность установили специалисты Ленинградского института «Ленгидропроект», комплексная экспедиция которого в 50-е годы изучала речную систему Приамурья. Гидрологи подсчитали, что на территории Амурской области сосредоточено 80 процентов всей гидроэнергии Дальнего Востока, поэтому здесь можно построить не меньше десятка крупных гидроэлектростанций. Они даже указали, что четыре ГЭС следует возвести на верхнем и среднем Амуре, две – на Зее, ещё две – на Бурее и по одной на Селемдже и Гилое.

В качестве первоочередного объекта была признана ГЭС на Зее – в 640 километрах от Благовещенска, в Чертовом ущелье. Бассейн этого северного притока, дающего Амуру 22 процента всей воды, занимает две трети территории области и игра-

ет решающую роль в образовании мощных паводков. Половина его находится в зоне вечной мерзлоты, где воде больше некуда деться, кроме как стекать в главное русло. К тому же верхняя часть бассейна гористая, там снега как раз и тают в самую жаркую летнюю пору. При этом, когда вода в Зее вздыбливается, она «запирает» свои многочисленные притоки, и они тоже выходит из берегов, заливая огромные площади сельхозугодий.

Строительство плотины в Чертовом ущелье позволило бы убить сразу двух зайцев. Во-первых, заставить бешено мчащийся водный поток вырабатывать огромное количество электроэнергии. А во-вторых, запретить выше хребтов Тукурингра и Соктахан, в горных каньонах, на 2-3 летних месяца всю «лишнюю» воду, которая так досаждала сельскому хозяйству.

Казалось бы, «приём» против пресловутого «лома» найден, остается лишь его применить. Но не всё в жизни так просто. Хотя в середине 50-х годов Советский Союз полностью залечил раны, нанесенные войной, и даже приступил к первым «стройкам коммунизма», одновременно начала проявляться ущербность его социалистической экономики – высокая затратность, низкая отдача, неспособность успешно развиваться по всем направлениям.

Стройки-то Хрущёв начинал действительно грандиозные, но... за счёт оголения других отраслей, которые буквально задыхались от безденежья. Средств казне катастрофически не хватало, чтобы покрыть даже самые первоочередные потребности экономики. В Минфине сидели церберы, охраняющие каждую народную копейку. К ним очень точно подходила поговорка: мол, у таких и снега зимой не выпросишь. Когда работники Минэнерго поднимали вопрос о строительстве Зейской ГЭС, эти церберы спрашивали:

– А куда будете электроэнергию девать? Ведь на Дальнем Востоке нет энергоемких производств.

И в Минэнерго только разводили руками. Но вот другое министерство намеревалось создать на востоке страны, скажем, солидную металлургическую базу. И вновь те же церберы – с вопросом:

– А где возьмете электроэнергию? На Дальнем-то Восто-

ке нет ни одной ГЭС.

Разорвать этот заколдованный круг при скудных возможностях госбюджета, казалось, никогда не удастся. Но после катастрофического наводнения 1958 года, когда члены правительственной комиссии увидели собственными глазами, какой вред экономике Приамурья наносят здешние повадки, настроение в Москве начало меняться.

В следующем 1959 году на область снова обрушилось наводнение почти такой же силы, и лёд чиновничьего мнения тронулся окончательно. Министерство сельского хозяйства СССР даже согласилось софинансировать строительство Зейской ГЭС, что полностью сломало сопротивление церберов.

В 1964-м, когда в Москве утрясли, наконец, все технические, организационные и финансовые вопросы, на место сооружения будущей гидростанции прибыл первый десант строителей. Это были молодые ребята, уже прошедшие, однако, сквозь горнило таких гигантских даже по мировым меркам строек, как Братская и Усть-Илимская ГЭС. В Чертовом ущелье, которое вскоре стали называть более благозвучно – Зейскими воротами, им предстояло возвести самостоятельно, без участия старших, тоже огромное и сложное сооружение, каких прежде в стране не возводили. А начальнику-то будущего «ЗейГЭСстроя» Алексею Шохину было всего 36 лет, главному инженеру Володе Конько – столько же.

Учитывая важность стройки для всего Дальнего Востока, над ней взял шефство Центральный Комитет Комсомола, и она стала называться Всесоюзной ударной комсомольской. Это было очень хорошее решение, так как к таким объектам более внимательно относились и отдельные Министерства, и правительство в целом. Да и проблем с кадрами у Всесоюзных ударных комсомольских не было.

Размах работ на берегах Зеи с первых дней вызывал восхищение. Ничего подобного мы прежде не видели, хотя в послевоенные годы у нас в области строились и новые предприятия, и новые посёлки, плавучие фабрики золота – драги, огромные шагающие экскаваторы. Это, однако, не шло ни в какое сравнение с тем, что делалось в Зейских воротах. Там гидростроители днём

и ночью расчищали русло Зеи от наносов, готовя дно реки для отсыпки плотины из песка и камня высотой порядка ста метров. Сделать её следовало такой же прочной, как и бетонные плотины. А на правом берегу в скалу врубались гидроспецстроевцы – им нужно было пробить каменную твердь, чтобы создать прямо в горе машинный зал для шести гидроагрегатов. Туда же требовалось протянуть и огромные штольни для подачи воды к турбинам и отвода её в нижний бьеф.

Всё шло превосходно, пока в очередной раз не задурила Зeya. Механизаторы к этому времени успели отсыпать земляную перемычку котлована до середины реки, но ласковая днём Зeya-красавица ночью двинула могучим плечом, и перемычки не стало. В Ленинградском институте, где проектировалась ГЭС, началась паника. Дополнительные расчёты показали, что с земляным вариантом плотины светила советского гидростроения, мягко говоря, оплошали. Пришлось разрабатывать новый проект гидроузла.

Это хоть и замедлило работы, но полностью их не остановило. Строители продолжали трудиться на тех объектах, которые оставались без изменения: возводили домостроительный комбинат, создавали ремонтную базу, развивали инфраструктуру в поселке будущих эксплуатационников ГЭС т. д. Но правильно говорят в народе, что обеда одна не приходит. Едва лишившись проекта, Зейская ГЭС тут же попала в «черный список» объектов, которые по решению ЦК КПСС подлежали консервации.

Дело в том, что при Никите Сергеевиче было начато много разных строк, требовавших больших капитальных вложений. У региональных руководителей быстро появился аппетит к строительству: они выбивали в Москве деньги на новые и новые объекты, в то время как старые стояли незаконченные. Вот и решили в ЦК после снятия Хрущёва законсервировать значительную часть строек до лучших времён.

Однако этому воспротивились первые секретари обкомов и крайкомов КПСС. Они были готовы лечь костью, но не лишаться своих строек. В ход пускали личные знакомства, вели подковёрную борьбу и т. д. В это время и обнаружилось, что у Зейской ГЭС нет проекта. И ни у Минсельхоза, ни у Минэнерго,

ни у руководства области не нашлось аргументов, чтобы отстоять стройку. Для полного лишения её финансирования не хватало лишь одной, но самой главной подписи.

Однако когда эта подпись появилась под «чёрным списком», то там нашей ГЭС уже не было. И за это надо сказать спасибо лично первому секретарю Амурского обкома КПСС Степану Степановичу Авраменко. Он в то время был у нас человеком новым – его прислали из Новосибирской области, где он работал председателем облисполкома. Сюда он приехал не для того, чтобы делать дальнейшую карьеру, а чтобы служить области и её людям. Не буду вдаваться в подробности, но скажу: чтобы отстоять Зейскую ГЭС, Степан Степанович не пользовался личными связями и не вёл подковёрную борьбу, а пошёл на обострение, грозившее ему потерей должности первого секретаря обкома. И победил.

Стройку не законсервировали, лишь урезали её финансирование. Зато когда вскоре на страну обрушился нефтяной дождь, она мгновенно расправила плечи и быстро наверстала всё, что было упущено. В 1975 году Зейское ущелье перегородила бетонная плотина, возведённая уже по новому проекту, и первый агрегат станции дал ток. А в следующем, 1976-м, коллектив «ЗейГЭССтроя» отправил первый десант на Бурею, чтобы начать строительство второго гидроузла.

Плотина в Зейском ущелье в значительной степени защитила Зее-Буреинскую равнину от губительных паводков. А катастрофические наводнения совсем исчезли. И поскольку самый мощный приток Амура практически перестал угрожать сельхозугодьям, то без его поддержки стал более смиренным и сам «Чёрный дракон». Необузданной пока оставалась Буря, но она несла в Амур вдвое меньше воды, чем Зeya.

И всё же до окончательного решения проблемы было ещё далеко. Каких бы похвал ни заслуживали гидростроители, одного зарегулирования стока рек было недостаточно, чтобы покончить с рискованностью местного земледелия. Огромный вред сельскому хозяйству Приамурья наносили и неурочные

затяжные дожди, которые нередко обрушивались на область во время весеннего сева и осенней уборки урожая. На эту особенность российского климата, если помнить читатель, обратил внимание ещё американский ученый Пайпс, отмечавший, что в других странах такого не бывает.

До революции крестьяне тоже страдали от этой беды, но всё-таки с ней справлялись. На Амуре, как уже говорилось, начали применять американские рисовые сеялки, специально переоборудованные для наших переувлажнённых полей. Если же непогода случалась во время уборки, то хлеб лишь косили, но не молотили, а укладывали снопы в сулоны и в таком виде оставляли в поле до зимы. А когда подмерзало и выпадал снег, то урожай вымолачивали на месте без помех.

После коллективизации, когда на смену лошадке пришёл трактор, технология полевых работ, естественно, изменилась. И тут выяснилось, что отечественные злаковые сеялки, неплохо справлявшиеся со своей работой в сухую погоду, не пригодны для раскисшей почвы, а тяжёлые прицепные комбайны, как мы уже видели, проваливаются в сырую землю по самую раму. Да и при обмолоте сырого зерна комбайнами значительная часть урожая уходит в солому.

Эти и другие претензии к отечественным сельхозмашинам впервые прозвучали на пленуме ЦК партии ещё в 1953 году. После такой критики Челябинский, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, другие предприятия, выпускающие сельскохозяйственную технику, принялись модернизировать своё производство, разрабатывать новые образцы тракторов, комбайнов, сеялок, молотилок и т. д. Уже через несколько лет усовершенствованные машины были испытаны в разных природно-климатических условиях, а потом появились и на колхозных полях.

Настоящую революцию в растениеводстве произвели самоходные зерноуборочные комбайны. Механизаторы сразу же окрестили эти могучие, горделивые агрегаты «степными кораблями». Они отличались от прежних прицепных не только величественным внешним видом, но и более высокой маневренностью, быстротой, производительностью. Им не требовались букси-

рующие трактора, у них все имелось своё – мотор, силовая передача, приводные колёса на пневматическом ходу. С появлением этих комбайнов в хозяйствах высвободилось немало тракторов, что позволило более высокими темпами вести вспашку зяби.

Однако был у колесных «степных кораблей» и один существенный недостаток – они неуютно чувствовали себя на переувлажненных полях. Случалось, что на некоторые массивы вообще не мог зайти ни один колесный уборочный агрегат, а ставить их на лыжи тоже не получалось.

Но вот в Биробиджане начали выпускать комбайны на гусеничном ходу. У них были такие широкие гусеницы, что этим «степным кораблям» не могла помешать никакая грязь. Намолотив бункер зерна, они без проблем выходили к дороге, где стояли в ожидании погрузки автомобили.

Вскоре однако гонять комбайны к дорогам нужда отпала. На смену грузовикам Горьковского автозавода стали поступать самосвалы Московского завода имени Лихачёва, у которых и грузоподъёмность была вдвое выше, и колёса значительно шире, чем у прежних «газиков». «Зилы» не ожидали, когда подойдёт комбайн, а сами шли к нему по сырому полю. По-иному проходила теперь и разгрузка на зерновых дворах: шофёр включал подъёмник, и зерно само высыпалось из кузова на бетонную площадку. К тому же зерновые дворы начали оснащать механизмами – транспортёрами, нориями, сушильными агрегатами. Это позволяло принимать с полей зерно и сою любой влажности, и вкалывать так, как приходилось в начале пятидесятых, чтобы бурты не загорелись, теперь не требовалось.

К началу 70-х годов пашня в области уже достигла полутора миллионов гектаров. Все пригодные для машинной обработки поля были распаханы, засеяны и давали урожай, раздвигать границы пахоты теперь можно было лишь за счёт низинных и заболоченных земель, на которых требовалось выполнить большой объём мелиоративных работ. И такие работы тоже вскоре начались.

Для осушения низин в южной зоне области был создан мощный специализированный трест «Амурмелиоводстрой», в северной зоне – такой же трест «Белогорскводстрой». Их мех-

колонны начали прокладывать в наиболее топких местах водосточные каналы, разрезающие будущие поля на сравнительно небольшие квадраты. С каждым месяцем таких квадратов становилось всё больше, а каналы пролегали всё дальше. В некоторых районах мелиоративные системы разрослись настолько, что тянулись от горизонта до горизонта.

На одной из первых таких систем нам, журналистам, даже пришлось поплутать. Случилось это в Михайловском районе, во владениях совхоза «Винниковский». В конторе нам сказали, что всё начальство находится на бывших Смирновских озёрах, где сосредоточена большая часть уборочной техники. Я хорошо знал эти озёра, бывал там ещё на заре своей корреспондентской юности, поэтому предложил ехать туда без провожатого.

Выпорхнув из села, наш «газик» резво покатил по ровной дороге вдоль одного из каналов, уходившего к горизонту. Прежде здесь во многих местах блестело подернутая зелёной растительностью вода, по которой важно вышагивали длинноногие кулики. Но теперь эту заболоченную низину было не узнать. Она напоминала ухоженную европейскую плантацию, значительно увеличенную в размерах. Мы миновали квадрат за квадратом, на которых стеной стояла нетронутая пшеница. На перекрёстках дорог сворачивали то вправо, то влево, но уборочного отряда нигде не было видно, и даже рокот комбайновых моторов до нас не доносился.

Наконец, на дороге появился трактор с тележкой. Молодой тракторист объяснил, что ехать надо сначала вот так, через три квадрата свернуть туда, затем через пять квадратов ещё свернуть – там и работает весь уборочный отряд.

– Тут и правда легко заплутать, – с гордостью сказал тракторист. – А комбайнов не слышно потому, что они в распадке, где раньше было самое гиблое место.

Этот осушенный массив в дальнейшем стал главной опорой совхоза. В следующие годы там не было проблем ни с вспашкой зяби, ни с весенним севом, ни с уборкой урожая.

В середине 70-х годов перед мелиораторами поставили ещё одну грандиозную задачу: наряду с осушением земель строить в деревнях жильё, соцкультбыт, ремонтные мастерские, зерновые дворы, бурить скважины для обеспечения сельчан пи-

тьевой водой, сооружать водохранилища, отсыпать сельские дороги.

Специализированные тресты слились в одно мощное производственно-строительное объединение «Амурводстрой». В него вошли и несколько предприятий по производству железобетонных труб и других изделий, ремонту мелиоративной техники и т. д. Вскоре это объединение стало крупнейшим в системе Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. Его коллектив даже начал экспериментальную застройку «села будущего» – со сдачей всего комплекса сооружений «под ключ» – для целинного совхоза «Степной». Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР собиралось распространить этот опыт по всей стране.

И ещё о поистине героическом прорыве тех лет следует сказать – превращении Приамурья в главную соевую плантацию страны. Добиться этого тоже было непросто.

В середине XX столетия, когда наука обнаружила в пищевом рационе человечества недостаток белка, к себе обратили свои взоры многие страны мира. Из тропической и субтропической полосы её попробовали переселить в более северные районы. Однако попытки эти, как правило, заканчивались неудачей.

А вот на Амуре своего добились. Ещё до Великой Отечественной войны талантливый селекционер Вениамин Александрович Золотницкий вывел здесь несколько сортов сои, которые хоть и не давали больших урожаев, но зато стойко переносили местный климат. На основе этого генетического материала ученики Золотницкого супруги Карп Карпович Малыш и Татьяна Петровна Рязанцева, а затем и их дочь Лидия Карповна Малыш в 50-70-е годы создали самые холодостойкие в мире сорта, оказавшиеся и более урожайными. Их стали высевать даже в северной части Зее-Буреинской равнины, буквально в нескольких сотнях километров от зоны вечной мерзлоты.

Но чтобы наладить выращивание южной культуры в промышленных масштабах, требовалось ещё и создать набор специальных машин, разработать агротехнику возделывания применительно к местным условиям, обучить новому делу агрономов и механизаторов. Для оказания области помощи в решении

этих задач в Благовещенске был создан Всероссийский научно-исследовательский институт сои, призванный соединить передовую науку с местной практикой.

Поначалу механизаторам и специалистам хозяйств пришлось самим переделывать под сою зерновую технику, приспособив для подработки семян обычные сушилки. Но со временем в институте сои была создана группа конструкторов, которая под руководством кандидата технических наук Юрия Васильевича Терентьева начала создавать комплекс машин специально для возделывания «амурской чудесница». И вскоре молодые инженеры, недавно закончившие вузы, уже изготовили в институтских мастерских по собственным чертежам специально для соеводов оригинальную сеялку, жатку с низким срезом, агрегаты для обработки соевых посевов и даже механизированную линию для очистки и сушки бобовых семян.

Все это тут же поступило в хозяйства, где проходило проверку в деле. Механизаторы, агрономы были в восторге от новой техники, считали, что можно начинать её массовое производство для всех соеосеющих хозяйств. Сложнее было с испытанием линии для очистки и сушки семян: чтобы её смонтировать и запустить, требовались немалые капиталовложения, которые в случае неудачи могли вылететь на ветер. Однако председатель колхоза «Приамурье» был настолько уверен в успехе, что согласился купить и смонтировать линию без испытаний. И не ошибся.

В передовых хозяйствах области новая культура начала быстро догонять по урожайности пшеницу, а по доходности её превзошла. Из Приамурья соя шагнула в Казахстан, Куйбышевскую и Саратовскую области, на Кубань и Украину. Там к концу 70-х её засеивали 180 тысяч гектаров. А в Амурской области соевая плантация превысила 570 тысяч гектаров.

Понятно, что к дальневосточной житнице и альма-матер советского соеосеяния проявляла повышенный интерес центральная пресса. Мой служебный «Узик», а потом «Нива» часто колесили по сельскохозяйственным районам, пылили по

проселочным дорогам, добираясь до самых дальних деревень.

Во многие хозяйства приезжать было одно удовольствие. От того ужаса запустения, которое в начале 50-х годов видели в деревне мы, старшеклассники, не осталось и следа. По сельским усадьбам погулял хороший плотницкий топор, они омолодились и похорошели. Появились кирпичные дома коттеджного типа с добротными надворными постройками, двух-трёхэтажные здания с благоустроенными квартирами, не уступающие по комфорту городским, современные школы, детсады, Дома культуры, Дома быта, асфальт на улицах и т. д.

На общем фоне выделялись хозяйства центральных районов области, прилегающие к Амуру. Здесь бонитет земли был повыше, но главное – руководители хозяйств всегда подбирались крепкие. Почти каждый директор совхоза или председатель колхоза не только отличался высокой ответственностью, но и относился к вверенному ему общественному хозяйству, как прежде крестьянский «большак» – к своему личному.

Наиболее яркой фигурой среди них был, безусловно, директор совхоза «Партизан» Тамбовского района Григорий Пантелеевич Котенко. Мы познакомились в середине 60-х, когда он ещё не был знаменит, а я только начинал работать в газете.

Помню, осень тогда была дождливая, из-за чего в области не могли копать картошку. Ситуация напоминала ту, которую мы, школьники, наблюдали десять лет назад на уборке зерновых. Только тогда не могли пройти по полю прицепные комбайны, а сейчас – картофелекопалки. В колхозах и совхозах с нетерпением ожидали солнышка – чтобы подсушило землю, а его как назло не было. Так и не дождавшись хорошей погоды, Котенко объявил, наконец, своим бригадирам:

– Ну вот что, ребятки. Еще несколько дней, и картошка сгниет. Кровь из носа, а надо выкопать ее денька за три.

– Чем? – удивились бригадиры. – Копалки же вязнут...

– А тем, чем возле дома копаем – ручками, – объяснил Григорий Пантелеевич. – Если вывести на копку весь коллектив да ещё с домочадцами, за три дня управимся – и делать нечего...

Картофельные плантации разбили на небольшие участки, закрепив их за семьями. Не было исключения и для директора с

женой.

– Вот что, Женя, – сказал Котенко вечером своей второй половине Евгении Алексеевне. – Мы с тобой должны осилить свой участок за один день. Пусть люди три дня копают, а нам надо управиться за день.

И ведь управились. Вышли в поле в четыре утра, а заканчивали в сумерках, из последних сил, когда уже не гнулись ни спина, ни руки, ни ноги. Еще через два дня копка картофеля в совхозе была полностью закончена. В других хозяйствах в это время продолжали ждать солнышка.

После этой картофельной эпопеи мы и встретились впервые с Григорием Пантелеевичем. Он не мог разогнуть спину, словно его скрючил радикулит. Я поинтересовался, отчего это, и он объяснил: обычная крестьянская работа – картошку с женой копали. Только потом люди рассказали, как это было.

Оказалось, что в четыре утра у Котенко начинался каждый рабочий день. Он обходил фермы, проверял, все ли животные здоровы, бывал на утренних дойках. Вечером в его рабочем кабинете допоздна не гас свет. Случалось, что и ночевал где-нибудь на полевом стане – с косарями, механизаторами.

Совхоз «Партизан» Котенко возглавил перед самой войной, закончив до этого столичные двухгодичные курсы руководителей хозяйств. На фронт его не отпустили, все военные годы он кормил страну и армию. Поначалу у него не ладилось отношения с вышестоящими руководителями, особенно партийными. 50-е годы были дождливыми, с урожаем на зерновых дворах приходилось ой как мучиться. Вот Котенко и решил построить там навесы, чтобы зерно не мокло. А когда укрытия были готовы, в совхоз в солнечный летний день приехал высокий партийный начальник. «Зачем это?– удивился он, увидев навесы? – Кто вам разрешил деньги на них тратить? Ах никто...» И начали Григория Пантелеевича трясти, навесили ярлык нарушителя финансовой дисциплины, чуть ли не государственного преступника. Выговор по партийной линии вляпали, но по полной накапать не успели. Грянула уборка, вместе с ней начались затяжные дожди, и многие хозяйства оказались на грани потери уже собранного урожая. А у Григория Пантелеевича на зерновых дво-

рах было сухо. В это время и приехал к нему еще более высокий начальник, чем тот, первый. Увидел навесы, узнал, что они обошлись недорого, так как их построили собственными силами, и пришел в восторг. Выговор сняли, на областных совещаниях начали ставить Котенко в пример другим.

А он как начал с навесов, так и продолжал строить. Возводил жилье, соцкультбыт, ремонтные мастерские, животноводческие помещения. Другие тоже строили, но он – больше, чем кто-либо в области, хотя денег совхозу выделяли как и всем. Обычно стройка начиналась без денег, как правило, собственными силами. А к концу года выяснялось, что во многих хозяйствах средства не освоены, план капитального строительства на селе в целом по области срывается. Вот тут и выручали областное руководство объекты, уже построенные в «Партизане».

Со временем центральная усадьба совхоза превратилась в поселок городского типа – с асфальтом, водопроводом, неоновыми светильниками на улицах. Люди переселялись в новые, просторные и удобные дома с земельными участками, другие – в двухэтажные здания с коммунальными удобствами. От желающих переехать сюда из многих хозяйств отбоя не было. Видя, как руководство совхоза заботится о людях, и они работали с полной выкладкой.

В 1966 году Григорию Пантелеевичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, а через несколько месяцев ему исполнилось 60 лет. Юбилей отмечался с размахом, как событие областного масштаба. Мне, автору двух книг о совхозе, на нем тоже дали слово для тоста. Я сказал, обращаясь к Григорию Пантелеевичу, что теперь, когда на груди у него появилась Золотая Звезда, надо подумать и о второй. И выразил надежду, что она скоро появится.

Действительно, Котенко проработал еще три пятилетки. Да как! В 1960 - 1965 годах совхоз продал государству 18 тысяч тонн хлеба, за что директор и получил Героя. А в 1966 – 1970-м – уже 26 тысяч, в 1971 – 1975-м – 36 тысяч, в 1976 – 1980-м – 71 тысячу тонн! За 15 лет производство зерна в совхозе возросло в четыре раза! А урожайность перевалила за 25 центнеров с гектара (в среднем по области она в 1976-1980-м была 7,4 ц/га). Но

вторую звезду Котенко не дали. Видимо, областное руководство не сумело получить для области в ЦК КПСС лимит хотя бы на одного дважды Героя Социалистического Труда.

К Григорию Пантелеевичу тянулись многие директора совхозов и председатели колхозов, учились у него, перенимали его опыт. Но действительно учеником, по самому большому счёту, он считал лишь директора совхоза «Пограничный» соседнего Константиновского района Ивана Игнатьевича Багрова.

Свою сельскохозяйственную карьеру Багров начал в неполные семнадцать лет именно в совхозе «Партизан» - подвозил на лошадке корма к ферме, потом стал молотобойцем в кузнице. Зоркий глаз директора уже тогда подметил в паренёчке завидную старательность, высокую ответственность. Когда Багров вернулся после армии, Григорий Пантелеевич назначил его сначала бригадиром, потом управляющим самым крупным отделением. И оно вскоре стало лучшим в хозяйстве.

Сам Иван Игнатьевич рассказывал мне, как внимательно присматривался он к стилю работы директора, учился у него находить общий язык с людьми, принимать решения в сложных ситуациях. Подолгу они просто беседовали о жизни, сельскохозяйственном труде, месте человека на земле. Наконец Григорий Пантелеевич сказал Ивану:

– Вырос ты, пора самому возглавлять хозяйство.

И поехал Багров в Москву, на двухгодичные курсы, где до войны учился сам Котенко.

«Пограничный» создавался в 50-е годы как целинное хозяйство. Там дружно пахали целину, а вот жильё, животноводческие и прочие помещения строили наспех, порой даже без фундаментов. К приезду Багрова всё построенное уже износилось, начало разваливаться. В том числе и жилые дома. Люди стали уезжать, хозяйство испытывало кадровый голод.

Иван Игнатьевич помчался в облсельхозуправление, стал просить деньги на ремонт хотя бы жилья.

– Какие деньги? – удивились там. – Домам всего семь лет. Нас в Москве не поймут.

– Но мне скоро не с кем будет работать, – закипятился Багров.

– Как-нибудь выкручивайтесь. Попробуйте взять кредит в банке.

И начал новый директор заново отстраивать село за банковские кредиты. Их давали немного, дело шло не очень споро, но всё-таки шло. Те, кто собрался уезжать, отложили отъезд – поверили в молодого руководителя.

И тут за Ивана Игнатьевича взялись партийные чиновники. Мол, не с того начинается новый директор: надо животноводство поднимать, урожайность увеличивать, а он все силы на жильё бросил. Еле доказал им Багров, что как раз с этого начинать-то и надо: будут хорошие квартиры – будут и кадры, тогда и урожайность начнет расти, и надои, и привесы.

Так и получилось. Подобно совхозу «Партизан», «Пограничный» тоже увеличил производство зерна в 4 раза. Правда, не за 15 лет, а за 20. Иван Игнатьевич, как и Котенко, стал Героем Социалистического Труда, а его совхоз вслед за «Партизаном» наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Были в председательско-директорском корпусе области и другие атланты, на плечах которых держалось сельскохозяйственное производство – директор совхоза «Чесноковский» Пётр Ильич Баранас, председатель колхоза «Родина» Михаил Давыдович Мормоль, директор совхоза «Димский» Анатолий Алексеевич Филомонов, председатель колхоза «Знамя» Геннадий Михайлович Петров, ещё несколько крупных фигур. Всех их я не раз наблюдал в работе. Этих людей, на мой взгляд, отличала одна общая черта – каждый из них относился к вверенному ему общественному хозяйству как к своему собственному, родному, кровному. Они были не просто хорошими руководителями, а хозяевами в самом что ни есть лучшем смысле.

Оглядываясь сегодня на 70-е годы прошлого века, я испытываю двоякое чувство. С одной стороны, законную гордость оттого, что нам всем удалось сделать. Это действительно были годы большой работы, продвинувшие нашу страну и область вперед по всем направлениям экономического развития. Если не

считать прокладки вторых путей Транссиба в 30-е годы, то в первые три с половиной десятилетия советской власти в нашей области практически ничего не строилось. С середины же 50-х годов до конца 70-х было пущено немало новых драг, созданы крупные леспромхозы, расширены завод «Амурский металлест», освоивший выпуск горного оборудования, построены Благовещенская ТЭЦ, Райчихинская ГРЭС, Огоджинская ЦЭС, пущены агрегаты Зейская ГЭС, развернулось сооружение Бурейской ГЭС, проложены тысячи километров высоковольтных линий электропередачи. На Райчихинском угольном месторождении постоянно вводились в строй гигантские экскаваторы-драглайны с ёмкостью ковша от 10 до 15 кубометров (в таком ковше может свободно разместиться легковой автомобиль) и длиной стрелы от 60 до 90 метров (почти длина футбольного поля). Всего их смонтировали более тридцати – это был самый большой в стране парк шагающих землеройных машин. Промышленными центрами стали города Благовещенск, Белогорск, Райчихинск, Свободный, где появились заводы «Амурэлектробор», Амурский светотехнический, Райчихинский стекольный, «Амурагромаш», фабрики Райчихинская обувная, Благовещенская хлопкопрядельная, несколько мебельных и т. д.

Зарегулирование стока северных рек, техническое перевооружение колхозов и совхозов, создание собственных центров сельскохозяйственной науки, крупномасштабное финансирование капитального строительства на селе – всё это стало хорошей базой для развития сельского хозяйства. Благодаря распашке целины и мелиорации размер пашни в области превысил полтора миллиона гектаров, что составило 65 процентов всей посевной пашни Дальнего Востока. На тех 250 тысячах гектаров земли, где были проведены мелиоративные работы, урожаи получали выше, чем на остальных площадях: зерновых – на центнер-полтора с гектара, сои – на полтора-два. Теперь на полях работали 15 тысяч тракторов, 7 тысяч зерновых и силосоуборочных комбайнов, 7,5 тысячи грузовиков. Такой насыщенности механизмами в пересчёте на гектар пашни могли позавидовать многие, даже самые развитые, страны мира.

Всё это было создано, работало, гудело, двигалось, – это

мог видеть каждый. На огромных лугах, также окультуренных, где надо – осушенных, где надо – засеянных многолетними травами, паслись многочисленные стада крупного рогатого скота. Многие приезжающие в Приамурье – ученые, московские чиновники, артисты, спортсмены – при виде всего этого сельскохозяйственного богатства давно уже с восхищением говорили: «Да у вас тут – как на Кубани, один к одному. Такая жизнь кипит!»

Но, к сожалению, по-настоящему «кипела» она не везде и всюду, не в каждой деревне, а лишь в отдельных хозяйствах, где руководителями были такие люди, как Котенко, Багров, Мормоль, Филимонов, Петров, Баранас и некоторые другие. Однако таких хозяйств, увы, в области насчитывалось процентов 15, от силы 20. В остальных производственные успехи, мягко говоря, оставляли желать много лучшего. За те 15-20 лет, в течение которых Котенко и Багров увеличили производство зерна в 4 раза, в 43 колхозах и совхозах, то есть в пятой части всех хозяйств области, оно не только не увеличилось, но даже сократилось.

Переехав из одной деревни в другую, расположенную в каких-то километрах 10-12, можно было попасть совершенно в иной мир, не похожий на этот и как бы существующий параллельно. Там жили иные люди – равнодушные, отстранённые от всего происходящего, словно заглянувшие туда на часок. Черты хозяина, присущие прежде большинству российских крестьян, да и сейчас отличающие мужиков в передовых хозяйствах, здесь у людей напрочь отсутствовали.

Телеграфное агентство, в котором я работал, считалось рупором советского правительства, время от времени ему поручалось делать важные заявления от имени государства. И тогда во всех газетах печатались сообщения под крупными заголовками: «сообщение ТАСС» или «ТАСС уполномочен заявить». В них излагались взгляды советского руководства на те или иные внутренние и внешние проблемы, а всё, что мешало развитию и процветанию нашей страны, осуществлению её международной политики, подвергалось острой, нелюбезной критике. А вот самим корреспондентам ТАСС поднимать какие-либо проблемы, писать о негативных явлениях в экономике, социальной

сфере и т. д. было запрещено. Это входило в обязанность самих газет, мы же должны были давать информационные материалы, репортажи, интервью лишь об успехах социалистического строительства, передовом опыте, советском образе жизни, лучших людях и т. п. Справедливо считалось, что короткая абвиатура «корр. ТАСС» под фамилией автора будет восприниматься многими читателями как просто «ТАСС», а точка зрения журналиста – как мнение правительства.

Однако у этого правила было одно исключение: то, что нам запрещалось как собкором ТАСС, не возбранялось, когда мы выступали как писатели, публицисты – на страницах журналов, всевозможных литературных сборников. Многие тассовцы этой отдушиной не преминули воспользоваться. Поэтому я одинаково охотно гнал свою служебную «Ниву» и в передовые, и в отстающие хозяйства. Хотелось понять, что же происходит с нашим сельским хозяйством.

Понять это было очень сложно, даже если у тебя семь пядей во лбу. Ведь, кажется, всё благоприятствовало успешной работе сельчан. Непонимание, которое возникло между крестьянами и советской властью на начальной стадии коллективизации, давно преодолено. Самая передовая в мире колхозно-совхозная система вроде бы отработана до мелочей. В том, что эта система действительно единственно правильная в мире, никто теперь не сомневался, так как партийная пропаганда постоянно твердила, что классики марксизма-ленинизма убедительно обосновали её преимущества (хотя никто из рядовых граждан этих обоснований не видел). После снятия Хрущёва в аграрной политике партии и государства больше не было перегибов, шараханий из стороны в сторону, волюнтаризма. Наоборот, решения высших партийных и государственных органов отличались продуманностью, взвешенностью. А столь огромной материально-финансовой поддержки, как в 70-е годы, никогда прежде – ни в царское, ни в советское время – сельское хозяйство страны не получало. Да и успехи таких передовых хозяйств, как колхозы «Приамурье», «Родина», «Знамя», совхозы «Партизан», «Пограничный», «Димский» и некоторые другие, говорили о силе и могуществе колхозно-совхозного строя.

Так почему же в большинстве хозяйств дела шли не на подъём, а под уклон? Эти хозяйства тянули назад весь агропромышленный комплекс области, в результате чего сбор зерновых, например, в столь благодатное для села десятилетие выглядел так:

1970 год	– 750 тысяч тонн
1980 год	– 560 тысяч тонн

Ещё больше сократились за это время сборы главной зерновой культуры – пшеницы:

1968 год	– 678 тысяч тонн
1969 год	– 531 тысяча тонн
1970 год	– 401 тысяча тонн
1980 год	– 225 тысяч тонн

Ответ на вопрос «почему так происходит?» пришёл значительно позднее – когда прилавки в продовольственных магазинах опустели, а главные продукты питания стали продавать по талонам – почти как в войну. Лишь тогда многим (но далеко не всем) стало ясно, что главная причина нашей сельскохозяйственной катастрофы заключена в самом колхозно-совхозном строе.

За полвека своего существования этот строй сумел-таки перековать основную массу сельского населения. Прежнее крестьянство окончательно лишилось корней, питавших его соками земли. Оказались порушенными вера, традиции, обряды, семейные устои, на чём в течение тысячи лет держалась российская деревня. Вместо всего этого государство внедрило новый, советский, образ жизни, придуманный партийными чиновниками в кремлёвских кабинетах.

Важной составной частью этого образа жизни стали колхозы и совхозы, идея создания которых родилась наверняка в очень больном воображении коммунистических теоретиков. Чтобы «покрыть» ими страну, советская власть пошла на тяжчайшее преступление – уничтожила миллионы крестьянских хозяйств, испокон веков, до 1929 года, кормивших всю страну да ещё и приносивших казне валюту, являясь крупнейшим в мире экспортёром зерна. Вместо этой могучей производственной силы, превратившей Россию в начале XX столетия в одного из

мировых сельскохозяйственных лидеров, большевистские комиссары создали не понять что.

Тот «мир» (или общество), который когда-то правил деревней, перестал существовать. Он больше был здесь не нужен, его заменил трудовой коллектив, который ничего не решал. По всем производственным вопросам, решения принимала (или, точнее, должна была принимать) колхозно-совхозная контора. Она, эта контора, определяла людям задания на работу, она же давала нагоняи за брак, невыполнение плана, нарушение трудовой дисциплины. Туда же (в партком или профком) шли бабы, чтобы унять от пьянки или безделья своих мужиков.

Словом, все деревенские проблемы теперь взвалили на контору, точнее – на трёх-четырёх её ответственных лиц. А масса здоровых, работоспособных, юридически состоятельных граждан деревни, энергии у которых, по выражению Столыпина, было не мерено, стала жить по принципу: моя хата с краю, я ничего не знаю. Официальная пропаганда внушала этим людям, что они и есть хозяева жизни, даже лозунг для них придумали: всё кругом колхозное – всё кругом моё. Но они-то знали, что на самом деле ничего у них нет и никакие они не хозяева.

Ну вот, к примеру, проживал мужик с семьей в добротном доме с красивым двориком. Построил для него все это колхоз или совхоз на общественно-государственные деньги. Если покосилось крыльцо, подгнил забор или потекла крыша – исправить должен собственник, то есть тот же колхоз или совхоз. Вот и шел «хозяин жизни», снимал шапку. Хорошо, если руководитель был наподобие Котенко или Багрова, а если нет?

В те дни мне довелось присутствовать на приеме директором совхоза своих рабочих как раз по таким вот житейским вопросам. Того самого совхоза «Винниковский», где когда-то мы, журналисты, заблудились на мелиоративной системе. После памятного приключения я несколько лет здесь не был, но знал, что старый директор, при котором хозяйство шло в гору, покинул свой пост по болезни, а на его место назначили нового. И вот теперь я не узнал деревню.

Широкие улицы были изрядно запущены, вдоль заборов

буйствовали заросли бурьяна, то там, то здесь можно было видеть кучи всякого хлама. По улицам давно не проходит грейдер, дороги были сплошь в выбоинах, заполненных дождевой водой. Не тянулись ввысь свежие стропила.

Причину столь безрадостных перемен новый директор (не буду называть фамилию этого ущербного человека, не его вина, что назначили руководителем крупного хозяйства) объяснил так:

– Работать некому. Чуть прижмёшь за дело – уезжают в город. Вот и сегодня сразу шестеро подали заявления на увольнение.

Первым из этих шести вошел высокий чернявый парень, сразу видно – из местных казаков. И фамилия у него была знакомая, местная – Лончаков.

– Садись, Виктор, - сказал директор. - В город надумал?

– Нет, - отвечал парень с вызовом, - в другое село. Трактор дают, квартиру.

– Чего же дома не сидится? - директор вроде бы говорил с посетителем, но сам смотрел в окно.

– Так сколько можно мучиться? В который раз зазываю - посмотрите, как живу. Вы разве зашли?

– А что там у тебя?

– Так пол давно сгнил, чуть не по земле ходим. Подоконники от грибка вздыбились. А у нас маленькие дети.

– Стало быть, новую квартиру хочешь? – директор сурово сдвинул брови. – Так ее нет и не будет.

– Зачем квартиру? Стройматериал нужен. Я сам все почию, братья и дядьки помогут.

Несмотря на то, что дело значительно упрощалось, директор вдруг уперся:

– Лодырь ты, – сказал он всердцах. – Работал бы хорошо, давно бы всё получил.

Пригласив заведующую отделом кадров с табелем выходов на работу, директор нашел нужную строку:

– Вот, Лончаков Виктор, тракторист. В августе был 31 выход. А в июле? Тоже 31. В июне 30. Ты что же, без выходных работал?

– А то как же? - зло отвечал Лончаков. - Чтобы получить

выходной, надо себе сменщика найти. Где же теперь его взять, если вон сколько людей уехало...

Следующим был парень из свежих переселенцев, тоже тракторист. Он с семьей уже обосновался на новом месте, завел поросят, но для них требовался комбикорм.

– А ты приехал в совхозе работать или личных свиней откармливать? – так же глядя в окно, спросил глава хозяйства.

– Так одно другому не мешает, – удивился парень. – Сыпанул им корма и работай без проблем.

– Ишь ты, без проблем, – почему-то совсем озлился директор. – Картошку небось успели посадить? Вот копай и корми...

И руководителей, подобных этому, думаю, в области было немало. Что же оставалось делать «хозяйину жизни» в таких условиях? Идти под покровом ночи в колхозно-совхозную стройчасть, тащить оттуда доски, штакетник, шифер? Так он и делал, потому что купить все это в советских магазинах было невозможно. Потом, прежде чем заехать на общественную ферму с грузом комбикорма, поворачивал трактор с тележкой на свое подворье и оставлял часть груза собственным свинкам.

Со временем в эту «орбиту» втягивалось все больше сельчан, никогда прежде не бравших чужого. Воровство в хозяйствах стало процветать жуткое. Порой колхозные и совхозные буренки не получали даже половину того корма, который им, по документам, якобы скармливали. Поэтому и молока они давали на уровне козы. Почему такие низкие надои, ни для кого не было секретом. Но никто и пальцем не хотел шевельнуть, чтобы защитить от расхищения так называемое «своё», то есть общее добро. Потому что все на селе знали, что не они и даже не директор совхоза или председатель колхоза есть настоящие хозяева этого добра, а те партийно-государственные чиновники, которые руководили в деревне всем и вся.

Эти хозяева жили не в селе, а в райцентре, областном городе или столице, но они реально распоряжались и сельским домом, и трактором, и скотом, и выращенным урожаем. Распоряжались и деньгами, которые зарабатывали мужики своим горбом вроде бы для колхоза или совхоза. Эти деньги изымались у хозяйств, уходили в Москву, а потом часть их возвращалась об-

ратно в виде государственных. Потому-то ни они, ни всё построенное или купленное на них не принадлежало сельчанам. И было деревне, как говорится, «до лампочки».

Но что особенно интересно: оказывается, партийно-государственные чиновники тоже не чувствовали себя хозяевами, и им были «до лампочки» те колоссальные финансово-материальные ценности, которыми они распоряжались. Поэтому равнодушие, черствость, бюрократизм пронизывали управленческий аппарат снизу доверху. Вышестоящим органам власти было всё-равно, что делается на местах - хоть гори там все синим пламенем. Оттого многое в стране делалось не так, через пень-колоду, а то и вообще не делалось.

Я уже рассказывал, что благовещенские конструкторы из Всероссийского научно-исследовательского института сои во главе с кандидатом технических наук Юрием Терентьевым разработали целый комплекс механизмов для возделывания ценной белковой культуры, которую в народе стали называть «амурская чудесница». Образцы всех этих машин и приспособлений были изготовлены на благовещенских предприятиях, прошли испытания во многих соесеющих хозяйствах области, в том числе на государственной Амурской машиноиспытательной станции и получили высокую оценку специалистов. По мнению амурских соеводов, оснащение хозяйств этой техникой позволило бы поднять возделывание сои на более высокий уровень, расширить её посевы?

И что? Новые машины для «амурской чудесница» начали вскоре поступать в хозяйства? Как бы не так! Путь к этому был ой как «нелегко и не скоро»!

Собрав всю необходимую документацию, Юрий Терентьев отправился в Москву, в министерство сельскохозяйственного машиностроения, чтобы подключить к выпуску соеводческой техники заводы этого министерства. Однако там его встретили холодно.

– Ваши изделия включены в «Общероссийскую систему машин»? – спросили у Терентьева.

– Пока нет, – сказал Юрий Васильевич. – Но мы этого и добиваемся. Они прошли все положенные испытания.

– Ах нет?.. Тогда и разговаривать не о чём. Идите в министерство сельского хозяйства, что скажут там?

Но и в Минсельхозе, где, по мнению Терентьева, должны были обрадоваться появлению целого комплекса новых, уже испытанных и одобренных практиками соеобрабатывающих машин, встретили ходоков с Дальнего Востока не лучше.

– Соя? Что это такое? – удивился там высокопоставленный чиновник. – Ах, да, да... А какие посевы её в нашей стране?

– Думаю, в общей сложности семьсот – восемьсот тысяч гектаров, – сказал Терентьев. – Но это только начало. Надеемся, что наши машины помогут сое занять достойное место в севообороте страны.

– Всего 700-800 тысяч? – ещё больше удивился чиновников. – Стоит ли из-за такой мелочи огород городить? Заводы загружены, зачем их отрывать от дела пустяками?

Словом, так и не смог Терентьев пробить глухую стену. Комплекс механизмов для возделывания сои не хотели включать в «общесоюзную систему машин», так как посевы этой культуры невелики, но то, что невелики они как раз из-за отсутствия специальной техники, в министерствах мало кого тревожило.

А вот зерновую технику заводы гнали в хозяйства безостановочно. Во многих колхозах и совхозах она тут же ломалась, её ставили под забор или вовсе отправляли в металл, а взамен получали новую. Часто в тракторе или комбайне и заменить-то требовалось одну-две копеечные детали, но их не имелось в наличии. Заводам выгоднее было выпускать целиком дорогостоящие комбайны или тракторы, чем дешёвые запчасти к ним. Выгодно это было и министерству, которому спускался план по валу, то есть в рублях. А что в конечном счёте ущерб наносится стране, всем снизу доверху было «до лампочки».

Все меньше оставалось механизаторов, которые берегли и холили свою технику, сдували с нее пылинки. Но особенно развращала людей уровниловка в оплате труда. В то время даже появился термин - «среднесложившаяся зарплата». Неважно, что в колхозной или совхозной кассе гулял ветер, – люди все равно получали то же, что и в хозяйствах прибыльных. Статья «Заработная плата» в смете расходов тогда была самая защи-

щенная, на нее отпускались деньги в первую очередь. А если их совсем не было, банк давал кредит. В конечном итоге убытки покрывались за счет прибыли передовых хозяйств – об этом заботилось районное и областное начальство. Зачем же было механизатору отстающего колхоза или совхоза рвать гужи на поле, если бухгалтерия всё равно выводила в ведомости среднюю цифру?

О, средняя цифра для руководителей разных рангов в то время стала культовой. Она скрывала нерадивость одних, некомпетентность других, полную непригодность к руководящей работе третьих. Усредненные показатели – по району ли, области – позволяли долго держаться на плаву многим чиновникам, отводили от них угрозу освобождение от должности.

В том же совхозе «Винниковский», к примеру, при уже упоминавшемся директоре зерна стали получать в два с лишним раза меньше, чем до его прихода, мяса – в два, картошки – в три раза. Но средние показатели по Михайловскому району были на уровне среднеобластных. Поэтому негодный руководитель долгое время продолжал здравствовать и разваливать хозяйство.

Где-то, думаю, к концу 70-х плохо работающих хозяйств в области стало так много, что вытягивать их даже таким китам, как совхозы «Партизан», «Пограничный», «Димский», «Ерковецкий», колхозы «Приамурье», «Родина», «Луч» и некоторые другие было уже не под силу. Похоже, то же самое наблюдалось по всей стране. Чтобы не допустить дефицита продовольствия, правительству следовало срочно принимать какие-то крутые меры. Например, гнать взашей разваливающих сельское хозяйство, никуда не годных руководителей, с которыми партийные органы почему-то носились как с писаной торбой.

Однако в ЦК и Совмине пошли по иному пути – стали закупать больше продуктов питания за границей, благо недостатка в «нефтедолларах» страна пока не ощущала. И сразу же обнаружилось, что в министерствах и ведомствах СССР немало руководителей, которые предпочитают не собственным производством заниматься, а жить «на халяву».

В правительство посыпались заявки, в которых ведомственные чиновники убеждали руководство страны, что союзная

экономика никак не может обойтись без таких-то импортных материалов, промышленных изделий, технических средств, без которых ещё недавно чувствовала себя превосходно. А список зарубежного продовольствия, без которого советским людям ни за что не выжить, расширился по сравнению с предыдущими годами в несколько раз. Особенно много вдруг потребовалось зерна.

И чем больше в страну поступало «нефтедолларов», тем больше в ней становилось нахлебников. Они были и среди простого народа, многие представители которого просто прохлаждались на своём производстве, зная, что «среднесложившуюся» зарплату начальство им все равно обеспечит, а если этого не сделает, то ему можно и ручкой помахать – рабочих-то вакансий в стране много.

Но наибольший вред наносили экономике нахлебники – руководители. Это сословие буквально охватила эпидемия, вызванная желанием жить «на халяву». Пока на нефтегазовых месторождениях Западной Сибири промышленность снимала «сливки», то есть разрабатывала самые доступные, не требующие больших затрат месторождения, а энергоносители продавались за рубеж по высокой цене, от директоров предприятий, начальников всевозможных главков, желающих урвать у правительства побольше «нефтедолларов», отбоя не было. Они намеревались закупать за границей даже малозначащую мелочевку, которую всегда производили сами. Опасность этой эпидемии для экономики страны, мне кажется, тогда по-настоящему не оценили. А через двадцать лет эта эпидемия вспыхнула вновь – уже в новой, постсоциалистической России и на более высоком уровне.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОММУНИЗМ

Как, наверное, многие помнят, коммунизм в Советском Союзе строили не абы как, а на основе тщательно разработанных пятилетних планов. Всего их было двенадцать. Первые два мы вроде как успешно выполнили в 30-е годы, третий нам не

дали завершить фашисты. Но когда гитлеровская Германия и милитаристская Япония были разгромлены, начались ещё более научно обоснованные пятилетки: 1946-1950 гг., 1951-1955 гг., 1956-1960 гг. и т.д. На рубеже этих пятилетий скрупулёзно подбивались бабки, намечались планы на ближайшие пять лет, партийный аппарат готовил население к новым грандиозным свершениям.

С большим нетерпением люди ожидали итогов 1980 года. Во-первых, потому, что этот год завершал не рядовую, а юбилейную – десятую пятилетку. Сей факт свидетельствовал о том, что советское народное хозяйство уже полвека развивалось по социалистическим законам, а значит, настало время ответить на вопрос: какую же экономику мы создали?

Была и ещё одна веская причина, заставившая высшее руководство страны подойти к анализу социально-политической ситуации в стране с особой тщательностью. В своё время Хрущев провозгласил на весь мир, что именно в 1980 году в Советском Союзе будет завершено строительство материально-технической базы коммунизма и наступит полное изобилие благ для каждого советского человека. Выступая с докладом на XXI партийном съезде о проекте новой Программы КПСС, он заявил: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Эти слова стали тогда для нашей страны лозунгом дня, их ежедневно тиражировали средства массовой информации, повторяли многочисленные плакаты, вывешенные на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и т.д. О скором пришествии коммунизма напоминали миллионы транспарантов, украшавших колонны трудящихся на праздничных демонстрациях.

После отстранения Хрущева от власти новые лидеры обвинили Никиту Сергеевича в волюнтаризме, но это заявление не отвергли. Наоборот, они заявили, что будут строить коммунизм ещё более высокими темпами, чем Хрущев. Теперь настало время не для него, а для них что-то предъявить людям.

Десятая пятилетка проходила в исключительно благоприятных условиях. Наконец-то на планете наступила военная разрядка. Ещё в конце 40-х годов США потеряли монополию на

обладание ядерным оружием и с той поры не имели превосходства в этой сфере. Все их попытки вернуть себе прежнее лидерство привели лишь к наращиванию ядерных арсеналов с обеих сторон, что грозило миру, в том числе и США, катастрофой. Поэтому в 1972 году Леонид Брежнев и президент США Ричард Никсон подписали договор между двумя великими державами о сокращении стратегических наступательных вооружений. После этого советскому правительству уже ничего не мешало полностью сосредоточиться на решении внутренних хозяйственных задач.

Благоприятно складывалась для СССР и конъюнктура на мировом рынке. С 1970 по 1980 год при росте годового экспорта нефти с 66,8 млн. тонн до 119,1 млн. тонн цена на неё подскочила с 7,6 долл. за баррель до 66,1 долл. Благодаря этому советская экономика получала дополнительно финансовые вливания, исчисляемые десятками миллионов долларов в год.

Однако то, к чему пришла страна при всех благоприятных факторах, никак не соответствовало представлению граждан о коммунизме. Изобилия Советский Союз достиг лишь в сфере производства танков, ракет, подводных лодок и прочего сверхсовременного вооружения: производил всего этого (кроме надводных кораблей) больше, чем 16 государств Североатлантического блока, вместе взятых, и помогал вооружать армии более тридцати развивающихся стран. А что касается обеспечения своих граждан жильем, продовольствием, товарами широкого потребления, бытовой техникой и т.п., то тут не было не только изобилия, но и элементарного достатка.

Советская экономика, как и полвека назад, по-прежнему оставалась догоняющей. Этому раньше находили множество оправданий. То ей мешали кулаки и прочие скрытые враги, то сказывались разрушительные последствия войны, то было необходимо создавать мощный оборонительный щит, то препятствовал хрущевский волюнтаризм. Но теперь все это осталось позади. О скрытых кулаках и врагах давно забыли, военные раны полностью залечили, оборонительный щит надежно прикрывал небо, а страной руководило Политбюро – самый коллегиальный орган в мире.

И тем не менее в десятой пятилетке наша экономика, за исключением военно-космического комплекса, продемонстрировала полную неспособность конкурировать с Западом. Производительность труда в промышленности у нас уступала американской в 3-4 раза, а в сельском хозяйстве была в 10 раз ниже, чем в северных скандинавских странах. Темпы роста национального дохода в десятой пятилетке оказались в 1,8 раза ниже даже по сравнению с 1966-1970 годами, когда народное хозяйство ещё не получало мощной подпитки в виде бурного притока «нефтедолларов».

Для колхозов и совхозов пятилетка стала и вовсе провальной. Отечественная промышленность за пять лет поставила сельчанам минеральных удобрений в полтора раза, тракторов – в пять, комбайнов – в шестнадцать раз больше, чем получили американские фермеры. Благодаря поднятой при Хрущеве целине посевная площадь в стране достигла гигантских размеров – 217 млн. гектаров, в то время как в США она составляла 136 млн. га. У нас на душу населения пришлось 0,82 гектара пашни, у них – 0,59. Но наши колхозы и совхозы со значительно большей площади собирали по 189 миллионов тонн зерна в год, а их фермеры – по 270 миллионов тонн.

Своего хлеба в Советском Союзе в последнее десятилетие стало катастрофически не хватать. Ни для населения, ни для фуража. При этом, чем больше средств государство вкладывало в развитие сельского хозяйства, тем больше зерна приходилось покупать за рубежом. Вот данные статистики:

Импорт зерна в СССР (млн. тонн)

1970 г.	1975 г.	1980 г.
2,2	15,8	29,4

Такая же противоречивая картина наблюдалась и в животноводстве. С одной стороны, Советский Союз превзошел США по площади животноводческих помещений и поголовью скота. Вот как это выглядело в цифрах:

Поголовье скота и птицы в СССР и США в 1980 году

	СССР	США
Численность крупного рогатого скота (млн. гол.)	115	111
Поголовье свиней (млн. гол.)	73	67
Поголовье овец (млн. гол.)	141	12
Поголовье коз (млн. гол.)	5,9	Нет
Птица (гол.)	1 млрд. 29 млн.	400 млн.

Но с другой стороны... Имея огромное превосходство в поголовье всей без исключения живности, Советский Союз произвел в 1980 году лишь 15 млн. тонн мяса, а Соединенные Штаты – 26 млн. тонн. У нас на душу населения пришлось 58 килограммов мясной продукции, у них – 120 килограммов.

Неспособность колхозов и совхозов обеспечить население страны собственным продовольствием заставила правительство увеличивать его импорт из-за рубежа. Затраты на закупки продуктов питания за границей возросли с 10 млрд. долл. 1975 году до 19,5 млрд. в 1980-м, то есть всего за 5 лет – почти в 2 раза! Значительно увеличился импорт мяса и сливочного масла – на 60 процентов и в 20 раз соответственно.

Эти цифры наглядно показывали, какое сельское хозяйство мы создали. Старого, дореволюционного, кормившего прежде страну и часть Европы, больше не существовало. После 1929 года выкорчевали даже его корни, уходящие глубоко в землю. Лучшую часть крестьянства, называемую в народе «солью земли», расстреляли, сгноили в концлагерях или пустили по миру. Колхозы же и совхозы, созданные на развалинах личных крестьянских хозяйств, оказались неэффективными, высокозатратными, не способными прокормить даже собственный народ! Они развивались не по объективным, а по каким-то иным, непонятным законам и наверняка могли вконец разорить даже такую богатую землёй, природными и людскими ресурсами страну, как наша.

Чтобы этого не случилось, следовало немедленно принимать кардинальные меры в масштабах страны. Идти дальше по тому же пути, закрывая глаза на глубинные причины неудач и откладывая экономическую реформу, как поступили во второй половине 60-х, теперь было смерти подобно. Это понимали многие непредвзятые специалисты в Госплане и их консультанты – учёные из Академии наук.

Понимал это и Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. После сворачивания начатых им реформ экономическая наука в стране переживала не лучшие времена. Над творчески мыслящими учёными навис дамоклов меч партийной цензуры, готовый упасть на любого учёного при его отступлении от марксистско-ленинских догм. Идеологическая служба ЦК, возглавляемая вторым лицом в партии М.А. Суловым, беспощадно уничтожала любую «крамолу» в науке при малейшем её проявлении. Из Московского государственного университета имени Ломоносова, например, был изгнан заведующий кафедрой математического анализа экономики Станислав Шаталин за...«идеологическую неблагонадёжность лекций» и «пристрастие к вульгарно-экономическим теориям Запада».

Алексей Николаевич как мог противостоял попыткам партийной инквизиции вытравить живую мысль при разработке народнохозяйственных планов. В 1977 году по его инициативе даже был создан Всесоюзный академический институт системных исследований, который занялся долгосрочным прогнозированием экономических процессов в стране. Его директором стал сподвижник Косыгина заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике академик Д. Гвишиани, а ведущий отдел возглавил изгнанный из МГУ С. Шаталин.

В институте собрались талантливые экономисты, математики, философы, системщики, здесь велись дискуссии без оглядки на идеологические установки ЦК. «Когда я попал на такой семинар, появилось ощущение, что вот-вот собравшихся потащат в кутузку, – вспоминал позднее в то время молодой кандидат наук, ставший впоследствии вдохновителем рыночной

реформы в России Егор Гайдар. – Но именно такое деидеологизированное обсуждение, жёсткая постановка вопросов и высвечивали по-настоящему масштабы тех проблем, с которыми столкнулась социалистическая экономика».

Рекомендации учёных напрямую направлялись в кабинет главы правительства. Алексей Николаевич сокрушался по поводу провала десятой пятилетки, убеждал членов Политбюро, что в новой, одиннадцатой, народное хозяйство СССР не выйдет из затяжного кризиса без рыночной реформы, подобной той, которую пыталась проводить в 1956 году Венгрия, и которую успешно начал в 1978 году Китай.

Однако для престарелых коллег Косыгина в руководстве партии пойти на радикальные перемены в народном хозяйстве было бы все равно, что признать крах партийно-государственной и своей личной идеологии. Они строили социалистическую экономику в соответствии с ленинскими поправками к коммунизму, признававшими возможность победы коммунизма в одной, отдельно взятой, стране. Предсмертное признание Ильича в том, что попытка большевиков следовать этим курсом после революции 1917 года привела их к катастрофическому поражению на экономическом фронте, всеми давно забылось. Поэтому ни о каком реформировании народного хозяйства они и слышать не хотели.

Обстановка вокруг премьера всё более обострялась, и в результате он, ещё недавно будучи бодрым и энергичным, в конце 1980 года попал в кремлевскую больницу. Этого, похоже, только и ждали. Алексея Николаевича тотчас же вывели из состава Политбюро под тем предлогом, что он не сможет больше выполнять обязанности члена высшего коллегиального органа партии по состоянию здоровья. При этом сами старцы, голосовавшие за такое решение, хотя у многих здоровье было, может быть, даже на порядок хуже, не собирались уходить со своих высоких постов.

Не дожидаясь, когда заботливые коллеги попросят его и из правительства, Алексей Николаевич сам, прямо на больничной койке, написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Заявление

было написано и отправлено вечером, а уже на следующее утро просьбу рассмотрели и удовлетворили.

«На второй день после отставки с поста Председателя его лишили охраны, правительственной связи, машины, – пишет биограф А.Н. Косыгина А. Лаврин. – Никто из коллег, бывших помощников, охранников (хотя Алексей Николаевич хорошо ко всем относился – *А.К.*) не навещал и не звонил ему, чтобы сказать доброе слово, все чего-то опасались...

Умирая в больнице, он бредил цифрами, переживал за предстоящую пятилетку, опасаясь её полной неудачи, огорчался нежеланием Политбюро заниматься этим вопросом (то есть радикальным реформированием народного хозяйства – *А.К.*)».

«Переживал» и «огорчался» – сказано слишком мягко. Для человека, под чьим руководством создавалась одна из крупнейших экономик мира и который лучше других понимал, в какую пучину толкает страну её политическое руководство, это было равносильно апокалипсическому удару. Такого удара он не выдержал. 18 декабря 1980 года Алексея Николаевича не стало. Официальное сообщение о постигшей страну утрате появилось только через три дня. Видимо, в Политбюро долго решали, как объявить народу об этой неожиданной смерти.

После ухода Косыгина из правительства в высших руководящих кругах страны вообще перестали употреблять слова «рынок», «экономическая реформа», «рыночный социализм». Новый пятилетний план на 1980-1985 годы разрабатывался на основе прежних административно-командных принципов, которые уже завели народное хозяйство в тупик. Как и десять, двадцать, пятьдесят лет назад, решения по ключевым вопросам принимались не экономические, а чисто политические.

Народу решили не объяснять, почему в 1980 году обещанный коммунизм так и не наступил, а поставить перед ним новую, ещё более грандиозную задачу, чтобы дух у людей захватило. Эта задача звучала так: за ближайшие 10 лет, к 1990 году, сделать то, чего не смогли добиться за предыдущие 63 года советской власти – обеспечить население страны продовольствием по научно-обоснованным нормам за счёт собственного производства, без закупок продуктов питания за рубежом. Никто не сомневался, что

народ идею непременно поддержит, ведь люди у нас привыкли верить в светлое будущее и ради скорого земного рая готовы прощать своему руководству любые шалости.

Госплан в авральном порядке принялся разрабатывать «Продовольственную программу СССР до 1990 года». В ней предусматривалось в ближайшие десять лет вложить в сельское хозяйство страны вдвое больше средств, чем за минувшее десятилетие. Планировались уже в одиннадцатой пятилетке (1981-1985 гг.) резко ускорить темпы строительства на селе жилья, объектов соцкультбыта, ремонтных и животноводческих помещений, увеличить поголовье скота и птицы, расширить посевные площади под кормовыми культурами, дать колхозам и совхозам ещё больше машин, оборудования, удобрений, гербицидов и т.п.

Таких грандиозных программ в области сельского хозяйства партия действительно ещё не предлагала. От предыдущих «больших скачков» и погонь за Америкой она отличалась не только большим масштабом, но и тем, что была обеспечена материальными ресурсами и источниками финансирования. Выполнить её намечалось без ущерба для других отраслей народного хозяйства. Эта Программа вскоре была принята пленумом ЦК КПСС и стала руководством к действию для всех партийных и государственных органов сверху до низу.

Одиннадцатая пятилетка началась более чем обнадеживающе. Поступление валюты от экспорта нефти продолжало расти и в 1983 году впервые перевалило за 90 млрд. долл. Это позволило за первые три года профинансировать сельское хозяйство даже в большем объёме, чем предусматривалось Продовольственной программой, что печать назвала «хорошим подарком Брежнева».

Однако в стране началась политическая чехарда. В конце 1982 года Л.И. Брежнев умер. Новым генеральным секретарем ЦК КПСС стал один из самых влиятельных в то время политиков – председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Это был

человек всесторонне развитый, даже писал неплохие стихи, но главное – в отличие от других членов Политбюро очень хорошо, во всех деталях, знал ситуацию в стране и был прагматиком.

Как и положено бывшему шефу госбезопасности, новый лидер страны начал с закручивания гаек. А закручивать их надо было ой как сильно. За годы брежневского «застоя» народ вконец распустился, дисциплина упала не только в трудовых коллективах, но и в государственных учреждениях. Ежедневно через час-полтора после начала рабочего дня многие конторы наполовину пустели. Женщины начинали рыскать по магазинам в поисках заграничных кофточек, блузок, босоножек. Чтобы захватить дефицитный «импорт», требовалось проявить большое усердие, поэтому посещение магазинов в рабочее время для многих дам стало как бы образом жизни. Имелись в городах и другие притягательные точки для дневных визитов прекрасной половины человечества, например, парикмахерские, всевозможные ателье, кинотеатры. Их с утра начинали осаждать посетительницы, а в конторах учреждений уже через час-полтора после начала трудового дня получить нужную справку становилось проблемой.

Представители же сильного пола в рабочих коллективах вели себя по-иному. Они не бегали по магазинам, ателье или кинотеатрам, но к обеду, как правило, полколлектива там уже было навеселе. При этом для многих не имело значения, где он трудится – в цеху, на строительной площадке или за рулем грузовика. Мне, постоянно бывавшему в трудовых коллективах, такое встречалось на каждом шагу.

Насмотревшись на сии художества, я однажды решил хронометрировать это явление в крупном управлении механизации строительных работ на окраине Благовещенска. Результат получился прелюбопытнейший. К 8 утра, когда все автокраны, погрузчики, буровые установки, цементовозы и т.д. должны были уже находиться на строительных объектах, ни один механизм из ворот базы не вышел. Территорию оглашал рёв моторов, но работали они вхолостую, заполняя окрестности выхлопными газами. Механизаторы собирались в кучки, травили анекдоты, обсуждали последние новости. Таиться от начальства никто и не

думал, так как все знали, что начальник управления и парторг приедут лишь к 10-ти. И точно: ровно в десять в ворота вкатила «Волга», у обоих пассажиров которой лица были красные и помятые, очевидно, после «вчерашнего». Механизаторы вмиг разбрелись по машинам, сделали вид, что заняты ремонтом. Но начальник и парторг ошастливили родной коллектив своим присутствием лишь минут на сорок, а потом, около 11-ти, убыли в неизвестном направлении на неопределенное время. Следом за их «Волгой» из ворот вышел и первый грузовик. Это была машина-«хозяйка», на которой отправился в ближайший магазин особо уполномоченный коллектива с энной суммой общественных денег. И только после его возвращения, когда механизаторы похмелились, автокраны, цементовозы, бетономешалки разъехались по объектам.

Но и это ещё не факт, что все они оказались на стройплощадках. Любой самосвал мог в пути свернуть «налево», чтобы завезти кому-нибудь на садовый участок навоз, буровая установка – пробурить там скважину для помпы, кран – чтобы смонтировать бетонные блоки на даче и т.д. Спрос на услуги таких «халтурщиков» и «калымщиков» в то время был огромный, так как государство не считало нужным заботиться о подобных «мелочах» для населения. За бутылку водки можно было приобрести у страждущих работяг набор новенького слесарного инструмента, провода и прочую мелочь для освещения дома или дачи, водопроводные краны, муфты, сгоны и т.п. Был случай, когда садовод купил для полива грядок на даче 4-кубовую ёмкость, служившую расширительным баком системы отопления в одном из цехов предприятия. Рабочие срезали его, тайно вывезли и продали за шесть бутылок водки.

Не отставала от города по части питания и деревня. Однажды, когда я оставил свой корреспондентский «уазик» возле совхозной конторы, а сам беседовал с директором в его кабинете, у моего автомобиля трактор вывернул передний бампер. Тракторист с места происшествия скрылся, но осталось много свидетелей. Они и сообщили нам с директором, что это Пашка, подлец, будучи пьяным, наскочил на машину гостя.

Высказав тысячу извинений, директор приказал одному из совхозных начальников срочно организовать ремонт. До конца рабочего дня оставалось ещё часа четыре, но когда мы заехали на машинный двор, там не оказалось ни одного человека. Посреди двора стоял трактор того самого Пашки, однако хозяина и здесь не было.

– Сегодня – день получки, – оправдывался организатор ремонта. – А народ, сами понимаете, не может терпеть до вечера.

В конце концов удалось найти газосварщика, который, правда, тоже не «утерпел» до окончания смены. Видя, как его штормит, я хотел было отказаться от такого помощника, но он решительно взялся за резак.

– Ты попроси своего начальника, чтобы шума не поднимал, – обратился ко мне газосварщик, когда работу закончил.

– Какого начальника? – не понял я.

– Так шефа своего, корреспондента ТАСС. А то распишет на всю страну, позора не оберёшься. Коллектив-то у нас хороший, но с кем не бывает. Ты ведь тоже мужик, понимать должен – день получки...

После таких слов у меня просто грудь распирило от гордости за наш народ. Да, он выпивает, но думает-то прежде всего о коллективе, а не о себе!

Однако с таким «патриотизмом» пора было кончать. Андропов железной рукой принялся наводить порядок. В утренние часы по магазинам пошли ребята в штатском, присматриваясь, кто и что покупает в столь раннюю пору. У счастливых обладательниц импортных блузок и кофточек просили показать документы на предмет установления личности, а потом многим предлагали пройти в «чёрный воронок». То же было и в кинотеатрах на первых сеансах. Фильм прерывали на самом интересном месте, и начиналось ещё более интересное. В результате от кинотеатров «воронки» уходили заполненные под завязку.

Всего несколько таких рейдов в каждом населённом пункте было достаточно, чтобы навсегда отучить прогульщиков от дневных культурно-развлекательных мероприятий. Труднее оказалось противостоять пьянкам на производстве. Здесь начали

«закручивать гайки» с самих руководителей, и через несколько месяцев кривая пьянок на рабочих местах всё же поползла вниз.

Это были первые и, надо сказать, весьма успешные шаги нового генерального секретаря ЦК КПСС по оздоровлению больной советской экономики. За ними последовали и другие, более серьезные. Ю.В. Андропов поручил ведущим академическим институтам, занимающимся экономическими исследованиями, подготовить для Политбюро аналитическую записку, в которой ответить на вопросы, что такое «рыночный социализм», который с 1978 года начал строить Китай, и можно ли использовать китайский опыт в условиях СССР?

Учёные воспряли духом. Они ответили, что «экономическая реформа в Китае – безусловный образец для подражания», но предупреждали, что теперь, когда «склероз советской экономики зашёл слишком далеко», повернуть на этот путь будет значительно труднее, чем Китаю в 1978-м. И все же, говорилось в записке, переход от командно-административных к рыночным отношениям – единственно возможный способ вывести народное хозяйство страны из кризиса.

Но записку академических институтов, над которой работали лучшие аналитики, Политбюро тогда так и не обсуждало. В апреле 1984 года, пробыв на посту Генерального Секретаря ЦК КПСС около полутора лет, Ю.В. Андропов умер от болезни почек. Через год после его смерти ушёл из жизни и его преемник К.У. Черненко. Человек тоже преклонных лет да к тому же ещё и безнадежно больной, он, понятное дело, не мог руководить такой огромной страной, но другого лидера в своих рядах престарелые члены Политбюро не нашли. Наконец, в марте 1985 года Генеральным секретарём избрали достаточно молодого, пришедшего на работу в ЦК с периферии, Михаила Сергеевича Горбачёва. Это был уже четвёртый генсек за последнюю пятилетку. Так часто первые руководители государств не менялись, пожалуй, нигде в мире. Неудивительно, что страна в эти годы стала как бы бесхозной.

Как и ожидал А.Н. Косыгин, экономические итоги одиннадцатой пятилетки оказались более чем плачевными. Особенно в сельском хозяйстве. О Продовольственной программе больше

никто не вспоминал. Несмотря на самые большие капвложения за всю историю существования колхозов и совхозов, аграрный сектор снизил объём валовой продукции в растениеводстве даже по сравнению с восьмой пятилеткой (1966-1970 гг.).

Вот чем «порадовали» своих соотечественников колхозно-совхозные полеводы:

Среднегодовые сборы важнейших сельскохозяйственных культур в СССР (млн. тонн)

	1971-1975 гг.	1981-1985 гг.
Зерно	181,6	180,3
Картофель	89,0	78,4
Овощи (включая выращенные в личных хозяйствах граждан)	23,0	29,2
Масличные культуры	6,6	5,7
Сахарная свекла	71,0	76,4
Хлопок-сырец	2,47	2,45
Льноволокно (тыс.т.)	456,0	377,0

Ситуация с продуктами питания собственного производства не только не улучшилась, но и стала острой настолько, что правительство вынуждено было ещё больше закупать продовольствия за рубежом. Покупали практически все вплоть до репчатого лука. Но особенно выросли закупки зерна: с 29,4 млн. тонн в 1980 году до 45,6 млн. тонн в 1985-м.

Беспрецедентный рост зернового импорта объяснялся главным образом большой потребностью колхозов и совхозов в фураже. Продовольственной программой предусматривалось создать для животноводства свою мощную кормовую базу. Однако, коллективные хозяйства с этой задачей не справились. Пришлось в спешном порядке решать проблему самому государству. За счёт импортного фуража производство мяса всё-таки смогли увеличить. На прилавках магазинов это, правда, было

незаметно, но Центральное статистическое управление сообщило, что за пятилетку рост составил аж 38 процентов.

На фоне остальных неудач это выглядело как фантастика. Средства массовой информации, лекторы, агитаторы принялись воспевать успех животноводов. Никто, естественно, не ставил его под сомнение. Позднее этот чудесный взлёт отечественного животноводства стал веским аргументом в споре сторонников и противников колхозно-совхозного строя. Первые утверждали, что отказываться от колхозов-совхозов рано – ведь могут же они творить чудеса.

В своей предыдущей книге «Схватка над пропастью. Записки губернатора» я тоже, вслед за другими авторами, использовал эту цифру – ведь её привело в своих официальных документах уважаемое ЦСУ! Хотя и были сомнения, но пришлось их отбросить. Однако теперь, при более тщательном изучении вопроса, вынужден признать, что был не прав.

Оказывается, у уважаемой госпожи Статистики есть свои заморочки – при желании она может так задурить человеку голову, что эта часть тела пойдет кругом. Ну, например, в разных отчетах указывается: в одном случае вес собранного зерна «после доработки» (когда оно очищено и просушено), в другом – «в бункерном весе» (то есть вместе с мусором и влагой), а в третьем – вообще не указывается – в каком весе считали. Вот и поди сравни результат!

То же и с мясом. Там есть «живой вес», «убойный вес», а есть загадочный «вес на убой». В первом и во втором случаях все понятно, а что означает «вес на убой»? Это когда животное перед сдачей на мясокомбинат поили водой, а потом взвешивали? Как же этот вес сравнивать с «убойным весом»?

По какой методике в ЦСУ подсчитаны эти 38 процентов, установить невозможно. Но в любом случае цифра оказывается липовой. Это нетрудно определить, если произвести элементарные расчёты, используя цифры других разделов справочника. В 1980 году, мяса в стране было произведено 15 млн. тонн. А сколько в 1985-м? Оказывается – 17,1 миллиона тонн. Стало быть, за 5 лет рост составил 2,1 млн. тонн. Но это от 15 млн. не 38, а всего 13 процентов!

Заглянем в другой раздел: потребление мяса на душу населения. В 1980 году мы потребили на душу 58 кг, а в 1985-м – 62 кг. Рост оказался ещё меньше – всего 7 процентов! Куда же девались 4,5 млн. тонн этой продукции, если на экспорт страна мяса не отправляла, а наоборот, вдвое увеличила его ввоз из-за рубежа?

Итак, хорошо начавшаяся брежневская продовольственная программа с треском провалилась. Она и не могла дать желаемого эффекта, несмотря ни на какие финансовые инъекции, потому что не предусматривала главного – коренного реформирования аграрной отрасли. Власть ничего не сделала и не собиралась делать, чтобы вернуть деревне её самостоятельность, возродить у массы сельчан интерес к труду, исчезнувший вместе с понятиями «крестьянин», «мужик», «хозяин», «большак».

* * *

Надо сказать, что скорой смерти Константина Черненко люди ожидали. Не в том смысле, что этого ему кто-то желал, а в том, что её приближение видно было невооруженным глазом. Те, кто смотрел редкие телепередачи, где показывали нового Генсека, не могли не заметить, что дышать ему очень трудно и вообще он еле держится на ногах.

В курилках, на полевых станах и в других местах скопления людей заранее начали обсуждать кандидатуру следующего Генерального Секретаря. В одном из амурских хозяйств мне впервые довелось услышать от механизаторов, что лучшим генсеком для них был бы секретарь ЦК по сельскому хозяйству Михаил Сергеевич Горбачев. Во-первых, он на 20-25 лет моложе остальных членов Политбюро. Во-вторых, не несёт ответственности за ошибки в руководстве аграрным сектором страны, так как в ЦК пришёл совсем недавно с периферии. Поэтому не будет скрывать недостатки, а начнёт с ними бороться. В-третьих, если он много лет успешно руководил одним из самых сельскохозяйственных в СССР Ставропольским краем, то наверняка такую же политику будет проводить в масштабах

страны. В других деревнях говорили то же самое. Словом, деревня была за Горбачёва.

Видимо, так рассуждали не только на селе, поэтому в марте 1985 года Пленум ЦК КПСС и избрал Генеральным Секретарем Михаила Сергеевича. А он первым же своим публичным выступлением в новой должности – перед жителями Ленинграда буквально взорвал общественное мнение. От него ожидали услышать то же, что говорили и предыдущие генсеки: мол, сделано много, но предстоит ещё больше. Однако, Горбачев впервые после XX съезда партии, на котором Хрущёв развенчал культ личности Сталина, не стал изрекать похвалы сделанному, а заговорил об ошибках и упущениях в руководстве страной, приведших её к роковой черте. И говорил не в закрытом докладе для делегатов съезда, как Хрущёв, а открыто, всему народу. По его мнению, чтобы исправить ситуацию, следовало незамедлительно, общими усилиями партии и народа решить две главные задачи: провести основательную перестройку не оправдавших себя политических институтов и добиться существенного ускорения в экономике.

Слова «перестройка» и «ускорение» тут же были подхвачены средствами массовой информации и стали новыми политическими терминами. За ними последовали и дела. По указанию Горбачёва вскоре комиссия ЦК КПСС рассмотрела-таки аналитическую записку академических институтов, подготовленную при Андропове. Сам Михаил Сергеевич поддержал идею «рыночной экономики в рамках социализма», однако, несмотря на это, комиссия её отвергла «как неприемлемую для социалистической экономики».

Видимо, поняв, что с такими заскорузлыми руководящими кадрами в партийно-государственных органах далеко не продвинешься, Горбачёв решил сделать упор на демократизацию политической системы. И начал с того, что всех престарелых членов Политбюро отправил на пенсию. Так же поступил и с аксакалами в Верховном Совете и Совете Министров СССР, с засидевшимися руководителями регионов.

Следующий шаг демократизации политической системы – ослабление пресса политической цензуры – вызвал в стране

настоящий информационный бум. На головы граждан обрушился поток таких сведений, которые прежде тщательно скрывались. Увидели, наконец, свет книги О.Лациса и Б. Черных, рассказывающие правду о коллективизации, многие другие произведения, находившиеся под запретом. Газеты и журналы начали публиковать аналитические статьи экономистов С. Шаталина, Н. Шмелёва, Г. Попова, В. Селюнина, в которых рассказывалось о таких вроде бы несовместимых с социализмом понятиях, как «рыночные отношения», «экономическая свобода», «частное предпринимательство», «фермерство». В отличие от членов Комиссии ЦК КПСС по совершенствованию управления народным хозяйством, простой народ воспринимал эту информацию благосклонно.

Мощный всплеск политической активности в стране вызвало принятие новых законов: о выборах органов государственной власти, о средствах массовой информации, а также об общественных объединениях граждан. Впервые после 1917 года граждане получили возможность избирать депутатов на альтернативной основе, свободно создавать общественные объединения, учреждать газеты и другие СМИ без дозволения партийных комитетов КПСС.

И вскоре страна покрылась сетью объединений избирателей, народных фронтов, молодёжных организаций и даже небольших, но амбициозных партий. Они, как правило, заявляли о поддержке горбачевской перестройки, но многие считали себя альтернативными КПСС. И неудивительно, так как в этих общественных объединениях оказалось немало диссидентов, реабилитированных и вышедших на свободу из лагерей и психушек.

Естественно, эти опытные политические бойцы молчать не стали, а рассказали в СМИ, какое беззаконие творилось при милейшем Леониде Ильиче в самой свободной стране мира – СССР. Председатель Консервативной партии Лев Убошко, проведший в заключении и психушках 17 лет 4 месяца и 16 дней, выпустил даже книгу «Моя борьба против красного фашизма».

О том, что в 30-е годы в СССР были «враги народа», которых отправляли в ГУЛАГ или расстреливали, знает, наверное, каждый. А вот кто такие «диссиденты», откуда они взялись в

эпоху «развитого социализма», когда народ и партия стали настолько едины, что, как говорится, водой не разольешь, известно далеко не всем. Лев Убожко утверждал в своей книге, что это образованные люди, в большинстве ещё и талантливые, преданные своей родине и народу. Вина же их заключалась в том, что, опередив время, в котором жили, они мыслили иначе, чем большинство членов Политбюро, правительства, секретарей ЦК, райкомов, горкомов, обкомов КПСС и т.п. Поэтому и ярлык на них навесили – «диссиденты», т.е. «несогласные, инакомыслящие».

Эти диссиденты видели, что бездарные вожди ведут страну в тупик и, пытались предотвратить надвигающуюся беду. Одни писали письма в ЦК, другие – в газеты, третьи – поднимали острейшие проблемы в художественных и публицистических произведениях. Однако, ни газеты, ни издательства сей крик души не публиковали. Были и четвертые – они распространяли неизданные статьи и другую литературу в машинописном виде, который стали называть «самиздатом».

С чем же были не согласны инакомыслящие, что отвергали? Социалистический строй, коммунистическую партию? Как бы не так! Убожко пишет, что среднюю школу он закончил убеждённым марксистом-ленинцем и был готов жизнь отдать за дело коммунистической партии. А чтобы лучше служить ей и народу, решил стать дипломатом и направил документы в знаменитый МГИМО – Московский государственный институт международных отношений. Но тут жизнь нанесла первый удар по его убеждениям. В вузе ему сказали, что если бы его родители были обкомовскими работниками или генералами, то он мог бы учиться на дипломата, а раз нет – заберите документы.

Этот удар, однако, не поколебал веры у паренька из небольшого уральского городка Копейска в прежние идеалы. Он поступил в Московский инженерно-физический институт, после окончания которого его направили на закрытый оборонный завод, находившийся на Урале. Оказалось, что не только на дипломатическом поприще, но и здесь можно приносить большую пользу партии и народу. У молодого инженера теперь вообще не было свободного времени: кроме основной работы, он редакци-

ровал стенную газету, был пропагандистом, командиром народной дружины, лектором-международником, заместителем заводской организации Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей.

Жизнь трудового коллектива предстала перед ним во всём своём многообразии. И когда он видел ложь, подхалимаж, бездушие, бездарность начальства и другие подобные явления, то бичевал их и в стенгазете, и в лекциях, и на политзанятиях, не говоря уже о рабочих собраниях. Словом, критики от него исходило больше, чем от кого бы то ни было на заводе – критики хлесткой, невзирающей на лица. Пришлось не привыкшим к ней руководителям принимать меры – они уволили Убожко под надуманным предлогом.

Так с борцами за правду в советское время поступали сплошь и рядом, и они потом не могли устроиться на работу, хотя, согласно записи в трудовой книжке, были уволены не за политику, а за что-нибудь другое. Трудно сказать, по какому «сарафанному радио» это передавалось, но когда уволенный приходил даже в небольшую организацию наниматься, скажем, сторожем или истопником, там уже знали, что его принимать нельзя. И не принимали, хотя дефицит кадров в советское время был огромный. Спустя годы один человек, не поладивший с партийным руководством, рассказывал мне, что, оказавшись в такой ситуации и не имея средств к существованию, он даже хотел повеситься.

Убожко был не из таких. Когда местная власть – горком партии, прокуратура, суд встали на сторону администрации завода, он, как пишет в своей книге, «сумел против местной власти настроить всю высшую советскую власть: министра среднего машиностроения СССР, главк, Верховный суд РСФСР, прокуратуру СССР и РСФСР, ЦК своего профсоюза. Но главное – ЦК КПСС». Это было в начале 1964 года, при Хрущеве, Льва Убожко всё-таки восстановили.

А вот при дорогом Леониде Ильиче он восстановиться не смог. Тогда набравшийся опыта инженер-физик работал уже начальником службы в одном из Московских научно-исследовательских институтов да ещё и учился заочно в Сверд-

ловском юридическом институте. И вдруг, когда Убожко вызвали на очередную экзаменационную сессию, об этом узнал директор. Поскольку работник НИИ поступил учиться без дозволения партийного комитета, руководитель НИИ в ультимативной форме предложил своему сотруднику бросить учёбу. А когда тот отказался, то остался без работы.

Вновь началась борьба за восстановление справедливости, продолжавшая полтора года. Но теперь, при Брежневe, круговая порука в руководящей элите была уже на порядок выше. Перед её могучей защитной броней даже кипучая энергия Убожко оказалась бессильной. Вот тут-то судьба и свела его с сильными, равнодушными людьми, мыслящими так же, как и он. Они не считали нужным скрывать свои взгляды, но поскольку их нельзя было высказать в открытой печати, делали это с помощью «самиздата». Естественно, Убожко тоже оказался в их числе, пока только в роли распространителя чужих произведений. А недремлющее око КГБ тут же заприметило начинающего диссидента, его арестовали и приговорили к трём годам лишения свободы за распространение среди знакомых в машинописном виде и в устных высказываниях злостных измышлений, порочащих советский строй.

Новый зэк Омского лагеря сразу же привлёк к себе внимание заключённых. Они постоянно собирались вокруг него, и он, как прежде на заводе или в НИИ, проводил с ними политбеседы. Говорил, что идеи Маркса и Ленина в СССР извращены и опошлены, в результате чего никакого социализма у нас так и нет, что для исправления ситуации необходимо вернуться к ленинским нормам партийной жизни. А ведь это был 1970 год, до горбачевской перестройки оставалось ещё три пятилетки!

Чтобы унять рьяного пропагандиста, лагерная администрация решила отправить его в психушку. Однако четыре таких попытки не увенчались успехом: заведующая отделением местной психбольницы заявила, что пока она на этом месте, не допустит навесить ярлык психа на здорового человека. Лишь в 1972-м, так и не сломив её сопротивления, лагерные начальники добились своего: направили Убожко в Институт судебно-медицинской экспертизы имени Сербского. А там, ознакомив-

шись с заявлениями заключенного о том, что в СССР нет социализма, и прочитав рукопись его брошюры «Однопартийная система – тормоз развития советского государства», признали его «шизофреником параноидальной формы», то есть человеком, которого преследуют бредовые идеи.

В Ташкентской спецпсихбольнице, куда его отправили из лагеря, новому больному обрадовались: человек с такими знаниями! И поручили «шизофренику» проводить политзанятия с медперсоналом. А когда он этому удивился, то «по секрету» объяснили: у нас, мол, таких мнимых больных очень много – ставить людям подобные диагнозы врачей заставляет КГБ.

Вскоре к Убожко потянулись местные врачи, где-либо заочно обучающиеся или повышающие квалификацию. И «психически больной» готовил для них доклады на политические, философские, экономические темы. Более тридцати докладов написал, за это ему не давали лекарств, которые делают человека действительно ненормальным или даже медленно убивают.

Но вот грянула перестройка, в концлагеря и психушки тоже начал проникать свежий ветер перемен. Сначала, в июне 1987 года, Убожко выпустили из психбольницы, а потом, в марте 1990-го, независимая медицинская комиссия Всесоюзного надзорного общества психиатров, возглавляемая членом корреспондентом Академии наук СССР Н.М. Жариковым, вынесла заключение: «Убожко Лев Григорьевич душевным заболеванием не страдает... в психиатрическом наблюдении и учете не нуждается». Хотя он продолжал придерживаться тех же «бредовых идей», за которые в 1972-м был отправлен в психушку. Эта реабилитация стала одной из первых в стране.

А потом, в октябре 1991-го, Пленум Верховного Суда СССР пересмотрел и старое уголовное дело Убожко. В постановлении суда говорилось, что в тех материалах, которые он распространял в письменном виде, нет заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй. А что до его устных высказываний в кругу друзей и знакомых о советской действительности и действиях правительства, то они являются его личным мнением и их тоже нельзя признать заведомо ложными измышлениями. Поэтому в действиях Льва Григорье-

вича Убожко, за которые его посадили в 1972 году, не было состава преступления. Стало быть, человек сидел ни за что!

А ведь теперь, когда перестройка набирала обороты, именно так, как диссиденты в 60-70 годы, думало и говорило все больше рядовых граждан. И жизненная позиция у многих становилась все активнее и активнее.

Пока шла кадровая перестройка, а журналисты учились работать в условиях гласности, пока освобождались политзаключенные, ситуация в экономике стала ещё хуже. Вины в том нового «хозяина» не было: так сложились объективные условия. К тому времени промысловики собрали в Западной Сибири все нефтяные сливки, добывать нефть с каждым годом становилось труднее и дороже. В 1985 году государство вложило в топливно-энергетический комплекс страны в два раза больше средств, чем вкладывало прежде, однако добыча нефти и её экспорт даже сократились. К тому же на мировом рынке происходило ускоренное падение цен на энергоносители.

Лишившись мощной подпитки, которую давал экспорт нефти и газа, экономика страны, что называется, затрещала по всем швам. Темпы роста национального дохода в 1986-1990 годах оказались самыми низкими за весь послевоенный период. Даже по сравнению с восьмой пятилеткой (1966-1970 гг.), когда ещё не начался «нефтедолларовый бум», они упали в шесть раз!

Все внутренние изъяны советской экономики – её неэффективность, высокая затратность, неспособность конкурировать на внешнем рынке, вопиющая отсталость отраслей, призванных обеспечивать население продуктами питания и промышленными товарами, оказывать людям бытовые и другие услуги, обнажились до предела.

Специалисты подсчитали, что если бы граждане СССР враз пришли в магазины, ателье, туристические бюро и т.д. и захотели потратить все заработанные ими деньги, то продовольствия, других товаров и услуг хватило бы только на то, чтобы удовлетворить половину спроса. В развитых странах мира было

наоборот – предложение товаров и услуг намного превышало финансовые возможности населения (хотя зарплаты там были значительно выше), поэтому высокий спрос поддерживался ещё и за счёт кредитов, которые люди брали в банках.

Особенно остро почувствовало отсутствие «халявных» денег сельское хозяйство. Правительство вынуждено было сократить импорт зерна, что лишило колхозы и совхозы значительной части фуража. В результате бескормицы начался массовый падеж скота и птицы, быстро сошёл на нет тот незначительный прирост производства мяса, который был достигнут не на бумаге, а в реальности в предыдущей пятилетке. С прилавков начали исчезать не только мясные изделия, но и другие необходимые продукты, которые тоже не на что было покупать за рубежом.

Все больше колхозов и совхозов, будучи не в состоянии сводить концы с концами, жили на кредиты государственных банков. К началу 90-х годов их долги, если можно так выразиться, достигли космических высот. Теперь, наверное, не только учёные академических институтов, но и многие экономисты-практики видели, что все сельское хозяйство страны превратилось в огромную «рискованную зону» советской экономики, вкладывать деньги в которую означало неминуемо их потерять.

Подобные трудности с сельскохозяйственной отраслью долгое время испытывали и другие страны социалистического лагеря. Поначалу они тоже пытались решить проблемы своего коллективизированного аграрного сектора с помощью государственных финансовых вливаний. Но в конце концов поняли, что их обобществлённое сельское хозяйство без коренного реформирования развиваться не сможет.

Первыми ещё в 70-е годы это осознали китайцы. Рыночную реформу в Поднебесной, как уже говорилось, начали в 1978 году, а уже на следующий год распустили в деревнях коммуны и вернулись к традиционной семейной форме организации сельского труда, назвав ее «семейным подрядом».

Продовольственная ситуация в стране изменилась буквально на глазах. Если при коммунах, чтобы прокормить огромное население, Китай, как и Советский Союз, вынужден был

ввозить большое количество продовольствия из-за рубежа, то теперь стал даже его вывозить.

Во Вьетнаме в связи с острой нехваткой собственных продуктов питания ввели продуктовые карточки. Чтобы поправить дело, руководство страны обратилось к Советскому Союзу с просьбой предоставить кредит в размере 400 миллионов долларов. Но у нас и свое-то сельское хозяйство уже сидело на голодном пайке, а изыскать такую огромную сумму ещё и для своих друзей правительство и подавно не могло. Тогда вьетнамцы объявили о начале рыночной реформы и первым делом распустили свои колхозы. Произошло чудо: даже не получив никакой финансовой поддержки, отпущенные на свободу крестьяне начали работать так, что уже через год в стране смогли отменить карточную систему.

Но ни китайский, ни вьетнамский опыт так ничему и не научил прежнее советское руководство. Поэтому теперь надо было немедленно поднимать все здоровые силы, чтобы спасти сельское хозяйство от такого краха. И прежде всего – мобилизовать «руководящую и направляющую», в которой к тому времени насчитывалось – страшно подумать – 19 миллионов человек! А вот это для Горбачёва стало большой проблемой. Потому что хотя вместо престарелых и засидевшихся секретарей партийных комитетов и пришли молодые, энергичные руководители, но это были люди из второго эшелона тех же органов, в свое время подобранные и выращенные первыми лицами по своему образу и подобию. Они, как правило, тоже не хотели коренного реформирования сельского хозяйства, их вполне устраивала существующая система, пусть даже чуть-чуть подшопанная.

А что же остальные слои населения? Они готовились к первым свободным выборам высшего органа государственной власти – Съезда народных депутатов СССР. На этот новый орган люди возлагали большие надежды – он мог дать хороший импульс начатой Горбачевым перестройке.

То, что партийная элита даже после замены первых руководителей комитетов плохо поддержала своего Генсека, если не сказать больше, видели все. Но то было внутрипартийное дело.

Съезд же избирал народ, а он теперь имел возможность доверить депутатские мандаты лишь тем, в кого верил.

В январе 1989 года началась предвыборная кампания, всколыхнувшая всю страну. Всюду проходили митинги, собрания, выдвижения кандидатов. Надо отдать должное гражданам: соискателей на один депутатский мандат выдвигалось немного – как правило, 5-7. Состоявшиеся вскоре выборы подтвердили, что при голосовании в два тура это – оптимальный вариант. Но...

Восторгаясь новым законом о выборах, люди не заметили, как оказались в ловушке. Разработчики законопроекта предусмотрели, что прежде чем регистрировать выдвинутых кандидатов в избирательных комиссиях, их следует ещё и «пропустить» через так называемые окружные предвыборные собрания, которые и решат – допускать того или иного выдвигенца к борьбе за мандат или нет. Спихнулись, когда участниками этих собраний оказался самый цвет местных партхозактивов – директора и главные инженеры предприятий, секретари партбюро и парткомов, председатели профсоюзных комитетов, а также часть рядовых работников, особо приближенных к начальству. Стоит ли говорить, кого сей партхозактив допустил к регистрации? В одних округах, как и прежде, были зарегистрированы в гордом одиночестве лишь первые секретари обкомов КПСС, в других – отсекали самых «проходных» демократов и диссидентов, в третьих, немногих, все же прошли люди, хоть и неугодные партаппарату за свои демократические убеждения, но очень известные в стране – типа Сахарова, Ельцина.

Первый съезд народных депутатов СССР, открывшийся в марте 1989 года, ещё больше наэлектризовал атмосферу в стране. Когда велись прямые телепередачи из Кремлевского Дворца Съездов, люди сидели у телевизоров как замороженные. Такой острой и эмоциональной дискуссии о путях дальнейшего развития страны у нас никто никогда не слышал. Многие депутаты, особенно из тех, кого окруженные партхозактивы пытались отсеять, ставили вопрос ребром: или рыночная реформа, или путь в никуда. Вечерами после окончания трансляций, телефонная связь во всех регионах мгновенно становилась пере-

груженной: люди обсуждали выступления своих избранников со знакомыми, коллегами. И тут начинались дискуссии, нередко переходящие в перепалку, а то и вражду между друзьями.

В один момент Съезд наступил на старые грабли, о которых уже не раз говаривали: сформировав из своей среды постоянно действующий высший орган государственной власти – Верховный Совет СССР, он избрал его председателем Михаила Горбачева. Таким образом необъятная власть вновь была сосредоточена в руках одного человека, что в прошлом всегда порождало культ личности. Впрочем, это был, пожалуй, особый случай: совместив высшие посты в партии и государстве, Михаил Сергеевич получил возможность эффективнее преодолевать сопротивление антиперестроичников, которых и теперь, после кадровых замен, оставалось изрядно и в том, и в другом аппарате.

Действительно, возглавляемый Горбачёвым Верховный Совет начал-таки выдавать рыночные законы. Два из них – «О кооперативах» и «О фермерстве» - люди особенно приветствовали. В самом деле, раз государство оказалось не способно обеспечить народ собственными товарами и продовольствием, почему бы не подключить к этому делу миллионные массы рядовых трудящихся? Ведь здоровые, энергичные мужики прохлаждаются на государственных предприятиях и в колхозах, работают спустя рукава. А если их заинтересовать? Да дать им на открытие собственного дела кредит? Правильную линию взял Горбачёв, разрешив всем желающим создавать производственные, строительные, заготовительные, торговые, обслуживающие кооперативы, а на селе – фермерские хозяйства! Правильную!

В том, что инициатива масс сразу же забила ключом, в Москве легко было убедиться, проехав по улицам. На многих домах появились вывески, извещающие, что здесь открылась кооперативная парикмахерская, там – закусочная, а в следующих зданиях – кооперативные мастерские по ремонту всего и вся, агентства по доставке на дом мелких грузов, адвокатские конторы и даже охранные бюро. Но особенно умиляло одно кооперативное заведение, расположенное недалеко от гостиницы «Россия», которое называлось «Рюмочная». Это же надо: если

бы раньше кто-то решил так назвать, скажем, небольшое кафе, этого руководителя взащей выгнали бы с должности. А кооператорам можно все. И то сказать: идет человек по улице и захотелось ему рюмочку пропустить или две. Заходи, дорогой! Пропустил быстренько одну-две, ну три, и пошёл дальше. Красота!

Но это была мелочёвка. А вот при многих предприятиях создавались крупные кооперативы, занимающиеся большим и серьёзным делом. Правда, почему они существовали «при», а не самостоятельно, было не совсем понятно. Один такой кооператив открылся у нас в Благовещенске – при домостроительном комбинате. По долгу службы я решил разобраться, что там и как. Но из этого ничего не получилось. Организаторы неправильно поняли идею и создали не то, что следовало. Однако об этом – чуть позднее, в соответствующем месте.

Что же до идеи фермерства, то в нашей области её поняли правильно. По крайней мере в колхозе Геннадия Кондратюка – того самого, о котором я рассказывал в главе о коллективизации – он не хотел отдавать сверхплановую прибыль. Желающим попробовать новое дело Геннадий Владимирович выделил и землю, и технику, и стройматериалы. Очень скоро недалеко от села Дмитриевка появился первый фермерский хуторок, построенный семьей Сорокалета. А тут как раз к нам в область приехал член Политбюро Виталий Воротников – посмотреть, дошли ли до нас новые веяния. Естественно, его повезли на хутор Сорокалета, и он пришёл в восторг от увиденного и услышанного.

Руководители области взахлёб рассказывали высокому гостю, что этот колхоз во главе с председателем Кондратюком давно уже применяет рыночные рычаги в своей работе, и получается у него очень хорошо. Воротников сделал вывод – значит, новые веяния дошли и сюда. Смотреть фермеров в другие хозяйства не поехал, так как ему сказали, что, хотя таких хозяйств много, работа там только-только начинается.

Это, однако, было не совсем так: работа там и не начиналась. Все остальные фермерские хозяйства числились лишь на бумаге. Местная партийная власть и не собиралась делать то, что хоть как-то повернуло бы областную экономику к рынку. Новый первый секретарь обкома КПСС Леонид Шарин по прибытии в

область прежде всего занялся крупномасштабными меркантильными делами. В благовещенском горжилуправлении сразу же отказались от планового ремонта 10 или 15 квартир пенсионеров, а деньги из скудного жилкомхозовского бюджета направили на переремонт только что отремонтированной квартиры бывшего первого, где Шарину не понравился рисунок облицованной плитки на кухне, цвет обоев в комнатах и непрестижный размер ванны. Полмесяца летали экспедиторы по всей стране, привозили образцы новых обоев и плитки, новый хозяин их браковал, и они отправлялись на поиски вновь. Всё это, естественно, за государственный счёт. А когда проблема была, наконец, утрясена, Шарину продали без всякой очереди автомобиль для сына, который надо было отправить по железной дороге в Москву. Оказалось, что для него нужен металлический ящик наподобие гаража. Руководство станции тут же сняло с каких-то работ целую бригаду со сварочным агрегатом, и ящик был изготовлен. А накануне безногий инвалид войны пытался отправить на железнодорожной платформе мотоколяску, полученную в собесе по закону, но то же самое начальство и пальцем не пошевелило, чтобы ему помочь. Видя всё это, приемосдатчица станции Крылова, член КПСС с 20-летним стажем, в знак протеста против такой несправедливости вышла из партии, о чем стало известно всей области.

Но когда все меркантильные дела, надо полагать, были переделаны, первый секретарь обкома переключился на решение экономических проблем региона. И опять удивил и озадачил граждан. К этому времени в поселке Чагоян началось строительство известкового завода, продукция которого требовалась для нейтрализации кислых амурских почв. Об этой стройке разговоры велись не одну пятилетку, но к моменту приезда в область Шарина все вопросы были, наконец, утрясены. И вдруг из Москвы явился замминистра строительных материалов, который предложил исключить из утверждённого правительством проекта очистные сооружения, взамен пообещав строить завод высокими темпами. Совещание в облисполкоме категорически отвергло эту идею – без очистных сооружений завод загубил бы Зею, а она – Амур, который является пограничной рекой. Но

зам.министра был стреляный воробей: получив отказ в облисполкоме, он направился к первому секретарю обкома КПСС, и тот, не имея на то полномочий, дал согласие на урезание проекта от имени области. Чиновники в министерстве тут же начали кромсать проект.

Через некоторое время то же самое случилось и с проектом строительства гигантского леспромхоза, который Минлесбумпром вознамерился построить на высокотемпературной мерзлоте в пойме Селемджи. Учёные давно предупредили, что древесный покров здесь нельзя убирать, иначе пойдёт цепная реакция, хрупкая мерзлота растает и вся почва со склонов гор окажется в реке. Облисполком и на эту стройку не дал согласие. А представитель министерства побежал к первому секретарю обкома КПСС и согласие получил.

Ещё через некоторое время Леонид Васильевич отчебучил такое, что достало всех жителей областного центра, даже не интересующихся ни политикой, ни экономикой. Дело в том, что окна его кабинета выходили на главную улицу города, носящую имя Ленина, а там транспорт двигался в шесть рядов в обоих направлениях. Никто из прежних руководителей области не обращал внимания на создаваемый ими шум, а вот Леонид Васильевич обратил. И потребовал... нет, не другой, более тихий кабинет, а чтобы весь транспорт убрали из-под его окон.

Руководители ГАИ, должностные лица города отговаривали его, объясняли, что нельзя пустить столько машин в боковые проезды, ничего не помогло. В один злополучный день на улице Ленина возле Дома Советов появились запрещающие знаки, и битком набитые автобусы, как и прочий транспорт, вынуждены были сворачивать в сторону, объезжать правительственное здание с тыльной стороны, а потом снова возвращаться на широкую и удобную главную улицу. Люди чертыхались, кляли первого секретаря обкома на чем свет стоит, а объезд сразу же окрестили «петлей» или «удавкой» Шарина.

Многочисленные жалобы в Москву на самоуправство первого секретаря возвращались назад – для принятия мер на месте. Но кто же здесь мог их принять?

– А вы соберите сессию горсовета и примите коллективное решение, – посоветовал я заместителю председателя горисполкома Юрию Никтовенко. – Вот увидите – подчинится как миленький.

– Ты что! – испуганно воскликнул Юрий Григорьевич. – Завтра же весь исполком будет разогнан.

Но вот 410 водителей написали письмо на центральное телевидение в передачу «Прожектор перестройки». Это была смелая передача, критиковала всех и вся, невзирая на лица. Если бы «петлю» или «удавку» Шарина показали на всю страну, не одобровать бы нашему герою. Но он не позволил письму уйти за пределы области – его изъяли с помощью КГБ.

И надо же так случиться, что корреспондентам ТАСС в это время разрешили писать критические материалы. Много лет на них был запрет, а теперь в отделе пропаганды ЦК КПСС сказали, что хотят с нашей помощью поднять уровень критики в центральной прессе. Вот я и вышел на поле брани. Борьба была долгая и упорная, опускаю подробности, так как они описаны в книге «Схватка над пропастью. Записки губернатора». Напомню лишь, чем дело кончилось.

В 70-летней истории СССР не было случая, чтобы в конфликте первого секретаря обкома партии с журналистом, даже очень известным, победил второй, а не первый. Вот и теперь после моей публикации в «Комсомольской правде» в Благовещенск по мою душу приезжали из Москвы четыре комиссии. И первая же, из ЦК КПСС, сфальсифицировав факты, обвинила меня в клевете на хорошего человека, нового руководителя области, приехавшего проводить у нас перестройку. Меня вызвали в Москву, к генеральному директору ТАСС, чтобы, как были уверены в Амурском обкоме, уволить. Но вышло иначе. И в ЦК теперь были люди, мыслящие по-новому. Прежде всего в отделе пропаганды, подчиненном секретарю ЦК по идеологии Александру Яковлеву. В результате был освобожден второй секретарь Амурского обкома КПСС, не стали двигать в первые секретари Иркутского обкома того инспектора ЦК, который фальсифицировал факты, хотя до этого вопрос о его избрании был решенный, а мне, наоборот, пожелали и дальше так держать. Сам

же Шарин как народный депутат собрался уходить из скандальной Амурской области на работу в союзный Верховный Совет, что через некоторое время и сделал.

Подводя итог его короткой деятельности на благо нашего региона, я бы, несмотря ни на что, сказал Леониду Василевичу спасибо. Ведь он лучше, чем кто-либо, всколыхнул в области протестное движение, настроил людей против областной партийной власти да и партии в целом. Это благодаря ему у нас на Амуре возникло мощное демократическое движение, которое потом не один год играло в региональной политике заметную роль.

В ноябре 1989 года я уехал в Москву на месячную учёбу во Всесоюзный институт повышения квалификации журналистских кадров. Вот это была учёба! Перед нами выступали лучшие лекторы, которые рассказывали, почему в стране необходима частная собственность, многопартийная система, конкуренция в экономике, и много чего ещё. Там мы получили ответы практически на все вопросы, которые ставила перед нами жизнь. Стало ясно, что с социализмом и коммунизмом мы поспешили – надо было пройти те промежуточные этапы, о которых говорили Маркс и Энгельс. Получалось, что, совершив непростительную ошибку в 1917 году в виде пролетарской, то есть коммунистической, революции, мы и дальше просто не могли не совершать следующих ошибок.

В общем, домой я вернулся с сильно продвинутыми мозгами, на мой взгляд, в правильную сторону. Едва вошёл в квартиру – телефонный звонок.

– Наконец-то приехал! – услышал в трубке грубый мужской голос. – Мы тебя полмесяца ждём.

Оказалось, что хотя уже полмесяца идет выдвижение кандидатов в народные депутаты РСФСР, в одном из округов (национально-территориальном, охватывающем всю нашу область) выдвинут всего один кандидат – второй секретарь обкома КПСС Владимир Николаевич Шилов. И больше никого туда не пускают – под разными предлогами и вообще без предлогов. В обкоме хотят, чтобы он один, как год назад Шарин, оказался в бюллетене для голосования. «Если ты туда не пробьешься, то

этого никто не сделает», – сказали мне. Я дал согласие, пробился, победил Шилова и стал народным депутатом РСФСР.

У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ

Народные депутаты России избирались по более демократичному закону, чем народные депутаты СССР – на сей раз не было ловушки в виде окружных партактивов. Поэтому во многих округах победили представители от новых общественных объединений, альтернативных КПСС, а также немало известных журналистов, учёных, представителей культуры, имеющих собственные взгляды на жизнь.

Надежды на союзный Съезд и Верховный Совет СССР с каждым днём таяли, как дым – главный парламент страны всё больше занимался говорильней. Подростерял реформаторский запал и сам Горбачев. Поэтому люди с нетерпением ожидали первого сбора российских депутатов. Помню, когда мы съехались в столицу, возле гостиницы «Россия» каждое утро собирались толпы москвичей. Увидев человека с депутатским значком, люди просили:

- Изберите председателем Верховного Совета Ельцина.
- Смелее начинайте реформу в народном хозяйстве.
- Не допустите голода.

С большим трудом, преодолевая яростное сопротивление депутатов от КПСС, Ельцина мы всё же избрали председателем российского Верховного Совета. Но на первой же организационной сессии ВС, состоявшейся в дни работы съезда, обнаружилось столько новых проблем, что голова пошла кругом. Оказалось, что в отличие от других союзных республик, у России до сих пор не было своей республиканской власти. Формально высшие органы избирались, но это были бутафорские органы, которые и шагу не могли ступить без ЦК КПСС. Аппарат ЦК занимался делами крупнейшей республики ежедневно, давая напрямую указания российскому Совмину, что и как делать. Без этих указаний российская власть не имела права выпустить ни одной бумаги. А когда нужно было решать крупные задачи в

масштабах страны, требующие больших финансовых затрат, то финансировались они исключительно за счёт России. Союзный бюджет на 94 процента состоял из российских денег, остальные 6 процентов вносили Казахстан и Украина. Двенадцать республик вообще ничего не вкладывали в общий котёл, а черпали из него сполна, в первую очередь.

Надо было как-то вырваться из этой западни. К счастью, нашлись люди, знающие, что следует делать в данной ситуации. 12 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял подготовленную ими Декларацию о суверенитете России в составе СССР, призванную разрубить туго затянутый узел. Документ не ущемлял ничьих конституционных прав, не вел к распаду Союза, но четко и ясно сформулировал то, о чем уже говорилось в союзной Конституции – что все российские проблемы отныне будут решать не Политбюро и аппарат ЦК КПСС, а избранные народом законные органы республиканской государственной власти.

Это было так очевидно, что против Декларации проголосовали лишь три народных депутата из 1060! На этом мажорном настрое Съезд также поручил Верховному Совету РСФСР начать на территории республики в качестве первоочередной меры рыночную реформу в экономике.

Теперь в Москве постоянно работали два высших органа государственной власти – Советского Союза и России. Избранные с интервалом всего лишь в один год, они тем не менее разительно отличались друг от друга. Первый, полностью подконтрольный ЦК КПСС, с невероятным упорством, несмотря ни на что, продолжал толкать страну к недостижимым пока рубежам коммунизма. Второй, несмотря на давление аппарата ЦК, предпринимал отчаянные усилия, чтобы повернуть крупнейшую республику СССР на общечеловеческий путь развития без авантюрных замашек и шарашаний.

Придать российскому кораблю нужный курс оказалось очень даже не просто. В Верховном Совете России всё время не прекращалось упорнейшее противоборство. Заседания начинались и заканчивались яростными дебатами.

Особенно много копий было сломано, когда обсуждался вопрос о проведении рыночной реформы в экономике. Он был вынесен на первую же сессию Верховного Совета, начавшуюся сразу после окончания Съезда. Разобраться в проблеме нам очень помогла уже известная записка академических институтов, подготовленная ещё по заданию Андропова. Не будь её, даже сторонники рынка, думаю, утонули бы в сложностях проблемы и принятие решения пришлось бы откладывать на неопределённый срок. Но учёные в свое время всё разложили по полочкам, а нам, депутатам, преподнес эту науку в простой и понятной форме вице-премьер российского правительства Григорий Явлинский. В конце концов программа была принята, начинать реформу решили с 1 ноября 1990 года.

А что остальные республики, что союзная власть? Они просто обязаны были нас поддержать, ведь приступить по-настоящему к реформе в гордом одиночестве при общей для всей страны валюте и общем банке Россия не могла. Увы, ни одна республика не откликнулась на нашу инициативу. Союзная же власть в лице горбачевского Верховного Совета наше решение отменила. Вот теперь всё окончательно встало на свои места. Стало ясно, что, несмотря на свою реформаторскую риторику, руководство КПСС не допустит в стране рынка, и строить иллюзий на сей счёт не стоит.

А ситуация в экономике становилась всё хуже и хуже. Колхозы и совхозы продолжали жить в долг, их банковская задолженность достигла астрономической по тем временам суммы – 69 миллиардов рублей, и возвращать кредиты было нечем, несмотря на самые высокие закупочные цены на сельхозпродукцию за всё время существования СССР.

В июне 1990 года на первом Съезде народных депутатов России этот огромный долг был полностью списан. Сельскому хозяйству дали возможность развиваться дальше с чистого листа. Однако, на втором съезде, состоявшемся через полгода, представитель аграриев обратился к депутатам с просьбой списать ещё 23 миллиарда рублей.

– Какие 23 миллиарда? – раздались в зале удивлённые голоса. – Ведь только что всё списали.

Оказалось, что речь идёт о новых кредитах, взятых у государства за последние полгода. Их тоже нечем было возвращать.

После недолгих споров «простили» и этот долг. Но в результате значительно поубавилось число депутатов, которые всё ещё сомневались, что при таких аппетитах колхозы и совхозы в конце концов разорят страну.

Чтобы не допустить подобного сценария, депутаты-демократы предложили немедленно провести аграрную реформу, вернуться к тем принципам, которые семь с лишним десятилетий назад отвергли большевики, а именно:

- вновь ввести частную собственность на землю и средства сельскохозяйственного производства;

- разрешить сельчанам беспрепятственно выходить со своими паями из колхозов и совхозов, как их деды и прадеды выходили на «отруба» из общин;

- узаконить единоличные крестьянские хозяйства, дав им право производить и свободно продавать свою продукцию на рынке.

Именно на этих трех «китах» была основана столыпинская аграрная реформа, всего лишь за несколько лет выведшая Россию в число ведущих сельскохозяйственных держав мира.

И вновь в Большом Кремлёвском Дворце, где заседали российские депутаты, заклокотали страсти. Аграрно-партийная элита с депутатскими значками бросилась «топить» эти предложения. От всех микрофонов, расставленных в зале, выступали председатели колхозов и директора совхозов, партийные секретари разных рангов, которые в один голос уверяли, что крестьяне не хотят-де владеть землёй.

Особенно страстную речь на эту тему произнес первый секретарь только что созданной в составе КПСС Российской коммунистической партии Иван Полозков. Поднявшись на трибуну, он громко и хорошо поставленным голосом, заявил, что спасение сельского хозяйства России от упадка и разорения вовсе не в частной собственности на землю и свободном выходе крестьян с паями из колхозов и совхозов, а в дальнейшем укреплении коллективных хозяйств. Мол, надо дать этим хозяйствам больше тракторов, комбайнов, удобрений, вот тогда они непре-

менно покажут преимущества обобщественного труда. А что до российского крестьянина, то у него, по мнению оратора, душа исторически прикипела к общинности, соборности, коллективизму.

Услышав про общинность, соборность и коллективизм, товарищи по партии устроили Полозкову настоящую овацию. Но у тех из них, кто лучше знал недавнюю историю страны, наверное, уши вяли от стыда за своего неграмотного руководителя. Ведь Полозков нес несусветную чушь. Он, очевидно, не знал, что СССР и так поставлял своему сельскому хозяйству тракторов, комбайнов и удобрений больше, чем даже самая передовая в аграрном отношении страна мира США – своим фермерам. Что крестьянская община и коллективное хозяйство, будь то колхоз или совхоз, основаны на диаметрально противоположных, взаимоисключающих друг друга принципах. В первом случае мужик трудился своей семьёй и после уплаты налогов был собственником продукции, которую производил. А во втором – он ничего не имел, а за труд получал лишь плату, как наёмный рабочий, или батрак. Поэтому прикипеть одновременно к тому и другому крестьянская душа никак не могла. Явно не знал этот «теоретик» марксизма-ленинизма, как и подавляющее большинство сидящих в зале партийных товарищей, что сам вождь мирового пролетариата – Ленин, которого коммунисты считали непогрешимым, называл русскую общину вредной для крестьян, а в конце жизни даже потребовал от государственного аппарата поднимать не коллективные, а единоличные крестьянские хозяйства.

3 декабря 1990 года съезд проголосовал-таки за предложения депутатов-демократов. В России вновь была провозглашена частная собственность на землю. Правда, её куплю-продажу отложили на десять лет, но и без того решения съезда открывали возможность начать в сельском хозяйстве радикальную, крупномасштабную реформу. Некоторые средства массовой информации назвали день 3 декабря историческим.

Но в тот же исторический день мне довелось услышать фразу, которая вмиг испортила радость от принятых съездом мудрых решений. Произнес её наш амурский народный депутат

Анатолий Белоногов. Когда заседание закончилось, он, поднявшись с места и ни к кому не обращаясь, но так, чтобы слышали все вокруг, сказал:

– У нас в области никто и клочка земли не получит...

И быстро пошёл к выходу.

Это было зловещее предупреждение. Ведь Белоногов являлся не только народным депутатом РСФСР, но и председателем Амурского областного совета народных депутатов, а также председателем Амурского облисполкома. Сказанное им означало, что, несмотря ни на какие решения, принятые в Москве, аграрная реформа на Амуре проводиться не будет.

Так и произошло. До последнего для существования КПСС бастионы партийно-хозяйственной номенклатуры в регионах оставались неприступными, о них разбивались все рыночные законы и постановления, принимаемые Съездами и Верховным Советом России. Лишь после августа 1991 года, когда провалился партийный путч, президент Ельцин нанес по этим бастионам мощный удар. Со своих постов были сняты руководители ряда региональных органов исполнительной власти, на их место назначены новые – из числа сторонников рыночной реформы.

Освободил Ельцин и Белоногова – с поста председателя облисполкома. Это сразу же вызвало большой резонанс в области. В администрацию президента буквально хлынул поток телеграмм. Нет, не в защиту Белоногова – среди его сторонников смельчаков не нашлось. Амурчане просили назначить новым главой областной исполнительной власти... меня.

Аргумент в пользу такого назначения приводился серьезный: любому другому местная номенклатура, оставшаяся после путча на своих государственных и хозяйственных постах, непременно свернет шею, а мне уже пыталась, но шея оказалась крепкая. Кроме того, избиратели ведь внимательно следили за моей работой в Верховном Совете. В отличие от других амурских депутатов, я голосовал за все рыночные законы, которые принимала высшая российская власть, то есть за частную собственность на землю, создание крестьянско-фермерских хозяйств, свободу торговли, предпринимательства и т.д. На каж-

дой встрече с избирателями моя позиция неизменно вызывала одобрение.

Одновременно с телеграммами в администрацию президента начали раздаваться и телефонные звонки в моем гостиничном номере. Звонившие просили ни в коем случае не отказываться от назначения главой исполнительной власти области, но предупреждали: местные коммунисты знают об обращении амурчан в Москву и обещают в случае моего назначения вырезать в деревнях скот.

Нет, после такой угрозы я просто обязан был возглавить областную исполнительную власть. Раз коммунисты решили пойти ва-банк, чтобы не допустить реформы, то и мы должны поступить так же, чтобы реформу провести.

Я дал согласие на назначение, и 8 октября 1991 года президент Ельцин подписал соответствующий указ.

О том, как в 1991-1993 годах в области начиналась рыночная реформа, я подробно рассказал в книге «Схватка над пропастью. Записки губернатора», вышедшей в 2005 году. Поэтому сейчас дам лишь минимум информации, необходимой для раскрытия темы нашего повествования.

Как уже говорилось, в начале 80-х, после принятия Продовольственной программы, в стране резко упало сельскохозяйственное производство. Но у меня язык не повернется назвать эту Программу очередной авантюрой. Нет, в 80-е годы страна действительно могла полностью отказаться от импорта основных продуктов питания и обеспечить население собственным продовольствием. Для этого у неё уже была крепкая производственная база, колхозы и совхозы имели достаточно техники, ремонтных мощностей, животноводческих и прочих помещений, развитый агросервис и научное обеспечение. Продовольственная программа предусматривала ещё больше укрепить и расширить эту базу.

И, если судить по нашей области, то намеченное начали осуществлять. В одиннадцатой пятилетке (1981-1985 гг.) основные фонды амурских колхозов и совхозов увеличились ещё на четверть. Однако вместо роста производства в областном аграрном секторе усилился спад. За пятилетку область выполнила

годовой план продажи зерна государству лишь один раз, мяса – два раза, сои, молока, картофеля – ни разу.

Но особенно большое падение произошло в 1991 году, когда страна в соответствии с брежневской Программой уже должна была купаться в продовольствии. В Амурской области только за один этот год пашня сократилась на 64 тысячи гектаров, что равносильно исчезновению с лица земли 6-8 средних колхозов или совхозов. Местные аграрии в 1991-м недобрали в общей сложности почти столько же сельхозпродукции, сколько за всю предшествующую пятилетку. На прилавки магазинов поступило мяса, животного масла, яиц, картофеля и других овощей на 20-40 процентов меньше, чем в предыдущем, 1990-м году.

Став губернатором, я утрами ходил на работу пешком и каждый раз видел у продовольственного магазина внушительную толпу. Оказалось, что люди приходили сюда с вечера, всю ночь толкались на морозе, жгли для обогрева костры прямо на асфальте. И всё ради того, чтобы утром захватить хоть какого-нибудь товара. Через полтора-два часа работы в магазине уже делать было нечего. И такая картина наблюдалась по всему городу.

Приближение голода чувствовали всё. Правда, в нашей сельскохозяйственной области обстановка пока что была сравнительно терпимой, а вот в некоторых других... В последние месяцы 1991 года на заседаниях правительства, куда приглашали и губернаторов, постоянно обсуждалась продовольственная ситуация в стране. Хотя урожай убрали совсем недавно, хлебные запасы уже подходили к концу. Большие надежды возлагались на импортное зерно, но оно поступало с задержками. Однажды вице-губернатор Санкт-Петербурга сообщил, что в городе на Неве хлеба осталось лишь на семь дней. Питерцы с нетерпением ожидали прибытие парохода с зерном из Германии, но опасались, что его перехватят в Калининграде, так как там оставалось хлеба на пять дней.

Из-за скудных запасов зерна с перебоями, при больших очередях, торговали хлебом в таких крупных городах, как Воронеж, Саратов, Новосибирск, Омск, Орел, Тула, Владимир. А

ведь эти города были административными центрами сельскохозяйственных областей, испокон веков кормивших Русь.

Ещё хуже обстояло дело с другими продуктами питания. Например, в течение ноября вообще не было в продаже мяса, рыбы, растительного масла, муки, кондитерских изделий в Воронеже, Туле, Нижнем Новгороде, Владимире, Улан-Уде, Челябинске. А город Ковров, выпускавший знаменитые мотоциклы, в этом смысле побил все рекорды. В ноябре там отсутствовали в продаже: мясо, молоко, яйца, сахар, животное и растительное масло, мука, кондитерские изделия, табак, водка. Чтобы купить хлеб, нужно было простоять в очереди не меньше часа. Без всяких ограничений продавалась только соль.

От такой информации хотелось выть. Похоже было, что страна подошла к той черте, когда дальнейшее промедление с рыночной реформой стало бы смерти подобно. О постепенном и безболезненном переходе к рынку по китайскому образцу теперь не могло быть и речи. Огромный корабль российской экономики так стремительно приближался к острым подводным скалам, что спасти его от неминуемой гибели можно было лишь резким поворотом руля, пусть даже грозившем судну предельно опасным креном.

Ситуация в конце 1991 года напоминала ту, что была в России в последние месяцы 1917-го. Семь с лишним десятилетий назад именно надвигающийся голод и длинные очереди к пустующим магазинам вызвали в столице социальный взрыв, ставший началом Великой октябрьской социалистической революции. Теперь тоже многие ожидали бунта, кровавой катастрофы, коллапса, крушения державы. Об этом говорили везде и всюду. У меня, например, на первой же пресс-конференции в должности главы областной администрации спросили, что я буду делать, если голодные пацаны начнут бить витрины магазинов. Я, конечно, сказал, что голода мы не допустим, но мне, естественно, никто не поверил.

Вопрос о голоде для всех был решенным. Один из очень серьезных людей, когда я пригласил его на работу в свою администрацию, примерно так объяснил свой отказ: вы пришли во власть в роковой для вас час и стали смертниками, самоубийца-

ми, камикадзе; максимум через три месяца начнется массовый голод, не по вашей вине, но отвечать за чужие грехи перед народом придётся вам, и народ вас сметёт; никто, никакая власть не сможет этот голод остановить.

В общем, выходило, что судьба нашей администрации уже предрешена. Но вспомнился и 1941 год, когда Гитлер напал на Советский Союз и его войска подошли вплотную к Москве. Тогда против фашистов поднялась вся страна, народ сплотился вокруг своего руководства. И сейчас, чтобы не пустить на родную землю другого врага – голод, мы должны были добиться такого же сплочения народа и власти. Но по силам ли нам эта задача, поддержит ли нас народ?

Чтобы начинать в области рыночную реформу, прежде следовало создать крепкую управленческую команду, способную работать в экстремальных условиях, не поддаваясь панике. Такие люди нашлись. Только я не стал бы называть их смертниками, камикадзе – это скорее были Александры Матросовы и Зои Космодемьянские. Они пришли в областную администрацию не за высокими зарплатами и всевозможными льготами – ни того, ни другого тогда просто не было. Этими людьми двигали другие мотивы – они знали, что именно здесь сегодня находится передний край, на котором решается судьба области, страны.

Своим заместителем по сельскому хозяйству я назначил Геннадия Владимировича Кондратюка, о котором уже упоминал в главе о коллективизации. Он выдержал все издевательства партийных сельхозчиновников, не сдался, правда, сердце у него стало прихватывать. Кондратюк буквально загорелся от предложения возглавить рыночную аграрную реформу в масштабах области. Он утверждал, что такую реформу на селе давно ждут, желающих получить землю много, но... не дают.

Другой ключевой фигурой, от которой зависел успех реформы, был председатель областного земельного комитета Анатолий Павлович Бонецкий. Я его тоже знал очень хорошо. Свою карьеру он, молодой специалист сельского хозяйства, начинал с должности председателя одного из самых отстающих колхозов. Вскоре, однако, это хозяйство стало одним из самых передовых,

туда зачастили гости из района, области и привозили гостей из Москвы. Но однажды Анатолий Павлович отказался подписать акт о приемке в эксплуатацию недостроенного животноводческого комплекса и тотчас же попал в немилость к областному партийному начальству. Его, а не разгильдяев-строителей, обвинили в срыве областного плана по вводу сельхозобъектов и даже чуть ли не в развале всего сельского строительного комплекса. Помню, мне в обкоме посоветовали вычеркнуть имя Бонцецкого из всех своих блокнотов и больше никогда о нём не писать.

Но началась перестройка, тех, кто заставлял Анатолия Павловича подписывать акт о приемке недостроенного комплекса, не стало в обкоме, и молодой председатель снова пошёл в гору. Ему сначала доверили руководить крупным совхозом, затем он стал первым секретарем Архаринского райкома КПСС, и вот теперь – председателем земельного комитета области. Бонцецкому и Кондратюку предстояло вынести на своих плечах всю тяжесть реформы на селе.

Наконец, областная администрация была создана и, что называется, готова к бою. Социологический опрос, проведенный учёными АмурКНИИ, показал, что и народ поддерживает реформу – пусть даже болезненную, но, как все понимали, необходимую. Однако... в области была и другая ветвь высшей власти – в лице областного совета народных депутатов. А вот с ней, как и ожидалось, начались проблемы.

Едва мы успели сделать первые шаги, как очень скоро выяснилось, что угроза коммунистов вырезать скот в случае моего назначения главой администрации, была всего лишь детской страшилкой. На самом деле они придумали кое-что похлеще. Перед моим приездом в Благовещенск сессия областного совета приняла закрытое решение, которым целая отрасль экономики – сельское хозяйство – была выведена из-под контроля местной исполнительной власти и напрямую подчинена министерству сельского хозяйства Российской Федерации. А министр Геннадий Кулик, человек ортодоксальных коммунистических взглядов, был таким же противником рыночной реформы на селе, как и председатель нашего областного Совета Анатолий Белоногов.

Мы удивлялись, почему Ельцин вообще доверил ему такой ответственный пост.

О закрытом решении областного Совята я долго ничего не знал, считал, что принятые мною постановления по экономическим и социальным вопросам касаются и аграрного сектора. И вдруг – новость: колхозы и совхозы словно по чьей-то команде увеличили отпускную цену на свою мясную продукцию почти в десять раз. И это в декабре 1991 года, когда цены в стране, как и зарплата, оставались ещё фиксированными. Такой наглости от председателей колхозов и директоров совхозов никто не ожидал. Но ещё больше пришлось удивиться, когда выяснилось, что аграрный сектор экономики вообще не подчиняется местной исполнительной власти, поэтому воздействовать на него административными мерами мы никак не можем.

Торгующие организации отказались от дорогущей мясной продукции, зная, что её не будут покупать. Правоохранительные органы разводили руками. Да, мол, цены в масштабах страны ещё не отпущены, но союзное правительство разрешило товаропроизводителям продавать до 30 процентов своей продукции на рынке по свободным ценам. Однако, они этим правом до сих пор не пользовались, вот в конце года и наверстывают упущенное. Так, что всё идёт путем, дорогие товарищи, и привлекать к ответственности кого бы то ни было не за что.

Стоит ли говорить, как невыносимо было слушать эти издевательские «объяснения» правоохранительных чиновников, видеть их ухмылочки. Ещё тягостнее пришлось осознавать, что вернуть заблудшее дитя – колхозы и совхозы – в отеческое лоно области через суд дело почти безнадежное. Ведь после путча, когда А. Белоногов был отстранен от должности лишь председателя облисполкома, но оставался председателем Совета, облсовет вплоть до моего назначения главой администрации был единственной законной властью в области. Кто же теперь признает его решение о переподчинении аграрного сектора Минсельхозу незаконным?

В книге «Схватка над пропастью...» я уже рассказал, как мы разрулили эту ситуацию. Сейчас добавлю лишь пару штрихов. Может быть, после уже сказанного, кому-то покажется

странным, но вновь подчинить амурское сельское хозяйство областной исполнительной власти мне удалось буквально за пару часов. Да, партизанским, но отнюдь не силовым, а вполне законным путем. Для этого пришлось перерыть всё имеющееся законодательство – как новое, так и старое – и, основываясь на нём, подготовить проект своего постановления о переподчинении аграрного сектора обладминистрации в тайне даже от ближайших замов.

Печатать документ тоже пришлось самому, чтобы информация раньше времени не просочилась в противоположный лагерь. Не мог я воспользоваться услугами юристов по той же причине, обратился к собственному парламентскому опыту. Наконец, 9 января 1992 года этот документ, как гром среди ясного неба, обрушился на головы чиновников, связанных с сельским хозяйством. А уже через несколько часов назначенные мною главы администраций районов начали его выполнять. Кто-кто, а они-то хорошо понимали, что без рыночной реформы сельскому хозяйству – хана! Поэтому посланные на второй-третий день телеграммы Белоногова с призывом не выполнять мое постановление в райадминистрациях были проигнорированы. Точно так же восприняли их в хозяйствах рядовые труженики и специалисты. Видя, что люди в деревнях его не поддерживают, и, очевидно, убедившись в юридической чистоте моего постановления, не стал обращаться в суд и Белоногов. Таким образом мы получили возможность проводить реформу и на селе при поддержке основной массы его жителей.

Увы, это была уже середина января 1992 года, когда до начала весеннего сева оставалось два с половиной-три месяца. Теперь за короткое время нам, то есть власти, предстояло выполнить такой объем обязательных подготовительных работ, что казалось – на всё не хватит рук. Прежде всего предстояло перерегистрировать все колхозы и совхозы в соответствии с новым российским законодательством. Коллективная форма хозяйствования оставалась и в новой России, но, наряду с ней, такие же права гражданства получило и фермерство. Какой путь избрать, каждый крестьянин должен был решать сам, областная администрация строжайше запретила чиновникам всех уровней

вмешиваться в этот процесс – в их задачу входило лишь разъяснить людям, чем одна форма отличается от другой.

Главная нагрузка в эти месяцы легла на плечи сотрудников вновь созданного областного департамента сельского хозяйства и областного земельного комитета. Понимая всю важность и срочность порученной работы, они, что называется, пахали днём и ночью, не зная ни сна, ни отдыха. И перерегистрация хозяйств пошла быстро, безболезненно. Все коллективные хозяйства сохранились, ни одно не было распущено, а тем более разогнано (в чем нас обвиняли тогда депутаты-коммунисты на своих сессиях). Правда, большая их часть стала называться сельскохозяйственными кооперативами, открытыми или закрытыми акционерными обществами – так решили их коллективы на своих собраниях. Но немало было и колхозов. Кроме того, сельчане получили право в случае неудачно выбранной формы хозяйствования в дальнейшем перерегистрироваться в другую форму.

Общее число коллективных хозяйств в области стало даже больше, чем прежде. Но не потому, что душа крестьянина «исторически прикипела к коллективизму», как утверждал на II Съезде народных депутатов тогдашний вожак коммунистов страны И. Полозков. Просто люди не хотели работать в крупных коллективах, а предпочитали небольшие – в одну деревню.

То, что коллективные хозяйства и теперь оставались основой аграрной отрасли, нас не смущало. Ведь и при Столыпине за семь лет реформы на «отруба» из общин ушло только 27 процентов крестьянских семей. Петр Аркадьевич говорил, что там, где община себя не изжила, она должна сохраниться. Не могли и мы сразу отказаться от коллективных хозяйств. Во-первых, потому, что перестройка психологии крестьян, привыкших за десятилетия советской власти работать по команде и ни за что не отвечать, требовала времени. А, во-вторых, поскольку колхозы и совхозы, возглавляемые крепкими руководителями, работали прекрасно, может быть даже на мировом уровне, рушить их было бы преступлением.

Что касается фермеров, то для их появления время было не самое подходящее, ведь создавать хозяйства с нуля им при-

шлось бы в спешке, как говорится, в рекордно короткий срок. Каждый понимал, что если за оставшиеся до начала сева недели он не успеет получить земельный и имущественный паи, зарегистрироваться в качестве юридического лица в органах власти, взять кредит в банке, купить солярку, семена, удобрения, значит не сможет отсеяться и оставит семью без средств к существованию. Можно ли было так рисковать?

Но произошло неожиданное: создать свои хозяйства пожелали свыше двух тысяч семей. Люди настолько заждались, когда же будет выполняться решение съезда народных депутатов о выделении земли в частную собственность, что не хотели больше терять времени. Они поверили в новую власть, и это обязывало нас работать с ещё большей отдачей. Как ни поджимало время, но все фермерские хозяйства были созданы, зарегистрированы, успели получить кредиты, приобрести необходимое, отсеяться в лучший агротехнический срок.

Это был настоящий подвиг не только фермеров, но и наших сельхозчиновников. Через десять лет, в начале «двухтысячных» или «нулевых» (их называют и так, и так) мне потребовалось оформить в собственность небольшой участок земли, прилегающей к нашей деревенской усадьбе. Никаких юридических препятствий для этого не было, в сельской администрации все документы оформили за один день, а вот дальше... Получить на руки желанное свидетельство о собственности удалось только через год и семь дней. Пришлось походить по многим и многим кабинетам областного центра. Очередная чиновница брала мои бумаги, клала их в ячейку за своей спиной, а мне выдавала талончик, в котором указывалось, что прийти за оформленным документом надлежит дней через 30-45. В назначенный день я появлялся перед её окошечком, протягивал талон, который хранил все эти дни как зеницу ока. А бумаги мои как легли в ячейку, так и продолжали лежать там нетронутыми. Только теперь чиновница начинала их читать. Наконец, минут через 5-10 она ставила на бумаге свою подпись и – всё. Больше-то ничего от неё не требовалось. Теперь с точно таким же успехом я начинал ходить по другим кабинетам. Не раз приходило на ум: вот бы этих чиновников вместе с их губернатором перенести в

начало 1992 года, когда стране реально угрожал голод – уж они бы народ накормили. Но это – в порядке лирического отступления...

Одновременно с перерегистрацией коллективных хозяйств и созданием фермерских наших аграрные службы занимались и ещё одной очень важной работой – изыскивали землю для горожан и жителей рабочих поселков, пожелавших заниматься садоводством и огородничеством.

Таких тоже оказалось довольно много. Садово-огородническое движение в стране началось очень давно – в конце 60-х годов, когда после разгрома Хрущевым многострядального «частного сектора» стало ясно, что силами одних колхозов и совхозов страну не прокормить. Города и поселки стали обрастать тогда земледельческими товариществами, как днища океанских лайнеров – морскими ракушками. Но в начале 90-х в связи с угрозой голода возник новый садово-огороднический бум. Земельные участки хотели получить даже те граждане, которые прежде никогда не держали в руках ни лопату, ни грабли. Все их заявки тоже удовлетворили до начала весенних работ, выделив желающим не по шесть соток, как в советское время, а по десять-пятнадцать.

Только после этого можно было вздохнуть с облегчением. По нашим прикидкам, не менее 450 тысяч горожан и 380 тысяч сельчан – то есть свыше 80 процентов населения области – теперь имели землю и могли как минимум обеспечить себя картошкой, капустой, другими овощами, а сельчане ещё и мясом, молоком и яйцами. Значит, даже при самом неблагоприятном развитии событий голод амурчанам больше не грозил.

Между тем, резкий поворот руля в сторону рынка уже в первые месяцы 1992 года вызвал в народном хозяйстве страны настоящий шок. В одночасье взлетели цены, нарушились поставки сырья, материалов, горючего. Ситуацию усугублял развал единого хозяйственного комплекса СССР, а также откровенно враждебное отношение к России некоторых бывших союзных республик.

Всё это больно ударило и по нашей области. В первые же месяцы реформы в промышленном секторе произошёл буквально

обвал. В январе, например, производство продукции на амурских предприятиях по сравнению с тем же периодом предыдущего года сократилось до 78 процентов, в феврале – до 72-х.

Можно было ожидать, что сельское хозяйство, давно уже переживающее кризис, теперь испытает ещё большее потрясение, чем промышленность. Однако, вопреки всем прогнозам, такого не произошло. Правда, в связи с тем, что поставки дизельного топлива сократились на четверть, область недосеяла зерновыми 48 тысяч гектаров. Но это было в полтора раза меньше, чем год назад, когда недопоставок не было, и не шло ни в какое сравнение с тем огромным уроном, который понесла промышленность.

Потрепав деревню в период весеннего сева, буйные ветры кризиса, казалось, вообще оставили её в покое. Следующие крупные сельхозкампании – уход за посевами, заготовку кормов, уборку урожая – сельчане провели ещё более организованно, причем без указаний сверху, присутствия уполномоченных и помощи шефов из города.

Прежде считалось, что с этими полевыми работами колхозы и совхозы сами ну никак не справятся. Поэтому шефство над ними горожан стало делом святым. Появилась такая «традиция» на второй год войны, когда деревне было действительно невмogu. Тогда ЦК партии и Совет Народных Комиссаров СССР обязали местные органы направить на сельхозработы часть городских трудовых коллективов, а также студентов и школьников, начиная с 6-го класса. Помощь пришла к стати, горожане хорошо подсобили хозяйствам на прополке и уборке овощей, заготовке сена, копке картофеля, подработке зерна, поэтому шефов на село стали присылать ежегодно.

Но вот кончилась война, мужики вернулись с фронтов, в колхозах и совхозах многократно вырос парк тракторов, комбайнов, автомобилей, другой сельхозтехники, можно было бы и отказаться от помощи горожан. Но в совхозах и колхозах настолько привыкли к дармовой рабочей силе, что без неё не представляли себе ни одной сельхозкампании. Поэтому шефов из города в деревнях не убавлялось. Правда, школьников теперь

отправляли не с 6-го, а с 8-го класса, всё же остальное оставалось по-старому вплоть до развала СССР.

Даже в 80-е годы, когда, казалось бы, сельскохозяйственная отрасль стала настолько цивилизованной, что по любому параметру – механизации производственных процессов, насыщенности специалистами с высшим образованием, обеспеченности научными разработками – не уступала другим отраслям, каждое лето и осень до 15 миллионов высококвалифицированных рабочих, инженеров, учёных, студентов, школьников во всех регионах страны собирали рюкзаки и, оставив свои станки, лаборатории, парты, и т.д., отправлялись в деревню, чтобы заниматься там самым неквалифицированным ручным трудом. Партийные органы следили за этим очень строго. Руководители, пытавшиеся уклониться от выполнения столь «почетного долга» под предлогом собственной нехватки кадров, несли суровое наказание по партийной линии – их могли не только исключить из партии, но и освободить от должности.

Однако теперь выяснилось, что многие десятилетия городские предприятия, стройки, школы, вузы напрасно приносили себя в жертву. Едва соприкоснувшись с рынком, при котором за всё надо платить свои, кровные, деревня вдруг вспомнила, что когда-то прекрасно заботилась о себе сама. Впервые, начиная с военных лет, из хозяйств в исполнительную власть не поступило ни одной заявки на шефов, а администрации городов и районов не направили в трудовые и учебные коллективы ни одной разрядки.

Государство теперь вообще не вмешивалось в производственные дела деревни. Никто не доводил никаких планов ни до коллективных, ни до фермерских хозяйств, требуя выполнить их к такому-то сроку. Они сами решали, что, где, когда и сколько сеять, исходя из имеющихся возможностей и ориентируясь на лучшие показатели предыдущих лет. При этом люди вкалывали по меньшей мере не хуже прежнего. Не из боязни потерять партбилет, а то и должность – у них был иной стимул. Ведь в деревне знали, что теперь они сами будут распоряжаться полученным доходом, но и при неудаче отвечать рублем за свои

убытки. То есть, что благосостояние зависит исключительно от собственного старания.

Конечно, государство тоже не стояло в стороне, но у него были теперь иные функции. Наши специалисты разрабатывали не планы, а экономические прогнозы на ближайшую перспективу, исходя из которых выстраивалась кредитная, снабженческая и сбытовая политика. Эта политика должна была соответствовать российскому законодательству об аграрной реформе, отвечать интересам свободного рынка. В нашу задачу входило и создание рыночных механизмов жизнеобеспечения отрасли, в которых деревня прежде не нуждалась. Кроме того на первых порах мы были обязаны в спешном порядке, буквально на ходу научить руководителей коллективных и фермерских хозяйств, как действовать в тех или иных ситуациях, которые не возникали при планово-распорядительной системе управления.

Наконец, начался завершающий этап летней страды – подготовка к уборке урожая. Зерновые удались на славу, технику тоже отладили вовремя. Но после первых дней косовицы на южные, самые хлебные районы области обрушились дожди. Они шли, словно по какому-то злому заказу – несильные, но зато почти каждый день. Многие поля оказались переувлажнёнными настолько, что убирать там зерновые даже новейшими гусеничными комбайнами было невозможно. Пришлось несколько сотен тысяч гекторов списать – со всеми сложными процедурами, установленными ещё в советское время. После укрощения «Чёрного дракона» такие форс-мажорные обстоятельства у амурских хлеборобов возникали редко, но нам как раз «повезло» как утопленникам. Правда, российское правительство в таких случаях после скрупулезного изучения экспертами представленных документов, возмещало пострадавшим хозяйствам убытки, однако тут был важен ещё и моральный ущерб, да к тому же списание посевных площадей отрицательно сказывалось на общих экономических показателях области.

Но, несмотря на форс-мажор, результат полевых работ превзошёл все ожидания. Урожайность зерновых составила 12 центнеров с гектара – как в спольпинские времена и лучшие советские годы. А валовый сбор зерна достиг 710 тысяч тонн.

Любопытно, что в течение двух последних пятилеток, с 1981 по 1990 год, когда страна выполняла брежневскую Продовольственную программу, колхозы и совхозы области собирали в среднем за год по 610 тысяч тонн хлеба.

Особенно отличились фермеры. По подсчётам наших специалистов, в фермерских хозяйствах области в 1992 году было занято 8,1 процента сельчан от числа работающих в основном производстве отрасли. А продукции они дали: зерна – 12 процентов, сои – 13 процентов, картофеля – 20 процентов. Картофель и овощи вообще уродились отменные – и у фермеров, и в коллективных хозяйствах. В прежние урожайные годы тоже нередко так бывало, и тогда значительная часть этой продукции не доходила до потребителя, а оставалась на поле. Учитывая сей печальный опыт, областная администрация заранее взяла сбыт овощей и картофеля под строгий контроль. В результате к концу октября наша область уже засыпала на зимнее хранение достаточно овощей и картофеля для собственных нужд, полностью удовлетворила заявки военных и справилась со всеми обязательными поставками северянам. Кроме того, в овощехранилищах и буртах оставалось ещё немало моркови, свеклы, капусты, картофеля, для которых пока не было потребителей.

5 октября зам.председателя российского правительства Валерий Махарадзе собрал на селекторное совещание руководителей регионов по поводу так называемого «северного завоза». Он доставлял всем немало хлопот, так как везти огромное количество продовольствия, топлива, строительных материалов и т.п. в отдалённые от железной дороги районы приходилось только летом – до закрытия речной навигации. Ещё сложнее было завозить овощи и картофель, потому что на это отводились считанные осенние недели. Поэтому и в советское время, и сейчас «северный завоз» жестко контролировался правительством.

Признаться, мы думали, что селекторное совещание – пустая формальность. Однако Валерий Махарадзе был явно не в духе. Отметив, что задание правительства по «северному завозу» овощей и картофеля полностью выполнила только Амурская область, он с присущим ему кавказским темпераментом обрушился на остальные регионы. Досталось курганскому, томско-

му, иркутскому, читинскому и некоторым другим губернаторам, чьи области выполнили свои задания на 40-60 процентов.

Пришлось выручать коллег. Мы заявили, что Амурская область готова перекрыть все недопоставки, если правительство и «пострадавшие» губернаторы окажут нам помощь.

– Какую? – мгновенно отреагировал Махарадзе.

– Пусть сегодня же сообщат по телефону, кому какой продукции и сколько нужно, а через три дня, не позднее, ждем их представителей для заключения контрактов. Правительство также оперативно должно дать указание министрам железных дорог, водного и речного транспортов обеспечить перевозки.

– И всё? – удивился Валерий Антонович.

– Всё!

Гневные нотки тотчас исчезли в голосе вице-премьера. Наверное, с облегчением вздохнули и губернаторы. Никто ведь не ожидал, что назревающий было конфликт разрешится так быстро и бескровно. Махарадзе уже спокойно пообещал сделать все распоряжения транспортникам немедленно, а участникам совещания посоветовал учиться работать у амурчан.

Через три дня в зале заседания областной администрации состоялось необычное мероприятие. Оно скорее было похоже на торговую ярмарку или, может быть, на какую-нибудь биржу, чем на чиновничье совещание. Главными действующими лицами на нём были представители хозяйств области и снабженцы с «северов». Речей почти не произносили, быстро разбились на группы, и начался торг, вернее – заключение контрактов. А через несколько часов все уже были в районах и руководили отгрузкой северянам даров амурской земли.

К сожалению, госзакупки касалась в основном лишь сельскохозяйственных предприятий, предлагающих продукцию крупными партиями, и не распространялись на фермеров и личные подворья сельчан. Сельская потребительская кооперация, фактически тоже являвшаяся госструктурой, к условиям рынка оказалась не приспособленной, но реформировать её запрещал закон. Поэтому деревенские семьи и фермеры сразу же столкнулись с проблемой сбыта своей продукции. На встречах с президентом губернаторы не раз высказывались, что пора наводить

порядок в потребкооперации, но Ельцин каждый раз просил подождать. Теперь же, когда почти все депутаты-демократы перешли из Верховного Совета в исполнительную власть и парламент стал полностью коммунистическим, у Бориса Николаевича не было рычагов, чтобы воздействовать на него.

Не могли решить, что делать со сбытом крестьянской и фермерской продукции и мы в областной администрации. Но вот где-то в начале осени ко мне пришёл председатель областной ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств – АККОР – Александр Нестеренко с предложением, как эту проблему разрулить. Его соратники по ассоциации считали, что следует создать в Благовещенске на территории бывшей Выставки достижений народного хозяйства Крестьянский торговый центр под эгидой АККОРа. Через него крестьянские и фермерские хозяйства могли бы сбывать свою продукцию горожанам напрямую, минуя заготовительные конторы, а это и упростило бы сбыт и позволило ощути-мо для населения снизить розничные цены.

А ведь действительно! На ВДНХ пустовало восемь огромных павильонов, так как достижений, которые там можно было демонстрировать, у народного хозяйства области давно уже не было. Содержание комплекса приносило областной казне одни убытки, а торговый центр мог бы все издержки легко окупить. Но дело не только в этом. В области уже работало 2780 фермерских хозяйств и ещё поступило свыше шестисот заявлений на регистрацию новых. А ведь это первый шаг! В ближайшие годы фермерство вообще могло стать основой областного агропромышленного комплекса. Может быть, с таких вот торговых центров под эгидой АККОРа и следовало начинать создание сбытовой сети для фермерских и личных хозяйств сельчан?

Мы с Александром Васильевичем договорились начать создание Крестьянского торгового центра на территории ВДНХ немедленно. Я подписал соответствующее постановление, и в павильонах бывшей выставки начались строительные работы. Оставшиеся от прежних хозяев стеллажи убрали, поставили прилавки – отдельно для овощей, картофеля, мяса, рыбы, мо-

лочной продукции. Во дворе подготовили площадки для продажи кормов и живности.

Комплекс получился внушительный. На одну из суббот уже наметили его открытие, как вдруг областной совет народных депутатов без всякого обоснования признал мое постановление о создании Крестьянского торгового центра незаконным и отменил его. «Незаконность» же, по мнению депутатов, заключалась в том, что я «вмешался» в деятельность АККОРа.

Парадоксальнее ситуации трудно было придумать. Павильоны уже переоборудованы, крестьяне со своей продукцией приглашены, горожане оповещены о дне открытия Центра торговли. Как теперь следовало поступить – всем дать отбой? Этого сейчас как раз только и не хватало. Мы решили документ Совета проигнорировать, а если депутаты будут настаивать на своем, то устроить им «порку» через печать и телевидение.

В назначенный день, с раннего утра, прилегающие к ВДНХ улицы стали заполнять машины. Это были грузовики с зерном, соей, овощами, другой продукцией, которую везли сюда из многих районов области. В легковушках и автобусах подъезжали сами фермеры, их жёны, дети да и просто сельчане, которые тоже решили поторговать.

Купить можно было всё, что даёт земля: картофель, овощи, соленья, варенья, молоко, сметану, творог, папоротник, маринованные грибы, шиповник, лечебные травы. Поражало обилие мяса. Даже не верилось, что ещё недавно его продавали по талонам – по килограмму в руки на месяц. На открытых площадках продавали зерно, сою, размол, а также поросят, кур, уток, кроликов.

Продавцов приехало изрядно, но и покупателей пришло немало. Многие горожане высказывали восхищение типа: это ж надо, сколько всего привезли из окрестных деревень и цена ниже, чем в магазинах. Люди моего поколения вспоминали послевоенные базары, сравнивали.

Я тоже ходил между прилавками, разговаривал с сельчанами и горожанами, слушал их одобрительные высказывания по поводу открытия такого замечательного, крупнейшего в области и самого дешёвого торгового заведения.

Пришли сюда и депутаты областного совета во главе со своим неизменным председателем Анатолием Белоноговым. Не знаю уж, какие чувства их обуревали – не получилось расспросить. Подойдя к Белоногову, я протянул ему руку, чтобы поздороваться. Он несколько секунд стоял в нерешительности, затем спрятал свою руку за спину и молча пошёл прочь. За ним также молча двинулась вся компания.

Это, на первый взгляд, было неожиданно и удивительно. Ведь в областной Совет входило немало людей, избранных от сельскохозяйственных районов, им следовало бы защищать интересы сельчан. Однако удивляться такому поведению «сельских» депутатов не приходилось: избранный ещё при КПСС Совет состоял главным образом из секретарей райкомов и колхозно-совхозных парткомов, а также руководителей хозяйств, особо преданных партийному аппарату.

В советское время эта публика пользовалась немалыми благами и привилегиями. При всеобщем товарном дефиците в каждом сельском районе существовали две системы распределения – одна официальная, для всех, а другая, если можно так выразиться, подпольная. Рядовые механизаторы, доярки, животноводы, желающие приобрести, скажем, ковер, холодильник, стиральную машину или автомобиль, вставали на учёт в райпотребсоюзе и ждали своей очереди, но она годами не двигалась. А вот в параллельной сети – через базы, склады, подсобки районная партноменклатура приобретала даже самый дефицитный товар без всякой очереди и ограничений.

Теперь эта система рухнула, но вчерашние номенклатурщики, очевидно, считали, что поезд ещё не ушёл. Вернуть старое можно было лишь одним способом: отменить реформу. Ну, а поскольку сделать это в масштабах отдельно взятой области местная номенклатура не могла, то оставалось одно – нанести реформаторам максимальный вред.

Нет, отдать на съедение господам-товарищам новый Крестьянский торговый центр мы не имели права. Но и отстоять интересы фермеров, сельских подворий, городских покупателей оказалось не так-то просто. Депутаты во главе со своим спикером из кожи вон лезли, чтобы отобрать у АККОРа комплекс

бывшей ВДНХ. В конце концов администрация всё же взяла верх.

Популярность Торгового центра среди сельчан начала быстро расти. В «базарные» дни сюда всё больше съезжалось машин сначала из ближних к Благовещенску районов, а потом и более отдалённых. Это радовало: значит, фермерство и личные крестьянские подворья становились реальной силой. Но один такой Торговый центр на область не мог решить всех проблем. Поэтому нечто подобное надо было создавать во всех городах, изыскивать средства на строительство, привлекать инвесторов.

Организация сбыта сельхозпродукции мелких товаропроизводителей теперь для нас выходила на первый план. Ведь по числу фермерских хозяйств наша область уже в 1992 году оказалась среди лидеров в стране, уступая немногим регионам, где и пашни было значительно больше, и сельское население гуще. А когда подвели первые предварительные итоги года, выяснилось, что у фермеров зарплата в полтора-два раза выше, чем в коллективных хозяйствах. Это, естественно, всколыхнуло тех, кто пока присматривался к фермерскому движению.

В Октябрьском районе, к примеру, в небольшой небогатой деревушке Фроловке весной 1992-го в фермеры ушли пять или шесть семей, объединившись в ассоциацию. Землю им на паи дали не самую лучшую, а технику – и вовсе старую, изношенную. Соседи прямо говорили: гиблое дело вы, братцы, затеяли, ничего из этого не получится. Но через некоторое время все машины в ассоциации выглядели и работали так, словно только что сошли из конвейера. А в результате не самые лучшие земли дали самый высокий урожай.

Ни это ещё не всё. В начале весны жёны вновь испеченных фермеров вывели в домашних условиях большое количество гусят, а сами мужики соорудили за околицей села из досок летнюю гусеферму с большим выгульным двором. Когда сошёл снег, окрестности Фроловки огласились разноголосым гоготанием. И опять не все одобрили затею: мол, гусятных ферм в амурских колхозах и совхозах никогда не было, неспроста.

Но гуси выросли и стали для хозяев настоящей палочкой-выручалочкой. На городском рынке их влёт расхватывали поку-

патели даже по очень высокой цене. Поэтому в фермерской ассоциации не знали проблем с зарплатой, и она втрое превышала среднерайонную.

Теперь в Фроловке никто не считал фермерство «гиблой затеей». Мне сказали, что большинство сельчан решило после окончания сельскохозяйственного года тоже создавать свои хозяйства. А в Михайловском районе такое же решение приняли работницы крупного свиноводческого комплекса бывшего совхоза «Чесноковский». Приехав туда вместе с главой районной администрации Виталием Могильником, мы как раз попали на собрание, где обсуждался этот вопрос. Свинарки готовы были взять в собственность и помещение, и животных, и создать на базе комплекса фермерскую ассоциацию, дело оставалось за малым – определить, что делать с имеющимися убытками.

Словом, предстоящей зимой, после подведения итогов сельскохозяйственного года, в области ожидался новый виток «фермеризации» деревни.

Ближе к концу 1992 года стало окончательно ясно, что кризис не сможет разнести на куски российскую экономику. Уже через 9 месяцев после начала реформы спад производства во многих отраслях промышленности прекратился и начался восстановительный рост. В октябре было выпущено больше, чем в сентябре, проката черных металлов на 5 процентов, стальных труб – на 7, грузовых автомобилей – на 8,7 процента, тракторов – на 20 процентов, вагонов – на 12 процентов. И это не по указке сверху, а в соответствии с потребностями рынка. В ноябре возросло производство металлорежущих станков на 28 процентов, пылесосов, стиральных машин, тканей всех видов – на 16 процентов, круп, растительного масла, пищевых концентратов – на 20-30 процентов. Сельские труженики страны вырастили ли зерна на 12 процентов больше, чем в предыдущем году.

Этот позитивный сдвиг в российской экономике произошёл на полгода раньше, чем прогнозировалось. Обрадовали и общегодовые итоги: спад промышленного производства в

стране удалось удержать на уровне 18 процентов – как в Германской Демократической Республике, самой передовой в социалистическом лагере. Но в экономику ГДР, объединившейся с ФРГ, теперь инвестировала огромные средства Западная Германия, а в российскую никто со стороны ничего не вкладывал.

У Амурской области результаты оказались даже несколько лучше общероссийских. Обвал промышленности у нас прекратился ещё в марте 1992 года, а по итогам года спад промышленного производства составил 15,7 процента. У сельчан этот показатель оказался даже лучше, чем в промышленности: за год они недополучили 7,3 процента валовой продукции за счёт списанных полей. В предыдущем же году недобор продукции составил 10 процентов, то есть в полтора раза больше.

Полностью оправилась от шока и розничная торговля. О пустых прилавках в магазинах население стало забывать. При этом кормили амурчан хлебом, мясом, маслом, яйцами, молоком, овощами, картофелем наши, местные товаропроизводители, а не иностранные. Для всех нас было бы дико слышать, если бы хоть один из этих продуктов завезли из Европы или Южной Америки.

Но особых похвал заслуживала внешняя торговля: по сравнению с предыдущим годом её товарооборот не только не уменьшился, как в целом по стране, но возрос... на 380 процентов! Это было невероятно высокие достижения. Благовещенский и Полярковский порты не знали ни минуты передышки: через них в Китай и обратно днём и ночью шли десятки, сотни машин с грузами.

Никто из местных экономистов, финансистов, организаторов производства больше не сомневался, что кризис мы практически одолели, что ещё немного, и восстановительный подъём экономики после январско-февральского обвала перейдёт в нормальный рост производства. Для такого роста в 1992 году была подготовлена достаточно солидная база.

Теперь, по прошествии года, мы могли кое-что предъявить населению области. У нас, к примеру, были готовы проекты строительства новых и реконструкции имеющихся предприятий аж на 12 миллиардов долларов. Один из проектов уже

начали осуществлять. Когда стало ясно, что торговля с Китаем имеет очень хорошие перспективы, было решено создать третий таможенный переход через Амур – на севере области, возле поселка Джалинда. Сюда в свое время, как к Благовещенску и Полярково, тоже проложили железнодорожную ветку, а всё остальное – речной порт, таможенную, инфраструктуру – предстояло построить нам. Я дал ассоциации «Амурский деловой союз» гарантию администрации для получения в банке 200 миллионов рублей кредита, и работа началась.

А вот финансировать остальные проекты оказалось сложнее. Поскольку в государственной казне гулял ветер, а крупного частного капитала тогда ещё не было (по крайней мере, легально), пришлось вести переговоры о кредитах с иностранцами. И сразу – удача: американцы были готовы дать нам 112 миллионов долларов кредита на строительство Огоджинского каменно-угольного разреза, а страны Азиатско-Тихоокеанского региона – покупать у нас коксующийся уголь. Этот проект поддержал президент Ельцин, осталось лишь решить вопрос о залоге.

А со строительством ювелирной фабрики дело продвинулось ещё быстрее. Этот проект разрабатывался в советское время, но тогда всё застопорилось из-за отсутствия финансирования. Сейчас же, когда изменилось законодательство, наши золотари предложили создать совместное предприятие, пригласив к сотрудничеству итальянцев. Предложение было заманчивым – с пуском фабрики доходы от добываемого в Приамурье золота возросло бы сразу в четыре раза, правда, пришлось бы отдать партнерам 32 процента акций, но, как говорится, овчинка всё равно стоила выделки. Во-первых, у итальянцев, находившихся в этой отрасли впереди планеты всей, был «схвачен» мировой рынок ювелирных изделий, а во-вторых, со временем мы ведь могли выкупить эти акции обратно. В общем, к концу года проект прошёл экспертизу, были решены все вопросы и в правительстве, и с итальянцами, и я подписал постановление о регистрации совместного предприятия.

Многое намечалось сделать в ближайшее время и в сельском хозяйстве. Большие надежды мы связывали с федеральной программой «Фермер», в которую в числе десяти областей стра-

ны, наиболее успешно начавших рыночную реформу, была включена и наша Амурская. Профинансировать эту программу, учитывая исключительно тяжёлое экономическое положение России, взялись немцы. Объединённая Германия обещала выделить в 1993 году нашей стране миллиард марок безвозмездно, а кроме того, она пригласила к себе для обучения рыночной экономике группу организаторов производства – тоже за свой счёт. От нашей области учиться туда на три месяца поехал первый заместитель Кондратюка по департаменту сельского хозяйства Олег Остроухов.

Мы ожидали, что в 1993 году из обещанного Германией миллиарда марок наша область получит их порядка 100 миллионов, а это – большие деньги. На них можно было бы не только сходу поставить на ноги немало новых фермерских хозяйств, но и решить такие областные проблемы, как, например, хранение и сбыт сельхозпродукции, производимой личными и фермерскими хозяйствами.

Очень надеялись мы начать в 1993 году строительство крупного соеперерабатывающего завода. О необходимости создать в области такое производство разговоры велись в течение нескольких последних пятилеток, однако дело не сдвинулось с места из-за отсутствия финансирования. Нам же удалось быстро найти инвестора – в Соединённых Штатах. Американцы оказались очень дотошными людьми – сначала приехали посмотреть, с кем придётся иметь дело и вообще стоит ли ввязываться в этот проект. А когда увидели наши поля, «глотнули» нашего щедрого солнца, поняли – стоит. На их взгляд, по природно-климатическим условиям Приамурье мало чем отличается от некоторых американских штатов, а раз так, то и урожаи здесь можно получать «американские». Понравились и люди, особенно Кондратюк с его взрывной энергией. Поэтому заокеанские бизнесмены были готовы не только дать нам кредит на выгодных условиях и оборудование для завода, но и помочь освоить более совершенную агротехнику возделывания сои, чтобы повысить её урожайность. И уже к концу года сами разработали для нас технико-экономическое обоснование новой стройки в двух томах.

Наш проект одобрили в правительстве Гайдара, при этом было решено не ограничиваться поддержкой одной области, а разработать общегосударственную программу «Соя». Мы направили в помощь московским специалистам своих лучших организаторов сельхозпроизводства, учёных из Всероссийского научно-исследовательского института сои, агрономов-практиков, и вскоре программа была разработана, утверждена правительством. Амурской области выделялось средств значительно больше, чем всем остальным. Предусматривалось и частичное софинансирование строительства соеперерабатывающего завода, причём первые 400 миллионов рублей мы должны были освоить уже в 1993 году.

Накануне новогодних праздников комитет экономики обл администрации сделал расчёты и попытался заглянуть в 1993 год – что, мол, ожидает там нашу область. Прогноз амурских экономистов опроверг мрачные предсказания экономических светил страны, что спад в народном хозяйстве России будет продолжаться до середины 1993 года и только потом начнётся стабилизация. У нас в области промышленный спад прекратился давно, а в 1993-м ожидался рост производства в пределах 5 процентов. В торговле и того больше – 8 процентов. В сельском хозяйстве мы решили поосторожничать – удержать уровень 1992 года, но нас поправило правительство: мол, у области есть все возможности этот уровень превзойти. А вот во внешней торговле, с учетом пуска ещё одного таможенного перехода в Джалинде, мы сами заложили увеличение товарооборота на 30 процентов! В правительстве ахнули – ведь в масштабах страны ожидался спад.

Словом, новый 1993 год люди встречали с совсем иным настроением, чем предыдущий 1992-й. Теперь никто больше не называл сотрудников нашей администрации смертниками, самоубийцами и камикадзе. Оказалось, что, несмотря на все трудности, у рядовых граждан достаточно денег, чтобы провести новогодние праздники в многочисленных кафе и других подобных заведениях, открывшихся в областном центре и других городах всего за один год. В семейных компаниях, у домашних ёлок тоже было необычайно шумно и весело.

А ведь рынок по нашей державе делал только-только первые шаги!

К сожалению, в самом конце года произошли два события, поставившие будущие реформы в России под большой вопрос. Сначала мощнейший удар по правительству реформаторов нанес Съезд народных депутатов. Дело в том, что глава Кабинета министров, согласно Конституции, утверждался Съездом, а Гайдар, под чьим руководством почти год в стране успешно проводились экономические преобразования, официально считался лишь исполняющим обязанности премьера. Ельцин, естественно, и предложил его кандидатуру на утверждение депутатам. Увы, чтобы стать главой правительства без всяких оговорок, Гайдару не хватило 16 голосов. Пришлось зачинателю и вдохновителю реформы покинуть свой пост.

А буквально через несколько дней после Съезда беда обрушилась и на голову Ельцина – у него случился обширный инфаркт миокарда. Произошло это в Пекине, куда президент отправился с официальным визитом, даже не остыв от съездовых баталий. Ещё дома у него начались серьёзные проблемы с сердцем, поэтому вместе с ним вылетела большая группа врачей с медицинским оборудованием.

Я тоже входил в число сопровождавших президента лиц. Первый день визита прошёл вроде бы нормально – мы провели официальные переговоры с высшим китайским руководством, а потом вместе сфотографировались. На следующий день нужно было ехать на юг, знакомиться со свободными экономическими зонами, но с Ельциным возились врачи. Прошёл час, второй, третий, наконец – вердикт врачебного консилиума: у президента обширный инфаркт, отнялись рука и нога, поэтому о продолжении визита не может быть и речи.

Чтобы не осложнять политическую ситуацию, было принято, наверное, единственно правильное решение: делегации ехать с визитом дальше как ни в чем не бывало, а Ельцина экстренно отправить в Москву под предлогом якобы каких-то

непредвиденных обстоятельств. Машина подвезла его прямо к трапу президентского самолета, там рослые охранники сняли Бориса Николаевича с носилок и поставили на ноги, несколько человек окружили его и, взяв за пояс, в вертикальном положении внесли в самолет. Рассказывали, что со стороны казалось, будто Ельцин поднимается по трапу сам в окружении свиты. Похоже, что никто не заподозрил неладное. Во всяком случае в ходе дальнейшего визита, нам вопросов по этому поводу хозяева не задавали.

Из Поднебесной в Москву наша «обезглавленная» делегация возвращалась с подавленным настроением. Нет, сам визит прошёл на высоком уровне, мы с китайским руководством нашли полное взаимопонимание. Они безоговорочно поддержали нашу реформу и были готовы к дальнейшему расширению экономического сотрудничества. А вот то, что ожидало нас дома, вызывало тревогу. Прежде всего волновал вопрос: сможет ли назначенный Съездом на пост главы правительства Виктор Черномырдин вытянуть свалившийся на него груз? Больше шансов было за то, что вряд ли. Во всяком случае реформа от такой замены только проиграла, ведь другого человека масштаба Гайдара в стране просто не было.

А вот о том, что случилось с Ельциным, не хотелось и думать. Я очень хорошо знал, что такое инфаркт миокарда – в 1992-м у меня их случилось даже два. Правда, не обширных, а лишь очаговых, к тому же их вроде бы хорошо вылечили, но всё равно я теперь чувствовал последствие инфарктов – даже обычный перелёт из Благовещенска в Москву давался с большим трудом. А у Ельцина, похоже, была полностью поражена задняя стенка миокарда, при этом у него отнялись рука и нога. Не вызывало сомнений, что лечение будет долгим и что даже при самом благоприятном исходе от президента трудно будет ожидать прежней работоспособности, так необходимой главе государства сейчас.

Возвращаясь домой, мы ещё не знали, что очень скоро подтвердятся самые худшие наши опасения, что отставка Гайдара и неожиданная болезнь Ельцина будут иметь трагические последствия, что в стране уже начинается новая революция, ко-

тору через несколько лет некоторые политологи очень точно назовут криминально-номенклатурной. Никому и в голову не могло прийти, что потерпевшая крах и отвергнутая народом партноменклатура в самое ближайшее время снова придёт к власти да ещё и в обнимку с «паханами» криминального мира.

Не могли мы знать и того, что в результате этой криминально-номенклатурной революции российская экономика, вопреки прогнозам, ещё долгие годы будет падать, что огромные массы населения обнищают, но появятся люди с миллионными и миллиардными состояниями, разбогатевшие за счёт ограбления общества, что от той демократии, которая пришла в страну в 1990-1992 годах, ничего не останется, что законы о выборах вновь откроют дорогу во власть лишь одной партии, а на свободу слова, гласность будет снова накинута удавка.

Увы, всё это предстояло пережить нашей стране. Но о том – разговор особый. А пока, подлетая к Москве, мы могли утешить себя лишь тем, что мировые СМИ ничего не сообщали об инфаркте Ельцина. Значит, его окружению удалось эту трагедию скрыть. И то хорошо. Пусть наши люди спокойно празднуют новый год, они это заслужили.

Оглавление

От автора	3
Часть 1. От славянских племён до Столыпина	7
Большое переселение	7
На новом месте	19
Братская междоусобица	32
Нашествие	46
Рождение северного исполина	61
«Смутное время»	73
Возвращение блудной дочери	91
Та земля зело добра	114
Когда и как пришло на Русь крепостное право	160
Исполин расправляет плечи	175
Были ли в России крестьянские восстания?	219
Анализ доктора Пайпса	253
Русский флаг над Амуром	280
В краю вольного хлебопашества	295
Столыпинский прорыв	319
Часть 2. Через великие потрясения	353
Явление зловещего призрака	353
Второе пришествие	401
Как мы догоняли Америку	452
Укрощение «Чёрного дракона»	488
Несостоявшийся коммунизм	518
У роковой черты	549

Публицистическое исследование
в двух томах

Том I

Кривченко Альберт Аркадьевич

ВЫБИРАЮ ДЕРЕВНЮ НА ЖИТЕЛЬСТВО

О прошлом и сегодняшнем дне села российского

Подписано в печать 05.09.16. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 34.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ИП Сажинова А.А.
Амурская область, г. Благовещенск, ул. Калинина, 127, кв. 45